

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНИ, Сербия
- Т. И. Вендина*, доктор филологических наук, профессор
- А. Влашич-Анич*, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия
- Д. Дизиффер*, профессор, Университет Удине, Италия
- Л. Димич*, член-корреспондент САНИ, профессор, Белградский
университет
- П. Женьюх*, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия
- А. Зуппан*, академик Австрийской академии наук, Австрия
- К. В. Никифоров*, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (главный редактор)
- М. Номати*, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония
- В. Радева*, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария
- М. А. Робинсон*, доктор исторических наук
- А. Розман*, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения
- Н. Н. Старикова*, доктор филологических наук
- Е. С. Узенёва*, кандидат филологических наук, доцент
- А. Л. Шемякин*, доктор исторических наук

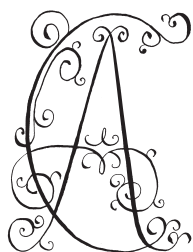
РЕДАКЦИЯ:

- М. Ю. Дронов*, кандидат исторических наук (отв. секретарь)
- К. А. Кочегаров*, кандидат исторических наук
- М. М. Макарецев*, кандидат филологических наук
- О. В. Трефилова*

Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНСКИЙ
АЛЬМАНАХ

3-4 · 2017

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2017

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2017. – Вып. 3–4 /
отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2017. – 576 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск (№ 3–4) «Славянского альманаха» за 2017 г. отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, этнолингвистики и фольклора, славянского языкознания. Отдельный блок статей приурочен к столетию великой российской революции. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2017. Issues 3–4 /
ed. K. V. Nikiforov. – Moscow: Indrik, 2017. – 576 p.

This issue of “Slavic Almanach” (3–4, 2017) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics of the history of Slavic people, history of science, ethnolinguistics and folklore, Slavic languages. A separate block of articles marks the anniversary of Revolution in Russia. The chronological span of the publications is between the Middle Ages up to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Индрик», 2017

Содержание

История

<i>Бируля М. А. (Москва). «Модель Бекета»: канонизация прелатов в XII–XIII вв. в Восточной и Северо-Западной Европе</i>	11
<i>Наумов Н. Н. (Москва). Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия на начальном этапе Гуситских войн: Олдржих из Рожмберка в 1420–1422 гг.</i>	20
<i>Степанов Д. Ю. (Москва). Хазарский этногенетический миф в системе этнических представлений украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в.</i>	31
<i>Михайлов А. А., Михайлов В. В. (Санкт-Петербург). Болгарские офицеры – выпускники российской Николаевской академии Генерального штаба</i>	53
<i>Струнина-Бородина Н. Г. (Москва). К истории черногорского вопроса во внешней политике России в период правления Николая II</i>	72
<i>Крючков И. В. (Ставрополь). Внутриполитические и внешнеполитические факторы развития Австро-Венгрии в донесениях В. П. Сватковского (1910–1914 гг.)</i>	88
<i>Борисёнок М. Ю. (Москва). Красная Вена для Красной России</i>	106
<i>Станков Н. Н. (Москва). «Секретный» протокол Реннера-Бенеша 1920 года в контексте международных отношений в Центральной Европе</i>	118
<i>Синицын Ф. Л. (Москва). Вступление Румынии в войну против СССР в 1941 г. как результат политической игры Третьего рейха</i>	134
<i>Неменский О. Б. (Москва). Участие Белоруссии в программе Восточного партнерства ЕС в контексте восточной политики Польши</i>	155

К столетию Русской революции

<i>Тимофеев А. Ю. (Белград). «Великая русская революция принесла много зла»: разочарование сербской элиты во Временном правительстве и в революционной России весной-летом 1917 г.</i>	178
<i>Сератионова Е. П. (Москва). Чешская левая печать о русской революции 1917 г. и ее последствиях</i>	200

<i>Ганин А. В. (Москва). Хранитель «славной Южной школы».</i>	
Полковник А. С. Карпенко и судьба	
Елисаветградского кавалерийского училища в период	
Гражданской войны на Украине	213
<i>Маринелли-Кёниг Г. (Вена). Британский классик детской литературы</i>	
Артур Рэнсом и революционная Россия	226

Круглый стол

«Украинский язык в государственной политике и общественной мысли в Российской империи и Советском Союзе»

<i>Лукашова С. С. (Москва). Языковая среда в Киево-Могилянской академии в XVIII в.</i>	241
<i>Лескинен М. В. (Москва). Лингвистические классификации и их роль в полемике о статусе восточнославянских языков / наречий. 1830–1890-е гг.</i>	259
<i>Клопова М. Э. (Москва). Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссия о преподавании украинского языка в школе в Государственной думе</i>	282
<i>Дроздов К. С. (Москва). Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг.</i>	294
<i>Остапчук О. А. (Москва). Планирование корпуса как часть украинского языкового строительства в 1920–1930-е гг.</i>	315
<i>Левкиевская Е. Е. (Москва). Язык – наречие – мова: статус украинского языка в русском дискурсе советского периода</i>	334

Этнолингвистика

<i>Агапкина Т. А. (Москва). Вербальная магия в ареальном аспекте: «устрашение» плодовых деревьев</i>	351
<i>Виноградова Л. Н. (Москва). Непростые люди в сельском сообществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть I: Невольные вредители, бесноватые, чужаки</i>	367
<i>Пилипенко Г. П. (Москва). Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии</i>	380
<i>Плотникова А. А. (Москва). Этнолингвистическое обследование градишанских хорватов Венгрии</i>	408

<i>Ващенко Д. Ю. (Москва). Троицкие королевские обходы в венгерской обрядовой традиции: к вопросу о славянских параллелях</i>	422
<i>Чиварзина А. И. (Москва). Номинации домашних животных в южных диалектах сербского языка</i>	431
<i>Гура А. В. (Москва). Экспедиция в южное Подлясье</i>	449
<i>Осипова К. В. (Екатеринбург). Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект</i>	463
<i>Кучко В. С. (Екатеринбург). Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект</i>	478

История науки

<i>Стыкалин А. С. (Москва), Соломон Ф. (Яссы). Историк Александр Болдур – румынский корреспондент Д. С. Лихачева</i>	499
---	-----

Публикации

<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Белорусское национальное движение к началу Первой мировой войны: аналитический обзор информированного современника 1914 г.</i>	508
<i>Ганин А. В. (Москва). «Чехи вообще уже выдыхаются...» Письмо офицера Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной академии генерал-майору А. И. Андогскому от 22 сентября 1918 г.</i>	539

Рецензии и обзоры

<i>Джункова К. (Кошице, Санкт-Петербург). Библия в культуре эпохи барокко. Антология воскресных и праздничных чтений Святовацлавской Библии</i>	546
<i>Аристова Л. Ю. (Санкт-Петербург). «Искатель славянских сокровищ» В. И. Григорович и его книжное собрание в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова</i>	553
<i>Куренная Н. М. (Москва). Рецепция буддизма в литературе русской эмиграции</i>	558
<i>Седакова И. А. (Москва). Историко-этнологическое исследование военной службы времен социалистической Болгарии</i>	562
Сведения об авторах	567

Content

History

<i>Birulya M. A. (Moscow)</i> . “Becket’s Model”: canonization of prelates in the 12 th –13 th centuries in Eastern and North-Western Europe	11
<i>Naumov N. N. (Moscow)</i> . Sigismund of Luxemburg and the Bohemian nobility in the first stage of the Hussite wars: Ulrich of Rosenberg (1420–1422)	20
<i>Stepanov D. Yu. (Moscow)</i> . The Khazar ethnogenetic myth in the system of representations of the Ukrainian Cossack’s military elite at the end of XVII – beginning XVIII cent.	31
<i>Mikhailov A. A., Mikhailov V. V. (St.-Petersburg)</i> . Bulgarian officers – graduates of Russian Nikolai Academy of the General Staff	53
<i>Strunina-Borodina N. G. (Moscow)</i> . To the history of the Montenegrin issue in the foreign policy of Russia during the reign of Nicholas II	72
<i>Kryuchkov I. V. (Stavropol)</i> Internal and external political factors of development of Austria-Hungary in the reports of V. P. Svatkovski (1910–1914)	88
<i>Borisyonok M. Yu. (Moscow)</i> . Red Vienna for Red Russia	106
<i>Stankov N. N. (Moscow)</i> . The “Secret” Renner-Beneš protocol of 1920 in the context of international relations in Central Europe	118
<i>Sinitsyn F. L. (Moscow)</i> . The entry of Romania into the War against the Soviet Union in 1941 as the result of a political game of the Third Reich	134
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . Belarus in the EU Eastern Partnership Programme and Polish eastern politics	155

100th anniversary of Russian Revolution

<i>Timofeev A. Yu. (Belgrade)</i> . «The Great Russian revolution brought a lot of evil»: the disappointment of the Serbian elite in the Provisional government in spring and summer of 1917	178
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . The Czech leftist media on Russian revolution of 1917 and its consequences	200
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . The keeper of “the famous Southern School”. Colonel A. S. Karpenko and the fate of Elisavetgrad Cavalry School during the Civil war in Ukraine	213

<i>Marinelli-König G. (Vienna)</i> . The British classic of the children literature Arthur Ransome and the revolutionary Russia	226
---	-----

Round table

“The Ukrainian language in the state politics and social thought in Russian Empire and the Soviet Union”

<i>Lukashova S. S. (Moscow)</i> . Language environment in the Kiev-Mohyla Academy in the eighteenth century	241
<i>Leskinen M. V. (Moscow)</i> . Linguistic classifications and their role in the polemics about the status of the East Slavic languages / dialects. 1830–1890s	259
<i>Klopova M. E. (Moscow)</i> . Do we need Ukrainian language in our schools? Discussions in the State Duma (1907–1914)	282
<i>Drozдов K. S. (Moscow)</i> . The peculiarities of teaching Ukrainian language in Soviet Russia during Ukrainization in 1920–1930s	294
<i>Ostapchuk O. A. (Moscow)</i> . Corpus planning as a part of Ukrainian language building in the 1920–1930s	315
<i>Levkievskaya E. E. (Moscow)</i> . <i>Jazyk – narečie – mova</i> : The status of Ukrainian language in the Russian discourse of the Soviet period.....	334

Ethnolinguistics and folklore

<i>Agapkina T. A. (Moscow)</i> . The verbal magic in the areal aspect: “frightening” the fruit trees	351
<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . <i>Uneasy people</i> in the village community: on people having paranormal abilities. Part I: Unwilling wreckers, possessed, foreigners	367
<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . The metalinguistic utterances of Old Believers in Latgale	380
<i>Plotnikova A. A. (Moscow)</i> . An ethnolinguistic study of Burgenland Croats of Hungary	408
<i>Vashchenko D. Yu. (Moscow)</i> . Pentecostal kings’ processions in the Hungarian ritual tradition: Slavic analogies	422
<i>Chivarzina A. I. (Moscow)</i> . Nominations of domestic animals in Southern Serbian dialects	431
<i>Gura A. V. (Moscow)</i> . A field trip to Southern Podlachia	449

<i>Osipova K. V. (Ekaterinburg)</i> . Traditions of drinking beer in the Russian North: an ethnolinguistic aspect	463
<i>Kuchko V. S. (Ekaterinburg)</i> . Russian dialectal lexis for adultery: a commentary on semantic motivations	478

History of science

<i>Stykalin A. S. (Moscow), Solomon F. (Iași)</i> . Historian Alexandru Boldur – Romanian correspondent of D. S. Likhachev	499
---	-----

Publications

<i>Labyntsev Yu. A., Shchavinskaja L. L. (Moscow)</i> . The Belarusian national movement at the beginning of World War I: an analytical overview by an informed contemporary in 1914	508
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . “The Czechs are fizzling out...” A letter by an officer of the Czechoslovak corps H. Birulya to the chief of Military Academy Major General A. I. Andogsky on September, 22, 1918	539

Reviews

<i>Džunková K. (Košice, St.-Petersburg)</i> . Bible in Baroque culture. An anthology of Sunday and feast readings from Svatovaclavska Bible	546
<i>Aristova L. Yu. (St.-Petersburg)</i> . “The researcher of Slavic treasures” V. I. Grigorovich and his book collection in Odessa I. I. Mechnikov National University	553
<i>Kurennaya N. M. (Moscow)</i> . The reception of Buddhism in the literature of Russian émigré	558
<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . Historical and ethnological study of the military service in socialist Bulgaria	562
About the authors	571

М. А. Бируля
(Москва)

«Модель Бекета»: канонизация прелатов в XII–XIII вв. в Восточной и Северо-Западной Европе

В статье рассматриваются особенности признания в Северной и Восточной Европе прелатов святыми после канонизации Томаса Бекета, поскольку появился новый тип святого – прелат, в заслугу которому ставилось противостояние светским правителям. На примере современников Бекета предпринята попытка проследить преемственность данной процедуры в Скандинавии; также рассмотрена проблема достоверности источников, которые легли в основу подтверждения святости Станислава Щепановского.

Ключевые слова: *культ святых в XII–XIII вв. в Восточной и Северо-Западной Европе, св. Станислав, св. Томас Бекет, св. Торлак.*

Термин *канонизация по «модели Бекета»* по имени Томаса Бекета (1118–1170 гг.; архиепископ Кентерберийский в 1162–1170 гг., канонизирован в 1173 г.) был предложен французским медиевистом Андре Воше¹ для описания типа святого – прелата, оппонента светской власти. В то время как на европейском континенте была распространена больше практика почитания так называемых *adelheilige* (святых благородного происхождения, таких как князья и короли), в Англии к концу XII в. появился новый тип святого: прелат, противопоставляющий себя светской власти и ведущий политику в духе Григорианской реформы².

Данный тип получил наибольшее распространение в XII–XIV вв. в Северо-Западной³ и Восточной Европе. Вероятно, к этому времени, когда в ряде стран конфликт между церковью и светской властью достиг своего апогея, духовенство предложило новую модель святости, построенную на страданиях духовных лидеров. Прелаты, чьи культы пыталась развить церковь, подвергались гонениям и притеснениям со стороны светских правителей, а иногда и погибали в ходе таких конфликтов. Важно отметить, что в процессе канонизации кандидат воспринимался и как защитник закона и справедливости, и как жертва гонений светских тиранов⁴.

Защищенное иммунитетом, духовенство в эпоху Генриха II (1133–1189; король Англии с 1154 г.) демонстрировало распутство и

падение нравов. Бекет в должности канцлера вел придворный образ жизни и был очень близок с королем – вероятно, поэтому он был рекомендован на должность архиепископа, не будучи рукоположенным прежде даже в священники⁵. После принятия сана он резко изменил курс, отказался от поста канцлера и начал пресекать все устремления короля ограничить права церкви. После попытки светских властей привлечь архиепископа к ответственности за растраты на посту канцлера Бекет удалился во Францию, но в 1170 г. вернулся в Англию, чтобы повторно короновать сына Генриха. Тот уже был коронован несколькими месяцами ранее прелатом из Йорка, хотя традиционно английских королей венчали на царство только архиепископы Кентерберри. Отлучение Бекетом прелатов, которые провели первую коронацию, возмутило Генриха. Его рыцари ворвались в собор во время мессы и поразили архиепископа мечами в голову⁶.

Канонизированный уже спустя три года после своей смерти, Томас Бекет стал образцом святого прелата. Столь скорое причисление к лику святых произошло, вероятно, потому, что архиепископ был близок с папой Александром III (1105–1181 гг.; Папа Римский с 1159 г.), который и провел церемонию. Поскольку сам Александр III в то время вел борьбу с Фридрихом Барбароссой (1122–1190 гг.; император Священной Римской империи с 1155 г.), его поддержка канонизации Бекета неудивительна. Культ св. Томаса очень быстро распространился во всем христианском мире, о чем свидетельствует скорое включение упоминаний о нем в календари и богослужебные книги⁷. Генриху II после канонизации архиепископа пришлось публично покаяться перед могилой святого.

История польского епископа Станислава Щепановского (1030–1079 гг., епископ Кракова с 1072 г.) поразительно напоминает историю Томаса Бекета – он также был поражен мечом в голову перед вечерней мессой у алтаря в результате конфликта с королем. Весьма примечательно то, что история Томаса в посвященных ему житиях была рассказана почти сразу же после смерти (кон. XII в.), а первое подобное произведение о Станиславе появилось лишь спустя почти полтора века после его смерти (тоже кон. XII в.). Вероятно, «модель Бекета» оказала определенное влияние на решение о канонизации польского епископа, поскольку в 1253 г. Станислав⁸ всё же был причислен к лику святых Иннокентием IV (ок. 1195–1254 гг.; Папа Римский с 1243 г.).

Причиной конфликта между королем и епископом магистр Винцентий (1160–1223 гг.; епископ Кракова с 1207 г., польский хронист)

назвал бесконечные войны и частое отсутствие короля в стране. Он писал, что в отсутствие Болеслава II Смелого (ок. 1042–1081 гг.; князь в 1058–1076 гг., король в 1076–1079 гг.) Польша погрязла в разбоях и грабежах, и епископ Станислав заявлял о падении нравов. После безуспешных попыток настоять на возвращении короля в страну рыцари начали покидать Болеслава и возвращаться в Польшу. Когда разгневанный монарх начал преследовать отступников, епископ Станислав выступил в их защиту, призывая явить христианское милосердие, но Болеслав не внял его увещаниям. Тогда епископ отлучил короля от церкви, тем самым лишив монаршей власти. Такой поступок не мог не повлечь за собой последствий, и Станислав, вероятно спасаясь от гнева Болеслава, оставил кафедральный храм св. Вацлава в Вавельском замке, удалившись в близлежащий костел св. Архангела Михаила на Скалке. Король, узнав об отлучении, в порыве гнева ворвался с дружиной в костел во время мессы, обвинил епископа в измене, поразил его мечом в голову, а затем приказал своим войнам разорвать тело Станислава на куски⁹.

Нет никаких достоверных источников о подробностях конфликта между королем Болеславом и епископом Станиславом¹⁰. В Хронике Галла Анонима (первая половина XII в.) мы не находим какой-либо подробной информации об этом, констатируется лишь факт конфликта¹¹. Судя по всему, хронист явно намеренно уходит от подробного описания события. Термин «*trahitor*», которым Галл назвал епископа, последующие авторы понимали как «предатель», хотя в эпоху Галла он мог обозначать человека, который просто выразил неповиновение королю и вовсе не являлся зачинщиком заговора. Данный термин сформировал у поздних хронистов и историков совершенно противоположное впечатление – они воспринимали Станислава как епископа, который восстал против жестокого и несправедливого короля, и одобряли его поступок. Опираясь на довольно лаконичные материалы хроник, они явно додумывали общий контекст, описывая события, произошедшие как минимум столетием раньше. Чем больше времени проходило с момента события, тем большими подробностями обрастала история. В сочинении магистра Винцентия предыстория и описание конфликта построены на основе хроники Галла, но избилуют не встречающимися в предшествующих источниках подробностями. Причиной этому могло быть использование источников, не дошедших до последующих авторов, которые копировали и дополняли уже текст магистра, как более подробный и развернутый, нежели Галла. Также вероятно, что Винцентий просто

приукрасил историю Галла. Данное предположение можно сделать, например, исходя из стиля повествования – эпизод с орлами¹² больше характерен для житийной литературы¹³. Поскольку в конце XII в. начинаются приготовления к процессу канонизации Станислава¹⁴, исследователи полагают, что хроника магистра Винцентия тенденциозна и была написана с ориентацией на последующее причисление епископа к лику святых¹⁵. Таким образом все авторы, касавшиеся сюжетов, связанных со св. Станиславом, основывались на хронике Галла Анонима, а он, в свою очередь, на материале анналов и устной традиции. Анналы же ничего нам не говорят о способе убийства епископа – есть только свидетельство, что он принял смерть от руки короля.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в Скандинавии на примере наиболее известных святых региона и современников Беке-та – Торлака, сына Торхалля (1133–1193 гг.; епископ южного диоцеза на Палатном Холме с 1173 г., канонизирован в 1198 г. на Альтингге, официально – только в 1984 г.), и Гудмунда, сына Ари (1161–1237 гг.; епископ северного диоцеза на Пригорках с 1203 г., канонизирован в 1315 г. на Альтингге), в Исландии и архиепископа Эйстейна, сына Эрленда (ок. 1120–1188 гг.; епископ Нидароса с 1157 г., канонизирован в 1229 г. на синоде в Нидаросе), в Норвегии. Источники, касающиеся жизни скандинавских епископов, можно считать более достоверными, чем известия о Станиславе. Сохранились не только саги и истории, но и документы по земельным сделкам между епископами и бондами, послания и переписка¹⁶.

Торлак обучался в Одди у священника Эйольва, сына Сэмунда Мудрого (1056–1133 гг.; исландский писатель, священник). В XII–XIII вв. в Исландии обострились споры о контроле над церковной собственностью, процесс этот получил название «спор о стади-ре» (*staðamál*)¹⁷. Суть его сводилась к борьбе за право осуществления духовенством фактического контроля над землей, прежде лишь номинально принадлежавшей церкви, поскольку владельцы храмов имели значительную свободу в управлении их имуществом и доходами¹⁸. Церковь же стремилась ограничить возможности накопления богатств мирянами, а также перераспределять их в свою пользу. После своего рукоположения Торлак выдвинул требования, согласно которым церковь могла бы законно претендовать на владения бондов¹⁹, но ему пришлось отступить из-за отсутствия широкой поддержки среди исландцев, которые отвернулись от него после протеста Йоуна, сына Ловта (ум. в 1197 г., один из самых влиятельных хёвдин-

гов²⁰ в Исландии, глава клана из Одди). Торлак также рассчитывал на помощь архиепископа Эйстейна, но тот в 1180 г. был вынужден покинуть Норвегию по причине конфликта с норвежским конунгом Сверриром, сыном Сигурда (1151–1202 гг.; король с 1184 г.). Вероятно, поэтому Торлак и отказался от своих требований, так как после бегства Нидаросского архиепископа он потерял союзника в борьбе с исландскими хёвдингами²¹.

В сагах Торлак представляется как ярый поборник интересов католической церкви, что сделало его одной из наиболее ярких фигур своего времени. Откликаясь на веяния эпохи и будучи членом одного из наиболее влиятельных родов в Исландии, он рассчитывал реформировать исландскую церковь. Тем не менее его политика не увенчалась успехом, поскольку исключала компромиссы, приведя к столкновению интересов светской и духовной власти.

В связи с обострением указанной борьбы к концу XII в. неудивительно, что фигура Томаса Бекета стала популярна в Исландии²², а ок. 1200 г. даже была написана сага о нем²³. Такая осведомленность о событиях в Англии могла быть обусловлена существованием тесных контактов между странами. Многие жители Исландии были выходцами с Британских островов, они поддерживали контакты с родичами²⁴; торговали с британцами²⁵; а во время своего обучения в Англии Торлак (как и Эйстейн) не могли не слышать о Томасе и его политике²⁶. Судьба архиепископа Кентерберийского, а затем и политика, проводимая Торлаком, оказали сильное впечатление на епископа Гудмунда (1161–1237 гг.; епископ северного диоцеза на Пригорках с 1203 г., канонизирован в 1315 г. на Альтинге). Вдохновленный примером борьбы и смертью мученика, он упрямо отстаивал те же самые принципы в Исландии²⁷. Исследователи отмечают параллели между Томасом и Гудмундом²⁸: до своего рукоположения они оба были верными сторонниками своих светских покровителей, а после резко изменили политический курс²⁹.

С конца X в. духовенство периферии европейского христианского мира для легитимации своих святых и признания их общехристианскими, а также ради дополнительного престижа и признания обращалось к папе или к его легату. Данная практика превратилась в обычай и уже к середине XII в. папское одобрение де-факто стало обязательным³⁰. В юридическом плане процесс местной канонизации стал яснее после IV Латеранского собора (1215 г.), канон № 62 которого повторял декрет № 813 синода Майнца, уже внесенного в декрет Грациана. Он запретил почитание реликвий *de novo inventas* без разрешения папы³¹,

что было окончательно утверждено в 1234 г. когда декларация о канонизации стала де-юре полностью актом Святого престола. Таким образом, почти все ранние скандинавские святые, в том числе Торлак и Эйстейн, были объявлены канонизированными неофициально и без одобрения папы. Их разрешалось почитать лишь на локальном уровне, а если местное духовенство всё же претендовало на всеобщее признание своих святых, им предстояло пройти длительную процедуру, где решающее слово всё равно оставалось за папой. Некоторые исследователи предполагали³², что жития, возможно, были написаны как раз для получения папского одобрения. Несмотря на попытки духовенства официально канонизировать скандинавских епископов, католической церковью был признан только Торлак, и это произошло спустя почти восемь веков.

Подводя итог, нужно отметить следующее: борьба за влияние между светскими и духовными властями в XII–XIII вв. имела свои региональные особенности и не всегда приводила к смерти оппонентов в ходе подобных конфликтов. Канонизация епископов по примеру Томаса Бекета получила наибольшее распространение в Польше, Исландии и Норвегии, чему могло быть несколько причин. Польша в начале XII в. находилась в состоянии упадка и крайней раздробленности – ей необходим был символ, который смог бы сплотить поляков – и Станислав стал первым собственно польским святым. Источники, касающиеся его жизни, крайне ненадежны, тем не менее сведения о его мученической кончине напоминают историю Бекета, а эпизод об орлах и чудесном воссоединении отсеченных членов и вовсе выглядит сказочным.

Интерес к культу святых епископов в Скандинавии возник только после смерти Бекета в 1173 г. Сначала на Альтингге в Исландии в 1198 г. был канонизирован епископ диоцеза на Палатном холме Торлак, затем в противовес ему в 1200 г. – епископ диоцеза на Пригорках Йоун³³. В 1229 г. на местном соборе в Нидаросе причислили к лику святых и Эйстейна. Торлак и Эйстейн могли познакомиться с Томасом во время своего обучения в Англии и Франции, а по возвращении домой начали проводить схожую церковную политику, стремясь освободить церковь от светского давления и влияния, пусть и безуспешно. Некоторые эпизоды из жизни Гудмунда напоминают жизнь Бекета; их сравнивали еще при жизни епископа диоцеза на Пригорках. Вместе с тем, согласно материалам саг, Гудмунд стал по-настоящему народным святым, и официальная канонизация, возможно, была призвана лишь подтвердить данный статус.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1981.

2 *McCreech B.* Saint-Making in Early Iceland // *Scandinavian-Canadian Studies*. Vol. 17 (2006–2007). P. 14.

3 На Британских островах и в Скандинавии, где епископат обладал внушительной властью и где его авторитет пыталась подорвать аристократия, данный тип святого мученика-епископа получил наибольшее распространение. Большинство английских местночтимых святых были епископами. См.: *Ibid.* P. 198–199.

4 *Vaucher A.* La sainteté en Occident... P. 197–198.

5 Его предшественник, архиепископ Теобальд (1090–1161 гг., архиепископ с 1139 г.), умер 18 апреля 1161 г.; через несколько месяцев канцлер Бекет был назначен его преемником. 23 мая 1162 г. королевским советом епископов и вельмож его избрание было подтверждено. Лишь 2 июня 1162 г. Бекет был рукоположен в священники, а 3 июня 1162 г. – в архиепископы.

6 *The Golden Legend or Lives of the Saints / compiled by J. de Voragine, Archbishop of Genoa, 1275; first edition published 1470; englished by W. Caxton. First Edition 1483; ed. by F.S. Ellis. Temple Classics, 1900. (Reprinted 1922, 1931). Vol. 2. P. 82–87.*

7 См.: *Foreville R.* Le jubilé de saint Thomas Becket, du XIIIe au XVe siècle (1220–1470). Études et documents. Paris, 1958. P. 242.

8 *Vaucher A.* La sainteté en Occident... P. 198.

9 *Chronica seu originale regum et principum Poloniae.* Lwów, 1872. T. 2. (*Monumenta Poloniae historica.*) S. 193–453.

10 Вопрос о виновнике ссоры между Болеславом и краковским епископом Станиславом остается спорным (*Drzymala K.* Sw. Stanisław biskup Krakowski i Bolesław Śmiały Król Polski // *Studia Historyczne.* Kraków, 1981. R. 24. Z. 4. S. 657–667). Относительно места убийства епископа Станислава см.: *Kurbis B.* Jak czytać najstarsze teksty o św. Stanisławie // *Znak.* Kraków, 1979. R. 31. S. 322; *Witkowska A.* Wawel i Skalka // *Znak.* Kraków, 1979. R. 31. S. 358–365.

11 *Chronica seu originale regum et principum Poloniae...*; см. также: Хроника Галла Анонима. М., 1961. С. 57–58.

12 После смерти мученика к церкви св. Михаила Архангела прилетели четыре орла (со всех концов света) и охраняли останки епископа Станислава.

13 *Chronica seu originale regum et principum Poloniae...* S. 296–297.

14 Легенда об орлах и воссоединении частей тела епископа впоследствии более развернуто дана в одном из житий св. Станислава: автор сравнивает чудесное исцеление тела епископа и раздробленные польские княжества, которые должны воссоединиться, чтобы Польша вновь стала великой. См.: *Vita major*. Lwów, 1884. Т. 4. (*Monumenta Poloniae historica*.) S. 391–392.

15 См.: *Balzer O. Studium o Kadłubku*. Lwów, 1935. Т. 1–2; *Ossolinski J. M. Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej, o pisarzach polskich*. Krakow, 1820. Т. 2. S. 374–625.

16 См.: *Diplomatarium Islandicum: Íslenzkt Fornbréfasafn, sem hefir inni a halda bréf og gjörninga, dóma og máldaga, og arar skrár, er snerta Ísland ea íslenzka Menn*. Kaupmannahöfn, 1857–1876. Bnd. 1.

17 *Júliúsdóttir Sigríður*. The major churches in Iceland and Norway. Høst, 2006. P. 14.

18 Как правило, здание церкви строилось на частной территории и собственники рассчитывали извлечь выгоду из данной ситуации путем получения доходов с прихода.

19 В скандинавских странах в Средние века свободные люди, имевшие свое хозяйство и не принадлежавшие к знати; свободные крестьяне.

20 Хёвдинг – вождь, политический лидер в Исландии.

21 *Torfi K. Stefánsson Hjaltalín*. Íslensk Kirkjusaga. Reykjavík, 2012. Bls. 81.

22 Подробнее об отношении исландцев к Бекету см.: *The life of Gudmund the Good, Bishop of Holar* / ed. by *G. Turville-Petre, E. Olszewska*. Coventry, 1942. P. XIV–XXV.

23 *Magnússon Erikr*. The Last of the Icelandic Cummonwelth // *Saga-Book of the Viking Club: or Orkney, Shetland and Nothern Society*. London, 1906–1907. Vol. 5. P. 324.

24 *Archbishop Thomas Becket* / ed. by *E. Magnússon*, *M. A. Kt. Dbrg*. London, 1883. Vol. 2. P. VI.

25 *Ibid*. P. VII.

26 *Thómas saga erkibyskups* / ed. by *E. Magnússon*. London, 1875. P. X.

27 *Erikr Magnússon*. The Last of the Icelandic Cummonwelth...

28 Примечательно, что составитель «Саги о Гудмунде» брал пассажи из «Саге о Томасе», причем не самые достоверные. См.: *Archbishop Thomas Becket...* P. LXI.

29 *The life of Gudmund the Good, Bishop of Holar...* P. XXV.

30 *The Saga of Bishop Thorlak (Þorláks saga byskups)* / transl. by *Á. Jakobsson and D. Clark*. London, 2013. P. VIII.

31 «Idcirco in concilio generali provide novimus esse prohibitum, ne quis reliquias de novo inventas publice venerari praesumat nisi a Romano Pontifice prius fuerint approbatae» (The Statutes of the Fourth General Council of Lateran. London, 1843. P. 43).

32 См.: *Jón Helgason*. *Þorláks saga*. Copenhagen, 1976. B. XX. (Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder.) S. 388–91; *Heinzelmann M.* *Translationsberichte und andere Quellen des Reliquienkultes*. Turnhout, 1979; *Schlafke J.* *Das Recht der Bischöfe in causis sanctorum bis zum Jahre 1234*. Cologne, 1960. S. 417–433; *Kemp E. W.* *Canonization and Authority in the Western Church*. London, 1948; *Weinstein D., Bell R. M.* *Saints and Society. The Two Worlds and Western Christendom, 1000–1700*. Chicago, 1982; противоположную точку зрения см.: *Ásdís Egilsdóttir*. *Formáli // Biskupa sögur II*. Reykjavík, 2002. Bls. CX.

33 Первый епископ северной четверти, Йоун сын Эгмунда (1052–1121 гг., епископ с 1106 г.). Известно, что он имел двух жен и был влиятельным хёвдингом. Поэтому, хотя он и вел активную просветительскую деятельность, его святость не воспринималась столь бесспорно, как Торлака, который соблюдал целибат на протяжении всей жизни и вел активную политику против обмирщения церкви.

M. A. Birulya

“Becket’s Model”: canonization of prelates in the 12th–13th centuries in Eastern and North-Western Europe

The article was based on the problem of the peculiarities of recognition prelates as saints in Northern and Eastern Europe after the canonization of Thomas Becket – because then arose the new type of saint – the prelate, who put up himself against secular authorities. On the example of Becket’s contemporaries, an attempt to trace the continuity of this problem in Scandinavia was made; also was considered the problem of reliability of sources, which formed the basis for the confirmation of the sanctity of Stanisław Szczepanowski.

Keywords: *cult of saints in XII–XIII centuries in Eastern and North-Western Europe, st. Stanislav, st. Thomas Becket, st. Thorlak.*

Н. Н. Наумов
(Москва)

Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия на начальном этапе Гуситских войн: Олдржих из Рожмберка в 1420–1422 гг.

В статье рассматриваются взаимоотношения Сигизмунда Люксембургского, германского императора, короля Венгрии и Чехии (1368–1437), с паном Олдржихом из Рожмберка, влиятельным южночешским магнатом. Основным источником служат документальные источники – переписка Олдржиха с королем, а также королевские жалованные грамоты. Вопреки чешской историографической традиции, которая рассматривает высшую шляхту (панство) лишь в качестве естественного соперника королевской власти в позднесредневековой Чехии, автор полагает, что на раннем этапе Гуситских войн и Сигизмунд, и пан из Рожмберка были принципиально заинтересованы в совместной борьбе с Табором, пусть она и оказывалась осложнена как внешними обстоятельствами (поражение королевских войск под Вышеградом в ноябре 1420 г.), так и иными, частными интересами сторон.

Ключевые слова: *Сигизмунд Люксембургский, Олдржих из Рожмберка, Гуситские войны, позднесредневековая чешская шляхта, социально-политическая история.*

Если историк стремится понять, как функционировала политическая система в державе средневекового правителя, то ему в первую очередь необходимо обратиться к исторической просопографии и задаться вопросом, каким образом тот или иной правитель формировал свое окружение. Немецкий ученый Петер Морав предположил, что германский король XIV–XV вв. «рекрутировал» своих приближенных, в первую очередь, в зависимости от их «политической близости / удаленности» (нем. *Königsnähe / Königsferne*) по отношению к нему, иначе говоря, в зависимости от того, насколько он им доверял и мог рассчитывать на их верность. Так, гофмейстерами и придворными судьями часто оказывались франконские графы и бароны, принадлежавшие к знати средней руки и видевшие в короле защиту от экспансии своих более крупных соседей¹. Представляется, что этот фактор в числе прочих воздействовал на политическую систему не одной лишь Священной Римской империи, но и средневекового общества как такового, принципиальную роль

в котором – в отсутствие институтов современного государства – играли личные связи внутри феодальной иерархии².

Просопографическое исследование окружения Сигизмунда Люксембургского, венгерского и чешского короля, германского императора, – задача исключительно сложная. На сегодняшний день отсутствует работа, где такое исследование было бы осуществлено в сравнительном ключе³. Выделение и сопоставление «близких» к правителю групп необходимо не только для того, чтобы сформировать его цельный образ как политика; гораздо важнее понимание природы позднесредневековой династической монархии и принципов ее управления. Компаративная просопография должна основываться на рассмотрении конкретных примеров взаимодействия короля и его окружения. Настоящая статья посвящена отношениям Сигизмунда с одним из наиболее влиятельных земельных господ тогдашнего Чешского королевства.

Олдржих, пан из Рожмберка (1403–1462), – фигура, «политическая близость» которой к королевской власти в Чехии, и к Сигизмунду в частности, вызывает вопросы⁴. Роберт Новотный, современный исследователь чешской шляхты, выразил мнение, что чешское панство в целом и этот южночешский магнат в частности были теснее инкорпорированы в «земскую иерархию» Чешского королевства, чем в придворные структуры королевского двора. Даже пришлые роды в составе чешской шляхты «сознавали, что само положение при короле лишь поначалу являет собой выгодную инвестицию, но не гарантирует их статус в долгосрочной перспективе»⁵. Поэтому, по оценке этого историка, род из Рожмберка нельзя отнести к числу «близких к королю групп» (нем. *königsnahe Personenverbände*) в том смысле, как этот термин определял Петер Морав, – группы, интегрированные в политическую систему короля и проводящие в жизнь его интересы путем взаимовыгодного сотрудничества.

Следует признать, что применение концепции немецкого медиевиста к политическому пространству Чешского королевства невозможно без соответствующих корректировок, ведь в правовом отношении чешское панство и имперские князья находились в разном положении по отношению к своему королю. Так, к примеру, маркграфы Мейсенские изначально зависели от Сигизмунда в гораздо большей степени, так как были вынуждены подтверждать и закреплять права держания имперских ленов⁶; Рожмберки же, как и иные чешские паны, чьи доминии представляли собой аллодиальную собственность, были от этого избавлены⁷. Высшая шляхта (панство) обладала собственной

значительной «земской» автономией – судом, сеймом, печатью, но не имела инструментов легитимного влияния на верховную власть, на тех, с кем король станет советоваться при принятии решений, из кого станет формировать свой личный королевский совет⁸. Недовольство этим положением стало причиной панских мятежей против короля Вацлава в 1394–1396 и 1402–1403 гг., впоследствии же породило те властные притязания, которые были выражены в требованиях, предъявленных Сигизмунду со стороны чешских сословий в сентябре 1419 г.⁹ Поэтому представляется, что Р. Новотный проводит слишком резкую грань между «придворной» и «земской иерархией» и несправедливо ставит под сомнение привлекательность института королевского двора, в том числе придворной службы, в глазах чешской знати. В 1254 г. Пршемysl II Отакар сделал пана Вока из Рожмберка своим высшим маршалом, в 1312 г. Иоанн Люксембургский назначил Петра из Рожмберка на должность высшего камерария, которая в 1348 г. на три года перешла к его сыну Йошту, что говорит о включенности этого панского рода в политическую систему чешских королей, и в частности Люксембургов¹⁰. Особенно интересно выяснить, каким образом трансформировались их отношения с королевской властью в ходе внутреннего конфликта – Гуситских войн. Основным источником служат письма и грамоты пана из Рожмберка, доступные благодаря публикации Б. Рынешовой¹¹.

Поведение Олдржиха из Рожмберка служит прекрасной иллюстрацией того, как в 1420-е гг. стала относиться к Сигизмунду та часть чешской аристократии, которая прежде стремилась возвести его на престол¹². Как известно, в январе 1420 г. в силезском городе Вратиславе король объявил, что собирается прийти в Чехию с войском и наказать гуситов как еретиков¹³. Уже в конце марта того же года католик Олдржих, поддерживавший Люксембурга после смерти Вацлава, объединился с пражскими гуситами. Вместе с «панами, городом Прагой, рыцарями, слугами и городами, выступающими за свободу Божьего закона и общую пользу чешского народа», он призвал не считать Сигизмунда чешским королем. Адресатом в данном случае выступали все паны, города и общины Чешского королевства, поэтому цитируемую ниже грамоту можно отнести к жанру манифестов. Но в отличие от доводов, приведенных в «гуситских» произведениях этого жанра, здесь в качестве основания для сопротивления власти Люксембурга предстает не притеснение им гуситской веры, но совершенно формальный момент: «... чтобы вы не были верны сиятельному князю и господину, госп<одину> Сигизмун-

ду, королю римскому и венгерскому, приумножителю Империи, и не подчинялись ему, и не слушались его как чешского короля... Ведь вы хорошо знаете, что чешские паны еще не избрали его милость королем и он не коронован»¹⁴. Представляется, что этот «манифест» адресовался скорее не чешским сословиям, но самому королю, которому следовало бы знать, что паны – «не холопы, а корона Чехии»¹⁵, которая делит с ним верховную власть в королевстве, потому тот должен править с ее согласия, а не по праву наследования. Сигизмунд же в ответ заявил в послании к городу Кадань (нем. Кааден), что господа из Вартенберка и Рожмберка вместе с Прагой «восстали против нас, отринув свою верность и честь, утверждая, что они – наши верные вассалы и смиренные христиане, в то время как сами преследуют и убивают последних» (апрель 1420 г.)¹⁶.

Однако уже в ближайшее время Олдржих примирился с королем, как предполагает Роберт Новотный, исключительно из практических соображений: Рожмберк решил воспользоваться тем, что основная часть войска таборитов – его единственного серьезного соперника в Южной Чехии – выдвинулась на помощь Праге. Поэтому он предложил королю совместно осадить Табор¹⁷. Пусть это предприятие и не удалось, но в письме к Олдржиху от 12 июня 1420 г. Сигизмунд предстает в совершенно ином облике, чем в вышеуказанном послании к городу Кадань: «Любезный благородный вассал! Мы благодарны тебе за известие... а особенно, что желаешь быть с нами и поступать по нашей воле, а также что ты направляешься к нам; это мы услышали с радостью. И по нам ты видишь, что будешь иметь в нашем лице милостивого государя и за это получишь от нас всякие блага, если будешь нас слушаться и держаться»¹⁸. Этим примером подтверждается тот тезис, что в первой половине 1420 г. Сигизмунд, направившись с чужеземным войском для насильственного утверждения собственной власти, на деле был более склонен к поиску компромисса с чешской знатью. И та пражская неудача, которая постигла короля в августе 1420 г. по вине (а возможно, и из-за предательства) его чешских сторонников, католических панов, не изменила сразу его политического подхода – стремления разрешить политический кризис руками самих чехов. В сентябре он поставил Вацлава из Дубе, Петра из Штернберка и Олдржиха из Рожмберка в качестве гетманов бехинского и прахенского края¹⁹. Первых двоих королевский биограф Эберхард Виндеке винит в бездействии в ходе первого похода и отчасти намекает на их сговор с гуситами: «...и госпо-

дам Венцлаву фон Тубену, Миско фон Йеменицу (Микулашу из Йемниште. – Н. Н.), Альцкопфу фон Штернбергу также ставили в вину это поражение, а они-то были советниками короля; и они утверждали, что, дескать, им очень горестно от этого и что они добрые христиане; Бог лучше знает»²⁰.

Олдржиха же немецкий хронист без пояснений обзывает «полугуситом»²¹, вероятно по той причине, что этот чешский магнат в ноябре 1420 г. без королевского позволения заключил перемирие с таборитами – теми гуситами, кто более других упорствовал в неприятии католической веры и Сигизмунда как «естественного господина» Чешского королевства²². Вероятно, это был скорее вынужденный шаг с его стороны: оказалось, что из-за поражения под Вышеградом король не сможет поддержать своего вассала в борьбе с Табором. Однако уже в первой половине 1421 г. Олдржих пошел на дальнейшее сближение с гуситами, разрешив проповедь четырех пражских статей в своих владениях. Затем же, в июне, на Чаславском сейме Рожмберк вместе с другими католическими и гуситскими панами призвал к тому, чтобы «не принимать и не иметь королем либо наследником чешской короны короля Сигизмунда Венгерского, который вместе со своими приспешниками сбил нас с пути, так что всё королевство Чешское из-за его беззаконной жестокости понесло превеликий ущерб»²³. Ф. Зайбт справедливо отметил, что смерть 500 знатнейших панов под Вышеградом означала победу горожан, пражских гуситов над высшей шляхтой, «сословную революцию» (нем. *Ständerevolution*), в терминологии этого немецкого историка²⁴. Но очевидно, что в действительности это привело не к консолидации знати вокруг короля, но, наоборот – к тому, что многие паны откололись от него либо же стали пренебрегать своими связями с монархом, который с середины 1422 г. долгое время находился в Венгерском королевстве и в немецких землях, прибыв в Чехию лишь в летом 1436 г. Следует заметить, что параллельно подобному охлаждению в отношениях Олдржиха с королем происходило сближение последнего с имперскими князьями, в частности Фридрихом IV Веттином, маркграфом Мейсенским. Тот, будучи нанят Сигизмундом, вторгся в Чехию со своим отрядом и нанес пражским гуситам поражение в битве при Мосте (август 1421 г.)²⁵. В то же время статьи, принятые католическими и гуситскими панами на Чаславском сейме, свидетельствуют о том, что Олдржих стремился добиться мира в королевстве без вмешательства короля и его людей.

Однако уже осенью 1421 г. Олдржих вновь сменил свою позицию по отношению к Сигизмунду. «Планирует ли он прибыть со своим войском в нашу землю? Если он не успеет, то мы будем совершенно оставлены, словно сироты»²⁶, – писал чешский пан в ноябре своему тестю Рейнпрехту фон Вальзее, капитану Верхней Австрии, который сопровождал короля в Моравии. Причиной этого, вероятно, были успехи непосредственного соседа Олдржиха – общины Табора, находившегося в 50 км от его родового замка Рожмберк. Так, в октябре табориты во главе с Яном Жижкой вырезали гарнизон крепости Подегусы, принадлежавшей чешскому пану²⁷. Вдобавок к ним присоединился Богуслав из Швамберка, прежде верный католик²⁸. В этой ситуации приход чужеземных войск Сигизмунда, в ноябре 1421 г. находившегося в Моравии, воспринимался Олдржихом уже как благо. В свою очередь и король теперь повел себя иначе, чем в ноябре 1420 г.: тогда он оставил своего вассала без поддержки, отговорившись своим поражением под Вышеградом. В марте же 1422 г. Сигизмунд даровал ему привилегию чеканки серебряной монеты, в сентябре – обещал заплатить 3500 коп чешских грошей в качестве платы «за содержание 400 конных для нашей службы в течение года», а также 8500 коп чешских грошей в качестве «платы за обозначенную службу и компенсации того ущерба, который он понес, служа нам»²⁹. Следует заметить, что эта сумма (12 000 коп чешских грошей = 36 000 рейнских гульденов)³⁰ из расчета за год службы была почти в два раза меньше той, которую получил вышеупомянутый Фридрих Мейсенский (30 000 рейнских гульденов за полгода службы с 500 конными)³¹. Возможно, была учтена и разница их политического статуса в иерархии, и пожалование вышеупомянутой монетной привилегии, либо же король не видел особенной необходимости мотивировать того вассала, который и так находился в непосредственной близости к врагу.

Подведем итоги. В 1420–1422 гг. Олдржих из Рожмберка трижды впал в немилость к королю и трижды возвращал себе его благосклонность. Причиной этого в первый раз (апрель 1420 г.) послужило его несогласие с политической неуступчивостью Сигизмунда: тот претендовал на то, чтобы править Чехией по праву наследования, а не с согласия чешских панов, в том числе и самого южночешского магната. Во второй раз (ноябрь 1420 г.) короля возмутил факт перемирия, которое Олдржих заключил с Табором, как представляется, исключительно из практических соображений. В третий раз (июнь 1421 г.) чешский пан открыто пошел против своего господина, вместе

с гуситской шляхтой потребовав низложения Сигизмунда, который привел с собой в страну своих чужеземных слуг. Но уже через полгода он видел именно в последних спасение от побеждавших таборитов. Сложно сказать, исходил ли пан из Рожмберка когда-нибудь в своих действиях из каких-либо политических / религиозных убеждений, а не только из собственных корыстных, прежде всего имущественных, интересов. Возможно, его манёвр на Чаславском сейме имел целью достигнуть примирения с Прагой и гуситами, чтобы потом диктовать королю условия, на которых тот будет принят в Чешском королевстве. Но нельзя отрицать, что Олдржих был тем (пусть и очень своевольным и ненадежным) инструментом, с помощью которого Сигизмунд стремился утвердить свою власть. Этот пример демонстрирует, что политическая «близость к королю» (нем. *Königsnähe*) – явление, обладавшее множеством оттенков: король не довольствовался тем, что мог привязать к себе слабых, но стремился побудить сильных к взаимовыгодному сотрудничеству. В последних Сигизмунд был заинтересован гораздо больше, чем в первых, что демонстрирует одна из его фраз, обращенных к Олдржиху: «Ты у себя дома повелевай как государь, чтобы твои <подданные> знали, что ты своих господин и они в твоей власти, чтобы знали, что должны быть тебе послушны»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Moraw P.* Franken als königsnahe Landschaft im späten Mittelalter // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. Jg. 112. 1976. S. 131–133. Важно замечание Э. Шуберта: в «близкой» Франконии Карл IV, король германский и чешский, зачастую действовал в целях «территориальной экспансии» собственного Чешского королевства, что стало причиной ряда конфликтов с франконской знатью – его потенциальным союзником в Империи (*Schubert E.* Franken als königsnahe Landschaft unter Karl IV // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. Jg. 114. Göttingen, 1978. S. 889).

2 Подробнее см.: *Наумов Н. Н.* Концепция «открытости» территорий Петера Морава применительно к политической системе Сигизмунда Люксембургского (к постановке проблемы) // *Средние века*. 2016. Вып. 77 (3–4). С. 99–117.

3 К настоящему моменту были представлены лишь частные про-сопографии выходцев из Италии и Польши при дворе Сигизмунда: *Beinhoff G.* Die Italiener am Hof Sigismunds von Luxemburg, 1410–1437. Frank-

furt-am-Main, 1996; *Sroka S. A.* Polacy na Węgrzech za panowania Zygmunta Luksemburskiego, 1387–1437. Kraków, 2001.

4 Так, Олдржих как крупнейший южночешский католический магнат имел даже собственные королевские амбиции и не признавал избрание «короля-гусита» Иржи из Подебрад чешским королем. Род панов из Рожмберка укрепился в XIII в. и просуществовал до смерти бездетного Петра Вока в 1611 г. (*Kubíková A.* Oldřich II. z Rožmberka. České Budějovice, 2004. S. 127–128; *Vániček V.* Vzestup rodu Vítkovců v letech 1169–1269 // *Folia Historica Bohemica.* R. 1. 1979. S. 93–108; *Pánek J.* Poslední Rožmberkové. Věльмоži české renesance. Praha, 1989).

5 *Novotný R.* Dvorská a zemská hierarchie v pozdně středověkých Čechách // *Dvory a rezidence ve středověku / Vydala Dana Malá.* Sv. 1. Praha, 2006. S. 152.

6 *Krieger K.-F.* Die Lehnshoheit der deutschen Könige im Spätmittelalter (ca. 1200–1437). Aalen, 1979. S. 30.

7 *Jurok J.* Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce. České Budějovice, 2006. S. 160.

8 *Idem.* Česká šlechta a feudalita ve středověku a raném novověku. Majetková a sociální struktura, politická moc a kulturní reprezentace šlechty a feudalita v českém státě ve 13. – první polovině 17. století. Nový Jičín, 2000. S. 469–470.

9 Подробнее о требованиях чешских сословий см.: *Наумов Н. Н.* Сигизмунд Люксембургский и чешская аристократия в преддверии Гуситских войн // *Славяноведение.* 2017. № 4. С. 22–30.

10 *Palacký F.* Dějiny národa Českého v Čechách a na Moravě dle původních pramenů. D. 2. Č. 1. Praha, 1854. S. 65, 362; *Kubíková A.* Rožmerské kroniky: krátký a summovní výtah. V. kapitola – Oldřich I. z Rožmberka a jeho bratří // *Jihočeský sborník historický.* Sv. 57. 1988. S. 22.

11 Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka / Vydala B. Rynešová. Sv. 1. 1418–1438. Praha, 1929.

12 О католическом панстве как «главной, но крайне ненадежной опоре» Сигизмунда в королевстве (М. Шандера) см.: *Palacký Fr.* Dějiny národa českého v Čechách a na Moravě. D. 3. Č. 1. Praha. S. 271–272; *Kavka Fr.* Strana Zikmundova v husitské revoluci. Praha, 1949. S. 77–78; *Šandera M.* Zikmundovi věrní na českém severovýchodě: Opočenská strana v husitské revoluci. České Budějovice, 2005. S. 7.

13 Об имперском собрании во Вратиславе (совр. Вроцлав) см.: *Holtzmann R.* Der Breslauer Reichstag von 1420 // *Schlesische Geschichtsblätter.* 1920. № 1. S. 1–9; *Nowak Z. H.* Międzynarodowe procesy polubowne jako narzędzie polityki Zygmunta Luksemburskiego w północnej i środko-

wowschodnej Europie (1412–1424). Toruń, 1981; *Hoensch J. König / Kaiser Sigismund, der deutsche Orden und Polen-Litauen: Stationen einer problem-beladenen Beziehung // Zeitschrift für Ostforschung*. Bd. 46. 1997. S. 23–30.

14 «...Abyšte najjasnějšiemu kniežeti a pánu, p. Sigmundowi Římskému králi vždy rozmnožiteli a Uherskému etc. králi poddáni nebyli a w něho neslušali, ani jeho poslúchali jakožto krále Českého <...> Nebo to dobře wiete, žeť JMt nenie ještě pány Českými za krále wolen, ani k Českému králowstwi korunowán». *Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal F. Palacký*. D. 3. Praha, 1844. S. 210.

15 Фраза, сказанная Сигизмунду чешскими панами во время осады Праги летом 1420 г.: «Wir sint die crone von Behem und nit die geburen» (*Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds*. Berlin, 1893. S. 111).

16 «...Wider ir trewe und ere sich gen uns ufleynen <...> und meynen unser trewen und gehorsamen cristen zu sein und dy under drucken und vorderben» (*Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký*. Bd. 1. Prag, 1873. S. 25).

17 *Novotný R. «Sloup království» v počátcích revoluce: Oldřich z Rožmberka, 1417–1420 // Zrození mytu: dva životy husitské epochy*. Praha, 2011. S. 63.

18 «Urozený věrný milý! Velmi jsme vděčni tvému poselství <...> a zvláště, že s námi chceš ostatek a naši vůli činiti; a také, že k nám jedeš, to jsme rádi slyšeli. A také na nás shleďáš, když nás posloucháti budeš a nás držeti, že na nás budeš jmiati laskavého pána a poživeš toho od nás všiem dobrým» (*Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka / Vydala B. Rynešová*. Sv. 1. 1418–1438. Praha, 1929. S. 16).

19 *Ibid.* S. 20.

20 «...Und her Wentzlaw von Tuben, her Mißko von Jemenitz und her Altkopf von Sternberg gap man auch die schult, und worent doch dez koniges rete; und sie meinten, es were in doch gar leit, und meintent ouch, sie werent gut Cristen; das weiß got wol» (*Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds*. Berlin, 1893. S. 118).

21 «...Der von Rosenberg (was ein halber Hus)» (*Ibid.* S. 144).

22 *Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka*... S. 29.

23 «...Abychom krále Sigmunda Uherského, jímž sme a jeho pomocníky najwiece zawedeni, i všeco králowstwie České jeho bezprawím a ukruťenstwím škodliwosti došlo přeweliké, za krále nebo pána dědičného koruny České, jiež se jest tú nehodnosti sám znehodnil, nikoli nepřijímali ani jměli» (*Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal F. Palacký*. D. 3. Praha, 1844. S. 228).

24 *Seibt F.* Vom Vítkov bis zum Vyšehrad. Der Kampf um die böhmische Krone im Licht der Prager Propaganda // Hussitenstudien: Personen, Ereignisse, Ideen einer frühen Revolution. München, 1991. S. 206.

25 *Broesigke I. von.* Friedrich der Streitbare, Markgraf von Meißen und Kurfürst von Sachsen. Düsseldorf, 1938. S. 62.

26 «Maint er mit seiner macht her in daz land ze kumen oder nicht? Wenn chumpt er nicht bei zeiten, so sei wir gar verlassen und verwaist leut» (Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka... S. 42).

27 *Šmahel F.* Husitská revoluce. D. 3: Kronika valečných let. Praha, 1993. S. 102.

28 Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka... S. 45.

29 «...Quod nobis ad servicia nostra quatuor centos equos ad totum annum tenere debeat suis sumptibus et expensis»; «pretextu serviciorum et dampnorum per ipsum in nostris serviciis perceptorum» (Ibid. S. 50–51).

30 Согласно счетам замка Карлштейн (1433), один рейнский гульден стоил 20 чешских грошей, в то время как считалось, что в одной копе их должно быть 60 (*Castelin K.* Česká drobná mince doby předhusitské a husitské 1300–1471. Praha, 1953. S. 152, 188).

31 Вена, Австрийский государственный архив (Hof-, Haus- und Staatsarchiv Wien). Reichsregister Sigismund. Bd. G. Fol. 103R.

32 «A ty se doma nad svými ukaž jako pán, ať vědíe, že si svých pán a jich mocen, a také aby věděli, že tebe mají poslušni býti» (Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka... S. 19).

N. N. Naumov

Sigismund of Luxemburg and the Bohemian nobility in the first stage of the Hussite wars: Ulrich of Rosenberg (1420–1422)

The article examines the relations between Sigismund of Luxemburg, German Emperor and King of Hungary and Bohemia (1368–1437) and Ulrich of Rosenberg, the most powerful lord in the Southern part of the kingdom. The research is based on documentary sources such as Ulrich's correspondence with the king as well as the royal charters. The Czech historiographical tradition tends to consider the high nobility as an essential rival of the Late Medieval Bohemian royalty. However, the author has come to a conclusion that at the beginning of the Hussite wars Sigismund, as well as lord of Rosenberg have been interested in cooperation, even if it had been complicated by external circumstances, such as the defeat of the royalists near Vyšehrad on the 1st of November 1420, as well as personal interests of the actors.

Keywords: Sigismund of Luxemburg, Ulrich of Rosenberg, the Hussite wars, the Late Medieval Bohemian nobility, socio-political history.

Д. Ю. Степанов
(Москва)

**Хазарский этногенетический миф
в системе этнических представлений украинской
казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в.**

Статья посвящена формированию этнического самосознания украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. Основная проблема данного исследования касается становления легенды о происхождении украинских казаков от хазар, или так называемого «хазарского мифа».

Ключевые слова: *Украина, казацкая старшина, самосознание, идентичность.*

Основной проблемой статьи является появление легенды о происхождении украинских казаков от хазар, или так называемый «хазарский миф». Также рассматривается вопрос о сосуществовании этой легенды со сложившейся в среде высшего киевского духовенства во второй половине XVII в. историографической традицией, возводящей историю «российского народа» к ветхозаветному Мосоху. Происхождение и сосуществование этих мифов важны для изучения общего процесса формирования этнического самосознания малороссийской элиты¹ во второй половине XVII – начале XVIII в.

Возникновение этнических представлений мы вслед за академиком В. А. Тишковым относим к прямым или косвенным результатам воздействия элит на более широкие слои населения посредством различных социальных институтов². Идейное ядро этого воздействия, на наш взгляд, составляет интеллектуальный ресурс, который заключается в разного рода исторических, полемических, политических и прочих текстах, интегрирующих (или, наоборот, дезинтегрирующих) общественные группы посредством различных механизмов ретрансляции. В связи с этим важным фактором формирования этнических дискурсов³ оказывается процесс формирования политических и социальных намерений элиты общества.

Таким образом, следуя логике конструктивистского подхода, можно с большой долей условности назвать процесс формирования этнического самосознания «проектом», исходящим от правящей элиты или ее части. С этих позиций мы можем судить о том, что во второй половине XVII в. происходило формирование только одного подобного проекта, который в соответствующем сегменте

историографии называют «общерусским». Можно выделить основные черты, характеризовавшие данный проект: 1) понятия «Русь», «Россия», «российский» («русский», «православно-российский») народ в широком смысле соответствуют воображаемому сообществу, включающему всех восточных славян⁴; в *самом* широком смысле – даже все славянские народы⁵; 2) все восточные славяне являются потомками сына библейского патриарха Иафета Мосоха, что дает определенное этническое «первенство» населению Московской Руси; 3) трудно установить границу между собственно этническим и конфессиональным прочтением термина «русский». В ряде источников «русскость» приравнивалась к принадлежности к Русской православной церкви⁶; 4) главным историческим персонажем, образ которого создавал «общерусское» прочтение восточнославянской истории, был князь Владимир Святославович, а основным событием, соответственно, – крещение Руси. Результаты исследования этого этнического конструкта были изложены в работах Б. Н. Флори⁷, С. Н. Плохия⁸, М. В. Дмитриева⁹, О. Б. Неменского¹⁰ и др.

В определенной степени приведенная концепция была обобщена в произведении киево-печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, «Синописис...»¹¹, который стал первой печатной книгой по русской истории. Ее значение сложно преувеличить: переизданный только в XVII в. три раза, «Синописис...» был, пожалуй, самым распространенным историческим сочинением в России в исследуемый период¹².

«Общерусская» модель этнической идентичности вплоть до конца XVII в. оставалась единственной в малороссийской книжности, что очень хорошо прослеживается по самым разнообразным источникам. Более того, в последней трети XVII в. приведенная этногенетическая конструкция была адаптирована в московской книжности и стала частью официальной российской историографии¹³. Конечно же, в развитии «общерусских» этнических представлений большую роль играла позиция киевского духовенства, желавшего продолжения борьбы Русского государства за Правобережную Украину¹⁴. Также важным было осознание того, что на территории, оказавшейся после русско-польской войны 1654–1667 гг. под контролем Москвы, была ликвидирована униатская церковь, а представители высшего православного духовенства заняли исключительное положение, что, разумеется, было бы невозможно, окажись украинские земли под властью Речи Посполитой или Османской империи.

С другой стороны, заметную роль в политической жизни Малороссии во второй половине XVII в. играла казацкая старшина. Эта элитарная группа зачастую имела другие, иногда противоположные, интересы по отношению к киевскому духовенству. В течение всей второй половины XVII в. происходит процесс ее феодализации: казацкая элита постепенно приобретает власть над посполитыми, то есть крестьянами¹⁵. В определенном смысле этот первый этап оформился универсалом гетмана Ивана Мазепы 1708 г., запретившим крестьянам переходить от одного феодала к другому со своим земельным участком и таким образом закрепившим за старшиной права на владение землей¹⁶. По большому счету, феодализируясь, старшина приближала свой статус к польской шляхте, которая, по всей видимости, являлась для нее сословным идеалом. Проект Гадячского договора (1658), согласно которому старшина получила возможность нобилитации (возведения в дворянское достоинство)¹⁷, московский договор 1665 г. дают понять, что желание повысить свой статус до уровня «благородного» сословия занимало в социальных намерениях казацкой верхушки видное место.

Желание повысить и оформить свой социальный статус толкало казацких старшин на поиск нового «покровителя» среди соседних монархов – польского короля, царя, султана и крымского хана. История украинского общества второй половины XVII в., получившая от своих современников образное название «Руина», не знает ни одного гетмана, который оставался верным присяге кому-то из перечисленных правителей раз и навсегда. Автор единственного дошедшего до нас политического трактата того времени, «Перестрога Украине...», написанного в 1669 г., восклицал: «Тая ж нерозумная, що роз ся, то сюди, то туды до монархов розных перекидається, впят им ребелъзует, а за тое сама барзо шкодуе и знищѣла, нѣжли кого иншого звоевала...»¹⁸

Такой политический курс старшины не особенно хорошо сочетался с зарождающимися этническими «общерусскими» представлениями. Кроме того, отраженная в «Синописе...» и других исторических произведениях этногенетическая концепция, в отличие, например, от идеологии польского сарматизма, не содержала в себе информации об исключительной сословной роли казаков в истории украинских земель. Более того, в среде духовенства в разгар Руины намечается даже разочарование в казачестве. В частности, упоминаемый автор «Перестроги...», которому, видимо, была близка позиция киевских иерархов, сетует на то, что непостоянный внешнеполити-

ческий курс казацкой верхушки привел к утрате территорий, «неисчислимым богатств», которые Украина имела при «старом» Хмельницком. При этом сатирически подается один из лозунгов сторонников правобережного гетмана: «Зла и тяжка москва Украинѣ, а поляки совете (вдвойне. – Д. С.) тяжкиѣ»¹⁹.

Монополия малороссийского духовенства на интеллектуальный ресурс, который лег в основу многочисленных исторических и церковных произведений второй половины XVII – начала XVIII в., однако, не была полной. Среди казацких старшин также находились люди, сочинявшие или компилирующие различные нарративы, в основном исторического содержания. Речь идет о так называемых «казацких летописях»²⁰. В последней трети XVII – начале XVIII в. было написано три таких произведения: «Летописец» семьи киевского полковника Василия Дворецкого²¹, сочинение неизвестного автора, называвшего себя «Самовидцем»²², и хроника Григория Грабянки²³.

Сочинения Самовидца и Грабянки интересны нам с той точки зрения, что в первом упоминается, а во втором рассматривается версия о происхождении казаков от хазар. До сих пор считалось, что впервые «хазарский миф» упомянут в Конституции Ф. Орлика (1672–1742)²⁴ и летописце Григория Грабянки, составленных примерно в одно и то же время, т. е. в 1710 г. Несмотря на принципиальные отличия, оба этих документа объединяет идея происхождения казаков (как сословия и как народа) от хазар, обитавших в Приднестровье и Поволжье до X в.²⁵

По мнению Т. Г. Таировой-Яковлевой, хазарская легенда имеет «неясное происхождение». Однако это не совсем верно. Так, гипотеза происхождения казаков от хазар содержалась в четвертой книге «Хроники» Матвея Стрыйковского²⁶ (сам Стрыйковский, как впоследствии и Иннокентий Гизель, при этом придерживался версии о происхождении казаков от легендарного прародителя Козака). Также один из видных украинских писателей-богословов второй половины XVII в. Иоаникий Галятовский упоминал в своем произведении «Скарбница Потребная»: «...бо козаки ведлуг зданя мудрых людей некоторых названы суть от козаров (курсив мой. – Д. С.)»²⁷. В летописи Самовидца также приводится следующая характеристика предков казаков: «...обрали себе место пустое около Днепра низше порогов днепровских на житло, где в диких полях упражняся звериными ловлями, также и рыбными, при том безсурман на море розбивали, называяся козаками от древних Козаров, рода того ж Руского (курсив мой. – Д. С.), при Какгане еще бывших»²⁸.

В нашем распоряжении есть текст, озаглавленный «Синописис истории казаков», обнаруженный в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки²⁹. Текст датируется по «белой дате», т.е. по филиграням, самым концом XVII – началом XVIII в. (самые поздние водяные знаки бумаги, на которой был изображен этот текст, совпадают с филигранями на грамоте киевского митрополита Варлаама Ясинского (1627–1707) патриарху Адриану 1697 г.³⁰ Даже при самом беглом прочтении не остается сомнения, что мы имеем дело с наиболее ранним списком летописи Г. Грабянки. Проблеме соотношения краткой (более ранней) и общей редакции летописи уже посвятил статью украинский исследователь А. М. Бовгиря³¹. Историк использовал, однако, другой список: некоторые детали фрагментов текста, приведенного им для сравнения с общей редакцией летописи, отличаются от использованного нами.

Бовгиря обратил внимание на то, что в краткой редакции есть вставки религиозного характера, на основе чего им был сделан вывод, что автор мог иметь церковный сан³². Действительно, подобных вставок, содержащих религиозный пафос или фрагменты церковной истории (например, о путешествии иерусалимского патриарха Феофана в Москву), нет ни в более поздней редакции произведения Грабянки, ни в летописи Самовидца. В таком случае, следуя логике Бовгири, авторство самого Грабянки ставится под вопрос. Однако наличие вставок религиозного характера еще не говорит о том, что автор самого произведения мог быть представителем духовенства. Скорее всего, мы имеем дело со списком, переписанном священником или монахом, который по своей воле вставлял «благочестивые» отступления в текст летописи.

Поздняя («классическая») версия этого сочинения характеризуется более пространством текстом, большим количеством различных вставок, имеющих полемический и отчасти литературный характер. Эти отступления включены Г. Грабянкой в редакцию наряду с оригинальным текстом, который, однако, несколько пересказан. Исходя из этого, можно предположить, что «Синописис истории казацкой» был одним из источников его главного сочинения. Однако, как мы увидим ниже, обе редакции восходят к летописи Самовидца, причем «Синописис истории казацкой» написан более близким к первоисточнику языком. Также более близкой к Самовидцу является собственно этническая терминология «Синописиса истории казацкой». Еще одно важнейшее отличие нашего источника от летописи Грабянки заключается в том, что последняя испытала на себе явное влияние сочинения Иннокентия Гизеля. В предисловии Грабянка упоминал Дмитрия Донско-

го в «героическом» контексте («...и Дмитрия, Князя Московского, миллион и двесте тысячей гордящихся в своем Мамаи татар истребившаго и их Татарская Росианом подчинити принудившаго»³³), что было явной аллюзией на «Синописис...» Гизеля в редакции 1680 г., куда вошел адаптированный текст «Сказания о Мамаевом побоище».

В то же время от летописи Самовидца оба текста отличает наличие хазарской легенды, которая, по всей видимости, является «изобретением» автора «Синописиса истории казацкой...». В Таблице 1 представлены ранняя и поздняя версии этой легенды. Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты, курсивом – части, которые отличались.

Таблица 1

«Синописис истории казацкой...»	Летопись Грабянки
<p>«СѢ началъ проименованїѣ козаковъ Ѡткуду козаки наречены и Ѡт коего племени и рѢда».</p>	<p>«О начале проименования казак-ков и откуда нареченни, от коего племени и рода купно же и о древнейших их действиях сокращенне»</p>
<p>Народъ въ малоросїйской странѣ глаголемый козаки свое имать проименованїе въ правде Ѡт древнїго своего рода козарска; ихъ же нарицапхъ греки хазарами а Римлѣне Газарами. Язык то бѣ словенскїй, а живѣху близъ меотїйскаго Езера и сперва еже нынѣ мертвымъ нарицается, въ кое Донъ рѣка вѣпадаетъ; сїи козары бѣху Ѡт племени Гомера первого Афетоваго сына и Ѡт Гомера прежде нарицахусѣ гомеры, а Ѡт грековъ Кимеры, Ѡт рымлѣнъ же Цымбры, иже по полунощныхъ разсевающесѣ странахъ различнаѣ проименованїѣ себѣ присвоишаю Овыи Литвою друзїи жмудю, а инїе наречены гоѠами, тогда от</p>	<p>Народ малороссийской страны, нарицаемый козаки, имат свое проименование от древнейшаго рода Скифска, глаголемаго от гор Алянских Аляни, от реки же текущей чрез Бухарскую землю в Хваллинское море – Козари, идущаго от племени перваго Афетоваго сына Гомера, также по отшествїи от Азовского Кимерийского моря древнейших Гомеров или Кимеров или Цимбров, на полунощ и запад, и по применении именъ их в Литву Жмудь и Гофи, Швеи и прочіе, седоша на тих землях сїи Аляно-Козари, зане тот же язык бе Славенскїй, из Афета изшедїй. Последїи же по времени не малом расплодившїи и распространившїи зело, седе по обою страну Дона, разделяющаго Европу от Азини, таже и в самой Европу,</p>

ръки Козара именуемой тожде племж Гоморово нарекиши козаржмы над Езеромъ меотійским близ кимерійского Босфора съде и росплождающисж, посѣде **Сбѣ странѣ Дона**, протжжаючи же селеніе себѣ, едины въ Азію до реки Волги въпадающей въ Хвалинское, а друзіи до реки Днѣпра дойдоша. И пришедши за Днѣпръ повелжхусж над Черным моремъ, идеже нынѣ **Сѣчаков Белгородъ** даже до Паноніи. Въ томъ народѣ **Сбѣ** обычаи грубій бѣ сверѣпный, яко же оу татаръ нынѣ **Сбразъ** страшен якоже колмики, а живжху **Сѣт мѣста** на мѣсто пища же имъ бѣ наполи суровое мѣсо, а во бранехъ зѣло бжху храбры и вѣсмъ страшны старшину своего единого подрузѣхъ нарицахъ каганом и с темъ воевахъ на вѣсѣ странны наипаче же Царегржду бяху зѣло тжжцы его же разорили быша конечнѣ аще не бы непобѣдимаж воевода пречистаж Богородица мати защищаючи градъ той аки жребій свой тѣхъ побѣждала **Сѣчесомъ** въ субботу пжтую Святого поста Великаго исторія чететсж побѣдное поющи Богородицы над племенем нашими козарами. Сихъ же Левъ Савранинъ Царь греческій примирити себѣ хотжши пожъ сыну своему копрониму въ жену дочь Козарского кнжзя начаша

многие места в область свою приемиши, вселишася в Таврику (ныне именуется Крым), а оттуду пойдоша до Днѣпра и за Днѣпр до мест, по-над Черным морем обретающихся, иде же ныне **Очаков и Белгород**, даже до Панонен, где пременшася во инши народи, нарицаемши тогда Авари, Ганни и прочіе. А иже во Азии оставшася, сии такожде распространившиися даже до Волги и далее, яко-то за Волгу, за Яик, Якубу и Козару реки последи же и в далечайших окрест Хвалинскаго моря обретающихся странах вселившиися, нарекошася Болгары, которіи, естественном своим мужеством влекоми суще, чрез многие времена Заволских татар улуси пленяху, от них же послезде отмцающих своя плени, изгнани до Дуная застали, и тако во року 666-м проименовалися Болгарами³⁶. <...>

В том народе обычаи бѣ грубій и сверепій. Яко же нине татар, образъ страшен, яко же у Колник, живяху же множайши в шатрах, переходящи от места на место, пажити ради своим скотом, пища им бѣ суровое мясо неваренное, хлеба не точию не имяху, и но и не знаяху. В такомъ убо нестяжательном житіи суще, отнюдь прелести мира сего, златом сребром, каменем драгим и прочими, яже у людей честнейша и любострастийниша суть, не печухуся, но едино точию в них бѣ упражненіе, еже в бранехъ непрестанно обучатися, чесо ради зело

помалу навикати Христїанскїѣ вѣры с ними наконецъ и смысышася³⁴. Тыи кзарстїи князѣ прежде Крещенїа имѣху над Кїевом Ѡбласть и над иными Росїйскими нѣкїими страны. С нихъ же иданы възымахъ, бѣлчанїе кожи Ѡт всжака дому и по шелжгу Ѡт плуга, но послѣжде Ѡскольдъ и Дирь воеводы из Великого Новгорода пришедше, Ѡт Кнжзж Рурика сѣдоша въ Кїевѣ и недаша Козаром даны. Посемъ бысть кнжзь въ Кїеве Олегъ той Ѡтжтъ Ѡт козаровъ радомичы и сѣверь по Олгу бысть кнжзе въ Кїевѣ Игорь Руриковъ: по Игору Свѣтославъ Игоровичъ, Ѡтець Великаго Владимира. Той Свѣтославъ иде на Ѡку рѣку и на Волгу и видевъ вжтычи дающїа козаром даны Ѡтжтъ ихъ Ѡтъ козаровъ на иныхъ же всею силою пойде такожде и козары съ Кнжземъ своимъ Каганомъ, противъ Свѣтославъ на брань изыдоша и бышасж крѣпко наконецъ Ѡ долѣ козаровъ Свѣтославъ и всемъ градъ ихъ Бѣлою Вежу даны наложи. Ѡбаче тѣхъ токмо Козаровъ Ѡдолевъ и покорыв себѣ иже бжху на сей странѣ Дона; а Ѡ бокъ полу Дона живущих козаровъ. Посемъ половцы снемшесж съ печенѣги, первѣе над черным моремъ изгнавшѣ народы сѣдоша,

*бяху храбры и толь мужественны, яко Каган Хазарский их, Царь всем окрестним землям бе ужасен*³⁷
<...>

По победѣ оной страшной над козарами под Константинополем бывшей, еще и сотрении уже силы их отчасти бяху, обаче еще множества Казарского окрестные народы опасехуся. Их же Царь Греческий Лев Исавраин в року 630, себе примирити ищущи, поять сину своему Лву Копрониму дщерь Каганову, именем Ирину, в жену; от нея же полади родися Лев, прозиваемый Хазарий иже по отцу своем и восприемник скипетра державы Греческой. К сему кагану, в року 640, король французский Дагоберт посылал посла своего именем Рихария освобождения ради Французов; иже сии суци у Кагана по случаю простре некогда слово о нечестивой идолопоклоннической Казарской ему же Каган, возражающи его повесть. премудре отвечаща: «вы (рече) Християне рабами Божиими именуется, злобы же неисповедимие противу воле Его творите; сего ради часте Бог допущает, дабы мы неверные озлобления Божия над вами отмицали»³⁸ <...>

Их же еще и уменьшися инде племѣ, обаче тамо мужество оных и владение не оскудевавше, ибо владуци Киевом и иными Росїйскими некими странами, взимаху от них дань: белчание кожи от всякого дому и по шелягу от плуга. Последи же Осколд

таже на козаров бранію ходже чрез многіе лета, до конца ихъ истребыша и сами мѣста ихъ посѣдоша; и вселишися иде же нынѣ нагаисти татаре а половцы и таврицы. Христіанъ Ѡтуду изгнавшє сѣдоша и пріходже съ печенегами на Русь многіа пакости странамъ симъ творжху. Егдаже иный скиѠский народъ, живущий за Хвалинскимъ моремъ з царемъ своимъ Батіемъ прешед рѣку Волгу въ силѣ тажцей первѣ половцовъ найде и бившисѣ съ ними крѣпко, истребы Ѡныхъ, а съ ними и печенеговъ до конца ибывши зъяти въ Ѡбласть свою ихъ страны. Потомъ и на Рускую Землю прійде нечестивій Батый, Ѡгнемъ и мечемъ красныхъ грады съравны съ Землею. Тогда половцовъ и печенѣговъ погибе памжть. А козаровъ нарицаніе малоросійский воеи премѣнившє мало козарѣ въ козаки именуется и доселѣ и Ѡт козаровъ народа своего доселѣ нарицаются козакамъ. Аще Веспасіянъ Коховский и отъ козъ дивныхъ козаковъ нарицаетъ яко тѣмъ скоростію до брани соравняются и ловомъ темъ оуправлжхуся наипаче но не прилично Ѡтъ козъ козаковъ нарицаетъ. Приличнее Стрийковскій нарицаетъ козаковъ Ѡтъ древняго и славнаго ихъ вожда козака. Его же промышломъ

и Дир, воеводы Рурика князя Великого Новгородского пришеде къ Киеву, сѣдоша в немъ и не даша Казаромъ дани. По сихъ бысть Князь в Киеве Олег, сей отъятъ отъ Казаровъ радомичи и север. По Олегу бысть князь в Киеве Игорь Руриковичъ, сей тяжести ради даней на древлянъ наложенихъ, ничто же памяти достойно съ казари сотвориши, отъ древлянъ убиенъ в року отъ Рождества Христова 908, и погребенъ в граде Коросташеве. По немъ взятъ скипетръ области Киевской сынъ его Святославъ Игоревичъ, иже пошедши на Оку реку и Волгу, и видевъ Вятичи казаромъ дань дающихъ, опять отъ нихъ, чего ради нужда бе козаромъ съ каганомъ своимъ изийти противъ Святослава на брань, иже Святославъ биющихся крѣпко и мужественно побѣди, градъ столный Белую Вежу взятъ и на самыхъ ихъ дань даяти наложи, обаче сихъ точию козаровъ Святославъ побѣди, котории по сей стране Дону обитаху, прочии же при преждной своей свобѣдѣ остаху. По семъ Половцы съ Печенеги, отъ странъ полуношныхъ под Французами изгнани суещє, приидоша в сии степовія отверзстие места, и чрезъ многіе лета на казаровъ бранію воююще, в мале не до конца ихъ истребиша, сами же на ихъ обиталищахъ вселишася: Печенеги тамо идеже нынѣ Нагайский Татаре, половцы же – в Таврице, изгнаша Христіанъ отъ туду; исходяще же съ кочовищъ своихъ подобиемъ нынешнихъ татаръ на Русь многія пакости и

многажды татаръ побѣждахъ. Алезандеръ же Гвагвинъ ѿт свободы нарицаеть козаками, занеже яко предкове ихъ не ѿт нужды коей но ѿт доброй волѣ ѿхотнѣ и без найму на брань хождахъ. Тако и нынѣ козаки храбрости своей несокрывающе, къ брани ѿхочи видять то вси на Окѣ. Яко нѣмцы поляки и турки, берут наем многій и между собою толко бѣющеся показуютъ храбрость сопротивнымъ же скоро даютъ плочи, но козаки туне без найму на брань спешливы и мужество ихъ вси видять, ибо спод ляхского ига малою силою ѿтемиши на многихъ бранехъ ляховъ побѣдиши и полскую Землю всю половеаша. Ѿ томъ и ѿ прочіихъ бранехъ Козацкихъ повѣстїю достовѣрне скажемъ...³⁵

*озлобления творяху*³⁹ <...>

Таже в недолзем времени той же Скифский народ, жителствовавший за Хвалиским морем, с воеводою своим Батием, от великаго Хана Китайского, наследника Тамерланового вправлениим, перешед реку Волгу в силе тяжцей и великой, к сему и имеючи людей своего племени Татарского в крепости Перекопской довольно, присовокупи их к своему воинству, и первее с Половцами брань сотворили, всеконечне победи оных, также Печенегов, на главу поразивши, в область свою взял их страны; потом, в року 1248, и на Русскую землю пришедши многие воинския силы победи, многие прекрасные грады, допущением Божиим со землею соравиши, напоследок и самый стольный град Киев до основания разори, в року 1248⁴⁰. Козаров же нарицание Малороссийские вои мало что переменивши, в место козаров козаками именуются. Аще Веспасиян Ковховский и от коз дивных козаков нарицает, яко тем скоростию до брани соравняются и тех ловом наипаче упаржняются; но приличнее Стрыйковский проименованіе их производит, глаголющи: яко от древнего своего некоего вожда Козака, его же промыслом многажды Татар побеждаху, козаками нарицаются. Александр Гвагвин от свободы их тако нарекшихся разумеетъ быти, занеже праотцы их от доброй воли

охотне на брань исхождаху, якоже и всегда Козаки не сокриваючи храбрости своей ко брани охотни суть... ⁴¹

Итак, «Синопис истории казацкой...», судя по всему, хронологически первый источник, излагающий хазарскую этногенетическую легенду. Содержание текста имеет ряд особенностей, характерных для произведений подобного рода, созданных в грамотной малороссийской среде того времени. Во-первых, речь идет об *этнической* истории казаков, названных «народом» и имеющих древнее происхождение. Во-вторых, аргументы о возникновении казацкого «народа» от сына Иафета Гомера, потом от цимбров, упоминаемых Птолемеем и другими древнеримскими авторами, строится исключительно на созвучии этнонимов и интерпретации точек зрения, заимствованных Грабянкой (и/или автором «Синописа истории казацкой...») из произведений польских авторов – В. Каховского, М. Стрыйковского и других. В-третьих, мы можем подтвердить вывод С. Н. Плохия, о том, что сам миф отражает «секуляризацию» исторической памяти казацкой верхушки⁴²: крещение Руси перестает быть центральным эпизодом и даже упоминается вскользь. Это сильно отличает Летопись Грабянки от исторических произведений второй половины XVII в. Наконец, полностью соответствующим традиции является наделение древнего «хазарского» народа, к которому автор причислял и своих предков, определенными чертами «национального» характера. Речь идет о храбрости и вымышленных военных успехах в борьбе против самых известных античных и раннесредневековых государств.

Нельзя не отметить, что автор «Синописа истории казацкой» демонстрирует двойственное отношение в использовании маркеров этнической идентичности. Так, повествуя об осаде Львова войсками Богдана Хмельницкого в 1648 г., автор пишет «такову трапезу бедной Руси римляне всегда готуют»⁴³. То есть «русь» как маркер этнической идентичности противопоставлена «римлянам», т.е. католикам.

Также характер отличий двух списков «Летописи...» Г. Грабянки можно проиллюстрировать на примере сравнения соответствующих глав, повествующих о переходе Богдана Хмельницкого под власть царя Алексея Михайловича. Их названия имеют характерные отличия: в первом случае глава называется «Сказаніе чесо ради Хмельницкій поддадеш под великого государж московского

дрижипольской»⁴⁴, во втором – «Сказание чесо ради Хмельницкий поддадеса *россиянам* и о войне Дрижипольской»⁴⁵. В более ранних сочинениях, например в Летописи Самовидца или летописце Дворецких, события, последовавшие за Переяславской радой, расценивались как переход в подданство «единоверного монарха» или даже «объединение православия», но никак не прочный союз с этнически близкими «россиянами», «великороссами» или даже «москвой».

Изложение событий поначалу в обоих текстах совпадает почти дословно, Грабянка явно копировал более раннюю редакцию. Однако в позднем списке изменен ряд сюжетов. Во-первых, иначе описан приезд В. В. Бутурлина и принятие присяги гетманом и украинским населением после Переяславской рады, по-другому описано сражение на Дрожи-поле и предшествующие ему события. *Таблица 2* показывает нам, что новые, по сравнению с первой редакцией вставки Грабянка снова заимствовал из Летописи Самовидца. Автор возвращался к первоисточнику, видимо, желая придать своему сочинению более законченный вид.

Таблица 2

Летопись Самовидца	Летопись Грабянки
«...И в том же 1654 годе присланный бывает от его царского пресветлого величества Алексея Михайловича, всея России Самодержца, ближний боярин и дворецкий Василий Васильевич Бутурлин, изъ иными бояре и многими столниками и дворяны, великим послом до гетмана Хмельницкого по жаданню его и усега войска Запорожского... Задля которых великих его царского величества послов сложил гетман Хмельницкий зъезд в Переясловлю усем полковникам, сотникам и атаманню и сам приехал в Переяслов на день Богоявления Господня и там рада была, где усе полковники и сотники с товариством при иных будущем, позволилися составить под	«...прислал Его Царское Величество ближнего боярина и дворецкого Василия Бутурлина з инними бояри и многими столники и дворяни, великим послом до гетмана Хмельницкого и всего войска Запорожского, чинячи постановление, на яких волностях мают зоставати под великодержавною Его Царского Величества рукою. Для чего сам Хмельницкий з енералними особами и з полковниками и з старшиною полковою и сотниками и атаманею на Богоявление Господне в Переяславль приехал. И там раду учинили, где все полковники и все при них будущее войско позволилися быти под единоверным себе монархою Его Величеством

<p>Высокодержавною его царского величества рукою, не хотячи юже болш жадным способом быти подданными королю полскому и давним паном, а не теж приймати к себе татар; на чом на той-то раде и присягу выконал гетман Хмельницкий зо всеми полковниками, сотниками и атаманю... и узали великое жалование его царского величества соболями и зараз по усех полках... козаки яко войты со всем посольством присягу выконали на вечное подданство его царскому величеству. Що по усей Украине народ з охотою учинил»⁴⁶.</p> <p>«...Ивану Золотаренкове наказное гетманство вручил, давши ему булаву и бунчук и армате з собою узал немало. Который просто ишол на Гомель и там заставши жолнеров литовских немалую купу. Гомель осадил, под которым немалый час стоял, не могучи оных узяти. А его царское величество просто под Смоленск подступил и там оног даставал разными способами, где и козаков прийшло немало з братом Золотаренковым до его царского величества под Смоленск, где себе отважнее починали в приступах аж верху мурах смоленских по лестницах были...»⁴⁷</p>	<p>Царем Московским, а не под Кролем Полским Римския веры також и татарам все постановили от себе отказати. На чом гетман Хмельницкий со своими енерали и полковники и со всем войском року 1654... присягу выконали и пребогатое жалованя царское соболями и прочими дари також и знамена войсковые приняли... казаки и все посольство Царскому Величеству присягу на верноость выконали. Что по обох странах Днепра во всей Украине всякая душа з охотою учинили...»⁴⁸</p> <p>«Над которым войском учинен гетманом наказным Иван Золотаренко. И дано ему булаву и бунчук и армат немало, и приказано, абы до царского величества от себе послал под Смоленск, яког справного наказным з войском, а сам аби мешкал коло Гомля и Быхова ляхов, чтоби пришли жолнере на государеву войска под Смоленск на одсечь. За которыми войски прийшол Золотаренко под Гомель, где зоставши не малую часть жолнеров литовских в Гомле осадил и виправил брата своего до Его Царскго величества под Смоленск, где пред лицом Его монаршим козаки отважне у приступах аж на верх муров Смоленских по лестницах збегали...»⁴⁹</p>
---	---

Как уже было отмечено, в тексте «Синописа истории казачкой...» практически отсутствуют «лирические» отступления, свойственные поздней редакции. Если автор обоих текстов – Григорий Грабянка, то первое свое произведение он написал более сухим язы-

ком. Так, например, описывая битву на Дрожи-поле (январь 1655 г.), Грабянка писал: «И кто можаше убиение людей счислити от обою страну? И кто не содрогнулся, видя презельние мрози текущую кровь потоком?»⁵⁰

Важным отличием более поздних вариантов летописи Грабянки является наличие предисловия, объясняющего, с какой целью она была составлена. Сами предисловия в малороссийских исторических сочинениях того времени – довольно обычное, но примечательное явление. В частности, мы можем встретить подобные тексты в Густынской летописи и «Хронике...» Феодосия Софоновича. В обоих случаях в них объяснялась необходимость знания прошлого своей «отчизны». Грабянка вставил в предисловие еще один очень важный мотив: «...не точию славенороссийские монархи, – заканчивал он, – мужества своего страхом обносили, но и рабы их за отечестве собственных государей и за обиду россиян могут и премошнейших чуждых монарх силам вооружившись противустати»⁵¹. Автор противопоставил монархов, которым в то время в основном предписывались военные победы, «рабам», т.е. народу (или его части), который самостоятельно может противостоять иноземным завоевателям. Как нам кажется, этот пассаж попал в предисловия не случайно. К 1710 г., уже после измены гетмана И. С. Мазепы и Полтавской битвы, зависимость запорожского казачества от Москвы заметно возросла. Повидимому, Грабянка как представитель казацкой старшины таким образом напоминал о заслугах казачества перед монархами. Это еще раз подтверждает тезис о том, что к тому времени маргинальная, в общем, идея происхождения казаков от хазар стала более актуальной в связи с растущим чувством сословной солидарности среди части казацкой старшины.

Однако, на наш взгляд, не следует преувеличивать значение хазарского этногенетического мифа в формировании «автономистской» идентичности казацкой старшины. Даже сам Грабянка, в общем, больше соотносит себя с «российским» народом (который, по мысли того же автора, не имеет ничего общего с хазарами). В связи с этим характерен следующий пассаж его «Летописи», где приводится письмо Богдана Хмельницкому царю Алексею Михайловичу от февраля 1654 г. Язык послания – русский московского извода XVII в., а текст практически полностью совпадает со списком самого письма, которое сохранилось в архивах Малороссийского приказа⁵². Скорее всего, Грабянка пользовался именно им. Однако этническая терминология в двух текстах не совпадает. Если в списке письма,

хранившемся в московском архиве, Богдан Хмельницкий называет население украинских земель «миром православным российским»⁵³, что совпадает с тем, как он называл подконтрольное ему население в других многочисленных посланиях, то Грабянка использует более понятный и современный ему термин «единоплеменные россияне»⁵⁴. В более ранних работах мы уже делали вывод о том, что под «единоплеменным» малороссийские книжники XVII в. подразумевали общее происхождение⁵⁵. Богдан Хмельницкий не употреблял указанный термин потому, что он, хотя и существовал уже на тот момент, всё же оставался слишком «книжным» и редко использовался даже в образованных кругах Гетманщины. Грабянка называет «россиянами» ратников Дмитрия Донского, московских монархов, и, что характерно, «российским сыном» назван также Богдан Хмельницкий.

Первый список летописи Грабянки по своей этнической терминологии более напоминает Летопись Самовидца и Летописец Дворецких, т.е. тексты более ранних произведений.

Таким образом, сам текст «Летописи» отражает тот уровень этнических представлений, который господствовал тогда в среде образованной части малороссийского общества, находясь на стадии становления, но тем не менее тяготея более всего к «общерусской» модели.

Хазарский этногенетический миф, конечно же, не выдерживал никакой критики с научной точки зрения, которая всё более укоренялась в образованных кругах Российской империи в течение XVIII в. Так, например, в 1785 г. историк А. И. Ригельман писал в своем «Летописном повествовании о Малой России»: «Описание разных авторов и из самих их писателей и мнимых сказаниев, нашлося, что они все произошествоие свое возимели в российских местах от самых древних славян, а не от иного народа, как они повествуют о себе. Тем паче доказательно, что они и сами между собою объявляют несогласно, каждые о себе мнят разного рода и происхождения быть...»⁵⁶

Выбор Григорием Грабянкой Летописи Самовидца в качестве основного источника для своей работы кажется очевидным в связи с тем, что ему был интересен нарратив именно казацкой истории. В восточнославянской книжности на тот момент заметное место занимал сегмент, посвященный истории русских земель в целом, однако сочинений, где главным коллективным историческим актором являлись казаки, было не так много. В знаменитом «Синописе» Иннокентия Гизеля, в «Хронике» Феодосия Сафоновича и прочих произведениях последней трети XVII в. в центре внимания стоит история

народа в целом («православно-российского», «славенороссийского» или «руси»). Наиболее пространным казацким историческим произведением на тот момент была Летопись Самовидца. Именно ее Грабянка дополнял на протяжении более чем 20 лет. В определенной степени, подражая уже сложившейся традиции, казацкий писатель придал военно-политической истории своего сословия этнический оттенок, используя этногенетическую легенду, выводившую происхождение казаков от хазар. Хотя сам мотив и не был оригинальным, тем не менее именно в сочинении Грабянки мы впервые находим более или менее целостное описание этой легенды.

Всё это стало результатом роста интереса к истории своего сословия, отражением тенденции к его консолидации и свидетельствует о появлении этносоциального дискурса в украинской книжности на рубеже XVII–XVIII вв. Представление об этническом происхождении отдельной общественной страты напоминает нам идеологию польского сарматизма. Однако «хазарский миф» не вытесняет собственно этнических представлений о «русском» и «российском», хотя и противоречит им, отражая тем самым скорее двойственность взглядов автора «Синописа истории казацкой». Строго говоря, мы видим этногенетический конструкт, который, однако, лишен четкого содержания, отделяющего украинское казачество от других народов Восточной Европы. Легенда о происхождении казаков от хазар, которые трактовались частью то «славянского языка», то «русского рода», не могла ответить на вопрос, чем так принципиально этнически отличается «малороссийский народ» от великороссов. В связи с этим следует отметить, что суждение об «уровне оппозиционности авторов (казацких летописцев. – Д. С.) политике российского правительства...»⁵⁷, на наш взгляд, является несколько преувеличенным, по крайней мере в отношении Летописи Грабянки и, соответственно, «Синописа истории казацкой». Особенно спорным кажется вывод Т. Г. Таировой-Яковлевой о том, что «эта концепция преследует вполне прозрачную цель – не оставить даже никакого намека об общем происхождении русских и украинцев»⁵⁸. Судя по всему, автор «Синописа истории казацкой», интересуясь историей собственного сословия, так и не вышел за пределы «общерусской» или славянской концепции происхождения населения украинских земель.

В этом отношении этногенетическая легенда, сочиненная ранее в среде киевского духовенства, при всей ее неустойчивости, свойственной периоду становления, была более приемлема для грамотной части украинского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Под «малороссийской элитой» в статье подразумеваются представители правящей и феодальной верхушки населения украинских земель. В данном случае слово «малороссийский» синонимично термину «украинский», так как является не более чем «областным» маркером и обозначает территорию, которую в источниках в равной степени называли «Украиной» и «Малороссией» («Малой Русью»). Также к элите мы относим высшее киевское духовенство.

2 В. А. Тишков в этой связи отметил, что «существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства <...>. Конституированная и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организации ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости <...>». См.: *Тишков В. А. Реквием по этносу*. М., 2003. С. 115.

3 Под этим понятием мы вслед за известным исследователем феномена национализма А. И. Миллером понимаем «отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражает мир, но проектирует и со-творяет его... Оно (понятие. – Д. С.) включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения...» (*Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et contra*. 1997. Т. 2. С. 141).

4 *Степанов Д. Ю.* «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е гг. XVII в. // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 16.

5 Именно такой взгляд мы можем встретить в «Синописе Киевопечерском» Иннокентия Гизеля. Так, говоря о происхождении славян, Гизель писал: «Ѡт Мосоха праѠтца СлавенѠрѠссїйска, по наследїю егѠ, не токмо Москва нарѠдь великїй, но и вса Русь или РѠссїя вышереченнаа произыде, аще в нѣких странахъ малѠ чтѠ въ словесѣхъ и премѣниса, Ѡбаче единымъ славенскимъ азыкомъ глаголють...» (*Иннокентий (Гизель)*. Синопис, или Краткое собрание из различных летописцев... Киев, 1680. С. 14).

6 В частности, для такого известного малороссийского церковного писателя и сподвижника Гизеля, архиепископа Лазаря Барановича, история Руси – это в первую очередь история Русской церкви, и «русским» для Барановича считался тот, кто принадлежал к церкви, основанной князем Владимиром. См.: *Степанов Д. Ю.* К вопросу о восточнохристианских традициях в формировании протонациональной идентичности украинской интеллектуальной элиты // *Исторический вестник.* М., 2016. Т. 16 (163). С. 56.

7 *Флоря Б. Н.* Древнерусские традиции и борьба восточных славян за объединение // *Папуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. // *Славяноведение.* 1993. № 2. С. 221–268; *Флоря Б. Н.* Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // *Дмитриев М. В., Заборовский Л. В., Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 2: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999. С. 151–174; *Флоря Б. Н.* «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века (по материалам расспросных речей) // *Средние века.* Вып. 74 (1–2). М., 2013. С. 160–191.

8 *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006; *Плохий С.* Налівайкова віра: козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006.

9 *Дмитриев М. В.* Киево-Могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // *Київська Академія.* Вып. 2–3. Киев, 2006. С. 14–31; *Дмитриев М. В.* Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // *Вопросы истории.* 2002. № 2. С. 154–158.

10 *Неменский О. Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин:* Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 409–434; *Неменский О. Б.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина: История и культура.* Ежегодник, 2005. М., 206. С. 180–191; *Неменский О. Б.* «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII в. (по материалам полемических

сочинений) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / Под ред. М. В. Дмитриева. М., 2008. С. 137–162; *Неменский О. Б.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом: Сб. ст. / Под ред. О. Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.

11 *Иннокентий (Гизель)*. Синописис...

12 Источниковедческое изучение «Синописиса...» имеет богатую историю: *Титов Ф.* Типография Киево-Печерской лавры // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1865. Т. 2; *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. Киев, 1874; *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891; *Миллюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1–2; *Ланпо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6; *Пештич С. Л.* «Синописис» как исторический источник // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1958. Т. 15. С. 285–298; *Мыцык Ю. А.* Влияние «Кройники» Феодосия Софоновича на Киевский «Синописис» // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: Сборник научных статей. Днепропетровск, 1972. Вып. 1; *Он же.* Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978; *Он же.* Відображення деяких подій з історії Києва в літопису Яна Бінвільського // Український історичний журнал. 1982. № 2; *Он же.* Історико-географічний опис України у творах італійського гуманіста XVI ст. Джованні Ботеро // Історичні дослідження. Вітчизняна історія. Киев, 1982; *Жиленко І. В.* Синописис Київський. Киев, 2002; *Карнаухов Д. В.* История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009; *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996.

13 *Степанов Д. Ю.* Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII – XVIII вв. // Русский сборник. М., 2013. Т. 14. С. 79–95.

14 *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 48.

15 Процесс усиления роли казацкой старшины в малороссийском обществе, разумеется, хорошо изучен. Пожалуй, наиболее знаковыми исследовательскими работами являются следующие: *Липинський В.* Україна на переломі. Філадельфія, 1991. Т. 1–2; *Яковлева Т. Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Ру-

їни. Київ, 1998; *Яковенко Н.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і центральна Україна. Київ, 2008.

16 *Артамонов В. А. Кочегаров К. А. Курукин И. В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб. 2009. С. 29.

17 Текст договора см.: Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863. Т. 4. С. 252.

18 *Мицик Ю. А.* Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 133.

19 Там же.

20 Следует привести краткую характеристику, данную этим произведением С. С. Лукашовой: «Следует уточнить, что эти произведения не являются в точном смысле слова летописями – по жанру они должны быть отнесены к историческим произведениям, их авторы занялись литературной деятельностью после отставки с воинской службы, и только изложение событий по годам соответствует стилю летописей» (*Лукашова С. С.* Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в. // Границы и регионы в исторической ретроспективе. М., 2005. Вып. 1. С. 35).

21 *Мицик Ю. А.* «Летописец» Дворецких – памятник украинского летописания XVII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 219–234.

22 Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. М., 1846. В современной украинской историографии авторство Летописи Самовидца обычно приписывается генеральному подскарбию, затем священнику Р. О. Ракушке-Романовскому.

23 *Грабянка Г.* Летопись. Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляки... Киев, 1854.

24 *Pacta et Constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporovien-sis...* // Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика, и киевского воеводы, Иосифа Потоцкого, на латинском и польском языках // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1847. № 3. С. 1–18.

25 См., например: *Таурова-Яковлева Т. Г.* К вопросу о формировании самосознания политической элиты Украины раннего Нового времени // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. М., 2011. С. 178–188; *Она же.* Мазепа. М., 2007.

26 *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Królewiec [Königsberg], 1582. St. 115–116.

- 27 *Иоанникий (Галятовский)*. Скарбница потребная. Новгород-Северский, 1676. Л. 5.
- 28 *Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого*. М., 1846. С. 2.
- 29 Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 173. № 97. Синопись *С̄* началъ проименованіѣ козаковъ (далее – Синописис истории казаков).
- 30 *Дианова Т. В.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. С. 118.
- 31 *Бовгуря А. М.* «Літопис Грабянки»: Питання першоснови // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 75–82.
- 32 Там же. С. 81.
- 33 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. III.
- 34 Синописис истории казаков. С. 1–2.
- 35 Синописис истории казаков. С. 2–3.
- 36 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. 3–4.
- 37 Там же. С. 5.
- 38 Там же. С. 10.
- 39 Там же. С. 14.
- 40 Там же. С. 14–15.
- 41 Там же. С. 15–16.
- 42 *Плохий С. Н.* «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 285.
- 43 Синописис истории казаков. Л. 20–21.
- 44 Там же. Л. 44.
- 45 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. 120.
- 46 *Летопись Самовидца*... С. 22.
- 47 Там же.
- 48 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. 123.
- 49 Там же. С. 130.
- 50 Там же. С. 134.
- 51 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. IV.
- 52 Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 1. 1654 г. Д. 4. Л. 44–54. Документ опубликован: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. М., 1954. Т. 3. 1651–1654 годы. С. 547–550.
- 53 Там же. С. 548.
- 54 *Грабянка Г. И.* Летопись... С. 124.
- 55 *Степанов Д. Ю.* Этногенетический миф... С. 86.
- 56 *Ригельман А. И.* Летописное повествование о Малой России. М., 1847. С. 2.

57 Лукашова С. С. Культурное пограничье... С. 36.

58 Таирова-Яковлева Т. Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины конца XVII – начала XVIII веков. [Электронный ресурс. Режим доступа:] http://krotov.info/libr_min/28_ya/ko/vleva_t2.htm (дата обращения: 23.12.2016).

D. Yu. Stepanov

The Khazar ethnogenetic myth in the system of representations of the Ukrainian Cossack's military elite at the end of XVII – beginning XVIII cent.

This article dwells upon the problem of the formation of the Cossack military elite's ethnic identity in the late 17th – early 18th centuries. The main problem under scrutiny is the formation of the Ukrainian Cossack origin's legend from Khazars, or "The Khazar myth".

Keywords: *Ukraine, Cossack military elite, self-conciseness, identity.*

А. А. Михайлов, В. В. Михайлов
(Санкт-Петербург)

Болгарские офицеры – выпускники российской Николаевской академии Генерального штаба

В статье исследуется история подготовки болгарских офицеров в Императорской (Николаевской) Военной академии после освобождения Болгарии от Османского владычества. Приведены статистические данные, показан боевой и служебный путь наиболее выдающихся выпускников-болгар, их вклад в развитие болгарского военного строительства и российского военного искусства.

Ключевые слова: *Императорская (Николаевская) Военная академия, русско-болгарские военные связи, А. Ф. Бендерев, И. К. Сафаров, П. С. Стаев, С. Н. Златарский, Р. Д. Радко-Дмитриев, Й. Г. Пехливанов.*

Открытая в 1832 г. в Санкт-Петербурге по указу императора Николая I Императорская Военная академия (с 1855 по 1909 г. – Николаевская академия Генерального штаба) около 85 лет осуществляла подготовку российских офицеров к службе, которую выдающийся отечественный военный теоретик Б. М. Шапошников именовал «мозгом армии».

Через аудитории Академии прошли многие видные российские военачальники, ученые, государственные деятели. Однако в ней обучались также офицеры иностранных, прежде всего славянских государств. Долгое время вопрос об иностранцах-выпускниках Академии Генерального штаба (как, впрочем, и об обучении иностранных подданных в российских военно-учебных заведениях в целом) не привлекал внимания исследователей. В последнее время, однако, ситуация изменилась. Среди исследований, посвященных проблеме, необходимо в первую очередь указать статьи А. В. Ганина «Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1933 гг.)»¹ и «Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России»², а также разделы его работы о выпускнике Академии Гештаба болгарине Й. Пехливанове, опубликованной на русском³ и болгарском⁴ языках.

Тем не менее тема подготовки офицеров для иностранных армий в военных учебных заведениях Российской империи исследована

пока явно недостаточно. Настоящая статья посвящена лишь одному аспекту этой темы – обучению в Академии Генерального штаба болгарских офицеров, но она предлагает скорее лишь постановку проблемы.

В январе 1913 г. на страницах журнала «Известия Императорской Николаевской Военной Академии» был опубликован «Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии Генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии)»⁵. Список включает 123 фамилии болгарских офицеров, обучавшихся в Академии с 1878 по 1912 г. Для каждого из них составители указали год поступления в Академию, год ее окончания, чины при поступлении в Академию и на время составления списка, а также должности: «во время настоящей [Первой Балканской (1912–1913). – А. М., В. М.] войны» и перед ее началом. Большая часть российского общества искренне сопереживала совместной борьбе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории против Османской империи, а военные были преисполнены к кампании еще и профессионального интереса. Поэтому вполне закономерно, что составители стремились показать, где и в каком качестве выпускники Академии участвуют в боевых действиях.

Из списка видно, что число зачисленных в Академию болгар в отдельные годы могло сильно различаться. В 1878 г. был принят всего один человек, поручик Бельчев, причем он поступал сразу в старший класс Академии. В 1879 г. прием болгар не осуществлялся, затем в 1880 г. на обучение поступили сразу 8 офицеров, все в чине подпоручика: Бендерев, Паприков, Петров, Хесапчиев, Дмитриев, Дерманчев, Винаров и Антикаров. В 1881 г. болгары в Академию вновь не зачислялись. Не было приема также в 1884, 1886, 1892, 1894–1896 и 1912 гг. В остальные годы число зачисленных болгар варьировало от 1 до 11 чел. Всего по одному болгарскому офицеру поступило в Академию в 1888, 1890, 1891, 1893, 1897 гг. Максимальное число поступивших – 11 чел., пришлось на 1906 год. Кроме того, повышенным приемом – 10 человек – отличались 1907 и 1908 годы.

Конечно, на поступление болгар в российскую Академию Генштаба влияли взаимоотношения между странами, но важным фактором являлась также политическая обстановка внутри Болгарии. Политический переворот 1886 г., приход к власти правительства С. Стамболова и последовавшие за этим гонения на русофилов побудили целый ряд видных выпускников Академии избрать учебу именно в России.

Выпуск, естественно, зависел от приема. Полный срок обучения в Академии Генерального штаба первоначально был установлен в два года, учащиеся делились на два класса, но в 1893 г. был учрежден третий, дополнительный, класс. Отныне, лишь окончив его, офицеры могли быть причислены к Генеральному штабу. Кроме того, при Академии имелось Геодезическое отделение, переход в которое также продлевал пребывание в академических стенах. Как видно из документов, сохранившихся в фонде Академии Генерального штаба, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), выпускаемые офицеры снабжались помимо свидетельств об окончании курса документами и даже денежными средствами для возвращения на родину⁶.

Наибольший по численности «болгарский выпуск» выпал на 1912 год – 15 человек. Однако 9 человек из них (И. П. Сирманов, Г. Н. Хесапчиев, П. И. Златев, Т. Д. Радев, Г. Люцканов, Г. Н. Попов, К. Г. Попов, Й. Т. Пеев, Е. Т. Тодоров) покинули Академию досрочно «по случаю военных действий на Балканах»⁷. Большим выпуском – 12 человек выделяется также 1909 год. Тогда из стен Академии вышли 11 офицеров, принятых в 1906 г. и прошедших трехлетний курс, и один офицер (Волков), который поступил на обучение еще в 1904 г., избрал Геодезическое отделение и проучился в совокупности пять лет. В итоге одновременно в Академии могло находиться заметное число болгар. Например, по данным, приведенным на основе архивных источников А. В. Ганиным, в 1906–1907 учебном году только в старшем классе обучались 10 болгарских офицеров⁸.

Программы Академии всегда оставались обширными и сложными. В связи с этим любопытным представляется замечание, высказанное в мемуарах Б. М. Шапошниковым, который обучался в Академии в 1907–1910 гг.: «Несколько слов об учившихся в нашей академии офицерах болгарской армии. Учились они усердно, но, правда, оценки им ставили с большим снисхождением. <...> В общем развитии болгары отставали и некоторое время жаловались на трудность прохождения курса в русской академии, сравнивая его с курсом итальянской академии генерального штаба, где предъявлялись менее жесткие требования и ставились более высокие баллы»⁹. Трудно сказать, насколько справедливо суждение о снисходительности академических профессоров к болгарам, но в списке есть отметка о досрочном отчислении всего одного болгарского офицера, причем без указания причин. Впрочем, у Б. М. Шапошникова оценок ситуа-

ции тоже нет, зато он отмечает, что «отношение русских офицеров к болгарам было чисто товарищеским»¹⁰.

Среди перечисленных в списке болгарских офицеров обращают на себя внимание прежде всего те, кто не только обучался в Академии, но и перешел на русскую службу. В списке факт службы в России отмечен всего для трех выпускников: генерал-майора А. Ф. Бендерова (годы обучения 1880–1883), полковника П. С. Стаева (1893–1896) и умершего генерал-майора С. Н. Златарского (1885). Однако целый ряд офицеров перешли на русскую службу уже после составления списка, причем некоторые из них занимали видные посты, сыграв в русской военной истории довольно заметную роль. В их числе генерал-лейтенант Р. Д. Радко-Дмитриев (1881–1884), генерал-лейтенанты М. Д. Енчевич (1887–1890) и И. К. Сарафов (1888–1891), полковник И. Г. Пехливанов (1906–1909) и др.

Генерал-майор Анастасий Федорович Бендерев (25.03.1859–12.11.1946) родился в городе Горна-Оряховица в семье богатого болгарского торговца. В юности он участвовал в антитурецком Апрельском восстании 1876 г., во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сражался в рядах русской армии как волонтер. В 1879 г. он окончил Софийское военное училище, после чего около года состоял адъютантом при болгарском военном министре.

В 1880 г. А. Бендерев был направлен для продолжения образования в российскую Академию Генерального штаба. По окончании курса Бендерев вернулся в Болгарию, где в октябре 1885 г. недолго состоял начальником «родного» Софийского военного училища. Интересно отметить, что Бендерев стал первым болгаринцем на этой должности, до него училищем руководили офицеры российской армии. Впрочем, вскоре по причине начавшейся Сербско-болгарской войны Бендерев отправился в действующую армию. В боях с сербами он быстро зарекомендовал себя как храбрый и энергичный офицер. Так в сражении у г. Сливница (5–7 ноября 1885 г.) Бендерев, командуя отрядом, лично повел его в атаку на сербские позиции и заставил сербов отступить¹¹. Вскоре после окончания войны А. Бендерев был назначен помощником военного министра.

Успешная карьера на родине была прервана бурными политическими событиями 1886 г. А. Бендерев принадлежал к группе офицеров, участвовавших в заговоре против князя Болгарии Александра Баттенберга и его свержении. Однако приход к власти вскоре после «детронизации» князя регентского совета во главе со С. Стамболовым заставил многих сторонников заговора искать убежища в России.

В августе 1887 г. Бендерев поступил на русскую военную службу в чине штабс-ротмистра. Сначала он служил в артиллерии, и 3-м драгунском Сумском полку, но основная деятельность этого отважного и энергичного офицера оказалась в значительной мере связана с далекими окраинами Российской империи – Туркестаном и Приамурьем. В сентябре 1904 г. он был назначен начальником штаба 40-й пехотной дивизии, с которой принял участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. В июле 1905 г. А. Бендерев получил в командование Амурский казачий полк, в апреле 1906 г. стал командиром 1-го Семиреченского казачьего полка. С марта 1910 по февраль 1914 г. он командовал 1-й бригадой 1-й Туркестанской казачьей дивизии, 9 марта 1910 г. был произведен в генерал-майоры¹². Интересно отметить, что в Туркестанском округе служил также племянник Анастасия Бендерова Иван Николаевич Бендерев¹³, офицер-артиллерист, выпускник Михайловского артиллерийского училища и артиллерийской академии.

А. Ф. Бендерев несмотря на многочисленные служебные обязанности серьезно занимался военными науками, стремился познакомить российское общество с политической и военной историей своей родины. Еще в 1887 г., вскоре после приезда в Россию, он опубликовал брошюру «Письма о причинах низложения Баттенберга»¹⁴. Вполне закономерно, что, будучи активным участником заговора против князя, Бендерев наделил болгарского монарха крайне негативными характеристиками.

Особый интерес представляет глава брошюры, получившая название «Интриги в армии». В ней А. Бендерев дает характеристики нескольким видным болгарским военным деятелям, в том числе и своим соученикам по Академии Генерального штаба. По его утверждению, князь Александр Баттенберг, намереваясь устранить русофильски настроенных офицеров старшего поколения, делал ставку на молодежь, пусть даже и получившую военное образование в России. Он всячески заигрывал с молодежью, соблазняя ее чинами и высокими должностями. Бендерев выделил и поименно перечислил тех, кто согласился Баттенберга поддержать. В брошюре говорится: «Некоторыми из наших товарищей по Академии, в то время поручиками, Петровым, Паприковым, Дмитриевым (пожалуйста, не смешивайте его с почтенным капитаном Радком Дмитриевым) и Волнаровым, предложения князя были приняты, и началась работа»¹⁵.

В этом фрагменте очень интересна оговорка относительно Р. Д. Радко-Дмитриева: в будущем ему предстояло занимать видные

посты в русской армии, но симпатии это офицера к России уже тогда не были секретом. Все четыре офицера, охарактеризованные Бендеревым как активные «баттенбергисты», сделали впечатляющую карьеру в болгарской армии, речь о них пойдет дальше.

Далее Бендерев назвал и тех, кто выступил против замыслов князя: «Трое академистов, я и поручики Хесапчиев и Дерманчев, отказались конспирировать и протестовали против разврата, вносимого князем в армию, особенно среди юнкеров и нижних чинов»¹⁶. «Развратом» Бендерев называл антирусскую пропаганду, а из двух указанных им единомышленников особого внимания заслуживает Христофор Хесапчиев (1858–1938), сыгравший впоследствии видную роль в военной и дипломатической истории Болгарии. За брошюрой Бендеревы о заговоре против Баттенберга последовала работа, посвященная военно-географическому и военно-статистическому описанию Македонии¹⁷.

В 1892 г. Бендерев выпустил весьма просторную (более 500 страниц) работу о Болгаро-сербской войне 1885 г.¹⁸ Опубликована эта книга была в издательстве, которым владел известный пропагандист панславизма и кадровый военный В. В. Комаров¹⁹. Описывая причины войны, Бендерев вновь резко критикует князя Александра Баттенберга за стремление отвлечь внимание общества от проблем, порожденных «изменой князя народным традициям по отношению к братской России»²⁰.

Впрочем, научная и публицистическая деятельность Бендеревы проблемами Болгарии и Балкан не ограничивалась. Находясь на службе в штабе 2-го Туркестанского армейского корпуса, он совершил исследовательскую поездку по северу Персии, результаты которой в 1902 г. нашли отражение в книге, предназначенной для служебного пользования (вышла с грифом «не подлежит оглашению»)²¹. В феврале 1914 г. А. Бендерев был назначен генерал-квартирмейстером штаба Туркестанского военного округа и на этой должности встретил Первую мировую войну.

В августе 1914 г. он стал начальником штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса. С марта 1916 г. по июль 1917 г. А. Бендерев командовал 121-й пехотной дивизией. Однако затем он, как и многие кадровые офицеры старой закалки, был от командования отстранен. Сугубо формальным стало его назначение в запас чинов Казанского военного округа.

Во время Гражданской войны А. Бендерев некоторое время служил в грузинской армии, затем, осенью 1919 г., поступил на службу в Вооруженные Силы Юга России. Впрочем, в том же году он уехал

в Болгарию (официально – в командировку)²² и в Россию уже не возвращался. Несмотря на то что на родине генерал оказался в очень стесненных материальных условиях, он не оставил научных трудов и в 1930 г. выпустил работу об освобождении Болгарии от турецкой власти в 1877–1878 гг.²³

Публикация книги Бендерова была осуществлена при помощи товарищества ополченцев «Шипка», в правление которого входил Иван Константинович Сарафов (1856–1935), также выпускник Академии Генерального штаба.

И. Сарафов родился в г. Тырново, в 1877–1878 гг. участвовал в войне против Турции, затем уехал в Россию, где окончил Одесское юнкерское училище. После училища Сарафов вернулся на родину и служил в болгарской армии, в конце 1885 г. получил в командование пехотный полк. В 1886 г. Сарафов в числе прочих офицеров-русофилов был вынужден отправиться в Россию. По окончании Академии Генерального штаба (1891) он около семи лет прослужил в российской армии и уехал в Болгарию лишь в 1898 г., когда счел, что политическая обстановка там изменилась к лучшему.

В Болгарии карьера у И. К. Сарафова складывалась довольно успешно: он руководил отделом в военном министерстве, затем был начальником штаба 1-й пехотной дивизии, командовал 10-м пехотным Родопским полком, 8-й пехотной дивизией. В качестве командира дивизии Сарафов принял участие в Первой Балканской войне, участвовал во многих ее сражениях, в том числе в штурме болгарскими войсками турецкой Чаталджинской укрепленной позиции (в 45 км от Константинополя) в ноябре 1912 г. В 1913 г. Сарафов был отчислен в запас.

Сближения Болгарии с Германией и тем более ее вступления в борьбу на стороне блока Центральных держав Иван Сарафов категорически не одобрял, и поэтому после начала войны предпочел вернуться на русскую службу. С июня 1915 по апрель 1917 г. И. Сарафов командовал 103-й пехотной дивизией, которая, в частности, принимала участие в знаменитом Брусиловском прорыве, в апреле-июне 1917 г. был командиром 101-й пехотной дивизии. В конце июня И. К. Сарафов, имея чин генерал-лейтенанта, получил в командование 32-й армейский корпус, но вскоре вышел в отставку и возвратился в Болгарию.

Среди болгарских офицеров, перешедших на русскую службу, в списке выпускников Академии Генштаба назван также генерал-майор Павел Степанович Стаев (1870–1951). Он был уроженцем го-

рода Троян, профессиональную подготовку, подобно многим своим товарищам, получил в Софийском военном училище. Академию Генштаба Стаев окончил в 1896 г. по 1-му (высшему) разряду. Дальнейшая его служба проходила в основном на штабных должностях в Московском военном округе, а также в гренадерских частях²⁴. В начале ноября 1911 г. полковник Стаев был назначен командиром 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского полка.

С этим полком Стаев вступил в Первую мировую войну. В августе 1914 г. в боях на территории Польши он получил тяжелое ранение. Впоследствии за отвагу, проявленную в этом бою, он был удостоен ордена св. Георгия IV ст. и награжден георгиевским оружием. В этот период своей службы Стаев контактировал с генерал-майором В. Ф. Джунковским (бывшим командующим Корпусом жандармов), который возглавлял одну из дивизий армии. Джунковский в связи с этим вскользь упомянул Стаева в своих мемуарах, назвав «близким знакомым»²⁵.

В начале октября 1917 г. П. С. Стаев был уволен с должности командира дивизии (в качестве официальной причины указана болезнь) и направлен в резерв чинов при штабе Московского военного округа. Выбор последующего пути у Стаева носил совсем иной характер, нежели у Бендерова или Сарафова. В 1918 г. он добровольно поступил на службу в Красную армию и вскоре принял активное участие в разработке ее уставов при Организационном управлении Всероссийского Главного штаба. В июле 1918 г. Стаев поступил на службу в литературно-издательский отдел Политуправления Революционного Военного Совета, с 1920 г. работал в «Вестнике промышленности» при Главном управлении промышленности металлоизделий (Главметалл).

В сравнении с карьерой Бендерова или Стаева служебный путь Стефана Николаевича Златарского (1862–1912) может показаться менее впечатляющим, однако он также был человеком незаурядным. Стефан Златарский родился в Велико-Тырнове в семье учителя и видного общественного деятеля Николы Златарского (1823–1875). Два его брата, Георгий (1854–1909) и Василий (1866–1935), стали учеными и внесли большой вклад, первый – в минералогию, второй – в историческую науку. Стефан Златарский совсем еще юношей в 1877–1878 гг. принял участие в войне против Турции как доброволец. По окончании боевых действий он обучался в Софийском военном училище, затем продолжил образование в России в Михайловском артиллерийском училище, Артиллерийской академии, Академии Ге-

нерального штаба. В 1884 г. Златарский, находясь в болгарской армии, получил чин капитана, но дальнейшие политические события заставили его вновь уехать в Россию. Здесь он служил в гвардейской пехоте и в артиллерии²⁶.

С февраля 1901 по март 1907 г. он командовал батареей в Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде, в марте-ноябре 1907 г. – дивизионом в 1-й Лейб-гвардии артиллерийской бригаде, после чего получил в командование 22-ю артиллерийскую бригаду. Названная бригада стояла в Новгороде, куда и прибыл Златарский. Вскоре он снискал репутацию энергичного и заботливого командира. Особенно увлекла его идея организовать офицерское собрание, которого прежде в бригаде не имелось. Златарский смог получить от Военного министерства средства на строительство для собрания специального здания, но тут его замыслы натолкнулись на сопротивление городской думы, не пожелавшей выделить землю поблизости от казарм бригады. Началась напряженная борьба, в которой Златарский продемонстрировал на страницах местной прессы несомненный публицистический талант²⁷. В итоге бригаде пришлось строить дом для собрания на месте собственных снесенных построек. Работы были завершены в 1912 г., и в том же году С. Златарский скончался.

Среди болгарских выпускников Академии очень заметной фигурой является Радко Дмитриевич Радко-Дмитриев (1859–1918), генерал от инфантерии, видный участник Первой мировой и Гражданской войн. Радко Русов Дмитриев (так его называли в Болгарии) родился в с. Градец недалеко от Сливницы. В молодости он участвовал в антитурецком восстании 1876 г., во время войны 1877–1878 гг. был зачислен в ряды российского Лейб-гвардии Уланского полка. После войны он прошел курс Софийского военного училища (1879) и начал службу в болгарских войсках (милиции). Находившийся в то время на Балканах генерал российской армии Э. В. Экк через много лет в мемуарах счел необходимым отметить: «Осенью 1880 года из состава милиции были командированы в Петербург, в Академию Генерального штаба, три младших офицера, болгары Радко-Дмитриев, Цанков и Волнаров. Все трое успешно окончили академию и вернулись обратно уже с правами офицеров Генерального штаба»²⁸. Пройдя годичный курс в российском Константиновском военном училище (1881), Радко-Дмитриев окончил Николаевскую Академию Генерального штаба в 1884 г.

Радко-Дмитриев принял участие в Сербо-болгарской войне 1885 г.: он возглавлял штаб Западного корпуса генерала Д. Николае-

ва, который в конце ноября, после сражения при Сливнице, предпринял наступление на сербский город Пирот. В 1886 г. Радко-Дмитриев примкнул к противникам Александра Баттенберга, в 1887 г. принял участие в восстании, организованном офицерами пророссийской ориентации в Силистрии, а после его неудачи (и крайне жестокого подавления) перешел на русскую службу. Служил он преимущественно на Кавказе на различных командных должностях. В 1898 г. Радко-Дмитриев возвратился в Болгарию, где был назначен начальником штаба 5-й Дунайской дивизии. В 1900–1904 гг. он руководил оперативным отделом болгарского Генштаба, в 1907–1907 гг. состоял начальником Генштаба.

Во время Первой Балканской войны 3-я болгарская армия, которой командовал Радко-Дмитриев, нанесла туркам сокрушительное поражение в бою у Кирклиссе, отличалась в сражении у Люле-Бургас. В ноябре 1912 г. он сыграл заметную роль в штурме болгарскими войсками Чаталджинской укрепленной позиции (одним из его подчиненных был в то время Сарафов). В марте 1913 г. Радко-Дмитриев совместно с председателем болгарского Народного собрания С. Даневым совершил поездку в Петербург, целью которой, как отмечали осведомленные современники, было сообщить российским властям, что царь Болгарии Фердинанд готов «в случае овладения Константинополем поднести его ключи русскому царю»²⁹. М. В. Родзянко описал в мемуарах восторженный прием, который оказали Радко-Дмитриеву члены Государственной Думы и столичное общество, и передал речь генерала с заявлениями о необходимости тесного содружества России и Болгарии³⁰.

Однако российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, напротив, стремился не допустить полного разгрома Турции, опасаясь, что «ключи» от Босфора в результате такового могут попасть в руки третьей державы. В докладе Николаю II в ноябре 1913 г. он делал вывод, что «для России одинаково опасен как непосредственный переход проливов в руки великих держав или их марионеток, Греции или Болгарии, так и англо-французский план интернационализации (нейтрализации) проливов и установления над ними контроля международной комиссии»³¹. Начавшееся вскоре обострение отношений внутри Балканского союза и вовсе сделали полную поддержку Болгарии невозможной. К тому же ни о какой передаче «ключей от Константинополя» России царь Фердинанд не думал, а в Болгарии массово были отпечатаны открытки и даже почтовые марки с царем в облачении византийских императоров³².

С началом Второй Балканской войны Радко-Дмитриев был назначен на должность помощника главнокомандующего действующей армией, но уже в начале июля 1913 г. он был направлен посланником в Санкт-Петербург. Когда началась Первая мировая война, он перешел на русскую службу и был назначен командиром 8-го армейского корпуса в составе 8-й армии, который принял активное участие в Галицийской битве.

В начале сентября 1914 г. Радко-Дмитриев был назначен командующим 3-й армией, на которую возлагалась операция по осаде крепости Перемышль. Генерал от кавалерии А. А. Брусилов, руководивший осадой, вспоминал, что тот встретил назначение с оптимизмом: «Я составил себе о нем (Радко-Дмитриеве. – *А. М., В. М.*) впечатление, – писал Брусилов, – как о человеке чрезвычайно решительном, сообразительном и очень талантливом»³³. Тем не менее взять Перемышль из-за целого комплекса неблагоприятных для русской армии обстоятельств не удалось.

В конце 1914 г. армия Радко-Дмитриева стойко сражалась на р. Сан, нанесла поражение австрийцам в Лимановском сражении, а весной 1915 г. форсировала Карпаты и развернула наступление у Горлицы и на Дунайце. Затем, однако, его армия подверглась сильному контрудару (о возможности такого развития событий Радко-Дмитриев высшее командование предупреждал). Армия понесла огромные потери. В итоге в начале мая 1915 г. Радко-Дмитриев был отстранен от командования армией. Многие мемуаристы считали подобную меру непродуманной и несправедливой. Великий князь Андрей Владимирович записал в своем дневнике: «Иванов (главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. – *А. М., В. М.*) отрешил Радко-Дмитриева, а может Иванов ему в подметки не годится. Радко – человек и с именем, и с прошлой боевой славой. Нельзя было с ним так поступать. Без того у нас людей мало»³⁴.

А. А. Брусилов полагал, что, хотя Радко-Дмитриев и допустил некоторые ошибки, основная вина лежит на главнокомандующем войсками фронта Н. И. Иванове³⁵.

После Февральской революции, в июле 1917 г., Радко-Дмитриев был снят с должности командующего армией и отчислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. Он уехал на Юг России для лечения и обосновался в Пятигорске. А. Г. Шкуро в своих воспоминаниях повествовал, что Радко-Дмитриев получил от него предложение стать одним из руководителей белых войск, формирующихся на Юге России, но уклонился от этой миссии³⁶. В октябре

1918 г. Радко-Дмитриев по решению органов ЧК был казнен (точнее, зверски убит) в числе 83 заложников.

Трагические последствия имели революционные события 1917 г. и для другого генерала российской армии – Христо Нейковича Койчева (1863–1918). Его служба в российской армии составителями таблицы не отмечена, хотя он находился на таковой долго. Койчев родился в г. Дрон, недалеко от Велико-Тырнова. В 1881 г. он окончил Софийское военное училище, получил офицерский чин, но вскоре прервал службу из-за несогласия с политикой Александра Баттенберга и уехал в Россию. В 1889–1891 гг. он обучался в Академии Генерального штаба³⁷.

Прослужив некоторое время на разных штабных должностях, в августе 1900 г. Койчев был назначен на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа, на которой оставался до ноября 1901 г. и некоторое время был сослуживцем А. Бендерова.

В ноябре 1901 г. Койчев временно оставил ряды армии: он поступил на службу в Отдельный корпус пограничной стражи, относившийся к ведомству Министерства финансов. В мае 1908 г. Койчев вернулся в ряды армии и получил в командование 75-й пехотный Севастопольский полк, в сентябре 1913 г. стал командиром бригады 48-й пехотной дивизии.

В Первую мировую войну Х. Койчев до апреля 1915 г. командовал бригадой в «своей» дивизии, затем был переведен на такую же должность в 9-ю пехотную дивизию. В начале февраля 1917 г. Х. Койчев был определен на должность командира вновь сформированной 17-й Сибирской стрелковой дивизии. Начавшиеся в это время революционные потрясения привели к развалу многих воинских частей и соединений, особенно созданных недавно и без того не отличавшихся сплоченностью. Происходившие события потрясли Койчева до глубины души. Он не смог выдержать гибели всего того, чему служил, и застрелился. В оставленной им записке говорилось: «При теперешних условиях служить и жить не могу, в моей смерти никого не винить»³⁸.

К числу выпускников Академии, чья служба в российской армии была весьма плодотворна, но тоже не нашла отражения в таблице в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии», относился также Марин Драганович Енчевич (1860–1934). Военную службу он начал в Болгарии в августе 1878 г. В 1879 г. окончил Софийское военное училище, из которого был выпущен прапорщиком в 23-ю Русшукскую дружину. Для продолжения военного образова-

ния Енчевич отправился в Россию. В 1885 г. он окончил Александровскую военно-юридическую академию, затем некоторое время состоял прикомандированным к Одесскому военно-окружному суду, но уже в сентябре того же года вернулся в Болгарию, где занимал должности военного следователя и прокурора при Русшукском военно-окружном суде.

В 1885 г. М. Д. Енчевич принял участие в Сербо-болгарской войне, а вскоре после ее окончания эмигрировал в Россию. В 1886 г. он вновь приехал в Болгарию, участвовал в попытке свержения Александра Баттенберга, после неудачи переворота вновь отправился в Россию. Академию Генерального штаба Енчевич окончил в 1890 г.³⁹ Затем он командовал стрелковым батальоном, стоявшим в Ашхабаде, и батальоном 90-го пехотного Онежского полка (1900), состоял при штабе 23-й пехотной дивизии (1901), был командиром 8-го Закаспийского стрелкового батальона в Кушке (1903–1904).

В сентябре 1904 г. М. Д. Енчевич стал командиром 4-го стрелкового полка. Он принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., был ранен и контужен, награжден Золотым оружием. В январе 1912 г. Енчевич получил чин генерал-майора и стал командиром 2-й бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Во время Первой мировой войны он с апреля 1915 г. по август 1917 г. командовал 62-й пехотной дивизией, за проявленную отвагу был награжден орденом св. Георгия IV ст.

После Октябрьской революции 1917 г. М. Д. Енчевич подвергался арестам, но тем не менее в 1918 г. поступил на службу в РККА. В Советской России он занимался в основном военно-преподавательской деятельностью, а в 1922 г. уехал в Болгарию. На родине бывший генерал столкнулся с большими материальными трудностями. В 1923 г. ему удалось получить должность в библиотеке при Дирекции по делам метеорологии, где он проработал до ноября 1931 г. Несмотря на незавидное материальное положение, М. Д. Енчевич занимался написанием мемуаров, которые составили книгу «Изповед на един родолюбец» («Исповедь патриота») ⁴⁰.

М. Д. Енчевич и упомянутый выше П. С. Стаев были не единственными болгарскими – выпускниками Академии Генштаба, служившими в Красной армии. Наиболее ярким примером в этом отношении может служить Йордан Георгиевич Пехливанов (1877–1955), выпускник 1909 г., биография которого освещалась историками. Пехливанов родился в г. Сливен. В 1898 г. он окончил курс Софийского военного училища и был зачислен в чине подпоручика в 1-й артилле-

рийский полк. В 1902–1906 гг. он обучался в России в Михайловской артиллерийской академии, из которой был переведен в Академию Генерального штаба. Вскоре после окончания академического курса, в 1910 г., Й. Пехлеванов принял русское подданство и поступил на службу в российскую армию. В этот период в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии» им была опубликована статья «Вооруженные силы Болгарии»⁴¹.

Среди прочего он дал характеристику офицерам болгарского генерального, особо отметив, где, в каком учебном заведении, они получили высшее военное образование. Пехливанов сообщает: «Из наличных офицеров генерального штаба окончили курс: около 75 человек – Николаевской Академии Генерального Штаба, 44 человек – в Италии, в Туринской академии, 10 человек – во Франции, 4 человека – в Бельгии и 1 человек – в Австро-Венгрии»⁴². Офицеры, прошедшие российскую академию, составляли, таким образом, большинство. Не забыл Пехливанов напомнить читателям и о том, что выпускники российской Академии Генштаба занимают видное место среди высшего командного состава. «Командующие армиями, – пишет он, – генералы Кутичев, Дмитриев (Радко) и Иванов, один из популярнейших в армии. Кроме генерала Кутичева, все остальные окончили курс Николаевской Академии Генерального штаба»⁴³.

Союз и тесное военное сотрудничество России и Болгарии Пехливанов считал естественным, исторически закономерным, надежным основанием для которого служила совместная борьба против Турции в 1877–1878 гг. «Наряду с местными, национальными героями и неизмеримо выше их, – утверждал он, – стоят воспоминания о великой освободительной войне. Беспрецедентное бескорыстие русского народа, принесшего столь огромные жертвы на борьбу с Турцией; боевые эпизоды этой борьбы героических русских войск <...> составили богатейший материал для народных преданий»⁴⁴.

В действительности, по справедливому замечанию А. В. Ганина, в Болгарии «шло негласное соперничество группировок русофильских и русофобских», причем царь Фердинанд Кобург, сменивший на престоле Александра Баттенберга, и значительная часть генералитета были настроены антирусски⁴⁵.

Болгария, Сербия и Греция стремились к разделу Османской империи, а вовсе не к ее сохранению, как Россия, не желавшая раньше времени выставлять свои претензии на овладение Константинополем и черноморскими проливами⁴⁶.

Во время Первой Балканской войны Й. Пехливанов выехал в Болгарию и принял участие в боевых действиях. Одним из итогов этой «экспедиции» стала серия статей о войне в «Известиях Императорской Николаевской Военной Академии»⁴⁷.

Вскоре после начала Первой мировой войны, в августе 1914 г., Пехливанов получил назначение в военно-цензурный отдел штаба 9-й армии. В этом штабе он прослужил на различных должностях до апреля 1916 г., когда был назначен начальником штаба 3-й Заамурской пограничной дивизии, и оказался вдалеке от зоны боевых действий. В октябре 1917 г. Пехливанов был назначен командующим войсками Приамурского военного округа. О его деятельности на Дальнем Востоке и непростых отношениях с местными советскими и большевистскими органами подробно рассказано в статье А. В. Ганина⁴⁸. После ряда столкновений Пехливанова в январе 1918 г. отправили в Петроград, в распоряжение СНК.

В феврале-марте 1918 г. Й. Пехливанов принял активное участие в организации отражения красными частями германского наступления на Петроград. Располагая малыми и плохо организованными силами, он проявил настоящие чудеса энергии, чтобы дать неприятелю хоть какой-то отпор. Ввиду данного эпизода советские историки давали бывшему царскому офицеру самые положительные оценки⁴⁹. Однако они предпочитали не указывать, что уже в сентябре 1918 г. Пехливанов бежал в Крым, занятый белыми войсками⁵⁰. В декабре 1919 г. он был направлен командованием ВСЮР в Болгарию, куда и уехал с семьей в начале следующего 1920 года.

Еще одним болгариним, выпускником Академии Генштаба, который побывал в рядах и Красной, и Белой армии, стал Константин Людсканов-Цанков (выпуск 1914 г.), сын крупного болгарского политического деятеля Александра Цанкова. Впрочем, он сознательно отказался от непосредственного участия в братоубийственной гражданской войне и в дальнейшем преуспел на дипломатическом поприще.

Конечно, многие, даже большинство болгар-выпускников российской Академии Генерального штаба служили исключительно в рядах болгарской армии. Многие из них добились весьма впечатляющих успехов, причем не на одном военном поприще. Так, в 1883 г. одновременно с А. Бендеревым академию окончил Рачо Петров (1861–1942), который впоследствии дважды занимал пост военного министра Болгарии (1887 и 1894–1896), был министром иностранных дел (тоже дважды) и председателем Совета мини-

стров. Соучениками Бендерова и Петрова являлись Христофор Хесапчиев (1858–1938) и Стефан Паприков (1858–1920), и оба стали видными военными и дипломатами. Х. Хесапчиев в 1886–1887 гг. руководил Софийским военным училищем и по своей должности поддерживал постоянные контакты с российской Академией Генерального штаба. Он принял участие в неудачном перевороте 1886 г., был арестован, но в 1890-е смог активно возобновить военную карьеру. В 1896–1898 гг. он командовал пехотным полком, а в 1899–1904 гг. состоял болгарским военным атташе в Сербии, затем был дипломатическим агентом там же (1904–1905) и послом в Румынии (1909–1911). Во время Первой Балканской войны Х. Хесапчиев состоял представителем болгарской армии при верховном главнокомандующем греческой армией. В Первую мировую войну занимался штабной работой. Он также сыскал известность как автор военно-теоретических работ.

С. Паприков в 1887–1891 гг. занимал пост начальника Софийского училища, возглавлял несколько раз Генеральный штаб, а в 1899–1903 гг. был военным министром. Затем он перешел на дипломатическую работу, был болгарским послом в России (1910–1912). Во время Первой Балканской войны являлся представителем Болгарии при Главной квартире сербской армии.

Выпускниками Николаевской академии Генерального штаба являлись военные министры Болгарии Михаил Саввов (Академию окончил в 1885 г., министр – в 1891–1894 и 1903–1907 гг.), Никола Иванов (Академию окончил в 1885 г., министр в 1896–1899 г.), С. Ковачев, Г. Вазов⁵¹.

Карьера выпускников Николаевской академии Генерального штаба могла складываться весьма различным образом. Среди них, особенно в старшем поколении, наиболее видное место занимали сторонники российско-болгарского союза, но были и такие, кто был готов и к борьбе с Россией. Но в любом случае российское высшее военное образование для болгарских офицеров считалось наиболее престижным по причине его высокого уровня, позволявшего выпускникам занимать самые высокие должности как в действующей армии, так и в правительственных органах страны. Не приходится отрицать, что доля болгарских выпускников, проявивших себя как блестящие профессионалы, продемонстрировавших незаурядные профессиональные, а также личные волевые качества, была очень высока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ганин А. В. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1933 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории. М., 2015. С. 80–97.

2 Ганин А. В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 450–467.

3 Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.

4 Ганин А. В. Българинът, защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

5 Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии Генерального штаба (ныне Ц Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. 1913. № 37. С. 133–145.

6 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 544. Оп. 1 Д. 887. Л. 2–17.

7 Список офицеров... С. 144.

8 Ганин А. В. Западные и южные славяне-генштабисты... С. 81.

9 Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию... С. 260; Шапошников Б. М. Воспоминания о службе. М., 2014. С. 139.

10 Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию... С. 139.

11 Гацов Н. Кратка военна история на България (681–1945). София, 1977. С. 206.

12 Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 186.

13 Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1 января 1910 г. СПб., 1910. С. 104.

14 Бендерев А. Письма о причинах низложения Баттенберга. М., 1887.

15 Там же. С. 15.

16 Там же. С. 16.

17 Бендерев А. Ф. Военная география и статистика Македонии и соседних с нею областей Балканского полуострова. СПб., 1890.

18 Бендерев А. Сербско-болгарская война 1885 года. СПб., 1892.

19 Копытко В. К., Кориунов Э. Л., Михайлов А. А. «Наши силы... которые установлены для военного времени, недостаточны для успешного ведения войны» // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 11–18.

- 20 *Бендерев А.* Сербско-болгарская война... С. 12.
- 21 *Бендерев А. Ф.* Астрабад-Бастамский район Персии. Поездки по району в 1902 году Ген. штаба полковника Бендерева. Астрабад, 1904.
- 22 *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 719.
- 23 *Бендерев А.* История на българското опълчение (и Освобождението на България) 1877–1878. София, 1930.
- 24 Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 г. Пг., 1914. С. 186.
- 25 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания 1915–1917. М., 2015. Т. 3. С. 302.
- 26 Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 г. СПб., 1910. С. 713.
- 27 *Z.* По поводу отказа Новгородской городской думою дать место в городе для постройки гарнизонного собора // Волховский листок. № 891. 11 июля 1910 г. С. 2.
- 28 *Экк Э. В.* От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 88–89.
- 29 *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб, 2008. С. 209.
- 30 *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 70–71.
- 31 *Михайлов В. В.* Вопрос о черноморских проливах и Российская империя перед вступлением в Первую мировую войну султанской монархии // Клио. 2014. № 8 (92). С. 28.
- 32 *Михайлов В. В.* К вопросу о борьбе за Константинополь в 1912–1913 гг. // Человек. Природа. Общество: Материалы 11 международной конференции 27–30 декабря 2000 г. СПб., 2000. С. 470–472.
- 33 *Брусилов А. А.* Воспоминания. М., 1963. С. 114.
- 34 *Романов А. В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 144.
- 35 *Брусилов А. А.* Воспоминания... С. 163.
- 36 *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 2013. С. 71.
- 37 Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 г. ... С. 883.
- 38 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания... С. 626.
- 39 Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 г. ... С. 732.
- 40 *Енчевич М. Д., ген.* Изповед на един родолюбец. София, 2004.
- 41 *Пехливанов Ю.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской академии. 1912. № 33. С. 1367–1380.
- 42 Там же. С. 1379

- 43 Там же. С. 1380.
- 44 Там же. С. 1372.
- 45 Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию... С. 265.
- 46 Михайлов В. В. Дипломатия на Балканах накануне Первой мировой войны // Клио. 2010. № 2 (49). С. 33–34.
- 47 Пехливанов, капитан. Война на Балканах. Действия на Восточном театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 43. С. 999–1023; Пехливанов И. Война на Балканах. Действия на Фракийском театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 47. С. 1671–1688 и др.
- 48 Ганин А. В. Болгарин, защитивший Россию... С. 280–282.
- 49 Николаев П. А. На защиту Петрограда!.. Л., 1986. С. 108–110.
- 50 Ганин А. В. «Мозг армии»... С. 119–121.
- 51 Михайлов В. В. Начало «Болгарского лета»: дипломатическая коллизия 23 мая – 14 июня 1915 г. // Клио. 2016. № 10 (118). С. 96–97; Прищепа Т. М. Военные министры Болгарии – воспитанники учебных заведений Российской империи (1879–1915 гг.) // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 3–4 (March-April). S. 33–37.

A. A. Mikhailov, V. V. Mikhailov

Bulgarian officers – graduates of Russian Nikolai Academy
of the General Staff

The article examines the history of the training of the Bulgarian officers in the Emperor (Nicholas) Military Academy after the release of Bulgaria from the Ottoman rule. The article gives the statistics of military service of Bulgarians, shows the military service of the most outstanding Bulgarian graduates, their contribution to the development of Bulgarian military construction, as well as to the Russian art of war.

Keywords: *Imperial (Nicholas) Military Academy, Russo-Bulgarian military relations, A. F. Benderev, I. K. Safarov, P. S. Stoev, S. N. Zlatarski, R. D. Radko-Dmitriev, I. G. Pehlivanov.*

*Н. Г. Струнина-Бородина
(Москва)*

К истории черногорского вопроса во внешней политике России в период правления Николая II

В конце XIX – начале XX в. русско-черногорские отношения отличались особой активностью. В Черногорию из России постоянно направлялись денежные субсидии, вооружение, боеприпасы и продукты питания. Велась просветительская деятельность: открывались учебные заведения при всесторонней русской помощи, приезжали квалифицированные специалисты для обучения черногорской молодежи. Россия таким образом «монтировала» из «кучки камней» маленькое европейское государство. Главной причиной этого было желание российской правящей элиты иметь верного и послушного союзника в Балканском регионе. Однако Черногорское княжество (с 1910 г. – королевство), используя помощь России, на первое место ставило решение своих насущных вопросов.

Ключевые слова: *Россия, Черногория, Балканы, русско-черногорские отношения, русские дипломаты в Черногории, балканская политика России, Никола Петрович-Негош, Николай II, династические связи.*

Черногорский вопрос во внешнеполитическом курсе Российской империи затрагивался как в общих, так и в тематических исследованиях отечественных и черногорских специалистов¹. Особенно интересен подход современного специалиста по истории Черногории В. Б. Хлебниковой². В данной статье, основанной главным образом на отечественных и зарубежных архивных материалах, в большинстве своем впервые вводимых в научных оборот, мы постараемся изложить свой взгляд на эту проблему.

В 1889 г. были заключены династические браки представителей Дома Романовых и Петровичей-Негошей. На званом ужине в честь черногорского князя 18 мая 1889 г. был произнесен знаменитый тост Александра III за здоровье черногорского князя Николы³. Подчеркнем, что российский император, называвший подчас сербского короля Милана Обреновича «подлецом», королеву Великобритании Викторию – «старой сплетницей», японцев – «обезьянами, играющими в европейцев», а принца Наполеона – «скотом»⁴, черногорского князя

Николу назвал «единственным другом России». Не удивительно, что эти слова произвели эффект «разорвавшейся бомбы» и широко обсуждались в прессе и более высоких сферах. Особые опасения проявляла Австро-Венгрия, считая Черногорию своеобразным форпостом России на Балканах⁵.

Император заставил весь мир гадать над тайным смыслом своих слов, которые были призваны, по словам российского министра финансов С. Ю. Витте, отметить «самостоятельность России, не нуждавшейся в дружбе великих держав»⁶. Однако, как нам кажется, Александр II также хотел подчеркнуть приоритет Черногории в балканской политике империи в этот период.

Со второй половины XIX в. Черногория стала занимать важное место в балканской политике России. Готовясь к Берлинскому конгрессу 1878 г., А. С. Ионин, в то время русский генеральный консул в Дубровнике, писал в МИД: «... Черногория будет всегда представлять для нас самый существенный оплот на далеком конце Балканского полуострова и самую надежную преграду против посягательств Европы на юг. В этом нет сомнения. События, надеюсь, это уже доказали...»⁷ И развитие ситуации в регионе с конца 1870-х гг. подтвердило правоту опытного дипломата: Болгария, крупнейшее славянское государство на Балканах, отвернулась от России после получения долгожданного Освобождения, постепенно то же самое сделала и Сербия, правящая элита которой взяла курс на модернизацию и европеизацию сербского общества и государства, устремив взгляды на Европу. И только Черногория во главе с многоопытным князем Николой продолжала выказывать России полную преданность. В отличие от Болгарии и Сербии, Черногория «прислушивалась» к советам России. Так, внимая указаниям А. С. Ионина, русского посланника в Черногории в 1878–1883 гг., княжество не ввязалось в Боснийско-герцеговинское восстание 1882 г. По мнению отечественного специалиста Н. И. Хитровой, влияние Ионина на внешнюю политику Черногории было столь велико, что «князь Николай ничего не предпринимал без совета русского дипломата, с которым у него установились дружеские связи»⁸.

Итак, имея свои политические интересы на Балканах, связанные с Проливами и обеспечением безопасности южных границ, Россия нуждалась в стране-союзнике в этом регионе. Чтобы не «уйти с Балкан», Россия с 1980-х гг. обратила пристальное внимание на Черногорию как на страну, традиционно придерживающуюся дружественных с ней отношений и нуждающуюся в могущественном покровителе⁹.

По многим параметрам Черногория подходила под планы российского МИД: выгодное территориальное положение княжества, исконное православие черногорского народа, а также значительный авторитет, которым пользовался черногорский правитель – князь Никола. Учитывая проавстрийскую ориентацию сербского правительства, именно на стороне Николы были в это время и симпатии всех славян «от Софии и на всех территориях до Любляны и Праги», по справедливому замечанию сербского историка М. Войводича¹⁰.

Однако каким союзником могла быть для России страна, которая «по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний»¹¹, – вот в чем вопрос. Несмотря на скромные размеры Черногории, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, ей отводилось далеко не последнее место в планах российского Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ). Черногорская армия показала свои боевые качества во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поэтому после Берлинского конгресса «никто не сомневался в обороноспособности княжества. Великие державы, особенно Россия, были уверены, что в случае необходимости народное ополчение выполнит серьезные военные задачи и будет полезным союзником»¹². Итак, в соответствии с планами ГУГШ княжество должно было в будущем оказать России в нужный момент помощь – предположительно в случае войны с Австро-Венгрией – оттянуть на себя часть сил противника. По подсчетам, произведенным российским дипломатом К. А. Губастовым¹³ в записке от 5 июня 1900 г., Черногория могла выставить 35-тысячную армию. Способности такого войска оценивались черногорским князем весьма высоко. Губастов передавал слова Николы о том, что «Черногория – небольшой русский военный округ, и в случае войны России с Австрией он в состоянии оттянуть от главного театра 100-тысячную австрийскую армию»¹⁴. Безусловно, черногорский правитель преувеличивал способности своей армии, имея целью «раздуть» значимость своей страны и, как следствие, добиться от России все больших денежных субсидий. И в конце концов добивался.

Для решения военных задач было не достаточно народного войска, хотя и храброго и успешно отбивавшего в прошлом турецкие набеги, но, как правило, действовавшего с оборонительных горных позиций. Для противостояния же Австро-Венгрии нужна была современная армия, что и поставило перед Россией задачу модернизации черногорской армии, выплату субсидии на эти нужды, снабжение

войск боеприпасами, а также открытие соответствующих учебных заведений для подготовки командного состава.

В 1895 г. черногорцам было подарено 30 тыс. берданок (винтовок Бердана), в 1898 г. еще 40 тыс. трехлинеек (винтовок системы Мосин-наган) – в Черногории их прозвали «московскими». Остальное вооружение черногорской армии было приобретено также за русский счет. В 1895 г. Россия выплатила субсидию для нужд черногорской армии в размере 82 тыс. руб., в 1902 г. она возросла до 331 тыс. руб., а к 1910 г. уже составила 600 тыс. руб.¹⁵ Ко времени же Первой мировой войны субсидия была близка к миллиону.

Таких выгод и внимания со стороны России черногорский правитель добивался и иным путем, используя дружеские отношения с двумя последними российскими императорами. Никола Петрович совершал довольно частые и «плодотворные» (в смысле получения денег) поездки в Россию, добиваясь «высочайшей» аудиенции зачастую с помощью своих дочерей, ставших женами русских великих князей, – великой княгини Милицы Николаевны Романовой и герцогини Лейхтенбергской Анастасии Николаевны Романовской (великая княгиня с 1907 г. – во втором браке с великим князем Николаем Николаевичем Романовым). Довольно интенсивной была и переписка двух Николаев – Николы черногорского и императора Николая II, что играло немалую роль в дальнейшем поддержании на благоприятном для Черногории уровне русско-черногорских отношений. Николе удавалось посредством личных связей с императором целенаправленно проводить в жизнь свои планы¹⁶. Так, направление в княжество русского военного агента полковника Н. М. Потапова¹⁷ в 1903 г. произошло по настоятельному желанию черногорского князя, несмотря на то что военный министр России А. Н. Куропаткин не считал это целесообразным¹⁸.

Благодаря визитам в Россию Никола Петрович-Негош прежде всего решал наиболее актуальные финансовые вопросы. Как писал в своих дневниках С. Ю. Витте¹⁹, Никола «делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть, все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате <...> большинство всех этих денег шло просто ему в карман»²⁰. Ему и многочисленной придворной камарилье, фактически жившей за счет русских субсидий.

Однажды Никола чуть было не заполучил 3 000 000 русских рублей! Это было во время его очередного визита в Россию в конце 1901 – начале 1902 г. Князь просил Николая II «уступить» Черно-

гории контрибуцию, которую Турция еще платила России, объяснив это тем, что русских денег ему не надо, а турецкие он бы взял. Император сначала согласился, «запамятовав», о какой сумме идет речь, но после настойчивых внушений министра финансов С. Ю. Витте договоренность была отменена²¹. Чтобы сгладить ситуацию, черногорская субсидия вскоре была увеличена «на несколько сот тысяч рублей». Однако дочери Николы Милица и Стана затаили обиду на Витте, а герцогиня Анастасия даже в ярости заявила Сергею Юльевичу: «Ну, я вам это не забуду, будете помнить...»²²

Следует отметить, что, когда черногорский правитель жаловался императору на плачевное финансовое положение Черногории, он вовсе не лукавил. Черногорский бюджет из года в год не справлялся с возрастающими расходами. Планирование финансов велось весьма слабо как из-за нехватки квалифицированных кадров в соответствующих министерствах, так и из-за того, что Никола с его авторитарным стилем правления считал себя вправе распоряжаться черногорским бюджетом по собственному усмотрению. Затраты княжеского дома были огромны, и князь постоянно пользовался австрийскими займами, которые не мог вовремя вернуть. Австро-Венгрия со своей стороны пользовалась «черногорской беспечностью», чтобы с помощью экономических рычагов оказывать влияние на политическую жизнь княжества. Каждый раз, когда она «прижимала Черногорию к стенке», буквально шантажируя тем, что возьмет под контроль либо судоходство, либо природные запасы Черногории (в первую очередь, лес), князь Никола обращался за помощью в Петербург. Россия же не могла допустить утверждения в регионе австрийского преобладания и опять «выручала» Черногорию, предоставляя ей всё новые и более крупные займы на выгодных условиях, а иногда и прощала прежние долги. Только так княжество могло погашать всё растущие долги и не попасть в кабальную зависимость от австрийских и турецких капиталов, с чем активно боролась Россия.²³

Однако средств, выделяемых Петербургом на нужды Черногории, княжеству всё равно не хватало. С 1904 г. от черногорского двора стали поступать жалобы, что Россия уделяет своей «протее» недостаточно внимания. В Черногории словно забыли про постоянную субсидию и «миллионный подарок револьверов и патронов» в начале ноября 1904 г.²⁴ После же военных неудач России на Дальнем Востоке отношение к ней правящей черногорской верхушки и вовсе стало неприемлемым. В отношении генерала А. Н. Куропаткина²⁵ делались злорадные предсказания о том, что вскоре его «со связанными

руками повезут в Японию»²⁶. Русский министр-резидент в Цетинье докладывал о «современном австрофильстве князя Николая», а военный агент подполковник Н. М. Потапов приводил в своих донесениях отрывки из запрещенной в Черногории брошюры под заглавием «Истина о Црној Гори», написанной со слов долго жившего в княжестве нового сербского короля Петра Карагеоргиевича. «На странице 50-й этой брошюры, – сообщал Потапов, – высказано положительное убеждение, что князь Николай держится России и слушается ее исключительно “ради эгоистических расчетов, потому что русское правительство поддерживает его материально. Ныне уже известно, продолжает автор [брошюры. – Н. С.-Б.], о неудовольствии господара по поводу того, что царь Николай медлит с уплатою последних долгов нашего двора. Пусть Россия испробует князя, отказавшись далее платить ему, и он завтра же перейдет на сторону Австрии; заплати Франц Иосиф его долги и дай ему сколько-нибудь наличными, и он тотчас бросится в объятия Австрии...”»²⁷

В начале XX в. Никола стал проявлять необычную благосклонность к дипломатам Австро-Венгрии и Италии в Цетинье. Год спустя кризис в черногорско-русских отношениях заметно обострился в ходе «инцидента с Соловьевым»²⁸. Отзыв дипломатического представителя России по требованию князя современный черногорский историк Р. Распопович называет «беспрецедентным событием в истории дипломатических отношений двух стран»²⁹. Соглашаясь с ним, отметим, что не только сам факт отзыва российского дипломата, но и действия князя Николы и престолонаследника Данилы были вопиющими.

В начале 1905 г. Ю. Я. Соловьев был назначен первым секретарем российской миссии в Цетинье, возглавлять которую вместо А. Н. Щеглова³⁰ был назначен П. В. Максимов³¹. 15(28) мая 1905 г. в Подгорице состоялись торжества по случаю досрочной передачи Черногории главного здания табачной монополии³². А накануне пришло известие о гибели российского флота под Цусимой, и Ю. Я. Соловьев просил, чтобы церемония была отложена или, по крайней мере, было отменено участие в ней двух черногорских батальонов, которые содержались на средства русской субсидии. Без согласования с МИД российский дипломат направил эту просьбу с частным письмом министру иностранных дел Черногории Гавро Вуковичу, который исполнил ее. Узнав об этом, Никола настоял на отзыве Соловьева из Черногории³³. Как писала об этом случае влиятельная петербургская газета «Новое время», черногорский престолонаследник

Данило, заменявший своего отца (Никола находился в Карлсбаде), не только не устроил панихиду по русским морякам, погибшим в Цусимской битве, но и поднял на торжествах в Подгорице тост в честь японского адмирала Того!³⁴ Этот вопиющий инцидент наглядно свидетельствовал о падении авторитета России и ослаблении позиций в Черногории. «Мы не можем и не должны быть уверены в лояльности Черногории в выполнении своих обязательств и договоренностей с Россией», – писал Н. М. Потапов, считая, что на княжество нельзя будет положиться в ответственный момент – в случае военных действий на Балканах³⁵.

Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о новых тенденциях во внешней и внутренней политике Черногории, теперь уже больше тяготевшей к Италии и Австро-Венгрии³⁶. Так, весной 1904 г. князь Никола предлагал Австро-Венгрии заключить с Черногорией особый политический договор – «на случай осложнений положения на Балканах»³⁷. Это предложение было «категорически отклонено» Веней с формулировкой, «что заботы о поддержании порядка на Балканах Австро-Венгрия условилась делить только с Россией, а от Черногории ничего больше не требуется, как оставаться спокойною»³⁸.

После этого князь переключил свое внимание на Италию, с которой у него также были родственные связи (его дочь Елена (1873–1952) была женой итальянского короля Виктора Эммануила III (1869–1947)). Во время пребывания Николы Петровича в Риме в ноябре 1904 г. на крестинах внука он добился определенных результатов в деле развития военного и в особенности экономического сотрудничества двух стран. Вскоре после возвращения князя итальянские компании получили концессии на строительство порта Бар, железной дороги от Вирпазара по направлению к Подгорице, а также возможность с определенными льготами развивать свою деятельность и в других областях³⁹.

Докладывая своему начальству об этих событиях, Н. М. Потапов отзывался о черногорской правящей элите в весьма резких выражениях, называя ее «профессиональной кокоткой», которая вылезает на политическую арену и «бесстыдно предлагает свое расположение всякому, кто за него может что-нибудь заплатить»⁴⁰. Вследствие этого у российского МИД возникли сомнения в целесообразности предоставления и в дальнейшем Черногории военной субсидии (к тому же первоначально установленный срок ее выплаты истекал 1 января 1906 г.).

Несмотря на всё это военный агент в Черногории убеждал российский МИД, что от Черногории нельзя отворачиваться, а нужно

поднимать здесь авторитет России, открывать учебные заведения, приглашать русских преподавателей и т. д. Также, по его мнению, необходимо было внушить черногорцам мысль, что только при помощи России они смогут осуществить такие свои «территориальные мечты», как Скутари, Призрен, Митровица, Мостар, Дубровник или Катарро⁴¹.

В конце 1907 – начале 1908 г. Никола снова просил увеличить русскую военную субсидию Черногории. Он, видимо, был полностью уверен в важности значения своей страны для внешнеполитических планов России и решил, что могущественная покровительница, уже столько сделавшая для княжества, не откажет и в новой просьбе, которую он изложил в форме ультиматума: «всё или ничего», субсидия должна быть увеличена, так как «при такой помощи со стороны России... мы и через 20 лет не в состоянии будем иметь вполне благоустроенной и вооруженной армии»⁴². При этом то, что Черногория имела тогда, на рубеже 1907–1908 гг., по мнению князя, было достаточно, чтобы «сокрушать» Сербию и Болгарию, которых Никола называл «ничтожествами»⁴³. Тогда же черногорский правитель прозондировал возможность провозглашения Черногории королевством. Русское правительство считало, однако, что в связи с Боснийским кризисом 1908 г. такой важный шаг должен быть отложен, и Черногория была провозглашена королевством лишь в 1910 г. По этому случаю Николай II удостоил Николу Петровича огромной чести – новоиспеченному королю было пожаловано звание фельдмаршала русской армии. Для вручения фельдмаршальского жезла от лица российского императора в Черногорию на торжественные мероприятия отправился великий князь Николай Николаевич Романов (младший). Эти события вызвали в черногорской армии и всем народе такое воодушевление, которое, по словам российского посланника С. В. Арсеньева⁴⁴, не поддавалось описанию⁴⁵.

Чрезмерная забота и внимание, которые Россия оказывала Черногории, были вызваны ее стратегической заинтересованностью в Балканах. Возможно, именно поэтому российский МИД и лично император часто скептически относились к донесениям российских дипломатических представителей, которые регулярно сообщали о неподготовленности черногорской армии, а также о том, что черногорскому князю Николе нельзя доверять, что в критическую минуту, когда он будет нужен России, он не окажет необходимой помощи, не предоставит черногорских вооруженных сил в полное распоряжение российского императора и верховного главнокомандующего. Однако

для того, чтобы огромные субсидии расходовались именно на военные нужды и «работали» на Россию, а не находились в бесконтрольном пользовании Николы Петровича, необходимо было заключить с Черногорией официальный договор – военную конвенцию.

Этот документ разрабатывался на протяжении шести лет, в течение которых российские посланники и атташе в Цетинье готовили почву для принятия князем Николой положительного решения о его подписании. Наряду с обязательствами, установленными этим военным договором для Черногории (конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора; помимо этого, 7-я статья договора ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также и на заключение военных договоров без согласия его императорского величества⁴⁶), документ давал княжеству очень важные гарантии регулярной выплаты денежной субсидии. До подписания этого документа Россия использовала субсидии в качестве рычага влияния на Черногорию, что невероятно раздражало Николу, и он искал иные пути для получения финансовой помощи за спиной у России, хотя в личных письмах Николаю II князь клялся в преданности и верности, уверяя русского императора: «Государь, югославянский народ с Вами душой и телом, и мои постоянные усилия направлены на их [югославян. – Н. С.-Б.] поддержание в горе и радости во славу императора и их северных братьев... Что же касается непосредственно Черногории, я счастлив сказать Вам, что, с Божьей помощью, она в полном порядке, как никогда, судя по всем рапортам... Она [Черногория. – Н. С.-Б.], как всегда, глубоко предана и послушна и готова пуститься, словно искра, по указанию Вашего величества, ощущая себя неким мостом к свободе югославян, сгораемая от нетерпения разлить среди них животворящее тепло и благодетель [так в оригинале. – Н. С.-Б.] свободы...»⁴⁷

Причина, по которой Россия продолжала содержать Черногорию, предельно ясно была выражена посланником С. В. Арсеньевым: «С населением, едва превышающим четверть миллиона, с территорией, на половину состоящей из голых скал, **Черногория без поддержки России является величиной ничтожной. Престиж, коим пользуется Черногория в Европе, служит мерилом влияния России на Балканах** [выделено Арсеньевым. – Н. С.-Б.]»⁴⁸.

Полностью соглашаясь с этой оценкой, отметим, что, несмотря на то что Россия разочаровалась в Черногории как союзнике ввиду

того, что ее правитель зачастую не держал своего слова (как произошло в 1912 г., когда Черногория вступила в Первую Балканскую войну, фактически нарушив русско-черногорскую военную конвенцию 1910 г.), денежные субсидии продолжали поступать. Причина этого кроется, как уже отмечалось, в российской заинтересованности иметь надежную, подконтрольную ей страну-союзницу на Балканах, которые являлись ареной соперничества великих держав за зоны влияния в регионе. Поэтому Россия не оставляла Черногорию без покровительства и помощи даже после нарушения ею военной конвенции и вступления в Балканскую войну. Тогда, в 1912 г., на повестке дня уже остро стоял вопрос об автономии Албании, педалируемый Веней, в руках которой Албания бы стала орудием против Сербии и Черногории – традиционных зон российского влияния⁴⁹.

Итак, черногорский вопрос во внешней политике Российской империи был в первую очередь вопросом о сферах влияния в балканском регионе. Несмотря на все усилия императорского правительства ему не всегда удавалось «контролировать» Черногорию, правящая элита которой стремилась осуществлять свои притязания. И подписанная в 1910 г. русско-черногорская военная конвенция не стала панацеей и не удержала молодое королевство от участия в Балканских войнах – Черногория также в первую очередь действовала в своих интересах, бросив значительную часть вооруженных сил на город-крепость Скутари, что вымотало черногорскую армию, а в результате не принесло ей желаемых результатов, и после морской демонстрации великих держав и угроз Австро-Венгрии⁵⁰ от Скутари пришлось отказаться⁵¹.

Таким образом колоссальные затраты русской казны⁵² на создание сильной, современной черногорской армии, а также полноценного европейского государства из «кучки камней» практически себя не оправдали: Черногория в полной мере воспользовалась помощью России, преследуя на деле свои собственные интересы, но в ответственный момент не выполнила договоренностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales.* Titograd, 1984; Черногорско-русские отношения, 1711–1918: Докумен-

ты. Подгорица; М., 1992; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1, 2; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997; *Хлебникова В. Б.* Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997 № 5. С. 35–51; *Искендеров П. А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 182–190; *Никифоров К.* Единство, спаянное любовью // Родина. 2006. № 1. С. 54; *Хитрова Н. И.* Черногория и Сербия в Первой мировой войне по документам публикации «Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории» // Россия в международных конфликтах начала XX века (русско-японская и первая мировая война). Вып. 3. М., 2009. С. 122–124; *Струнина Н. Г.* Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николы Петровича-Негоша в Россию // Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 142–158; *Хлебникова В. Б.* Черногория: феномен национальной государственности 1878–1916 гг. М., 2016.

2 *Хлебникова В. Б.* Черногория...; *Хлебникова В. Б.* Модернизация и «европеизация» по-балкански (к вопросу о причинах недолговечности черногорской государственности на рубеже XIX–XX вв.) // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. С. 261–368.

3 *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллин; М., 1994. Т. 1. С. 464.

4 *Ротштейн Ф. А.* Предисловие // *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934. С. VIII.

5 Нива. 1889. № 24. С. 614–615.

6 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 464.

7 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политотдел. Оп. 233. 1878. Д. 3. Л. 3об. – Выписка из частного письма действительного статского советника Ионина. Цетинье. 27 января (8 февраля) 1878 г.

8 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1. С. 41.

9 Там же. С. 3; *Гуськова Е. Ю.* Романовы – Петровичи: пример исторической дружбы на фоне политического прагматизма // Династија Петровић-Његош. Т. 1. Подгорица, 2002. С. 290; Восточный вопрос во внешней политике России... С. 462–467.

10 *Војводић М.* Односи књаза Николе и владара династије Обреновић (1860–1903) // Династија Петровић-Његош. Подгорица, 2002. Т. 2. С. 24.

11 Так отзывался о Черногории не только Витте (см.: *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 411–412), но и сам черногорский князь в личной переписке с Николаем II [напр., Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2. (письмо черногорского князя императору Николаю II. 30 ноября 1897 г.)].

12 *Хлебникова В. Б.* Некоторые особенности развития черногорской государственности в последней трети XIX – начале XX в. // *Prospice sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики: сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубовского.* СПб., 2009. С. 206.

13 Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) – русский дипломат, историк, генеалог. Работал в дипломатических и консульских представительствах в Турции, Нидерландах. Генеральный консул в Вене (1885–1896), вице-директор Азиатского департамента МИД (1896–1897). В 1897–1900 гг. исполнял функции русского министра-резидента в Цетинье, после – в Ватикане (до 1904). Посланник в Сербии (1904–1906), товарищ министра иностранных дел (1906–1908). С 1908 г. – в отставке.

14 Цит. по: *Хлебникова В. Б.* Российский дипломат К. А. Губастов... С. 43.

15 Министарство војно 1876–1916. Зборник докумената. Подгорица, 2010. С. 7.

16 *Струнина Н. Г.* Из истории российско-черногорских отношений... .

17 Потапов Николай Михайлович (1871–1946) – полковник Генерального штаба, русский военный агент в Черногории с 1903 по 1915 г. Был направлен в Черногорию для модернизации ее армии, выполнял и дипломатические функции, следил за расходом русской военной субсидии.

18 Доклад Главного штаба А. Н. Куропаткину о нецелесообразности утверждения должности военного агента в Черногории. Не позднее 7 (20) декабря 1902 г. // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Подгорица; М., 2003. Т. I. С. 45–46; Деша русского министра-резидента в Цетинье А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о желании черногорского князя Николая назначить в Черногорию постоянного русского военного агента. 9 (22) марта 1903 г. Цетинье // Там же. С. 47–48.

19 Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов России в 1892–1903 гг., председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

20 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 411–412.

21 Там же. Т. 2. С. 253.

22 Там же. С. 254.

23 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1. С. 125–132; *Хлебникова В. Б.* Некоторые особенности развития черногорской государственности... С. 203–219.

24 Рапорт Н. М. Потапова В. П. Целебровскому... 4 (17) ноября 1904 г. № 167. Весьма секретно. Цетинье // Н. М. Потапов... С. 169.

25 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – русский, генерал-адъютант, военный министр Российской империи в 1898–1904 гг., член Государственного совета.

26 Там же.

27 Из отчета Н. М. Потапова о своей деятельности в Черногории с 9 (22) августа по 1 (14) ноября 1904 г., об отношении к России различных групп черногорского общества и о мерах к усилению российского политического и военного влияния. 29 октября (11 ноября) 1904 г. № 165. Цетинье // Там же. С. 167.

28 Соловьев Юрий Яковлевич (1871–1934) – русский дипломат. С 1895 г. – второй секретарь миссии в Китае, в 1898–1904 гг. – в Греции, в 1905 г. – первый секретарь Российской миссии в Черногории, в 1906–1908 гг. – в Румынии, в 1909–1911 гг. – в Штутгарте. С 1912 г. – советник русского посольства в Испании. С 1922 по 1927 г. служил в НКВД, затем в Красном Кресте. Автор мемуаров «Воспоминания дипломата. 1893–1922».

29 *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Российская история. 2009. № 2. С. 56.

30 Щеглов Андрей Николаевич (1857–?) – российский дипломат. С 1885 г. – секретарь и драгоман дипломатического агенства и генерального консульства в Каире, в 1890 г. – секретарь миссии в Японии, в 1895 г. – чиновник особых поручений для пограничных сношений при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе, в 1896 г. – первый секретарь миссии в Персии, в 1898 г. – первый секретарь посольства в Турции. В 1902–1905 гг. – министр-резидент в Черногории. В 1906–1907 гг. – посланник в Болгарии. После 1920 г. в эмиграции.

31 Максимов Петр Васильевич (1852–1915) – русский дипломат. С 1878 г. почти четверть века работал в посольстве России в Османской империи. В 1902–1905 гг. – генеральный консул в Египте, в 1905–1909 гг. – министр-резидент в Черногории, с 1909 г. – посланник в Бразилии (по совместительству в Аргентине, Чили, Парагвае и Уругвае).

32 В марте 1903 г. в Венеции был создан итало-черногорский синдикат, представлявший интересы итальянских предпринимате-

лей. Министр финансов Черногории Лазар Миюшкович был назначен членом ее административного совета. В первое время черногорское правительство ограничилось предоставлением итальянской компании права на проведение в жизнь табачной монополии (помимо табачной монополии планировалась эксплуатация лесов, добыча полезных ископаемых, железнодорожное строительство и пр.). Для этого было создано анонимное общество – «Задружна режија црногорског дувана» (Общество по заведыванию черногорским табаком). Затем они получили концессию на оборудование порта в Баре и проведение от него железнодорожной линии к Вирпазару. Италия была заинтересована в железнодорожной связи Адриатики с Албанией и Новипазарским санджаком. Вместе с тем итальянская компания стала добиваться концессии по урегулированию течения реки Бояны, а также права на эксплуатацию лесов в Колашине и минеральных богатств страны (см. Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об итальянской экономической экспансии в Черногории, оппозиционных настроениях в скупщине и мерах по укреплению политического влияния России. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // Н. М. Потапов... Т. 1. С. 227–233; *Кирова К. Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М., 1973. С. 199–232; *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 2. С. 214–230.)

33 *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 161–162.

34 Новое время. 28 ноября, 1905 г.

35 Н. М. Потапов... Т. 1. С. 166.

36 *Распопович Р.* Военная конвенция... С. 55.

37 Рапорт Н. М. Потапова В. П. Целебровскому. 4 (17) ноября 1904 г. // Н. М. Потапов... С. 169–170.

38 Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // Н. М. Потапов... С. 228.

39 Итальянское общество, которое арендовало Черногорскую табачную монополию, получило право судоходства по Скадарскому озеру, ранее принадлежавшее Англо-черногорскому обществу. Итальянцы проявили готовность начать эксплуатацию лесных запасов и полезных ископаемых Черногории, в связи с чем началось строительство железной дороги от Подгорицы до Колашина. См.: Там же. С. 228–232; *Gavro Vuković, vojvoda.* Odlomak iz diplomatskih odnosa sa Rusijom, tri naša sukoba s ruskom diplomacijom. Memoari. Cetinje; Titograd, 1985. S. 83–133; *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата...; *Jovanović P.* Jedan inostrani otpor pridiranju italijanskog kapitala u Crnu Goru // Исторички

записи. Титоград, 1961. Књ. 18. Св. 3. С. 417–442; *Распопович Р.* Военная конвенция... С. 55–56.

40 Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // Н. М. Потапов... С. 231.

41 Там же. С. 232.

42 Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о просьбе князя Николая увеличить военную субсидию Черногории. 31 декабря 1907 г. (13 января 1908 г.) // Н. М. Потапов... С. 327–328.

43 Там же.

44 Арсеньев Сергей Васильевич (1854–1922) – русский дипломат. В 1880 г. – первый секретарь генерального консульства в Восточной Румелии; с 1881 г. – поверенный в делах в Румелии. С 1882 г. – первый секретарь дипломатического агентства в Болгарии; в 1882–1883 гг. – поверенный в делах в Болгарии. В 1883–1886 гг. – второй секретарь посольства в Берлине; в 1886–1891 гг. – первый секретарь миссии в Швеции, в 1888–1891 гг. – поверенный в делах в Швеции. В 1891–1897 гг. – генеральный консул в Иерусалиме; в 1897–1900 гг. – генеральный консул в Стокгольме. В 1900–1910 гг. – министр-резидент в вольных ганзеатических городах Гамбург и Любек. В 1910–1912 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Черногории, а в 1912–1914 гг. – в Норвегии. Один из членов-учредителей Императорского Православного Палестинского общества.

45 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 50.

46 Рапорт Н. М. Потапова о подписании военного соглашения между Россией и Черногорией 17 (30) ноября 1910 г. // Н. М. Потапов... С. 475–477; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 114–147; *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года. С. 55.

47 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. – Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II. На французском языке. 30 ноября 1897 г. – 14 февраля 1913 г.

48 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. С. В. Арсеньев в донесении № 61 на имя С. Д. Сазонова 27 августа 1910 г.

49 *Котляревский С. А.* Внешняя политика в 1912 г. // Русская мысль. 1913. № 1. С. 20.

50 В марте 1913 г. ввиду нежелания черногорского короля снять осаду города Скутари началась блокада берегов Черногории международной военной эскадрой (Италия, Германия, Австрия, Англия и Франция). Не обращая внимания на блокаду своих берегов, Черногория продолжала осаду Скутари. 24 апреля 1913 г. эсад-паша Топани передал ключи от города черногорскому престолонаследнику Даниле, по-

следний поднял над городом черногорский флаг. 27 апреля представители великих держав вручили королю Николе письменное требование передать Скадар. 30 апреля король отказался, после чего Австро-Венгрия пригрозила Черногории интервенцией. 9 мая 1913 г. была подписана конвенция о передаче Скадара великим державам. Через 5 дней в город вошел отряд международных сил, 14 мая была прекращена блокада черногорского и албанского побережья. См.: Балканская война. 1912–1913 гг. М., 1914 (<http://militera.lib.ru/h/balkanwar/03.html>); *Андрияшевич Ж., Растодер Ш.* История Черногории с древнейших времен до 2006 года. М., 2010. С. 143–146.

51 *Хитрова Н. И.* Черногория и Сербия в Первой мировой войне... С. 124.

52 По нашим примерным подсчетам, с 1711 и по 1915 г. Российская империя выплатила Черногории только по линии официального субсидирования около 13 млн руб., не считая разовых выплат черногорскому двору, погашения внешних долгов Черногории, помощи черногорскому народу во время засухи и голода, а также присылки из России оружия для черногорской армии, как и отправки черногорским учебным заведениям книг, учебников и пр.

N. G. Strunina-Borodina

To the history of the Montenegrin issue in the foreign policy of Russia during the reign of Nicholas II

In late 19th – early 20th centuries Russian-Montenegrin relations were particularly active. Russia constantly sent to Montenegro money subsidies, weapons, ammunition and food. Enlightening activities were conducted – educational institutions were opened with comprehensive Russian help, qualified specialists were coming to teach Montenegrin youth. Thus Russia “assembled” from “a little bit of stones” a small European state. The main reason for this was the desire of the Russian ruling elite to have a loyal and obedient ally in the Balkan region. However, the Montenegrin Principality (since 1910 a kingdom), using the help of Russia, first of all was solving its own vital issues.

Keywords: *Russia, Montenegro, the Balkans, Russian-Montenegrin relations, Russian diplomats in Montenegro, the Balkan policy of Russia, Nikola Petrović-Njegoš, Nicholas II, dynastic ties.*

И. В. Крючков
(Ставрополь)

**Внутриполитические и внешнеполитические
факторы развития Австро-Венгрии
в донесениях В. П. Сватковского (1910–1914 гг.)**

В статье рассматриваются донесения представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В. П. Сватковского в посольство России в Австро-Венгрии, посвященные проблемам развития империи Габсбургов в 1910–1914 гг. Российский резидент отмечал снижение роли славян во внутриполитической жизни австрийской половины Австро-Венгрии. Одновременно В. П. Сватковский констатировал укрепление союза между хорватами и сербами, что создавало предпосылки для их объединения в рамках Сербии. В будущем В. П. Сватковский допускал возможность начала большой войны на Балканах.

Ключевые слова: *Австро-Венгрия, Сербия, Богемия, чехи, южные славяне, посольство, конфликт, Балканы.*

В начале XX в. Министерство иностранных дел России использовало различные каналы для получения необходимой информации. Одним из успешных проектов становится использование для этих целей российских журналистов, работавших за границей. В отличие от дипломатов они обладали большей свободой действий на территории иностранных государств, хотя представители прессы вполне могли стать объектом пристального внимания со стороны полиции и контрразведки. В начале XX в. в российской журналистике имелась замечательная плеяда специалистов в области международных отношений, внутренней политики государств Европы и других регионов мира, аналитиков, снабжавших МИД содержательной, зачастую секретной информацией. Они под прикрытием профессиональной деятельности, по сути, занимались разведкой.

Российских дипломатов в основном интересовала высокая политика. Посольство в Вене первостепенное внимание уделяло двусторонним отношениям России и Австро-Венгрии. Дипломатический корпус старался не вмешиваться во внутренние дела страны пребывания, стремясь давать нейтральные оценки происходившим событиям и избегать нежелательных контактов, чтобы не вызвать дипломатический конфликт¹. Российские резиденты в этой связи об-

ладали большей свободой действий, не боясь давать жесткие оценки наблюдаемым ими за рубежом процессам.

Одним из подобных журналистов, аналитиков, разведчиков являлся Всеволод Павлович Сватковский. Он хорошо знал положение дел на Балканском полуострове и в Австро-Венгрии. Неслучайно в октябре 1908 г. его назначили представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене². Для облегчения деятельности В. П. Сватковскому был предоставлен дипломатический иммунитет путем назначения его членом Генерального консульства России в Вене³. Это обстоятельство позволило ему посещать различные регионы империи Габсбургов и сопредельных государств. Полиция Австро-Венгрии не имела права его задерживать и проводить у него обыски. Посол в Вене не раз доверял В. П. Сватковскому деликатные поручения, когда они касались необходимости проведения встреч с политиками Цислейтании. В. П. Сватковский покинул Вену с началом Первой мировой войны, перебравшись сначала в Рим, затем в Цюрих и, наконец, поселившись в Берне, где он продолжил свою деятельность⁴.

В. П. Сватковский имел обширные связи, прежде всего со славянскими политиками Австро-Венгрии и Балканского полуострова. Это позволяло ему получать важные сведения, в том числе имевшие конфиденциальный характер. Свои донесения В. П. Сватковский, как правило, адресовал послу России в Вене, а затем они уже из посольства пересылались в МИД России.

В. П. Сватковский оказался в Вене в сложный период. После аннексии Боснии-Герцеговины Сербия и Австро-Венгрия оказались на грани войны, в которую могли быть втянуты и другие государства Европы, в том числе Россия. Посол в Вене Л. П. Урусов поручил В. П. Сватковскому оценить вероятность начала войны с Сербией и по возможности оказать влияние на правительство Цислейтании, чтобы не допустить разрастания конфликта между Веной и Белградом. Российский резидент умело действовал через своих друзей в столице империи Габсбургов, в том числе К. Крамаржа. Он нашел выходы даже на министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя. В. П. Сватковский смог предоставить достоверную информацию в Санкт-Петербург о том, что войны не будет⁵.

Центральной проблемой при анализе внутриполитической ситуации в Австро-Венгрии для В. П. Сватковского является роль славян в развитии империи Габсбургов. В конце XIX – начале XX в. многие австро-немецкие, венгерские, германские и даже российские поли-

тики, ученые и публицисты говорили о постепенной славянизации австрийской половины империи Габсбургов. В 1907 г. в Цислейтании было введено всеобщее избирательное право, что породило надежды на получение славянами большинства мест в парламенте страны – Рейхсрате. В. П. Сватковский некоторое время также придерживался этой точки зрения. В условиях роста агрессивности Тройственного союза В. П. Сватковский видел в славянизации австрийской половины империи один из противовесов германской агрессии в Европе и на Ближнем Востоке⁶.

Инициатива улучшения отношения монархии со славянами, по мнению российского резидента, исходила из окружения эрцгерцога Франца-Фердинанда. Укрепляя союз со славянами, оно стремилось консолидировать империю Габсбургов и покончить с «венгерским сепаратизмом». Для этой цели Франц-Фердинанд хотел покончить с режимом П. Рауха в Хорватии, ликвидировать систему Б. Калая в Боснии-Герцеговине, где планировалось провести свободные выборы в местный парламент с расширением его полномочий, подготовить избирательную реформу в Галиции и активизировать чешско-немецкие переговоры⁷. В. П. Сватковский с осторожным оптимизмом относился к переменам, отмечая в качестве положительных событий успешный ход чешско-немецкого диалога в 1910 г., высказывания австро-немецких членов австрийской делегации о необходимости развития экономических связей с Сербией и нормализации отношений с Россией.

Однако в январе 1911 г. в своем донесении в посольство он признает ослабление роли славян в политической жизни Цислейтании за последние два года. Большую роль в этом сыграли не столько внешнеполитические факторы, включая аннексию Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины, сколько события внутривнутриполитического, даже внутриславянского характера. Славяне составляли большинство населения Цислейтании (австро-немцы – 35,58%, чехи – 23,02%, поляки – 17,77%, русины (украинцы) – 12,58%, словенцы – 4,48%, сербы и хорваты 2,80%, итальянцы – 2,75% и т. д.⁸), и следовало ожидать, что данный факт приведет к их доминированию в политике страны, но на практике этого не произошло. В. П. Сватковский видел главную причину такого поворота событий в склоках, в которых погрязли славяне австрийской половины империи Габсбургов. Он выделял несколько конфликтов между самими славянскими народами, и самым ярким примером тому являлся польско-украинский конфликт в Галиции. Сложными оставались взаимоотношения между чешскими

и польскими лидерами. И самое важное, славянские народы Цислейтании погрузились в острую межпартийную борьбу, ослаблявшую их в противостоянии правительству и австро-немецам⁹.

Внутри чешского национального движения тлел конфликт между старочехами и младочехами, более того, по мере дифференциации партийно-политической системы в Богемии количество данных противостояний только нарастало. Непросто складывались взаимоотношения между польскими политиками. К 1911 г. Польское коло, еще в конце XIX в. казавшееся стороннему наблюдателю единой силой, раздирали внутренние склоки¹⁰. Не менее сложно ситуация складывалась в югославянском движении, где противоречия между сербами, словенцами и хорватами дополнялись борьбой между различными политическими партиями данных народов, каждая из которых претендовала на исключительную роль в деле защиты национальных прав. С 1909 г. данные конфликты, по мнению В. П. Сватковского, только набирали силу. Он с горечью констатировал разложение славянских политических групп¹¹. Надежды на славянизацию Цислейтании и австрийской политики себя не оправдывали.

На всем протяжении последней четверти XIX – начала XX в. важное место в политической жизни австрийской половины империи Габсбургов занимал острый конфликт между австро-немецкими и чехами Богемии. Обе стороны отказывались идти на существенные уступки друг другу¹². Судьба многих правительств Цислейтании зависела от попыток урегулирования данного конфликта, большинство из них заканчивалось крахом. Российская общественность и правящие круги внимательно следила за всеми перипетиями споров чехов с австро-немецкими. Разумеется, симпатии жителей России были на стороне чехов¹³. Правящая элита требовала от МИД страны всесторонней информации о развитии ситуации в Богемии. Поэтому посольство России в Вене стремилось получить сведения из первых рук. Аналогичная задача ставилась и перед В. П. Сватковским.

Российский резидент также признавал крайний радикализм сторон. В частности, он отмечал рост среди младочехов популярности радикального крыла во главе с В. Клофачем, расценивавшего любой компромисс с австро-немецкими как национальную измену¹⁴. Тем более радикалы пользовались большой популярностью в чешском обществе. В начале 1910 г. В. П. Сватковский встретился с В. Клофачем, К. Крамаржем и другими чешскими политиками, чтобы выяснить их отношение к конфликту в Богемии и к начавшимся переговорам России с Австро-Венгрией, направленным на нормализацию взаи-

моотношений между двумя империями. Следует отметить наличие существенных разногласий между К. Крамаржем и В. Клофачем. В. Клофач обвинял К. Крамаржа в приверженности австрославизму и в предательстве славянского дела. В. П. Сватковский стремился их помирить, хотя больше симпатий у него вызывал К. Крамарж. В то же время он был далек от идеализации чешского политика¹⁵.

Чешские политики поддержали переговорный процесс. Они рассчитывали, что улучшение отношений России с Австро-Венгрией благоприятно скажется на положении славян в самой империи Габсбургов и приведет к спаду в ней накала антиславянской истерии¹⁶. По их мнению, данное обстоятельство будет способствовать смягчению позиции австро-немцев на очередных переговорах с чехами по урегулированию конфликта в Богемии.

Чешские политики подчеркивали в беседах со В. П. Сватковским, что они, как и значительная часть чешского общества, очень тяжело переживали провалы российской политики в Маньчжурии и в Боснии-Герцеговине. По их словам, они обиду за поражения России перенесли на внутреннюю политику, устроив обструкцию правительству Цислейтании и вступив в перепалку с антироссийскими политиками¹⁷. Следует признать, что многие чешские политики опасались, что уход России на Дальний Восток приведет к ослаблению позиций славянства в Австро-Венгрии и на Балканах. Большие разочарования в чешском обществе вызвало поражение России в войне с Японией, поскольку это дало основание противникам России в Европе говорить о ее слабости и необходимости проведения более решительной политики на Балканах и Ближнем Востоке без особой оглядки на Санкт-Петербург. Кроме этого, в австрийской половине империи витали опасения о возможном наступлении Вены на права славян ввиду временного ослабления России. Кстати, данные страхи славян Цислейтании оказались необоснованными.

Отдельной темой беседы В. П. Сватковского с чешскими политиками становится экономическое положение Богемии. По их мнению, экономический кризис, разразившийся в Австро-Венгрии, самым негативным образом сказался на состоянии дел в народном хозяйстве Богемии и на положении чешского населения¹⁸. Богемия являлась индустриальным центром не только Цислейтании, но и всей империи Габсбургов. Поэтому она остро переживала любые осложнения в экономике. В 1912 г. набирающая силу внешнеполитическая нестабильность, и прежде всего на Балканах, привела к падению деловой активности в империи Габсбургов и панике среди деловых кругов,

распространившейся среди широких слоев населения¹⁹. В 1911 г. объем промышленного производства в Цислейтании составил 1 млрд 711 млн крон, в 1912 г. кризис себя еще не проявил в полной мере и данный показатель вырос до 1 млрд 814 млн крон, а в 1913 г. он упал до 1 млрд 773 млн крон.²⁰

В. П. Сватковский попросил чешских лидеров уточнить их позицию в конфликте чехов с австро-немецками в Богемии. Они подчеркнули, что чехи выступают за разделение коронной земли на национальные округа по принципу доминирующего этнического большинства, но при сохранении территориальной целостности Богемии и единства ее органов государственной власти. Они гарантировали права австро-немецкого меньшинства, в том числе в вопросах использования немецкого языка на территории Богемии. По мнению чешских политиков, австро-немецки заняли непримиримую позицию, требуя полной национальной автономии, что на практике должно было привести к распаду Богемии как единого целого в конституционном и политическом плане и было абсолютно неприемлемо для чешской части населения данной коронной земли, требовавшей уважения «исторических прав»²¹.

Особую тревогу у чешских политиков вызывало развитие ситуации в северных районах Богемии, где среди местного немецкого населения вызревала идея объединения с Германией. Они отмечали тот факт, что портрет императора Вильгельма II у австро-немецков этих районов встречался чаще, чем портреты императора Франца-Иосифа II²². Более того, они акцентировали внимание российского резидента на хождение в Северной Богемии германской марки наравне с австро-венгерской кроной. Всё больше, на взгляд чешских политиков, промышленность Северной Богемии зависела от Германии и ее промышленности. Следует отметить, что данные опасения не кажутся необоснованными. Германские инвесторы охотно вкладывали средства в развитие промышленности Цислейтании, и прежде всего в чешских землях. Германия становится крупнейшим внешнеэкономическим партнером Австро-Венгрии²³. Значительная часть продукции из Богемии шла на экспорт в Германию, но это являлось закономерным процессом развития трансграничных связей практически всех европейских государств.

Чешские политики кроме негативных тенденций в развитии Северной Богемии видели и важные изменения, работавшие на пользу чешского дела. В регионе проживало более 300 тыс. чехов. Первоначально они в основном являлись промышленными рабочи-

ми, но постепенно чехи начали играть в жизни Северной Богемии всё более активную роль. Чехи формировали здесь национальную интеллигенцию и средний класс. Появились чешские крестьяне, возникло множество промышленных предприятий, принадлежавших чехам²⁴. В. П. Сватковский обращал на данное обстоятельство особое внимание российского посольства в Вене в качестве подтверждения славянизации Богемии, что было объективно выгодно России.

Большое значение В. П. Сватковский отводил анализу ситуации в югославянских землях империи Габсбургов и развитию доктрины триализма в Хорватии и за ее пределами. В ноябре 1910 г. он отмечал рост популярности доктрины триализма в Вене²⁵. Этот факт, по его мнению, во многом был связан с общим изменением отношения к славянам представителей правящих кругов Цислейтании. В марте и апреле 1912 г. В. П. Сватковский подготовил два больших аналитических отчета, посвященных истории возникновения в Хорватии доктрины триализма и ее современному состоянию. Четкое оформление доктрины триализма российский резидент связывал с сербским погромом в Загребе 1902 г. и появлением новой плеяды сербских и хорватских политиков, создавших сербо-хорватскую коалицию. Они выступили за объединение всех югославянских земель в единое целое в составе Австро-Венгрии с предоставлением этой территории особых прав. Причем В. П. Сватковский отвергал любую причастность Белграда к созданию коалиции²⁶.

Правящие круги Венгрии, по мнению В. П. Сватковского, принимали любые усилия для недопущения усиления Хорватии и роста популярности сербо-хорватской коалиции. Они провалили план присоединения Боснии-Герцеговины к Хорватии, опасаясь, что это приведет к ее усилению. Премьер-министр Венгрии Ш. Веккерле стал активно разыгрывать карту великосербской угрозы для дискредитации коалиции и идеи югославянского сближения, не останавливаясь перед фальсификацией документов. В. П. Сватковский признавал успешность деятельности Ш. Веккерле. Если министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь первоначально симпатизировал политике усиления Загреба, направленной против сепаратизма Венгрии, то постепенно он кардинально изменил свою позицию по этому вопросу²⁷. Проводником политики Ш. Веккерле в Хорватии являлся Й. Франк и его сторонники, ставшие во главе антисербских сил. На взгляд В. П. Сватковского, они часто прибегали к самым грязным методам политической борьбы. Однако после

смерти Й. Франка его партия начинает разваливаться, а ее некоторые члены переходят в ряды коалиции.

Посольство в Вене и МИД России интересовала информация о росте поддержки доктрины триализма со стороны австро-немецких политиков и причин данного явления. В марте 1913 г. В. П. Сватковский в донесении приводил высказывания лидеров «Немецкого национального союза», которые никогда не выказывали симпатии к славянам, о необходимости сближения с сербо-хорватской коалицией против Венгрии при условии, если коалиция признает Триест и словенские земли составной частью немецкой Австрии. При этом российский резидент не сомневался в неприемлемости такого предложения для коалиции и в ее отказе от сотрудничества с союзом. В. П. Сватковский признавал факт поддержки практически всеми политическими партиями Цислейтании доктрины триализма. Одни партии (прославянские) рассчитывали с ее помощью усилить влияние славян на развитие Австро-Венгрии, другие (австро-немецкие) желали с помощью триализма разрушить дуалистическую систему с целью ослабления венгерской автономии²⁸. Обострение ситуации на Балканах после начала Балканских войн, по мнению В. П. Сватковского, убедило ведущих политиков Цислейтании в необходимости решения югославянского вопроса в рамках Австро-Венгрии.

Осенью 1913 г. В. П. Сватковский посещает югославянские земли Австро-Венгрии. В ноябре он направил в МИД отдельную записку по данному поводу. В ней В. П. Сватковский отмечал разительную перемену в настроениях южных славян: «...небывалый подъем духа, повсеместно чисто сербское национальное самосознание...»²⁹ По его мнению, различные слои хорватского и словенского общества испытывали симпатии к великосербской идее. Более того, всё большее количество хорватов и словенцев, по мнению В. П. Сватковского, идентифицировало себя как сербов. Противниками сербской идеи по-прежнему выступали клерикалы, сторонники партии права и евреи. Однако даже здесь В. П. Сватковский выделял определенные перемены, поскольку часть клерикалов и умеренных сторонников партии права выражало сочувствие великосербской идее. Всё это свидетельствовало о крахе югославянского варианта триализма. Для подтверждения данной точки зрения В. П. Сватковский приводил мнение британского специалиста по славянским народам Австро-Венгрии У. Р. Сетон-Уотсона, который, со слов российского журналиста, признал полный крах триализма (до этого У. Р. Сетон-Уотсон не раз демонстрировал симпатии к концепции триализма)³⁰.

В. П. Сватковский не сомневался в стремлении южных славян объединиться под эгидой Сербии. В качестве одного из доводов приводились похороны Карловацкого сербского патриарха Лукиана (Богдановича). Собравшаяся на церемонии сербская и хорватская молодежь приветствовала делегацию из Сербии, с которой венгерские официальные лица отказались встречаться. Сам приезд делегации проходил в сложной ситуации, так как многие периодические издания Венгрии негативно отреагировали на ее визит в страну³¹. Не только В. П. Сватковский, но и многие современники обращали внимание на рост популярности идеи югославянской взаимности среди сербской и хорватской молодежи в последние предвоенные годы³².

В Австро-Венгрии и за ее пределами постоянно ходили разговоры о создании новых террористических группировок, состоявших из южных славян. Сербская и хорватская молодежь так готовилась к австро-сербской войне. В. П. Сватковский попытался выяснить подлинность данной информации, но его информаторы не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть факт деятельности такой организации³³.

Во время поездки по землям южных славян империи Габсбургов В. П. Сватковский встретился с одним из лидеров югославянского движения. Правда, он не называл его фамилию. Об этом человеке только известно, что он был хорват, называвший себя сербом, который входил в состав австрийской делегации. По словам этого политика, южные славяне Австро-Венгрии в случае австро-сербской войны поддержат Сербию³⁴. Австро-немцам и венграм не на кого было положиться в этом конфликте. Поляки, сохранявшие долгое время лояльность монархии, оказались в очень тяжелом экономическом положении, приведшем их к массовой эмиграции в США. Поэтому на поляков австро-немцам и венграм теперь не приходилось особо рассчитывать.

В результате разговора оба собеседника пришли к заключению о неизбежном крахе империи Габсбургов в случае начала войны с Сербией и государствами, ее поддерживавшими³⁵. Более того, они выстраивали комбинацию возможного распада империи. К России отходили Галиция, Подкарпатская Русь, большая часть Буковины, Восточная Венгрия, включая Пешт. Сербия получала Западную и Южную Венгрию, в том числе Буду, и все земли южных славян как венгерской, так и австрийской половин империи, включая словенские территории. Чешские земли объединялись со Словакией. Силезия и Познань присоединялись к России. Это вело к окончанию многовековой вражды поляков и русских, так как польская ирредента пре-

кращала свое существование. Закрывался и «украинский вопрос», поскольку все украинские территории входили в состав России. Румыния получала Трансильванию и Южную Буковину. Австро-немецкие провинции Австро-Венгрии либо сохранялись за Габсбургами, либо присоединялись к католическими государствам Южной Германии в качестве противовеса протестантской Пруссии³⁶. Таким образом, данный план полностью исключал возможность сохранения венгерской государственности, что делало его нереалистичным. Венгры никогда бы не согласились на полный раздел страны и ликвидацию их независимости.

В. П. Сватковский внимательно следил за всеми перипетиями деятельности правительства австрийской половины империи Габсбургов и последними политическими новостями Вены. В частности, в феврале 1910 г. В. П. Сватковский обратился к теме состава правительства Цислейтании во главе с Р. фон Бинертом-Шмерлингом, ставшего премьер-министром в ноябре 1908 г. При обновлении своего кабинета он предложил шесть министерских портфелей австро-немцам, два – полякам, два – чехам и один – представителю южных славян. Славянские политики, по мнению В. П. Сватковского, справедливо потребовали паритетного распределения министерских портфелей по принципу 5 на 5 или 6 на 6³⁷. Российский резидент не сомневался в нежизнеспособности правительства Р. фон Бинерта-Шмерлинга, хотя оно продержалось до июля 1911 г.

В Австро-Венгрии и за ее пределами много внимания уделялось разногласиям, возникшим между бывшим премьер-министром Цислейтании М. В. фон Бекком, находившимся у власти с июня 1906 по ноябрь 1908 г., и наследником престола эрцгерцогом Францем-Фердинандом (хотя М. Бек был долгое время в ближайшем окружении наследника). Одно время будучи его наставником, он присутствовал на бракосочетании Франца-Фердинанда и принимал у него соответствующую клятву³⁸. Речь здесь идет оmorganатическом браке Франца-Фердинанда с графиней Софией Хотек, заключенном в 1900 г. Перед вступлением в брак Франц-Фердинанд дал клятву, что его дети не будут претендовать на престол³⁹.

В марте 1912 г. В. П. Сватковский отметил, состоявшееся примирение М. Бека с Францем-Фердинандом. По мнению российского резидента, Франц-Иосиф I сознательно привлекал к государственной службе способных людей из ближайшего круга наследника престола, отрывая их от эрцгерцога и привязывая к себе, как это было с М. Бекком, А. Эренталем и др.⁴⁰

В донесениях В. П. Сватковского доминировали сведения о событиях, происходивших в австрийской половине империи Габсбургов. В тоже время в марте 1912 г. он подготовил доклад под названием «Значение венгерского вопроса». Поводом к его появлению послужила отставка премьер-министра Венгрии К. Куэн-Хедервари. В Будапеште данный факт расценили как очередные происки эрцгерцога Франца-Фердинанда и его окружения против Венгрии, так как наследник престола никогда не скрывал своего негативного отношения к дуализму и чрезмерным правам венгерской половины империи Габсбургов⁴¹. В. П. Сватковский сомневался в такой трактовке событий, поскольку К. Куэн-Хедервари был близок к А. Эренталю, входившему в ближайшее окружение Франца-Фердинанда⁴². Действительно, Франц-Фердинанд и военный министр Австро-Венгрии М. Ауффенберг интриговали против К. Куэн-Хедервари, но не добиваясь его отставки. Данное обстоятельство не могло привести к отставке венгерского премьера еще и потому, что, поскольку сам император не высоко оценивал политические способности наследника престола, он не прислушивался к его мнению при решении сложных политических вопросов. В то же время К. Куэн-Хедервари пользовался полным доверием монарха (в Венгрии его с некоторой долей презрения даже называли «холопом императора»). Истинная причина отставки премьер-министра, по мнению В. П. Сватковского, заключалась в том, что он без согласия Франца-Иосифа I начал переговоры с венгерской оппозицией с целью утверждения военного бюджета. Этот факт мог расцениваться как ущемление прерогатив короля Венгрии. «Доброжелатели» К. Куэн-Хедервари в Вене тут же доложили о переговорах императору-королю, и тот принял решение об отставке правительства Венгрии, что стало для всех полной неожиданностью. В то же время уход правительства встретил полное одобрение со стороны венгерской оппозиции⁴³.

В. П. Сватковский собрал комментарии ведущих газет Венгрии по данному поводу. Все они обвиняли Франца-Фердинанда и «венскую камарилью» в отставке премьера. Многие из них в этом шаге видели первый удар по дуализму и венгерскому конституционализму. Не менее острые высказывания звучали в парламенте страны. Даже лояльный к монарху И. Тиса призвал защитить конституцию Венгрии и дуализм. Новым премьер-министром Венгрии был назначен Л. Лукач, который, по мнению В. П. Сватковского, являлся протеже общеимперского министра финансов Л. Билинского⁴⁴. Отставка К. Куэн-Хедервари, ярого противника введения всеобщего избира-

тельного права, на взгляд российского резидента, могла привести к избирательной реформе в Транслейтании, но в весьма усеченном варианте, так как ни правительство, ни оппозиция не собирались делиться властью с представителями национальных меньшинств, в том числе со славянами⁴⁵.

В июле 1914 г. посол в Вене Н. И. Шебеко направил проект К. Крамаржа о создании славянской империи после развала Австро-Венгрии, изложенный им в беседе с В. П. Сватковским⁴⁶. Сам посол называл проект фантастическим. В то же время он призывал хранить план в глубокой тайне, так как его обнародование могло иметь самые негативные последствия для К. Крамаржа, к которому в МИД России относились с симпатией, по праву считая его негласным лидером русофильских кругов Чехии и австрийской половины империи Габсбургов в целом⁴⁷.

План К. Крамаржа В. П. Сватковский сопроводил собственной вводной частью, содержащей его комментарии. По мнению российского резидента, славяне Средней Европы опасались, что разразившаяся война может застать Россию врасплох, в том числе и по причине возможного политико-территориального переустройства региона после ее завершения⁴⁸. В. П. Сватковский отмечал, что чехи, хорваты и словенцы боялись распада Австро-Венгрии, полагая, что в таком случае они окажутся в составе Германской империи. Констатируя укрепление сербо-хорватского союза, он в то же время был вынужден объяснять причины патриотических манифестаций хорватов: «... в этом явлении (выступление хорватов. – *И. К.*), быть может, играет некоторую роль хорватская и вообще славянская неуравновешенность...»⁴⁹ Еще одну причину данного явления В. П. Сватковский видел в негативных последствиях Львовского судебного процесса над русинами, принявшими православие и обвиненными в шпионаже в пользу России. Это событие вызвало тревогу у католического духовенства Хорватии и подозрения в экспансии православия при поддержке официальной России. Данный и другие примеры, по мнению В. П. Сватковского, требовали активизации проведения Россией собственной славянской политики, в том числе с помощью пропаганды на территории зарубежных государств для развенчания слухов и создания позитивного образа России⁵⁰.

Большое внимание В. П. Сватковский уделял событиям, происходившим в Сербии, которые напрямую влияли на внутреннюю и внешнюю политику Австро-Венгрии. В июле 1911 г. в Санкт-Петербурге и в других столицах Европы обратили внимание на

исчезновение премьер-министра Сербии Н. Пашича после его, как многим казалось, неожиданной отставки 4 июля 1911 г. Это дало основание для возникновения различных слухов и домыслов. МИД России стремился получить полную информацию по данному вопросу. Официально сербские власти объявили о болезни политика. В. П. Сватковскому удалось встретиться с Н. Пашичем и выяснить причины его временной изоляции. Сын Н. Пашича по настоянию отца отправился на обучение в Дрезден. Там вместо учебы он вел разгульный образ жизни. Нуждаясь в деньгах, сын сербского премьер-министра подделал подписи отца и других должностных лиц на векселях на общую сумму в 200 тыс. франков, сумев получить таким образом почти 40 тыс. франков⁵¹. Вскоре аферы молодого Пашича стали достоянием общественности, и его отцу пришлось срочно без лишней огласки выехать в Германию для улаживания конфликта. Н. Пашич потратил на выплату долгов сына 140 тыс. франков. В данной ситуации сербский политик находился под постоянной угрозой разоблачения, он опасался попадания этой информации на страницы периодической печати. По мнению В. П. Сватковского, в таком случае можно было говорить о серьезном политическом кризисе в Сербии и даже завершении политической карьеры Н. Пашича⁵².

В состоявшейся беседе с российским резидентом Н. Пашич коснулся ряда важных политических проблем. Во-первых, он соглашался стать премьер-министром страны в очередной раз только в случае начала войны. Во-вторых, он опасался, что война начнется слишком рано, т. е. летом 1912 г. Н. Пашич понимал, что Сербия не была готова в полной мере к войне с Австро-Венгрией или Османской империей. Полагаем, что он был хорошо осведомлен о внутрirosсийских делах и прекрасно осознавал неготовность в 1912 г. к войне и России. В данной связи он выражал осторожный оптимизм, дававший ему основание надеяться на возможность оттянуть войну, ибо великим державам удалось заморозить конфликт вокруг Албании. Правда, это обстоятельство не устраняло коренных причин конфликта, в любой момент он мог вспыхнуть с новой силой. Н. Пашич не сомневался в возможности начала войны на Балканах в течение ближайших трех лет. В своих словах, адресованных В. П. Сватковскому и высшему руководству страны, он призывал Россию срочно готовиться к новым серьезным потрясениям на Юго-Востоке Европы и прежде всего усилить боеготовность ее вооруженных сил. По мнению сербского политика, Сербии для подготовки к войне требовалось еще полгода для пополнения запасов и вооружений, после чего она мог-

ла вступить в вооруженный конфликт. Скорее всего, считал В. П. Сватковский, он произойдет между Сербией и Османской империей, которая не доверяла Белграду и его политике на Балканском полуострове⁵³.

В. П. Сватковский интересовался условиями вступления Сербии в войну. Н. Пашич выделил два момента: вступление в войну против Османской империи Болгарии или ввод войск Австро-Венгрии в Новипазарский санджак⁵⁴. По мнению сербского политика, болгарский царь Фердинанд, чувствуя падение своей популярности внутри Болгарии, хотел вступить в войну с Турцией, воспользовавшись очередным обострением ситуации на Балканах. Таким образом, Фердинанд стремился поднять собственный престиж в Болгарии. Разумеется, в данных условиях Сербия не могла сохранять нейтралитет. Однако, по мнению Н. Пашича, перед началом войны с Османской империей Софии и Белграду следовало договориться о разделе Македонии⁵⁵. Он подчеркнул важность получения Сербией выхода к Адриатическому морю, что являлось основной стратегической задачей страны в войне с Османской империей. Сербия готовилась и к возможному началу конфликта с Австро-Венгрией, если она захочет не допустить ее к Адриатике.

Отдельной темой разговора являлась политика Черногории и ее короля Николы. Н. Пашич не сомневался в двурушнической политике короля. С одной стороны, на словах он заявлял о верности славянскому делу, а с другой стороны, действовал в орбите политики Австро-Венгрии. Действительно, со второй половины 1909 г. взаимоотношения между Сербией и Черногорией сильно ухудшились, что привело к временному сближению Черногории с Австро-Венгрией, но не в ущерб ее связям с Россией⁵⁶.

Николай рассчитывал, что вступление войск империи Габсбургов в санджак отрежет Черногорию от Сербии и тем самым спасет ее от мнимой, согласно высказыванию Н. Пашича, великосербской угрозы. Черногория своими действиями не раз мешала сербской политике в Албании. Объективно, на взгляд Н. Пашича, Албания была не нужна ни Черногории, ни Австро-Венгрии⁵⁷. Она становилась разменной картой в большой балканской политике. Вена сознательно накаляла ситуацию на Балканах, пытаясь спровоцировать конфликт. Неготовность к нему России, по мнению Н. Пашича, имела бы самые трагичные последствия для Сербии, России и славян Балканского полуострова.

В заключение разговора В. П. Сватковского с Н. Пашичем речь зашла о сербском правительстве М. Миловановича. Н. Пашич не ве-

рил в прочность позиций его кабинета министров, тем более в условиях обострения ситуации на Балканах⁵⁸.

Следовательно, В. П. Сватковский играл важную роль в обеспечении посольства России в Вене необходимой информацией о внутренней и внешней политике Австро-Венгрии. Имея знакомства среди представителей политических и деловых кругов австрийской половины империи Габсбургов, и прежде всего среди славянских политиков Цислейтании, российский резидент не только собирал через них сведения, интересующие Россию, но и пытался воздействовать на принятие правительством в Вене некоторых решений, объективно выгодных России. В. П. Сватковский не сомневался в возможности «большой войны» на Балканском полуострове, в которую могли быть втянуты Россия, Австро-Венгрия, Сербия и Османская империя.

По его мнению, России следовало активно готовиться к этой войне, в том числе проводя агитационную работу среди славянских народов, развенчивая в их среде русофобские стереотипы. «Большая война» должна была завершиться развалом Австро-Венгрии и переустройством Средней Европы на выгодных для России условиях. Обреченность Австро-Венгрии объяснялась не столько внешнеполитическими факторами, сколько внутренними конфликтами, раздирающими империю Габсбургов, главным образом славян с австро-немцами и венграми. В то же время В. П. Сватковский был далек от идеализации самого славянского движения внутри Австро-Венгрии, отмечая острые противоречия между славянскими народами и различными славянскими политическими группами. Одновременно он отмечал консолидацию югославянского движения Цислейтании и рост сербофильских настроений в его среде, что могло нанести мощный удар по наступательной политике Австро-Венгрии на Балканах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Ненашева З. С.* Чехи и становление австрийского парламентаризма в восприятии российских дипломатов. На пути к всеобщему избирательному праву // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели.* Вып. 4: Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 312.

2 *Вишняков Я. В.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // *Вестник МГИМО (У).* 2011. № 1. С. 111.

- 3 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3424. Л.23.
- 4 *Сератионова Е. П.* Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // Запад-Восток: научно-теоретический альманах. 2014. № 7. С. 20.
- 5 *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 126–127.
- 6 Там же. С. 129.
- 7 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 294. Л. 3.
- 8 Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 3: Die wirtschaftliche entwicklung. Wien, 1980. Tab. 1.
- 9 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 298. Л. 2.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 *Добубек В.* Поиск партнеров чешкой славянской политики перед Первой мировой войной // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 5. Ставрополь, 2014. С. 180.
- 13 *Крючков И. В.* «Чешский вопрос» на страницах альманаха «Русская мысль» в конце XIX – начале XX в. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 1. С. 142–146.
- 14 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 3–4.
- 15 *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия... С. 144.
- 16 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 292. Л. 1.
- 17 Там же. Л. 2.
- 18 Там же.
- 19 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 189.
- 20 *Good D. F.* The Economic Rise of the Habsburg Empire. 1750–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 259.
- 21 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 292. Л. 2.
- 22 Там же. Л. 3.
- 23 Специальная корреспонденция // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1903. № 19. С. 222.
- 24 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 292. Л. 3.
- 25 Там же. Д. 294. Л. 3.
- 26 Там же. Д. 313. Л. 10.
- 27 Там же. Л.12.
- 28 Там же. Д. 321. Л. 1–2.
- 29 Там же. Д. 278. Л. 1.
- 30 Там же.

- 31 Там же.
- 32 *Фрейдзон В. И.* Проблемы югославизма в начале XX в. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных и идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 250–251.
- 33 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 278. Л. 1.
- 34 Там же. Л. 2.
- 35 Там же. Л. 2.
- 36 Там же.
- 37 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 292. Л. 2.
- 38 Там же. Д. 308. Л.1.
- 39 *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 155.
- 40 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 308. Л. 2.
- 41 *Яси О.* Распад... С. 155.
- 42 АВПРИ. Ф.135. Оп. 474. Д. 309. Л. 1.
- 43 Там же. Л. 2.
- 44 Там же. Л. 3.
- 45 Там же. Л. 3–4.
- 46 О проекте К. Крамаржа см. подробнее: *Серратионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия... С. 190–191.
- 47 АВПРИ. Ф.138. Секретный архив. Оп. 467. Д. 504. Л. 2.
- 48 Там же. Л. 3.
- 49 Там же. Л. 4.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Ф.135. Оп. 474. Д. 200. Л. 5.
- 52 Там же. Л. 1.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Л. 2.
- 55 Там же.
- 56 *Искандеров П. А.* Черногория в 1903–1914 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 393–394.
- 57 АВПРИ. Ф.135. Оп. 474. Д. 200. Л. 2.
- 58 Там же.

I. V. Kryuchkov

Internal and external political factors of development of Austria-Hungary
in the reports of V. P. Svatkovski (1910–1914)

The article dwells upon the reports of V. P. Svatkovski, the representative of Saint Petersburg Telegraph Agency in Vienna, to the Russian embassy in Vienna. The reports concentrate on the development of Habsburg Empire in 1910–1914. The Russian resident noted on the decreasing role of Slavs in the internal political life of the Austrian part of Austria-Hungary. Meanwhile he stated that the union between Serbs and Croats was strengthening, which created ground for their future unification within Serbia. In the future V. P. Svatkovski foresaw the possibility of a big war in the Balkans. Keywords: *Austria-Hungary, Serbia, Bohemia, Czechs, South Slavs, embassy, conflict, Balkans.*

М. Ю. Борисёнок
(Москва)

Красная Вена для Красной России

Статья посвящена некоторым параллелям между муниципальной политикой в межвоенной Австрии и СССР в сферах архитектуры, строительной политики и муниципального самоуправления. Она также затрагивает эпизод из биографии Юлиуса Тандлера, ведущего реформатора Красной Вены, который работал в Москве незадолго до своей смерти 25 августа 1936 г.

Ключевые слова: *Красная Вена, межвоенная Австрия, СССР, муниципальная политика, Юлиус Тандлер, строительная политика.*

По итогам Первой мировой войны Австрия превратилась в небольшую федеративную республику площадью 84 тысячи квадратных километров (или 23 % от размеров рухнувшей Австро-Венгерской империи) и населением в 6,5 миллионов человек, почти треть которого проживала в столице. В революционном 1918 году в «кровотокающем из всех вен окровавленном острове» исчезнувшей империи на первое место в политике выдвинулась Социал-демократическая рабочая партия Немецкой Австрии (СДРПНА)¹, которая еще во времена Франца-Иосифа сумела объединить под своими знаменами без малого весь левый политический спектр страны и воздействовала на часть немецкоязычных социал-демократов соседней Чехии (лидер СДРПНА Отто Бауэр часто бывал и нередко печатался в Брно). В отличие от своих германских собратьев австрийским социал-демократам удалось избежать раскола и сохранить единство, а ее единственным конкурентом на ниве исполнения заветов Маркса стала образованная в 1918 г. Коммунистическая партия (КПА), демонстрировавшая на федеральных выборах в указанный период около нулевые результаты².

В 1918–1934 гг. за социал-демократов голосовало от 80 до 90 % рабочих, половина пролетариата была интегрирована в партии и подконтрольных ей организациях, что составляло примерно 26 % мужского и 11 % женского населения Австрии в возрасте от 10 до 70 лет. СДПА была массовой партией, при этом являясь полной противополо-

ложностью ленинской модели кадровой партии – ее скромный аппарат насчитывал всего около 1400 функционеров³.

Однако бенефициарам революции не удалось закрепить свое политическое лидерство в стране. Падение Баварской и Венгерской советских республик и провальная попытка коммунистического путча в Вене в июне 1919 г. – все эти события пошатнули веру австрийского общества в реальность осуществления радикального сценария мировой революции. В итоге СДРПНА, которая ранее казалась гарантом стабильности и силой, сдерживающей социальный протест, стала уже не столь опасной ее политическим противникам⁴. За исключением крупных индустриальных центров социал-демократы уступили его Христианско-социальной партии (ХСП), продолжавшей традиции политического католицизма и опиравшейся на авторитет церкви среди населения, особенно в сельской местности.

Будучи лишенной возможности на федеральном уровне добиться «диктатуры пролетариата» парламентским способом (а именно такой способ ведущий партийный теоретик Отто Бауэр с небольшими оговорками провозгласил единственно верным⁵), СДРПНА решила продемонстрировать преимущество социал-демократического управления в отдельных административных единицах, где ей удалось завоевать законодательное большинство. Главным полигоном левой идеи стала столица – Красная Вена, выведенная из состава кулацкой и католической Нижней Австрии в отдельную федеральную землю 29 декабря 1921 г.⁶ Реформы социал-демократов, решительно проведенные главным образом в сферах экономической политики, жилищного строительства и социального обеспечения, были неоднозначно восприняты в идеологически расколотом австрийском обществе. Одни современники видели в Красной Вене город будущего, другие – цитадель жидобольшевизма.

В свою очередь, советские большевики отказывались признать даже сводное родство с австрийской социал-демократией. Как известно, в своей речи на пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г. Сталин остановился на «контрреволюционной роли социал-демократии»⁷ как одного из факторов частичной стабилизации капитализма. Более того, с 1929 до 1933 г. на вооружении Коминтерна была теория «социал-фашизма», согласно которой социал-демократы, том числе и левые, находились на одной доске с набирающей силу «коричневой чумой». Таким образом, социал-демократическая теория, наследие лидеров II Интернационала, автоматически оказывалась враждебной большевизму; в таких условиях какое-либо позитивное упомин-

нение о практических делах и тем более успехах социал-демократов, к примеру в рамках проекта Красной Вены, в советский период стало невозможным, в том числе и в исторической науке.

Однако, несмотря на расхождение в понимании марксизма между большевиками и социал-демократами, при ближайшем рассмотрении становятся очевидными сопоставимость отдельных политических целей и методов их достижения в Красной Вене и Красной России. Так, выдвинув лозунг «вернуть рабочему классу то, что у него отбирали»⁸, СДРПНА ставила своей задачей непосредственно привлечь пролетариат к государственному управлению. При этом при назначении на административные должности рабочих порой буквально отрывали от станка. Пожалуй, одним из самых выразительных примеров подобного самоопределения рабочего класса является увлекательная история о венском столяре, в одночасье сделавшемся окружным начальником и добившемся выдающихся успехов на этом посту, которую любил рассказывать О. Бауэр: «Когда мы включились в муниципальное управление, мы не имели о нем понятия. Помнится, в феврале 1919 года мы завоевали муниципалитет. На каком-то заседании мы вместе решали, кого сделать председателем в одном из районов. Кто-то предложил на эту кандидатуру Ланнера, помощника столяра. Ланнер сопротивлялся, аргументируя это тем, что он даже не умеет грамотно писать. После наших уговоров он всё же согласился. Вечером он положил на место свой рубанок, после чего Ланнер, который до этого в жизни не видел ни одного административного акта, не читал ни одного закона, на следующее утро вступил в должность. В магистрате его встретили не очень приветливо. А сегодня Ланнер – один из самых уважаемых администраторов муниципалитета, он так знает законы, что даже юрист с ним не станет тягаться. Возможно, сначала он и допускал ошибки. Рабочий класс должен учиться управлять государством и муниципалитетом»⁹.

Далее Бауэр с восторгом принялся обобщать опыт чиновника от рубанка: «Это новый пласт людей, вышедших из рабочего класса, которые учатся управлять. Если бы каким-то образом снова наступил восемнадцатый год и мы снова были бы призваны к управлению государством, – а в 1918 году у нас было слишком мало людей, которые это умели, – то у нас были бы эти люди. Если умеешь управлять муниципалитетом, то сможешь управлять и государством. Вот в чем смысл»¹⁰. Эта история, рассказанная вполне в духе строк Маяковского «Мы диалектику учили не по Гегелю», очень нравилась самому

Бауэру, и он ее не раз рассказывал в разных аудиториях, например, в несколько укороченном варианте она присутствует в его речи о значении муниципальных выборов 1928 г.¹¹

Как и большевики, австрийские социал-демократы стремились не только научить венского пролетария управлять государством, но и улучшить его быт – несмотря на падение кайзеровского режима, нижним слоям теперь уже демократического социума приходилось, как правило, и впредь ютиться по комнатам и койко-местам в доходных домах¹².

Добиться того, чтобы жилище строителя нового мира было «проветрено, освещено и согрето», планировалось с помощью новой строительной программы. Подавляющее большинство построенных в ее рамках муниципальных квартир, а именно 58 667, располагалось в многоквартирных домах¹³. В своем стремлении сплотить пролетариат и стимулировать его классовое сознание социал-демократы делали ставку на возведение в Красной Вене именно такого типа новостроек, которые их политические противники по городскому совету во главе с Леопольдом Куншаком (этот деятель ХСП по иронии судьбы был выходцем из рабочего класса) презрительно именовали «казармами пролетариата»¹⁴.

В плане архитектуры венские власти придерживались в известной степени консервативных позиций. В то время как в других европейских странах – Германии, Франции, Голландии и Англии – получил развитие архитектурный функционализм, а в СССР – конструктивизм, проекты муниципальных домов Вены имели с этим мало общего. В Вене не получили широкого распространения прогрессивные для 1920-х гг. технологии строительства. Венский муниципалитет продолжал использовать кирпич в качестве основного строительного материала, что существенно сказывалось на темпах строительства – они были примерно в два раза более медленными, чем, к примеру, во Франкфурте-на-Майне, где при строительстве уже в то время активно использовался железобетон¹⁵.

Приверженность авторов венской жилищной реформы традиционным технологиям строительства объяснялась, помимо прочего, двумя обстоятельствами. Во-первых, строительные техники в стиле ретро позволяли создать дополнительные рабочие места – ежегодно около 11 500, при этом простота кирпичной кладки позволяла использовать неквалифицированный труд¹⁶. Во-вторых, в тогдашней Вене сильно ощущался лоббизм руководства местного кирпичного завода, который был одним из крупнейших муниципальных предприятий.

Лоббизм, но уже со стороны высшего руководства СДПА, повлиял и на внешний облик «дворцов пролетариата». По выражению американского историка Г. Грубера, они «являли собой «венский меланж» из ар-нуво, ар-деко и псевдомодернизма с феодальной величественностью барочного декора»¹⁷. Причиной тому было желание социал-демократов, вполне сравнимое с мотивами появления на свет сталинской архитектуры в СССР, подчеркнуть величие своих трудов, внешний вид жилищ для рабочих должен был, по их замыслу, демонстрировать силу пролетариата, быть «классовой борьбой, застывшей в камне»¹⁸.

Примечательно, что несмотря на внешнюю монументальность венские «дворцы пролетариата» отличались скромным интерьером. В домах, возведенных после реализации первой строительной программы 1923 г., площадь 75 % квартир составляла всего-то 38 кв. м, оставшиеся 25 % ушли совсем недалеко – 48 кв. м. Вторая программа 1928 г. повысила этот показатель чисто косметически: теперь общая площадь большинства квартир составляла 40 кв. м, меньшая часть имела площадь от 49 до 57 кв. м²⁰.

Характерно и то, что организация пространства в новых венских квартирах от СДПА отличалась традиционализмом. В небольших квартирах общей площадью до 48 кв. м было всего две комнаты: большая кухня, служившая одновременно гостиной, и спальня. Образец не нужно было изобретать: точно так же из двух комнат состояли квартиры в довоенных доходных домах, в которых жило большинство венских рабочих. При практическом воплощении программы 1928 г. типовая планировка претерпела лишь одно существенное изменение – кухня была выделена в отдельную маленькую комнату²¹.

Впрочем, муниципальные квартиры разительно отличались от жилищ подавляющего большинства венских рабочих в другом аспекте, а именно в ассортименте коммунальных удобств: там непременно имелись электричество, холодная вода, газовая плита и ватерклозет²². Все эти удобства практически полностью отсутствовали в довоенной квартире рабочего. Электрического освещения, как и газа, там не было в принципе, водопровод и туалет были доступны в коридоре²³. Эти новации, безусловно, надлежит считать существенным улучшением бытовых условий. Однако в муниципальных квартирах отсутствовали горячая вода, ванная и центральное отопление. Отсутствие последнего создавало существенные трудности: для того чтобы обогреть жилище в новой многоэтажке, приходилось, как и раньше, носить уголь из подвала²⁴. Неполнота набора современных

удобств обычно объясняется соображениями экономии. Правда, из общей картины бюджетного жилья выбивается одна деталь: наличие в пролетарских квартирах Красной Вены паркета из твердых сортов дерева (вполне возможно, что это «излишество», как и в случае с кирпичом, стало следствием очередного проявления лоббизма)²⁵.

Впрочем, не подлежит сомнению тот факт, что переезд в новое муниципальное жилье в любом случае был связан для венского рабочего с существенным улучшением условий быта – эмоции здесь были столь же восторженными, как и в стихотворении Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» (1928). Правда, у персонажа советской поэзии ванная и душ в новом жилье имелись, а отсутствие упомянутого ряда удобств у пролетариев Красной Вены компенсировалось активным развитием коммунальных служб, к которым относились общественные бани, автоматизированные прачечные, детские сады и детские площадки, медицинские и стоматологические клиники, библиотеки и лекционные залы²⁶. Правда, похвастаться полным набором таких учреждений могли только крупнейшие жилые комплексы. Таковым, к примеру, был символ Красной Вены – знаменитый Карл-Маркс-Хоф, в котором на 5000 жителей приходилось две прачечных, два детских сада, молодежное общежитие, библиотека, детская консультация, стоматологическая клиника, больница, аптека, почта, а также многочисленные кафе, магазины и залы собраний²⁷. Бани имелись далеко не в каждом комплексе, и многим жителям новых домов Красной Вены приходилось пользоваться традиционными городскими помывочными, нравы в которых стоит сравнивать уже с описанными не в стихах Маяковского, а в рассказах другого советского современника событий – Михаила Зощенко.

Услуги на всё это разнообразие были платными, но вполне доступными для жителей. Стоимость проживания для рабочего в муниципальных домах и на традиционных съемных квартирах была примерно одинакова и составляла около 5% дохода венского пролетария²⁸.

Стоит заметить, что блуждавшая в умах марксистов со времен молодости классиков их учения идея обобществления быта не нашла сколько-нибудь масштабного воплощения в жилищных практиках Красной Вены. Скептицизм австрийских социал-демократов по поводу революции в быту лучшим образом демонстрируют вкусы их собственных вождей. В доме на Альбертгассе, построенном для высокопоставленных функционеров СДПА и муниципальных

служащих, стандартная квартира состояла из четырех комнат, кухни, ванной, туалета и, самое главное, комнаты служанки²⁹. В своем быту номенклатура не спешила порывать с ненавистной буржуазной традицией, которую в присутствии пролетарской массы они яростно клеймили с австромарксистских позиций. Оставаясь лояльными партийной идеологии, деятели, мнившие себя авангардом рабочего класса, вовсе не горели желанием первыми войти в социализм и воспитывать в себе аскетичного нового человека.

Наконец, следует отметить, что реализаторы политики австромарксизма на практике страдали гигантоманией в весьма умеренной форме. Десять крупнейших комплексов Красной Вены насчитывали в общей сложности 11 570 квартир, в том числе: Зандлейтн Хоф – 1587; Энгельсхоф – 1467; Карл-Маркс-Хоф – 1325; Карл-Зейц-Хоф – 1273; Митлингерхоф – 1136; Рабенхоф – 1109; Джордж-Вашингтон-Хоф – 1084; Зидлунг-Фрайхоф – 1014; Ам-Лааер-Берг – 846; Вильдгансхоф – 829³⁰. Как эти сооружения, так и дома более скромного размера тяготели к традиционной для Вены планировке с внутренним двориком.

Однако коренным отличием новостроек была пропорция между этим двориком и зданием. Темные дворы-колодцы довоенных трущоб Вены резко контрастировали с двумя гигантскими дворами Карл-Маркс-Хофа. В этом один из главных революционных элементов жилищной политики Красной Вены. Социал-демократические власти резко, почти в три раза, сократили разрешенную плотность застройки – с 85 до 30%³¹. На практике это означало, что лишь 30% от площади строительства могло занимать само здание. Такая мера муниципальных властей Красной Вены сделала невозможным возведение излюбленного типа частных застройщиков времен довоенного строительного бума – «съемных казарм», которые так плотно подступали друг к другу, что в окна квартир практически не попадал дневной свет.

Таким образом, зодчество Красной Вены состоялось именно как архитектура социальной эволюции, авторы проекта вдохновлялись не утопическими концептами XIX в., но отнюдь и не новейшими тенденциями в сфере градостроительства. Но главу угла был положен принцип осуществимости жилищных преобразований в ближайшей перспективе: идеи австромарксистов обретали реальные очертания за счет продуманной финансовой политики на столичном уровне, проводить которую, в свою очередь, помогало стабильное и многолетнее большинство СДПА в городском совете. Муниципальные власти взяли за основу стандартную квартиру рабочего и улучшили ее качество:

увеличили площадь и ликвидировали перенаселенность, добавили некоторые недостающие удобства, увеличили освещенность жилища. При этом у вождей СДПА не возникало желания коренным образом переделывать быт рабочего, вместо этого они поставили себе и в целом неплохо реализовали вполне доступную цель – повысить культуру быта, т.е. сделать условия существования венского пролетария более достойными. Уже сам этот факт должен был возвысить простого рабочего и сделать его достойным строительства социализма, которое ожидалось в исторической перспективе.

Идея города-сада, воспетая Владимиром Маяковским чуть позже, также нашла свое воплощение в Красной Вене в рамках так называемого поселенческого движения (нем. *Siedlerbewegung*). Изначально оно было выражением послевоенной разрухи, когда венские рабочие начали стихийный захват пустующих территорий на окраинах города и стали осваивать эти земли под огороды и строительство временного жилья. Всего, по разным оценкам, было создано от 30 до 60 тыс. таких участков³². СДПА не могла игнорировать подобное массовое движение, однако поддержка партии и частичное финансирование ею этого проекта были скорее вынужденными. Тем не менее при участии муниципалитета было построено в общей сложности 5257 многоквартирных домов³³.

В своей работе «Австрийская революция» О. Бауэр так описывал зарождение этого движения: «Рабочие начали осваивать территорию вокруг города и промышленных районов, выращивать там овощи и разводить мелких домашних животных. Восьмичасовой рабочий день дал новый толчок этому движению: тысячи людей использовали завоеванное время отдыха для работы и огородничества. Таким образом, вокруг Вены выросло около 60 тысяч огородов. Нехватка жилья вынуждала рабочих к тому, что садоводы начали строить в своих садах еще и хижины. Из таких индивидуальных попыток в конечном счете и появилось движение поселения»³⁴.

Вожди австрийской социал-демократии с пессимизмом смотрели на успехи этой инициативы снизу. На их глазах рабочие теряли свой классовый облик в силу занятия сельским хозяйством и индивидуальным трудом – проходила своего рода «деколлективизация». Лидерам СДПА не давало покоя еще и осознание того, что инициатива в данном случае исходила от самих рабочих. Твердо уверенные в своей руководящей и просветительской роли по отношению к рабочему классу, функционеры воспринимали набравшее популярность движение как анархизм.

Реформаторская деятельность австрийских социал-демократов прекратилась в 1934 г. с установлением австрофашистского режима канцлера Энгельберта Дольфуса. Примечательно, что эхо Красной Вены дошло до, казалось бы, отказывавшейся признавать само ее существование Москвы. Именно там в 1936 г. обосновался один из главных архитекторов Красной Вены – профессор медицины Юлиус Тандлер, создатель венской системы социального обеспечения. Перебраться в столицу Советского Союза Тандлер решил во время участия в Международном физиологическом конгрессе в Москве. В феврале 1936 г. он заключил двухгодичный контракт с Народным комиссариатом здравоохранения СССР и был принят на работу в качестве консультанта по строительству медицинских учреждений и медицинского образования. Особо стоит подчеркнуть, что по заказу советских властей Тандлер занимался вопросами социального обеспечения, в частности проектом строительства детских садов, т. е. делился с советскими коллегами передовым опытом Красной Вены. К несчастью, 25 августа того же года Тандлер скончался от сердечной болезни, а 29 августа некролог был опубликован в газете «Правда»³⁵.

В Москве Тандлера принимали как дорогого гостя, выделив ему номер с видом на Кремль в гостинице «Националь». Позднее, когда самочувствие светила европейской анатомии ухудшилось, заниматься его питанием поручили кремлевской больнице – на этом настоял известный немецкий диетолог Карл фон Ноорден, выписанный летом 1936 г. из Вены для лечения партийной верхушки³⁶.

Советский Союз произвел на австрийского профессора и социал-демократа большое впечатление. Ругая бюрократию, с которой он сталкивался по работе, Тандлер признавал ее неизбежным злом³⁷. В остальном советский строй он оценивал исключительно положительно. Так, о посещении первомайской демонстрации в качестве почетного гостя советского правительства Тандлер писал следующее: «1 мая я был приглашен наркомом на Красную площадь. 1500 самолетов пролетели над ней. Шествие масс рядами от 30 до 40 человек (2 миллиона в целом) длилось 6 часов. Это была самая грандиозная демонстрация из тех, что я видел. Все в праздничном восторге приветствуют вождей, стоящих на мавзолее Ленина. Исполненное сил победоносное человечество нового мира».

Симпатии вызывал у профессора вызвал даже марксизм-ленинизм. Он радостно писал о своем посвящении в почетные комсо-

мольцы и сожалел о своих товарищах в Брно, оставшихся на «пути косного реформизма»³⁸.

В Советском Союзе Тандлеру нравилось настолько, что он хотел переселить сюда своего друга и второго главного реформатора Красной Вены – финансиста Хуго Брайтнера. Разочаровавшись в современной ему Австрии, Тандлер видел в Советском Союзе место сотворения нового мира. В своем письме Брайтнеру он писал об этом так: «Отсюда события и люди воспринимаются совершенно иначе. Я очень постараюсь добиться для Вас здесь работы. Если это получится, то мы еще вместе посмеемся над умственным малокровием тех, кто остался на родине, влачит жалкое существование в чулане истории и кланяется дрожащей буржуазии в нездоровом полусвете капитализма»³⁹.

Реформы в области муниципальной политики австрийских социал-демократов и большевиков в 1920-е гг. ставили перед собой принципиально одинаковые задачи. И те и другие предпринимали попытки усовершенствовать быт широких слоев населения и таким образом подготовить их к новым общественным отношениям, с той лишь разницей, что большевики занимались строительством социализма в одной отдельно взятой стране, а их австрийские коллеги – в масштабе одного города. Впрочем, прямой обмен опытом между Москвой и Веной в эпоху реформ был невозможен в силу идеологических разногласий, а окончательно крест на возможности использовать венские ноу-хау в Советском Союзе поставила преждевременная смерть Юлиуса Тандлера в Москве 25 августа 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Немецкая Австрия – название Австрийской республики в 1918–1919 гг., до Сен-Жерменского мирного договора. В межвоенный период австрийские социал-демократы оставались сторонниками вхождения в состав Германии, что отразилось в названии партии.

2 *Frei A. G. Rotes Wien. Austromarxismus und Arbeiterkultur. Sozialdemokratische Wohnungs- und Kommunalpolitik 1919–1934.* Berlin, 1984. S. 24.

3 Ibid.

4 Подробнее см.: *Simon W. B. Die verirrte Erste Republik: eine Korrektur österreichischer Geschichtsbilder.* Innsbruck, 1988.

5 *Bauer O. Der Kampf um die Macht.* Wien, 1924. S. 22.

6 Landesgesetzblatt (LGBl) für Wien. № 153. 1921. S. 253.

- 7 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 144.
- 8 *Bauer O.* Sozialismus und Kommunalpolitik // Volksfreund. Brno. 06.05.1924.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid.
- 11 Otto Bauer über die Bedeutung der Gemeindewahlen // Arbeiterwille. Graz. 14.10.1928.
- 12 *Sieder R.* Housing Policy, Social Welfare, and Family Life in 'Red Vienna', 1919–34 // Oral History. Autumn, 1985. Vol. 13. № 2: City Space and Order P. 37.
- 13 *Bauböck R.* Wohnungspolitik im sozialdemokratischen Wien 1919–1934. Salzburg, 1979. S. 152.
- 14 Gemeinderatssitzungsprotokolle der Gemeinde Wien im Wiener Stadt- und Landesarchiv. 13.06.1924. S. 988.
- 15 *Kramer F.* Sozialer Wohnbau der Stadt Frankfurt am Main in den 20er Jahren // Ausstellung kommunaler Wohnbau in Wien. Wien, 1978. S. 110.
- 16 *Bauböck R.* Wohnungspolitik... S. 145.
- 17 *Gruber H.* Red Vienna: Experiment in Working-Class Culture, 1919–1934. Oxford, 1991. P. 56.
- 18 *Danneberg R.* Zehn Jahre neues Wien. Wien, 1929. S. 38.
- 19 *Gruber H.* Red Vienna... P. 58.
- 20 Ibid.
- 21 *Frei A.* Rotes Wien... S. 134.
- 22 *Gruber H.* Red Vienna... P. 55.
- 23 *Danneberg R.* Zehn Jahre... S. 12.
- 24 *Sieder R.* Housing Policy... P. 40.
- 25 *Kramer F.* Sozialer Wohnbau... S. 110.
- 26 *Danneberg R.* Zehn Jahre... S. 37.
- 27 <http://www.dasrotewien.at/karl-marx-hof.html>.
- 28 *Breitner H.* Seipel-Steuern oder Breitner-Steuern. Wien, 1927. S. 7.
- 29 *Gruber H.* Red Vienna... P. 61.
- 30 *Bauböck R.* Wohnungspolitik... S. 160.
- 31 *Danneberg R.* Zehn Jahre... S. 14.
- 32 *Zimmerl U.* Kübeldörfer: Siedlung und Siedlerbewegung im Wien der Zwischenkriegszeit. Wien, 2002. S. 14.
- 33 Ibid. S. 37.
- 34 *Bauer O.* Die österreichische Revolution. Wien, 1923. S. 191.
- 35 Правда. 29.08.1936.
- 36 *Sablik K.* Julius Tandler. Mediziner und Sozialreformer. Wien, 1983. S. 320.

37 Wiener Stadt- und Landesarchiv: Breitner Nachlass. Tandler's Brief an Breitner. Moskau, 18.07.1936.

38 Ibid.

39 Ibid.

M. Yu. Borisyonok
Red Vienna for Red Russia

The article covers some parallels between municipal policy in interwar Austria and USSR in spheres of architecture, building policy and local government. It also deals with an episode of biography of Julius Tandler, the lead reformer of Red Vienna, who worked in Moscow shortly before his death on 25 august 1936.

Keywords: *Red Vienna, Interwar Austria, USSR, Municipal Policy, Julius Tandler, Building Policy.*

Н. Н. Станков
(Москва)

«Секретный» протокол Реннера-Бенеша 1920 года в контексте международных отношений в Центральной Европе

В статье рассматривается развитие австро-чехословацких отношений в первые месяцы после подписания Сен-Жерменского договора. В центре внимания автора – подготовка к визиту канцлера Австрийской республики К. Реннера в Прагу в январе 1920 г., переговоры с В. Тусаром и Э. Бенешем и их итоги. Ключевые слова: *австро-чехословацкие отношения, «секретный» протокол Реннера-Бенеша, Венгрия, Германия, Центральная Европа.*

Распад Австро-Венгрии, образование на ее территории новых государств и Ноябрьская революция в Германии привели к радикальным изменениям международной ситуации в Центральной Европе. Рушились сложившиеся в империи Габсбургов связи. Молодым государствам предстояло строить отношения на принципиально новой основе, исходя как из собственных национально-государственных интересов, так и учитывая общую расстановку сил в регионе и на международной арене.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть австро-чехословацкие отношения в первые месяцы после подписания Сен-Жерменского договора (в связи с визитом в январе 1920 г. канцлера Австрийской республики Карла Реннера в Прагу), когда в регионе начала складываться новая конфигурация межгосударственных отношений.

С образованием в октябре 1918 г. Немецкой Австрии и Чехословацкой республики отношения между ними складывались непросто. В обеих странах были широко распространены взаимные предубеждения. В сознании чехов Вена ассоциировалась с национальным угнетением и 400-летним господством Габсбургов. Большое беспокойство в Чехословакии вызывало стремление Немецкой Австрии к объединению с Германией. Многие австрийцы, со своей стороны, не могли простить чехам того, что чехословацкая национальная революция привела к развалу империи и присоединению к ЧСР областей, населенных немцами. Данные действия чехов воспринимались в Австрии как нелегитимные, и до сентября 1919 г. Вена продолжала

рассматривать богемских и моравских немцев как своих подданных, считая занимаемые ими области частью австрийской территории. Эти противоречия между двумя государствами обусловили острый характер их взаимоотношений, развивавшихся в конце 1918 – начале 1919 г. на грани вооруженного конфликта.

Положительные перемены в австро-чехословацких отношениях произошли после подписания Сен-Жерменского договора 10 сентября 1919 г., согласно которому Австрия признала ликвидацию Габсбургской империи, самостоятельность государств-преемников и их границы. Особая статья запрещала аншлюс – присоединение к Германии. После подписания договора, как отмечал канцлер К. Реннер, Австрия выступила против любой реставрации, за сотрудничество с западными державами и с соседними государствами в дунайском пространстве¹.

Сближению Австрии и ЧСР способствовала смена правительства в Чехословакии летом 1919 г. Правительство «общенациональной коалиции» К. Крамаржа ушло в отставку, и 8 июля было сформировано правительство «красно-зеленой коалиции» во главе с лидером Чехословацкой социал-демократической рабочей партии В. Тусаром. В отличие от своего предшественника, испытывавшего крайнюю неприязнь к Австрии и Германии, Тусар проявил готовность к поиску компромиссов с этими государствами. Тусар в молодом возрасте вступил в социал-демократическую партию, и его становление как политика происходило в рядах многонационального рабочего движения Австро-Венгрии. У Тусара сложились хорошие личные отношения с австрийскими социал-демократами, к которым ему часто приходилось обращаться после провозглашения независимости Чехословакии, когда он был назначен дипломатическим представителем ЧСР в Австрии. Как вспоминал государственный секретарь по иностранным делам Австрийской республики О. Бауэр, в периоды чрезвычайного обострения немецко-богемского вопроса в Чехословакии в конце 1918 г. и в марте 1919 г. дело не дошло до открытого вооруженного австро-чехословацкого конфликта только благодаря их «старой партийной дружбе» с Тусаром². Тусар поддерживал дружественные отношения также с канцлером К. Реннером, возглавившим после отставки О. Бауэра в июле 1919 г. и внешнеполитическое ведомство Австрии.

Став председателем правительства, Тусар уже в первых своих интервью заявил о намерении установить добрососедские отношения с Австрией³. Стремление Тусара к урегулированию отношений

с альпийской республикой диктовалось не только его личными симпатиями к австрийским социал-демократам, но и сложной внешнеполитической ситуацией ЧСР в связи с территориальными притязаниями Венгрии на Словакию и Польши на Тешин, над которым в начале сентября 1919 г. нависла угроза польской оккупации⁴.

Со своей стороны, Австрия также была заинтересована в укреплении отношений с Чехословакией. К сотрудничеству с Прагой австрийских политиков подталкивал острый экономический кризис в стране, катастрофическая нехватка продовольствия и топлива, которые они надеялись получить из Чехословакии. Кроме того, Вену сближала с Прагой и венгерская угроза. Со стороны Венгрии для Австрии существовала двойная опасность. Во-первых, имелись опасения, что хортисты не освободят обещанный Сен-Жерменским договором Бургенланд, который они заняли в начале августа 1919 г. под предлогом преследования участников венгерской революции. Однако кровавым расправам подверглись не только революционеры, но и сторонники присоединения Бургенланда к Австрии. На требование Вены, чтобы венгерские войска покинули Бургенланд, из Будапешта следовали воинственные ответы⁵. Во-вторых, из-за стремления Будапешта восстановить на венгерском престоле Карла Габсбурга возникла угроза самому республиканскому строю Австрии. В случае воцарения Карла Габсбурга в Будапеште австрийские монархисты при вооруженной поддержке Венгрии добились бы восстановления династии Габсбургов и в Австрии.

24 октября 1919 г. канцлер Австрийской республики К. Реннер, принимая чехословацкого представителя в Вене Р. Флидера, в самых мрачных тонах обрисовал ситуацию в Центральной Европе. Он убеждал Флидера, что для ЧСР Словакия уже потеряна, ее захватит вместе с Хорватией Венгрия, что Ватикан стремится реализовать идею «католической Средней Европы», которая включала бы Баварию, Австрию, Венгрию (вместе с Хорватией и Словакией) и Польшу. Выход из сложившегося положения Реннер видел в создании федерации с участием Австрии, ЧСР и Королевства сербов, хорватов и словенцев. Канцлер сообщил Флидеру, что с соответствующим предложением он уже обратился в Белград и ожидал доверенного представителя югославского правительства, с которым намерен вести переговоры. Реннер выразил пожелание встретиться с председателем чехословацкого правительства В. Гусаром и министром иностранных дел Э. Бенешем в каком-нибудь неприметном городке близ Братиславы, которую они должны были посетить 8 ноября⁶.

Однако тогда до встречи австрийского канцлера с Тусаром и Бенешем дело не дошло. Прага отклонила предложение К. Реннера об объединении в какой-либо форме Австрии и Чехословакии. Бенеш, встретившись 30 октября 1919 г. с австрийским представителем в Праге Ф. Марекком, решительно отверг идею создания федерации или конфедерации как политического союза, подчеркнув, что ЧСР намерена неукоснительно следовать условиям Сен-Жерменского договора, уважая суверенитет вновь созданных государств и не допуская никакого вмешательства в их внутренние дела⁷. Что касается двусторонних переговоров, то чехословацкое правительство приветствовало инициативу К. Реннера, выразив готовность принять австрийского канцлера в Праге и обсудить «актуальные вопросы взаимных отношений» «на базе мирных договоров»⁸.

Прага не закрывала глаза на нависшую угрозу со стороны Венгрии. Отовсюду стекались сведения о приготовлениях М. Хорти к вторжению в Словакию в январе 1920 г., о том, что численность его армии достигла 82 тыс. человек, не считая 30-тысячного так называемого словацкого легиона, о поставках из Италии вооружения и боеприпасов, о тайных переговорах венгерского правительства с Польшей с целью заключения военной конвенции против ЧСР⁹. Флидер сообщал из Вены, что, готовясь к нападению на Словакию, Будапешт рассчитывал на поддержку Австрии, надеясь, что она поможет поставками оружия и усилит античехословацкую пропаганду. Большую активность в направлении укрепления сотрудничества с Австрией проявлял венгерский посланник в Вене Г. Гратц¹⁰.

Перед лицом венгерской угрозы Чехословакия вступила в переговоры с Королевством СХС и Румынией о заключении оборонительного союза¹¹. В конце 1919 г. Прагу посетил военный министр Королевства СХС, доверенное лицо принца Александра Карагеоргиевича генерал С. Хаджич и вел переговоры о военном сотрудничестве¹². В отношении Австрии, внутривнутриполитическое и экономическое положение которой отличалось крайней нестабильностью, была избрана другая линия: изолировать ее от Венгрии и нейтрализовать.

15 декабря 1919 г. в Париже Бенеш встретился с Реннером и предварительно обсудил с ним проблемы, которые предполагалось решить во время визита австрийского канцлера в Чехословакию. В Париже стороны ограничились обсуждением политических аспектов сотрудничества. Вопросы об экономических и торговых отношениях, в частности о поставках в Австрию угля и продовольствия, Бенеш предложил решить с соответствующими ведомствами во время

визита канцлера в Прагу¹³. За отговоркой чехословацкого министра таилась серьезная проблема: правительство ЧСР не могло взять на себя всё бремя экономической помощи Австрии, которая была не в состоянии расплатиться за дополнительные поставки угля и продовольствия без финансовой поддержки западных союзников. Поэтому, прежде чем начинать переговоры об экономическом сотрудничестве с Австрией, Э. Бенеш в конце 1919 г. предпринял поездки в Великобританию и Францию, чтобы выяснить возможности такой поддержки¹⁴. О результатах своих визитов в Париж и Лондон и о предварительных переговорах с Реннером Бенеш доложил 2 января 1920 г. на чрезвычайном заседании совета министров ЧСР. Он очертил круг вопросов, которые предполагалось обсудить с австрийским канцлером. Участвовавший в заседании президент Т. Г. Масарик изложил свою точку зрения на предстоящие переговоры с К. Реннером и подчеркнул, что внешняя политика ЧСР и в отношении Австрии, и в отношении других соседей «должна быть более активной»¹⁵. Окончательно программа чехословацко-австрийских переговоров была одобрена на заседании совета министров ЧСР 9 января 1920 г.¹⁶

О подготовке визита в Чехословакию канцлер К. Реннер через германского полномочного представителя в Вене К. А. фон Рипенхаузена поставил в известность Берлин и просил министра иностранных дел Германии Г. Мюллера о тайной встрече, чтобы «определить общее направление». Реннер настаивал на том, чтобы никого не ставить в известность об этой встрече, кроме непосредственных участников, число которых должно было быть ограничено до минимума. Канцлер предлагал встретиться недалеко от границы в небольшом местечке около Пассау¹⁷. Очевидно, Реннер затевал двойную игру. Оказывая давление на Прагу и Берлин, он пытался от каждой из сторон получить экономические уступки, и прежде всего добиться увеличения поставок угля и продовольствия. Неслучайно во время встреч Реннера с Мюллером и Бенешем вопросы о поставках в Австрию занимали одно из важнейших мест.

Несмотря на предупредительность австрийского канцлера, в сообщениях Рипенхаузена на Вильгельмштрассе от 8 и 9 ноября 1919 г. чувствовалось беспокойство. Он считал необходимым предложить Реннеру перенести встречу с Бенешем на другое время, а также «срочно отсоветовать в качестве места встречи Прагу». Кроме того, он предлагал, чтобы в подготовке австро-чехословацкого торгового соглашения негласно принимали участие германские специалисты, дабы в будущем оно не стало препятствием аншлюсу. Однако в от-

ветной телеграмме 11 ноября 1919 г. Мюллер отметил, что не намерен оказывать давление на Реннера и советовал Рипенхаузену проявить сдержанность. Директор торгово-политического отдела МИД Германии К. Э. фон Штоккхаммерн отклонил предложение о тайном сотрудничестве германских специалистов в подготовке австро-чехословацкого торгового соглашения¹⁸. Берлин, похоже, был намерен использовать Вену, у которой были исторические, экономические и культурные связи с придунайскими странами, в качестве моста для восстановления своего влияния в этом регионе. Во всяком случае на Вильгельмштрассе хладнокровно отнеслись к тревожным сообщениям Рипенхаузена о готовящемся визите Реннера в ЧСР.

17 ноября 1919 г. в Пассау состоялась тайная встреча Мюллера и Реннера¹⁹. На ней австрийский канцлер сообщил, что в связи с возможной реставрацией Габсбургов в Венгрии Австрия совместно с Чехословакией и Югославией намерена предпринять шаги, чтобы этому воспрепятствовать. Прежде всего речь шла об обмене мнениями с Прагой и Белградом об общих усилиях в борьбе с венгерской пропагандой, а также о возможных экономических санкциях против Венгрии в случае возвращения в страну Карла Габсбурга.

Чтобы развеять сомнения Берлина, не приведет ли такая политика Вены к созданию Дунайской федерации, Реннер отметил, что у него нет насчет этого никаких опасений. Со стороны Антанты против Дунайской конфедерации решительно выступит Италия, опасавшаяся восстановления Австро-Венгрии. Британское правительство было в этом также мало заинтересовано, а король Георг V склонился бы к «габсбургской политике». Что же касается французского правительства, которое больше других желало создания Дунайской конфедерации, то оно встретило бы сопротивление в своей собственной стране.

На встрече в Пассау в связи с предстоявшей поездкой Реннера в Прагу обсуждался вопрос об аншлюсе. Канцлер заверил Мюллера, что Вена будет использовать любую возможность, чтобы убедить Антанту в нежизнеспособности Австрии без сотрудничества с Германией. Вместе с тем всякая открытая пропаганда австро-германского объединения была нежелательна вследствие безапелляционного решения Антанты запретить аншлюс в мирных договорах. Единственное, что можно было предпринять в этих условиях, по мнению Реннера, – это тайное устранение всех препятствий для будущего объединения. Особое значение обе стороны придавали единообразию юридических норм. В Австрии известному юристу, депутату

Национального собрания Ю. Офнеру было поручено постоянно следить за тем, чтобы не принимались никакие законы, которые могли бы стать препятствием при последующем объединении Австрии с Германией. Новый проект австрийской конституции был составлен в полном соответствии с основным законом Веймарской республики. С германской стороны такую же работу проводил министр юстиции Э. Шиффер. Реннер и Мюллер обсудили вопросы расширения сотрудничества в этом направлении, в частности договорились о создании более благоприятных условий для установления тесных контактов между германскими и австрийскими политическими партиями.

В связи с предстоявшим визитом в Чехословакию Реннер поделился с Мюллером и некоторыми своими сомнениями. Канцлер предполагал, что в Праге будут настаивать на том, чтобы, во-первых, Австрия оказала воздействие на немецкое население в Тешинской области, рекомендуя во время плебисцита проголосовать за Чехословакию, а во-вторых, высказаться в словацком вопросе в пользу ЧСР против притязаний поляков, у которых в этом вопросе были общие интересы с венграми. Оказавшись перед таким выбором, Реннер склонялся в большей степени на сторону Праги, однако, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в этом направлении, он хотел выяснить позицию Берлина.

Вопросы, поставленные Реннером, имели отнюдь не частный характер. Австрию интересовало отношение Германии к сформировавшимся в регионе Центральной Европы группировкам: с одной стороны, ЧСР – Югославия – Румыния, с другой – Венгрия – Польша. Канцлера интересовал также вопрос, до какого уровня возможно сближение Австрии с первой группой стран и как к этому отнесется Берлин. Мюллер утверждал, что Германия не возражает против намерения Австрии ориентироваться на Прагу, когда речь идет о том, чтобы воспрепятствовать реставрации Габсбургов в Венгрии. Более того, учитывая общие экономические интересы, Берлин желал в будущем сотрудничать с Прагой, хотя этому и препятствовали националистические эксцессы в Чехословакии. Что касается Польши, то с ней у Германии имелся ряд чрезвычайно острых противоречий. Кроме того, определяя внешнеполитический курс в отношении Польши, Берлин вынужден был учитывать свои будущие отношения с Советской Россией. Наконец, с Венгрией, по словам Мюллера, Германия «никаких достойных упоминания связей» не имела. Что же касается присоединения к возможным экономическим санкциям

против Венгрии, то Берлин оставлял за собой право решить этот вопрос в будущем в зависимости от развития событий. В отношении плебисцита в Тешинской области Мюллер посоветовал Реннеру не занимать никакую официальную позицию. В случае необходимости он мог сделать разъяснение, что Вена не может вмешиваться в этот вопрос, и она не имеет в данный момент на тешинских немцев никакого влияния²⁰.

Таким образом, Мюллер дал ясно понять, что Германия не склонна поддерживать ни одну из создавшихся группировок и намерена сохранять свободу маневра. Берлин не возражал против сотрудничества Австрии с Прагой, принимая во внимание интересы экономического характера, а также для того, чтобы противодействовать реставрации Габсбургов в Венгрии. В Германии Карл Габсбург не пользовался поддержкой. Против него были настроены как левые, так и правые. Правые считали, что его пацифистские и антигерманские устремления содействовали поражению Германии в Первой мировой войне, а демократические силы рассматривали возможность возвращения Карла в Венгрию как угрозу восстановления монархии, примеру которой могла последовать Бавария, а возможно, и вся Германия²¹. Берлин поддерживал австрийские претензии на Бургенланд, что объяснялось надеждами на аншлюс²². Вместе с тем Мюллер недвусмысленно дал понять Реннеру, что Германия не одобряет участия Австрии в коалиции с Чехословакией, Югославией и Румынией и координацию действий с ними по каким-либо внешнеполитическим проблемам, выходящим за пределы прямых интересов Австрии.

В последующие недели консультации между Веной и Берлином по поводу предстоявшего визита Реннера в Чехословакию продолжались. 7 января 1920 г., незадолго до отъезда в Прагу, канцлер в очередной раз принял Рипенхаузена и сделал дополнительные разъяснения относительно своей политики. Реннер вновь подчеркнул, что предстоящее сближение с Чехословакией и Югославией связано с событиями в Венгрии. С помощью Праги и Белграда он надеялся решить в свою пользу западно-венгерский вопрос (Бургенланд). Далее канцлер развил идею о совместной австро-чешско-германской экономической политике. Он сказал, что якобы всегда был сторонником идеи Фридриха Наумана о «Срединной Европе»²³. Реннер подчеркнул, что структура, над которой он начинает работать и намерен воплотить в жизнь, не будет направлена против Германии, а должна осуществляться вместе с ней. Однако ввиду отчаянного положения Австрии Реннер не может полностью раскрыть свои карты перед Ан-

тантой и государствами-преемниками и не может избежать двойной игры. В связи с этим он просил Рипенхаузена содержание их беседы хранить в строгой тайне²⁴.

10 января 1920 г. К. Реннер прибыл в Прагу. Визит протекал в добросердечной обстановке²⁵. Канцлер К. Реннер и премьер-министр Чехословакии В. Тусар были много лет знакомы по совместной работе в Социал-демократической партии Австро-Венгрии и обращались друг к другу на «ты». В ходе переговоров стороны договорились о расширении экономического сотрудничества. С этой целью в ближайшее время предполагалось заключить специальные соглашения о торговле, финансах, транспортном сообщении и др.²⁶ Правительство ЧСР обещало обратить особое внимание на экономические нужды Австрии, прежде всего на поставки угля. Стороны обсудили вопрос о национальных меньшинствах и заявили, что для обоих государств он являлся «чисто внутренним вопросом»²⁷.

Важное место в переговорах Реннера и Бенеша занимали проблемы взаимоотношений с Венгрией. Чехословацкий министр подчеркивал, что Венгрия представляет серьезную угрозу для всех соседних государств. На последнем заседании венгерского правительства, когда министр обороны И. Фридрих говорил об «интеграции Венгрии», он не делал различия между Австрией и Чехословакией: речь шла об «интеграции» Западной Венгрии, так же как и Словакии и Хорватии. Бенеш отмечал, что Венгрия достаточно сильна в военном отношении и способна напасть на соседние страны²⁸. Канцлер Австрии и министр иностранных дел ЧСР обещали друг другу политическую и дипломатическую поддержку в случае угрозы кому-либо из них со стороны Будапешта, а в случае нападения Венгрии на одну из стран – проведение консультаций о совместных военных действиях. ЧСР обязалась поддержать Австрию в споре о Бургенланде, который она должна была получить в соответствии с Сен-Жерменским договором²⁹.

Обе стороны заявили, что будут препятствовать любой попытке реставрации Габсбургов. Реннер и Бенеш договорились о сотрудничестве между спецслужбами Австрии и ЧСР, об обмене информацией о планах и любых попытках реставрации Габсбургов в Венгрии. Реннер утверждал, что имеет агента в ближайшем окружении бывшего императора Карла в Швейцарии, а Бенеш широко цитировал протоколы последнего заседания венгерского кабинета министров³⁰. Реннер намекнул, что Австрия могла бы стать более эффективным союзником против Венгрии в случае отмены статьи Сен-Жерменского

договора, ограничивавшей численность австрийской армии 30 тысячами человек. Однако Бенеш уклонился от обсуждения этого вопроса, подчеркнув, что отношения между Веной и Прагой должны основываться на строгом соблюдении Сен-Жерменского мирного договора³¹.

12 января 1920 г. Реннер и Бенеш подписали протокол, который зафиксировал достигнутые договоренности и который стороны намерены были сохранить в тайне. Он имел отчетливо выраженную антивенгерскую направленность. Протокол содержал гарантии взаимной дипломатической и политической поддержки Австрии и Чехословакии в случае возникновения угрозы со стороны Венгрии. Обе договаривающиеся стороны обязались всеми средствами препятствовать поставкам в Венгрию оружия и военного снаряжения вплоть до организации «жесткой блокады». ЧСР и Австрия на взаимной основе гарантировали полное и последовательное соблюдение Сен-Жерменского мирного договора. Особо подчеркивалось право Австрии на территорию Западной Венгрии (Бургенланд), которую она должна получить в соответствии с решениями Сен-Жерменского договора.

В протоколе специально указывалось на «исключительно оборонительный характер» достигнутых соглашений. В случае вооруженного нападения Венгрии на одну из сторон Австрия и Чехословакия должны были путем «свободного соглашения» определиться со средствами противодействия агрессору, не исключая и военных. Австрия и ЧСР обещали друг другу взаимную поддержку против любых планов и попыток реставрации Габсбургов.

В протоколе также были зафиксированы достигнутые договоренности по проблеме национальных меньшинств, которую обе стороны признали «чисто внутренним вопросом» каждого государства. Вместе с тем «в спорных случаях» они не исключали возможности «дружественного обмена мнениями». Заключительная часть протокола предусматривала развитие экономического сотрудничества Австрии и ЧСР³².

Несмотря на то что подготовка чехословацко-австрийского протокола проходила в условиях строгой секретности, в день его подписания, 12 января 1920 г., будапештская газета «Az újság» сообщила о его содержании, проявив удивительную осведомленность³³. Таким образом, Реннер и Бенеш поставили свои подписи под документом, содержание которого уже не было секретом и который сразу же вызвал протесты не только в Венгрии, но и в самой Австрии. Депутаты

Национального собрания от Немецкой национальной и Христианско-социальной партий расценивали визит Реннера в Прагу как нарушение политики нейтралитета, как продолжение тайной дипломатии прошлых времен³⁴. С резкой критикой политики Реннера выступила австрийская пресса, в частности газеты «Der Neue Tag» и «Morgen». Как отмечал чехословацкий представитель в Вене Флидер, за кампанией в печати стояли представители крупной австрийской промышленности, заинтересованные в сотрудничестве с Венгрией³⁵. Даже во внешнеполитическом ведомстве Австрии, которое в то время возглавлял Реннер, итоги его визита в Прагу не получили абсолютной поддержки, о чем свидетельствует меморандум генерального консула А. Раппапорта от 14 января 1920 г. В меморандуме утверждалось, что интересам Австрии соответствует не участие в «блокаде Венгрии», а развитие дружественных отношений со всеми государствами-преемниками, включая Венгрию. Раппапорт считал, что в отношениях с государствами-преемниками Вена должна взять на себя роль честного маклера. Он полагал, что визит Реннера в Прагу приведет к ухудшению отношений Австрии не только с Венгрией, но и с Германией и что такая политика будет на руку Парижу, который рассматривает Вену как ключевое звено в создаваемом им антигерманском барьере³⁶. Последнее утверждение Раппапорта позволяет предположить, что он ничего не знал о закулисных австро-германских контактах накануне визита Реннера в Чехословакию, об отношении министерства иностранных дел Германии к этому визиту.

Во время австро-чехословацких переговоров в Праге при обсуждении вопросов о взаимоотношениях с другими странами Реннер сообщил Бенешу, что Берлин ничего не имел против его поездки. Бенеш подчеркнул, что он, в свою очередь, выступает за последовательное осуществление Версальского мирного договора и за поддержание с Германией «лояльных и добрых отношений»³⁷.

Во время пребывания в Праге К. Реннер встретился с германским полномочным представителем в Чехословакии С. Зенгером. Канцлер уверял Зенгера, что за время своего визита в ЧСР он не дал Германии ни малейшего повода к недоверию. Визит в Прагу Реннер объяснил политической и экономической необходимостью: сохранить австрийскую демократию, для которой возникнет угроза в случае реставрации Габсбургов в Венгрии, и договориться о поставках угля и продовольствия. По мнению Реннера, дружественные отношения между Венной и Прагой будут полезны и судетским немцам, так как они облегчат их политическое и экономическое положение.

Реннер также заявил, что в Берлине должны быть заинтересованы в развитии австро-чехословацких отношений еще и по той причине, что Вена остается составляющим фактором комбинации славянских государств-преемников, благодаря чему к этому могла бы подключиться и Германия³⁸. Вернувшись в Вену, Реннер информировал Рипенхаузена о ходе переговоров в Праге, сообщив, что было подписано соглашение в форме *Pactum de contrahendo*, имевшее «исключительно» антивенгерскую направленность с целью совместной обороны на случай венгерского нападения³⁹.

Однако, несмотря на осторожность и предупредительность австрийского канцлера, судетские немцы и некоторые политические круги в Германии восприняли визит Реннера в Прагу и австро-чехословацкое сближение как предательство интересов Германии и всей немецкой нации. Лидеры судетских немцев были оскорблены тем, что Реннер во время пребывания в Праге не считал возможным встретиться с ними. Председатель Немецкой национальной партии Р. Лодгман упрекал австрийского посланника в Праге Ф. Марека в том, что австрийское правительство в своих отношениях с Чехословакией игнорирует интересы судетских немцев⁴⁰. Чтобы рассеять блуждающие слухи и успокоить немецкое общественное мнение, полномочный представитель Веймарской республики в Праге С. Зенгер дал интервью редактору издаваемой в ЧСР газете «Bohemia» и корреспонденту «Berliner Börsen-Courier», которое было опубликовано 21 января 1920 г. Зенгер отметил, что Германия поддерживает любую политику, ведущую к ослаблению экономических трудностей Австрии, и охарактеризовал ее как жизнеспособное государство, основывавшееся на Сен-Жерменском договоре⁴¹.

Это интервью вызвало раздражение на Вильгельмштрассе. Министр иностранных дел Г. Мюллер указал Зенгеру, что его стремление оградить визит Реннера от различных кривотолков в немецких кругах «едва ли можно признать важной причиной, чтобы отказаться от позиции нейтрального наблюдателя и публично оправдывать действия Австрии». Министр указал Зенгеру, что забота о доверии со стороны немецкого общественного мнения к своей политике – это, прежде всего, дело самого Реннера, который должен соотносить свои собственные поступки и высказывания, а не официальных германских представителей. Мюллер отметил, что сближение Вены с Чехословакией отвечает интересам Германии лишь в той мере, насколько оно способствует облегчению экономического положения Австрии, но не более того. Поэтому

не в интересах Германии говорить об углублении сотрудничества Австрии с государствами-преемниками, так как тем самым «затрудняется ориентация широких кругов австрийского населения, которое ищет свое развитие совсем в другом направлении». В этой же связи недопустимы публичные заявления о жизнеспособности Австрии, так как общественное мнение Австрии могло их расценить как отказ не только от политики аншлюса, но и от самой идеи аншлюса, что, по мнению Мюллера, было крайне нежелательно для германской политики⁴².

Берлину было выгодно поддерживать надежды австрийского населения на аншлюс, хотя в то время германская дипломатия была бессильна что-либо сделать для его осуществления. В Берлине понимали, что первоочередной задачей, стоявшей перед Веной, была проблема выживания, преодоления экономической разрухи. Австрия нуждалась в поддержке, и в первую очередь в поставках угля и продовольствия. Сама же Германия в 1920 г. была слишком слаба, чтобы предоставить Австрии необходимую помощь. Поэтому Берлин не мог возражать против поисков Веной помощи в Чехословакии и в других государствах-преемниках бывшей Австро-Венгерской империи. Однако углубление этих отношений, способное повлечь переориентацию общественного мнения Австрии, было не в интересах Германии. Берлин продолжал поддерживать в Австрии настроения аншлюса и использовать их в своей дипломатической игре, прежде всего чтобы оказать давление на Прагу. Об этом свидетельствует, в частности, донесение чехословацкого посланника Э. Кернера из Берлина от 13 января 1920 г., в котором сообщалось, что австрийский посланник Л. Хартман – активный сторонник австро-германского объединения, несмотря на то что он одновременно с государственным секретарем О. Бауэром был отправлен в отставку, оставался в Германии и продолжал свою античехословацкую деятельность, агитируя за аншлюс и за отторжение Северной Чехии⁴³.

Прага всеми средствами стремилась предотвратить аншлюс, так как его осуществление привело бы к резкому ухудшению стратегического и экономического положения Чехословакии. Она оказалась бы окруженной с трех сторон объединенным австро-германским государством. Аншлюс усилил бы ирредентистское движение судетских немцев, привел бы к установлению прямой границы с недружественной Чехословакией Венгрией и к расширению влияния Германии в Дунайском бассейне. Поэтому Прага была

готова оказать Австрии экономическую помощь, чтобы она стала жизнеспособным государством.

Австрия, находившаяся в отчаянном экономическом положении, вынуждена была искать помощь у Чехословакии и Антанты. Кроме того, Вена добивалась больших экономических уступок и со стороны Германии. Чтобы подвинуть Берлин на этот шаг, австрийские политики намекали на возможное углубление сотрудничества с Чехословакией. Игра на опасениях Праги перед аншлюсом и Берлина перед развитием сотрудничества с ЧСР и ее союзниками в Юго-Восточной Европе стала с начала 1920-х гг. одним из ключевых элементов внешнеполитической стратегии Австрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Renner K.* Österreich von der Ersten zur Zweiten Republik. Wien, 1953. S. 31.

2 *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 г. М., 1925. С. 129.

3 *Neue Freie Presse.* 12. Juli 1919; Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha (далее – AMZV). V. Tusar. Články v tlači. 1919. (Интервью «Journal de Genève» 16 августа 1919 г.).

4 AMZV. Kabinet ministra 1918–1919. Kr. 10. Sv. 1. Č. 10. (Тусар – Бенешу. Прага, 11 сентября 1919 г.).

5 *Rauscher W.* Karl Renner: ein österreichischer Mythos. Wien, 1995. S. 211.

6 *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920.* Praha, 2011 (далее – DČZP). Sv. 2. S. 161–163. Dok. 423.

7 *Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938.* Wien; München, 1995 (далее – ADÖ). Bd. 3. S. 95–96. Dok. 378.

8 См.: DČZP. Sv. 2. S. 206. Dok. 468; Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady (далее – NA. PMR). Karton 4365. (Протокол заседания совета министров от 9 января 1920 г.).

9 DČZP. Sv. 2. S. 203. Dok. 466.

10 *Ibid.* S. 207. Dok. 468.

11 См.: *Ibid.* S. 211. Dok. 471; S. 229–230. Dok. 488.

12 См.: *Ibid.* S. 239. Dok. 498. Pozn. 3.

13 *Edvard Beneš (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928.* Praha, 2000. S. 15.

14 Российский государственный военный архив. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 1008. Л. 21–22 (Уайт – в госдепартамент. Париж, 26 ноября 1919 г.)

15 NA. PMR. Karton 4365. (Протокол чрезвычайного заседания совета министров 2 января 1920 г.) .

16 Ibid. Karton 4365. (Протокол заседания совета министров 9 января 1920 г.) .

17 Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945 (далее – ADAP). Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1984. Bd. 2. S. 402–403. Dok. 226; S. 417. Dok. 235.

18 Ibid. S. 402–403. Dok. 226.

19 Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn. Nachlaß Hermann Müller-Franken. Kassette VII. Dok. 9. Bl. 1. (Мюллер – Реннеру. Без даты.)

20 ADAP. Ser. A: 1918–1925. Bd. 2. S. 417–419. Dok. 235.

21 Vojenský historický archiv. Praha. Vojenská kancelář presidenta republiky. Karton 39. č.j. 10759 (Гондл – в министерство национальной обороны. Берлин, 30 ноября 1921 г.).

22 Ibid.

23 Осенью 1915 г. известный германский публицист пастор Фридрих Науман издал книгу «Mitteleuropa», в которой он обосновал необходимость объединения государств Центральной Европы. Науман изображал «Срединную Европу» как демократическое межгосударственное образование, отвечающее национальным интересам народов Центральной Европы (см.: *Naumann F. Mitteleuropa*. Berlin, 1915).

24 ADAP. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1985. Bd. 3. S. 12–14. Dok. 6.

25 *Renner K. Österreich von der Ersten...* S. 35.

26 ADÖ. Bd. 3. S. 208. Dok. 410.

27 Ibid.

28 Ibid. S. 211–212. Dok. 411.

29 Ibid. S. 207–208. Dok. 410.

30 Ibid. S. 211–212. Dok. 411.

31 Ibid. S. 213.

32 Ibid. S.207–208. Dok. 410.

33 *Kerekes L. Von St. Germain bis Genf. Österreich und sein Nachbarn*. 1918–1922. Wien; Köln; Graz, 1979. S. 161–162.

34 *Rauscher W. Karl Renners...* S. 210.

35 DČZP. Sv. 2. S. 255. Dok. 513.

36 ADÖ. Bd. 3. S. 216–220. Dok. 413.

37 Ibid. S. 214. Dok. 411.

38 ADAP. Ser. A: 1918–1925. Bd. 3. S. 19. Dok. 9.

39 Ibid. S. 19. Dok. 9. Anm. 2.

40 Ibid. S. 48. Dok. 24. Anm. 2.

41 Ibid. S. 48. Dok. 24.

42 Ibid. S. 48–49. Dok. 24.

43 DČZP. Sv. 2. S. 240. Dok. 497.

N. N. Stankov

The “Secret” Renner-Beneš protocol of 1920 in the context
of international relations in Central Europe

The article focuses on the development of Austrian-Czechoslovak relations during the first months after the Treaty of Saint-Germain-en-Laye was signed. The author concentrates on the preparations for K. Renner’s (the counsellor of the Austrian Republic) visit to Prague in January, 1920, the talks with V. Tusar and E. Beneš, and their results.

Keywords: *Austrian-Czechoslovak relations, the “secret” Renner-Beneš protocol, Hungary, Germany, Central Europe.*

Ф. Л. Сеницын
(Москва)

Вступление Румынии в войну против СССР в 1941 г. как результат политической игры Третьего рейха

В статье рассматриваются основные аспекты воздействия нацистской Германии на вступление Румынии в войну против Советского Союза в 1941 г. Исследование построено на анализе архивных документов, опубликованных материалов и достижений отечественной и зарубежной историографии. Выявлено, что вступление Румынии в войну против СССР в 1941 г. в значительной мере стало продуктом манипулятивного воздействия со стороны Третьего рейха. Нацистское руководство смогло направить румынскую армию на войну против Советского Союза, что обеспечивало как военную помощь вермахту, так и невозможность осуществления Румынией агрессии в отношении Венгрии и Болгарии – стран-союзниц Германии. Согласие на захват Румынией территории СССР было в большой степени тактической уловкой Третьего рейха. В период войны ярко проявилась напряженность румыно-германских отношений.

Ключевые слова: *советско-румынские отношения, румыно-германские отношения, советско-германские отношения, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Румыния, Германия.*

Актуальность темы статьи обусловлена нерешенностью в историографии вопроса о причинах вступления Румынии в войну против СССР в 1941 г.¹, а также особенностями современной политической ситуации в балканско-черноморском регионе.

В межвоенный период, после осуществления Румынией своих планов по аннексии Южной Добруджи (у Болгарии – в 1913 г.), Бессарабии (у России – в 1918 г.), Северной Буковины (у Австро-Венгрии – в 1918 г.) и Трансильвании² (у Венгрии – в 1920 г.), внешняя политика этой страны определялась необходимостью сохранить «Великую Румынию» в ее границах³. С трех сторон Румынию окружали страны, которые имели к ней территориальные претензии, – СССР, Венгрия и Болгария, – причем все аспекты «триединого бессарабско-трансильванско-добруджанского узла» были взаимозависимыми. В случае решения хотя бы одной из этих территориальных проблем

две другие страны еще более утвердились бы в решимости осуществить ревизию в отношении территории Румынии⁴.

Острота румыно-венгерских территориальных противоречий в Трансильвании была подкреплена отрицательным настроением венгерского общественного мнения по отношению к Трианонскому договору 1920 г., согласно которому Венгрия утратила более 70% территории, где проживало 60% ее населения. В 1938 г. при поддержке Третьего рейха Венгрия приступила к осуществлению реванша, начав с аннексии территорий Чехословакии (утверждено первым Венским арбитражем в ноябре 1938 г.). Эти события вызвали у руководства Румынии обоснованные опасения, что Венгрия потребует соблюдения прав венгерского населения Трансильвании⁵ и, очевидно, заявит претензии на саму территорию этого региона.

В ноябре 1938 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек пытался убедить руководство Румынии принять участие в разделе Чехословакии – аннексировать восточную часть Подкарпатской Руси, «где проживает около 60 000 чистокровных румын», и дать согласие на передачу Венгрии оставшейся территории этого региона. Ю. Бек сообщил королю Румынии Каролю II, что Третий рейх собирается установить протекторат над Подкарпатской Русью, чтобы сделать из нее «украинский плацдарм» для агрессии против Польши, Румынии и СССР (такое мнение Ю. Бека имело под собой основу⁶). Румыния отказалась от этого предложения, сославшись на дружественные отношения с Чехословакией. Истинной же причиной отказа было нежелание Румынии способствовать усилению Венгрии⁷. Тем не менее в марте 1939 г. Венгрия аннексировала всю Подкарпатскую Русь.

В 1939 г. румыно-венгерские отношения стали очень напряженными и доходили до приграничных столкновений. Хотя Румыния дипломатическими усилиями смогла снизить градус противостояния, Венгрия не отказалась от своих претензий на Трансильванию и ждала «благоприятного случая для удовлетворения их»⁸. В реализации своих планов Венгрия видела для себя потенциального союзника в СССР. Весной и летом 1940 г. Генштаб венгерской армии разрабатывал планы военной акции против Румынии, которую венгерская сторона планировала осуществить совместно с Советским Союзом⁹. Начать «антирумынское» сотрудничество с Москвой предлагал также МИД Венгрии. В итоге Венгрия дождалась занятия советскими войсками Бессарабии (в июне 1940 г.), после чего пошла на резкое обострение отношений с Румынией¹⁰, дав понять, что «не потерпит, чтобы Румыния уступила только Советскому Союзу»¹¹. В

начале 1941 г. одна из крупных венгерских газет «Мадьяр немзет»¹² резюмировала, что все территориальные потери Румынии в 1940 г. были обусловлены ее неспособностью «на протяжении долгих лет... разрешить спорный вопрос о Бессарабии»¹³, тем самым фактически указав на СССР как на главного виновника румынских потерь.

В августе 1940 г. при посредничестве Германии и Италии был проведен второй Венский арбитраж, в результате которого северная часть Трансильвании была отторгнута у Румынии и передана Венгрии. В это же время правительство Болгарии при поддержке Германии и СССР поставило вопрос о возвращении Южной Добруджи¹⁴, где болгарское население по численности превышало румынское. В сентябре 1940 г., согласно Крайовскому договору, Южная Добруджа была передана Болгарии. Таким образом, из всех приобретений «Великой Румынии» в ее составе осталась только Южная Трансильвания.

Румыния испытала шок от стремительно (в течение двух месяцев) происшедших территориальных потерь, которые составили 38 % площади страны (более 100 тыс. км²). Наиболее сильным этот шок был от утраты Северной Трансильвании¹⁵. К потере Южной Добруджи Румыния была готова¹⁶ и смирилась с этим, сразу достигнув с Болгарией договоренности об обмене населением¹⁷. Понимали румынские власти и политики и шаткость притязаний на Бессарабию¹⁸. Однако утрата значительной части Трансильвании, которая в 1920 г. законным образом перешла к Румынии по Трианонскому мирному договору, «вызвала среди румынской общественности волну возмущения»¹⁹. Кроме того, румыно-венгерская граница приобрела очень неудобный с геостратегической точки зрения вид. Из-за потери Северной Трансильвании Кароль II 6 сентября 1940 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Михая, после чего покинул страну. Реальную власть в стране получил генерал И. Антонеску, который был назначен премьер-министром и провозглашен «кондукэтором» (вождем) Румынии.

В стране усилились антивенгерские настроения. Румынские СМИ выдвигали ревизионистские требования к Венгрии, публиковали целые страницы материалов о зверствах в отношении румын в венгерской части Трансильвании. В политических кругах Румынии ярко проявились реваншистские идеи (в основном по отношению к Трансильвании). Представители румынских «исторических партий» (Национал-царанистской и Национал-либеральной) создали общество «Ардял» («Трансильвания»), которое вело пропаганду за возвращение Северной Трансильвании, а также антигерманскую и

антиправительственную агитацию (в связи с чем руководство Румынии запретило его деятельность). Сами румынские власти также предприняли антивенгерские акции – так, 23 декабря 1940 г. было распущено венгерское общество «Секей», работавшее в Брашове. В январе 1941 г. был издан приказ всем румынам, выехавшим из отданной Венгрии части Трансильвании, явиться в полицию и «дать объяснения» – возможно, так отразилось недовольство властей тем, что румыны покидают Северную Трансильванию, что могло снизить обоснованность претензий Румынии на этот регион. Беженцам из Бессарабии, Северной Буковины и Трансильвании было дано распоряжение предоставить информацию в полицию о себе и об оставленном имуществе²⁰. Очевидно, так проводилась подготовка к реституции после реаннексии этих регионов Румынией.

Ввиду невозможности осуществить реванш в отношении СССР, Венгрии и Болгарии некоторые политические круги Румынии стали выдвигать планы своеобразного реванша за счет территории Югославии и Греции. Во второй половине 1940 г., пытаясь использовать факт нападения Италии на Грецию, румынские СМИ подняли вопрос о романоязычном населении греческой Македонии²¹, которое «имеет право на историческое будущее там, где оно находится веками», и поэтому Румыния должна позаботиться об «организации их на месте». В ноябре и декабре 1940 г. пресса утверждала о «плохом обращении» Греции с «македонскими румынами» и призывала создать для них свое государство²².

В апреле 1941 г. Венгрия и Болгария, напавшие вместе с Германией на Югославию, захватили у этой страны крупные территории – Бачку, Баранью, Македонию и часть Сербии. Болгария также оккупировала часть Греции. Руководство Румынии опасалось, что в результате дальнейшей перекройки европейских границ Венгрия и Болгария еще более усилятся, и поэтому возражало против аннексии ими югославских территорий и протестовало против «ущемления прав» 600 тыс.²³ представителей романоязычного населения Греции и Югославии. Румыния заявляла о притязаниях на югославский Банат, иногда ставился также вопрос о создании самостоятельного государства Македония с включением в него «румынской национальной группы», предоставлении автономии для романоязычного населения в долинах рек Тимок и Вардар или установлении германо-румыно-итальянского кондоминиума в сербском регионе Тимок (возможно, с участием Болгарии). В мае 1941 г., после захвата странами «Оси» Греции и Югославии, в румынских СМИ продолжали зву-

чать требования «справедливого решения» судьбы романоязычного населения Греции и Югославии, а также предложения по созданию совместного государства албанцев и аромунов под покровительством Италии²⁴. Однако реализованы эти идеи не были (да и едва ли могли быть в силу своей оторванности от реалий), и к моменту вторжения в СССР Румыния осталась без каких-либо приобретений, став единственной страной «Оси»²⁵, которая в результате организованного Третьим рейхом передела Европы не приобрела, а потеряла территории. Однако идеи о реванше румынские власти не оставили.

В рамках реализации реванша Румыния взяла курс на военно-политический союз с Третьим рейхом. Следует отметить, что основная линия румынской политики в XX в. была антигерманской. В 1930-х гг. отдельные политические круги Румынии открыто заявляли о «крупнейшей опасности» для Румынии, которую несет ее ориентация на Рим и Берлин, ведущая к «распаду... румынского государства». Недовольство в стране вызывала деятельность местных немецких активистов, которые вели антирумынскую и пронацистскую политику²⁶.

Нацистская Германия строила серьезные планы в отношении Румынии, которые были обусловлены как стратегическим положением последней (выход к Черному морю), так и экономическими нуждами Рейха (в первую очередь, потребностью в румынской нефти). Еще в 1935 г. советские дипломаты сделали вывод, что Третий рейх «несомненно устремится на Балканы»²⁷. Поэтому Румынии избежать «интереса» со стороны Германии не удалось.

Реализация нацистским руководством манипулятивной политической игры с Румынией началась задолго до войны. Так, во время визита правого политика Г. Брэтиану, стоявшего в то время на прогерманских позициях, в Берлин в ноябре 1936 г. А. Гитлер заявил о своей готовности удовлетворить трансильванские претензии Венгрии к Румынии за счет территории Чехословакии и небольших уступок со стороны Румынии. Взамен руководство Рейха обещало отдать Румынии часть Чехословакии и территорию СССР между Днестром и Южным Бугом. А. Гитлер призвал Румынию «урегулировать отношения с Венгрией и Болгарией», чтобы вместе с ними вступить в борьбу «против России и ее холуя, Чехословакии»²⁸.

Когда Румыния не стала принимать участие в разделе Чехословакии и решать территориальные споры с Венгрией и Болгарией, манипулятивная игра со стороны Германии стала более жесткой. В 1939 г. Третий рейх осуществлял «постоянный нажим... на Румынию»²⁹. В июне 1940 г. Германия признала права СССР на Бес-

сарабью и «рекомендовала» Румынии принять советские требования³⁰. Наиболее сильное давление на румынское руководство было осуществлено Рейхом в рамках второго Венского арбитража, когда А. Гитлер фактически присвоил себе право распоряжаться судьбой Трансильвании (этому способствовала и антирумынская позиция, которую в этом вопросе как минимум с начала 1930-х гг. занимала Италия, выступившая вторым «арбитром»)³¹.

Германия стремилась усилить зависимость от себя и Румынии, и Венгрии, «натравливая венгров на румын в своих интересах»³². Чистый выигрыш от второго Венского арбитража получил только сам Рейх, «сумевший довольно ловко и прочно привязать к себе обе страны»³³ – фактически «подчинить их»³⁴, а также обеспечить свои экономические интересы³⁵. Не только Румыния, но и Венгрия была недовольна результатами арбитража. Румыно-венгерская граница в Трансильвании приобрела неудобный вид – узкий вытянутый клин, вонзающийся в центр Румынии (характерно, что «несостоятельность», шаткость результатов арбитража подчеркивал даже нацистский идеолог А. Розенберг³⁶).

Спекулируя на шоковом состоянии Румынии, вызванном результатами второго Венского арбитража и другими территориальными потерями 1940 г., Германия пообещала Румынии помочь с осуществлением реванша за счет территории СССР, на которую нацелился сам Рейх. Эти обещания были самыми широкими – вернуть Бессарабию и Северную Буковину, занять советские территории к востоку от Днестра (вплоть до Днепра)³⁷. Звучали также обещания, что Румыния «получит сербский Банат», для чего якобы Германия не дала Венгрии его занять, а оккупировала этот регион сама³⁸. Однако о ревизии румыно-венгерской границы в Трансильвании (как и румыно-болгарской границы) речи не шло – этот вопрос считался решенным.

Руководство Третьего рейха использовало и другие манипулятивные послы. Во-первых, нацисты сообщили румынскому руководству, что они признают румын равными немцам в «расовом» отношении. В ноябре 1941 г. А. Гитлер объявил вице-премьеру Румынии М. Антонеску, что «в Европе должны быть две расы: германская и латинская»³⁹. Во-вторых, Германия запугивала Румынию «советской угрозой», распространяя слухи, что СССР собирается захватить румынскую Молдавию и Северную Добруджу⁴⁰.

В итоге нацистская манипулятивная игра увенчалась успехом. Сближение Румынии с Третьим рейхом начал еще Кароль II, в мае

1940 г. попросив Германию гарантировать незыблемость румынских границ с СССР⁴¹. В июле 1940 г. – уже после перехода Бессарабии и Северной Буковины к СССР – Румыния получила от Рейха такие гарантии, и в стране была размещена германская военная миссия. В октябре 1940 г. в Румынию были введены германские войска. 23 ноября 1940 г. Румыния присоединилась к Тройственному пакту. (Характерно, что Германия смогла аналогичным образом манипулировать и Венгрией, которая вступила в войну против СССР «вынужденно» – в том числе из-за «страха перед румынами»⁴² – и, что особенно обескураживало венгерские власти, на одной стороне со своим врагом – Румынией⁴³).

Советский полпред в Румынии А. И. Лаврентьев в январе 1941 г. отметил, что «после поездок в Рим и Берлин в речах [И.] Антонеску обнаруживаются ревизионистские требования», обусловленные тем, что «Германия и Италия обещали Румынии восстановление ее прежних границ», прежде всего – аннексию Бессарабии и Северной Буковины. К концу апреля 1941 г. стало ясно, что Румыния готовится реализовать свои «ревизионистские устремления» на практике. Югославский посол в Румынии А. Авакумович сообщил А. И. Лаврентьеву, что И. Антонеску «помешан на бессарабском вопросе и... ради возвращения Бессарабии... готов сделать всё, что ему прикажут немцы»⁴⁴. Румыния сформулировала конкретные планы по возвращению Бессарабии и Северной Буковины, а также оккупации «Заднепровья», рассчитывая на помощь Германии⁴⁵. На переговорах с А. Гитлером и другими представителями Рейха в июне 1941 г. И. Антонеску заявил, что желаемая для Румынии граница лежит «за пределами старых районов Румынии» и включает Одессу и территорию на западе и северо-западе от нее⁴⁶. А. Гитлер, в свою очередь, предложил Румынии занять советские территории вплоть до Днепра⁴⁷.

Реванш, построенный на союзе с Германией, соответствовал ожиданиям политических кругов Румынии, которые открыто заявляли, что «Германия поможет освобождению Бессарабии и Северной Буковины и других областей, населенных румынами»⁴⁸, и уже в 1941 г. Румыния будет вновь «объединена... в ее естественных границах». Особенно рады румыно-германскому союзу были пронацистские политики Румынии. Двигал румынские власти на союз с Третьим рейхом также страх перед СССР⁴⁹ и самбй нацистской Германией. Правители Румынии полагали, что в случае отказа от союза с Третьим рейхом он оккупирует ее и осуществит раздел, передав всю Трансильванию Венгрии⁵⁰ (перед глазами И. Антонеску был яркий пример – оккупация и раздел Югославии в апреле 1941 г.⁵¹).

В то же время политические круги Румынии понимали, что Германия преследует свои собственные цели, которые во многом не совпадают с интересами Румынии – особенно ясно это стало в августе 1940 г., когда в результате второго Венского арбитража Румыния получила от Германии «самый тяжелый удар»⁵². 28 декабря 1940 г. лидер Национал-царанистской партии Ю. Маниу направил А. Гитлеру и Б. Муссолини меморандум с просьбой пересмотреть решения второго Венского арбитража⁵³. Общество «Ардял» 31 января 1941 г. в письме на имя А. Гитлера прямо назвало его виновником страданий Румынии и потребовало «отдать Трансильванию»⁵⁴. Листовка тайной организации «Возрождающаяся Румыния», изданная в мае 1941 г., гласила, что Германия унизила Румынию, привела ее к потере Трансильвании, Бессарабии, Северной Буковины и Южной Добруджи, «заставила... голодать и сделала из страны театр военных действий»⁵⁵. «Очень враждебно» по отношению к Рейху был настроен румынский посол в СССР Г. Гафенку. Прибытие германских войск в Румынию в начале 1941 г. вызвало недовольство ее населения – особенно в связи с подорожанием продуктов питания⁵⁶. Взаимоотношения между германскими и румынскими войсками были «явно ненормальными»⁵⁷. (Аналогичным образом впоследствии антагонизм отмечался между венгерскими и германскими войсками в период войны против СССР⁵⁸.)

Тем не менее руководство Румынии надеялось получить от союза с Германией то, что оно хотело, – «завоевать обратно Бессарабию»⁵⁹ и вернуть Северную Трансильванию⁶⁰. Хотя у советского полпреда А. И. Лаврентьева в январе 1941 г. сложилось мнение, что Румыния оставила идею о возвращении Трансильвании, поскольку этот вопрос решен Германией и Италией, это было не так. Уже в апреле 1941 г. А. И. Лаврентьев сделал другой вывод: «Антонеску мечтает о возвращении... Трансильвании». Некоторые румынские политики считали, что без возвращения Трансильвании невозможно пребывание Румынии в составе «Оси». В мае 1941 г. в Румынии распространились слухи, что она вступит в войну на стороне Германии против СССР не только за отвоевание Бессарабии, но и «вновь получит перешедшую к Венгрии часть Трансильвании»⁶¹.

22 июня 1941 г. Румыния объявила войну СССР. Румынские войска совместно с вермахтом вторглись на советскую территорию. Красная армия вела упорные оборонительные бои, но к 23 июля 1941 г. ей пришлось отступить за Днестр. После этого И. Антонеску дал согласие А. Гитлеру продолжить военные действия против

СССР. Румынские войска перешли Днестр, тем самым разрушив миф о «войне за освобождение Бессарабии и Северной Буковины». Румынская принадлежность Бессарабии и Северной Буковины для руководства Румынии не подлежала сомнению, и после их захвата в июле 1941 г. эти регионы были непосредственно включены в состав Румынии. На территории между Днестром и Южным Бугом, оккупированной румынскими войсками, было создано губернаторство «Транснистрия» («Заднепровье»), которое не было официально включено в состав Румынии.

Статус «Транснистрии» так и остался неопределенным до освобождения Красной армией этой территории в 1944 г. Главная причина колебаний руководства Румынии относительно решения политической судьбы «Транснистрии» заключалась в наличии «фактора Северной Трансильвании». Некоторые румынские политические силы связывали «заднепровский» и трансильванский факторы между собой, заявляя, что «все румыны, трансильванские и заднепровские, являются братьями и стремятся друг к другу»⁶². В таких заявлениях содержался намек на грядущее освобождение Северной Трансильвании после аннексии Транснистрии. Однако более дальновидные представители румынских политических кругов (в том числе лидеры «исторических партий» Ю. Маниу и Д. Брэтиану) выступали против аннексии «Заднепровья»⁶³. Это нашло определенную поддержку в народе. По данным румынских историков, когда И. Антонеску в июле 1941 г. приказал армии продолжить наступление «за Днестр», поддержка его со стороны населения и политических сил Румынии резко снизилась⁶⁴. Видный германский дипломат К. Клодиус отмечал, что в Румынии «часто можно было услышать вопрос о том, что, собственно говоря, нужно румынским солдатам на Кубани и Кавказе»⁶⁵. К 1943 г. в Румынии стало еще меньше «энтузиазма» по отношению к «Транснистрии», которая могла не «стоить тех жертв, которые Румыния приносит на востоке». Некоторые нацистски настроенные румынские деятели и вовсе рассматривали «Заднепровье» как «враждебный славянский восток»⁶⁶.

Главной причиной отрицательного отношения румынских политиков к аннексии «Транснистрии» было опасение, что такой акт будет воспринят Германией и Венгрией как «компенсация» за Северную Трансильванию⁶⁷. Есть сведения, что Ю. Маниу даже просил И. Антонеску отвести румынские войска назад к Днестру⁶⁸. Лидеры «исторических партий» и общественные деятели требовали у правительства Румынии вернуться к вопросу о возврате Северной

Трансильвании⁶⁹. Под воздействием таких настроений руководство Румынии не стало делать заявлений об аннексии «Транснистрии»⁷⁰ и уже летом 1941 г. начало добиваться от Германии и Италии пересмотра вопроса о Трансильвании⁷¹. 9 августа 1941 г. М. Антонеску заявил германскому послу М. фон Киллингеру, что занятие Румынией территорий за Днестром не изменит ее политических и территориальных претензий⁷² по поводу Трансильвании. Румынское руководство предлагало А. Гитлеру передать «Транснистрию» Германии в обмен на Северную Трансильванию, с тем чтобы Германия компенсировала Венгрии эту потерю за счет территории Галиции с городами Станислав⁷³ и Коломыя⁷⁴. (Характерно, что некоторые венгерские политические круги выдвигали претензии на этот регион, утверждая, что в Средние века он находился под венгерским управлением⁷⁵.)

Однако Германия не пошла на такой размен. А. Гитлер хотел, чтобы решение вопроса о передаче Трансильвании Венгрии или Румынии продолжало оставаться в зависимости от степени их помощи Германии в войне против СССР⁷⁶. Характерно, что Германия манипулировала Венгрией и в других аспектах – например, хотя Венгрия требовала от Третьего рейха присоединения к ней Словакии⁷⁷ в награду за участие в войне против СССР, однако Германия так и не передала Венгрии никаких новых территорий, что обескураживало венгерское руководство, которое «не увидело реальной наживы в результате... участия в войне»⁷⁸. Политическое манипулирование продолжалось даже после коренного перелома в войне – так, в начале 1944 г. А. Гитлер выразил намерение пересмотреть второй Венский арбитраж в пользу Румынии, заявив, что в создавшейся ситуации (намерение Венгрии заключить мир с США и Великобританией) он не считает себя более обязанным перед венгерским народом и не может оставаться единственным гарантом Венского арбитража⁷⁹. Однако это не было сделано, так как в марте 1944 г. Третий рейх оккупировал и фактически подчинил себе Венгрию.

В период войны у Румынии не исчезали идеи самостоятельно решить трансильванский вопрос. К. Клодиус отмечал, что «единственно популярной войной в Румынии являлась война против Венгрии»⁸⁰, которая рассматривалась румынскими политическими кругами как главный враг⁸¹. Уже в 1941 г. лидеры «исторических» партий Румынии осознали, что Германия не будет помогать Румынии в возвращении Северной Трансильвании, и поэтому считали войну с Венгрией неминуемой⁸². К 1943 г. требование оппозиции отвести румынские войска из СССР обосновывалось необходимостью

«сохранить то, что осталось от румынской армии, чтобы в нужный момент противопоставить ее венгерской армии»⁸³.

В период войны произошло обострение румыно-венгерских отношений⁸⁴. 22 июня 1943 г. М. Антонеску в своей речи подчеркнул права Румынии на Трансильванию. Полемика с Венгрией по этому вопросу занимала значимое место в румынских СМИ⁸⁵. Стали частыми румыно-венгерские пограничные инциденты, достигнув пика в 1943 г. (не менее 101 происшествий на земле и в воздухе)⁸⁶. Летом того же года обострение отношений стало угрожающим, и стороны сконцентрировали войска на границе⁸⁷. Румыния и Венгрия были обуяны взаимным страхом. Лидер Национал-либеральной партии Д. Брэтиану считал, что «Румыния, истощенная в результате затянувшейся войны, неизбежно станет жертвой территориальных притязаний Венгрии и Болгарии»⁸⁸. Аналогичным образом венгерские политики высказывали опасения, что румынские войска могут «покинуть фронт в Транснистрии, чтобы сосредоточиться на Трансильвании» (отметим, что румынского реванша опасалась также Болгария⁸⁹). Однако войны не произошло – и Румыния, и Венгрия глубоко увязли на советско-германском фронте, связанные обязательствами перед Третьим рейхом.

Отсутствие ясных перспектив по мирному и военному возвращению Северной Трансильвании вызвало в Румынии разочарование, которое усугублялось осознанием определенной «вынужденности», «недобровольности» вступления Румынии в войну на стороне Германии⁹⁰. Хотя румынские политики опасались Советского Союза и сожалели о потере Бессарабии, «одновременно они инстинктивно были озабочены войной против крупной державы»⁹¹ (СССР), которая была начата непопулярным правительством И. Антонеску⁹².

В Румынии не снижался градус антигерманских настроений несмотря на призывы И. Антонеску создать «братское отношение» к немцам. В стране отмечались саботаж и антигерманские акции⁹³. Румынские оккупационные власти «Транснистрии» вели пропагандистское «пикирование» с Германией, пытаясь выставить ее в негативном свете. Значительное число румынских чиновников и офицеров было настроено антигермански и англофильски⁹⁴. Национал-царанистская партия одним из главных врагов Румынии считала нацистскую Германию⁹⁵.

Опасения румынских политиков были обоснованными. Германия имела свои собственные планы и на территорию Румынии, и на советские земли, которые планировала аннексировать Румыния. По-

сле прихода к власти в 1933 г. нацистское правительство Германии «не спешило связывать себя обещанием признания послевоенных границ Румынии». Союзник нацистской Германии лидер Италии Б. Муссолини 1 ноября 1936 г. сделал заявление «о миллионах поработанных венгров в Румынии». После этого румынская оппозиция стала критиковать политику сближения с Германией и Италией, так как считала, что победа Германии в грядущей войне вызовет неминуемое расчленение Румынии и присоединение Трансильвании к Венгрии⁹⁶.

В 1938 г. советские дипломаты полагали, что Третий рейх планирует осуществить «германскую экспансию к берегам Дуная»⁹⁷. Германия имела планы и на Буковину⁹⁸, и на Бессарабию. Третий рейх вынашивал идеи возвращения в эти регионы немецких колонистов⁹⁹. Власти Германии в своих документах особо подчеркивали, что 2,8% населения Бессарабии (80 тыс. чел.) составляют немцы¹⁰⁰. Особые планы Германия имела на советское Северное Причерноморье, центральная часть которого (Крым и нижнее Поднепровье) была предназначена для аннексии Третьим рейхом и первоочередной колонизации германо-европейскими поселенцами¹⁰¹. Поэтому Германия, предлагая Румынии аннексировать «Заднепровье», оставляла вопрос о границах этого региона открытым¹⁰².

В период войны Третий рейх стремился оказывать влияние на положение в «Транснистрии». В этом регионе действовали германские военные органы, в том числе управлявшие Одесским портом, работало Германское генконсульство в Одессе¹⁰³. В «Транснистрии» в качестве платежного средства применялась немецкая оккупационная марка, а не леи, что вызывало беспокойство румынских властей¹⁰⁴. В Одессе читал лекции германский профессор-филолог Г. Рейхенкрон, который с точки зрения языкознания пытался обосновать права Германии на территорию СССР. Немцы наряду с румынами были признаны «этнической элитой» «Транснистрии»¹⁰⁵. В ходе войны советские дипломаты сделали вывод, что «румынские территориальные притязания противоречат политическим планам самой Германии», так как ее «политика балканизации юго-восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств находится в вопиющем противоречии с территориальными притязаниями румынского империализма, преследующего цель установления гегемонии Румынии на Юго-Востоке Европы»¹⁰⁶.

В планах Румынии относительно территории СССР, а также в румыно-германских отношениях по этому поводу важную роль

играл «украинский вопрос». Румынские власти стремились поставить «украинский фактор» под контроль, и поэтому Украинская национальная партия, созданная в Буковине в 1927 г., была фактически подчинена румынским властям. В то же время в 1934 г. в этом регионе было создано отделение Организации украинских националистов, которая ставила своей целью создание независимого Украинского государства¹⁰⁷. В связи с этим Румыния пыталась перенаправить устремления всех украинских активистов, включая оуновцев, на борьбу с Советским Союзом за освобождение Украины от «московского большевизма». Эту деятельность румынские власти вели в том числе в сотрудничестве с польскими спецслужбами¹⁰⁸.

Как минимум с 1933–1934 гг. отмечалось воздействие Третьего рейха на «украинский фактор» в Румынии. Германские эмиссары вели антисоветскую и антирумынскую деятельность среди украинского населения Бессарабии и Северной Буковины¹⁰⁹, разжигая противоречия между ним и румынскими властями¹¹⁰. Украинские национальные деятели считали, что германские нацисты вынашивают планы по созданию «независимой Украины», и поэтому Третий рейх стал для украинских националистов «полюсом притяжения»¹¹¹.

В 1938–1939 гг., после первого Венского арбитража и расширения автономии Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, Румынию озаботил вопрос сохранения контроля над своими землями, населенными восточными славянами¹¹². Политические круги Румынии также беспокоила судьба румын на Украине, которая в будущем при поддержке Германии могла стать независимым государством¹¹³.

После перехода Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР в июне 1940 г. Румыния лишилась подавляющего большинства своего украинского населения. Тем не менее румынские власти усилили антисоветскую пропаганду среди украинцев¹¹⁴. В румынской печати «выдвигалась идея сотрудничества между Румынией и Украиной и делались намеки на установление в будущем какой-то румыно-украинской федерации»¹¹⁵. Такие заявления, очевидно, были чисто пропагандистскими, направленными на прорумынскую агитацию среди украинских националистов. (Таковыми же были проявленные в румынской пропаганде военного времени «симпатии» к Украине как «европейскому культурному государству», пострадавшему от «русского гнета»¹¹⁶.)

Во время войны в связи с ожидавшимся разрушением СССР и созданием прогерманского Украинского государства «украинский фактор» стал играть для Румынии очень важную роль. Украина при

поддержке Рейха могла заявить о притязаниях на Северную Буковину, Буджак и Марамуреш¹⁷, не говоря уже о «Транснистрии». Так, А. Розенберг – видный деятель Третьего рейха и сторонник создания Украинского государства, подконтрольного Германии, – протестовал против передачи Румынии Одессы¹⁸. Соратник А. Розенберга, уроженец Одесской области Г. Лейббрандт настаивал на том, что контролируемому Третьим рейхом «Украинскому государству» Одесса будет нужна как крупнейший портовый город. Угрозу для Румынии представляло и то, что Германия в своей зоне оккупации на Украине делала ставку на усиление украинского национального фактора (в рамках программы «дерусификации»)¹⁹. Украинские националисты пытались усилить свою деятельность в Румынии и на оккупированных ею территориях СССР²⁰. С целью противодействия негативному для Румынии воздействию «украинского фактора» политика румынских властей в «Транснистрии» была направлена на «деукраинизацию» этого региона. В итоге Германия так и не предоставила независимость Украине (на самом деле А. Гитлер и не собирался этого делать)²¹, и эта угроза для Румынии в годы войны не воплотилась в жизнь.

Таким образом, вступление Румынии в войну против СССР в 1941 г. в значительной мере стало продуктом манипулятивного воздействия со стороны Третьего рейха. Нацистская Германия со второй половины 1930-х гг. пыталась натравить Румынию на СССР, а в 1940 г. давление Третьего рейха на Румынию многократно усилилось.

Второй Венский арбитраж, «спонсированный» нацистской Германией, стал спусковым крючком для пробуждения в Румынии настроений массовой поддержки планов реванша. Однако территориальные требования к Венгрии и Болгарии Румыния реализовать не могла ввиду того, что этого не позволил бы сделать Третий рейх. Поэтому потенциальным объектом для аннексии оставался только Советский Союз, чем и воспользовалась нацистская Германия.

Румыния, оказавшись в политической изоляции, пала жертвой гитлеровской манипуляции. И. Антонеску, который был военным, а не политиком, поверил в осуществление реванша «на плечах» Германии, в том числе в виде размена захваченной у СССР «Транснистрии» на Северную Трансильванию. В свою очередь, А. Гитлер смог направить румынскую армию на войну против Советского Союза, что обеспечивало как военную помощь вермахту, так и невозможность осуществления Румынией агрессии в отношении Венгрии и Болгарии – стран-союзниц Германии.

Согласие на захват Румынией территории СССР было в большой степени тактической уловкой нацистской Германии. Если в довоенной политической игре с Венгрией и Румынией Третий рейх решал тактическую задачу вовлечения этих стран в войну против СССР, то после окончания войны Германия могла осуществить агрессию и по отношению к ним. Напряженность румыно-германских отношений во время войны ярко проявилась в политико-пропагандистских трениях между Румынией и Третьим рейхом, неопределенности границы между их зонами оккупации, разнонаправленности их национальной политики на оккупированной территории СССР и отрицательном восприятии войны на стороне Германии в румынских общественно-политических кругах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Розанов Г. Л.* Сталин – Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 155; *Scurtu I., Hlihor C.* Complot împotriva României: Basarabia, Nordul Bucovinei și Ținutul Herța în vâltoarea celui de-al Doilea Război Mondial. București, 1994. P. 212–213; *Buzatu G.* România și Războiul mondial din 1939–1945. Iași, 1995. P. 32; *Sîrbu I.* Izolarea politică a României și problema Basarabiei // *Codrul Cosminului*. № 11. 2005. P. 135; *Мельтюхов М. И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами, 1917–1940. М., 2010. С. 408; *Ciorteanu C.* Formation and Evolution of the Borders of Greater Romania (1918–1940) // *Codrul Cosminului*. Vol. 21. 2015. № 1. P. 59–60.

2 Под «Трансильванией» в данной статье понимаются также восточный Банат, Кришана и южный Марамуреш, вошедшие в состав Румынии в 1920 г.

3 Аналитическая справка «Внешняя политика Румынии». 1938 г. (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 195. Оп. 20. П. 16. Д. 14. Л. 32).

4 *Репин В. В.* Развитие в 1939 г. советско-румынского бессарабского территориального конфликта // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 4. Минск, 2009. С. 145.

5 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 147. Д. 126. Л. 85.

6 См.: *Синуцын Ф. Л.* «Разделяй и властвуй»: Нацистская оккупационная политика. М., 2015. С. 72.

7 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 147. Д. 126. Л. 92, 98–101.

8 Политико-экономический обзор Румынии за период 1939 г. // Там же. Ф. 0125. Оп. 24. П. 121. Д. 31. Л. 19–20.

9 *Шереш А.* Два неопубликованных советских документа к истории «Трансильванского вопроса» и «Второго Венского арбитража» // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. СПб, 2009. С. 480.

10 *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав: Трансильванский вопрос: 1940–1946 гг. М., 2008. С. 81, 88, 91.

11 История Румынии / Коорд. И.-А. Поп, И. Болован. М., 2005. С. 583.

12 «Magyar Nemzet» (венг.) – «Венгерская нация».

13 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 18. Л. 104.

14 *Георгиева С.* Съдбата и борбите на българите от Южна Добруджа под румънска власт (1935–1940). Силистра, 1995. С. 120.

15 Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с Посланником Румынии в СССР Г. Гафенку. 10 сентября 1940 г. // Советско-румынские отношения: Документы и материалы. Т. II: 1935–1941. М., 2000. С. 373–374.

16 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 121. Д. 31. Л. 21; Советско-румынские отношения... С. 232.

17 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 98. Л. 34, 62. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-fond-500> (далее – ЭР1); *Георгиева С.* Съдбата и борбите... С. 122.

18 См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 78. Д. 88. Л. 24–25, 29; Там же. Ф. 0125. Оп. 15. П. 110. Д. 3. Л. 26; Там же. Ф. 195. Оп. 20. П. 16. Д. 14. Л. 29; *Колкер Б. М.* Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 г. // Русско-румынские и советско-румынские отношения: Сб. ст. и сообщений. Кишинев, 1969. С. 104–105; *Ретин В. В.* Развитие в 1939 г. ... С. 148.

19 Трансильванский вопрос: Венгеро-румынский территориальный спор и СССР: 1940–1946 гг.: Документы российских архивов. М., 2000. С. 94.

20 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 34. Л. 22, 26; Там же. Д. 35. Л. 28; Там же. Оп. 23. П. 22. Д. 19. Л. 51, 107; Там же. Д. 11. Л. 3; Д. 17. Л. 12, 16–17, 24, 51; Там же. Д. 19. Л. 51, 107; Там же. П. 19. Д. 29. Л. 68; Там же. П. 20. Д. 37. Л. 240.

21 Там же. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 65; Романоязычное население Греции и Македонии – аромуны и мегленорумыны.

22 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 29; Там же. Д. 37. Л. 33.

23 Эти данные, фигурировавшие в Румынии, являются завышенными.

- 24 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 19. Л. 35, 37; Там же. Д. 17. Л. 437–438; Там же. Ф. 0125. Оп. 30. П. 122. Д. 2. Л. 170; *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971. С. 181–183; *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 338.
- 25 Не считая марионеточной Словакии.
- 26 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 4. (ЭР2); Там же. Ф. 125. Оп. 16. П. 12. Д. 5. Л. 1–2, 5; Там же. Ф. 195. Оп. 20. П. 16. Д. 14. Л. 29.
- 27 М. М. Литвинов – М. С. Островскому. 1 июня 1935 г. (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 71. Л. 11).
- 28 АВП РФ. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 81–82.
- 29 Там же. Ф. 0125. Оп. 24. П. 121. Д. 31. Л. 15, 17.
- 30 *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа... С. 89.
- 31 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 19. (ЭР2); Там же. Ф. 0125. Оп. 15. П. 110. Д. 3. Л. 17.
- 32 Там же. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 4; Там же. Ф. 0125. Оп. 24. П. 121. Д. 31. Л. 19.
- 33 *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа ... С. 112.
- 34 Трансильванский вопрос: Венгеро-румынский территориальный спор и СССР: 1940–1946 гг.: Документы российских архивов. М., 2000. С. 93.
- 35 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 4.
- 36 Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944. М., 2015. С. 322.
- 37 *Dallin A.* Odessa, 1941–1944: A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Iași; Oxford; Portland, 1998. P. 56, 58.
- 38 Советско-румынские отношения... С. 491.
- 39 *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация. Кишинев, 1981. С. 188.
- 40 Советско-румынские отношения... С. 393.
- 41 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 237.
- 42 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 142. Д. 823. Л. 6.
- 43 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 19. (ЭР2).
- 44 Там же. Оп. 3. П. 19. Д. 252. Л. 16, 145. (ЭР2)
- 45 Трансильванский вопрос... С. 215–216.
- 46 *Hillgruber A.* Hitler, König Karol und Marschall Antonescu: Die deutsch-rumänischen Beziehungen, 1938–1944. Wiesbaden, 1954. P. 139.
- 47 Протокол допроса маршала И. Антонеску от 26 июня 1945 года // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011. С. 666.

- 48 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 504. Л. 6.
- 49 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 17. Л. 13–14, 19–20, 52; Там же. Д. 18. Л. 159; Советско-румынские отношения... С. 470, 512.
- 50 История Румынии / Отв. ред. Н. И. Лебедев. М., 1971. С. 376.
- 51 Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел, 1944–1955. М., 2011. С. 247.
- 52 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 5. (ЭР2)
- 53 *Колкер Б. М.* Из истории румыно-советских отношений ... С. 127. (Со ссылкой на Archiva Consiliului de miniştri, Fond special, Dosar 88).
- 54 Трансильванский вопрос... С. 132, 135.
- 55 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 19. Л. 44.
- 56 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 142. Д. 820. Л. 2; Советско-румынские отношения... С. 487.
- 57 Отчет о заграничном рейсе парохода «Зырянин» в порты Варна и Констанца с 19 декабря 1940 г. по 19 января 1941 г. (Центральный архив Военно-морского флота. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1055. Л. 32–34); Отчет о заграничном рейсе в порт Констанца за период с 15.02. по 3.03.1941 г. (Там же. Л. 70).
- 58 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 142. Д. 823. Л. 5.
- 59 Докладная записка Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. 1943 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 6. (ЭР2)).
- 60 Тайны дипломатии Третьего рейха... С. 247.
- 61 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 19. Д. 252. Л. 16, 145. (ЭР2); Там же. Ф. 125. Оп. 22. П. 19. Д. 29. Л. 68; Там же. Оп. 23. П. 22. Д. 19. Л. 37–40.
- 62 Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12450. Д. 98. Л. 58. (ЭР1)
- 63 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 11. Л. 11, 16; Трансильванский вопрос... С. 217.
- 64 История Румынии / Коорд. И.-А. Поп, И. Болован. М., 2005. С. 587.
- 65 Тайны дипломатии Третьего рейха... С. 248.
- 66 *Dallin A.* Odessa, 1941–1944 ... P. 79–81.
- 67 История Румынии / Отв. ред. Н. И. Лебедев. М., 1971. С. 366.
- 68 *Sichigea D. D.* Romania on the Diplomatic and Planning Agenda of Britain and USA during the Second World War (1940–1944) // *Codrul Cosminului*. Vol. 19. 2013. № 2. P. 295; Тем не менее в своем письме на имя И. Антонеску от 8 ноября 1941 г. Ю. Маниу писал, что Национал-царанист-

ская партия «одобряет военные действия, предпринятые для... освобождения румын за Днестром от коммунистического режима, и приветствует достигнутые при этом результаты». См.: *Constantiniu F., Duțu A., Retegan M. România în Război 1941–1945: Un destin în istorie*. București, 1995. P. 51.

69 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 11. Л. 16; Трансильванский вопрос... С. 219; Тайны дипломатии Третьего рейха... С. 248; *Левит И. Э. Участие фашистской Румынии...* С. 202.

70 *Левит И. Э.* Политика фашистской диктатуры Антонеску на временно оккупированной территории СССР // *История СССР*. 1984. № 5. С. 129.

71 *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Трансильванский вопрос в планах великих держав по послевоенному мирному урегулированию (до соглашения о перемирии с Румынией – октябрь 1944 г.) // *Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв.* СПб, 2009. С. 503.

72 *Constantiniu F., Duțu A., Retegan M. România în Război 1941–1945...* P. 61.

73 Ныне – Ивано-Франковск.

74 *Dallin A.* Odessa, 1941–1944 ... P. 60.

75 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 98. Л. 75. (ЭР1); Венгерский король Бела III захватывал Галич в 1188–1190 гг.

76 Докладная записка Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. 1943 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 19. (ЭР2)).

77 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 142. Д. 823. Л. 6.

78 Трансильванский вопрос... С. 219.

79 *История Румынии / Коорд. И.-А. Поп, И. Болован. М., 2005.* С. 586.

80 Тайны дипломатии Третьего рейха... С. 247.

81 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 11. Л. 3.

82 *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии ... С. 202–203.

83 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 31. П. 125. Д. 6. Л. 68, 72.

84 Трансильванский вопрос... С. 218; *I Documenti Diplomatici Italiani: Nona serie: 1939–1943: Vol. 8 (12 dicembre 1941 – 20 luglio 1942)*. Roma, 1988. P. 507; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 31. П. 125. Д. 6. Л. 23.

85 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 20. Д. 258. Л. 4; Там же. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 11 (ЭР2).

86 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 117. Л. 1–2 (ЭР1).

87 *Лебедев Н. И.* Румыния в годы Второй мировой войны: (Внешнеполитическая и внутривнутриполитическая история Румынии в 1938–1945 гг.). М., 1961. С. 167.

- 88 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 11. Л. 11.
- 89 I Documenti Diplomatici Italiani: Vol. 7 (24 aprile – 11 dicembre 1941). Roma, 1987. P. 687; Ibid: Vol. 8. P. 507.
- 90 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 21. Д. 234а. Л. 3, 6. (ЭР2).
- 91 Тайны дипломатии Третьего рейха... С. 247.
- 92 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 26. П. 23а. Д. 15. Л. 51–52.
- 93 Там же. Оп. 22. П. 20. Д. 34. Л. 28–29; Там же. Оп. 25. П. 23. Д. 3. Л. 4об.
- 94 См.: *Синицын Ф. Л.* Национальная и религиозная политика румынских оккупантов на территории Транснистрии (1941–1944) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2016. № 5. С. 67.
- 95 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 22. Д. 11. Л. 3.
- 96 Там же. Ф. 0125. Оп. 30. П. 122. Д. 2. Л. 143–144.
- 97 Там же. Ф. 195. Оп. 20. П. 16. Д. 14. Л. 270.
- 98 *Голуб Ю. Г., Аблизин В. А.* Бессарабская проблема в контексте советско-германских отношений 1939–1941 годов. Саратов, 2009. С. 201.
- 99 *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии ... С. 248.
- 100 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 64. Л. 5. (ЭР1).
- 101 См.: *Синицын Ф. Л.* Северное Причерноморье в захватнических планах Третьего рейха и его сателлитов (1940–1944) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2016. № 4. С. 40.
- 102 *Левит И. Э.* Политика фашистской диктатуры... С. 129.
- 103 *Dallin A.* Odessa, 1941–1944... P. 66.
- 104 *Новоселов А.* Румынская оккупация Транснистрии: вопросы политического статуса // Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии: Сб. ст. М., 2010. С. 16.
- 105 Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 2. Л. 3–4, 7; Там же. Д. 3. Л. 4; *Dallin A.* Odessa, 1941–1944... P. 197.
- 106 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 30. П. 122. Д. 2. Л. 171.
- 107 *Bran I.* The Ukrainian Movement in Bukovina: The Ukrainian National Party // Codrul Cosminului. Vol. 18. 2012. № 2. P. 253, 257–258.
- 108 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 100. Д. 73. Л. 1–1об; Там же. Ф. 125. Оп. 17. П. 13. Д. 7. Л. 4.
- 109 Там же. Ф. 05. Оп. 14. П. 100. Д. 73. Л. 1–1об.
- 110 *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии... С. 246–247.
- 111 *Bran I.* The Ukrainian Movement... P. 257.
- 112 *Щетников В. П.* Європа напередодні Другої світової війни: «Український фактор» у геополітиці // Записки Історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова. Вип. 7. 1998. С. 108.

- 113 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 36. Л. 22.
114 Там же. Д. 38. Л. 55.
115 Трансильванский вопрос... С. 216.
116 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 21. Д. 7. Л. 2, 4–5.
117 *Bran I.* The Ukrainian Movement... P. 258.
118 Политический дневник Альфреда Розенберга. С. 320–321.
119 *Dallin A.* Odessa, 1941–1944... P. 57, 61, 246.
120 *Scurtu I., Hlihor C.* Complot împotriva României... P. 81.
121 См.: *Синицын Ф. Л.* Национальная и религиозная политика ... С. 66–67; *Синицын Ф. Л.* «Разделяй и властвуй»... С. 26.

F. L. Sinitsyn

The entry of Romania into the War against the Soviet Union in 1941
as a Result of a Political Game of the Third Reich

The article examines the main aspects of the impact of Nazi Germany on Romania's entry into the war against the Soviet Union in 1941. The study is based on an analysis of archival documents, published materials and achievements of domestic and foreign historiography. It is revealed that Romania's entry into the war against the USSR in 1941 was largely a result of the manipulative influence of the Third Reich. The Nazi leadership was able to send the Romanian army to a war against the Soviet Union, which provided both military assistance to the Wehrmacht and the impossibility of Romania's aggression against Hungary and Bulgaria, the allied countries of Germany. The consent to the seizure of the territory of the USSR by Romania was largely a tactical ploy by the Third Reich. During the war, the tensions between Romania and Germany were clearly manifested.

Keywords: *Soviet-Romanian Relations, Romanian-German Relations, Soviet-German Relation, Second World War, Great Patriotic War, USSR, Romania, Germany.*

О. Б. Неменский
(Москва)

Участие Белоруссии в программе Восточного партнерства ЕС в контексте восточной политики Польши

Статья посвящена проблемам отношений между Европейским Союзом и Республикой Беларусь, сказавшимся на истории участия Белоруссии в программе ЕС «Восточное партнерство». Основное внимание уделено польско-белорусским отношениям, так как Польша выступила основным инициатором и идеологом Программы. Раскрываются причины глубокого кризиса, в котором оказалась Программа к 2013–2015 гг.

Ключевые слова: *Европейский Союз, Республика Польша, Республика Беларусь, Белоруссия, Программа «Восточное партнерство», польско-белорусские отношения, международные отношения, белорусско-европейские отношения, восточная политика Польши, Дональд Туск, Радослав Сикорский, Гжегож Схетына, Витольд Ващиковский, Александр Лукашенко, Владимир Макей.*

Восточное партнерство – программа Европейского Союза по интенсификации сотрудничества с его восточными соседями из числа бывших советских республик (Украиной, Молдавией, Белоруссией и странами Закавказья). Еще в 2003 г., на этапе вступления в Евросоюз, Польша предлагала Брюсселю проект «Восточного измерения», который предполагал активизацию деятельности ЕС на постсоветском пространстве. Тогда это предложение было отклонено. Условия для того, чтобы снова поднять этот вопрос, сложились во время председательства в ЕС Франции в первом полугодии 2008 г., когда Париж инициировал создание «Союза для Средиземноморья». В связи с этим Варшава стала предлагать новые формы регионального сотрудничества для восточного соседства ЕС по аналогии с французскими инициативами.

Основным автором программы Восточного партнерства было Министерство иностранных дел Польши во главе с Радославом Сикорским. При общеевропейской презентации Программы Польшу поддержала также Швеция, преследовавшая цели усиления своей роли в общеевропейской внешней политике. Принятие этой программы ЕС стало реакцией на события российско-грузинского военно-

го конфликта в августе 2008 г., которые продемонстрировали несостоятельность прежнего формата ГУАМ. Для Польши официальное начало реализации Программы означало повышение фактического статуса в ЕС. Как было сказано в ежегодном «экспозе» (докладе в Сейме) Р. Сикорского, ее принятие ЕС показало «силу польской дипломатии» и подтвердило то «признание, которое есть в Европейском Союзе относительно компетенции Польши в восточных вопросах»¹. Программа стала основной формой проведения Европейской политики соседства и фактически сформировала новую область применения единых европейских инициатив.

Программа «Восточного партнерства» (ВП) была декларирована 3 декабря 2008 г. в специальном коммюнике Европейской комиссии². Она стала частью прежнего не очень удачного формата Европейской политики соседства, благодаря чему автоматически исключала возможность присутствия в ней не входящей в этот формат России, распространяясь только на шесть стран – Азербайджан, Армению, Грузию, Молдавию, Украину и Белоруссию. Впервые Белоруссия была приглашена на равных к участию в крупном европейском внешнеполитическом проекте.

Восточное партнерство не является принципиально новой структурой по сравнению с Европейской политикой соседства, она просто унифицирует предложения ЕС странам-партнерам и структуры взаимодействия и стимулирования. Важнейшая цель программы Восточного партнерства, как она задумывалась изначально, – это работа по замене действующих Соглашений о партнерстве и сотрудничестве новыми Соглашениями об ассоциации, которые предполагают также вхождение стран-участниц программы в углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли с ЕС (Deep and Comprehensive Free Trade Area – DCFTA).

В Восточном партнерстве действуют четыре тематические рабочие платформы: 1) демократия и благое управление; 2) экономическая интеграция и конвергенция с политикой и стандартами ЕС; 3) энергетическая безопасность; 4) межличностные контакты. За этими формулировками стоит довольно широкое поле деятельности. Например, вторая платформа должна среди прочего заниматься реформированием системы образования. Образован Форум гражданского общества Восточного партнерства, который объединяет неправительственные организации стран-участниц.

Фактически программа Восточного партнерства основана на идее дезинтеграции постсоветского пространства. Ее важнейшая

цель – воспрепятствовать интеграционным планам России и ослабить ее влияние в ближнем зарубежье. Задача отрыва Белоруссии от России с помощью этой программы открыто заявляется европейскими политиками: «Для Беларуси же это шанс, который... ставит под вопрос неизбежность зависимости от Российской Федерации»³.

В польском внутривнутриполитическом раскладе программа ВП являлась инициативой партии «Гражданская платформа», формировавшей коалиционные правительства с ноября 2007 по ноябрь 2015 г. Ее приход к власти в 2007 г. означал резкую смену курса в восточной политике: если прежнее правительство партии «Право и Справедливость» проводило политику жесткой конфронтации и с Россией, и с Белоруссией, то новый премьер Дональд Туск выдвинул идею нормализации отношений. Целью этой нормализации было возвращение Польши в общеевропейскую политику на постсоветском пространстве, от основных линий которой она была фактически отстранена из-за конфликтного подхода и евроскептического настроения предыдущего правительства.

В июле 2008 г. замминистра иностранных дел Гражина Вернатович пояснила, что именно новое правительство видит основными целями польской политики в отношении Белоруссии. Это в первую очередь «увеличение количества каналов коммуникации и связей Белоруссии с Европой, а также институтами мировой экономики, развитие гражданского общества, в том числе независимых СМИ, гарантии прав польского меньшинства в Белоруссии, а также свободы функционирования фирм с польским капиталом». Всему этому должна была служить интенсификация диалога с Минском. Изоляция Белоруссии была объявлена противоречащей польским интересам, потому что она лишь «усиливает авторитарный режим А. Лукашенко и способствует его дрейфу в сторону Москвы»⁴.

Для Минска участие в Программе ВП представляется привлекательным с точки зрения перспективы некоторого улучшения политических отношений со странами ЕС и развития экономического сотрудничества. Можно выделить следующие преимущества Белоруссии от участия в Восточном партнерстве: «Во-первых, Восточное партнерство может сыграть роль катализатора, помогая создать соответствующие рамки для займов у международных финансовых институтов и двусторонних агентств. Во-вторых, участие в такой многосторонней инициативе увеличивает возможности Беларуси и ее официальных лиц в конкуренции за основные проекты по финансовой и технической помощи. И, в-третьих, имея более тесный

контакт с европейскими официальными лицами, Беларусь может надеяться, что ее интересы будут в большей степени учитываться при составлении следующего бюджета ЕС»⁵.

Кроме того, есть и важная геополитическая составляющая белорусского интереса к Программе. Как говорили исследователи уже в 2009 г., «Минск не прочь сбалансировать свою внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию, избавившись от чрезмерной ориентации на Москву»⁶. Задача развития связей с Западом в целях уравнивания векторов декларируемой многовекторной политики является самоценной и открыто заявляемой⁷. Тем не менее интерес Белоруссии к ВП лежит в первую очередь в сфере экономики. Во многом к ней же сводится и задача активизации политических связей с ЕС, так как серьезных планов по институциональной интеграции в Евросоюз у Белоруссии, если не считать очень долгосрочные проекты «интеграции интеграций» и строительства «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», нет. Это принципиально отличает Белоруссию от соседней с ней Украины и Грузии.

На учредительном саммите Восточного партнерства в Праге 7 мая 2009 г. Белоруссия была представлена вице-премьером Владимиром Семашко и министром иностранных дел Сергеем Мартыновым. При этом какое-то время обсуждалось приглашение и лично А. Лукашенко, что было ярким свидетельством оттепели в отношениях Белоруссии и ЕС. И всё же Минск остался доволен результатами: «Мы довольны итогами саммита, и надо пробовать развивать отношения Белоруссии и ЕС», – сказал В. Семашко⁸. Однако уже на этом саммите Белоруссия была представлена не только официальной делегацией, но и второй – оппозиционной. В ходе саммита состоялся обмен подписанными экземплярами декларации о сотрудничестве между правительством Белоруссии и Комиссией Европейских сообществ в области энергетики.

Программа ВП, как и европейские Соглашения об ассоциации, подписание которых предполагается в соответствии с Программой, не предоставляет странам-партнерам перспективы членства в ЕС. Более того, формы сближения с Евросоюзом прописаны довольно расплывчато и лишь в качестве отдаленной перспективы. Уже в принятой Декларации Пражского саммита⁹ были заметно смягчены формулировки декабрьского коммюнике Еврокомиссии, в котором значилась цель установления между ЕС и государствами-партнерами отношений политической ассоциации и экономической интеграции. В Пражской декларации речь шла только о создании условий для последую-

щего внедрения этих принципов отношений, что лишало Восточное партнерство важнейшей составляющей, привлекательной для таких стран, как Украина и Грузия. Однако для Белоруссии эти цели были неактуальны.

Первоначально Восточное партнерство – не очень большая программа Евросоюза, если судить по ее финансированию. Ее региональный бюджет на 2010–2013 г. составил всего 600 млн евро, а дополнительный «национальный бюджет» Белоруссии в рамках ВП – 30 млн евро. При этом соответствующий бюджет Украины в рамках программы тогда составил 494 млн евро. Для стран-участниц цена только реформирования институтов, которое предполагается по Программе, превышает расчет тех выгод, которые они могли получить взамен¹⁰. Однако ее смысл касается больше политических аспектов и той переговорной площадки, которую она предоставляет. В условиях отсутствия ратифицированного Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Белоруссией и Европейским Союзом программа Восточного партнерства стала единственной институциональной рамкой отношений.

В конце 2010 г. в связи президентскими выборами в Белоруссии и последующими событиями на площади Независимости в Минске (подавлением массовых выступлений противников Лукашенко) прежняя «оттепель» в отношениях между Минском и Европой фактически закончилась. ОБСЕ объявила выборы недействительными, их результат не был признан и Варшавой. После ареста нескольких десятков оппозиционеров Минск обвинил страны Евросоюза (прежде всего Польшу и Германию) в причастности к организации попытки государственного переворота. В трех номерах главной республиканской газеты «Беларусь сегодня» вышла разоблачительная статья «За кулисами одного заговора»¹¹. О программе Восточного партнерства в ней был сделан довольно жесткий вывод: «Следует констатировать, что эта программа, представляющая из себя, по сути, оболочку, которая может быть наполнена любым содержанием в зависимости от текущей конъюнктуры, была немедленно взята на вооружение силами, стремящимися использовать процесс улучшения белорусско-европейских отношений в собственных узкокорыстных целях. Была предпринята попытка задействовать “Восточное партнерство” для ослабления взаимодействия Беларуси с Россией и в конечном итоге превращения республики в своего рода буфер между Россией и ЕС (по сути – санитарный кордон), а также трансформации республики в источник дешевых ресурсов, включая трудовые, и сбыта продукции

ЕС». После этого о полноценном участии Белоруссии в следующем саммите речи уже быть не могло.

Внутри страны правительство Д. Туска стали обвинять, что вся его политика по нормализации отношений с Белоруссией закончилась полным провалом, ни одна из проблем двухсторонних отношений не была решена, а реальная роль Польши в Белоруссии очень невелика. Как написал польский политолог Марчин Пшыдач: «Польше не удалось достичь в принципе ничего. Не удалось начать заявленного премьером процесса расширения на постсоветские государства сферы безопасности и сотрудничества, не удалось исправить ситуацию с польским меньшинством в Белоруссии, не удалось, в конце концов, и интенсифицировать экономическое сотрудничество. Никак не было использовано в отношениях с Белоруссией Восточное партнерство. Не удалось увеличить количество каналов коммуникации и связей Минска с ЕС. Не доведено даже до зачаточного состояния развитие гражданского общества, не улучшилось положение и с независимыми медиа»¹².

На Втором саммите «Восточного партнерства» в Варшаве 29–30 сентября 2011 г. Белоруссия не стала принимать участия. Поначалу на саммит был приглашен министр иностранных дел РБ Сергей Мартынов, не вошедший прежде в черный список ЕС. Но после того как его не пустили на неформальный ужин глав делегаций, Белоруссия вообще отказалась от дальнейшего участия в саммите.

Варшавский саммит закончился провалом: его заключительный документ, содержащий осуждение режима в Белоруссии, отказались подписывать все страны-участницы Программы. В результате была принята декларация, в которой содержались довольно мягкие формулировки в отношении Минска. Параграф с критикой прав человека в Белоруссии был из нее изъят, но принят в качестве дополнительной декларации от лица только стран-членов ЕС¹³. Как заявил потом в своем ежегодном выступлении в Сейме министр иностранных дел Польши Р. Сикорский, «споры вокруг этой декларации показали, что, к сожалению, не все страны партнерства понимают, что путь в Европу лежит через восприятие европейских стандартов демократии»¹⁴. Он указал, что для Белоруссии Польшей было подготовлено «предложение о сотрудничестве, которое ждет того дня, когда будут прекращены репрессии и политическая оппозиция сможет играть надлежащую ей роль»¹⁵.

В целом уже в сентябре 2011 г. стало ясно, что программа Восточного партнерства зашла в тупик. Если на уровне экономики уча-

стие Белоруссии в Программе было крайне желательно и выгодно, то в политической сфере признание равноправия и международной легальности представительства Белоруссии противоречило всему строю евросоюзной политики в отношении этой страны. Втягивание Белоруссии в Восточное партнерство было большим успехом Варшавы, казалось бы продемонстрировавшей, что Польша при правительстве Дональда Туска может вести игру гораздо более тонкую, чем прежде. Однако вскоре стало видно, что довести ее до полноценной реализации она вряд ли сможет: мессианские основы всей линии польской восточной политики этого не позволят¹⁶.

23 июля 2012 г. в Брюсселе была организована специальная встреча на уровне министров иностранных дел ЕС и шести стран-участниц программы «Восточное партнерство», на которой центральным вопросом было объявлено обсуждение ситуации с правами человека в Белоруссии. По сути, обсуждался вопрос дальнейших перспектив участия Белоруссии в Программе. Официальный Минск на саммите был представлен министром иностранных дел Сергеем Мартыновым. По итогам встречи Радослав Сикорский сказал: «Влияние можно иметь только на тех людей, которые сами хотят ассоциировать себя с вами. Если страна действительно этого не хочет, как, например, Беларусь, тогда наше влияние меньше. Я чувствую, что мы сделали всё и даже больше, но Беларусь должна решить сама за себя – в каком цивилизационном контексте она хочет быть»¹⁷. В конце 2012 г. Лукашенко на встрече с членами Клуба главных редакторов стран СНГ, Балтии и Грузии сказал о ВП: «Таможенный союз – это уже что-то осязаемое. “Восточное партнерство” – мы сами еще не знаем, что это такое»¹⁸, – тем самым подчеркнув сомнения Минска относительно необходимости дальнейшего участия в Программе.

В принятых в марте 2012 г. «Приоритетах польской внешней политики в 2012–2016 гг.» была поставлена задача «сделать более привлекательными предложения Восточного партнерства, а также усилить влияние этой программы на трансформацию стран Восточной Европы и Южного Кавказа»¹⁹, и была оговорена необходимость предоставления странам-участницам Программы обещаний по будущей интеграции с Евросоюзом: «в дальнейшем перспективу интеграции должны также иметь страны Восточного партнерства, в том числе Белоруссия, если только она вернется на путь демократизации»²⁰. Как, однако, вскоре выяснилось, именно этот вопрос встретил наиболее резкие возражения среди других государств ЕС.

На Третьем саммите Восточного партнерства, состоявшемся 28–29 ноября 2013 г. в Вильнюсе, Белоруссия была представлена министром иностранных дел Владимиром Макеем. В это время Евросоюз уже был склонен к смягчению своего отношения к Минску²¹. Однако центральной на саммите была тема Украины и ее отказа подписать Соглашение об ассоциации с ЕС в том виде, в каком оно было представлено.

Юбилейное собрание в честь пятилетия программы Восточного партнерства в Праге 24–25 апреля 2014 г. было поводом для подведения ее первых итогов. Итоги оказались плачевными. Украинский кризис, на фоне которого проходила встреча, наглядно показал, что выбранная форма втягивания стран Партнерства в сотрудничество с ЕС ошибочна. Высшие чиновники ЕС не приняли участия в мероприятии. От ЕС был лишь еврокомиссар по вопросам расширения и европейской политики Штефан Фюле. Белоруссия была приглашена на него на уровне премьер-министра, о чем специально сообщил на пресс-конференции спецпосланник по вопросам Восточного партнерства МИД Чехии. Но Минск отказался от участия. По словам пресс-секретаря Министерства иностранных дел Белоруссии Дмитрия Мирончика, «чешские организаторы мероприятия оказались неспособными обеспечить соблюдение основополагающих принципов, которые заложены в Пражской декларации 2009 года. В первую очередь – равноправия и недискриминации»²².

При этом Д. Мирончик дал крайне нелестную характеристику итогам реализации всей программы: «С учетом событий в регионе данная инициатива переживает свои не лучшие времена, буквально трещит по швам, требует серьезного переосмысления и совместных усилий, чтобы в принципе иметь какие-либо перспективы»²³. Однако Белоруссия по-прежнему сохранила свое формальное участие в ней. По этому поводу глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу специально заявил, что ЕС намерен продолжить работу с Белоруссией в рамках ВП. Но на деле саммит стал поводом для встреч политиков по проблемам двусторонних отношений. Вся программа Восточного партнерства становилась инструментом для двусторонних связей.

Другой аспект деятельности Восточного партнерства – Парламентская ассамблея Восточного партнерства (Eugonest) – также в вопросе участия Белоруссии оказался провальным. Евронест является парламентским измерением программы ВП и состоит из депутатов Европарламента и парламентов стран-участниц ВП (по 10 от каждой страны). Однако формат участия Белоруссии из-за непризнания Ев-

ропой белорусских парламентских выборов никак не определится: то предлагали приглашать к участию только лишь оппозицию, то пополам – 5 оппозиционеров и 5 депутатов. Но такие идеи не были поддержаны Минском. Так как Европарламент не признает легитимность белорусской Палаты представителей, Белоруссия попросту не участвует в Евронесте. Это напрямую сказывается на эффективности самого института, так как парламентарии других стран-участниц выражают свое несогласие с отсутствием белорусских представителей или же их заменой на людей, не имеющих реального влияния на политику и потому просто недоговороспособных. Серьезного обсуждения региональных проблем без представителей Белоруссии не получается.

1 апреля 2014 г. в Брюсселе состоялось заседание рабочей группы Евронеста по Белоруссии. В дискуссии принимали участие лидеры белорусской оппозиции. В качестве официального представителя Белоруссии был приглашен министр иностранных дел В. Макей. Однако он прислал вместо себя посла, которому было отказано в участии. Как сказал об этом председатель и член Европарламента Яцек Сариуш-Вольский, «мы не приглашали посла»²⁴.

В июне 2014 г. В. Макей заявил, что Белоруссия готовит целый пакет конкретных предложений по реформированию Восточного партнерства, которые она готова представить на Рижском саммите в 2015 г. Он дал понять, что там будут содержаться требования дифференцированного подхода к странам-партнерам, а также деполитизации сотрудничества. Такие условия позволили бы сохранить участие Белоруссии в Программе. «Мы рассматриваем “Восточное партнерство” как очень важную инициативу и как очень важный инструмент нормализации наших отношений с Евросоюзом», – сказал В. Макей в интервью²⁵.

Примечательно, что в ежегодных выступлениях перед Сеймом Польши нового министра иностранных дел Гжегожа Схетыны специальное место было посвящено защите программы ВП от критики. Так, в ноябре 2014 г. он заявлял: «Иногда можно услышать вопросы, стоило ли вообще реализовывать программу Восточного партнерства ценой таких драматических последствий, которые мы наблюдаем сегодня? Было ли Партнерство вполне продуманным и правильно ли оно осуществлялось?.. Я отвечу, что стоило», – и добавил, имея в виду в первую очередь Украину: «В национальных интересах Польши трансформация нашего соседа в стабильное современное государство, основанное на верховенстве закона, участвующее

в европейском сотрудничестве»²⁶. А в своем апрельском «экспозе» Г. Схетына так ответил на критику Восточного партнерства: «Приходится в Европе слышать, что Партнерство оказалось слишком амбициозной и слишком дорогой в политическом плане программой. Ведь вместо того, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость Восточной Европы, Запад оказался в конфронтации с Россией, а восточной части континента угрожает затянувшийся конфликт с непредсказуемыми последствиями. Однако нужно задаться вопросом, действительно ли Восточная Европа была образцом стабильности и предсказуемости? В течение десяти лет там было две революции на Украине, социальные протесты в Грузии и Молдове заставили правительство уйти в отставку. В других странах, чтобы не допустить этого, власти прибегали к полицейскому насилию и ограничению гражданских свобод. Является ли это стабильностью и предсказуемостью? Модель избегающего реформ и задавленного коррупцией экстенсивного развития обществ Восточной Европы исчерпана. Источник нестабильности – не европейская перспектива и реформы, а их отсутствие»²⁷. Зависимость социально-политических конфликтов, произошедших в этих странах, от соответствующего измерения европейской политики в их отношении была оставлена при этом без внимания.

Рижский (Четвертый) саммит ВП (21–22 мая 2015 г.) проходил уже в атмосфере открытого противостояния России и Запада и одновременно улучшения отношений Евросоюза с Белоруссией. По некоторым сведениям, был приглашен уже лично А. Лукашенко, однако он снова предпочел отправить на встречу В. Макея. В итоговой Рижской декларации саммита содержалась формулировка о высокой оценке странами ЕС вклада Белоруссии в содействие переговорам по урегулированию конфликта на Восточной Украине (пункт 4). Также участники приветствовали «шаги, предпринятые в отношениях между ЕС и Белоруссией», и выражали надежду «на продолжение промежуточной фазы модернизации, включая некоторые возможные проекты, и возобновление диалога по правам человека между ЕС и Белоруссией» (пункт 12)²⁸. В своем выступлении председатель Европейского Совета и экс-премьер Польши Дональд Туск специально оговорился о готовности ЕС к улучшению отношений с Белоруссией: «Мы также должны быть в состоянии сделать некоторые шаги вперед в углублении нашего критического взаимодействия с Белоруссией»²⁹.

Однако в конце заседаний Белоруссия вместе с Арменией отказалась подписывать текст итогового заявления саммита в том виде, в

каком он был заготовлен заранее, из-за формулировок относительно России и конфликта вокруг Украины. Для Минска участие в Программе представляется полезным в рамках заявленного А. Лукашенко курса на «интеграцию интеграций», т.е. в качестве улучшения отношений на западном фланге внешней политики, но не ценой значительного ухудшения отношений с Россией. Втягивание Белоруссии в противостояние с Москвой за влияние в западном секторе постсоветского пространства, изначально заложенное в проект программы Восточного партнерства, способно только ослабить международное положение тесно связанного с Россией государства и привести к очень нежелательным для него последствиям.

В результате фразу об осуждении «аннексии Крыма Россией» пришлось отредактировать таким образом, чтобы это осуждение исходило только от стран-членов ЕС. От лица же всех участников было выражено формальное признание территориальной целостности Украины³⁰. Как заявил по этому поводу А. Лукашенко, «мы всегда были категорически против того, чтобы Восточное партнерство было против кого-то. Но Россия не участвует в Восточном партнерстве, почему заочно без России мы ее должны дубасить, в том числе за Крым и так далее?»³¹ В целом белорусская делегация на Рижском саммите снова высказалась за то, чтобы деятельность Программы была сконцентрирована на экономическом сотрудничестве, а не на политических вопросах: «Чтобы вновь консолидировать всё более разрозненное Восточное партнерство, следует поставить в центр его внимания экономические вопросы. Это повысило бы нашу устойчивость и обеспечило бы большую эффективность любых усилий в плане модернизации»³², – заявил глава делегации В. Макей.

22 мая 2015 г. в Минске на VII съезде Федерации профсоюзов Белоруссии Александр Лукашенко раскритиковал настрой Рижского саммита ВП: «Это моя принципиальная позиция: “Восточное партнерство”, другие организации не должны быть направлены против кого-то. Мы там должны отстаивать, защищать свои интересы. Почему мы должны быть против России?»³³ Надо сказать, что еще до саммита, в конце апреля 2015 г., официальный представитель МИД РФ Александр Лукашевич заявил журналистам, что ВП имеет «ярко выраженную антироссийскую направленность»: «Мы будем следить за тем, как будет проходить саммит в Риге. Но уже очевидно, что наша реакция будет достаточно жесткой и принципиальной, поскольку мы видим, куда движется это партнерство и какие оттенки оно приобретает со стороны участников этой программы». И доба-

вил: «Принципиально то, что смысл этого партнерства определенно имеет ярко выраженную антироссийскую направленность»³⁴. Таким образом, Белоруссия перешла от критики отдельных проявлений деятельности Восточного партнерства к критике самого характера этой программы.

В целом Рижский саммит лишь подтвердил уже прежние выводы о глубоком кризисе Программы. Который раз политики и эксперты высказались о том, что выработать общий формат взаимодействия со всеми шестью государствами у ЕС не получается и что нельзя развитие связей с ЕС выставлять альтернативой их отношениям с Россией. Однако как-либо реформировать Программу Европейский Союз также не смог. В. Макей в своем докладе на саммите очень четко описал провал ее работы: «В 2009 году, когда мы дали старт этой инициативе, мы сообща договорились о главной цели Восточного партнерства – укрепить безопасность, стабильность и процветание в регионе. Сегодня, спустя полтора года после нашей последней встречи в Вильнюсе, мы все должны признать, что эта цель еще более далека от достижения, чем прежде. К сожалению, регион Восточного партнерства так и не стал звеном, соединяющим Восток и Запад, пространством сотрудничества, основанным на общих ценностях, взаимных интересах и совместной ответственности. Напротив, он превратился в “яблоко раздора”, что негативно отражается на всех странах-партнерах»³⁵. Стоит оговориться, что задача создания «моста между Востоком и Западом» перед Восточным партнерством и не ставилась.

Корень неудач следует искать в самом формате Программы. На деле оказалось, что в экономической сфере за партнерство с ЕС страны-участницы должны заплатить разрывом экономических и политических связей с Россией. Это чревато упадком национальной промышленности, что обесмысливает всю Программу. При таких условиях потребовалось не так много времени и яркий пример Украины, чтобы другие страны-участники поняли, что полноценное участие в Программе «означает отказ от традиционных экономических связей в пользу новых, еще не оформившихся. И цена евроинтеграции покажется слишком высокой»³⁶. Однако этот подход Евросоюзу имеет более глубокие основания: ЕС предполагал, что сближение со странами СНГ можно проводить по тем же лекалам, которые были использованы при интеграции стран Центральной Европы. Но они были в ином положении: у них не было ситуации геополитического выбора и их экономики не имели такой высокой степени зависимости от исключенной из этого процесса России.

Министр иностранных дел Чехии Любомир Заоралек на Пражском саммите 2014 г. так сформулировал свое представление об основных ошибках Восточного партнерства, приведших его к кризису: «С механического использования таких принципов, как договор об ассоциации, по моему мнению, и начались проблемы. Таким образом, мы стали заглядывать в очень отдаленное будущее, полагая, что сумеем обойтись старыми подходами». «Когда мы иницилируем столь принципиальные общественные перемены, мы должны просчитывать их социальные и экономические последствия для этих стран. А мы этого не сделали», – сказал Л. Заоралек³⁷. Ему фактически вторит заведующая отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН Надежда Арбатова: проект ВП «исходил из своего опыта в Центральной Европе и в Балтийских странах, где европейский выбор, европейская идентичность были абсолютно естественными. Исходя из этого опыта они предложили странам ВП, которые не были готовы, в общем, полностью воспринять европейский путь и европейскую идентичность»³⁸. В результате, по мнению директора пражского Института международных отношений Петра Кратохвила, «проект “Восточного партнерства” в том виде, как он был создан пять лет назад, фактически развален. Мы можем даже сказать, что он мертв»³⁹.

Примечательно, что в качестве способов спасения Программы были предложены рецепты, во многом обесмысливающие саму Программу. Тот же Л. Заоралек сказал, что Евросоюзу надо отказаться в сотрудничестве со странами ВП от моделей, которые использовались при вступлении в ЕС Чехии и других бывших стран соцлагеря, и перейти к «индивидуальному подходу, который не подразумевает обязательного подписания масштабных интеграционных документов». Однако весь смысл программы Восточного партнерства был именно в едином подходе – общем для всех шести стран-участниц. Для развития индивидуальных подходов достаточно двусторонних отношений. То есть мы имеем дело с открытым признанием провала ВП, но никаких других стратегий и форматов, исправляющих или заменяющих прежний, у Евросоюза нет.

Европейский Союз, и в первую очередь автор Программы Варшава, хотели бы, чтобы официальный Минск участвовал в экономических проектах, а в политическом поле был представлен оппозицией – конфигурация идеальная, но нереальная. Во-первых, международные отношения пока всё же не настолько идеологизированы, чтобы не признавать легальность правительств, демократичность

которых вызывает сомнения. Во-вторых, Восточное партнерство не настолько важная и привлекательная для Минска организация, чтобы он пошел на такое дипломатическое унижение. Белоруссия вполне может «хлопнуть дверью» и не понести при этом никаких действительно ощутимых потерь. То есть эти требования попросту нереалистичные. В-третьих, разделить экономику и политику здесь вряд ли возможно – уже сами «экономические» проекты Варшавы имеют в первую очередь политический смысл. И если Белоруссия будет представлена ни на что реально не влияющими оппозиционерами, то и экономическая составляющая участия Белоруссии будет фактически заблокирована: эти люди – не те, с которыми можно обсуждать экономическое сотрудничество. Ни одна из остальных пяти стран-участниц Восточного партнерства не заинтересована в таком представительстве Белоруссии. Фиаско уже Второго (2011 г.) саммита – вполне закономерный результат той системы отношений, которую Варшава пыталась выстроить без учета реальных интересов своих партнеров.

При этом стоит учесть, что если Минск выйдет из всей Программы, то это станет сильнейшим ударом по ней. Таким образом, весь проект будет поставлен под вопрос. На европейском уровне Восточное партнерство – это в первую очередь очень важный экзамен для Польши как для ответственной за формирование идеологии восточной политики всего Евросоюза. По тому, сколь успешно она его сдаст, будет измеряться ее роль в будущих отношениях единой Европы со странами-участницами этой программы. В свое время Польша претендовала на роль основного «моста» в российско-европейских отношениях, но крайняя идеологизированность ее политики заставила западноевропейские страны отказаться от ее услуг⁴⁰. Кризис программы ВП позволяет предположить, что то же самое может произойти и в отношениях со странами-участницами Восточного партнерства.

В 2015 г. в Польше поменялась власть, и новая правящая партия «Право и Справедливость» решила снять с себя ответственность за проведение этой Программы, обвинив в ее неудаче политику прежних правительств партии «Гражданская платформа»⁴¹. Программа ВП действительно находится в глубоком кризисе и по большому счету нежизнеспособна, однако в настоящее время имеет хорошее финансирование. Теоретически Программе необходима кардинальная реформа, связанная в числе прочего с максимальным уменьшением ее политической составляющей в пользу экономической, а также с

включением в ее деятельность учета российского фактора. Однако это как раз то, что не входит в область внешнеполитических целей партии «Право и Справедливость» – настрой этой партии скорее прямо противоположный.

Новый министр иностранных дел Польши Витольд Вашиковский, выступая в польском парламенте с ежегодным докладом 29 января 2016 г., не стал останавливаться на критике Программы ВП, лишь обозначив необходимость реформирования прежних подходов: «Вместе с региональными партнерами мы примем во внимание все положительные аспекты Восточного партнерства и добавим новые элементы, которые будут способствовать активизации регионального сотрудничества» (при этом было заявлено о консультациях со Швецией, Финляндией, Литвой и Румынией)⁴². Однако, отвечая на вопросы журналистов, министр гораздо резче охарактеризовал свое отношение к Программе: «Мы отбросили эту концепцию как неправильную. Она создавала для этих стран иллюзию, но не создавала перспективы членства в Евросоюзе. Политика, проводимая предыдущим правительством, закончилась катастрофой, поскольку Евромайдан поставил ее под вопрос»⁴³ (украинцы «поставили под сомнение именно партнерство и захотели членства»). Можно сказать, что это довольно странный упрек Программе, ведь она не блокировала перспективу членства, а просто не предоставляла ее в связи с неготовностью ЕС дать на нее согласие. Несомненно, отказ от Восточного партнерства сам по себе никак не может это членство приблизить.

Однако в рамках программы ВП вряд ли можно решить проблему, исходящую из ее важнейшего свойства – заданного ею общего подхода ЕС к шести постсоветским странам, имеющим кардинально различные интересы и в отношениях с Евросоюзом, и в отношениях с другими государствами. Витольд Вашиковский в своем докладе Сейму в феврале 2017 г. отметил необходимость введения в Программу странового подхода: «Мы поддерживаем идею приведения в соответствие содержания Восточного партнерства с индивидуальными потребностями каждой страны»⁴⁴, – однако при реализации такого курса представляется излишним сам формат единой программы для всех шести государств.

Вряд ли могут спасти Программу и предложения по ее содержательному урезанию. Как заявил в интервью газете «Коммерсант» заведующий отделом стратегических оценок Центра ситуационного анализа РАН Сергей Уткин, Брюсселю стоит подумать над поиском

«половинчатого формата» – «нового модернизированного соглашения, в котором не будет речи о зоне свободной торговли»⁴⁵. Однако такое предложение подошло бы Армении, которую интересует главным образом политическая составляющая Программы, но вряд ли заинтересует Азербайджан, ориентированный как раз наоборот лишь на ее экономическую часть. Есть и военная сторона политического аспекта. Как заявил 1 апреля 2014 г. Яцек Сариуш-Вольский, польский депутат Европарламента, «будущее Восточного партнерства под большим вопросом, имеет место российское военное вето на этот проект»⁴⁶. В целом Восточное партнерство по своей судьбе становится всё более похожим на ГУАМ.

Реализация программы ВП привела к противоположным результатам по сравнению с планируемыми. Украина – витрина Партнерства, наиболее решительно участвующая в нем страна, пошедшая для этого на почти полный разрыв связей с Россией, по прошествии нескольких лет осуществления выбранного курса далека от осуществления целей Программы, более того, заметно от них отдалается. Очевидны наступившая дестабилизация и сильнейшее снижение уровня безопасности в стране, тяжелый кризис, если не развал территориальных и управленческих функций государства, грубейшее попрание закона на самых разных уровнях, начиная с высшего, значительное падение уровня благосостояния граждан и архаизация общества, при этом по многим статьям сокращение экономических связей с ЕС, дополненное официальной фиксацией отказа Евросоюза в предоставлении Украине европейской перспективы (формально по требованию Нидерландов). У европейских стран (и особенно Польши) на этом фоне также происходит острый конфликт с Россией, дополненный бьющей по экономике санкционной войной. Очевидно, что цели Программы не соответствуют результатам.

Участие в Программе Белоруссии так и осталось самой проблемной стороной действия Восточного партнерства. Белоруссия не только никогда не декларировала своего стремления стать членом Евросоюза, но у нее даже нет цели подписания Соглашения об ассоциации с ЕС. В этом плане она изначально не подходила под неформальные критерии страны-партнера по Программе. Кроме того, в рамках ВП так и не был решен вопрос, в какой форме и какие представители РБ должны быть представлены в структуре межпарламентского сотрудничества Euronest. Как уже было отмечено, ЕС сам нарушает принципы ВП, прописанные в Парижской декларации 2009 г. – равноправия и недискриминации.

Программа Восточного партнерства с 2009 г. стала важнейшей темой в рамках интеграционной конкуренции между Россией и Евросоюзом. И в случае с Белоруссией она просто не смогла предоставить достаточно конкурентоспособного предложения. Как признают даже белорусские эксперты прозападной ориентации, «несмотря на то что Беларусь участвует в европейской программе “Восточное партнерство”, с точки зрения прагматичности евразийские интеграционные процессы являются безальтернативными»⁴⁷. Даже для имеющей большие проблемы в отношениях с Западом Белоруссии инструменты ВП получили лишь вспомогательную функцию. Действительно, Минск сумел «воспользоваться инициативой ВП для того, чтобы разморозить политический диалог с ЕС»⁴⁸, однако качественные улучшения в отношениях были связаны с его позицией по результатам августовской войны между Россией и Грузией в 2008 г. и российско-украинского конфликта 2014 г., а не с механизмами ВП.

Проблема политики Европейского Союза в том, что его предложения для стран-участниц Программы довольно малы и имеют в случае реализации очень спорные последствия. Уже многократно подчеркивался главный недостаток Соглашений об ассоциации и зоне свободной торговли DCFTA: они содержат в себе большие риски для партнеров ЕС. Открытие рынка этих стран для европейских товаров может иметь сильные негативные последствия для их экономик, а потеря российского рынка не предполагает полноценной компенсации. Даже в области обещаний ЕС предлагает этим странам слишком мало, при этом отказывает даже в отдаленной европейской перспективе. Кроме того, руководства стран-партнеров раздражает воспитательная тактика ЕС по продвижению норм западной демократии, и Белоруссия довольно жестко дала понять, что она ее не приемлет. При этом, как написал один исследователь, «способность организации к гибкой трансформации логики, инструментов и региональной роли крайне мала»⁴⁹. Показал также свою полную нежизнеспособность единый подход ко всем шести постсоветским государствам. Но на деле дальнейшие инициативы в деле структуризации польской и общеевропейской «восточной политики» определяются не заранее принятыми схемами, а развитием кризисной ситуации на Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Pana Radosława Sikorskiego dotycząca zadań polskiej polityki zagranicznej w 2009 roku // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 13.02.2009. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expose2/expose_2009/ (дата обращения: 05.05.2017).

2 Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council, COM(2008) 823 final, Brussels, 3 December 2008. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2008/EN/1-2008-823-EN-F1-1.Pdf> (дата обращения: 25.04.2017).

3 Вик Х.-Г. Консалтинговый проект: Беларусь и ЕС // Беларусь и Европейский Союз: от изоляции к сотрудничеству / Под ред. Х.-Г. Вика и Шт. Малериуса. Вильнюс, 2011. С. 6.

4 Sejm VI kadencji: Odpowiedz podsekretarza stanu w Ministerstwie Spraw Zagranicznych – z upoważnienia ministra – na interpelację nr 3393 w sprawie polskiej polityki wobec Białorusi. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/IZ6.nsf/main/503BCEC7> (дата обращения: 25.04.2017).

5 Захманн Г., Джуччи Р. Восточное партнерство: перспективы улучшения отношений Беларуси и ЕС в энергетическом секторе? Берлин; Минск, 2009. С. 3.

6 Сергунин А. «Восточное партнерство» в контексте российско-европейских отношений // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? Сб. докладов международной конференции, декабрь 2009 г. СПб., 2010. С. 29.

7 Неменский О. Б. «Последний союзник»: российско-белорусские отношения на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций. 2016. № 5 (50): Постсоветское пространство как сфера конфликта и диалога. С. 24–40.

8 Цит. по: Малков Д. «Восточное партнерство» как зеркало европейских ожиданий соседей РФ // РИА Новости. 08.05.2009. URL: <https://ria.ru/world/20090508/170439144.html> (дата обращения: 25.04.2017).

9 Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit. Prague, 7 May 2009 // Council of the European Union. Brussels. 7 May 2009. 8435/09 (Presse 78). URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

10 Boonstra J., Shapovalova N. The EU's Eastern Partnership: One year backwards. Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE). Working paper N 99. Madrid, may 2010. P. 8. URL: <http://www.>

fride.org/publication/764/the-eu'-s-eastern-partnership-one-year-backwards (дата обращения: 25.04.2017).

11 За кулисами одного заговора: Переданные по указанию Главы государства для опубликования в СБ рассекреченные документы о событиях 19 декабря // Беларусь сегодня. 14.01.2011. URL: <http://www.sb.by/peredovitsa/article/za-kulisami-odnogo-zagovora.html>; За кулисами одного заговора-2 // Беларусь сегодня. 15.01.2011. URL: <http://www.sb.by/peredovitsa/article/za-kulisami-odnogo-zagovora-2.html>; За кулисами одного заговора-3 // Беларусь сегодня. 21.01.2011. URL: <http://www.sb.by/politika/article/za-kulisami-odnogo-zagovora-3.html> (дата обращения: 25.04.2017).

12 *Przydacz M.* Polityka zagraniczna wobec Białorusi // Główne kierunki polityki zagranicznej rządu Donalda Tuska w latach 2007–2011 / Pod red. Pawła Musiałka. Kraków, 2012. S. 293.

13 «Декларация о ситуации в Белоруссии, принятая по случаю саммита Восточного партнерства. Варшава, 30 сентября 2011 года». Ее полный текст: «Главы государств и правительств, представители ЕС и его государств-членов выражают глубокую обеспокоенность в связи с ухудшением положения в области прав человека, демократии и верховенства права в Белоруссии, выражая сожаление в связи с продолжающимся ухудшением свободы СМИ в Белоруссии и призывая к немедленному освобождению и реабилитации всех политических заключенных, прекращению репрессий в отношении гражданского общества и средств массовой информации и началу политического диалога с оппозицией. ЕС также глубоко обеспокоен сообщениями о том, что заключенным отказывают в доступе к своим семьям и адвокатам, а также к медицинской помощи при психологическом и физическом давлении. Европейский союз последовательно предлагал углубить свои отношения с Белоруссией и, подтверждая свою политику критического участия, вновь заявляет, что такое углубление обусловлено прогрессом в направлении соблюдения белорусскими властями принципов демократии, верховенства закона и прав человека». См.: Declaration on the situation in Belarus adopted on the occasion of the Eastern Partnership Summit Warsaw on 30 September 2011 // Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Warsaw, 29–30 September 2011. Council of the European Union. Warsaw, 30 September 2011. 14983/11. Presse 341. P. 9. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/124843.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

14 Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radosława Sikorskiego o założeniach polskiej polityki zagranicznej w 2012 roku // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 29.03.2012. URL:

graniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expose2/expose_2012/ (дата обращения: 25.04.2017).

15 Ibid.

16 Подробнее об этом: *Неменский О. Б.* Пространства и идеологии восточной политики Польши // *Духовность. Сергиев Посад*, 2010. № 1: *Общее прошлое России и Польши: работая над ошибками.* С. 265–280.

17 Беларусь в центре внимания саммита «Восточного партнерства» // *Хартыя-97*. 23.07.2012. URL: <http://charter97.org/ru/news/2012/7/23/55579/> (дата обращения: 25.04.2017).

18 Лукашенко: в отличие от «Восточного партнерства», Таможенный союз – это что-то осязаемое // *Белорусские новости*. 11.12.2012. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/12/11/ic_news_112_407095 (дата обращения: 25.04.2017).

19 Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012-2016. Warszawa, marzec 2012 // *Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP*. 03.2012. S. 12. URL: <http://msz.gov.pl/resource/c63f1e83-bf89-4137-bb00-ea0ad7ab5dcl> (дата обращения: 25.04.2017).

20 Ibid. S. 21.

21 Пункт 22 Декларации с подтверждением развития секторального сотрудничества с Белоруссией, а также см. пункт 29 про диалог по модернизации: «Участники саммита отмечают, что ЕС по-прежнему участвует в европейском диалоге по модернизации с белорусским обществом и что между ЕС и правительством Белоруссии проводится обмен мнением с целью определения наилучшей будущей формы сотрудничества по вопросам модернизации». См.: *Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Vilnius, 28–29 November 2013. Eastern Partnership: the way ahead* // *Council of the European Union*. Vilnius, 29 November 2013. 17130/13 (OR. en) Presse 516. P. 13, 15. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/139765.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

22 Беларусь не будет участвовать в саммите «Восточного партнерства» // *Агентство новостей Телеграф*. 24.04.2014. URL: <http://telegraf.by/2014/04/belarus-ne-budet-uchastvovat-v-sammite-vostochno-partnerstva> (дата обращения: 25.04.2017).

23 Там же.

24 Белорусскому послу указали в Брюсселе на дверь // *Белорусский партизан*. 01.04.2014. URL: <http://www.belaruspartisan.org/m/politic/262927/> (дата обращения: 25.04.2017).

25 Владимир Макей: мы должны интегрироваться, потому что в одиночку нам не выжить. Интервью. Татьяна Коровенкова. 11.06.2014.

URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2014/06/11/ic_articles_112_185760/ (дата обращения: 25.04.2017).

26 Minister Grzegorz Schetyna o priorytetach polskiej dyplomacji // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 6.11.2014. URL: http://www.ms.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expo-se2/expo-se_2014/ (дата обращения: 25.04.2017).

27 Minister Grzegorz Schetyna o priorytetach polskiej dyplomacji // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 23.04.2015 URL: http://www.ms.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expo-se2/expo-se_2015/ (дата обращения: 25.04.2017).

28 Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit (Riga, 21–22 May 2015). URL: http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2015/05/Riga-Declaration-220515-Final_pdf (дата обращения: 25.04.2017).

29 Remarks by President Donald Tusk at the press conference of the Eastern Partnership summit in Riga // Council of the European Union. 22.05.2015. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/05/22-final-remarks-tusk-eastern-partnership-summit/> (дата обращения: 25.04.2017).

30 Пункт 4: «ЕС подтверждает свои позиции, обозначенные в Совместном заявлении, сделанном на саммите ЕС-Украина 27 апреля, в том числе о незаконной аннексии Крыма и Севастополя. Участники саммита вновь подтверждают свои позиции в отношении резолюции 68/262 Генеральной Ассамблеи ООН о территориальной целостности Украины». См.: там же.

31 *Петров О.* Лукашенко: Мы категорически были против того, чтобы Восточное партнерство было против кого-то, против России // Комсомольская правда. 22.05.2015. URL: www.kp.by/online/news/2062883/ (дата обращения: 25.04.2017).

32 МИД: саммит в Риге способствовал оживлению диалога Белоруссии с ЕС // РИА Новости. 22.05.2015. URL: <https://ria.ru/world/20150522/1065985629.html> (дата обращения: 25.04.2017).

33 Лукашенко: «Нам говорят: давайте выступим вместе против России!» // ИА Регнум. 23.05.2016. URL: <https://regnum.ru/news/1927075.html> (дата обращения: 25.04.2017).

34 Еврокомиссар: ЕС разочарован заявлением РФ о саммите «Восточное партнерство» // ИА ТАСС. 11.05.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1961135> (дата обращения: 25.04.2017).

35 Саммит «Восточного партнерства» в Риге завершился без сенсаций // ИА ТАСС. 22.05.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1989578> (дата обращения: 25.04.2017).

36 *Урбанович Я.* Настоящая цена «Восточного партнерства» // Институт современного развития. Аналитический бюллетень. 2014. № 2 (21). С. 5. URL: http://www.insor-russia.ru/files/INSOR_2_2014.pdf (дата обращения: 25.04.2017).

37 Цит. по: *Искандеров П.* «Восточное партнерство» сходит на нет // Фонд стратегической культуры. 29.04.2014. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2014/04/29/vostochnoe-partnerstvo-shodit-na-net-27243.html> (дата обращения: 25.04.2017).

38 Эксперты: ЕС ошибся, выстраивая отношения с «Восточным партнерством» // РИА Новости. 24.04.2014. URL: <http://ria.ru/world/20140424/1005304563.html> (дата обращения: 25.04.2017).

39 Саммит «Восточного партнерства» открылся в Праге // Online СМИ. 25.04.2014. URL: <http://onlinesmi.ru/news/Sammit-Vostochnogo-partnerstva-otkrylsja-v-Prage>

40 См. подробнее: *Неменский О. Б.* Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1(14): Россия – Польша: перезагрузка? С. 39–47; *Неменский О. Б.* Российско-польские отношения после Смоленской катастрофы // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 6. С. 75–94.

41 Подробнее см.: *Неменский О. Б.* Восточная политика новой правящей партии Польши «Право и Справедливость» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (39). С. 102–124.

42 Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Witolda Waszczykowskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2016 roku // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 29.01.2016. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expose2/expose2016/ (дата обращения: 25.04.2017).

43 СМИ: глава МИД Польши заявил о провале «Восточного партнерства» // РИА Новости. 30.01.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160130/1367343080.html> (дата обращения: 25.04.2017).

44 Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Witolda Waszczykowskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2017 roku // Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. 09.02.2017. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/priorytety_polityki_zagr_2012_2016/expose2/expose2017/ (дата обращения: 25.04.2017).

45 *Тарасенко П.* «Восточное партнерство» стремится к гибкости // Коммерсант. 24.06.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2459893> (дата обращения: 25.04.2017).

46 Белорусскому послу отказали в возможности участвовать в дискуссии на заседании Евронеста // Белорусские новости. 01.04.2014.

URL: http://naviny.by/gubrics/politic/2014/04/01/ic_news_112_434301 (дата обращения: 25.04.2017).

47 *Сивицкий А., Голубничий Д.* Европейское сближение vs. евразийская интеграция: внешнеполитические и экономические альтернативы для Беларуси. Минск, 2014. С. 3.

48 *Эберхардт А.* Восточное партнерство и региональная безопасность // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? СПб., 2010. С. 74.

49 *Офицеров-Бельский Д.* Стратегия и идеология в проекте ЕС «Восточное партнерство». М., 2014. С. 8.

O. B. Nemensky

Belarus in the EU Eastern Partnership Programme
and Polish eastern politics

The article dwells upon the problems in the relations between the EU and the Republic of Belarus that affected the history of involvement of Belarus in the EU “Eastern Partnership” Programme. The accent is placed on the Polish-Belarusian relations, because Poland was the main initiator and ideologist of the Programme. The reasons of the deep crisis of the Programme by 2013–2015 are explained.

Keywords: *European Union, Republic of Poland, Republic of Belarus, Byelorussia, Eastern Partnership, Polish-Belarusian relations, international relations, Belarusian-European relations, eastern politics of Poland, Donald Tusk, Radosław Sikorski, Grzegorz Schetyna, Witold Waszczykowski, Alexander Lukashenko, Vladimir Makei.*

А. Ю. Тимофеев
(Белград)

**«Великая русская революция принесла много зла»:
разочарование сербской элиты во Временном правительстве
и в революционной России весной-летом 1917 г.**

На основании архивных документов и объемной историографии автор изучает отношение официальной Сербии к деятельности Временного правительства и результатам Февральской революции. Маленькое королевство Сербия относилось к Российской империи как к важнейшему своему союзнику накануне и в годы Первой мировой войны. После оккупации Сербии в 1915 г. сербское правительство и армия отступили и пытались вместе с другими союзниками сдержать наступление центральных держав на Солунском фронте. Поэтому политика России на Балканах имела для Сербии колоссальную важность. Отказ Временного правительства от Царьграда пугал сербские элиты, которые столь же тревожно смотрели и на падение боеспособности российской армии. Опыение революционными достижениями вскоре сменилось у дипломатических и военных представителей Сербии в России озабоченностью и ожиданием неминуемой катастрофы, которые оставалось маскировать лишь показным и безосновательным оптимизмом.

Ключевые слова: *русско-сербские связи, Февральская революция, Временное правительство, Первая мировая война, Павел Николаевич Милоков, Александр Федорович Керенский, Никола Пашич.*

Уже 6 (19) марта 1917 г. Александр Федорович Керенский, молодой (род. 1881) и малоизвестный адвокат, народный посланник Государственной думы из г. Вольска (Саратовская губерния), которого как представителя левых сил включили в сформированное 2 (15) марта 1917 г. Временное правительство на пост министра юстиции, дал очень важное интервью. Отвечая на вопросы британского военного агента А. Нокса и журналиста либеральной британской газеты «Daily Chronicle» Вильямса, этот не имевший в публичной политике официального веса депутат от партии трудовиков заявил, что является большим сторонником Англии, что Россия должна сделать для Англии всё, что та пожелает, т. е. оставаться верной союзному долгу и продолжить войну. С другой стороны, он заявил, что России не нуж-

ны черноморские проливы, а лучший способ решения вопроса о проливах – их интернационализация. Он также выразил уверенность в том, что Польша, Финляндия и Армения должны по окончании войны получить полную независимость от России¹. Эти заявления в значительной степени противоречили мнению официального министра иностранных дел Павла Николаевича Милюкова, авторитетного либерального политика, лидера парламентской партии, широко известного в России и за ее пределами. Последний в циркулярном письме № 967 от 4 (21) марта выразил свои взгляды на установление Временного правительства и пообещал, что внешняя политика России не будет меняться, но, с другой стороны, что Временное правительство также надеется на сохранение всех обязательств и обещаний союзников, данных ими России до революции². В своем интервью англичанам А. Ф. Керенский не только дезавуировал мнение П. Н. Милюкова, но и прямо извинился за «недостойное» настаивание на вопросе о Царьграде. С того момента и до самой отставки лидер кадетов П. Н. Милюков пытался придерживаться своих внешнеполитических взглядов³. Английское правительство признало новое российское правительство нотой от 5 (22) марта после того, как Временное правительство выразило готовность «соблюдать обязательства, принятые на себя его предшественниками вместе с союзными правительствами и особенно касающиеся продолжения войны до победного конца», но при этом даже не упомянуло обязательств союзников по отношению к России⁴. Это умолчание дополнили сообщения в английской печати о том, что Россия отказалась от своих старых требований, что немало удивило П. Н. Милюкова⁵. Заявление Временного правительства от 27 марта (9 апреля) не подтвердило позиции П. Н. Милюкова и лишь выражало необходимость дальнейшего продолжения войны, что сопровождалось демонстративным заявлением о том, что «цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»⁶. После этого заявления не только в Англии, но и во Франции пришли к выводу о том, что Россия отказывается от своих требований по вопросу о Царьграде и Проливах⁷.

При этом речь шла не только о проливах. Англия начала с активного расширения своих планов по колониальному переустройству и на территории Ближнего Востока, и на территории Китая без переговоров и консультаций с русскими дипломатами⁸. Наконец, 6 (19) апреля 1917 г. в Савоие была проведена конференция глав пра-

вительств Англии, Франции и Италии, которые беседовали о перспективах послевоенного переустройства Австрии, Балкан и Малой Азии, без консультаций с Россией и даже без информирования об этом событии российского правительства. Российским дипломатам пришлось обходными путями собирать информацию, выясняя решение конференции союзников⁹. Доверие союзников друг к другу было крайне низким, у пришедших к власти в результате февральского переворота политиков имелись подозрения, что в случае попытки России заключить сепаратный мир англичане готовы совершить интервенцию против России с помощью азиатских союзников¹⁰.

Обещания союзников о стратегически важных зонах контроля для послевоенной России оказались обманом, а сама Российская империя распалась (Финляндия, Польша, Украина начали процесс суверенизации). Государственных причин продолжать войну больше не было («во имя Российской империи»). Этнические русские территории в то время еще не были под немецкой оккупацией (в начале 1917 г. под немецкой оккупацией оказались Польша, районы Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии¹¹), а при подписании сепаратного мира весной предложения центральных держав не могли быть слишком жесткими вследствие тяжести ситуации на Западном фронте. Таким образом, и национальных причин продолжать войну («во имя единства русского народа») больше не было. Лояльность по отношению к членам Антанты была бессмысленна, учитывая их вмешательство в февральский переворот. Англия и Франция с марта перестали консультироваться с Россией даже по периферийным вопросам (например, по Тибету или Ирану), не говоря уже о послевоенном переустройстве Центральной и Юго-Восточной Европы. Союзники перестали относиться к России как к равноправному партнеру, что показала конференция в Савойе. Объективно говоря, с марта 1917 г., продолжая войну, русский народ должен был бы проливать кровь и воевать с Германией ради создания независимой Польши, Финляндии, Чехословакии и Югославии с перспективой дальнейшего развала Российской империи (Армения, Украина...).

Основной проблемой Временного правительства (и левого, и правого крыла) была неспособность предложить «центральную идею», которая могла бы собрать многочисленные народы России. Это было насущным вопросом для идеократического общества, каким Россия являлась в течение многих веков¹². Лозунг свободы не предлагал, по сути своей, какой-либо альтернативной объединительной идеи. Либерализм и национал-демократия в условиях тра-

диционной империи вели к созданию бесконечного числа малых государств и больше подходили для мононациональных стран, чем для объединения огромных имперских территорий. Старая «общая идея» пережила крах после февральского переворота. Нужна была новая идея, которая могла дать русским и другим народам империи чувство единства, удовлетворяя традиционное для русского менталитета стремление к мессианству. России был нужен мир как можно быстрее, нужно правительство, которое могло бы снова обеспечить единство важнейших территорий, пограничных территорий, лимитрофов и новых стран вокруг единой, убедительной и мощной идеи. В сокрушенную Февралем Россию шел Октябрь, чтобы помочь ей выбраться из пепла мартовского позора, пройдя мучительный и болезненный процесс возрождения, чтобы вновь, как и после прежних катастроф, восстать еще более мощной и сильной...

Как сербские представители воспринимали эти головокружительные изменения в России? Прежде всего они заботились о двух ключевых для Сербии вопросах: будет ли Россия продолжать укреплять свои воинские успехи и какую внешнюю политику она изберет в будущем. На эти вопросы и искали ответы представители сербской армии, дипломатии и гражданского общества в России в 1917 г.

Первым шоком, который пережила официальная Сербия после Февральской революции, стало назначение П. Н. Милюкова министром иностранных дел России. Стоит напомнить, что уже до 1897 г. доцент П. Н. Милюков был регулярным получателем болгарских выплат и активно лоббировал интересы Болгарии путем публикации статей, этнографических карт и ведения пропаганды. П. Н. Милюков действовал как наемный пропагандист в подготовке доклада Комиссии Карнеги о причинах Балканских войн, который перекладывал всю ответственность на сербов и греков и выгораживал болгар, турок и албанцев¹³. Верхом карьеры профессионального лоббиста был инцидент в Белграде 12 (25) августа в ресторане принадлежавшего российскому страховому обществу «Россия» отеля «Москва», в котором остановились члены международной комиссии. «Мы сидели внизу в ресторане; кругом, за отдельными столиками, разместились демонстранты – большей частью патриотическая молодежь. По данному знаку раздались по адресу “врага” Сербии грубые выкрики и резкие речи... Я испытывал горечь незаслуженного оскорбления и невозможности объясниться с молодежью по существу. Рано утром мы все уехали в Салоники. Это было мое последнее посещение Белграда»¹⁴. Эту неприятную сцену с удовольствием описывали серб-

ские газеты. В подробных статьях они сообщали читателям, что «Милюков, как известный клеветник сербского народа, выброшен из отеля “Москва”. Когда после ужина он появился в отеле “Москва”, публика освистала его и потребовала, чтобы Милюков убирался вон. Милюков в конце концов ушел в свой номер и утром был вынужден съехать»¹⁵. Очевидно, что эта реакция, неожиданно жесткая для традиционно русофильской Сербии, возбудила общественное мнение так сильно, что несколько недель спустя сербская печать поспешила передать реакцию одной из российских газет, которая начала свое сообщение с задающего тон заголовка «Так ему и надо»¹⁶. Этот инцидент был исключительно неприятным, неожиданным и унижительным для П. Н. Милюкова. Конечно, он не мог забыть своих симпатий к болгарам и антипатий к сербам даже после предательского перехода Болгарии на сторону врагов России в 1915 г. Явную проболгарскую позицию П. Н. Милюков продемонстрировал во время своих летних лекций 1916 г. в Кембридже, где он рассказывал о болгарском населении Македонии и сербском захвате исконно болгарских земель¹⁷. Учитывая, что в это время болгарские солдаты убивали русских солдат, а сербские солдаты сражались вместе с русскими плечом к плечу, трудно ответить на вопрос, была ли это глупость или оплаченная измена.

Уже на следующий день после отречения Николая II и формирования Временного правительства (2 (15) марта) сербский посланник в России Мирослав Спалайкович доложил на Корфу о формировании нового правительства¹⁸. Перечислив состав нового кабинета, он сообщил два неожиданных для сербской дипломатии факта. Место министра юстиции получил А. Ф. Керенский, посланник трудовой группы (которую М. Спалайкович назвал «рабочей»), а министром иностранных дел стал П. Н. Милюков. Назначение А. Ф. Керенского М. Спалайкович объяснял необходимостью компромисса с неким воображаемым «экстремистским элементом», который якобы вследствие этого назначения «не продолжит революцию под антивоенными лозунгами». Назначению П. Н. Милюкова М. Спалайкович наивно дал не менее надуманное объяснение: якобы «Милюкова взяли как единственного знатока внешней политики в Думе»¹⁹. В возникших вскоре разногласиях этих двух министров по внешнеполитическим вопросам сербские представители в России фактически были против А. Ф. Керенского и скорее придерживались более консервативной линии ранее ненавистного им П. Н. Милюкова (настолько тяжелой оказалась ситуация, сужавшая пространство для сербского

политического маневра), а позднее встали на сторону Лавра Георгиевича Корнилова²⁰.

Изменения во внешнеполитических приоритетах России и отказ от завоевания Царьграда весьма рано заметили сербские дипломатические представители в Румынии. Согласно их донесению от 18 (31) марта, румынское правительство уже исходило из того, что новое русское правительство отказалось от завоевания Царьграда и желает ограничиться общим влиянием на Проливы²¹. В донесении из Петрограда от 1 (14) апреля М. Спалайкович резюмировал, что «на общероссийском съезде кадетской партии была принята резолюция»²² об отказе «от вмешательства в чужие свободы», подчеркивая при этом всё же «необходимость обеспечить насущные и законные интересы России», что было крайне двусмысленно²³. В следующем донесении от 4 (17) апреля информация с кадетского съезда получила более детальное объяснение – речь шла о продолжении ведения войны из-за «обязательств перед союзниками», «деспотического характера» центральных государств, необходимости уничтожить Австрию как «темницу народов». При этом, по словам сербских дипломатов, выступавшие кадеты характеризовали Царьград как «греческий и еврейский город, который русским не нужен», а независимость Польши представляли как дело решенное²⁴. Исчезновение из явного дискурса симпатий к послевоенным аннексиям М. Спалайкович отмечал и 15 (28) апреля в своем донесении об эволюции взглядов газетных изданий. Кадетская «Речь», которая когда-то была знаменем либерализма, в новых условиях последняя поддерживала русские послевоенные территориальные притязания, подразумевавшие если не аннексию Царьграда, то уж, по крайней мере, полный контроль над проливами²⁵.

После потрясений и стабилизации в конце февраля – начале марта Временное правительство пережило три серьезных кризиса (апрельский, июльский и августовский), которые полностью уничтожили авторитет повстанческого правительства. Сербские представители констатировали эти кризисы с определенным запозданием, постоянно выражая недоумение и безуспешно пытаясь дать краткосрочные прогнозы развития ситуации. Апрельский кризис 1917 г. возник вследствие давления леволиберальных элементов на Временное правительство, которое члены Петроградского совета хотели заставить отказаться от аннексий и контрибуций по результатам войны. Они считали, что Россия должна была продолжить войну исключительно из-за стремления сокрушить имперскую

Германию. Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, В. М. Чернов, А. Р. Гоц и другие члены Совета говорили «от имени русской демократии» и опирались на группы деградировавшей городской бедноты и солдат, охваченных нежеланием идти на фронт. Эти же массы были использованы за месяц до этого лидерами Временного правительства для дестабилизации ситуации в Петрограде и свержения царского правительства. При этом, конечно, ни Временное правительство, ни Петроградский совет не были легальны или избраны, а их легитимность базировалась на переменчивом настроении люмпенов Петрограда, а также моряков и солдат, размещенных в городе и его пригородах²⁶. Важную роль во внешнеполитической легитимизации Временного правительства в этих условиях играли также Англия и Франция, что давало им дополнительные рычаги влияния на ситуацию в России.

Давление Совета на П. Н. Милюкова как нежелательного на должности министра иностранных дел было обусловлено причинами, связанными с вопросами целей войны и аннексий, а конкретнее — с вопросами будущего присоединения территорий за счет Турции²⁷. В своем донесении от 16 (29) апреля М. Спалайкович отмечал это возрастающее давление на П. Н. Милюкова, объясняя его лишь личной неприязнью к последнему со стороны «крестьянского элемента, смотрящего на его партию как на самого серьезного противника» и ведущего «борьбу против него особенно в совете рабочих делегатов»²⁸. Трудно сказать, кого из лидеров Петросовета того времени (Н. С. Чхеидзе, А. Р. Гоца, Ф. И. Дана, И. Г. Церетели, Н. Н. Суханова-Гимера, В. М. Чернова и др.) М. Спалайкович считал частью русского крестьянства (в этническом или в социальном смысле). Хотя, если Временное правительство могло провозгласить себя представителем всей России, то почему Петросовет не мог сам себя назвать представителем русских крестьян и рабочих?!

В том же донесении куда более интересным было то, что сербский дипломат пришел к бесспорному выводу, что «опасность для России по вопросу о Царьграде» означает и угрозу для «Сербии по вопросу о территориальных границах с Болгарией, а также и претензиях к Австро-Венгрии». Даже всё более далекому от правящих элит России посланнику Сербии становилось очевидно, что «войну без аннексий» в широких кругах русского общества (а не в среде политических группировок, которые боролись за власть и симпатии английских и французских дипломатов) понимали как «мир без аннексий», т. е. сепаратный мир.

Царьград и Проливы были слишком сложным вопросом для крестьян (т. е. большинства солдат). Иллюстративный пример демагогического подхода, который леволиберальные агитаторы использовали в разговорах с крестьянами, описал активный участник гражданской войны Аркадий Гайдар²⁹:

«— Мир после победы? — говорил Баскаков.

— Что же, дело хорошее. Завоеем Константинополь. Ну, прямо как до зарезу нужен нам этот Константинополь! А то еще и Берлин завоеем... Я тебя спрашиваю: что у тебя немец либо турок взаймы, что ли, взяли и не отдают? Ну, скажи мне на милость, дорогой человек, какие у тебя дела могут быть в Константинополе? Что ты, картошку туда на базар продавать повезешь? <...> Тебе не нужен, ну и мне не нужен, и им никому не нужен! А нужен он купцам, чтобы торговать им, видишь, прибыльней было. Так им нужен, пускай они и завоевывают. А мужик тут при чем?»

Очевидно, что необходимость освобождения Царьграда от турок или отказ от него вряд ли могли повлиять на крестьянскую (солдатскую) массу, но сильно влияли на позиции либеральных интеллектуальных кругов России, ориентированных на удовлетворение пожеланий «демократических» союзников³⁰.

Эволюцию дискурса «целей войны» в пропаганде политических партий М. Спалайкович мог почувствовать очень ясно. П. Н. Милюков, символическая фигура сторонников послевоенной аннексии, 5 (18) мая 1917 г. был наконец выведен из правительства, а на его место был поставлен Михаил Иванович Терещенко. Управляющий делами Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков в апреле 1918 г. писал о новом главе российской дипломатии: «Он, вместе с Некрасовым и Керенским, составлял триумvirат, направлявший всю политику Вр. Правительства, — и в этом качестве он несет ответственность за слабость, двуличность, беспринципность и бесплодность этой политики, вечно лавировавшей, вечно искавшей компромисса тогда, когда выход из положения мог заключаться только в отказе от компромисса, в решительности и определенности... Дипломатические представители союзников относились к Терещенко с гораздо большими симпатиями, чем к Милюкову. Его *souplesse* (гибкость. — *A. T.*), самая его светскость, отсутствие у него твердых убеждений, продуманного плана, полный дилетантизм в вопросах внешней политики, — всё это делало из него, при данных обстоятельствах, человека, чрезвычайно удобного... Роль его была для него столь же не по плечу, как и для большинства прочих министров»³¹. В донесении от

6 (19) мая М. Спалайкович указал те же причины замены министра (поиск более гибкого человека), хотя и с бóльшим оптимизмом, чем *post factum* писал В. Д. Набоков: «...Милукова обвиняют, его бестактность, личную амбициозность и доктринерство»³². Несмотря на усиление власти А. Ф. Керенского М. Спалайкович проявил недостаточную прозорливость, дополнявшуюся чрезмерным оптимизмом: «...программа внешней политики остается старой... кадеты подготовят почву для установления конституционной монархии... уже чувствуется движение, кто за Николая, кто за Михаила. Последним будет кандидат всех умеренных. Революционеры уже проиграли»³³.

Этот нарочитый оптимизм нередко чередовался с чувством глубокой депрессии и разочарования. Проблемы с русской армией (нехватка дисциплины и отсутствие мотивации продолжать войну), возникшие вследствие Февральской революции, стали очевидны сербским дипломатам уже месяц спустя после установления Временного правительства. Это засвидетельствовало донесение сербского посланника из Петрограда от 25 марта (7 апреля) 1917 г.³⁴ В первые мгновения после переворота сербский посланник, как и многие другие союзные дипломаты, пытался заниматься самообманом, стремясь отыскать в резолюциях собраний революционных солдат следы надежды на победоносный исход войны. Например, в донесении от 2 (1) апреля 1917 г. М. Спалайкович с особым упованием писал, что «солдаты Петроградского гарнизона приняли резолюцию о продолжении войны до победы, так как сепаратный мир был бы позорным и предательским по отношению к союзникам и к обязательствам восстановить свободу Польши из русских и немецких земель... Делегат Царскосельского гарнизона сообщил представителям рабочих, что гарнизон... требует от рабочих не болтать лишнего и работать на фабриках... В Москве был митинг... который принял резолюцию о полном доверии Временному правительству и что война должна окончиться поражением немецкого милитаризма. Идея о восьмичасовом рабочем дне признана несвоевременной...»³⁵

Распад и деградация российского государственного и воинского устройства становились всё очевиднее и всё более волновали сербских дипломатов. «В русской провинции развивается анархия. В Минске солдаты и толпа разбили магазин спиртного, напились, палили и уничтожали всё. В пригороде всё горит. Погромы угрожают захватить всю Россию, последствиями будет анархия и голод. Отчаяние всё больше», – сообщал М. Спалайкович 4 (17) мая³⁶. Через две недели, 18 (31) мая, он отмечал: «...анархия в идеях и поведении

продолжается, и конца ей не видно... В провинции участились грабежи, в особенности алкоголя, поджоги и изнасилования, а властей или нет, или они бессильны»³⁷. И наконец 19 мая (1 июня), глядя на русскую революцию, сербский посланник в невыразимом отчаянии восклицал: «Во всей России ничего не делают и только говорят. Никакие доводы не могут подвинуть эту некультурную, анархичную и податливую массу на продолжение войны. Ожидается спасение только от интервенции союзников... Почти все магазины закрыты, так как служащие требуют невероятных зарплат, а рабочие хотят самого фантастического питания и шестичасовой рабочий день. Агитаторы подлизываются к гнусным страстям толпы и распространяют самые лживые утопии. Русской революцией заправляют враги, которые хорошо защищают себя от того, чтобы революция не перешла на их территорию»³⁸.

Сообщение прибыло лишь месяц спустя после февральских событий, было крайне размытым и скорее относилось к вымышленным связям немцев и левых элементов в Петросовете. Стоит напомнить, что первую русскую революцию 1905 г. в сербском обществе дипломаты и журналисты синхронно и достаточно быстро связали с действиями «иностранного фактора»: от предположения о финансировании из-за границы нелегальных организаций дошли до манипуляций сообщениями английской, австрийской и немецкой печати³⁹. Понятно, что в условиях войны из-за прямой зависимости от всемогущих союзников явно говорить о роли внешних сил (прежде всего Англии) в подготовке февральского переворота было невозможно. Исключением были лишь осторожные замечания о роли англичан в Февральской революции, которые делал в своем дневнике сербский дипломат в Лондоне Й. Йованович-Пижон⁴⁰. Тем более убого выглядят донесения сербских официальных лиц, их дневниковые заметки и сообщения сербской официальной прессы о влиянии на Советы вообще и на большевиков в частности немцев и евреев, которые под их пером совершенно невероятным образом объединялись в фантастический заговор «евреев немецкого происхождения»⁴¹. Негативное отношение сербских официальных представителей к Советам объяснялось их сомнениями в боевом настрое широких народных масс, представителем которых объявили себя члены Петросвета. Демагогические призывы о святом долге перед союзниками всё меньше могли вдохновить русский народ, уставший от войны, смысл которой становился всё более туманным. Даже призывы помочь «Сербии, которая не потеряла веру в Россию и русский народ» в выступлениях М. Спалайковича были

очень прозрачными, учитывая то, что произносились эти призывы в обществе союзных дипломатов: посла США, французского атташе ВМФ, английского полковника и бельгийского министра⁴². Русские газеты могли, к радости сербских дипломатов, писать трогательные статьи о патриотизме Черноморского флота, который «первым в 1905 г. поднял знамя свободы, а сейчас решительно восстал против анархии и мира любой ценой», но в солдатские массы эти призывы проникали с трудом.

В апреле-мае 1917 г. на русско-германском фронте действовало, по мнению сербских дипломатов, фактическое перемирие (исключением стало немецкое наступление на Стоходе)⁴³. Взволнованный М. Спалайкович в донесении от 4 (17) мая 1917 г. констатировал: «Немцы крайне педантично воздерживаются от любых активных действий»⁴⁴. С возмущением сербский военный посланник сообщил сербскому правительству, что в конце мая 1917 г. принц Леопольд Баварский, главнокомандующий немецкими войсками на Востоке, и его австрийский коллега барон Франц Рор фон Дента неоднократно обращались к русским командующим противостоящих частей с предложениями о начале переговоров о перемирии или мире⁴⁵. Аналогичную информацию сообщала и официальная газета «Српске новине», опиравшаяся на слухи, почерпнутые из печати союзников⁴⁶.

В июле 1917 г. немецкий Рейхстаг официально заявил о желательности мира без аннексий и контрибуций⁴⁷. В условиях революционных беспорядков и линии фронта, удаленной от Центральной России, это предложение объективно соответствовало интересам государства и народа России, но противоречило интересам «союзников», которые нуждались в скорейшем возобновлении бойни на Востоке.

Необходимость максимальной отсрочки продолжения боевых операций ненужной России войны понимали даже люди, которые еще недавно якобы ради усиления боеспособности страны активно участвовали в заговоре против царя⁴⁸. В письме от 12 (25) марта 1917 г. на имя военного министра Александра Ивановича Гучкова генерал Михаил Васильевич Алексеев писал, что «вследствие всего пережитого и неусвоенного еще умами офицеров и солдат» русская армия не может выполнить «своих обязательств перед союзниками». «Дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их <...> В ближайшие 4 месяца наши армии должны были бы сидеть покойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба, операции». Дальнейшее участие в

активных боевых действиях Россия могла принять лишь в случае успешного восстановления армии⁴⁹.

Вынесенные на поверхность властной пирамиды революционные демагоги должны были несмотря на всё это укреплять свои позиции ускоренным выполнением всех требований союзников. После назначения А. Ф. Керенского на должность военного министра он активизировал пропаганду в пользу ускоренного наступления. Представителям сербской армии тяжелое положение русской армии было более чем ясным, что видно уже в донесениях с конца марта – начала апреля, пока военным министерством руководил А. И. Гучков⁵⁰. Во время официального приема союзных офицеров 2 (15 апреля) министр А. И. Гучков попытался объяснить причину, по которой наступление откладывалось, резюмируя итоги заседания следующими словами: «...положение правительства критическое... каждый русский должен быть приверженцем войны до геройской победы, но сегодняшняя чрезвычайная ситуация может помешать тому, чтобы это общее желание осуществилось», попросив помощи и понимания союзников⁵¹. Эту помощь, которая, по словам самого А. И. Гучкова, должна была состоять в поддержке Временного правительства и уменьшении давления на него, союзники оказывать не спешили. С большим удовлетворением они восприняли замену более осторожного А. И. Гучкова на А. Ф. Керенского (5/18 мая), который вскоре сменил и генерала М. В. Алексева (22 мая / 4 июня) на более податливого к пожеланиям правительства генерала Алексея Алексеевича Брусилова, который был Верховным главнокомандующим во время неудачного июльского наступления.

Сербские дипломаты, как и другие союзники, воспринимали возвышение А. Ф. Керенского как могущего обеспечить наступление, столь необходимое союзникам⁵². Сербский военный агент, глава сербской военной миссии в России полковник Бронислав Лонткиевич, как и остальные союзники, рассматривал наступление русской армии как выполнение ее «обязательств перед союзниками», для которого «русское верховное командование сделало всё возможное»⁵³. За месяц до наступления Б. Лонткиевич, который уже называл приблизительную дату наступления, оценивал его перспективы без особых иллюзий: «...хотя и делается всё возможное для улучшения ситуации в войсках, хотя и много сделано, я всё еще пессимистично смотрю на будущее наступление русской армии»⁵⁴. Даже накануне июльского наступления (начавшегося 16/29 июня) в донесении от 29 мая (11 июня) Б. Лонткиевич не утратил своего пессимизма (или

реализма) в оценке авантюры А. Ф. Керенского: «...будет ли наступление успешным, предвидеть пока невозможно»⁵⁵. Интересно, что материальную базу (унаследованную из дореволюционных времен) в сообщении от 10 (23) июня сербский военный атташе оценил как «отличную, а особенно артиллерию»⁵⁶. С другой стороны, вследствие февральского переворота и его последствий «моральное состояние артиллерии, кавалерии, саперных и технических частей» в донесении от 15(28) июня Б. Лонткиевич оценил как минимально годное («удовлетворительное»), а в пехоте отметил «раздор и нестроение, из-за чего тяжело дать прогноз» на будущее⁵⁷.

При столь малых шансах на победу без какой-либо серьезной причины (кроме внешнеполитического давления «союзников») русская армия была безжалостно брошена в кровавую и бессмысленную бойню. После первых успехов начались большие потери в наступающих частях⁵⁸, вследствие чего уже 22 июня (5 июля) в некоторых русских пехотных полках стали наблюдаться отказы переходить в наступление⁵⁹. Русские войска столкнулись с упорным сопротивлением, а затем и контрнаступлением, вследствие чего военный министр А. Ф. Керенский (вне традиций и обычаев русской армии) попытался поднять ослабевший боевой дух ударных корпусов⁶⁰. Наконец, 23 июня (6 июля) сербский посланник сообщил сербскому Верховному командованию о том, что «много полков из ударных корпусов отказались идти вперед, даже в гвардейском корпусе, на который были особые надежды, три полка отказались идти в наступление»⁶¹.

Несмотря на все эти явные предзнаменования неуспеха, несмотря на то что войска VIII армии под командованием Л. Г. Корнилова пробивались вперед без всякой надежды на то, что их будут прикрывать с фланга, генерал Брусилов выражал в разговорах с представителями военного атташата «оптимистический взгляд на обстоятельства»⁶². В донесениях от 7 (20) и 8 (21) июля Б. Лонткиевич оповестил сербское Верховное командование о прекращении наступления и о начавшемся в ответ немецком контрнаступлении. Причиной этому было то, что «на фронте XI армии некоторые полки совсем оставили свои позиции и никого об этом не оповестили. Это потянуло за собой и соседние части, так что неприятель, так сказать, без боя пробил Русский фронт»⁶³. В заключение своего донесения Б. Лонткиевич повторил вывод, который высказывал еще и до наступления: «...к сожалению, русские войска при таких условиях не представляли никакой угрозы для врага. Нужно в корне изменить принципы, которыми руководствуется сейчас русская армия»⁶⁴. Б. Лонткиевич

13(26) июля продолжил комментировать разложение российской армии, когда с фронта бежали уже не полки, а дивизии⁶⁵. Даже возвращение смертной казни в войсках ради укрепления дисциплины в конце июля 1917 г. Б. Лонткиевич оценил как запоздавшую меру, отметив, что «боевой дух у русских войск всё равно слаб»⁶⁶. Пошли прахом надежды на русское наступление, к которому готовились еще до революции и которое отложили на время смены власти после отречения царя, а потом и изгнания из власти всех сторонников послевоенного расширения Российской империи. Если военная, политическая и экономическая верхушки имели право нарушить присягу императору, то почему простой крестьянин в серой солдатской шинели должен был погибать в бессмысленной для него войне и хранить верность воинской клятве?!

Наступление русской армии более не могло принести результаты, которые бы оно дало, если бы не Февральская революция. Прославленный генерал Эрих фон Людендорф писал об этом неосуществившемся наступлении: «Я отнюдь не являюсь сторонником бесполезных обсуждений, но я всё же должен дать себе отчет в том, как сложилась бы обстановка, если бы русские в апреле или мае перешли в наступление и одержали хотя бы незначительные успехи. Мы оказались бы тогда, как осенью 1916 г., втянутыми в чрезвычайно тяжелую борьбу... Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май, то я с трудом себе представляю, как бы верховное командование вышло из создавшегося положения. В апреле и мае 1917 г., несмотря на одержанную победу на р. Эн и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели»⁶⁷.

Сербия была вынуждена сама искать спасения в сложившейся ситуации. Будущее Сербии больше не зависело от России, как это было накануне революции. Франция и Англия смотрели на Балканы со всё большей заинтересованностью, и это понимали на Балканах. Глава сербской военной миссии во Франции генерал М. Рашич весьма ясно сообщал из Парижа 14 (27) июля 1917 г. о природе этих перемен: «Русская беда очень усиливает интерес союзников к Балканам»⁶⁸. Сербский военный посланник в Англии также формулировал новое положение вещей в своем донесении в мае 1917 г.: «Изобилующие населением, деньгами и всеми другими средствами англичане не пропустят этого подходящего обстоятельства, чтобы уничтожить своего враждебного конкурента, а поэтому войну будут вести до победы. Мы не смеем ни на миг забыть, что Англия и сегодня, и в дальнейшем будет сильнейшим государством среди наших со-

юзников... Англичане... будут удерживать всех наших союзников в непрерывном усердии в начатой работе, и они будут главными регуляторами всей этой работы и ее направлений. То, что война закончится победой, – это их политический интерес, и, вне всякого сомнения, они приложат все свои неисчерпаемые силы, чтобы этот интерес удовлетворить, сейчас или никогда. Из-за такого положения вещей надо помнить о том, что англичане и после завершения боевых операций, когда начнутся переговоры о мире, будут самыми сильными, т.к. не будут истощены войной, как другие, и поэтому на этих конференциях их слово будет самым весомым»⁶⁹. Потеря покровительства России и необходимость переориентации на Англию и Францию заставила сербское королевское правительство пойти на компромисс с хорватами и словенцами, а точнее с действовавшим от их имени Югославянским комитетом. Составлявшие его либеральные интеллектуалы пользовались поддержкой единомышленников во Франции и Англии. В донесении из Парижа от 15 (28) июня Йован Йованович-Пижон сообщил сербскому правительству, что вследствие революции и ее последствий в России и немецкого стремления заключить мир без аннексий и контрибуций неизбежен пересмотр всех союзнических договоров, подписанных в ходе войны. Из-за этих обстоятельств Й. Йованович-Пижон порекомендовал сербскому правительству «подмазаться к союзникам» как можно более скорым подписанием договора с Югославянским комитетом⁷⁰.

Русская дипломатия, которая и до этого (особенно в своей более либеральной части) исходила из возможности создания общего государства южных славян на Балканах, фактически больше не влияла на развитие ситуации там. Царской России, которая в начале XX в. видела в будущем Западных Балкан большую роль Сербии, уже не существовало. По словам Николы Пашича, Югославия в той форме, в которой она была рождена в 1918 г., создавалась, «может быть, именно из-за отсутствия России на Балканах»⁷¹. Экстраполяция опыта русско-польских связей на рождающееся сербскохорватское государство больше не принималась всерьез в определении будущих отношений в новом многонациональном государстве. Польшу ожидало скорое освобождение, а предположения российских дипломатов о неизбежных проблемах в сосуществовании культурно различных сообществ в едином государстве были списаны на «реакционный характер покойной русской монархии».

Пока Сербия готовилась самостоятельно понять константы развития многонациональных государств в течение стремительного, на-

сыщенного событиями XX века, русский народ уже находился в горниле самого большого потрясения в своей новейшей истории. Временное правительство после его первой реконструкции (вследствие отказа от внешнеполитических требований по окончании войны) в начале июля 1917 г. потряс следующий большой кризис, связанный уже с распадом самого русского государства. На общем фоне безуспешных военных усилий и при активизации Советов революционный хаос начал разрушительно влиять не только на национальные окраины, но и на сердцевину русской государственности. Центральная украинская Рада, сформированная в апреле 1917 г. как одна из местных национальных организаций в Киеве (наравне с русской, польской, еврейской), всё активнее стала проявлять свои сепаратистские настроения. В мае-июне 1917 г. в Киеве создано двоевластие Киевского исполнительного комитета (включавшего представителей всех народов Киева) и Центральной Рады (которая опиралась на украинских националистов).

Неожиданно в этот конфликт вмешалось центральное правительство: в конце июня 1917 г. в город прибыли представители Временного правительства И. Г. Церетели и М. И. Терещенко и, к удивлению членов Киевского исполнительного комитета, подписали 1 (14) июля с Центральной Радой договор о создании автономной Украины, которая получила право на самостоятельное международное представительство и национальные воинские части. Все остальные народы Украины были низведены до уровня «национальных меньшинств». Видный активист еврейского движения и будущий член Центральной Рады (как представитель еврейского национального меньшинства) А. А. Гольденвейзер вспоминал об этих шокирующих событиях: «Помню тяжелое впечатление, которое произвело на меня то, с какой легкостью и быстротой “отвалили” Украине десяток губерний»⁷². Шок от этого договора, который подписали самозванные представители «русской демократии», вызвал кризис во Временном правительстве и выход оставшихся кадетов из правительства. Отрицательное восприятие этого договора населением хорошо иллюстрирует информация, которую сообщила газета «Српске новине»: осенью 1917 г. в обязательные начальные городские школы Киева из 5 тысяч учеников, записанных в первый класс, родители лишь 406 детей отказались от обучения на языке национального меньшинства и выбрали государственный язык – украинский⁷³. Для большинства населения юго-западных губерний России литературный украинский язык выглядел искусственной конструкцией австрийских чи-

новников, эти люди не могли и представить себе, что с лета 1917 г. на грядущие сто лет превратились в национальное меньшинство⁷⁴.

Стоит отметить, что трещины в основании империи почти не привлекали особого внимания официальных представителей Сербии в России⁷⁵. Лишь в последних строках сообщений из России в газете «Српске новине» появлялось: «Немецкая пропаганда среди украинцев» (20 июля), «Бессарабия требует автономии» (27 июля), «Признание грузинской церкви» (29 июля), «Резолюция поляков» (3 августа), «Решение финского парламента» (8 августа), «Ситуация в Финляндии» (15 августа), «Украинцы не хотят на московскую конференцию» (17 августа), «Письмо губернатора Финляндии» (17 августа), «Серьезная ситуация в Финляндии» (19 августа), «За автономию Сибири» (26 августа)⁷⁶. Понимание масштабов и направлений перемен в российской империи появилось в сербском дискурсе только к началу осени, когда в один ряд в передовице единственной сербской официальной газеты были поставлены «колоссальные события в России: отступление из Галиции и Буковины; падение Черновцов, падение Риги; акция и революция “большевиков” в Петрограде по поводу наступления; Кронштадтская Республика, Шлиссельбург; Украинская Рада, Финский Сенат; аграрный вопрос; провозглашение временных республик в Красноярске и Томске (Сибирь), в Переславле на Днестре; акции и беспорядки в Литве, в Белоруссии, в балтийских областях; акции и требования мусульманско-татарских двадцати миллионов жителей, движения грузинов, мигрелов, армян и других, национальные и сильные движения донских, оренбургских, уральских и амурских казаков и, наконец, азиатских россиян: хивинского ханства, сартов, киргизов и калмыков...»⁷⁷.

Новый подход к освещению национального вопроса в России предложил в рамках объемного экскурса «Проблемы русской революции» молодой сотрудник сербского МИД Божидар Пурич (1891–1977). Вероятно, в качестве образца он взял статьи из французской прессы, а слабое знакомство с темой восполнил юношеским задором и псевдоэнциклопедичностью, типичной для выпускников французских вузов. К украинским деятелям культуры он отнес не только Т. Г. Шевченко и В. Г. Короленко⁷⁸ с их украинскими фамилиями, но и уроженца Смоленщины М. И. Глинку, уроженца Вятского края П. И. Чайковского. Наконец, даже Н. В. Гоголя он отнес к украинской литературе, несмотря на то что великий Гоголь (в отличие от своего современника Т. Г. Шевченко⁷⁹) писал только на литературном русском языке, считая себя русским писателем Малороссии. В основной

части своего обзора украинского вопроса Б. Пурич утверждал, что правительство Украины «говорит от имени почти двух миллионов украинских солдат», которые воюют за Антанту. Перечисляя состав этого правительства, Б. Пурич называл В. К. Виниченко, М. И. Туган-Барановского, М. С. Грушевского, при этом не упомянув (не знал?) об их довоенных связях с Центральными державами (особенно у М. С. Грушевского, который получал зарплату университетского профессора в Австрии в 1894–1914 гг., а позднее даже был арестован в Киеве за деятельность в пользу Австрии)⁸⁰. Сербская печать по примеру английских и французских газет уделяла гораздо больше внимания контактам большевиков с Германией, чем спонсированию украинского национализма Австрией. Хотя связи лидеров украинских сепаратистов с государственными структурами Габсбургов были неоспоримы и подтверждались документами, в отличие от возможных связей большевиков с немецким Генштабом.

С восторгом оценил Б. Пурич действия Церетели и Терещенко в Киеве, так как «в получившей свободу» Украине «остальные народы будут справедливо представлены» в парламенте как национальные меньшинства. В его дипломатически выверенных высказываниях содержится упоминание о том, что, «согласно этому соглашению, неизвестно, ни каковы будут границы Украины, ни какое положение русских будет в ней», но все сомнения в связи с этим сербский дипломат провозгласил «совсем неуместными, так... как главное – это то, что в стране революция, а цель революции – это изменить известные общественно-правовые отношения и добиться новых прав»⁸¹.

Судьба подарила Б. Пуричу хороший шанс внимательнее посмотреть на революционные «изменения общественно-правовых отношений». Первый раз – во Владивостоке в 1919–1920 г., когда он пытался вынуть своих сограждан из водоворота Гражданской войны. И второй раз – в декабре 1943 г., когда его как главу югославского королевского эмигрантского правительства почти с тем же объяснением о революционных «изменениях в общественно-правовых отношениях» не приняли в качестве официального представителя советские дипломаты, которые готовились к установлению официальных связей с «главнокомандующим НОАЮ Тито»⁸².

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Кнох А.* With the Russian Army, 1914–1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attaché. V. 2. London, 1921. P. 576–577.
- 2 Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства Иностранных Дел. М., 1926. Кн. 1. С. 466–467.
- 3 Там же. С. 468.
- 4 Там же. С. 469.
- 5 Там же. С. 474.
- 6 Там же. С. 477.
- 7 Там же. С. 477.
- 8 *Игнатъев А.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 159–160.
- 9 Раздел Азиатской Турции: по секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924. С. 318.
- 10 *Игнатъев А.* Русско-английские отношения... С. 161; Из дневника Н. Н. Куропаткина. Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. 1927. № 1 (20). С. 67.
- 11 *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг.: общий стратегический очерк. М., 1924. С. 318–343.
- 12 *Кожин В. В.* Россия как цивилизация и культура. М., 2012; *Backes U., Kailitz S.* Ideokratien im Vergleich: Legitimation – Kooptation – Repression // Schriften des Hannah-Arendt-Instituts. Bd. 51. Dresden, 2013.
- 13 *Timofeev A., Živanović M.* Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13 – Could Report’s Authors and their Employers be Objective? // Токови историје. 2016. № 3. Р. 43–70.
- 14 *Милуков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1991. С. 361.
- 15 Избачен Милуков // Правда. 1913. 13.08. С. 3.
- 16 Руси о Милукову // Вечерње новости. 1913. 19.08. С. 1.
- 17 *Milyukov P.* The War and Balkan Politics, Russian Realities & Problems: Lectures Delivered at Cambridge in August 1916. Cambridge, 1917. P. 1–24.
- 18 Архив Србије. Министарство Иностраних дела. Политичко одељење (далее – АС. МИД ПО). 1917. Ф. VIII. Д. IX. Л. 925.
- 19 Там же.
- 20 Војни архив (далее – ВА). П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. Л. 324–327.
- 21 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 329.
- 22 Вероятно, речь идет о 7-м съезде партии кадетов 25–28 марта (7–10 апреля) 1917 г.
- 23 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 326.

24 Там же. Л. 335, 350.

25 Там же. Л. 350.

26 В 1916 г. в Петрограде проживали 2,41 млн жителей, в то время как население всей России составляло 179 млн человек. И Временное правительство, и Петросовет опирались лишь на аккламативную демократию. Петроград заплатил огромную цену за революционное опьянение, после революций и Гражданской войны его население сократилось в три раза: в 1920 г. в городе оставалось всего 0,74 млн жителей. Сравнения ради заметим, что за время Ленинградской блокады численность населения сократилась с 2,92 млн в 1940 г. до 0,92 млн в 1945 г. См.: Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник. Вып. 2. СПб., 2003.

27 *Федоров М. В.* «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» о выходе России из империалистической войны в марте-апреле 1917 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14.

28 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 350.

29 *Гайдар А. П.* Обыкновенная биография // Октябрь. 1929. № 4–7.

30 За высказывания в защиту русских претензий на Царьград лидер кадетов П. Н. Милюков должен был и в эмиграции оправдываться перед своими единомышленниками. См.: *Милюков П. Н.* Мое отношение к последней войне // Последние Новости. Париж. 1924. № 1309. 1 августа. С. 2–3.

31 *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 46–47.

32 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. V. Л. 371.

33 Там же.

34 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 303.

35 Там же. Л. 325.

36 Там же. Л. 369.

37 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. V. Л. 383.

38 Там же. Л. 384.

39 Догађаји у Петрограду // Самоуправа. 1905. 11 јануара. С. 1; Немири у Петрограду // Политика. 1905. 13 јануара. С. 2; У Петрограду се сматра да су радници добили новац од Енглеза и Јапанаца // Трговински гласник. 1905. 16 јануара. С. 2.

40 *Јовановић П. Ј.* Дневник (1896–1920). Београд, 2015. С. 251–253.

41 ВА. П. 16. К. 44. Ф. 1. Д. 12. С. 143–144, 340; Руски «Совјет». Господарство Немаца // Српске новине. 1917, 4 новембра. С. 2.

42 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. V. Л. 374.

- 43 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 22. 1917. година. Београд, 1932. С. 72.
- 44 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. IV. Л. 369.
- 45 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 23, 1917. година. Београд, 1933. С. 84–85.
- 46 Непријатељске интриге према Русији // Српске новине. 1917. 25 маја. С. 3.
- 47 *Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I.* Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Schöningh. Paderborn, 2009. S. 376, 385, 437, 465, 511.
- 48 Показательно, что и сам П. Н. Милуков через десять лет после революции выразил разочарование в этой войне, которая шла «не из-за русских интересов», а исключительно из «оборонительных причин». См.: *Милуков П. Н.* Мое отношение к последней войне // Последние новости. Париж, 1924. № 1309. 1 августа. С. 2–3.
- 49 Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 28–30.
- 50 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 21: 1916 и 1917 година. Београд, 1931. С. 727, 755, 785, 791–792.
- 51 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 22: 1917 година. Београд, 1932. С. 35–37.
- 52 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. V. Л. 378.
- 53 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 22: 1917 година. Београд, 1932. С. 177.
- 54 Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца: 1914–1918 г. Књ. 23: 1917 година. Београд, 1933. С. 61.
- 55 Там же. С. 195.
- 56 Там же. С. 286.
- 57 Там же. С. 324.
- 58 Там же. С. 336.
- 59 Там же. С. 352.
- 60 Там же. С. 368.
- 61 Там же. С. 389.
- 62 Там же. С. 396.
- 63 Там же. С. 485.
- 64 Там же. С. 485.
- 65 Там же. С. 508.
- 66 Там же.
- 67 *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 381.
- 68 Там же. С. 513.

- 69 Там же. С. 147–157.
- 70 Дипломатска преписка српске владе 1917: Збирка докумената. Београд, 2002. С. 42.
- 71 *Krivokapić G.* Rusija u Pašićevom projektu spoljnopolitičke orijentacije nove jugoslovenske države u jesen 1918. godine // Tokovi 1–2. Београд, 1993. С. 5–11.
- 72 *Гольденвейзер А. А.* Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 176–181.
- 73 Љубав Украјинаца према мађушки Русији // Српске новине. 1917. 21 октобра. С. 3.
- 74 Природу «украинского национализма» периода Гражданской войны пластично описали идеологически противостоявшие русские писатели, происходившие родом из южных губерний Российской империи – М. А. Булгаков («Белая гвардия») и Н. А. Островский («Как закалялась сталь»).
- 75 АС. МИД ПО. 1917. Ф. IX. Д. V. Л. 405.
- 76 Српске новине. 1917. Јул-август.
- 77 Догађаји у Русији // Српске новине. 1917. 2 септембра. С. 1.
- 78 Мать Короленко, Эвелина Иосифовна, была полькой, и польский язык был в детстве для Владимира родным.
- 79 Детальную литературную и психологическую характеристику Т. Г. Шевченко см.: *Бузина О.* Вурдалак Тарас Шевченко, или Поддельный Кобзарь. Київ, 2009.
- 80 О большевиках «как агентах кайзера», которые прибыли в plombированном вагоне в Россию, а также о конкретных «связях» В. И. Ленина и А. М. Колонтай с немецкой разведывательной службой см.: Дипломатски преглед // Српске новине. 1917. 9 маја. С. 1; Русија. Ухапшена немачка шпијунка // Српске новине. 1917. 2 јула. С. 2; Побуна изазвана немачким новцем. Ленин и његови другови плаћени агенти Немачке. Бегство Лениново из Петрограда. Ред и мир у престоници // Српске новине. 1917. 11 јула. С. 2.
- 81 Проблеми руске револуције 2. Финско и украјинско питање // Српске новине. 1917. 2 септембра. С. 1.
- 82 *Тимофејев А.* Црвени и бели: руски утицај на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2014. С. 256–258.

A. Yu. Timofeev

«The Great Russian revolution brought a lot of evil»: the disappointment of the Serbian elite in the Provisional government in spring and summer of 1917

The author analyzes the attitude of official Serbia towards the activities of the Provisional Government and the results of the February revolution. The study is based on archival documents and extensive historiography. The small Kingdom of Serbia treated the Russian Empire as the most important Serbian ally on the eve and during the First World War. After the occupation of Serbia in 1915, the Serbian government and army retreated and tried to restrain the offensive of the Central Powers on the Salonica Front together with other allies. Therefore, Russia's policy in the Balkans was of enormous importance to Serbia. The decision of the Provisional Government to abandon Constantinople frightened the Serbian elites. The fall of the fighting efficiency of the Russian army also made the Serbian government worry. The deceptive charm of revolutionary achievements soon disappeared in the minds of Serbian diplomatic and military representatives in Russia and was replaced by the anxious expectation of an imminent catastrophe, which they had to cover by ostentatious and groundless optimism.

Keywords: Russian-Serbian relations, the February Revolution, the Provisional Government, the First World War, Pavel Nikolayevich Milyukov, Alexander Fyodorovich Kerensky, Nikola Pašić.

Е. П. Серапионова
(Москва)

Чешская левая печать о русской революции 1917 г. и ее последствиях

В статье сравниваются позиции чешских левых и левоцентристских партий в отношении революционных процессов в России в 1917 г., оценка ими февральских и октябрьских событий. Кроме того автор рассматривает эволюцию взглядов лидеров этих партий в отношении СССР спустя 20 лет. В качестве основного источника использованы материалы партийной прессы.

Ключевые слова: *Русская революция 1917 г., чешские социал-демократы, национальные социалисты, оценки российских революционных событий в 1917 и в 1937 гг.*

Целью настоящей работы является сравнение реакции со стороны чешских левых на революционные события в России в 1917 г. и оценки ими этих же событий 20 лет спустя.

В 1917 г. левое направление чешской политики представляли в основном Чешская социал-демократическая партия в Австрии (централисты), Чешская национально-социальная партия (национальные социалисты) и Чехославянская социал-демократическая рабочая партия (автономисты). Все они ставили своей задачей построение социалистического общества, но стратегия и тактика при этом у них резко отличались. Централисты отдавали приоритет классовой борьбе и достижению власти, считая разрешение национальных проблем вторичным. Национальные социалисты, наоборот, полагали, что прежде всего надо бороться за решение национального вопроса, завоевание независимости, а уже потом решать социальные проблемы. Автономисты находились между этими крайними полюсами, нередко занимая противоречивые позиции по национальному вопросу¹.

Так как чешские социал-демократы (и централисты, и автономисты) в то время уже выступали за скорейшее заключение мира, мира без аннексий и контрибуций, то известие о Февральском перевороте в России было воспринято ими положительно ввиду того, что он, по их мнению, должен был ускорить окончание войны. В социал-демократической прессе говорилось, что русское восстание является революцией за мир.

Самые первые сообщения о революционных событиях были неточны и противоречивы, но уже 1 марта 1917 г. чешская пресса довольно подробно описывала восстание в Петрограде, указывая, что беспорядки произошли из-за нехватки продовольствия на фоне усилившихся антивоенных настроений в стране. Обращалось внимание на то, что восставшим удалось одержать победу очень быстро и почти бескровно, так как армия встала на сторону восставших и поддержала отречение от престола императора Николая II. Это как раз отвечало концепции чешской социал-демократии о ненасильственной революции. Печатный орган центристов «*Dělnický deník*» писал по этому поводу: «Существует мнение, что революция должна быть кровавой и насильственной. Наоборот, революция вообще не должна быть кровавой. Война – всегда кровопролитие. Революция – это быстрый переворот. И настоящие революционеры должны стремиться, чтобы он проходил без кровопролития. Главное – изменение общественных отношений, а насилие как средство достижения этого менее всего желаемо. Всегда предпочтительнее добиваться переворота иными средствами»². Основные достижения февральской революции чешские социал-демократы видели в установлении демократии, провозглашении республики, введении гражданских свобод³. Они хоть и приветствовали свержение царизма, но как позитивный момент специально отмечали, что лично царю и его семье опасность не угрожала⁴.

Введение 8-часового рабочего дня дало основание чешской рабочей печати трактовать февральские события как не только политический переворот, но и успешную попытку социальных преобразований. Чешские социалисты были едины с либералами в положительной оценке февральских событий в России, они указывали на огромное значение победы революции для всей Европы, для роста влияния левых сил⁵.

Непосредственные отклики чешских левых на октябрьские события в России не были столь однозначны и отличались разнообразием. Уже 8 ноября 1917 г. «*Dělnický deník*» опубликовал статью известного немецкого социолога М. Вебера, посвященную анализу развития революционных событий в России от Февраля к Октябрю. В статье Вебер утверждал, что крестьяне в России ввиду нерешенности земельного вопроса и сохранения крестьянской общины по своей сути являются сплошь революционерами и социалистами. В отличие от чешских земель, где между рабочими и аграриями ведутся нескончаемые споры и существует политический раздел, россий-

ские крестьяне вместе с промышленным пролетариатом – истинные носители революционности. Внимания заслуживает мысль Вебера о том, что главный враг русской революции – война и, чем дольше она длится, тем больше шансов, что к власти в России придет какой-либо диктатор и заключит мир⁶.

С наибольшей симпатией октябрьский переворот встретили централисты. Особые восторги у них вызвал Декрет о мире. Председатель партии Э. Буриан, главный редактор газеты «Dělnický deník» Р. Мерта обвиняли буржуазную прессу и издания автономистов в замалчивании истинных событий в России и брали на себя защиту этого политического переворота от любой критики, хотя сами не располагали точной информацией, а в основном, особенно на первых порах, перепечатывали сведения из иностранной печати.

Централисты высоко оценивали и Декрет о земле, отмечая при этом, что он привел к повороту в настроениях крестьян, которые до того поддерживали правых эсеров и центр, а после его провозглашения стали симпатизировать левым эсерам, связанным с большевиками⁷. Централисты допускали возможность развертывания гражданской войны, но склонны были обвинять в обострении внутренней обстановки скорее либералов и меньшевиков, но не большевиков. Они несколько наивно полагали, что большевики выступили против Временного правительства, чтобы добиться скорейшего созыва Учредительного собрания, а также выражали надежду, что в России установится совместная власть всех социалистических партий⁸. Их положительное восприятие октябрьского переворота, скорее всего, было связано с недостатком информации о конкретной ситуации в России, расстановке политических сил, целях и задачах партии большевиков, а также их методах революционной борьбы. Они оказались в плену деклараций о мире, земле, свободах и равенстве, которые до конца так и не были воплощены в жизнь.

Более сдержанную позицию в отношении октябрьских событий заняли, как это ни странно, автономисты во главе с будущим главой КПЧ Б. Шмералем. 9 ноября партийный орган, газета «Pravo lidu» писала о перевороте как о «всеобъемлющей и многоликой борьбе за власть, борьбе за демократию и против нее, борьбе одних – за выход из хаоса, борьбе других – против демократии»⁹. Как положительный момент опять отмечалось, что переворот в Петрограде не был кровавым. Причины переворота воспринимались ими как результат конфликта военного командования и Временного правительства с советами рабочих и солдатских депутатов. По их мнению, переворот

был направлен против А. Керенского, в котором большевики видели потенциального диктатора. Автономисты полагали, что власть большевиков вряд ли установилась надолго, а потому занимали осторожную выжидательную позицию. Кроме того, большинство автономистов опасалось, что события в России негативно скажутся на решении чешского вопроса.

Теоретические представления автономистов о революции совершенно не соответствовали страшной картине насилия, царившего в России. «Pravo lidu» указывала, что к середине ноября в России уже существовали по крайней мере пять правительств, шла гражданская война. Взаимное недоверие, насилие, террор и диктат использовались враждующими сторонами в невидимых ранее масштабах. Автономисты не могли согласиться с актами мщения и убийства, грабежами общественных и правительственных зданий, поджогами дворцов – всем тем, что происходило тогда в России, к тому же в условиях продолжавшейся войны, когда миллионы людей и так гибли на фронтах и в тылу. Октябрьская революция воспринималась этой частью чешской социал-демократии скорее как «антипример».

Партия автономистов уже не была едина. Оппозиция Шмералю, шедшая за Ф. Модрачком, заняла наиболее непримиримую позицию в отношении большевистского переворота. Сам Модрачек полагал, что в отличие от всех прежних победивших революций, которые произошли в результате укрепления военной силы, октябрьский переворот означал лишь «завершение разложения военной власти и дезорганизации политической жизни в стране». Он подчеркивал, что октябрьский переворот ставит судьбу России в зависимость от узких интересов одной партии, которая опирается на нежелание населения и армии продолжать войну. Большевизм он охарактеризовал как определенный тип слепоты. Тактику большевиков Модрачек называл «безудержным доктринерством и безоглядной демагогией», говоря, что большевики используют в своих целях все «материальные устремления и слабости масс в ущерб государству».

Он предсказывал, что «если большевистское правительство не будет вовремя отстранено, то Россия перестанет на долгое время играть какую-либо роль в мировой истории». Модрачек считал, что русская революция не имеет опоры в массах, и отсюда делал неверные выводы о том, что победа в Гражданской войне будет на стороне антибольшевистских сил и русская революция не окажет никакого влияния на послевоенную Европу. Но он оказался прав в том, что, даже если большевики и заключат сепаратный мир с центральными

державами, этим война не закончится. Государство, находящееся в развале и не имеющее военного значения, по его мнению, не будет приниматься во внимание и играть роли в преобразовании Европы после войны. Выступая на страницах рабочей печати от имени своих сторонников, Модрачек заявил: «Мы – чешские социал-демократы – не большевики и большевиками не будем. Мы никогда в условиях опасности не будем вонзать кинжал в грудь народа»¹⁰. Именно так он оценивал предательскую по отношению к национальным и государственным интересам военную политику большевиков. Несмотря на все эти различия в оценках октябрьского переворота со стороны чешской социал-демократии, ни для одного из ее направлений путь большевиков не являлся непосредственным примером для подражания. Никто не помышлял об использовании большевистского опыта на чешской почве.

Еще менее общего имели представления о социализме национальных социалистов и большевиков. Резолюция состоявшегося в декабре 1917 г. съезда этой партии свидетельствовала о ее значительном полевении, в резолюции говорилось о стремлении к коллективному производству, признавалась классовая борьба и необходимость согласованных международных акций. Вместе с тем национальные социалисты понимали социализм как философскую теорию, способную опираться на чешскую традицию и реализовывать идеалистические устремления к совершенствованию человека, улучшению условий его жизни, избавлению его от угнетения. Экономическое предпринимательство должно было сочетаться с самоуправлением рабочих коллективов. Зародыши социалистического общества национальные социалисты видели в профсоюзном и кооперативном движениях. Тактикой, которую они избрали, стала национальная солидарность всех классов и слоев общества для достижения общенациональной задачи обретения государственной независимости.

В 1918 г. в связи с поражением Австро-Венгрии в Первой мировой войне и ее распадом образовалась Чехословацкая республика. Это было демократическое государство, где продолжали действовать левые партии – национальных социалистов, социал-демократов, а с 1921 г. и коммунистов¹¹.

Лишь в 1934 г. Чехословакия официально признала СССР, а в 1935 г. заключила с ним союзнический договор. Мы привыкли говорить о том, что имидж СССР в странах Восточной Европы, в том числе и в Чехословакии, многократно улучшился, а влияние возросло в связи с победой во Второй мировой войне, но, как свидетельствуют

документы, и во второй половине 1930-х гг. восприятие Страны Советов, по крайней мере у части чехословацкого общества, было весьма положительным. В обзоре чехословацкой прессы, отправленном в Москву из советского посольства в Праге и посвященном 20-летию Русской революции, ее оценки весьма позитивны, акцент сделан на достигнутых СССР за прошедшее двадцатилетие успехи. Это, конечно, может объясняться выборкой работников посольства: по случаю юбилея отбирались, понятно, отзывы левой печати (и, по закону юбилейного жанра, положительные)¹². Но этим позитивные отзывы чехословацкой печати 20 лет спустя можно объяснить лишь отчасти, так как выше приводились примеры оценок также левой печати в 1917 г., но достаточно критические.

Вероятно, сказались, с одной стороны, советская пропаганда, а с другой – действительно достигнутые СССР за эти 20 лет успехи. «Prager Presse» от 6 ноября 1937 г. опубликовала статью чехословацкого пресс-атташе в Москве Мельча под названием «Баланс Советов». В ней указывалось, что «промышленное производство СССР занимает 1-е место в Европе и 2-е место во всем мире». Отчасти там же оправдывались политические процессы, говорилось, что борьба против троцкистов и вредителей «ведется такими средствами, которые приняты в революционное время»¹³. Хотя ранее чехословацкая пресса, включая и левую печать, довольно подробно освещала политические процессы в СССР и высказывалась по этому поводу резко негативно. Так, например, по поводу репрессий, последовавших вслед за убийством Кирова, «Social-Demokrat» (25.XII.1934 г.) писал: «Москва делает всё, чтобы в своих правящих методах приблизиться к гитлеровской Германии... Считаем всю комедию с до сих пор неосвещенным покушением на Кирова демагогическим маневром правителей. Гнусно смотреть, как та клика, которая когда-то ползала в пыли перед Зиновьевым, лизала ему сапоги, теперь заседает в суде над изгнанным бывшим божком»¹⁴.

Бывший чехословацкий посланник в Москве Б. Павлу опубликовал в газете словацкого крыла аграрной партии «Slovenský Deník» (Братислава) передовицу, где перечислял все экономические и культурные достижения СССР и заявлял, что «прогресс СССР во всех отраслях огромный и он шагает твердо к лучшему будущему»¹⁵.

К тому же большое значение имело и международное положение – угроза, нависшая над Чехословакией, и заключенный с СССР союзнический договор. Тот же автор продолжал: «Внешняя политика

СССР является большой опорой демократических режимов в Европе, и Чехословакия может только пожелать дальнейшего укрепления советской экономики и огромной военной силы его [СССР. – *Е. С.*], которая служит делу защиты международного мира».

7 ноября 1937 г. «Prager Presse» опубликовала статью Ярослава Папоушка под заголовком «XX лет СССР», в которой подчеркивалась политика мира, проводимая СССР в сталинскую эпоху, сближение Советского Союза с Лигой Наций и его готовность сотрудничать с государствами, заинтересованными в сохранении мира для организации коллективной безопасности. Там же особо отмечались дружественные отношения Чехословакии и СССР. В статье Кубки в том же номере рассказывалось о советской литературе, ее развитии от романтизма и формализма к социалистическому реализму, сообщалось, что 1937 г. объявлен «пушкинским годом».

Газета национальных социалистов «České Slovo» от 7 ноября 1937 г. опубликовала передовую статью Йиржи Бенеша под заголовком «Государство Сталина». В ней было много перекличек со статьями Мельча и Папоушка. В частности, Бенеш отмечал укрепление международного положения СССР: «Советский Союз, 20 лет тому назад не ставший колонией европейских великих держав только потому, что великие державы были слишком заняты своей собственной войной, в сталинскую эпоху стал сам великой державой и совместно с другими великими державами решает вопросы мира или войны в Европе». Московский корреспондент левых взглядов был полностью в плену у сталинской пропаганды и вставал на сторону советских властей и по вопросам политических процессов. Он писал: «Казнь троцкистов и вредителей является казнью тех, которые дезорганизовали армию, уничтожили заводы, организовали катастрофы на железных дорогах и которые являются преступниками, договаривавшимися о своих преступлениях с заграничным врагом для того, чтобы ослабить государство и вовлечь его в новую войну». При этом Бенеш добавлял, что «средства, которыми советская страна чистит государство, суровы, но необходимы». Заканчивалась статья Й. Бенеша призывом понять, что «русский народ принес огромные жертвы не только для себя, но и для нас (чехов и словаков. – *Е. С.*)». «Мы должны понять, – продолжал он, – что борьба русского народа за свой мир и за свою лучшую жизнь является борьбой и за нас и за наших детей»¹⁶.

Газета опубликовала также положительные статьи Яна Славика о 20-летней истории СССР, Антонина Хоудека о Красной армии как

о «самой большой армии мира», Алоиса Гатины о борьбе СССР за здравоохранение народа, в которой утверждалось, что СССР в деле обеспечения детей и матерей перегнал самые культурные страны мира, а также статью Йозефа Горы о советской литературе. Национальный социалист О. Вюнш в газете профсоюза железнодорожников «*Železniční Listy*» писал о значении советско-чехословацкого пакта как союза не только государств, но и народов двух стран, подчеркивая, что в случае войны каждый из них может положиться на другого»¹⁷.

Лев Сыхрава в передовой легионерской газеты «*Národní Osvození*» также писал об искренней дружбе и передавал СССР наилучшие пожелания в связи с юбилейной датой от «всех сознательных чехов»¹⁸.

Орган социал-демократов газета «*Pravo Lidu*» в связи с 20-летним юбилеем Русской революции поместила передовую Яна Ванека «20 лет СССР», в которой автор утверждал, что «СССР преодолел свою первоначальную изоляцию во внешней политике и своим экономическим развитием завоевал себе первоклассную позицию в мире». «Социалисты убеждены, – продолжал он, – что сотрудничество могучего Советского Союза с демократической Европой необходимо. Они желают СССР и его народам, чтобы он стал еще могущественней для того, чтобы служить еще большей гарантией для единого неделимого международного мира».

Та же газета опубликовала и большую статью Милоша Ванека о 20-летней истории СССР, и, как указывалось в обзоре, «несмотря на некоторые враждебные места, он в конце признает, что индустрия СССР до сих пор являлась препятствием войне и что можно надеяться, что она и в будущем будет служить международному миру»¹⁹.

«*Večerník Pravo Lidu*» на своих страницах разместил статью Мартинека, в которой говорилось, что «СССР в сталинскую эпоху уничтожил экономическую основу капитализма в стране и создал фундамент социалистической экономики. СССР сталинской эпохи стал одной из самых крупных промышленных стран мира на основе социализма. Он перешел на новую внешнеполитическую линию и стал союзником Чехословакии. Как социалисты и чехословаки мы имеем совсем другое отношение к сталинскому СССР, чем к силам, существовавшим до сталинского коммунизма, которые расколом рабочего класса в Европе подготовили путь к фашизму». Далее Мартинек писал, что СССР к своему 20-летию проводит «демократизацию ведущей партии СССР», и добавлял, что «партия Сталина стала но-

вым типом рабочей партии, дающей предпосылку для согласия обоих крыльев рабочего движения в международном масштабе»²⁰.

8 ноября 1937 г. провинциальная социал-демократическая газета «Hlas Lidu» (Простеев) опубликовала передовицу члена исполкома II Интернационала Йозефа Стивина, в которой говорилось, что если бы в России не было диктатуры пролетариата, то там была бы реакционная диктатура, «хуже царского режима»: «Вместо теперешней диктатуры класса трудящихся была бы там диктатура богатых классов. Для нас нет вопроса, что лучше, так как третьей возможности нет»²¹. Далее в этой статье сравнивался фашизм и большевизм, причем автор был уверен, что большевистская диктатура всё же лучше, так как носит временный характер. «Мы должны, кроме того, считаться с тем, – писал он, – что в СССР в соответствии с духом марксизма-ленинизма диктатура будет только переходным этапом до того времени, когда в России всё будет построено на новой основе, в то время как фашистские диктатуры объявляют свое теперешнее состояние постоянным, т. е. вечными тысячелетними империями...»²² Стивин подчеркивал, что СССР и Чехословакию объединяет борьба за мир против блока фашистских государств, блока капиталистов, который направлен против рабочих не только СССР, но и всего мира. «Это новый этап классовой борьбы в теперешней всемирной социалистической революции, которая происходит на наших глазах со времени мировой войны», – заключал он.

Излишне говорить о том, что чехословацкая коммунистическая пресса 7 ноября посвятила все свои страницы 20-летию Великого Октября, поместила на первых страницах приветствие Коминтерна и ЦК КПЧ в адрес СССР²³.

Более умеренной и спокойной на фоне восторгов, похвал и поздравлений в связи с 20-летием русской революции была, пожалуй, независимая газета (близкая правящей группировке – Граду) «Lidové Noviny», которая 7 ноября 1937 г. поместила передовую статью Губерта Рипки. В ней известный журналист, сторонник Града, восхищаясь грандиозным русским социальным экспериментом, всё же не забывал о том, какими жертвами он сопровождался. Он писал: «...гигантский советский эксперимент показал, что капиталистическая система не единственно возможная. Русская революция подтвердила... возможность социалистической справедливости... Демократические государства должны многому научиться у Советского Союза. Революция Ленина встряхнула человечество. Но мы должны осуществить освобождение рабочих и крестьян не по его пути, дабы избежать больших жертв, но по пути осуществления гуманитарных идеалов Масарика»²⁴.

Таким образом, оценки русской революции со стороны левой печати в ЧСР через 20 лет после событий оказались более позитивными, чем непосредственно в 1917 г. Это представляется, на первый взгляд, удивительным, так как за эти 20 лет были опубликованы многочисленные работы первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика, который пробыл в России около года (с апреля 1917 г.) и мог непосредственно наблюдать за ходом событий того времени. Его отношение к большевизму и октябрьскому перевороту весьма и весьма критическое в отличие от позитивной реакции на февральскую революцию и свержение царизма. Масарик считал большевистский переворот кризисом русского общества и писал, что он не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с коммунизмом²⁵. В интервью редактору газеты «České Slovo» Беренде 5 октября 1932 г. Масарик, в частности, говорил: «Что касается большевизма и его будущего, то нельзя забывать, что руководители были и есть талантливыми, но то, что они делают, не было никогда коммунизмом, а только государственным капитализмом. Я это знаю из собственного опыта, потому что я был в 1917–1918 гг. в России. Большевизм в России был коммунистическим только в мелких и, по моему мнению, не основных вещах»²⁶. Далее Масарик заявлял, что переживаемое столетие переходное, оно является продолжением Французской и других революций и что после мировой войны оно создало фашизм и большевизм. А надо сказать, что к мнению Масарика прислушивались, он как основатель государства пользовался в республике большим влиянием и авторитетом. Еще в начале 1930-х гг. чехословацкие социалисты устраивали дискуссии об СССР. Профессор Козак писал: «...нелегко сказать, является ли руководящей идеей СССР бесклассовое общество или классовая месь. С первым мы согласны – второе как демократы отвергаем... Поэтому нельзя сказать, что наши цели и цели России тождественны... Россия может приобщиться к Западу только посредством хозяйственных сношений»²⁷.

Самой главной причиной изменения позиции чехословацких социалистов во второй половине 1930-х гг. и столь позитивной реакции левой печати на 20-летний юбилей Русской революции стало изменение внешнеполитических установок в ЧСР – признание СССР де-юре и заключение с ним союзнического договора, который рассматривался как гарантия против гитлеровской агрессии. Свою роль сыграло и изменение политики Коминтерна²⁸ в отношении социалистических партий, которые перестали рассматриваться как предательские и враждебные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о чешском рабочем движении см.: *Сератионова Е. П.* Чешские социалистические партии в 1917 г. // Европейское социалистическое движение. 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 211–237.

2 *Dělnický deník*. 1917. 18.03.

3 *Ibid.* 01.04.1917.

4 *Ibid.* 28.03.1917.

5 *Ibid.* 24.03.1917.

6 *Ibid.* 08.11.1917.

7 *Ibid.* 05.12.1917.

8 *Ibid.* 20.11.1917.

9 *Právo lidu*. 09.11.1917.

10 *Dělnický deník*. 12.12.1917.

11 Учредительный съезд Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), выделившейся из Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, прошел в мае 1921 г.

12 В конце обзора, в частности, сообщалось, что «чешская реакционная и немецкая генляйновская пресса в день 20-летия либо ничего не писала, либо помещала враждебные статьи». См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 14. Д. 12. П. 30. Л. 162.

13 Там же. Л. 157.

14 АВП РФ. Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 12. Д. 24. П. 26а. Л. 2.

15 Там же. Л. 161.

16 Там же. Оп. 14. Д. 12. П. 30. Л. 159.

17 Там же. Л. 161.

18 Там же.

19 Там же. Л. 159.

20 Там же. Л. 160.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же. Л. 162.

24 Там же. Л. 158.

25 Подробнее об отношении Масарика к Русской революции см.: *Сератионова Е. П.* Критика Т. Г. Масариком большевизма // Восточноевропейский социализм. Становление режима, попытки его модернизации, причины краха. М., 1992. С.21–31; *Vlček R.* Ruské revoluce a

T. G. Massaryk. Ke kořenům interpretace ruských revolucí v roce 1917 v českém prostředí. // Interpretace Ruské revoluce 1917 / Eds. J. Hanuš, R. Vlček. Brno, 2008. S. 9–27.

26 České Slovo. 05.10.1931 // АВП РФ. Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 9. Д. 4. П. 21. Л. 118.

27 České Slovo. 05.01.1933 // АВП РФ. Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 10. Д. 5. П. 22. Л. 5.

28 В сентябре 1935 г. чехословацкая печать сообщала о VII Конгрессе Коминтерна и принятой на нем «новой тактике» временного отказа от мировой революции, компромиссе с социалистическими и демократическими партиями для создания единого антифашистского фронта. – АВП РФ. Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 12. Д. 24. П. 26а. Л. 229.

E. P. Serapionova

The Czech leftist media on Russian revolution
of 1917 and its consequences

The article compares the positions of Czech leftist and left-central parties regarding the revolutionary processes in Russian in 1917, and their idea of the events of February and October. Besides that, the author dwells upon the evolution of the party leaders' views of the USSR 20 years later. As a main source party media were used.

Keywords: *Russian revolution of 1917, Czech Social Democratic Party, National Socialists, evaluation of the revolutionary events in Russia in 1917 and 1937.*

*А. В. Ганин
(Москва)*

Хранитель «славной Южной школы». Полковник А. С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине

В статье исследуется подвижническая деятельность полковника А. С. Карпенко в непростых условиях Гражданской войны на Украине и многократной смены различных политических режимов.

Ключевые слова: *УССР, Гражданская война, Елисаветград, Красная армия.*

Интересующиеся отечественной военной историей знают легенду про бесмечного часового крепости Осовец, оставшегося на своем посту под завалами многие годы после окончания Первой мировой войны. Существуют и другие, действительно документированные примеры подвижнического выполнения своего долга солдатами и офицерами русской армии. Об одном из таких случаев и пойдет речь.

Традиции кавалерийских училищ в русской армии считались наиболее укоренившимися. Сильно развит был корпоративный дух юнкеров и преподавателей. Не исключено, что именно поэтому такая история, произошедшая в Елисаветградском кавалерийском училище, оказалась возможной.

В подготовленной выпускниками-эмигрантами истории Елисаветградского кавалерийского училища о последних годах существования «славной Южной школы» говорилось кратко: «В ноябре 1917 года после прихода к власти большевиков и вооруженных выступлений их банд, начальник училища ген. Савельев, видя невозможность продолжать занятия в училище, отпустил всех юнкеров в долговременный отпуск, вернуться из коего в училище уже никто не смог. Это было концом училища, просуществовавшего 52 года, и юнкера 9-го и 10-го ускоренных выпусков были последними покинувшими Дворцовое здание при трагических обстоятельствах,

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17–81–01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

т. к. в 1918 г. училище было захвачено большевицкой бандой»¹. Далее следовал рассказ о службе юнкеров у белых и о восстановлении училища в Крыму в 1920 г. История подвижнического служения одного из преподавателей училища на благо сохранения военно-учебного заведения и его имущества вряд ли была известна в эмиграции, да и передача им училищного имущества советской стороне едва ли могла расцениваться как заслуга. Не стремились отдать дань уважения действиям бывшего офицера и красные. По всем этим причинам история сохранения в калейдоскопе режимов, сменявшихся на Украине, имущества Елисаветградского кавалерийского училища оказалась на долгие годы забытой. Между тем она не только поучительна, но и представляет значительный исторический интерес.

На протяжении 17 лет Александр Саввич Карпенко служил преподавателем военных наук и помощником инспектора классов училища. С училищем была связана большая часть службы офицера. Карпенко родился в городе Сувалки 26 февраля 1867 г. в семье мещанина², по национальности был украинцем и происходил, по его собственным словам, из украинских казаков. Он окончил 7 классов Сувалкской классической гимназии, Тверское кавалерийское училище по 1-му разряду в 1888 г. и в 1899 г. – два класса Николаевской академии Генерального штаба по 2-му разряду. В старой армии дослужился до чина полковника, летом 1916 г. непродолжительное время участвовал в боевых действиях Первой мировой войны и был награжден мечами и бантом к ордену св. Владимира 4-й ст. за участие в сражении под Галичем. Был отцом четверых детей. Прочную связь Карпенко с училищем подтверждало и то, что его старший сын, Георгий, по данным на 1923 г. служил вместе с отцом в качестве капитанармуса хозяйственного комитета кавалерийской школы в Елисаветграде.

В училище Карпенко преподавал военную географию, в связи с чем носил прозвище «озеро Хамардабан» и имел репутацию очень строгого, но справедливого педагога³. Польский офицер, в прошлом выпускник училища Л. Миткевич-Желток (выпуск 1 февраля 1916 г.) на страницах своих неопубликованных воспоминаний оставил следующую характеристику Карпенко: «Военную географию преподавал нам полковник Генерального штаба Карпенко, которого все юнкера училища звали “Семен – дубовые яй[и]ца”, и одновременно он был инспектором классов. Это был дородный мужчина, высокого роста, с достаточно тусклым выражением лица, преподавал он деревянным тоном и таким же языком без каких бы то ни было инто-

наций в голосе, малообразно, и интересующий предмет – география местностей России с военной точки зрения – в его изложении представлялся монотонно, как будто читаешь скучную газету»⁴.

Ко времени Февральской революции Карпенко занимал пост исполняющего должность инспектора классов училища. Как он впоследствии отмечал в советской анкете, «к совершившемуся перевороту относился сочувственно»⁵. О дальнейшем Карпенко писал: «Окт[ябрьская] революция докатилась до Е[лисавет]града только в февр[але] 1918 г., когда б[ывшее] к[авалерийское] училище перестало существовать. Как вышедший из пролетарской семьи, относился к революции сочувственно, но, будучи политически не подготовлен, не мог дать отчета в происходящих событиях, будучи с упразднением училища выброшен за борт»⁶. По всей видимости, заявления о сочувствии революциям были данью политической мимикрии. Но о деятельности Карпенко в тот период наглядно свидетельствуют факты.

В Елисаветграде, по словам Карпенко, все его знали⁷. Детищем Карпенко была учебная часть кавалерийского училища. Когда в феврале 1918 г. училище было упразднено, Карпенко до апреля 1919 г. остался в нем заведовать зданиями и имуществом, охранял его. Более того, уговорил и других сотрудников охранять здание классного флигеля № 10 с его богатым учебным имуществом.

Подробности подвижнического служения офицера в период «Русской Смуты» стали известны из материалов о снятии его с особого учета бывших белых офицеров после Гражданской войны, и прежде всего из публикуемого ниже его рапорта.

За год, с февраля 1918 по февраль 1919 г., в Елисаветграде сменилось четыре режима (большевики, немцы и гетман, Директория и снова большевики). В апреле 1919 г. Карпенко сдал имущество в полной сохранности прибывшим из Твери 1-м советским кавалерийским курсам, получившим теперь наименование 1-х советских Елисаветградских кавалерийских. Тогда же, с 3 апреля 1919 г., Карпенко был назначен штатным преподавателем тактики (и других военных дисциплин) на новых курсах, пробыв в этой должности до 11 августа. До прихода белых курсы успели осуществить один выпуск. Курсанты часто вызывались на борьбу с бандитами, боролись с восстанием Н. А. Григорьева, который захватил Елисаветград в мае 1919 г., выпустил из тюрьмы уголовников, в результате чего город накрыла волна террора. Пока курсанты и строевой командный состав воевали, учебная часть оставалась на месте.

В июле 1919 г. Елисаветград на один день захватили махновцы. В августе 1919 г., не дожидаясь скорого прихода белых, городом овладели повстанцы из окрестностей⁸. Курсанты и строевой командный состав курсов отступили, а преподавательский состав остался на месте. Комиссар курсов Геппе приказал учебной части охранять имущество, и вновь Карпенко пережил очередную смену власти в городе, в результате которой учебную часть захватили занявшие город после повстанцев белые.

Белые приказали офицерам явиться на регистрацию и в реабилитационную следственную комиссию. Карпенко находился под следствием в Елисаветградском комендантском управлении за то, что служил на советских командных курсах и готовил «красных офицеров», а следовательно, считался «причастным к большевизму». Его даже собирались посадить в тюрьму. Уверенности не добавляли слухи о расстрелах белыми в Полтаве преподавателей советских курсов⁹. Состоя под следствием, Карпенко служил в кооперативе родительских комитетов средних учебных заведений Елисаветграда. Как подследственного в сентябре 1919 г. его направили в Екатеринослав для допроса. Из Екатеринослава пришлось отправиться в тех же целях в Одессу, где он находился в октябре-ноябре 1919 г. Карпенко избежал сурового наказания. Следователь заболел тифом и умер в Одессе. Следствие затянулось, а в декабре 1919 г. заболел сыпным тифом и сам Карпенко, находившийся в госпиталях на лечении. В Одессе же Карпенко заболел возвратным тифом и болел до марта 1920 г. В связи с эвакуацией белых в начале 1920 г. его дело так ничем и не кончилось.

Как свидетельствовал 14 апреля 1923 г. заведующий Елисаветградским уездным отделом социального обеспечения, член РКП(б) С. Ягода, «мне хорошо известно, что т. Карпенко состоял с января 1919 г. при Елисаветградском уездвоенкомате, который поручил ему продолжать заведовать зданиями и сохранившимся, благодаря его, Карпенко, охране, имущество[м] учебной части б[ывшего] кавалерийского училища.

Здание и имущество учебной части им были переданы сформированным в апреле 1919 г. в Елисаветграде б[ывшим] 1-м советским Елисаветградским курсам комсостава, где он был назначен преподавателем тактики.

В августе, когда город Елисаветград был занят повстанцами, а затем деникинцами, он, как и вся учебная часть и др[угие] сотрудники, не участвовавшие в бою, оказались в плену у белых.

Знаю, что т. Карпенко требовала к себе на допрос прибывшая контрразведка, которая хотела его посадить до суда в тюрьму. Затем допрашивала его местная следственная комиссия, которая за то, что он как преподаватель тактики готовил красных командиров для борьбы против белых, постановила передать как большевика в судебно-следственную комиссию для предания военно-полевому суду.

Его отправляли в следственную комиссию и в Екатеринослав, и в Одессу. Все время до установления в Елисаветграде Советской власти т. Карпенко находился под следствием, и его, перед эвакуацией своей, деникинцы отправили как подследственного в Одессу, несмотря на то, что он лежал больной сыпным тифом; взяли его прямо с постели.

Я знаю т. Карпенко давно и хорошо; и могу засвидетельствовать, что он добросовестный работник, предан Советской власти и принес своими знаниями и работой большую пользу, сохранив для курсов богатое учебное имущество и подготовил немало красных командиров»¹⁰.

Подтвердил заслуги Карпенко и бывший вахтер учебной части 1-х советских Елисаветградских курсов, а позднее заведующий иппологическим классом Хрустачев: «Сим свидетельствую, что т. Карпенко в 1919 г. служил на 1-х советских Елисаветградских кавкурсах штатным преподавателем тактики и в[оенной] топографии.

В августе того же года, когда на г. Елисаветград напали повстанцы, то для отражения их был выслан дивизион курсантов, учебная же часть оставалась на месте. Когда курсанты отходили от города, то комиссар курсов т. Геппе мне, как сотруднику кавкурсов и учебной части, лично отдал распоряжение, чтобы учебная часть оставалась на месте, охраняла бы здания и имущество и ждала бы возвращения дивизиона курсантов.

Но курсанты не вернулись, город был взят повстанцами, а за ними вскоре пришли белые – деникинцы. Таким образом, все сотрудники кавкурсов очутились в плену. Заняв город, они¹¹ мобилизовали всех офицеров. Затем сформирована была войсковая реабилитационная комиссия, которая потребовала к допросу т. Карпенко первым и после допроса вынесла постановление признать т. Карпенко за преподавание тактики на советских курсах и подготовку комсостава для борьбы с белыми – признать причастным к большевизму и передать дело в судебно-следственную комиссию для предания военно-полевому суду. Помню до этого т. Карпенко требовала еще прибывшая контрразведка и хотела его посадить в тюрьму, так как говорили, что

в Полтаве деникинцы расстреливали офицеров, служивших на советских курсах комсостава преподавателями тактики.

Знаю, что т. Карпенко комендант города отправил после этого в Екатеринославскую судебную комиссию, откуда он вернулся. Тогда его несколько раз отправляли для допроса в Одесскую [судебную комиссию]. Затем в Елисаветград приезжал из Одессы военный следователь для допроса его и других сотрудников на месте.

В декабре т. Карпенко заболел сыпным тифом и был отправлен совершенно больным, по приказанию коменданта в Одессу, как подследственный¹² ввиду эвакуации из города.

До службы на 1-х советских курса я служил вместе с т. Карпенко по охране здания и имущества учебной части. Ему поручил это Елисаветградский уездный комиссариат. Он сохранил и сдал курсам и здание в довольно большом порядке и богатое учебное имущество, частью которого располагает теперь 5-я кавшкола; так как другая часть его, по приказанию б[ывшего] инспектора кавалерии 1-й Кон[ной] армии, была отправлена в г. Таганрог и там осталась (прекрасный иппологический кабинет и учебники)»¹³.

Бывший охранник зданий и имущества учебной части, а на 1923 г. уборщик зданий 5-й кавалерийской школы Плаксин также отметил, что служил с Карпенко, охраняя имущество училища. Поручил это бывшему офицеру местный военный комиссариат в январе 1919 г.¹⁴ Еще одним свидетелем выступил бывший слесарь кавалерийских курсов, а на 1923 г. – заведующий оружием школы Загнеев¹⁵.

Вновь попав к красным, Карпенко получил месячный отпуск, а в апреле 1920 г. был назначен в управление по постройке Кадымских узкоколейных железных дорог при управлении дивизионного инженера 45-й стрелковой дивизии. По реформировании управления бывшего полковника в соответствии с его кавалерийской специальностью назначили помощником начальника отдела ремонта 1-й Конной армии.

Затем Карпенко возвратился в ставший родным город и продолжил служить на прежнем месте в училище – теперь 15-х Елисаветградских кавалерийских курсах, где стал начальником учебной части. С 27 апреля 1921 г. после реформирования курсов в школу он стал помощником начальника 5-й Елисаветградской кавалерийской школы по учебной части. По аттестации на 16 января 1922 г. Карпенко характеризовался как специалист «с большим служебным опытом и знаниями. Отличный педагог, подвижной и энергичный. Пользуется большим авторитетом, работает с большим рвением. Вино не

пьет, в карты не играет, несколько мягок»¹⁶. По своей квалификации Карпенко считался соответствующим выдвижению на должность начальника школы.

К 1923 г. при участии Карпенко для Красной армии были подготовлены: выпуск советских кавалерийских курсов в 1919 г., три выпуска 15-х кавалерийских курсов и выпуск кавалерийской школы. Всего около 200 красных командиров¹⁷.

В апреле 1923 г. был поднят вопрос о снятии Карпенко с особого учета бывших белых офицеров (Карпенко находился на таком учете в связи с тем, что проживал на территории, занятой антибольшевистскими силами). Начальник школы и комиссар в апреле 1923 г. характеризовали его как «старого работника-специалиста военно-педагогического дела, обладающего громадным опытом как в знании и преподавании, так и в руководстве учебной частью»¹⁸. По их мнению, «занимание должностей инспектора классов и преподавателя в течение 17 лет в бывшем Елисаветградском кавалерийском училище свидетельствует о его многолетней практике и навыке в области учебного дела и солидный многолетний опыт педагога позволяет ему легко и свободно подойти к образовательному уровню курсанта, строго и неуклонно проводя методы преподавания и подготовку, требуемые ГУВУЗом»¹⁹. Отмечалось, что у белых Карпенко не служил и «за все время службы в школе... ни в чем сомнительном замечен не был, относясь к делу добросовестно, работая с проявлением должной инициативы к делу, с любовью отдавая свои силы, знания, опыт на обучение и воспитание курсантов. Отношение к соввласти, безусловно, сочувственное, лоялен, замечается желание и интерес к политработе. Политически надежен»²⁰. Сам Карпенко в анкете также отметил: «Предан и служу добросовестно Советской власти»²¹. Очевидно, военспец был одним из ценнейших и незаменимых работников школы, и начальство это прекрасно понимало. Прося оставить Карпенко в армии, начальник школы прямо отмечал, что неудовлетворение этой просьбы «нанесет непоправимый ущерб педагогической работе и всего учебно-строевого дела»²² вверенной мне школы».

Военный комиссар школы Волков писал комиссару штаба ГУВУЗ СССР 28 апреля 1923 г., что ходатайствует о снятии Карпенко с особого учета как имеющего многолетний опыт, поскольку из всех представленных начштаба ГУВУЗа СССР материалов видно, что тов. Карпенко в белых (действующих частях) не служил. Оставаясь на территории гор. Елисаветграда по уходе Советской власти и по занятии Елисаветграда белыми, был ими арестован и предан военно-полевому суду за службу

в Красной армии преподавателем тактики и других военных предметов на 1-х Елисаветградских кавкурсах в 1918 году.

Арест и суд сошли благополучно, благодаря взятия²³ обратно города Елисаветграда красными войсками.

Работая в школе на должности пом. начшколы по учебно-строевой части, т. Карпенко выявил себя ценным работником, умело применяя свои знания в духе современных требований, внося и политический элемент в преподаваемый им предмет – тактику, приводя примеры для усвоения теории из гражданской войны. Мало того, интересуется политической литературой и не раз обращался к партпомначучебу²⁴ за различными справками, как и что читать.

Несомненно, пользуется авторитетом как среди курсантов, так и среди комсостава.

Советской власти предан. К партии относится сочувственно. Политически надежен. Почему и возбуждается о нем ходатайство²⁵. Снятие Карпенко с учета по ходатайствам начальника школы Соседова и комиссара Волкова произошло в октябре 1923 г.²⁶

Однако советская власть не ценила квалифицированные военно-педагогические кадры. Следствием такого отношения стала гибель многих профессионалов. Среди прочих в 1930 г. был арестован и в 1931-м расстрелян Карпенко, попавший в жернова печально известного дела всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». Александра Саввича следователи объявили руководителем контрреволюционной офицерской организации уездного Зиновьевска (ранее Елисаветграда). На допросах Карпенко вынудили оговорить в причастности к организации всех преподавателей Украинской кавалерийской школы имени С. М. Буденного²⁷, созданной на той же базе Елисаветградского училища, которую когда-то Карпенко спасал.

С проблемами сбережения ценнейшего имущества военно-учебных заведений в огне российской Гражданской войны сталкивались многие военные педагоги и администраторы училищ и академий. Порой решались эти проблемы весьма драматично, не взирая на позицию сторон Гражданской войны²⁸.

Поступок Карпенко является ярким примером преданности человека делу своей жизни, чем для этого офицера, безусловно, было Елисаветградское кавалерийское училище и его учебное имущество. Вместе с тем изложенные события наглядно демонстрируют всю сложность выживания государственно мыслящего человека в обстановке Гражданской войны, на пике социального антагонизма.

По всей видимости, Карпенко считал, что красные, белые, повстанцы или украинские националисты приходят и уходят, а имущество училища необходимо для будущей России, которая непременно возродится из пепла Гражданской войны. В судьбе Карпенко наглядно отразилась вся тяжесть испытаний, выпавших на долю русского офицерского корпуса в послереволюционный период. Белые подвергли Карпенко репрессиям за службу на советских курсах в прежнем училище, красные держали на особом учете как бывшего белого офицера и не стремились продемонстрировать свое доверие. В конечном итоге уже в другой исторический период Карпенко был безвинно казнен, став одной из жертв массовых репрессий 1930-х гг.

Приложение публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рапорт А. С. Карпенко начальнику
5-й кавалерийской школы. 14 апреля 1923 г.

Р.С.Ф.С.Р.
У.С.С.Р.
Начальник
учебной части
5 кавалерийской
Елисаветградской
школы комсостава
14 апр[еля] 1923 г.
№ 335.
г. Елисаветград

Начальнику 5-й кавашколы.

Рапорт

Как б[ывший] офицер и живущий в г. Елисаветграде, я состою на учете Елисаветградского Г.П.У. и, несмотря на то что я служу в Красной армии 4 года и жил на территории, занятой белыми (деникинцами), в силу сложившихся и не зависящих от меня обстоятельств я до сих пор не снят с учета.

По расформировании б[ывшего] Елисаветградского кавалерийского училища, я, прослуживший много лет в учебной части этого учи-

лица и создавший ее, как б[ывший] инспектор классов, своими трудами взял на себя труд и уговорил других сотрудников охранять здание классного флигеля (№ 10) и его богатое учебное имущество. Это здание и учебные пособия я сдал в большой сохранности весной 1919 г. вновь сформированным из прибывшего из г. Твери эскадрона и административного состава 1-м Елисаветградским советским командным курсам, в коих я занял должность штатного преподавателя тактики.

На курсах этих я оказался единственным преподавателем тактики и в[оенной] топографии. На курсах этих был произведен один только выпуск красных командиров, подготовленных мною.

1919 год для Елисаветграда был полон приключений, т. к. кругом оперировали бандиты. Курсанты часто поэтому вызывались по тревоге властями для отбития бандитов. Летом им приходилось вести бой с григорьевской шайкой, которая овладела самим г. Елисаветградом и владела им несколько дней, так что курсантам пришлось отступить из города.

В этих боевых действиях со стороны курсов принимали участие только курсанты и строевой комсостав, учебная часть и другой состав оставались на своих местах.

В августе того же года было опять нападение на город со стороны повстанцев, которые после боя заняли город. Курсанты также и в этот раз отошли от города, учебная же часть оставалась по-прежнему на месте.

Командиром²⁹ курсов т. Геппе было отдано распоряжение через одного сотрудника курсов, что учебная часть остается на месте для охраны имущества до обратного возвращения дивизиона курсантов в Елисаветград.

В этот раз город был занят повстанцами из окрестных деревень, за которыми вскоре прибыли небольшие части белых. Дивизион курсантов в Елисаветград не вернулся, и мы, сотрудники курсов, оказались, таким образом, в плену.

По прибытии своем администрацией белых было приказано всем б[ывшим] офицерам, оказавшимся в это время в городе, явиться на регистрацию, т. к. они были объявлены мобилизованными.

Тогда же в Екатеринославе была сформирована, как это практиковалось у белых, так называемая реабилитационная войсковая следственная комиссия для обсуждения поведения и службы до прибытия белых каждого из мобилизованных³⁰ офицеров. Я был призван в эту комиссию первым, предварительно же был потребован в контрразведку, начальник которой хотел меня отправить в тюрьму за службу мою в Красной армии и именно за преподавание курсантам тактики, за что в г. Полтаве незадолго перед тем офицеров, преподавателей тактики на советских курсах, контрразведка расстреливала.

В тюрьму меня не посадили только лишь благодаря передаче меня в распоряжение Екатеринославской судебной следственной комиссии. После допроса Елисаветградская комиссия признала меня виновным в том, что я служил в Красной армии, а что самое главное и тягчайшее, что я преподавал тактику на Советских кавкурсах и что, таким образом, подготовлял комсостав для более успешной борьбы Красной армии против белых, за каковое мое деяние постановила признать меня причастным к большевизму и передать в распоряжение судебной следственной комиссии для производства следствия и предания военно-полевому суду; после этого я был отправлен в распоряжение Екатеринославской судебной следственной комиссии, которая, не приняв к производству моего дела, направила меня обратно для передачи в только что сформированную Одесскую судебную следственную комиссию (куда меня отправляли два раза). Затем следователь сам приезжал в Елисаветград для производства на месте следствия, но здесь заболел тифом, уехал в Одессу и там впоследствии умер.

Таким образом, следствие затянулось, и я находился под следствием и прикомандированным к комендантскому управлению до самого переворота, т. е. до января 1920 г.

Состоя под следствием, я служил в кооперативе родительских комитетов средних учебных заведений.

В декабре я заболел сыпным тифом и был отправлен по распоряжению коменданта ввиду эвакуации его управления в г. Одессу, несмотря на то что тиф был в самом разгаре. В Одессе я находился в госпитале; после сыпного я заболел возвратным тифом и болел до марта месяца 1920 г. Переворот в Одессе застал меня в госпитале. Оправившись, мне врачебной комиссией при Одесском военкомате был дан месячный отпуск по болезни, после которого я был определен на службу в 45 стр. дивизию в управление дивинжа³¹ и отправлен был в управление по постройке подъездных узкоколейных жел[езных] дорог.

По реформировании этого управления и изъятии его из военного ведомства я был назначен на службу в 1-ю Конную армию в отдел ремонта ее – пом[ощником] начальника отдела.

Затем с приходом в г. Елисаветград в сентябре 1920 г. из Таганрога б[ывших] кавкурсов я перевелся туда на службу по специальности, т. е. на должность шт[атного] преподавателя военных наук, где мне было поручено преподавание в[оенной] топографии, а затем и тактики.

Курсы эти были переименованы в 15-е Елисаветградские.

Далее в феврале 1921 г. Увузукрым³² предписал назначить меня, как окончившего военную академию и служившего ранее в ВУЗах, пом. нач. учебной части, а с перестройкой 15-х кавкурсов в нормальную школу в апреле 1921 г. я был назначен с 1-го апреля начальником учебной части 5-й кавшколы, в затем переименован в пом. начальника школы по учебно-строевой части, в каковой должности состою и поныне.

За мою службу в советских ВУЗах мною было подготовлено: 1 выпуск в 1-х советских курсах в 1919 г., 3^и выпуска в б[ывших] 15 кавкурсах и 1 выпуск в нормальной кавшколе. Таким образом, моих учеников – красных командиров в частях красной конницы насчитывается около 200 человек.

Служба моя, отношение к делу и педагогическая моя деятельность хорошо известны всем, кто меня знает; предан Советской власти и работаю за совесть.

Докладывая о сем, я прошу Вашего ходатайства перед местным Г.П.У. о снятии меня совершенно с учета.

Приложение: Свидетельские показания о привлечении меня белыми к следствию для предания военно-полевого суду за преподавание тактики на б[ывших] 1-х советских Елисаветградских курсах³³.

Пом[ощник] начальника школы
по учебно-строевой части *Карпенко*

РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14-15. Машинопись. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Незабываемое прошлое славной Южной школы. 1865–1965. Нью-Йорк, 1965. С. 28.

2 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132395. П/с 80-974/16 Л. 121.

3 Незабываемое прошлое славной Южной школы. С. 122.

4 *Mitkiewicz L. Z brękiem ostróg i z dźwiękiem szabli. 1896–1917. T. 1* (oprac. w 1967 r.). Instytut Polski i Muzeum im. generała Sikorskiego w Londynie. Sygn. Kol.50/27 I. Выражаю глубокую благодарность М. М. Чапале (Киев) за предоставленные сведения и перевод.

5 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 12а об.

6 Там же.

7 Там же.

8 *Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ, 2012. С. 27.*

- 9 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14об.
- 10 Там же. Л. 17.
- 11 Имеются в виду деникинцы.
- 12 В документе несогласованно – как подследственного.
- 13 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 18–18об.
- 14 Там же. Л. 19.
- 15 Там же. Л. 20.
- 16 Там же. Л. 13.
- 17 Там же. Л. 15.
- 18 Там же. Л. 12.
- 19 Т. е. Главным управлением военно-учебных заведений (Там же).
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 12а об.
- 22 Так в документе. Там же. Л. 12–12об.
- 23 Так в документе.
- 24 Партийному помощнику начальника учебной части.
- 25 РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 11.
- 26 Там же. Л. 7, 10.
- 27 *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 225–226.
- 28 См., напр.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922 гг. М., 2014.
- 29 По другим документам – комиссаром.
- 30 В документе – мобилизационных.
- 31 Дивизионного инженера.
- 32 Управление военно-учебных заведений Украины и Крыма.
- 33 См. текст статьи.

A. V. Ganin

The keeper of “the famous Southern School”
Colonel A. S. Karpenko and the fate of Elisavetgrad Cavalry School
during the Civil war in Ukraine

The article explores the selfless work of Colonel A. S. Karpenko in the difficult conditions of the Civil war in Ukraine and the repeated change of different political regimes.

Keywords: *Ukrainian SSR, Civil war, Elisavetgrad, Red army.*

Г. Маринелли-Кёниг
(Вена)

Британский классик детской литературы Артур Рэнсом и революционная Россия

В статье на примере биографии А. Рэнсома показано, как тесно могут переплестись детская литература и всемирная история.
Ключевые слова: *Артур Рэнсом, Русская революция, детская литература.*

В 2013 г. в швейцарском издательстве «Lars Müller Publishers» вышла в свет великолепно оформленная книга «Сокровищница революции. Русская детская литература в 1920–1935 гг.: книги переломной эпохи»¹. Оригинальное английское название было «Внутри радуги»². Слово «радуга» напоминало об одноименном издательстве детской и юношеской литературы, игравшем заметную роль в молодой Советской республике, пока в конце 1920-х гг. на смену ему не пришло Государственное издательство (сокращенно ГИЗ). Эта книжная новинка напоминает о впечатляющем феномене, который не может не вызывать восхищения, – серии иллюстрированных книг (книжек-картинок), изданных в первое десятилетие существования Советского Союза. Сам ее визуальный язык, казалось бы, говорил о том, что социально-политическая утопия должна стать реальностью.

Книжки-картинки, созданные футуристами, кубистами и супрематистами, сами по себе являются объектами коллекционирования. Обладателем самого значительного собрания считается Александр Лурье. На роскошно изданный каталог его коллекции³ ссылаются все кураторы выставок. В этой связи особого упоминания заслуживает выставка 2009 г. в Валенсии, ставшая продолжением исторической выставки иллюстрированной книги из СССР, открытой в 1929 г. в Париже по инициативе писателя и поэта Блеза Сандрара (1887–1961).

В роскошно изданной книге «Сокровищница революции» представлены не только книжные страницы с иллюстрациями или фрагменты из книжек-картинок. Для воссоздания политического контекста в ней приводятся цитаты, не имеющие прямого отношения к детской литературе. В том числе из книги Артура Рэнсома «Шесть недель в Советской России в 1919 году» (1920). По заголовку можно было бы предположить, что речь идет о путевых заметках, но это не так. Цитата, посвященная Ленину и Феликсу Дзержинскому,

указывает на близость к новой политической элите. На самом деле автор этой тоненькой книжечки провел в России не какие-то шесть недель, но – с перерывами – восемь лет. Кем же был Артур Рэнсом (1884–1967)?

Если обратиться к англоязычной странице Википедии, то Артур Рэнсом предстанет как знаменитый детский писатель. На книгах основанной в 1930 г. серии «Ласточки и амазонки» («Swallows and Amazons») были воспитаны целые поколения. В этих книгах дети проводят каникулы под парусами, на рыбалке или в походе в Озерном крае или Норфолке. Эта литература, говорится в статье, заложила основы индустрии туризма на Уиндермире и Конистоне – двух озерах, которые Рэнсом поместил в своих книгах в вымышленную Северную страну⁴. В 2000 г. вышла в свет библиография художественного, историко-литературного и журналистского наследия Рэнсома⁵. Согласно сводным каталогам немецких и австрийских библиотек и букинистическим базам данных, число переводов книг Рэнсома на немецкий язык можно пересчитать по пальцам⁶. Напротив, сводный каталог библиотек Чешской Республики поражает обилием книг британца, пользовавшихся неизменной популярностью как в ЧССР, так и в современной Чехии. Достаточно упомянуть, что «Долина ласточек» (1930) уже в 1934 г. была переведена на чешский язык и выдержала восемь изданий. В 2014 г. увидело свет третье издание книги «Пикты и мученики» (1943). Так становится понятно, почему чешский астроном Антонин Мркос назвал открытый им в 1988 г. астероид (№ 6440) именем Рэнсома.

Но при чем тут Россия? Обратимся к книге Роланда Чемберса «Последний англичанин. Двойная жизнь Артура Рэнсома»⁷. Эта биография, написанная в том числе по материалам автобиографии⁸ писателя, опубликованной после его смерти, начинается с детальной реконструкции молодости автора. Он родился в 1884 г. в Лидсе в семье профессора колледжа, получил приличествовавшее статусу семьи образование, рано лишился отца. После года изучения химии Рэнсом отправился в Лондон и начал карьеру журналиста и литературного критика, в том числе опубликовал эссе об Э. А. По (1911), О. Уайльде (1912). В 1909 г. молодой человек женился на Иви Уокер – девушке из приличной семьи, через год у пары родилась дочь Табита. Однако брак вскоре превратился для Рэнсома в кошмар, и в 1913 г. он бежит от семьи в Петербург. По многим причинам Россия казалась молодому литератору спасением: во-первых, она была далеко от Англии, и, во-вторых, эта страна была торговым партнером семей-

ного предприятия «Рэнсом и Папье», продававшего русским плуги. Русский язык он самостоятельно начал изучать несколькими годами ранее, когда ему в руки попала очаровавшая его книга русских сказок У. Шедден-Ральстона (1828–1889)⁹. Ему захотелось прочесть их в оригинале и самому пересказать.

В свой первый приезд в Петербург Рэнсом поселился у Геллибрандов, занимавшихся экспортом леса, часто бывал в английском клубе в гостинице «Астория». В свой второй приезд в Россию в 1914 г. он свел знакомство с журналистом из Новой Зеландии Гарольдом Вильямсом (1876–1928) и его женой Ариадной Владимировной Тырковой (1869–1962) – в будущем первой женщиной-депутатом Петроградской городской думы. Весть о выстреле в Сараеве застала британца на даче у Геллибрандов, где гости проводили время за рыбалкой и игрой в теннис. Когда 18 августа 1914 г. Рэнсом вернулся в Англию, уже началась Первая мировая война. Он искал какую-нибудь газету, которая направила бы его корреспондентом в Россию. В декабре того же года Артур вернулся в Петербург, переименованный в Петроград, в кармане у него были рекомендательные письма и контракт на написание книги русских сказок. Поселившись у Вильямсов, он составил себе представление о соотношении политических сил.

Вскоре заболел корреспондент газеты «Daily News», и Артуру удалось временно получить его должность. Он отправляется в Лондон, чтобы подписать договор с редакцией. Впоследствии он будет также работать для другой газеты – «Manchester Guardian». Английское правительство из соображений престижа учредило в России информационное агентство «Англо-русское бюро»¹⁰. Организацией ведал британский консул, во главе бюро стоял знаменитый писатель Хью Уолпол (1894–1941).

Между тем у книги сказок появилось название – «Русские сказки старого Петра», иллюстрации к ней создал известный график Дмитрий Исидорович Митрохин (1833–1973), и вскоре весь тираж дипломатической почтой был отправлен в Лондон. В апреле, мае и октябре 1916 г. Рэнсом в качестве военного корреспондента побывал на Русско-германском фронте, в том числе провел шесть недель на его западном крыле – вновь открывшемся Румынском фронте.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Распутин. В стране росло недовольство царем как верховным главнокомандующим. 23 февраля 1917 г. в стране прошла первая крупная демонстрация, события развивались с невероятной быстротой, 25 февраля была распущена Государственная Дума, войска отказывались повиновать-

ся своим командирам. Через неделю после голодных бунтов, 2 марта, царь отрекся в пользу своего брата Михаила Александровича (1878–1918), в России было создано Временное правительство под председательством Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). Репортаж Рэнсома для «Daily News» был озаглавлен «Радостные дни в России: люди зовут друг друга товарищ: военная пляска ликования»¹¹.

В сентябре журналист вернулся в Англию, и Октябрьская революция, можно сказать, прошла без него. В Петроград он вернулся только 24 декабря. Он избегал писать о возвращении Ленина из эмиграции. Большевики и анархисты фигурировали в его репортажах как экстремисты¹². Однако вскоре он понял, что в обстановке политического хаоса ожидаем приход к власти именно большевиков¹³. Отныне он пристально следил за развитием событий и свел знакомство с главными действующими лицами политической драмы. Одним из его главных информаторов становится уроженец Лемберга/Львова Карл Радек (1885–1939), заведовавший отделом внешних сношений ВЦИК¹⁴. Если сначала англичанина привлекал его острый ум, то вскоре их знакомство переросло в прочную дружбу¹⁵.

28 декабря 1917 г. Рэнсом взял интервью у Льва Троцкого (1879–1940). Тогда же он познакомился с его секретарем Евгенией Шелепиной. Вскоре она станет второй женой Артура. Для тех времен это был довольно отчаянный шаг. Статья о Троцком была опубликована 31 декабря и вызвала в Лондоне большой резонанс. Рэнсомом заинтересовалась Секретная разведывательная служба Великобритании. Британское правительство не признавало новых хозяев России, поскольку большевики отказались от международных обязательств царской России. Статьи Рэнсома начали подвергаться цензуре. Во время переговоров в Брест-Литовске, когда над Петроградом нависла угроза германской оккупации, правительство переехало в Москву. Журналист, охваченный революционной лихорадкой, последовал за ним. Побывав на IV Съезде Советов, Рэнсом написал: «Я готов отдать жизнь, если бы только ее можно было разделить на минуты и раздать тем людям в Англии и Франции, тем сомневающимся, которые говорят, что революция себя дискредитировала, чтобы каждый из них хотя бы на одну минуту пережил то, что испытал я»¹⁶.

Близость к большевикам позволяла Артуру получать информацию из первых рук и быть очевидцем многих событий. Так, ему довелось принимать участие в подписании перемирия между Советской Россией и Эстонией, которая при британской поддержке воевала за независимость против Красной армии. Министр иностранных дел

Эстонии считал, что следует тайно предложить большевикам заключить перемирие, однако формулировать такие инициативы на бумаге было слишком опасно. Тогда выбор пал на Рэнсома, устно передавшего предложение эстонцев народному комиссару иностранных дел Максиму Максимовичу Литвинову (1876–1951). Оно было принято, и, если верить автобиографии британца, он поспешил обратно в Эстонию в сопровождении Евгении Шелепиной, которая вывезла из страны драгоценности и, продав их, вырученные деньги передала в кассу Коминтерна¹⁷. После нападения Антанты на Россию, которая уже вела войну с Германией, Рэнсом и Евгения остались в Балтии. Артур принялся за строительство яхты. Так началось его увлечение парусным спортом и хождением под парусом, которое затем даст пищу для детских книг, после того как он – побывав в 1920-е гг. корреспондентом в Китае и Египте – завершит карьеру журналиста.

Принадлежавший к британскому высшему классу Артур Рэнсом, в отличие от знаменитого журналиста и военного репортера Джона Рида (1887–1920), чьи репортажи об Октябрьской революции «Десять дней, которые потрясли мир» по сей день считаются вершиной репортерской журналистики, приехал в Петербург без каких бы то ни было левых политических убеждений¹⁸. Раздел книги Роланда Чемберса, где он пишет о времени, проведенном Артуром в России, позволяет лучше представить себе, как англичанин оказался в центре революционных событий.

Как инсайдер, он стремился донести до окружающего мира суть происходившего у него на глазах. И здесь с ним произошла поразительная метаморфоза: прибыв в качестве писателя, журналиста и военного репортера в страну, которая сражалась в Первой мировой войне на стороне его родины, он испытал на себе, как война внешняя породила войну гражданскую. Репортажи Рэнсома могут служить ценным историческим источником, которые современная историография не принимает во внимание¹⁹. На протяжении всего XX века эта война отсутствовала в культурной памяти русских, в СССР не возводились памятники ее героям, кладбища пребывали в запустении, не проводилось никаких мероприятий в местах памяти²⁰. Автобиография Рэнсома – интересная глава из его жизни как писателя и корреспондента в России периода Первой мировой войны и крушения Российской империи.

Во второй части своей жизни Рэнсом вошел в другие воды и, как уже говорилось, стал классиком литературы для детей и юношества. Степень его популярности в Великобритании столь высока, что молодёжный писатель Маркус Седжвик²¹ в одной из книг вывел его как

вымышленного героя в революционной России. Книга называется «Кровь – красная, снег – белый»²². В основу романа положены приключения Артура Рэнсома. Начало романа переносит читателя в сказку, но дает привязку ко времени, месту и действующим лицам повествования. Следующая часть («Вечер в Москве») описывает несколько часов из жизни главного героя с 15:45 до 21:40. В третьей части, которая заканчивается хэппи-эндом, в 24 коротких главках рассказывается о полном приключений путешествии Рэнсома и Евгении из Москвы в Ригу в составе некоей делегации, о чем протагонист рассказывает от первого лица. В заключение приведены примечания автора и хронологическая таблица, где события романа привязаны к реальным историческим событиям. В книге также приводятся подлинные документы из архива Секретной разведывательной службы МИ-6, касающиеся лично Рэнсома. В одной из телеграмм он назван «вне всяких сомнений способным и очень опасным агентом»²³. Сам Седжвик признавался, что в детстве Рэнсом был одним из его любимых авторов, но он его полюбил не за свои приключенческие романы из серии «Ласточки и амазонки», а за сборник русских сказок. Эта книга и биография ее автора подвигли писателя написать книгу для юношества.

Можно согласиться с Р. Чемберсом: «К сожалению, достоверной информации из первых рук о том, что писатель делал в 1917 г. в Петрограде, нет»²⁴. Исключение составляют мемуары эмигрировавшей в США россиянки с польскими корнями Лолы Кинел (1898–1988). В 1917 г. она вместе с сестрой-близнецом вернулась в Петроград из поездки в Америку и благодаря свободному владению английским языком вращалась в англо-американских кругах, где и познакомилась с Рэнсомом. «Рэнсом был подлинной богемой. Он жил в большой комнате в старом доходном доме с окнами на Исаакиевскую площадь, где стоял знаменитый собор <...>. Мне он казался очень забавным. Мы подружились спустя два или три месяца после нашего возвращения в Петроград. У всех у нас были прозвища: Рэнсома звали “А. К.” по первым буквам его имени и отчества (Артур Кириллович), сестру – “Большая Близняшка”, меня – “Маленькая Близняшка”»²⁵.

Кинел подробно описала, как пережила революционные события 1917–1918 гг., и на страницах книги тут и там встречается имя Рэнсома. Например, она рассказывает, как он на несколько дней приехал из Москвы в Петроград и попросил ее – за отсутствием времени – помочь ему купить книги по списку: «Некоторые названия меня крайне заинтересовали, мне стало любопытно, зачем вообще А. К. такое старье. Неужели он собирался написать старомодный ро-

ман *à la* Конрад?²⁶ Заголовки были весьма забавны: “Мексиканское восстание”, “Парижская война”, “Партизанская война”, “Тактика” и т. п. Впрочем, выяснилось, что книги предназначались не для самого Рэнсома: “Книги нужны Троцкому. Ничего из этого в Москве он достать не смог; все лучшие книжные магазины, как вы знаете, находятся здесь, так что я пообещал их раздобыть. Троцкий, как вы знаете, создает Красную армию и, не будучи военным, мало в этом смыслит. Поэтому он хочет всё узнать из книг. И он достаточно умен, чтобы сделать это”. – “Ну вы и скотина, А. К! Просите меня купить книги для вашего дурацкого Троцкого с его армией. Этого я вам никогда не прощу!” – А. К. расхохотался и ушел крайне довольным собой, своей уловкой и тем, что оставил меня в недоумении. Вот как, насколько я знаю, создавалась Красная армия²⁷.

Артур Рэнсом помог Лоле Кинел, ее сестре и их бабушке покинуть Россию. В мемуарах об этом говорится так: «Рэнсом пришел с предложением, которое перечеркнуло мои планы. “Послушайте, близняшки, – сказал он, не успев войти, – вы же говорите по-немецки?” – “Да”. – “И *babushka* тоже знает немецкий?” – “О, бабушка прекрасно говорит по-немецки. И по-французски. Но к чему это?” – “Вот слушайте! Если вы и ваша *babushka* можете сделать вид, что говорите по-немецки, думаю, я сумею помочь вам покинуть Россию, вы все втроем можете отправиться в Польшу”. – “Но как?” – “Мирбах, посол Германии в Москве, договаривается с большевиками о вывозе всех немецких военнопленных в Германию. Некоторые из этих поездов пойдут через Петроград. Есть только одна проблема – паспорта; если мы ее решим, а я думаю, мы сможем это сделать, вы сядете здесь на поезд, а приехав в Польшу, вы просто сойдете на станции. Вас никто не будет задерживать. А теперь позвольте мне поговорить с вашим отцом”. Это было захватывающе, и за несколько недель всё было улажено, как и предполагал Рэнсом. В один прекрасный июньский день мы пришли на станцию, где стоял состав с военнопленными, чтобы отправиться в Польшу. Я забыла и о большевиках, и о спасении России, и о своем возвращении из Америки. Всё, чего я хотела, было уехать²⁸.

Эти в целом увлекательно написанные мемуары особенно интересны описанием жизни в межвоенной Польше. Прежде чем эмигрировать в США, где удача от нее отвернулась, Лола также некоторое время провела в Берлине, где попробовала себя в роли музыкального критика, а потом в Висбадене в качестве личного секретаря Айседоры Дункан и Сергея Есенина²⁹.

Имя Артура Рэнсома также встречается в репортажах американки Бесси Битти (1886–1947) «Красное сердце России» (1918)³⁰. Вместе с другими журналистами – Ритой Чайлд Дорр (1868–1948), Альбертом Рисом Уильямсом (1883–1962), Луизой Барйант (1885–1936) и Джоном Ридом она приехала в Россию в начале июня 1917 г. Бесси не раз бывала на фронте, ее репортажи сопровождались фотоматериалами. В Петрограде у нее в гостях побывало немало людей. «Часто приходил Артур Рэнсом, английский писатель, который говорил так, как многие из нас хотели бы – смешно, правдиво, точно, словно вспышка света в темноте. Он уже давно жил в России и объехал ее на автомобиле. Он записывал истории казаков, с которыми делил пищу и кров у обочин дорог, и крестьян, которые растапливали для него свои самовары»³¹. Когда в начале февраля 1919 г. Рэнсом вновь приехал в Петроград из Финляндии вместе с советской делегацией под руководством Литвинова, он остановился в «Астории» и позднее так вспоминал и пребывании и встречах в этом отеле: «В одном из номеров жила мисс Битти, которая обычно угощала чаем усталых революционеров и давала приют еще более уставшим исследователям природы революции, поскольку писала книгу – на сегодняшний день единственную из увидевших свет, где дала некую импрессионистическую картину тех незабываемых дней»³².

Оценку политических взглядов Артура Рэнсома можно найти в зарисовках немецкого журналиста Альфонса Паке (1881–1944), датированных 1919 г. Не следует забывать, что найти немцев – свидетелей событий 1917 г. в Петрограде (не считая военнопленных) не так просто: Россия и Германия находились в состоянии войны. Паке одним из первых отправился в Россию в 1918 г. В книге «В коммунистической России. Письма из Москвы», в которой собраны репортажи для «Frankfurter Zeitung» за 1919 г., в том числе с вычеркнутыми цензурой местами, он пишет: «Корреспонденты лондонской “Daily News” и “Manchester Guardian” – один из Стокгольма, другой из Москвы – повели <...> решительную, хотя, возможно, и безнадежную борьбу против Ллойд-Джорджа и его “партии войны”. Рэнсом от “Daily News” и Прайс³³ от “Manchester Guardian” с начала войны жили в России. Оба считались глубокими знатоками русских дел, и как военные репортеры они не раз бывали на фронтах <...>. В Англии и Франции делалось всё, чтобы скрыть информацию о несогласных. Тем не менее их голоса были слышны. Позиции протестовавших не во всем совпадали, но за их уверенность [в своей правоте] стояло непосредственно увиденное в России. Никто из переживших истори-

ческие события, разыгрывавшиеся в современной России, не может сравниться с ними по продолжительности наблюдений. <...> После Брестского мира правительства держав Антанты обсуждали, следует ли опасаться Советской России еще больше, чем Германии. В ответ на неоднократные призывы русского правительства принять участие в промышленном и военном восстановлении России представители Антанты в Вологде отвечали высокомерным отказом и организацией контрреволюционных мятежей, в том числе путем выплаты девяти миллионов рублей чехо-словакам»³⁴.

В дневниках сэра Роберта Брюса Локхарта (1887–1970), английского генерального консула в Петербурге в дни Февральской революции, который в 1918 г. оказался замешанным в шпионскую аферу, направленную против большевиков (его приговорили к смертной казни и обменяли на Литвинова), говорится об Артуре Рэнсоне³⁵.

Наконец, можно было бы предположить, что о Рэнсоне писал его санкт-петербургский друг Гарольд Вильямс³⁶, женатый, как говорилось выше, на Ариадне Тырковой – политически ангажированной даме, члене партии кадетов и активной участнице их фракции в городской Думе. В 1919 г. вышла ее книга на английском языке «От свободы до Брест-Литовска, первый год Русской революции». В ней дано подробное описание революционных событий, усилий, направленных на то, чтобы не допустить большевиков к власти, но имя Рэнсона в ней не упоминается³⁷. Его политическая позиция явно не соответствовала политическим убеждениям четы Вильямсов³⁸.

Что же написано Артуром Рэнсомом о России? Книгу «Русские сказки старого Петра»³⁹ – пересказ русских сказок, изданный в 1916 г., – можно до сих пор купить в английских книжных магазинах. Ей посвящена отдельная статья в Википедии.

В своей первой политической публикации Рэнсом осветил события в России для американских читателей. Реймонд Робинс⁴⁰ вскоре переправил этот репортаж на родину, и он там вышел в 1918 г. под заголовком «От имени России: “Что это за ученый, что это за человек, если он не открыт новым идеям своего времени?”»⁴¹. Открытое письмо Америке». В том же году брошюра была переиздана под заголовком «Радек и Рэнсом о России. “Открытое письмо Америке” А. Рэнсона с новым предисловием Карла Радека»⁴².

Книга «Шесть недель в России в 1919 году» написана в форме «журнала» пребывания в голодной, замерзающей Москве в период с начала февраля до 15 марта 1919 г. Вместе со шведом Гримлундом и норвежцами Пунтервальдом и Стангом он сопровождал советскую

делегацию во главе с Литвиновым, возвращавшуюся из Финляндии. У Артура был прямой доступ к высокопоставленным политическим деятелям – Петерсу, Крыленко, Дзержинскому, Мещерякову, Зиновьеву, Позерну, Розе Радек, Демьяну Бедному, Анжелике Балабановой, Бухарину, Павловичу, Суханову, Шмидту, Аванесову. Свои встречи и беседы с ними Рэнсом задокументировал в хронологическом порядке. Он имел представление и об оппозиционных партиях. При основании III Интернационала Рэнсом стал единственным некоммунистом, которому разрешили принять участие в его работе. Во введении он замечает, что своей книгой хотел сказать что-то совсем другое: «Мне нужно было бы объяснить, в чем была привлекательность революции для людей, подобных полковнику Робинсу или мне, которые по происхождению и воспитанию далеки от революционных и социалистических движений в своих странах»⁴³. В том же году книга была переведена на идиш, французский и польский языки, на следующий год – на итальянский и немецкий, в 1924 г. появился русский перевод с предисловием К. Радека. Вместо гонорара государственное издательство наградило автора «Собранием сочинений» В. И. Ленина⁴⁴.

Рэнсом внес свой вклад в формирование образа Ленина в США, который в прессе рисовался «чудовищем». В 1919 г. в Нью-Йорке вышла из печати брошюра «Ленин. Человек и его дело. Автор Альберт Рис Вильямс, впечатления полковника Реймонда Робинса и Артура Рэнсома»⁴⁵.

В книге «Кризис в России в 1920 году» (1921) дан анализ серьезной экономической проблемы, описаны политические механизмы коммунистического правления. (Немецкий перевод вышел годом позднее.) Рэнсом полагал, что на кону стоит судьба европейской цивилизации, и в общих интересах, чтобы Россия выкарабкалась из кризиса. Нового переворота страна не переживет. Журналист обращается к таким темам, как «Нехватка продуктов», «Нехватка людей», «Коммунистическая диктатура», «Профсоюзы», «Пропагандистский поезд», «Субботники», «Что коммунисты пытаются сделать в России», «Беспартийность», «Возможности». В одну из глав включены дневниковые записи о поездке с Радеком и Лариным на конференцию в Ярославль в ходе подготовки Всесоюзной конференции коммунистической партии в конце марта 1920 г.

Главным источником по истории пребывания Артура Рэнсома в России остается опубликованная после его смерти, в 1976 г., автобиография. Повествование в ней заканчивается 1932 г. Издатель Руперт Харт-Дэвис дает краткий очерк дальнейшей жизни Рэнсома и

превращения его в знаменитого автора книг для детей и юношества. На страницах мемуаров Артур воспроизводит свою беседу с главой Скотланд-Ярда сэром Бэзиллом Томсоном, в ходе которой он высказал свои политические взгляды⁴⁶. «Меня ввели в кабинет сэра Бэзила Томсона и предложили сесть на знаменитый стул, на котором до меня сидели многие преступники. Сэр Базил – он был мрачен – строго посмотрел на меня. Помолчав минуту, он сказал: “Что ж, я хочу знать, каковы ваши политические взгляды”. – “Рыбалка”, – ответил я. Он пристально посмотрел на меня: “Что вы хотите сказать?” Я ответил со всей откровенностью, что в Англии у меня не было никаких политических взглядов, что в России, по моему мнению, именно это позволило мне четче оценить революцию, нежели имея я политические убеждения, что у меня есть одно твердое убеждение: интервенция была чудовищной ошибкой, и я надеялся, она закончится и я смогу вернуться к своим обычным интересам. “Рыбалке?”, – сказал он. – “Сезон вот-вот начнется”, – парировал я. Мы побеседовали еще немного, всё более как добрые друзья. Я просто объяснил ему, почему я уверен, что победим мы или проиграем, последствия интервенции негативно скажутся на наших отношениях с Россией при любом правительстве».

Хотя Артур Рэнсом не принадлежал ни к какой социалистической партии, он оценил верно последствия революционных событий. Вразрез с официальной линией своей родины он поддерживал революционную Россию на страницах периодической печати, поскольку это соответствовало его видению положения вещей. Он принадлежал к немногочисленной группе очевидцев, кто в своих журналистских работах делал основанные на богатом фактическом материале заявления о происходящем в революционной России. Это не принесло ему признания в СССР. В его репортажах, как и в репортажах других иностранных гостей Советской России⁴⁷, не было ни слова о Сталине. Только в автобиографии, написанной в конце жизни и опубликованной после его смерти, Рэнсом пишет о Сталине в главе «Смерть Ленина»⁴⁸. Он присутствовал на похоронах вождя, где, кстати, не было Троцкого, отправившегося лечиться от тяжелой болезни на один из кавказских курортов и по дороге получившего телеграмму с ошибочной датой похорон, на которые невозможно было поспеть вовремя⁴⁹. В немилость впали не только Троцкий и дружески расположенный к Рэнсому Радек, но и многие другие, кто в первые дни советской власти стояли у руля, разделили их горькую судьбу. Имена многих будущих эмигрантов, о которых идет речь в его репортажах,

оставались на момент выхода в свет мемуаров табу. Победный тон описания Великого Октября в Петрограде уступил место описанию катастрофического положения, в котором оказалась страна, точно описанная в книге «Кризис в России в 1920 году».

Перевод с немецкого О. В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Schatzkammer der Revolution. Russische Kinderbücher von 1920–1935: Bücher aus bewegten Zeiten / Hrsg. von J. Rothenstein, O. Budashevskaya. Zürich, 2013. См. также: *Маринелли-Кёниг Г.* Рец.: Schatzkammer der Revolution / Hrsg. von J. Rothenstein, O. Budashevskaya // Вестник детской литературы. СПб., 2015. № 11. С. 45–48.

2 Inside the rainbow / Ed. by J. Rothenstein, O. Budashevskaya. London, 2013.

3 См.: *Фомин Д., Пиггот Э.* Книга для детей, 1881–1939: детская иллюстрированная книга в истории России из коллекции Александра Лурье. М., 2009.

4 Arthur Ransome // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Arthur_Ransome (дата обращения: 10.11.2014). Для сравнения: в российской Википедии он назван «английским журналистом, писателем, разведчиком, агентом MI5», см.: Рэнсом Артур // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%8D%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%BC,_%D0%90%D1%80%D1%82%D1%83%D1%80 (дата обращения: 18.VIII.2017).

5 *Hammond W. G.* Arthur Ransome: A Bibliography. Winchester, 2000. См. также URL: <http://www.zvab.com/displayBookDetails.do?itemId=199448115&b> (дата обращения: 28.07.2014).

6 *Ransome A.* Weihnachtsferien. Bad Pyrmont, 1948; *Ransome A.* Der Kampf um die Insel. Segelfahrten, Entdeckungen und Kämpfe der «Schwalben» und «Amazonen». Ein Kinderroman. Stuttgart, 1966; *Ransome A.* Seeräuberkönigin Li. Stuttgart, 1979.

7 *Chambers R.* The last Englishman. The double life of Arthur Ransome. London, 2009. См. также рецензию: *Hyland D.* Arthur Ransome and the Bolshevik revolution // World Socialist Web Site. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2011/06/ran1-j25.html> (дата обращения: 09.05.2016). Ср. публикацию: Journalists and Revolution. The Case of Arthur Ransome // Histomat: Adventures in Historical Materialism. URL: <http://histomatist.blogspot.ru/2011/01/journalists-and-revolution-case-of.html> (дата обращения: 09.05.2016).

8 The autobiography of Arthur Ransome / Ed. by R. Hart-Davis. London, 1976; *Brogan H.* The life of Arthur Ransome. London, 1984; *Hardyment Ch.* The world of Arthur Ransome. London, 2012.

9 *Ralston W. R. S.* Russian folk tales. London, 1873.

10 *Chambers R.* The last Englishman... P. 114.

11 Ibid. P. 133.

12 Ibid. P. 165.

13 Ср.: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: революция 1917 годов в Петрограде / Пер. с англ. М., 2003.

14 *Chambers R.* The last Englishman... P. 184.

15 *Wolf-Dietrich G.* Revolution muss sein. Karl Radek – die Biographie. Köln u. a., 2012.

16 *Foot P.* Vorwort // *Ransome A.* Six weeks in Russia. 1919. Reprint. London, 1992. См. также подборку рецензий того времени: Ransome-Website. URL: http://www.allthingsransome.net/literary/rev_6w.htm (дата обращения: 29.01.2017).

17 Р. Чемберс указывает на расхождения в том, как описан эпизод в автобиографии, с более ранней публикацией в газете «Manchester Guardian». Также сохранилась телеграмма Литвинова от 11 октября 1919 г.: «Пересечение фронта в настоящее время затруднено. Советую вам дожидаться в Эстонии нашу мирную делегацию» (приведено в обратном переводе с немецкого). См.: *Chambers R.* The last Englishman... P. 287–292.

18 *Barringer F.* Journalism's greatest hits: two lists of a century's top stories // The New York Times. 1999.01.03. См.: URL: <http://www.nyu.edu/classes/stephens/Top%20100%20NY%20Times%20page.htm> (дата обращения: 29.01.2017).

19 Предстоит провести отдельное исследование, чтобы понять, почему Рэнсому отказано в его законном месте в истории русско-английских культурных связей. Так, в фундаментальной библиографии А. Кросса нет ссылки на «Русские сказки старого Петра». См.: *Cross A. G.* The Russian theme in English literature. From the sixteenth century to 1980. An introductory survey and a bibliography. Oxford, 1985.

20 Ср.: *Jurjew O.* Verloren und vergessen. Die *eigentliche* Katastrophe kam danach – warum Russlands Erinnerung an den Ersten Weltkrieg so blass ist // Neue Züricher Zeitung. 14.06.2014. S. 27.

21 Свой первый роман М. Седжвик опубликовал в 1994 г., одна из его книг – «Книга мертвых дней» – была признана в Великобритании национальным бестселлером. См.: *Sedgwick M.* The book of dead days. London, 2003.

- 22 *Sedgwick M.* Blood red – snow white. London, 2007.
- 23 *Ibid.* P. 361.
- 24 *Chambers R.* The last Englishman... P. 153.
- 25 *Kinel L.* Under five eagles. My life in Russia, Poland, Austria, Germany and America (1916–1936). London, 1937.
- 26 Речь идет о Теодоре Юзефе Конраде Коженёвском, получившим известность под псевдонимом Джозеф Конрад (1857–1924).
- 27 *Kinel L.* Under five eagles... P. 71.
- 28 *Ibid.* P. 81.
- 29 *Ibid.* P. 91–174, 211–252. Небольшой фрагмент книги доступен в русском переводе. *Кинел Л.* Айседора Дункан и Сергей Есенин. URL: <http://esenin.ru/about-esenin/memories/885-article.html> (дата обращения: 12.02.2017).
- 30 *Beatty B.* The Red Heard of Russia. New York, 1918. Отрывки из книги переведены на русский язык, см.: *Бумму Б.* Красное сердце России. Фрагменты // Советский Союз. 2007. № 1 (16). С. 40–42.
- 31 *Ibid.* P. 329.
- 32 *Ransome A.* Six weeks in Russia. 1919. Reprint. London, 1992. P. 64.
- 33 Речь идет о Моргане Филипсе Прайсе (1885–1973).
- 34 *Paquet A.* Im kommunistischen Rußland. Briefe aus Moskau. Jena, 1919. S. 82 –83.
- 35 *Young K.* The diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. London, 1973. Vol. 1. 1915–1938.
- 36 *Alston Ch.* Harold Williams and his circle: The battle for British and American opinion on the Russian Revolution // Acta Universitatis Carolinae: Philosophica et historica. 2003. Vol. LVI. P. 117–128.
- 37 *Tyrkova-Williams A.* From liberty to Brest-Litovsk, the first year of the Russian revolution. London, 1919.
- 38 *Tyrkova-Williams A.* Cheerful Giver: the life of Harold Williams. London, 1935.
- 39 См.: URL: <http://sacred-texts.com/neu/oprt/index.htm> (дата обращения: 19 II 2017).
- 40 Реймонд Робинс (1873–1954) – глава делегации Американского Красного креста, направленной в 1917 г. в Россию.
- 41 *Ransom A.* On behalf of Russia. «What is the scholar, what is the man for, but for hospitality to every new thought of his time?» An Open Letter to America. 1918. В заголовке Рэнсом цитирует знаменитую речь американского философа Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882) «Американский ученый», также известную как «Декларация интеллектуальной независимости».
- 42 *Radek and Ransome on Russia.* Being Arthur Ransome's «Open letter to America» with a new preface by Karl Radek. 1918.

43 *Ransome A.* Six weeks in Russia... P. 57.

44 The autobiography of Arthur Ransome... P. 297.

45 Lenin. The Man and His Work, by Albert Rhys Williams and the impressions of Col. Raymond Robins and Arthur Ransome. New York, 1919.

46 The autobiography of Arthur Ransome... P. 279.

47 Читателю можно порекомендовать еще две книги: в 1921 г. вышла в свет книга английского скульптора Клэр Шердан, кузины У. Черчилля, «Русские портреты» (см.: *Sheridan C.* Russian portraits. London, 1921). Она посетила Петроград по приглашению Каменева, чтобы изваять бюсты Ленина и Троцкого. По времени эта поездка совпала с путешествием Герберта Джоржа Уэллса (1866–1946). Оба они не только жили в одном отеле, но и общались друг с другом. Не менее интересен дневник графини Кармен Герц-Финкенштейн, которая побывала в Советской России в мае-августе 1923 г. Поскольку она была приписана к посольству Германии и близко дружила с послом Рантцау, ей удалось по собственной инициативе посетить Петроград и Москву. Ее повествование не имеет ничего общего с расхожими клише из путевых заметок о России и предлагает интересный взгляд на новые социальные структуры и «старорежимное» общество, в котором она вращалась. См.: *Hertz Finckenstein C., Gräfin.* Tagebuch einer Reise nach Moskau und Petersburg Mai-August 1923. Hamburg, 1974. На русском языке см.: *Перси У.* Графиня Кармен Герц-Финкенштейн в Москве и Петрограде в 1923 году // Русский травелог XVIII–XX вв. / Под ред. С. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 197–223.

48 The autobiography of Arthur Ransome... P. 279.

49 Ibid. P. 315.

G. Marinelli-König

The British classic of the children literature Arthur Ransome and the revolutionary Russia

The article exemplifies the biography of Arthur Ransome, where literature for children and world history were tightly interwoven

Keywords: *Arthur Ransome, Russian Revolution, literature for children.*

С. С. Лукашова
(Москва)

Языковая среда в Киево-Могилянской академии в XVIII в.

В статье рассмотрены особенности языковой подготовки студентов Киево-Могилянской академии в XVII – первой половине XVIII в., в частности преподавание латыни, польского, церковнославянского, русского языков и «простой мовы». Именно эти языки способствовали формированию национальной и региональной идентичности у выпускников академии, а также определяли политический и культурный фон в Малороссии. Ответы на вопросы, как, почему и в каком объеме преподавались эти языки, помогут скорректировать современные представления о роли Российской империи в процессе формирования национального самосознания населения Малороссии, особенно ее политической и культурной элиты.

Ключевые слова: *Киево-Могилянская академия, языковая подготовка, Российская империя, «малороссийское влияние», идентичность.*

Представители украинской культурной элиты сыграли значительную роль в изменении культурного фона в России в XVIII в. Важнейшими из векторов «украинского влияния» следует считать, во-первых, рекрутирование духовенства (монахов, игуменов и архимандритов Киевской митрополии – по императорским указам, распоряжениям Святейшего синода и личным просьбам архиереев), которые призывались для служения в великорусских монастырях и учебных заведениях, а также для службы на флоте. Менее многочисленной, но более влиятельной в культурном отношении была группа малороссов – преподавателей академий и школьных учителей, которые присутствовали практически во всех учебных заведениях Российской империи XVIII в. Третьей когортой можно считать светских переводчиков и делопроизводителей, которые приглашались как в государственные учреждения (Синод, Сенат, Коллегию иностран-

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

ных дел, а также в дипломатические миссии), так и для службы к влиятельным частным лицам. Все эти группы объединяло наличие образования, полученного в Киево-Могилянской академии (далее – КМА), и можно с уверенностью утверждать, что именно «школьность» и знание иностранных языков способствовало развитию их успешной карьеры.

Дискуссия о необходимости / вреде изучения иностранных языков православными развернулась в киевской митрополии еще в конце XVI в. В 1592 г. киевский митрополит Михаил (Рагоза) с подачи членов православного львовского братства утверждал, что «все челоуцы приложишася простому несовершенному Лядскому писанию, и сего ради в различные ереси впадоша, не ведуще в Богословии силы совершенного грамматического Словенскаго языка»¹. Таким образом, польское / ляшское / лядское образование (которое осуществлялось преимущественно на латыни) объявлялось «простым», «несовершенным» и приводящим к ереси именно потому, что оно велось не на «совершенном» в богословском смысле церковнославянском языке. Аналогичное недоверие латыни и похвалу церковнославянскому высказывал монах Иоанн Вишенский, который говорил о «плодоносии спасителнаго языка словенскаго» и его святости, «латынскаго языка вседушне диавол любит»²; а позднее – Захария (Копыстенский).

Сходная точка зрения имела широкое распространение и на территории Российского государства. Б. А. Успенский в статье «Раскол и культурный конфликт XVII века» приводит многочисленные примеры того, что само изучение латыни могло восприниматься великороссами как греховный поступок: «Латинский язык воспринимается как типичный еретический язык, который по самой своей природе искажает содержание христианского учения: невозможно выражаться на латыни, оставаясь православным, и напротив, – для того, чтобы быть православным, необходимо принять православный же способ выражения, т. е. обратиться к греческому или к церковнославянскому языку»³.

Не отвергая в принципе идею изучения иностранных языков, представители церковной группы «грекофилов» высказывались в пользу изучения греческого, а не латыни, о чем был написан отдельный трактат «Довод вкратце, яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует славенскому народу»: «Что претемно латинским языком глаголется, еже греческим единым словом явственню речется»;

«Язык словенский ближний и свойственный греческому, нежели латинскому»; «А белоруси хотя и учатся латинским языком скудости ради греческого учения (кроме Львова, что учатся гречески), однакожде припоминати надобно, что малая часть из тех во унею не падают, а те, что не падают, познавается в них останки езувическия»; «Притом великая есть антипатия древняя меж народа русскаго и латинскаго, и что-нибудь приходит от латинов, хотя и доброе, однако ж подозрительное и неприятное»⁴.

Однако важнее не то, какому языку учиться, а то, чему ученик учится посредством этого языка, поэтому, изучая латынь в качестве первого языка, молодой человек подвергает себя большой опасности: «Того ради подобает наипаче учиться гречески, понеже тем языком не токмо не вредится православная вера, яко латинским, но и зело исправляется, и учити купно со славенским... А по греческом учении, хотящему не вредительно учиться и латинскому, а в первых латинскому языку учиться велие опасение, яко да не латинским языком подкралася тайна и вера и обычей латинской, как видим в разных народех, наипаче же во французском, зане ничего не пременяет чело века и нравы сице, яко странное учение»⁵.

Споры о пользе изучения латыни выходили за рамки лингвистической теории и имели непосредственное воплощение, в частности, в программе изучения иностранных языков в московской Славяно-Греко-Латинской академии, где первоначально предполагалось обучать греческому, латинскому и польскому: «Указ наш царский непооружно полагаем, еже бы ни единому кому zde в царствующем граде Москве, и в прочих наша царския державы градех, разве сего... училища, в своих домех, греческому, польскому, и латинскому и прочим странным языкам без ведомости и повеления училищ блюстителю и учителей, домовых учителей не держати, и детей своих не учити, точию в сем едином общем училище да учатся»⁶, – но в итоге ограничились изучением только греческого и церковнославянского.

Парадоксальным образом аргументы сторонников православного традиционализма совпадали с высказываниями униатских и католических проповедников, которые требовали запретить православным самостоятельно изучать и преподавать «латинские науки». Именно в полемике с униатами в 1630-е гг. в среде киевского православного духовенства была сформулирована другая точка зрения на изучение языков. Возражая К. Саковичу⁷, ректор киевского училища Сильвестр (Коссов) объяснял: «В чем же состоит нужда в обучении латыни для нашего народа? Первая состоит в том, чтобы бедной Руси

нашей не называли глупой Русью. Учитесь, говорят нам, по-гречески, а не по латыни. Совет, действительно, полезный, но больше для Греции, чем для Польши, где латынь больше всего процветает. Поедет горемыка русин на трибунал, на сейм, на сеймик, в городской суд или земский, без латыни кругом виноват: ни судьи, ни стряпчего, ни знатока, ни депутата [не понимает]; глядит только то на того, то на другого, вытаращив глаза, как коршун. Не нужно нас загонять и в греческий язык, мы усердствовали и будем усердствовать в нем и при латыни, будет греческий в храме, а латынь на форуме. Мы уж не вспоминаем о диспутах, не много тут в Польше по-гречески подискутируешь. Зачем, спрашивает нас ложный советчик, Руси учиться по латыни? пусть учатся у католиков... Побирались мы [духовным хлебом] в Ингольштадте, в Оломоуце, а теперь, по милости Божией, и сами его на губах имеем, и с другими поделимся»⁸. Как отметил Н. Тер-Григорян-Демьянюк, сам К. Сакович в бытность главой киевской братской школы нисколько не возражал против обучения православных детей латыни, но, сменив конфессию, стал придерживаться иной точки зрения по этому вопросу⁹.

Представители киевского образованного духовенства вынуждены были обороняться не только от нападков со стороны униатов и католиков. Рядовые православные тоже не вполне понимали необходимость изучения латыни школьниками и подозревали учредителей киевской академии в стремлении к унии. Именно поэтому митрополит Петр (Могила) в «Лифосе» привел дополнительные аргументы в поддержку изучения иностранных языков: «Руси для богослужения нужно учиться греческому и [церковно]славянскому языкам, но для политики им этого недостаточно, и нужно уметь говорить на польском и латыни, поскольку в Польше латынь употребляется почти как родной язык не только в костеле, но и как при дворе его королевской милости, так и в сенате, и в посольской избе, как на сеймах и сеймиках, так и в трибунале, и вообще во всех политических делах, – поэтому Руси, живущей на коронных землях, нужно уметь говорить на этом языке, без которого в этом государстве жить невозможно. И неправильно будет, и непристойно, если б кто перед паном из Сената, или из Посольской избы по-гречески или по-славянски говорил, тогда бы ему пришлось повсюду возить с собой переводчика, и его принимали бы или за иностранца, или за простецами, а потому сказали бы: “Вон со двора или из собрания!” А если бы в городе, земстве или трибунале на тех языках хотел бы на кого-нибудь пожаловаться либо на жалобу ответить, навряд ли

должен бы был заплатить штраф и ничего бы не добился: поэтому нужно, чтобы учились латыни.

А если бы кто ораторствовать [сам] не хотел, по меньшей мере, должен понимать, что говорят другие. К тому же и в диспуте о делах веры тому, кто спрашивает по латыни или на смеси латыни и польского, отвечать нужно не по-славянски или по-гречески, но на таком же языке, каким его спрашивают, и из этого следует, что латыни следует учиться.

К тому же книг теологических на славянском [написано] мало, а по политике и вовсе нет, а на греческом – с трудностями и за большие деньги доставать приходится, а на латыни всё это достать гораздо легче, и по этой причине нужно учить латынь.

Наконец, всегда упрекали Русь, что не учится, поэтому являются простецами, а не политиками, и как веруют, объяснить не умеют, а теперь, когда начали учиться, тогда ты им говоришь, чтобы учились только греческому и славянскому. Итак, для того чтобы были людьми воспитанными, а не простецами, как в делах, касающихся политики, так и в вопросах веры нужно им уметь и по-гречески, и по-славянски, и по-польски, и по латыни уметь. Потому лучше с ученым, чем с простецом, как политику, так и теологию обсуждать»¹⁰.

Таким образом, развернутая система аргументации включает в себя следующие тезисы:

1. Латынь и польский являются государственными языками и языками делопроизводства в Речи Посполитой, поэтому невладение ими православными означает поражение в политических правах.

2. Незнание латыни означает отказ и от религиозных диспутов, что условиях поликонфессионального окружения прямо вредит интересам православной веры.

3. Знание латыни облегчает приобщение человека к достижениям европейской цивилизации, поскольку большая часть книг написана по латыни или переведена на латынь.

4. Знание иностранных языков является признаком образованного человека, не «простеца».

Следует отметить, что Могила настаивает на необходимости изучения не только латыни, но и польского языка, хотя специальных аргументов по этому поводу не приводит. Латынь, польский, церковнославянский и греческий составляли языковую программу обучения в КМА на протяжении всего XVII и первой четверти XVIII в.

Система обучения в Киеве в целом соответствовала школьному уставу ордена иезуитов «Ratio atque Institutio Studiorum Societatis

Jesu» (1599). Первый, низший уровень в иезуитских академиях включал в себя три грамматических класса, затем следовали поэтика и риторика. На высшем уровне студенты приступали к изучению философии (логика, физика, метафизика, этика, основы математики, географии и астрономии) и богословский (схоластическое, катафатическое и апофатическое богословие, церковное право, церковная история и Священное Писание). Всё преподавание велось на латыни. Обязательным считалось изучение и других древних языков – греческого и еврейского.

Вместе с тем в Речи Посполитой существовали и высшие учебные заведения другого типа, наследовавшие традициям средневековых университетов – Краковская и Замоиская академии. В последней лекции читались не только на латыни, но и на польском и греческом языках. В Замоиской академии обучались и выходцы из украинско-белорусских земель, в том числе Иосиф Кононович-Горбацкий и Адам Кисель, а также люди, в разные годы возглавлявшие киевские школы – вышеупомянутые Кассиан (Сакович) и Сильвестр (Коссов), а также Исая (Трофимович-Козловский). В результате языковая политика КМА сочетала черты обоих типов университетов: в старших классах обучение велось только на латыни, но в начальных классах изучались и использовались церковнославянский и польский.

После включения Малороссии в состав России и приобретения киевским училищем формального статуса академии структура преподавания не изменилась. Полный курс обучения длился 12 лет, однако не все студенты доходили до богословского курса, нередко окончание школы происходило гораздо раньше. В КМА принимали детей 8–10 лет, но строгого правила и на этот счет не существовало.

В подготовительном классе дети изучали церковнославянский и польский языки, а также основы латыни. Далее дети переходили в грамматические классы. Ученики инфимы изучали латинскую грамматику и разговорную латынь, упражнялись в переводах античных авторов, изучали польский, церковнославянский и священную историю. С класса грамматики преподавание истории продолжалось уже на латыни, в классе синтаксисы преподавание языков завершалось.

В гуманитарных классах поэтики и риторики ученики учились теории и практике стихосложения и написания прозаических художественных текстов, составлению различного рода документов, а также приобретали навыки ораторской речи. Если в середине XVII в. поэтические и прозаические примеры для подражания отбирались

преимущественно из латинских образцов, то с конца XVII в. растет удельный вес курсов церковнославянской книжности.

Курсы философии и богословия (в совокупности 6 лет обучения) читались только на латыни, естественно за исключением занятий по церковной проповеди. В Киеве имелись учителя не по всем дисциплинам, предусмотренным программой «Ratio atque Institutio Studiorum Societatis Jesu», не хватало и лингвистов, поэтому для студентов начиная с класса риторики по возможности организовывались факультативные, «неординарные» лекционные курсы, в том числе языковые – по греческому, древнееврейскому, немецкому, во второй половине XVIII в. французскому языкам. Анализируя учебную программу, реализуемую в КМА, следует подчеркнуть ее гуманитарную направленность, в чем состояло ее важнейшее отличие от программ западноевропейских университетов. Точные науки в академии или преподавались в общих чертах, или вовсе отсутствовали.

Латынь

Важнейшим языком, изучаемым в КМА, являлась латынь. В Киеве не разделяли опасения великорусских полемистов относительно опасности изучения латыни, и вводный курс начинался на первом же году обучения; если ученик уже владел основами латыни, это только приветствовалось. Закончившие полный курс обучения студенты академии должны были не только свободно читать и переводить сложнейшие научные и богословские произведения и художественную литературу, но и писать на латыни речи, панегирики, стихи, вести дискуссии и бытовые разговоры. Безусловно, подобный уровень владения языком достигался не всеми студентами, однако действенная система контроля за успеваемостью (от штрафной доски «калькулюса» за языковые ошибки до регулярных публичных диспутов) обеспечивали уверенное понимание старшекурсниками латыни.

Вместе с тем после вхождения Малороссии в состав России изменились условия использования латыни в частной и общественной жизни. Теперь латынь ни в коей мере не могла претендовать на статус государственного языка или языка делопроизводства. Богословские диспуты в Русской православной церкви вообще не практиковались, а уж на латыни и подавно; диспуты между православными и униатами (или католиками) в восточных землях Речи Посполитой прекратились из-за общего обострения отношений, полемика из религиозной сферы жизни перешла в правовую.

Сохранилось лишь общекультурное значение латыни как необходимой ступени для изучения западноевропейского научного наследия, в том числе задававшей начальный уровень образованности. Однако в течение XVIII в. число выпускников КМА, которые выехали в Западную Европу для продолжения образования, было сравнительно невелико, да и сами университеты стали постепенно переходить на национальные языки. Владение латынью, безусловно, облегчало изучение других романских языков, но в первой половине XVIII в. в Российской империи более востребованы были языки германской группы. Латынь продолжала сохранять свои позиции в юриспруденции и медицине – но Киево-Могилянская академия не обеспечивала специализированной подготовки по этим направлениям, что стало отчетливо ясно во второй половине XVIII в., когда значительное число студентов богословских курсов переезжали из Киева в Москву, чтобы продолжить обучение на медицинском факультете¹¹.

Наконец, знание латыни было доказательством западной, европейской образованности и, соответственно, западной культурной ориентации. В правление Петра I употребление латыни воспринималось в определенных кругах как проявление фронды, как разрыв со старой традицией, в первую очередь это относится к Русской православной церкви, в меньшей степени – к армии и светскому государственному аппарату. Вместе с тем *демонстрация* европейского образования не требовала полноценного *знания* латыни. Невостребованными оказались и навыки составления на латыни стихотворных и прозаических сочинений – слушатели и читатели не понимали и не могли должным образом оценить такие произведения.

Поскольку подавляющее большинство великороссов латынью не владело, она стала удобным шифровальным кодом для переписки и написания личных дневников¹². В условиях XVIII в., когда каждое письмо и каждый личный документ мог быть подвергнут перлюстрации недоброжелательным взглядом, даже безобидная тема по прошествии нескольких лет могла оказаться опасной. Свободное владение латынью обеспечивало некоторую гарантию сохранения приватности письменного документа, поэтому выпускники КМА часто пользовались этой возможностью. Так, архиепископ Феофан (Прокопович) вел переписку и по-русски, и по-польски, но проблемы карьеры обсуждал только на латыни¹³.

Польский язык

Ситуация вокруг польского языка складывалась еще сложнее. В ходе обучения студенты академии учились читать и писать по-

польски, познакомились с образцами польской поэзии и ораторского искусства, однако проблема состояла в том, что польский язык практически не был востребован в Российской империи.

Как показано выше, и в первой половине XVII в. аргументы, доказывавшие необходимость изучения польского языка, были немногочисленны, а после окончательной переориентации казацкой старшины на Москву и они потеряли значение. Прекращение русско-польской войны и заключение Вечного мира снизило потребность в военных переводчиках; запросы от дипломатического корпуса были единичными. Необходимость изучения литературного польского языка существовала только для православных студентов из Речи Посполитой, которые после обучения собирались вернуться на родину. В этом смысле польский язык являлся способом распространения культурного влияния и сохранения православной веры, особенно в том случае, если студент кончал курс богословия и становился духовным лицом.

Однако польский язык преподавался не только для уверенного владения устной и письменной речью. Курсы польской поэтики и риторики были нацелены не только на пополнение словарного запаса и отработку распространенных этикетных оборотов, но и на развитие чувства языка, облегчая вхождение ученика в систему культурных символов польского барокко¹⁴. Польские образцы стихосложения апеллировали к барочному идеалу сарматского рыцаря в его восточнославянской версии и были ориентированы на немногочисленных представителей православной элиты восточных кресов Речи Посполитой, а также на «старые семьи» Малороссии. С ослаблением Речи Посполитой практическое значение изучения польского языка и польской культуры уменьшается, однако их ценностно-ориентировочная роль продолжает сохраняться вплоть до 70-х гг. XVIII в.¹⁵

Право КМА принимать и обучать учеников «иных стран входящих» было зафиксировано в царских привилегиях и ни разу не подвергалось сомнению. Вместе с тем в 10–20-е гг. XVIII в., после гетмана Мазепы, демонстративное полонофильство могло быть расценено как проявление политической неблагонадежности. Однако правительственные органы Российской империи ни разу не поставили вопрос о заведомо избыточном изучении языка соседнего государства, оставив это в компетенции руководства академии.

Церковнославянский, (велико)русский и «проста мова»

Церковнославянский был языком богослужения, кроме того, на нем были написаны все книги, относящиеся к культурному наследию

восточнославянских народов, и в этом смысле он служил маркером принадлежности к просвещенному сословию и сугубо православной образованности. Как было отмечено выше, владение церковнославянским языком имело самостоятельную религиозную ценность для православного верующего. Наконец, церковнославянский язык был общим письменным литературным языком для гетманата и Велико-россии. Незначительные расхождения в великорусском и малорусском изводах церковнославянского не препятствовали поддержанию единого культурного пространства, которое включало в себя регулярный обмен литературой и самими носителями книжного знания. Кроме того, богослужebная практика цементировала языковые нормы. Для изучения церковнославянского в обеих землях использовалась «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, выдержавшая множество переизданий и частично воспроизводимая в азбуковниках.

Со второй половины XVII в. статус церковнославянского в Малороссии неуклонно нарастает, именно к нему перешли роли государственного языка и языка высокой книжности, утраченные латынью. Вместе с тем расширение использования церковнославянского языка произошло и за счет сокращения сферы хождения «простой мовы», литературного языка и языка делопроизводства в гетманате. В ходе постепенного сокращения автономии Малороссии в составе империи «проста мова» неизбежно вытеснялась в бытовую сферу, в XVIII в. она уже не могла соперничать с русским языком даже в границах гетманата¹⁶.

Языковая программа КМА предполагала обучение только церковнославянскому языку в объеме заметно меньшем, чем латыни. Современная украинская официальная историография настаивает, что КМА являлась центром формирования национального самознания и украинской культуры и «украинский язык» был включен в программу обучения еще в конце XVII в. Не затрагивая вопрос о том, насколько «просту мову» можно считать украинским языком, следует признать, что даже в условиях отсутствия специальных курсов по этому предмету¹⁷ академическое образование способствовало его развитию. Во-первых, в академию принимались только дети, уже умевшие читать и писать, естественно в большинстве своем на «простой мове», во-вторых, она активно использовалась на младших курсах в процессе обучения другим языкам. Наконец, в ходе обучения поэзии¹⁸ и риторике реализовывались представления о различиях между произведениями высокого стиля (ода, героические поэмы, трагедии, проповедь), которые писались на языке, максимально при-

ближенном к церковнославянскому, среднего (элегии, драмы, сатиры, эклоги, дружеские сочинения) – на «простой мове» или ее смеси с церковнославянским, и низкого (комедии, интермедии, песни, басни) – на «простой мове» и повседневном разговорном языке.

Студенты обучались составлению художественных прозаических и стихотворных текстов и деловой документации, а также правилам ведения переписки. Кроме того, учащиеся совершенствовали свои навыки, принимая участие в школьных спектаклях (открытых для широкой публики) и зарабатывая деньги на существование самодельными театрализованными представлениями, репетиторством, выполнением обязанностей церковнослужителей и т. д.¹⁹ Таким образом, они обучались не языку, а всем видам деятельности на этом языке.

Изучение собственно русского (великорусского) варианта языка также не предусматривалось, но уже Феофан Прокопович требовал вводить великорусские образцы в учебный план курса поэзии²⁰. Удельный вес этих образцов среди произведений латинских, польских и малороссийских авторов зависел от личных предпочтений действующего профессора пиитики, однако в течение XVIII в. он неуклонно нарастал. Переломным моментом в обучении русскому языку в КМА стало правление императрицы Елизаветы Петровны, которая в 1744 г. лично посетила Киев и продемонстрировала студентам блестящие перспективы великорусской карьеры. Если в первой четверти XVIII в. отказы студентов и преподавателей академии уехать из Малороссии еще случались, то к середине века подобные настроения, даже в случае выезда в Сибирь, исчезли. Другим значимым фактом стало творчество М. В. Ломоносова, в частности издание им «Риторики» и «Российской грамматики»²¹, в которых на русском языке излагались соответствующие учебные курсы, а также сборников стихов²², которые стали образцами для обучения основам русской поэтики.

Изучение других языков, включая греческий, в КМА не имело особой идейной подоплеки и осуществлялось при наличии соответствующего профессора и по желанию студента.

В административном отношении Киево-Могилянская академия подчинялась киевскому архиерею, а с 1721 г. – и Святешему синоду. В программу образования Синод практически не вмешивался, и система преподавания языков не стала исключением. Таким образом, на протяжении первой половины XVIII в. правительственные органы Российской империи не только не возражали против изуче-

нии польского языка, но и не требовали изучения современного им великорусского языка. Только в 1765 г. последовало распоряжение о сближении программы обучения в Академии с университетскими, в частности, предполагавшее введение преподавания российского языка по правилам Санкт-Петербургской академии наук. Насколько этот курс служил инструментом русификации обучения, может свидетельствовать распоряжение киевского митрополита Самуила (Миславского) 1784 г. о том, чтобы преподаватели следили за соблюдением чистоты «выговора» и «правописания» великорусской речи²³. И в конце XVIII в. эта проблема продолжала оставаться актуальной.

Если в первой четверти XVIII в. подобную невзыскательность со стороны государства можно отнести на счет неразберихи, вызванной бурной преобразовательной деятельностью Петра I, то благожелательное отношение ко всему малороссийскому в середине века было вызвано личными предпочтениями императрицы Елизаветы Петровны.

Ограничения в употреблении «простой мовы» касались лишь книгоиздательской деятельности²⁴. Так, в указах требовалось, чтобы в книгах, печатаемых на церковнославянском языке и предназначенных для продажи в том числе и в Великороссии, соблюдались «орфография, сиречь правописание и правоверие великороссийское правильное»; чтобы «никакой розни и особого речения не было», а «малороссийские примрачные (непонятные, темные по смыслу. — С. Л.) речения» следовало заменять «обыкновенными». Некоторые историки в этих ограничениях видят дискриминационные меры в отношении зарождавшегося украинского языка. Противоположной точки зрения придерживается, например, А. Даниленко, утверждающий, что в отличие от Правобережья «проста мова» на Левобережье Малороссии не подвергалась давлению со стороны государственной власти²⁵. Следует подчеркнуть, что меры по ограничению использования языка вводил Синод, в составе которого большинство составляли выходцы из Малороссии, а контроль за соблюдением единства орфографии также был возложен на выпускника КМА архимандрита Гавриила (Бужинского).

В любом случае эти меры не имели отношения к системе образования. Единственный запрет на использование «малороссийского наречия» в стенах Киево-Могилянской академии касался бытового общения студентов и преподавателей во внеучебное время и был наложен киевским митрополитом Рафаилом (Заборовским) 07.10.1734 г. не с целью заставить употреблять русский язык, а для того чтобы

вынудить студентов успешнее изучать латынь. Таким образом, придворные круги Российской империи, Сенат и Синод не стремились ни русифицировать молодых представителей интеллектуальной элиты гетманата, ни облегчить им начало карьеры в Великороссии.

Переселяясь в великорусские земли, выпускники Киево-Могилянской академии сразу же обнаруживали, что их разговорный «руський» язык и книжная «проста мова» очень отличаются от языков, на котором общается, ведет переписку и частично деловую документацию местное население, и знания церковнославянского языка недостаточно.

Свидетельства этого можно увидеть, например, в отзывах на квалификационные работы будущих переводчиков Коллегии иностранных дел. В таких отзывах регулярно указывалось, что в знании иностранного (польского или немецкого) языка кандидат «изряден», но его русский письменный язык нуждается в дальнейшем совершенствовании. Например, в отношении экзаменуемого Г. Полетики В. К. Тредиаковский отмечал, что «российский язык его есть по большей части в переводе диалект малороссийский»²⁶. Таким образом, выпускники академии 4–6 года обучения были не вполне готовы к осуществлению желаемой карьеры.

Аналогичная ситуация складывалась в отношении выпускников высшего, богословского факультета. Тексты проповедей архиереев подлежали обязательному изданию, и издательские корректуры у недавно назначенных архиереев-малороссов пестрели замечаниями справщиков Печатного двора, отмечавших отступления от великорусской языковой практики²⁷. Характерно, что корректоры часть замечаний устраняли сами, но исправления малоруссизмов всегда согласовывались с автором.

Часть духовных лиц в течение нескольких лет службы в Великороссии перенимала привычки своего окружения: так, П. И. Житецкий указывает, что в проповедях ростовского епископа Дмитрия (Туптало) малорусские обороты исчезли только спустя 9 лет после хиротонии²⁸.

Языковая ассимиляция происходила с разной степенью успешности, например, диакон Стефан Васильевич Савицкий, окончивший КМА в 1738 г., уже через год после переезда в Санкт-Петербург писал проповеди как великоросс, но некоторые иереи продолжали настаивать на использовании именно малорусских вариантов. Например, епископ Симеон (Тодорский) считался знатоком языков, в КМА преподавал немецкий и иврит, а также читал курсы по поэтике

и богословию на латыни. Однако и после двух лет жизни при дворе он требовал от справщиков Печатного двора оставить малоруссизмы в печатном тексте его проповедей²⁹.

Выговор Симона Тодорского также вызывал насмешки у его недоброжелателей, в частности великого князя Петра Федоровича, однако епископ, чувствуя поддержку со стороны императрицы Елизаветы Алексеевны, не считал нужным его менять и без малейшего стеснения произносил публичные речи, в том числе и во время церемонии бракосочетания наследника престола³⁰.

Именно «высочайшая поддержка» ввела в моду малороссийский выговор при дворе. Другим каналом языкового влияния следует признать церковную среду. Хотя речь новопоставленных иереев не всегда была понятна пастве, число мигрантов было достаточно велико, и они занимали лидирующее положение. А. П. Сумароков свидетельствовал: «Знатнейшие наши духовные были ко стыду нашему только одни Малороссиянцы, почти до времен владеющей нами самодержицы (т. е. Екатерины II. – С. Л.): от чего все духовные слепо следуя их неправильному и провинциальному наречию вместо во веки и протч. говорили во вики и так далее...»³¹

При выезде из Малороссии будущий епископ или настоятель монастыря стремился взять с собой или пригласить к себе некоторое количество земляков (администраторов, казначеев, библиотекарей, чтецов, певчих и т. д.), которым он мог доверять и которые обеспечивали ему, в частности, языковой комфорт. С перемещением патрона на новое место его приближенные иногда теряли свое привилегированное положение, но если новый архиерей/настоятель также был выходцем из Малороссии, оно только упрочнялось. Если должность получал враждебно настроенный великоросс, он мог изгнать клеветников своего предшественника, и они или искали новое место, или возвращались на родину. Даже приблизительные размеры этой эмиграции неизвестны, судьба переселенца зависела от многих факторов.

В качестве примера можно привести судьбу Венедикта Голецкого, который в 1739 г. окончил богословский факультет КМА³² и стал служить при Киево-Софийском соборе. Спустя неполный год, в марте 1740 г., епископ Савва (Шпаковский) пригласил его в Архангельск на должность экзаменатора кандидатов на священнические должности³³. Голецкий был принят «любовно и честно»³⁴, и ему была обещана должность архимандрита Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Однако спустя всего три месяца, 30.06.1740 г., епископ Савва был переведен в Коломну, а на Архангелогородскую

кафедру был назначен великоросс Варсонофий (Щеныков), который недолюбливал «черкашенинов»³⁵. В результате конфликта Голецкий вопреки прямому указанию Синода был вынужден покинуть монастырь, так и не став его настоятелем, а в мае 1742 г. уже просил об увольнении и назначении на новое место. Синод рекомендовал его на должность профессора пиитики в московскую Славяно-Латинскую академию, но в конце концов Голецкий вернулся в Киев³⁶.

Еще одним каналом распространения украинского произношения была система образования. КМА готовила профессорско-преподавательский состав для других училищ и школ, ее выпускники работали практически во всех образовательных учреждениях России XVIII в. По воспоминаниям учеников казанской школы, учителя говорили с отчетливым малороссийским акцентом и требовали, чтобы ученики повторяли их выговор. Таким образом, можно констатировать, что внутри отдельных социальных групп в Великороссии устный украинский язык имел относительно широкое распространение.

М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» утверждал, что существуют три «главных российских диалекта <...> московский, северный и украинский»³⁷, преимущество признавал за московским и не внес в свой учебник ни звуковые, ни лексические, ни морфологические особенности «украинского диалекта». Ломоносов ни разу, видимо с оглядкой на «высочайшую поддержку», не назвал неправильными или ошибочными нормы «украинского диалекта», однако настаивал на том, что говорить и писать следует «чисто Российским языком».

Несмотря на некоторые проявления бытового национализма, размеры этой проблемы не вызывали тревоги у духовных и светских властей Российской империи. Во-первых, «малороссы» не составляли единой оппозиционной группы; воспитанники КМА были участниками всех придворных и внутрицерковных партий и идейных течений на протяжении всего XVIII в. Во-вторых, отрефлексированные современниками языковые различия между великороссами и малороссами относились преимущественно к сфере устного языка. С развитием отечественного языкознания и разработкой норм литературного русского языка государство стало предпринимать усилия по корректировке образовательной программы в КМА и по соблюдению «языковой чистоты», но эти меры относятся уже к истории XIX в.

Анализируя программу языкового обучения в Киево-Могилянской академии XVII–XVIII вв., становится понятным, что в данном случае более важным является не **что** преподавалось в ее стенах, а **почему**

и в каком объеме. Ответы на эти вопросы помогут скорректировать современные представления о роли Российской империи в процессе формирования национального самосознания населения Малороссии, и особенно ее политической и культурной элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб, 1851. Т. 4. № 32.

2 Вишенский Иван. Зачапка мудраго латынника с глупым русином // Вишенский Иван. Сочинения / Публ. И. П. Ерёмина. М.; Л., 1955. С. 372.

3 Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд. Т. 1. С. 90–129. URL: http://krotov.info/history/18/1/uspen_12.htm (дата обращения: 24.09.2017).

4 Кантрев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской академии // Прибавления к Творениям св. Отцов. М., 1889. Т. 44. С. 674, 677.

5 Там же. С. 679.

6 Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1788–1791. Ч. 6. С. 409.

7 Sakowicz K. *Ἐπανόρθωσις* abo *perspectiwa i objaśnienie błędów, herezjej i zabobonów w grekoruskiej cerkwi disunitskiej...* znajdujących sie. Kraków, 1642. P. 211–213/ URL: <https://books.google.ru/books?id=9p6cX0eXTUwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

8 Сильвестр (Коссов), митр. *Exegesis* // Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (далее – АРЮЗР). Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. Киев, 1914. С. 444–445.

9 Тер-Григорян-Демьянюк Н. Киево-братская школа в период ректорства Кассиана Саковича. Глава 2: Кассиан Сакович и изучение языков в Киево-братской школе. URL: <http://criteriocristiano.com.ar/ru/c7ru.htm> (дата обращения: 22.09.2017).

10 Петр (Могила), митр. *Літос альбо камень* // АРЮЗР. Ч. 1. Т. 9. Киев, 1893 С. 375–377.

11 Только в 1754–1768 гг. из Киева выехало 300 будущих медиков, см.: Дзюба Е. М. Українці в культурному житті Росії 18 ст.: причини міграції // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 159.

12 Хижняк З. И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 80.

13 Білодід І. К. Киево-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов. Київ, 1979. С. 217.

14 Насколько ученики изучали действительно книжный польский язык, а не версию «простой мовы», записанную латиницей, остается за рамками данного исследования.

15 *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 141–154.

16 М. Мозер утверждает, что после 1765 г. на Левобережной Украине практически отсутствуют юридические документы, составленные на украинском языке, см.: *Мозер М.* Причинки до історії української мови. Харків, 2008 С. 302. Следует отметить, что Мозер считает «простой мовой» только книжный язык XVII в., а язык XVIII в. называет украинским, хотя не показывает ни различия между этими языками, ни процесс трансформации.

17 Утверждение З. И. Хижняк о том, что «просту мову» изучали в КМА по грамматике Мелетия Смотрицкого, следует считать явной ошибкой, см.: *Хижняк З. И.* Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 78.

18 В учебнике пиитики Георгия (Конисского) 1740 г. был введен целый раздел, посвященный малороссийской поэзии, см.: *Хижняк З. И.* Киево-Могилянская академия... С. 88–89.

19 *Аскоченский В. И.* Киев с древнейшим его училищем Академией. Ч. 1. Киев, 1856. С. 270–274; *Дзюба Е. М.* Українці в культурному житті Росії 18 ст. ... С. 178.

20 *Лужний Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII в.). URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/07_tom_XVIII/Luzhniij/Luzhniij.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

21 *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию. Кн. 1: В коей содержится Риторика... СПб., 1748; *Он же.* Риторика. СПб., 1748; *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755.

22 *Ломоносов М. В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе. СПб., 1751, 1757–1759 и др.

23 Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Ф. 301. Оп. 751л. № 35. Арк. 131–133.

24 Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 6. 1720–1722 гг. СПб., 1830. С. 244, № 3653

25 *Danylenko A.* The formation of new standard Ukrainian. From the history of an undeclared contest between Right- and Left-Bank Ukrainian in the 18th c. // *Die Welt der Slaven.* 2008. Jahr 53 (1). S. 42–115.

26 Цит. по: *Дзюба Е. Н.* Переводческая деятельность воспитанников Киевской академии (XVIII в.) // *Культура и общественные связи Украины со странами Европы.* Киев; Одесса, 1990. С. 66.

27 *Kislova E. I.* Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy // *Beitraege der Europaeischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* Jahr 17. 2014. P. 84–91. URL: http://ekislova.ru/wp-content/uploads/2009/07/P17_kislova_Eng.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

28 *Житецкий П. И.* К истории литературной русской речи в XVIII веке // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.* 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 15–16.

29 *Kislova E. I.* Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy...

30 *Записки императрицы Екатерины.* М., 1989. С. 48–49.

31 *Сумароков А. П.* О правописании. URL: http://www.azlib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0280oldorfo.shtml (дата обращения: 21.09.2017).

32 *Российский государственный исторический архив.* Ф. 796. Оп. 20. С. 231.

33 Там же. С. 41.

34 Там же. С. 47.

35 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Кн. 5. С. 528–529.

36 Там же. Оп. 23. С. 95. По поводу судеб малороссов, выехавших в Тобольск к епископу Филофею (Лещинскому) см.: *Фефелова О. А.* Деятельность выпускников Киевской Академии в Сибири в XVIII в. // *Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности. Ломоносовские чтения / Под общ. ред. Л. Н. Пашковой.* М., 2006. С. 501–505.

37 *Ломоносов М. В.* Сочинения. Т. 4. СПб., 1898. С. 52.

S. S. Lukashova

Language environment in the Kiev-Mohyla Academy in the 18th century

The article deals with the peculiarities of Kyiv-Mohyla Academy students language training during the XVII – first half of the XVIII century, in particular, the teaching of Latin, Polish, Church Slavonic, Russian and “prosta mova” languages. These languages contributed to the national and regional identities formation among the Academy graduates, as well as influenced the political and cultural background in the Malorussia. The answers to the questions “how”, “why” and “to what extent” these languages were taught will help to correct the current understanding of the role of the Russian Empire in the national consciousness formation of Malorussians, especially the political and cultural elite.

Keywords: *Kyiv-Mohyla Academy, language training, Russian Empire, “malorussian impact”, identity.*

М. В. Лескинен
(Москва)

Лингвистические классификации и их роль в полемике о статусе восточнославянских языков / наречий. 1830–1890-е гг.

В статье рассмотрена эволюция этногенетической классификации славянских языков в российской науке начиная с первой трети XIX и заканчивая рубежом XIX–XX вв. Показано, как в языковых таксономиях менялся статус восточнославянской группы языков и его наречий, как возобладала концепция, согласно которой «русскому триединому племени» соответствует русский язык, а «отраслям» – т. е. великорусам, малорусам и белорусам – три его наречия. В последней трети XIX в. и на рубеже веков в научной и учебной российской литературе малороссийское / малорусское наречие признавалось одним из трех наречий русского языка, не обладающим признаками языка литературного. Однако в то же время активно стала декларироваться конвенциональность подобной классификации. Ключевые слова: *история лингвистических классификаций, малороссийский язык / наречие, русский народ, восточнославянская группа языков, великорусы, малорусы, белорусы.*

В конце XVIII – первой трети XIX в. язык считался главным и бесспорным критерием этнической принадлежности. Кроме того, язык оставался важным доказательством древности народов через установление совершенства его «наречия»¹. Г. Ф. Миллер в 1770-е гг. писал: «Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности»². Для состояния лингвистических представлений эпохи Просвещения такое утверждение можно рассматривать как формулу-аксиому, однако с углублением сравнительно-языковых исследований с начала XIX в. всё более острым становился вопрос определения степени сходства и различия родственных языков и доказательства их близости. Но на протяжении всего XIX столетия теоретическая установка о том, что язык – главный этнический признак, неоднократно подвергалась сомнению.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

Для классификации языков и наречий племен Российской империи Е. Ф. Зябловский (1810) использовал два критерия: антропологический и лингвистический, однако второй считал более важным (он «достовернее»³). Ф. В. Булгарин в 1837 г. утверждал, что определять происхождение народов по языкам – «путь неверный»⁴. В программной для российского народоведения статье Н. И. Надеждина (1847) о предмете и методах исследования русской народности язык был признан важнейшим критерием этнографической идентификации человеческих сообществ: «До сих пор <...> не открыто другого вернейшего и удобнейшего средства различать и опознавать “народы”, как по их “языку”»⁵. Если М. П. Погодин был убежден, что только «язык – <...> естественная граница народов. Где говорят по-польски – там Польша, где говорят по-русски – там Россия»⁶ (1859) (при этом не изменяя своей вере в то, что определить язык можно, не прибегая к лингвистическим методам исследования), а Н. И. Соловьев считал аксиомой прежние заключения о том, что язык – главный критерий национальной принадлежности⁷ (1866), то в нормативном тексте – словаре под редакцией И. Н. Березина – находим утверждение о том, что «в некоторых случаях именно при сходстве физического типа язык тоже может служить доказательством принадлежности народов к одному общему отделу человеческого рода, сам же по себе он еще ничего не доказывает и не решает вопроса»⁸ (1879). Итоговым для столетия стал, однако, возврат к позиции Н. И. Надеждина: в статье Д. Н. Анучина для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1899) однозначно констатировалось: «основой для этнографической классификации является язык»⁹. Поэтому невозможно игнорировать трансформации языковых генетических таксономий и классификаций в науке, так как они напрямую были связаны с представлениями о происхождении племен и их наречий или народов и языков.

Генетические классификации славянских языков эпохи романтизма

Исследованием вопроса о времени разделения единого русского народа на три «поколения», три «племенные ветви» занимались ученые, изучавшие проблему формирования или разделения великорусского, малорусского и белорусского наречий. Рассмотрим основные научные направления, версии и гипотезы о месте русского языка / наречия в общелингвистических классификациях или в системе славянских языков и их соответствие концепциям этногенеза восточных славян. Важно подчеркнуть, что кажущаяся иногда

очевидной для второй половины столетия таксономия славянских языков сложилась лишь в 1820–1840-е гг., и потому эти вопросы в первой трети XIX столетия оказались в центре специально-лингвистических и историко-культурных штудий¹⁰. Значения, вкладываемые в определения «российский» и «славянский», в тот период также были довольно размыты. Как показывают современные исследования, термин «российский» в начале XIX в. был еще не очень привычен как для обозначения литературного языка, так и для научного лексикона (тезаурус только начинал разрабатываться¹¹), и его соотношение с определениями «русский» и «славянский» еще не выработалось окончательно. Следует подчеркнуть также, что в связи с этим актуальность приобретает вопрос о значении понятия «язык» в имеющихся классификациях: в одних случаях (доминирующих в первой половине столетия) под ним понималась речь в узком смысле слова, т. е. вне соотношения с проблемой письменного языка, например церковнославянского, а в других определение применялось избирательно, с учетом различия литературного / нормативного языка и «живого» (т. е. разговорного). Особенно значимой такая дифференциация стала во второй половине столетия. Нас интересуют систематизации более общие, первого рода.

Н. М. Карамзин в первом томе своей «Истории» (1816) писал, что «славянские племена утратили единство языка, и в течение времени произошли разные его наречия, из коих главные суть: 1) русское, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами»; «2) польское, смешанное со многими латинскими и немецкими словами»; 3) чешское – в Богемии, Моравии и Венгрии; 4) «иллирическое, т. е. болгарское», 5) «кroatское»¹². В сноске к этому перечню историк, явно опираясь не только на указанные им в примечании в качестве источника «Сравнительные словари всех языков» П. С. Палласа (1787), перечислял «кроме общего, несколько особенных наречий (русских. – М. Л.): украинское, суздальское, новгородское»¹³.

Ф. П. Аделунг относил «русские наречия» к славянской группе и полагал, ссылаясь на труды А. С. Шишкова, что их существует всего два: суздальское и украинское (1820)¹⁴. Н. И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы» (1822)¹⁵ подробно останавливался на проблемах лингвогенеза. Он утверждал, что славянский язык имеет общее «азиатское» происхождение с другими европейскими языками. В глубокой древности существовало, по его мнению, одно наречие, позже разделившееся на две группы: восточное (славянское) и

западное (антское)¹⁶, от которых уже сформировались многочисленные «отрасли». В составе первой группы Греч выделял восточную и западную «отрасли», к первой относя русский, церковнославянский, сербский (состоящий из сербского, боснийского, болгарского, славонского, долматского, черногорского и др. наречий), кроатский и краинский языки. Н. И. Греч предложил классификацию русских наречий, объявив «главным» великороссийское наречие и обозначив несколько «второстепенных», из которых «важнейшим» именовал малороссийское, «различествующее от главного многими выражениями, оборотами и грамматическими формами»¹⁷. На белорусском наречии, по его мнению, говорят жители Волыни и Литвы, и то же наречие, именуемое «руським», было книжным языком некоторых писателей XVI–XVII вв. Близкими к великороссийскому наречию и мало отличными от него он считал суздальское, олонекское и новгородское¹⁸. Великороссийское и малороссийское наречия, таким образом, выступают у него как равные единицы одного языка – в сущности, представляя в качестве диалектов русского; однако их статус различен.

В интерпретации 1820-х гг. отчетливо прослеживается теоретическая схематизация, присущая и разработке этнических иерархий: близкородственные региональные этнические группы зачастую трактовались как образовавшиеся в результате завоевания одним народом другого или физического «смешения» разных племен. Языки, согласно этой логике, также могли формироваться путем «смешения» – т. е. активного заимствования. При этом факт смешения / заимствования лексики из других языков расценивался как негативный. Самой сложной и спорной частью идентификации языка была методика выявления заимствований: на рубеже веков она опиралась на сравнительный анализ в первую очередь лексического состава. Сравнением языков, казавшимся довольно очевидным и простым способом идентификации племенного и лингвистического родства, руководствовались многие и разные по уровню компетентности авторы 1820–1830-х гг.: установив в каком-либо языке лексические сходства, они объявляли их заимствованием, в особенности если оно могло быть подтверждено известными историческими процессами (завоеваниями, некогда общей государственностью, длительным соседством и т. п.). Обнаружение «чуждых» слов давало основания полагать, что они заимствованы, а наличие их значительного числа порождало заключения о «промежуточном», переходном характере, несамостоятельности языка. Так, О. И. Сенковский был убежден,

что, «...коль скоро известная часть одного племени <...> соединится с частью другого племени, <...> через некоторое время рождается новый язык, составленный из смешанных начал (этих двух. – *М. Л.*) языков, и с установлением языка утверждается нравственный быт народа – его народность. Материальная часть этого нового языка состоит обыкновенно в простом перемешании слов (этих языков. – *М. Л.*)»¹⁹. Более многочисленное племя «оставит» в новом языке свои формы и произношение, а заимствования будут видоизменены. Одинаковый уровень развития племен или их «равные отношения» приведут к тому, что лексика, «формы» (т. е. грамматика) и произношение (фонетика) «соются вместе, перепутаются, проникнут друг в друга». Именно так, по мнению автора, создавался в том числе и славянский язык²⁰. Авторы научной языковой классификации – например, П. И. Кеппен²¹ – считали, что изменения древнего славянского языка в разных регионах Европейской России происходили порозному, в зависимости от включения в его состав слов неславянских языковых групп – путем простого, механического заимствования. «Кривичское» (т. е. употребляемое в Белоруссии) наречие ученый представлял как «нечто среднее» между малороссийским и польским²², а малороссийскому приписывал включение множества слов «немецкого происхождения», а также влияние на него «латинского языка науки»²³. В том говоре, который можно соотнести с собственно великорусским (суздальским), он усматривал еще один источник «слияний» – язык завоевателей (татар и монголов): «...северная или, лучше сказать, собственно так называемая Великороссия и в особенности восточные губернии оной более приняли слов татарских, нежели Малороссия»²⁴.

В первой половине столетия считалось возможным установить «коренные» и привнесенные элементы в родственных славянских языках, не прибегая к специальным аналитическим процедурам, а опираясь исключительно на собственный опыт и интуитивное сравнение со своим родным языком – оценивая в первую очередь понятность и фонетические особенности речи, – т. е. по «внешним», «на слух», признакам. Наблюдатель воспринимал их как отличные от «своей» речи или непонятные (такая квалификация, очевидно, была произвольной, поскольку диктовалась субъективными представлениями о языковой норме – как литературной, так и разговорной). Здесь можно провести аналогию с установлением путешественником того времени этнической принадлежности изучаемого объекта на основании собственного визуального наблюдения; «на глаз», как

полагали народоописатели вплоть до конца XIX в., возможно установить этнического «своего» и «чужого», а по физическому облику и костюму – выявить региональные инварианты этнического типа и даже близкое или дальнее родство племен / народов. Следует подчеркнуть, однако, то обстоятельство, что сравнительно-исторические исследования языков отнюдь не ограничивались сопоставлением лексики, гораздо более важную роль играли морфология и фонетика, но для неискушенных в филологических изысканиях авторов такой анализ не был доступен. Путешественник и автор записок о Малороссии А. И. Левшин, например, не приводя никаких дополнительных аргументов, кроме понятности для «великороссиянина» (т. е. для него самого), постулировал: малороссийский язык происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину»²⁵.

Отношение к малороссийскому наречию как к русскому, «испорченному» польским влиянием, было довольно распространенным в первой трети XIX в.²⁶ Н. И. Греч писал, что «малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в Юго-Западной России и может даже называться областным польским»²⁷. И. А. Кулжинский также усматривал в малороссийском «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»²⁸. П. П. Свиньин различия между великорусским и малороссийским объяснял не западным, польским, а татарским воздействием²⁹. Закономерным казался в этом случае и вывод о том, что «по присоединении Малой Руси к Великой влияние польской словесности ощутительно ослабевало»³⁰. Однако упреки в смешанности предьявлялись и русскому языку (смесь славянского с финскими наречиями и с языком русов).

Русский язык и его состав в иерархии славянских языков: 1840–50-е гг.

Для создания логичной и обоснованной таксономии народов по языкам необходимо было создать и сам лингвистический лексикон, понятийный тезаурус иерархических элементов этой структуры – т. е. языковой системы, в особенности уровней и единиц языка (то, что сегодня именуется языковой семьей, ее ветвями, языками и диалектами). Эта задача стала привлекать исследователей 1830–1840-х гг. Во всех современных лекционных курсах, учебниках и

очерках по истории российского и славянского языкознания описывается эволюция лингвистических систематизаций³¹. Не подлежит, в частности, сомнению, что и двух-, и трехкомпонентная классификации славянских языков / наречий не были идеальными вариантами, хотя их сугубо лингвистические обоснования для своего времени были убедительны.

Из авторов, определивших позицию русского языка в системе славянских, следует назвать прежде всего чешских ученых Й. Добровского и П. Шафарика, труды которых стали известны в России в первой трети XIX в. Разделение славянских языков на две группы впервые обосновал Й. Добровский (1822)³²: это восточнославянские (с русским, церковнославянским, иллирийским, хорватским, словенским и «виндским») и западнославянские языки. Аналогичное двучленное деление было представлено и в трудах П. Й. Шафарика, изменилось лишь наименование подразделений: юго-восточная и северо-западная группы. По инициативе М. П. Погодина О. М. Бодянский перевел на русский язык сочинение П. Й. Шафарика «Славянское народописание» (1843)³³. И тезаурус Шафарика, и предложенный Бодянским перевод на русский язык его терминосистемы продемонстрировали трудности создаваемой классификации – не только понятийно-лингвистические, но и историко-культурные. И. Й. Добровский, и П. Й. Шафарик, и их российские последователи в обоснованиях лингвогенетических гипотез исходили из принципа соответствия лингвистической и этнографической классификаций всё тем же (что и Шлёцер в XVIII в.) естественнонаучным системам. П. Й. Шафарик начинал свое сочинение с того, что выдвигал схему разделения всего «человеческого рода», который «по своим телесным признакам и свойству языков делится на различные племена, колена, поколения и народы»³⁴. Народы, в свою очередь, подразделяются на ветви, или «отрасли» (все понятия / таксоны даны в переводе О. М. Бодянского)³⁵. Всего Шафарик выделял 4 племени человеческого рода; индоевропейское племя состоит из колен, одно из которых – колено славянское с «поколениями» славянским и литовским³⁶. Общности (этнокультурной и языковой?) каждого исторического этапа соответствовало определенное состояние или уровень развития языка: у племени это – группа языков, у поколения – язык (подразделяющийся на «отделы речи» или говоры), у народа – речь, у ветвей и «отраслей» народа – наречия, которые могут разделяться на подречия, а те, в свою очередь, на разноречия. Исходя из такого соположения все славянские поколения являются носителями славянско-

го языка, состоящего из двух говоров: юго-восточного и западного. Юго-восточный говор подразделяется на три «речи»: русскую, болгарскую и иллирийскую. Русская речь, в свою очередь, имеет более дробное деление: великорусское, малорусское и белорусское наречия. Всего, резюмирует Шафарик, в славянском языке 2 говора, 7 речей, 14 наречий и 2 подречия³⁷. Именно концепция Шафарика определила последующие варианты классификаций славянских языков, а также наименование ее таксонов (наречия / подречия / оттенки).

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. в российском языкознании формируется и аргументируется иная концепция состава или разделения славянских языков. Она основывалась на том, что русский язык объявлялся теперь «средним» вариантом между западными и южными славянскими языками. Первым ее выдвинул чешский ученый Ф. Палацкий, однако принято считать, что его трехсоставная структура славянских языков восходит к сочинению А. Х. Востокова «Рассуждения о славянском языке» (1820)³⁸. Палацкий писал, что в некоторых своих формах (признаках) русский язык ближе к западным, нежели юго-восточным «диалектам» славянских языков по классификации Й. Добровского³⁹. О. И. Сенковский также отвергал имеющиеся классификации славянских языков (прежде всего Й. Добровского, который включал русский в восточнославянскую группу): «Что касается до великороссийского наречия или нынешнего русского языка, то весьма ошибаются те, которые относят его к восточным славянским наречиям: наш язык, по коренным своим формам, принадлежит к западным; только произношение его заимствовано из восточных наречий, и оно еще значительно изменилось <...> от влияния финнизма...»⁴⁰

Вначале не предполагалось выделять русский язык в третью категорию, несогласие с чешскими славистами выражалось лишь в нежелании включать его в одно из двух подразделений «речей» славянских. В статье «Европеизм и народность»⁴¹ (1836) Н. И. Надеждин с восторгом констатировал, что ошибочная идея Й. Добровского о причислении русского языка к общей с южнославянскими языками группе уже опровергнута в новых работах П. Шафарика (Н. И. Надеждин ошибочно приписывал заслугу изменения классификации славянских говоров с русским как самостоятельным третьим элементом переменившему свою позицию П. Шафарика, но в действительности за это следовало «благодарить» Ф. Палацкого⁴²). Весьма важна аргументация Надеждина, как лингвистическая, так и идеологическая: принимать русский язык, пишет он, «за второсте-

пенное наречие южной отрасли славянского семейства, причитать в родные братья наречиям южным... и в двоюродные – наречиям западным... значит... не иметь об нем верного и точного понятия»⁴³. Гораздо правомернее признавать «русский язык третьей, чисто восточной отраслью славянских языков, во всех отношениях равной двум первым: южно-западной (задунайской) и северо-западной (прибалтийской). Это восстановление русского языка в своем достоинстве весьма важно, не столько по мелочным расчетам народного самолюбия, сколько потому, что, определяя настоящие отношения его к другим, избавляет от опасности чуждого, несвойственного влияния»⁴⁴, – убеждал Надеждин. Отрицая «расчеты народного самолюбия», но упоминая о них, Н. И. Надеждин самим фактом подобной трактовки «проговаривается» о возможных мотивах данной классификации. Очевидно, что необходимость выделения русского языка в отдельную, третью группу, была продиктована не столько сугубо лингвистическими критериями, сколько стремлением повысить его статус, создав из него одну группу того же уровня и места в иерархии, в которую внесен только один язык. Единственный, но равный «по достоинству» нескольким.

Вторым важным его аргументом является всё тот же, столь острый для предыдущего десятилетия, вопрос о «влиянии чуждом». Самостоятельность языка так или иначе соотносилась с критерием незначительности внешнего воздействия (в данном случае со стороны южнославянских языков). Через год в статье для Энциклопедического лексикона (1837) Н. И. Надеждин идет дальше. Он уже безо всяких оговорок отождествляет место племени в этнической иерархии с положением его наречия в лингвистической системе. Иначе говоря: народу соответствует язык, племени в его составе – наречие, что дает ему основание констатировать: «всё заставляет признать в славяно-руссах особое, самостоятельное племя славян: племя восточное, равностепенное и юго-западному, <...> и северо-западному»⁴⁵. Обширное пространство и активное расселение, утверждает Надеждин, не могло не привести к контактам с народами «чуждого происхождения», что сформировало «разные поколения» этого восточного славянского племени. Более всего получило «характеристических особенностей» то из них, что сложилось на северо-западе, оно и составило нынешний «великороссийский народ», отличный от малороссийского (на юго-западе) и белорусского (на севере). В этой статье Н. И. Надеждин, таким образом, представляет череду последовательных отождествлений, которые, не вступая в значительное

противоречие со схемами эволюции языков и племен (ранее предлагавшимися различными исследователями), создают принципиально новое качество. Лингвистическая единица соответствует племенной (т. е. этнической) общности, следовательно, элементы первой можно соотносить с элементами второй. Важно подчеркнуть, что у Надеждина в данной работе впервые использована собственная, отличная от чешских авторов этнографическая таксономия: семейство (славяне) – племена (восточное, или славянорусское, юго-западное и северо-западное), каждое из которых состоит из поколений или народов. Так оказывается, что восточное, или славянорусское, *племя* подразделяется на три *поколения* или *народа*.

Надеждин пишет: «...великорусский язык нельзя назвать наречием; это особая ветвь славяно-русской речи. Он отличается от малороссийского и белорусского не только грамматическими особенностями в словопроизводстве и словосочинении, но даже резкою своеобразием в самой физиологической организации звуков»⁴⁶, а «отделение великороссийского языка произошло не от случайной примеси чуждых, иноязычных элементов, а было естественным следствием влияния северной природы... (славяно-русская основа гораздо в нем чище)»⁴⁷. Однако такой же явственной системы терминов, как в этнографической таксономии, в языковой надеждинской системе отчетливо не прослеживается. В частности, довольно сложно установить закономерность применения им терминов «язык», «наречие» и «речь» в определениях русского и великороссийского.

В этой же статье Н. И. Надеждин уже окончательно формулирует идею, которую он впервые высказал годом ранее: «Русская речь отличается от прочих славянских языков тем, что занимает средину между двумя обширными ветвями, на которые разделил их Добровский и вслед за ним Шафарик»⁴⁸, ведь «отличительные признаки обоих родов славянских наречий, юго-восточного и северо-западного, <...> встречаются совокупно в языке русском. И нигде это совмещение <...> не обнаруживается ярче, как собственно у великороссиян...»⁴⁹

Важное место рассуждения о положении русского языка в системе славянских языков занимали в статье М. А. Максимовича (1838)⁵⁰. Критикуя систематизацию славянских языков Й. Добровского и П. Шафарика, М. А. Максимович, ссылаясь на рассмотренные выше статьи Н. И. Надеждина и «Историю Богемии» Ф. Палацко, одобрял эту новую классификацию. Но всё же Максимовичу не импонировало включение русских языков в третью самостоятельную ветвь

под именем восточнославянских, он остановился на двучленной, но кардинально иной схеме («двух половин» «словенских языков»): восточного, или русского («разряда»), и всех остальных, именуемых западным «разрядом»⁵¹. М. А. Максимович настаивал на том, что язык русский следует рассматривать «наравне с языками юго-западного разряда» как «самостоятельную (восточную) половину всего круга языков словенских...»⁵². Носителей русского языка он распределил в две соответствующие группы: северо-восточные словены (северные «русы») (подразделяемые на носителей великорусского и литовско-русского или белорусского языков) и юго-восточные словены (или «южные русы»), говорящие на южнорусском языке, разделяющемся на малороссийское (украинское) наречие и «червонорусское» (галицкое)⁵³. Таким образом, получается, что русский язык состоит из трех языков, один из которых включает два наречия. Однако термин «наречие» применительно к южнорусскому языку был для М. А. Максимовича неприемлем, поскольку в его понятийной системе обозначал «диалект»⁵⁴. Классификация Максимовича исходила из его видения истории восточнославянских племен⁵⁵.

Русские / восточные языки, таким образом, оказываются одной из двух славянских групп. Иначе говоря, в этом делении русский язык тоже «повышает» свой статус – как в сравнении с классификацией Шафарика, так и в сравнении с иерархией Надеждина. Выделяя русский язык в самостоятельную таксономическую единицу, Максимович, кроме того, решительно настаивает на том, что малороссийское наречие есть «язык особый». Поэтому языки «восточных или русских словен» делятся им на два разряда и три языка: 1-й разряд) севернорусский, или северо-восточный, состоящий из: а) великорусского языка с четырьмя наречиями; б) литовско-русского или белорусского языка и 2-й разряд) южнорусский, или юго-восточный, к которому принадлежит третий (южнорусский) язык с двумя наречиями⁵⁶.

Вторым элементом системы Шафарика, получившим наиболее активный отклик в среде российских ученых, стал сам круг лингвистических понятий (представленных в переводе О. М. Бодянского). Терминосистема эта, как видим, не устроила ни И. И. Срезневского, ни Н. И. Надеждина. Наиболее последовательно высказался по поводу нее М. А. Максимович, который настаивал, что более удачным для русского языка соответствием этнографического и языкового разделения является не поколение – язык, народ – речь, а народ – язык: «Язык и народ (должны быть. – М. Л.) приняты как два названия равностепенные и соответственные друг другу»⁵⁷.

Вскоре после выхода русского перевода «Народописания» П. Шафарика была опубликована рецензия на нее И. И. Срезневского⁵⁸ (правда, он писал рецензию не на перевод О. М. Бодянского, а на чешский оригинал книги). Российский филолог весьма критично отнесся к классификации чешского ученого – в том числе и в той части, которая касалась русского языка. Он, в сущности, соглашался с предложением Н. И. Надеждина выделить русский язык в самостоятельную восточную ветвь. Вместо деления Шафарика он предложил свое: всего 12 главных наречий славянских (из которых два – мертвые), десять объединяются в 8 отделов и три группы: восточные наречия (великорусское и малорусское без белорусского), юго-западные (четыре отдела: три и старославянское церковное наречие), северо-западные (пять отделов)⁵⁹. Таким образом, И. И. Срезневский первым поддержал концепцию Н. И. Надеждина, выделив третью, самостоятельную разновидность восточнославянских (русских) наречий из языков славянских. Он также полагал необоснованным разделение русской речи на три наречия⁶⁰, поскольку не признавал белорусское «таким же самостоятельным наречием, как великорусское»⁶¹.

В статье «О системе славянских наречий» (1845) М. А. Максимович строил аргументацию с опорой именно на указанную рецензию И. И. Срезневского, по-прежнему не разделяя предложенного им деления⁶². Он скорректировал собственную классификацию славянских языков 1838 г., несколько упростив структуру: отказавшись от трехчастного деления, он вернулся к раннему двучастному, отвергнув излишне дробное разделение каждой из частей. Теперь русская речь состоит у него из южнорусской (т. е. малорусской) и севернорусской (т. е. великорусской) ветвей, каждая из которых делится на два наречия. Первая – на украинское и северское, вторая – на великорусское и белорусское, в которых можно выделить подречия более «низкого» уровня⁶³.

В работе 1849 г. И. И. Срезневский писал о двух главных русских наречиях (северном / великорусском и южном / малорусском), каждое из которых он также делил на восточный и западный подвиды. Однако в отличие от М.А. Максимовича филолог именовал их наречиями, а не языками. Стоит отметить, что в его терминосистеме такое наименование было значимым, и он довольно четко иерархизировал данные таксономические единицы. Критерием для него выступала давность формирования степени различий: «Давни, но не испоконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное – великорусское и малорусское; не столь уж давни черты,

разрознившие на севере наречия восточное – собственное великорусское и западное – белорусское, а на юге наречие восточное – собственно малорусское и западное – русянское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских... нимало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа... Их несходство вовсе не так велико, как может показаться...»⁶⁴

И в 1878 г. А. С. Будилович согласится с мнением своих предшественников Надеждина, Срезневского и Максимовича в вопросе выделения русского языка в отдельную группу славянских языков (восточную), но всё в той же двучленной системе славянских наречий – в то время как в российском языкознании восточнославянская группа уже рассматривалась как одно из трех (наряду с южно- и западнославянской) славянских наречий⁶⁵.

Представления о языковой и этнической структуре во второй половине XIX столетия

В российской науке 1860–1890-х гг. идея взаимообусловленности этнической и языковой иерархий преобладала уже безусловно, несмотря на то что именно к этому времени относится расхождение мнений относительно значимости языкового критерия. Однако бóльшую актуальность приобрела иная концепция – стадийности этничности / народности, в России восходившая к рассуждениям Белинского, – о том, что самостоятельный язык есть свидетельство высокого развития национального самосознания и определенной стадии развития духовной жизни. Это косвенным образом ставило народ (носителя устной его формы, т. е. наречия), не сформировавший лингвистических норм, на более низкую ступень в этнической иерархии.

В 1861 г. вышла книга немецкого ученого А. Шлейхера⁶⁶, которую считают обобщающей в сравнительно-историческом языкознании. В основу своей концепции генезиса и эволюции языков Шлейхер положил естественнонаучную теорию развития – т. е. тот же самый тезис, который лежал в основе рассуждений Белинского. Как в свое время Шлёцер брал за образец языковых иерархий систему Ламарка, так и Шлейхер представил классификацию на основании принципов дарвинизма («естественной системы»). Теория Ч. Дарвина определила и лексикон описания языков – по образцу типологии «царства естественных организмов»⁶⁷. «То, что естествоиспытатели называли бы родом <...> именуется <...> племенем; роды, более срод-

ственные между собою, называются иногда семействами одного племени языков... Виды одного рода у нас называются языками какого-либо племени; подвиды – у нас диалекты или наречия известного языка; разновидностям соответствуют местные говоры или второстепенные наречия; наконец, отдельным особям – образ выражения отдельных людей, говорящих на известных языках»⁶⁸. Языковая система представляла собой родословное древо, а потому наименование языковых единиц осуществлялось при помощи категорий родства: «организм» языка, языковые «роды», «семьи» и «ветви»⁶⁹. Славяне, согласно этой классификации, вновь, как и ранее, разделялись на две группы: юго-восточную (с русским языком в составе русского и украинского) и западную.

А вот для вариаций языковых родословных / генеалогий следующего столетия для выявления места языка в иерархии на первый план выходит представление о литературном языке как языке культуры. Известный славянофильскими взглядами исследователь А. С. Будилович в 1875 г. опубликовал новый вариант «распределения славян» по государствам, народностям, вероисповеданию, «азбукам и литературным языкам», справедливо обосновывая актуальность этого издания тем, что прежние статистические данные П. Шафарика (1843) устарели. В табличный список «народностей» Будилович помещает «русских», к которым относит великорусов, малорусов и белорусов. В пояснительной записке указывается численность каждой из трех групп. Но в перечне литературных языков (наречий) только русский обозначен «языком», все остальные именуются «наречиями». Это довольно странно, если учесть, что в заглавии обозначен именно «литературный язык», а не язык вообще. Однако автор указывает главные, с его точки зрения, критерии отнесения языка к литературному: большое число носителей, древность источников на нем и «обработку» (здесь трудно точно установить, имеется ли в виду грамматическая разработка, словарная фиксация или же наличие литературного языка): «...из одиннадцати... славянских литературных языков лишь один русский заслуживает этого названия, по своей распространенности, древности преданий и обработке. Все остальные суть собственно наречия, а не языки, лишь случайно возвысились они на степень органов литературных и с трудом удерживаются в этом звании при неравной борьбе с языками литературными мировыми»⁷⁰.

Таким образом, язык и наречие для Будиловича связаны с уровнем развития языка и находятся в иерархической соположенности,

что в очередной раз устанавливает различие статусов великорусского и малорусского наречий. В данный перечень не вошел малороссийский язык (т. е. отдельно от русского, как, например, кашубский, который введен в список отдельно от польского по причине наличия у него собственной «письменности»⁷¹). Автор объяснял это так: «В числе этих литературных “языков” славянских нужно бы упомянуть еще о малорусском, который употребляется некоторыми писателями украинскими, галицкими и карпато-русскими... Но этот малорусский литературный жаргон не имеет определенной территории, на которой он был бы органом школ, судов и администрации. Поэтому трудно указать для этого языка границы его распространенности и число душ, для которых он служит литературным органом. <...> Вот почему “язык” этот опущен в наших таблицах»⁷².

В этом объяснении обращают на себя внимание две важные – отчасти противоречащие друг другу – детали. С одной стороны, связь с конкретным ареалом, на пространстве которого язык играет роль официально-государственного. С другой – трудность определения пространства распространения становится причиной изъятия малорусского языка из таблицы.

Некоторые итоги дискуссии о восточнославянских языках и наречиях

Терминологическая расплывчатость и полисемантизм понятий, принятых для номинации отдельных языковых и этнических единиц, были преодолены лишь к концу XIX в., весьма размытыми представлялись границы и других элементов языковой иерархии. Своеобразным итогом дискуссий XIX в. о происхождении и статусе восточнославянских наречий можно считать ряд словарных и энциклопедических статей. Наречие в нормативных дефинициях конца столетия понималось как диалект, носителем которого была «часть однородного населения той или другой страны, представляющий, наряду с общими характерными признаками данного языка, и известные отличия, настолько значительные, что устные сношения данной части населения с прочими довольно затруднительны»⁷³. Наречие, в свою очередь, разделялось на поднаречия, а последние – на говоры. Главным отличием говора от наречия объявлялась незначительность различий, не затрудняющих «устные сношения» с другими представителями этого же народа⁷⁴, хотя на практике, как отмечал С. К. Булич, понятие «говор» нередко смешивают с понятием «наречие». Русский язык вследствие этого состоит из великорусского,

малорусского и белорусского наречий. В определении указывались концепции исторической эволюции этих единиц языка: предполагалось, что наречие древнее говоров. Основным критерием отличия языков от наречий и говоров являются главные («единственные») существенные признаки – фонетические особенности⁷⁵.

А. А. Шахматов определял «язык», «наречия» и «поднаречия» уже как вполне сложившиеся понятия, находящиеся в иерархическом соотношении: «...разнообразные оттенки языка, состоящие в различном произношении звуков, в замене одних звуков другими, в изменении грамматических форм и синтаксических оборотов, называются наречиями, поднаречиями, говорами. Различие между этими терминами вполне относительное: о наречиях говорят там, где имеется в виду противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях – там, где требуется указать, что они, как части, связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком и т.д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имеет свой *язык*: его можно назвать языком, когда о нем говорят безотносительно; его назовут говором, поднаречием, наречием, если потребуется определить его отношение к языку тех более крупных единиц, в состав которых входит эта общественная группа»⁷⁶. Таким образом, дефиниции стандартизируются, установление лингвистической иерархии происходит с учетом или на основании исследований политической и племенной истории этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Единообразие и обоснованность принципов лингвистической классификации проявлялись (как и в генетической классификации у А. Шлейхера) в утверждении о том, что «в логическом отношении понятие “наречие” может быть сравнено с понятием *вида* в естественных науках»⁷⁷, а термин «говор» – с понятием «разновидность»⁷⁸. Добавим: точно так же оно может быть сопоставлено с классификацией этнографических и антропологических типов, которые расценивались в конце XIX в. как не имеющие «чистых» физических или культурных форм. В этом контексте чрезвычайно значима одна фраза из статьи: определение «вполне твердых и незыблемых границ между понятиями говор, наречие и язык невозможно» из-за существования ряда промежуточных форм, «которые не всегда могут быть уложены в рубрики».

В статье «Малорусское наречие» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона⁷⁹, опирающейся на наиболее полное исследо-

вание А. И. Соболевского⁸⁰, рассмотрены различные варианты интерпретации лингвистического статуса. Автор статьи С. К. Булич утверждал, что наречием следует именовать «разновидности более нового происхождения», и поскольку фонетические особенности малороссийского наречия, отличающие его от прочих русских, возникли после отделения общерусского языка от славянского, то «малорусский говор есть наречие». Языковые отличия, в свою очередь, сформировались из некогда «диалектических особенностей». Разница между наречием и языком, по мнению автора, связана лишь с древностью отличительных признаков – «возрастом языковой разновидности». «До известного возраста языковая разновидность носит название наречия, а после него – языка», – указывает Булич, поэтому малороссийское наречие имеет полную возможность сделаться со временем языком. Но на современном этапе подобные предпосылки еще не созрели: степень различий между русскими наречиями недостаточно значительна (не такова, чтобы затруднять взаимное понимание), и нормы литературного языка еще не вполне сложились⁸¹. Несмотря на это, Булич полагал, что у малороссийского наречия есть все объективные возможности «дозреть» до стадии языка.

А. А. Шахматов в одной из предложенных им дефиниций русского языка рассматривал его как «совокупность» трех наречий: «великорусских, малорусских и белорусских» – и склонен был считать, что их возникновение связано «с образованием трех великих народностей, на которые распалось русское племя»⁸². Ученый полагал вполне естественным, что «в Малороссии образовался свой литературный язык: его будущая судьба и отношение к великорусскому литературному языку не могут быть определены теперь, когда взаимные отношения малорусского и великорусского наречий регулируются не жизнью, а административными распоряжениями и в значительной степени ими вызванным украинофильством»⁸³.

В Большой энциклопедии под редакцией С. Н. Южакова (1903), с одной стороны, довольно однозначно констатировалось отсутствие жесткой научной дефиниции различных единиц лингвистической таксономии («точного определения, по которому можно было бы всегда отличить наречие от говора и от языка, не установлено»⁸⁴). С другой, подчеркивалась их иерархизированность и соотнесенность с критериями «полноты» и «степени развитости», что позволяло видеть в «состоянии языковой эволюции» признак позиции народа / племени на своеобразной шкале прогресса: «обыкновенно под наречием разумеют всякий язык, не возвысившийся на степень лите-

ратурного языка, а всякое наречие, на котором развилась литература, принято называть языком. Однако этого различия не всегда придерживаются»⁸⁵.

В словарях и энциклопедиях конца XIX – начала XX в. появляется устойчивая тенденция констатировать отсутствие объективных лингвистических факторов, позволяющих с уверенностью различать языки и наречия. Так, в Словаре братьев Гранат в статье «Наречие» говорится: «различие между наречием и языком условно», что, однако, вовсе не отменяет прямой зависимости языковой «стадиальности» и историко-культурных дефиниций языков и наречий друг от друга⁸⁶.

Итак, к середине столетия окончательно сложилась концепция разделения русского языка на несколько «ветвей», «отраслей», «поколений» и т. п. Однако вопросы, касавшиеся классификации, не только имели лингвистическую значимость, но и затрагивали пласт совершенно иных проблем. Это и история этногенеза восточных славян, и причины и последствия складывания пространственно-языковых групп, и, что важнее, формы и степень этнического своеобразия данных «отраслей» – что в совокупности должно было установить их статус и взаимоотношения внутри российской имперской общности. Отдельной проблемой в 1880-е гг. – в начале XX в. стал вопрос о четкой дефиниции понятий-элементов классификации. Окончательное становление лингвистической терминологии произошло только в самом конце XIX в.

На наш взгляд, одни лишь идейно-политические взгляды авторов, которые так часто расценивались учеными XIX–XX вв. как определяющие их отношение к языку, не могут рассматриваться как имеющие решающее значение в их трактовке классификации русских наречий – во всяком случае, в их позиции относительно малороссийского наречия / языка. Зато параллели между этнографическим и лингвистическим классифицированием убедительно свидетельствуют о том, что различие точек зрения в научной среде зависело от понимания границ этнических групп, методов их установления и трактовки этничности. Другими словами, язык понимался как лингвистическое соответствие этносу, а наречие – субэтносу⁸⁷. В меньшей степени они диктовались политическими взглядами или этнонациональным происхождением исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Клубков П. А. Вопрос о старшинстве народов и языков в России XVIII в. // *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах*. Петрозаводск, 2001. С. 66–73.

2 Цит. по: Бахрушин С. В. Миллер как историк Сибири // *Миллер Г. Ф. История Сибири*: В 3 т. М., 1999–2005. Т. 1. М., 1999. С. 31.

3 Ябловский Е. Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний: В 6 ч. СПб., 1810. Ч. 2. С. 4.

4 Иванов Н. И., Булгарин Ф. В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий Ф. Булгарина: В 2 ч. СПб., 1837. Ч. 2: Истории. Ч. 1. С. XXI.

5 Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // *Записки Русского географического Общества*. 1847. Кн. 2. С. 67.

6 Погодин М. П. Польша и Россия (1859) // *Погодин М. П. Соч.*: В 5 т. М., 1872–1876. Т. 5: Статьи политические и польский вопрос. М., 1876. С. 350.

7 Соловьев Н. И. Язык как основа национальности. Статья первая // *Отечественные записки*. 1866. Февраль. № 2. Отдел 1. С. 481–499.

8 Язык // *Русский энциклопедический словарь* / Под ред. И. Н. Брезина: В 16 т. СПб., 1873–1879. Т. 4. Отдел 4. СПб., 1879. С. 460.

9 Россия. Население. Россия в этнографическом отношении // *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона: В 41 т. (82 п/т) / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. 27 (п/т 54). СПб., 1899. С. 142.

10 Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1: XIII в. – 1825. СПб., 1904. Гл. XIV: Состояние языкознания в России в течение первой четверти XVIII века.

11 *Kamusella T.* The change of the name of the Russian Language in Russia from *Rossiiski* to *Russkii* // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. Vol. 32. P. 73–96; *Останчук О.* Русский *versus* российский: исторический и социокультурный контекст функционирования лингвонимов // *Ibid.* P. 97–104.

12 Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1818. С. 123–125.

13 Там же. Примеч. 235. С. 73 (пагинация раздела примечаний отдельная). У Палласа приводятся слова из «малороссийского» и «суздальского» наречий.

14 *Аделунг Ф. П.* Обзорение всех языков и наречий. СПб., 1820.

- 15 *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
- 16 Там же. С. 11.
- 17 Там же. С. 12–13.
- 18 Там же. С. 14.
- 19 *Сенковский О.* Скандинавские саги. Философия истории и языкознание // Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. 1. С. 26–27.
- 20 Там же.
- 21 Обзорение всех языков и наречий, составленное Ф. П. Аделунгом. Донесение П. И. Кеппена. СПб., 1820.
- 22 Там же. С. 22.
- 23 Там же. С. 24.
- 24 Там же. С. 23.
- 25 *Левшин А. И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 78.
- 26 *Каченовский М.* Рец. на: Исследования банного строения, о котором повествует летописец Нестор. СПб., 1809 // Вестник Европы. 1810. Ч. 49. Кн. 1. С. 60–70; *Каченовский М.* Взгляды на успех российского витийства в первой половине истекшего столетия // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. 1 Кн. 11. С. 24.
- 27 *Греч Н. И.* Опыт краткой истории русской литературы... С. 12.
- 28 *Кулжинский И.* Южнорусский элемент как предмет торговли // *Кулжинский И.* О зарождающейся, так называемой малороссийской литературе. Киев, 1863. С. 20.
- 29 *Свиньин П. П.* (Из живописного путешествия по России). Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42 (№ 120). С. 34. В 1839 г. вошла в состав отдельной книги: Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньиного. СПб., 1839.
- 30 *Каченовский М.* Взгляды на успех российского витийства... С. 27.
- 31 *Дуличенко А. Д.* Введение в славянскую филологию. М., 2014. С. 287–293.
- 32 *Dobrovsky J.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, tj. Základy jazyka staroslověnského (1822); рус. пер.: *Добровский Й.* Грамматика языка славянского по древнему наречию / Пер. М. Погодина. Ч. 1–3. СПб., 1833–1834.
- 33 *Шафарик П. И.* Славянское народописание / Пер. с чеш. И. Боянского. М., 1843.
- 34 Там же. С. 4.
- 35 Там же. С. 1.
- 36 Там же. С. 1–2.

- 37 Там же. С. 5.
- 38 *Дуличенко А. Д.* Введение в славянскую филологию. С. 292.
- 39 *Востоков А. Х.* Рассуждения о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // *Востоков А. Х.* Филологические наблюдения. СПб., 1865. С. 14–16. Впервые опубликовано в Трудах Общества любителей русской словесности за 1820 г. (ч. XVIII).
- 40 *Сенковский О.* Скандинавские саги... С. 56.
- 41 *Надеждин Н. И.* Европеизм и народность в отношении к русской словесности // *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 394–444.
- 42 См. комментарий издателя к этому фрагменту: *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 537.
- 43 Там же. С. 405.
- 44 Там же.
- 45 *Н. Н. [Надеждин Н. И.] Великая Россия // Энциклопедический лексикон: В 17 т. (не окончено) // Под ред. Н. И. Греча и О. И. Сенковского. Изд. А. А. Плюшара. СПб., 1834–1841. Т. 9. СПб., 1837. С. 265.*
- 46 Там же. С. 273.
- 47 Там же.
- 48 Там же. С. 273–274.
- 49 Там же. С. 274.
- 50 *Максимович М. А.* Критико-историческое исследование о русском языке (1838) // *Максимович М. А.* Собр. соч.: В 3 т. Киев, 1876–1880. Т. 3. Киев, 1880. С. 3–24; *Максимович М. А.* Начатки русской филологии // Там же. С. 25–155.
- 51 Термин «разряды», однако, у него появляется в статье «Начатки русской филологии».
- 52 *Максимович М. А.* Критико-историческое исследование... С. 23.
- 53 *Максимович М. А.* Критико-историческое исследование...
- 54 *Максимович М. А.* Начатки русской филологии... С. 58–59.
- 55 *Максимович М. А.* Откуда идет русская земля, по сказанию несторовой повести и по другим старинным писаниям и рукописям (1837) // *Максимович М. А.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Киев, 1876. С. 5–92; *Максимович М. А.* О происхождении варяго-руссов (Письмо к М. П. Погдину) // Там же. С. 93–110.
- 56 *Максимович М. А.* Критико-историческое исследование... С. 8.
- 57 *Максимович М. А.* Начатки русской филологии... С. 53.
- 58 *Срезневский И.* Рец. на: *Slowanský Národopis / Sestawil P. J. Šafařík.* W Praze, 1842; *Zeměwid od P. J. Šafaříka.* W Praze, 1842 // Журнал

Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 38. Отдел 6: Обзорение книг и журналов. Новые иностранные книги. С. 1–30.

59 Там же. С. 21–22.

60 Там же. С. 16–17.

61 Там же. С. 17; *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887. С. 36.

62 *Максимович М. А.* Начатки русской филологии... С. 45–46.

63 Там же. С. 46–48.

64 *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка... С. 34–35.

65 *Будилович А. С.* Введение // *Будилович А. С.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикографии. Ч. 1. Киев, 1878. С. X.

66 *Звегинцев Е. А.* История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1964. Гл. 3; *Шлейхер А.* Компендий сравнительной грамматики европейских языков // *Филологические записки.* Воронеж, 1865.

67 *Шлейхер А.* Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публичное послание доктору Эрнсту Геккелю, э. о. профессору зоологии и директору зоологического музея при Иенском университете. СПб., 1864.

68 Там же.

69 Введение // *Шлейхер А.* Компендий сравнительной грамматики европейских языков...

70 Статистические таблицы распределения славян а) по государствам и народностям; б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям) с объяснительной запиской, А. С. Будиловича. СПб., 1875. С. 18.

71 Там же. С. 19.

72 Там же. С. 18.

73 *Булич С.* Наречие // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона.* Т. 20а (п/т 40). СПб., 1897. С. 611–613.

74 *Говор* // Там же. Т. 9 (п/т 17). СПб., 1893. С. 10–11.

75 *Булич С.* Малорусское наречие // Там же. Т. 9а (п/т 18). СПб., 1899. С. 485.

76 Россия. Русская литература и русский язык: русский язык. С. 564–565.

77 *Булич С.* Наречие... С. 611.

78 *Говор*... С. 10.

79 *Булич С.* Малорусское наречие... С. 485–487.

80 *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884; *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. СПб., 1891.

81 *Булич С.* Малорусское наречие... С. 486.

82 *Шахматов А.* Россия. Русский язык и русская литература. Русский язык // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Т. 28 (п/т. 55). СПб., 1899. С. 564–581. С. 564–565.

83 Там же. С. 580.

84 Наречие // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: В 20 т. / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., Лейпциг, 1900–1907. Т. 13. СПб., 1903. С. 665.

85 Там же. С. 665–666.

86 Наречие // Настольный энциклопедический словарь: В 8 т. М.: Издательство Бр. А. и И. Гранат и К., 1-е изд. 1891–1903. Т. 6. М., 1897. С. 3396.

87 *Шахматов А.* Россия. Русская литература и русский язык: русский язык // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Т. 28 (п/т. 55). СПб., 1899. С. 564. В основу этих и других статей А. А. Шахматова в энциклопедическом словаре положены сведения и аргументы, в полном виде представленные в его известной монографии (*Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб., 1899).

M. V. Leskinen

Linguistic classifications and their role in the polemics about the status of the East Slavic languages / dialects. 1830–1890s

The article considers the evolution of ethnogenetic classifications of Slavic languages in Russian science from the first third of the 19th century and before the boundary of the 19th – 20th cent. It shows how the status of the East Slavic group of languages and its dialects in language taxonomies was changing, and how prevailed the conception about three “branches” of Russians, consisting of Great Russians, Little Russians and Belarusians, with corresponding dialects. In the last third of the XIX century in the scientific and educational Russian literature the Little Russian dialect was recognized as one of three dialects of the Russian language, which did not possess the characteristics of a literary language. However, at the same time, the conventionality of such classification was actively declared at the end of century.

Keywords: *history of linguistic classifications, Little Russian language / dialect, Russians, East Slavic group of languages, Great Russians, Little Russians, Belarusians.*

М. Э. Клопова
(Москва)

Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссии в Государственной думе (1907–1914)

Статья посвящена дискуссии о возможности преподавания в начальных школах малороссийских губерний на украинском языке. Дискуссия возникла в ходе обсуждения депутатами Государственной Думы законопроекта о всеобщем начальном образовании в России. Идея преподавания на украинском языке имела среди депутатов как сторонников, так и противников. В итоге большинство депутатов отказались внести поправку о допущении в начальную школу украинского языка.

Ключевые слова: *украинский язык, Государственная дума, реформа начального образования.*

Вопрос о преподавании украинского языка в школах Малороссии на протяжении нескольких десятилетий оставался как одним из самых значимых, так и одним из самых сложных для участников украинского движения. Ограничительные меры, предпринятые правительством в царствование Александра II, привели к тому, что положительное решение этого вопроса оказалось невозможным. Однако манифест от 17 октября 1905 г. отменил среди прочего и меры в отношении украинского языка. Тем не менее преподавание на украинском языке осталось фактически под запретом. Неоднократные попытки решения этого вопроса предпринимались на заседаниях Государственной думы Российской империи.

Вопрос о возможности преподавания на украинском языке в школе стал предметом обсуждения на заседаниях III, а затем IV Государственной думы в ходе обсуждения преобразований в области народного просвещения. Депутаты, избранные от малороссийских губерний, нередко занимали противоположные позиции по многим вопросам, тем не менее в вопросе о целесообразности допущения украинского языка в систему просвещения они нередко выступали солидарно.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта № 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

В первый раз вопрос о преподавании на украинском языке возник в марте 1908 г. в ходе рассмотрения законопроекта «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования». Несмотря на «технический» характер вопроса обсуждение проходило очень активно. Депутаты отчетливо понимали, что это обсуждение, по сути, является началом подготовки законопроекта о всеобщем начальном образовании, тем более что проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» был внесен министром просвещения П. М. фон Кауфманом в Думу еще 1 ноября 1907 г., а в январе 1908 г. был передан на предварительное рассмотрение в комиссию по народному образованию¹. В ходе обсуждения законопроекта начал определяться весь сложный комплекс проблем, без решения которых введение всеобщего образования в Российской империи было невозможно. Одной из таковых стало преподавание на национальных языках в тех местностях, где преобладало нерусское, «инородческое» население, а также преподавание на «государственном», т. е. русском, языке в национальной школе. Председатель думской комиссии по народному образованию В. К. фон Анреп, выступая на заседании Думы, подчеркнул, что, по его глубокому убеждению, «школа государственная есть школа национальная». Он отметил, что «образование в инородческой школе должно быть на материнском языке», однако «не может быть школы никакого наименования, где бы государственный язык не изучался и где бы он не был изучен»².

Как это нередко бывало в истории Государственной думы, широкий общественный резонанс имели не только законопроекты, которые обсуждались на ее заседаниях, но и те, которые по каким-либо причинам на рассмотрение Думы не поступили. Одним из таких был законопроект, внесенный 29 марта 1908 г. 36 депутатами, представлявшими малороссийские губернии. Предложенный ими на рассмотрение Думы законопроект «О языке преподавания в начальных школах с малороссийским населением» состоял из четырех статей. Первая статья предусматривала введение в 1908–1909 гг. обучения в начальных школах на украинском языке в областях расселения украинцев. В последующих статьях речь шла об обязательности обучения русскому языку как общегосударственному, о необходимости введения в начальных школах на Украине учебников и пособий, соответствующих условиям и традициям местного населения. Заключительная четвертая статья отменяла все постановления, которые не соответствовали предлагаемым в законопроекте изменениям. В по-

яснительной записке к законопроекту излагалось «печальное положение низшего образования на Украине» и упоминалась история предшествовавших неудачных попыток и усилий ввести украинский язык в начальное образование³. Стоит отметить, что среди авторов законопроекта, определивших свой статус как «священники и селяне из Украины и другие»⁴, некоторые, например о. Константин Волков, являлись членами фракции националистов, что не мешало им быть сторонниками обучения крестьянства малороссийских губерний на понятном для него языке. Такая позиция не только совпадала с позицией Святейшего синода, разрешившего указом от 12 декабря 1907 г. преподавание на украинском (малороссийском языке) в церковных школах Подольской губернии, но и была близка значительному числу священнослужителей из некоторых малороссийских губерний, прежде всего Подольской и Волынской⁵.

Несмотря на то что законопроект не получил поддержки Комиссии Государственной думы, инициатива депутатов имела достаточно широкий общественный резонанс. Статьей «Законопроект про ученне українською мовою»⁶, на нее откликнулся М. С. Грушевский. Он выступил с активной поддержкой этой инициативы, соглашаясь с основными идеями законопроекта, прежде всего с тем, что отсутствие практики преподавания на родном языке стало причиной того, что уровень грамотности в малороссийских губерниях заметно ниже, чем в великорусских. Он указывал также на то, что уже в середине XIX в. деятелями украинской культуры (Т. Шевченко, М. Костомаровым, П. Кулишем) были разработаны учебные пособия для украинской народной школы и эта инициатива нашла поддержку не только среди украинских, но и среди выдающихся великорусских педагогов, таких как К. Ушинский. Одновременно с резкой критикой проекта выступил киевский Клуб русских националистов. Его участники призывали не обманываться относительно основных задач украинского движения: «Цель украиноманов – создание политически-независимой Украины, так называемой “самостийной Украины”. Для этого украиноманам надо создать отдельный и независимый украинский народ, который бы считал себя не имеющим ничего общего с великоруссами. Для этого же в свою очередь надо было создать самостоятельный украинский язык»⁷.

Вновь вопрос о возможности преподавания на украинском языке обсуждался в Думе осенью 1910 г., с началом новой парламентской сессии. Комиссия по народному образованию рассмотрела 46 законопроектов и 8 законодательных предложений, в том числе и отно-

сящихся к вопросам, связанным с преподаванием на национальных языках. В ходе обсуждения депутатами был поставлен ряд весьма сложных вопросов, одним из которых стал вопрос о преподавании в начальных школах наряду с русским национальных языков. Инициатива в обсуждении принадлежала представителям Польского кола, требовавшими обязательного преподавания на польском языке в школах Западного края. Помимо них вопрос о допустимости и даже необходимости изучения национальных языков и преподавания на них поднимался представителями народов Закавказья, Мусульманской фракцией и многими другими. В итоге фракция Народной свободы, Трудовая группа, Мусульманская фракция внесли на рассмотрения Государственной думы ряд поправок, касающихся преподавания в начальной школе на национальных языках. Общий смысл этих поправок сводился к тому, что в ряде губерний, где значительная часть населения не принадлежит к великорусскому народу, допустимо преподавание в течении определенного периода на «материнском языке»⁸. Обсуждение этих поправок растянулось на несколько заседаний и вызвало горячие споры среди сторонников и противников преподавания на тех или иных национальных языках.

Первым из украинских представителей по вопросу о необходимости и целесообразности введения в школьную программу украинского языка выступил с думской трибуны профессор Киевского университета св. Владимира Иван Васильевич Лучицкий, член Партии народной свободы. В своем выступлении он привел целый комплекс аргументов в пользу этого шага. Прежде всего Лучицкий подчеркнул, что «в силу исторических условий» русский народ состоит из трех ветвей и бороться с этим объективным обстоятельством на данный момент не представляется возможным. Он указал на то, что «с XIII по XVII в. южная часть русских земель не входила в состав русского государства, то же самое было и по отношению к Белоруссии», и, соответственно, формирование языков на этих землях шло под другим влиянием, «они становились мало-помалу различными, создавались особые формы языка, особые формы мышления, связанные с этим языком, которые делали довольно сильное и довольно значительное различие между ними»⁹. Переводя эту тему в практическую плоскость, Лучицкий подчеркнул, что в итоге этого пути сформировались весьма заметные лексические и грамматические различия, игнорирование которых серьезно затрудняет усвоение учебного материала теми учениками, для которых великорусский язык не является родным. Он привел целый ряд примеров подобных различий,

подчеркнув, что перед ребенком-малорусом, вынужденным обучаться исключительно на русском языке, стоит задача значительно более сложная, нежели перед его великорусским сверстником, и ему предстоит усвоить еще и значительный объем новых для себя слов, прежде чем он сможет перейти к эффективному обучению. Именно в этом Лучицкий видел причину того, что грамотность в малороссийских губерниях была значительно ниже, чем в великорусских, более того, высок был уровень вторичной неграмотности, когда взрослые люди, окончившие школу, быстро забывали полученные там навыки¹⁰. При этом, отметил выступавший, малороссийские земли имеют почти трехсотлетнюю традицию обучения на родном языке: «Почти вся она была покрыта школами. Это говорило о страсти народа к чтению, о любви к знаниям и к занятиям <...> из известной Румянцевской описи видно, что не было села, в котором не было бы школы»¹¹. Теперь же, подчеркнул Лучицкий, ситуация кардинально изменилась в худшую сторону, о чем свидетельствуют в том числе и данные Министерства народного просвещения, чье обращение по поводу уровня грамотности в малороссийских губерниях в 1904 г. а Академию наук послужило одним из поводов для признания ею украинского языка самостоятельным языком. В заключение своего выступления Лучицкий подчеркнул, что угроза сепаратизма, о которой так часто говорят его оппоненты, исходит не от украинского языка, не со стороны украинского населения, а напротив, от их истинных врагов, очевидно имея в виду поляков Юго-Западного края.

Тему целесообразности изучения украинского языка в начальной школе продолжил в своем выступлении депутат от Подольской губернии о. Макарий Сендерко. Как и профессор Лучицкий, он отметил, что в малороссийских губерниях высок уровень неграмотности, что, по его убеждению, было напрямую связано с практикой преподавания исключительно на русском языке. Депутат привел несколько примеров из своей практики, когда хроническая неуспеваемость учащихся была вызвана плохим знанием ими русского языка: «Обратившись к ним (неуспевающим ученикам. – М. К.) на чистом местном наречии и получив от них некоторый ответ, я разрешил учительнице говорить с ними и требовать от них ответа только по-украински. И что же? Последние стали первыми, тупицы обратились в мудрецов»¹². Другим примером, приведенным о. Сендерко, стал его личный опыт борьбы с неграмотностью среди взрослого населения. Он рассказал, что получил в свое распоряжение прекрасно обустроенную синодальную библиотеку, однако через какое-то вре-

мя первоначальный энтузиазм окрестных жителей посетителей библиотеки заметно сократился. Но после того как священник рискнул прочитать своим прихожанам книги просветительского характера на украинском языке, а также подписался на украинские периодические издания, разрешенные к тому времени властями, число посетителей библиотеки и подписчиков возросло в несколько раз¹³. Всё это, по мнению депутата, свидетельствовало о глубокой тяге малороссийского крестьянства к знанию и необходимости дать ему возможность эти знания получать, в том числе и на украинском языке.

Предложения о необходимости преподавания в начальной школе на национальных языках вызвали целый ряд возражений со стороны представителей фракции русских националистов и других правых. Одним из наиболее убежденных сторонников преподавания исключительно на государственном языке был граф В. А. Бобринский 2-й (Тульская губерния). Приверженец идеи общерусского единства, один из руководителей Галицко-русского благотворительного общества, чьей целью была поддержка пророссийских настроений среди восточнославянского населения Австро-Венгрии, он выступил на заседании Государственной думы с резкой и пространной речью, в которой резко осудил саму идею введения национальных языков в школьный обиход. Основной пафос его выступления был направлен против представителей польского движения, требовавших приоритета для польского языка в преподавании. Однако критике с его стороны подверглись и участники Мусульманской фракции, которые, по его словам, представляют на заседаниях Думы «телеграммы, которые составляются в Петербурге и рассылаются на места для возвращения сюда»¹⁴. Бобринский предположил, что задачей Мусульманской фракции на самом деле является пантюркистская пропаганда. Столь же резко отозвался он и о выступлении Лучицкого, подчеркнув, что профессор является представителем польско-еврейского блока г. Киева и речь его может вызвать одобрение во львовском сейме, венском парламенте или берлинских кабинетах, но в Государственной думе должна вызвать лишь презрение¹⁵. Он высказал убеждение в том, что «то, что теперь называется украинской мовой, ничего не имеет общего с чудными стихами, с чудным языком Шевченко: это новый искусственный язык, который малороссы понимают гораздо меньше, чем русский литературный язык (*голоса справа: это верно*), все это надувательство, которое вы выдумали в Галиции»¹⁶. Интересно, что при этом, обвиняя польскую сторону в нарушениях прав непольского населения как в Царстве Польском, так и особенно в Галиции,

Бобринский положительно отозвался о публикациях в газете «Діло», печатном органе Украинской национально-демократической партии в Австро-Венгрии, за то, что на ее страницах регулярно печатаются материалы антипольского характера.

Выступление Бобринского вызвало немало откликов, как одобрительных, так и негативных. Например, выступавший непосредственно после него представитель Седлецкой губернии поляк Л. Дымша отметил, что постоянное упоминание судеб австрийских славян могут привести к тому, что «в австрийских палатах заговорили бы о порядках и непорядках в России <...>, гр. Эренталь говорил о счастье и несчастье поляков в пределах Российской империи»¹⁷. Дымша обвинил Бобринского в том, что обвинения его голословны и «цель здесь совершенно ясна: возбуждение национального шовинизма и национальной ненависти»¹⁸.

С развернутой речью в поддержку внесенной фракцией Народной свободы поправки, направленной на достижение равенства национальностей Российской империи в области образования, выступил ее лидер П. Н. Милюков. Он подчеркнул, что «государство должно оберегать права национальностей, государство имеет обязанности к национальностям, точно так же как оно имеет обязанности к верам <...> государство должно давать известные условия для обеспечения культурного развития, но для культурного развития всего населения, а не для того, чтобы давить большую часть населения во имя избранного меньшинства, представляющего государственную национальность»¹⁹. Значительную часть выступления Милюков посвятил украинскому вопросу, подвергнув едкой критике выступление В. А. Бобринского. Отметив, что «презрение», которое граф Бобринский предлагал выразить депутату Лучицкому, очевидно, стало популярным парламентским выражением, поскольку в полной мере соответствует отношению думского большинства к меньшинству, Милюков перешел к разбору аргументации своего оппонента. Отвечая на основной аргумент Бобринского, состоящий в том, что «украинская мова» есть язык искусственный, не понятный большинству населения малороссийских губерний, П. Н. Милюков «хотел бы противопоставить этому утверждению одну справку, которая касается того языка, который г-н Бобринский 2-й насаждает вместо украинской мовы в том крае, который он теперь особенно опекает. У меня в руках находится устав русского издательского общества во Львове. А в нем написано: "под патронатом сиятельного и высокоблагородного г. В. Бобринского". Из него я приведу вам образец того русского

языка, который насаждается господами, пропагандирующими общепонятный русский язык: "ежегодно обновляется одна треть членов", "старший веком член" <...> Это не искусственный ли язык?"²⁰ Именно этот язык Милюков определил как инструмент политики, имеющий целью «желательные для г. Бобринского результаты»²¹. Говоря об украинском языке, он подчеркнул, что язык этот создавался многими поколениями украинских интеллигентов. Он отметил, что «украинская интеллигенция, работа которой ведется достаточно долгое время, всем известна не только в России, но и за ее пределами»²². В завершение своей речи лидер партии Народной свободы заявил, что, по его глубокому убеждению, само разделение на культурные и некультурные языки весьма условно: «Нет такого языка, который не мог бы сделаться культурным, если на нем будет говорить, мыслить, чувствовать интеллигенция. (*Рукоплескания слева.*) Этот вопрос создания интеллигенции есть вопрос нескольких десятков лет. И все те препятствия, которые вы можете поставить на пути развития национальной интеллигенции <...> лишь содействуют ее развитию и никоим образом не могут предупредить ее возникновения»²³.

12 ноября 1910 г. при обсуждении поправок председательствующий приступил к голосованию, в том числе и по поправке Лучицкого о том, чтобы в законопроект при перечислении языков, на которых может вестись преподавание, после грузинского языка были упомянуты украинский и белорусский. Предложение было отклонено²⁴. Таким образом, в законопроект, принятый Государственной думой 3 мая 1911 г., поправка о допустимости преподавания в начальной школе на украинском языке не вошла. Стоит отметить, что и сам законопроект не получил одобрения Государственного Совета, и вопрос о введении всеобщего начального образования был отложен на неопределенный срок²⁵.

Несмотря на судьбу законопроекта, к вопросу о народной школе, в том числе и к преподаванию в ней на украинском языке, депутаты Государственной Думы возвращались неоднократно. 20 мая 1913 г. депутат IV Государственной Думы от рабочей курии Екатеринославской губернии, член РСДРП Г. И. Петровский выступил с речью, в которой резко осудил национальную политику в Российской империи вообще и в отношении украинского населения в частности. Один из аспектов пространного выступления Петровского касался преподавания в школах на украинском языке. Он заявил, что в «России преследование грамотности и преследование славянских наций в области образования на родном языке действительно принимает неслыханные размеры. <...> Если безобразна и крепостнически по-

зорна вообще русская безграмотность, безграмотность охраняемая и насаждаемая нашим правительством, то еще ужаснее она на Украине. Я взял семь чисто украинских губерний, то есть губерний, в которых украинское население составляет 2/3 всего населения. Это губернии Полтавская, Подольская, Харьковская, Киевская, Волынская, Екатеринославская и Черниговская. И что же оказалось – ни в одной из них грамотность не достигает той средней величины, о которой я сказал (30 % населения): в Екатеринославской губернии всего 29 % населения, а затем грамотность спускается в следующих губерниях до 20 %»²⁶. Интересно, что Петровский, как и его предшественники, прежде всего Лучицкий, подчеркнул, что традиции украинской национальной школы имеют многовековую историю: «Я должен вам сказать, что исследование в 1652 г. архиепископа Павла Алеппского об образовании тогда на Украине говорит, что почти все домашние, не только мужской персонал, но и жены и дочери, умеют читать, а переписи 1740 и 1748 гг. говорят, что в семи полках гетманщины Полтавской и Черниговской губерний на 1094 села приходилось 866 школ с украинским языком преподавания, одна школа приходилась на 746 душ»²⁷. Петровский в заключение своей речи подчеркнул, что «вопрос о национальном мире или национальной вражде имеет коренное значение для русской демократии»²⁸. Стоит отметить, что Петровскому возразил не представитель правого крыла Думы, но октябрист, член комиссии по народному образованию Г. В. Скоропадский, представлявший Черниговскую губернию, который увидел в речи Петровского призыв к автономии Украины²⁹, что, конечно, не соответствовало действительности.

Еще один проект о преподавании на украинском языке в начальных школах был представлен для рассмотрения Государственной Думой в сентябре 1913 г. епископом Енисейским и Красноярским Никоном (Бессоновым). Еще будучи епископом Кременецким, он с одобрением относился к мысли о необходимости расширения применения украинского языка, поддерживал общественные начинания, направленные на малорусскую пропаганду среди крестьянского населения³⁰. Став депутатом IV Государственной думы, он, несмотря на первоначальную принадлежность к фракции крайне правых и активное членство в Союзе русского народа, стал известен благодаря активной защите интересов крестьянства, требованиями принудительного выкупа помещичьих земель, критикой «дела Бейлиса». Однако наиболее неожиданной для многих инициативой Никона, переведенного к этому времени на красноярскую кафедру, стал его

проект о допущении в школу украинского языка. Как уже отмечалось выше, среди священнослужителей ряда губерний, прежде всего Подольской и Волынской, нередким было сочетание черносотенных взглядов и положительного отношения к изучению украинской истории и культуры³¹. Но высокий сан Никона и его уже сложившаяся репутация «епископа-революционера» привлекли к его проекту особое общественное внимание.

Сам епископ не мог покинуть красноярскую кафедру и прислал свой проект в Государственную думу для ознакомления. Одновременно он прислал текст своего проекта в украинскую газету «Рада». Именно благодаря публикации в газете текст стал хорошо известен публике. Епископ писал: «Для чего искать опасность, Мазепу, автономию, отделение там, где их, в основном и нет совсем? Для чего обвинять целую нацию в сепаратизме, к которому имеет склонность лишь небольшая часть украинцев? <...> Украинцы не инородцы, они – свои, наши родные братья, а потому-то их и не должно ограничивать в языке и национальном культурном развитии, иначе мы сами приравняем их, своих братьев, к евреям, полякам, грузинам и др., действительно инородцам»³². Далее епископ предлагал предпринять ряд шагов, которые позволили бы существенно продвинуться в решении украинского вопроса. Прежде всего, в его проекте содержалось предложение «разрешить проводить обучение в украинских начальных школах всех ведомств (во всяком случае, первые два года обучения) на родном украинском языке. <...> Ввести в украинских начальных школах изучение украинского языка и истории Украины (как учебные предметы) одновременно с русским языком и русской историей»³³. Далее он предлагал «назначать учителями в эти школы преимущественно украинцев и лиц, которые владеют местным, то есть украинским, языком»³⁴.

Уже в следующем номере «Рады» активный деятель украинского движения С. Ефремов отозвался ни инициативу Никона редакционной статьей «Демонстрация бессилия». Сразу отметив, что епископ Никон «принадлежит к великорусскому народу», он несколько раз подчеркнул, что «авторы законопроекта знают лишь поверхностно положение украинства в России. <...> Выступая против сознательного украинства, они, однако, защищают право украинского народа на свою школу, свою культурную жизнь и свои просветительские задачи»³⁵. Он же писал, уже в журнале «Украинская жизнь», что «епископ Никон с предполагаемыми товарищами причиняют, тем не менее, крупную неприятность руководящим кругам, недвусмысленно

ленно осуждая всю их политику в области украинского вопроса»³⁶. Инициатива Никона вызвала достаточно оживленную реакцию в прессе, однако никаких практических последствий его инициатива не имела. Проект епископа Никона не набрал нужное для внесения в Думу число подписей, и вопрос о возможности и целесообразности преподавания на украинском, равно как и на других языках народов Российской империи, продолжались в Государственной думе и далее. Однако непосредственно к решению этого вопроса в Российской империи так и не приступили, это оставалось делом далекого и еще неопределенного будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О введении всеобщего начального обучения в Российской империи // Программа реформ П. А. Столыпина. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 625–626.

2 Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 37. 14.III.1908 г. Ст. 547.

3 *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века) М., 2003. С. 113.

4 *Грушевський М. С.* Про українську мову і українську школу. Київ, 1913. С. 16.

5 *Федевич К.* Малорусский монархизм и Черная сотня в империи Романовых как часть истории украинского движения // Белоруссия и Украина: история и культура. Вып. 5. М., 2015. С. 89–110.

6 *Грушевський М. С.* Про українську мову... С. 16.

7 Резолюция Клуба русских националистов (в Киеве) по поводу проекта преподавания в школах Малороссии на украинском языке, принятая общим собранием членов клуба 12 мая 1908 г. Киев, 1908.

8 *Овчинников А. В.* Дума народного просвещения // Народное образование в России. М., 2000. С. 322–328.

9 Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 16. 10.XI.1910. Ст. 1106.

10 Там же. Ст. 1109.

11 Там же.

12 Там же. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 18. 12.XI.1910. Ст. 1251.

13 Там же. Ст. 1109, 1251.

14 Там же. Ст. 1224.

15 Там же. Ст. 1226.

- 16 Там же.
- 17 Там же. Ст. 1231.
- 18 Там же. Ст. 1232.
- 19 Там же. Ст. 1264.
- 20 Там же. Ст. 1266.
- 21 Там же. Ст. 1267.
- 22 Там же. Ст. 1268.
- 23 Там же. Ст. 1269.
- 24 Там же. Ст. 1279.
- 25 О введении... С. 629.
- 26 Стенографические отчеты... Четвертый созыв. Сессия I. Заседание 51. 20.V.1913. Ст. 1783.
- 27 Там же. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 18. 12.XI.1910. Ст. 1783.
- 28 Там же. Ст. 1789.
- 29 Там же. Ст. 1844.
- 30 *Федевич К.* Малорусский монархизм и Черная сотня... С. 100.
- 31 Там же. С. 100.
- 32 Рада. 1913. № 203.
- 33 Там же.
- 34 Там же
- 35 Рада. 1913. № 204.
- 36 *Ефремов С.* На текущие темы // Украинская жизнь. М., 1913. № 9. С. 78–85.

М. Е. Клопова

Do we need Ukrainian language in our schools?
Discussions in the State Duma (1907–1914)

The article is devoted to discussion about the possibility of teaching in primary schools in provinces of little Russia Ukrainian language. The discussion arose during the discussion, deputies of the State Duma of the draft law on universal primary education in Russia. The idea of teaching the Ukrainian language had among the deputies of both supporters and opponents. In the end the majority of deputies refused to make the amendment on the assumption primary school of the Ukrainian language.

Keywords: *the Ukrainian language, the State Duma, the reform of primary education.*

К. С. Дроздов
(Москва)

**Украинский язык и особенности его преподавания
в школах РСФСР в период проведения политики украинизации
в 1920–1930-е гг.**

В статье на основе многочисленных архивных источников рассматривается процесс создания украинских школ на территории РСФСР в период проведения здесь политики украинизации в 1920–1930-е гг. Показаны особенности изучения и преподавания украинского языка в школах Центрального Черноземья и на Кубани, обусловленные естественной ассимиляцией («обрусением») украинцев России.

Ключевые слова: *украинский язык, украинские школы, политика украинизации на территории РСФСР, ассимиляция.*

В центре внимания советской политики украинизации 1920–1930-х гг., которая, по сути, представляла собой способ формирования украинской национальной идентичности среди малороссийского населения бывшей Российской империи, было создание украинской школы с обучением детей на украинском языке. В связи с этим в школах вводилось преподавание «украиноведения», которое включало изучение основ украинского языка, украинской литературы и украинской культуры (истории). С какими особенностями и трудностями обучения и преподавания украинского языка сталкивались учителя украинских школ в РСФСР? Как происходил процесс создания украинских школ, прежде всего в губерниях Центрального Черноземья и на Кубани, где проживала основная масса украинского населения Европейской России? Эти вопросы мы рассмотрим в данной статье и попытаемся найти на них ответ, используя обширный архивный материал¹.

Первые попытки украинизации системы школьного образования в некоторых регионах России, где проживало большое количество украинцев/малороссов, были предприняты представителями украинского национального движения в 1917–1919 гг.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

В марте 1917 г. на Кубани создается «Кубанская украинская национальная рада», по ее инициативе 24 марта была возобновлена деятельность общества «Просвиты», целью которого являлось распространение украинского литературного языка среди широких масс казачества и приобщение их к украинской культуре. В рамках деятельности этого общества была организована украинская гимназия, создано товарищество «Школьная освіта» и составлен украинский букварь. В 1917 г. станичные сходы некоторых станиц (например, Старолеушковской) стали в явочном порядке принимать решения об украинизации станичных школ. С сентября 1917 г. в Екатеринодаре стала выходить украиноязычная газета «Чорноморець», а в Новороссийске – «Чорноморська Рада»².

На протяжении 1917–1918 гг. украинские «Громады» и «Просвиты» создаются практически во всех городах Дальнего Востока – Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске, Имане, Хабаровске, Благовещенске, Свободном, Петропавловске-на-Камчатке, Чите, Харбине. 27 сентября 1917 г. украинская школа была открыта в Хабаровске, она располагалась в помещении местного Украинского клуба. Во Владивостоке занятия в украинской начальной школе, которая размещалась в помещении «Просвиты» в Народном доме, начались 21 октября 1918 г.³

Схожая ситуация наблюдалась и в губерниях Центрального Черноземья. Со времени Первой мировой войны в Воронеже оказалось немало галичан и буковинцев. Многие из них находились в трудном материальном положении. После революции в помощь австрийским переселенцам украинского происхождения был образован специальный комитет, денежными пособиями которого пользовалось более 100 человек. Инициатором его создания был уроженец Львова О. Н. Кузьмич. Вскоре он стал одним из организаторов, а затем и председателем воронежской украинской «Громады», насчитывавшей до 300 членов⁴.

В октябре 1917 г. отдел народного образования Воронежского губернского земства разослал во все уездные земские управы запрос о возможности и желательности украинизации школ с детьми малороссов. Положительные ответы были получены из Острогожского и Бирючанского уездов. Однако при этом надо иметь в виду, что из 44 сельских обществ Острогожского уезда украинизацию школ поддерживали всего девять⁵.

После того как в апреле-мае 1918 г. часть южных и юго-западных уездов Курской (Грайворонский, Белгородский) и Воронежской

(Валуйский, Бирючанский) губерний были присоединены к Украинской державе гетмана П. П. Скоропадского, на территории присоединенных уездов, как и по всей Украине, киевские власти начали активно проводить политику украинизации. 1 августа гетман Скоропадский утвердил закон об обязательном изучении во всех средних учебных заведениях, учительских семинариях и институтах украинского языка, а также литературы, истории и географии Украины. Как следует из записей журнала педагогического совета Грайворонской женской гимназии, 5 июля 1918 г. все учителя гимназии подали председателю педсовета записки, в которых указывали, что в будущем учебном году они не могут вести преподавание своих дисциплин на украинском языке, а в августе педагогический совет постановил ходатайствовать перед попечительским советом гимназии «об ассигновании потребной суммы на оплату переводчика циркуляров с украинского на русский язык»⁶.

Несколько лучше обстояли дела в мужской гимназии, где на новые должности преподавателей украинского языка, литературы, истории и географии Украины были приглашены лица, прошедшие специальные курсы летом 1918 г. в Харькове⁷.

В конце сентября 1918 г. преподаватели гимназий г. Грайворона принимали присягу «на вірність Українській Державі» и утверждали ее собственноручной подписью.

В декабре 1918 г. – январе 1919 г. власть большевиков была вновь восстановлена на всей территории Курской и Воронежской губерний. К началу февраля 1919 г. в Грайворонском уезде 13 учебных заведений вели преподавание на русском языке и только одно – на украинском⁸. 28 февраля 1919 г. отдел народного образования Грайворонского исполкома издал циркуляр о прекращении преподавания украинского языка в гимназиях впредь до особого распоряжения. Освободившиеся часы предлагалось использовать для преподавания других предметов на усмотрение педсовета⁹.

Окончательную точку в деле прекращения украинизации школ и культурных учреждений поставили летом 1919 г. деникинцы, выступавшие под лозунгом «единой, неделимой России». Согласно Временному положению «Об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», которым определялся порядок администрирования в зоне деникинского контроля, русский язык был объявлен единственным государственным языком.

Вторая волна украинизации школьного образования на части территории РСФСР началась в середине 1920-х гг. в рамках набрав-

шей обороты политики «коренизации», основные принципы которой были оглашены лидерами большевиков на XII съезде партии в апреле 1923 г. Политика «коренизации» в УССР и в украинских районах РСФСР получила название «украинизации», на этот раз она выступала в качестве одного из ведущих механизмов в деле строительства украинской социалистической нации. Рассмотрим подробно, как проходил процесс создания украинских советских школ, как проходило обучение на украинском языке и преподавание украинского языка в образовательных учреждениях Воронежской и Курской губерний, а с середины 1928 г. – в образованной в это время Центрально-Черноземной области РСФСР.

Украинизация школ на 1-м этапе: 1923–1925 гг. К лету 1925 г. в Воронежской губернии насчитывалось, по разным данным, от 27 до 33 украинских школ I ступени в Россошанском, Богучарском, Валуйском и Острогжском уездах. В них обучались, по одним данным, 3242 учащихся и работали 52 учителя, а по другим данным – 1651 учащийся и 49 учителей, что составляло 3 % или 2,5 % от всего состава учащихся украинцев этих уездов¹⁰.

Если мы обратимся к положению дел в Курской губернии, то увидим, что здесь ситуация была значительно сложнее. В августе 1925 г. в губернии существовало только лишь три украинских школы I ступени, где обучалось, по одним данным, 250 учащихся, по другим – 352 и работало 5 учителей¹¹. Так, в своей докладной записке инспектор Отдела национальностей ВЦИК С. Моравский утверждал: «Местные работники смотрят недоброжелательно на работу среди нацменьшинств вообще и, в частности, по отношению к украинцам, считая, что “хохлы” более знают русский язык и поэтому выгоднее для них самих учиться и впредь на русском языке».

Осенью 1925 г. А. Л. Щепотьев, будучи недавно назначенным на должность уполномоченного по работе среди нацменьшинств Воронежского губисполкома, основные причины медленного перевода школ на украинский язык преподавания видел в том, что, во-первых, население отрицает украинский язык как самостоятельный и отдельный от русского, «благодаря вековой русификации и малокультурности у него сложилось пренебрежительное отношение к собственному языку». Во-вторых, у населения отсутствуют перспективы для развития национальной школы ввиду оторванности их от жизни, так как «школы II ступени и средних учебных заведений с украинским языком не было, делопроизводство велось на русском языке». И на-

конец, в-третьих, из-за «неясности в отнесении групп населения к той или иной национальности»¹².

В период между 1 и 7 апреля 1925 г. в Краснодаре (Кубанский округ Северокавказского края) состоялись I украинская учительская конференция Кубанского округа и краевое совещание представителей окружных партийных комитетов по украинскому вопросу. Оба совещания показали актуальность украинского вопроса, требующего скорейшего разрешения со стороны советской власти. «Характерно противопоставление, которое было во всех выступлениях на учительской конференции: “Мы и вы, мы – украинцы и вы – россияне”. Вследствие отсутствия понимания на местах, в станицах учителям приходится все время доказывать, что украинский язык есть, что школа нужна и прочее, и прочее. Развернувшиеся по докладам прения свелись опять-таки к доказательствам, что украинский вопрос есть, что школа нужна, что это соответствует желаниям населения. Учителя прямо говорили: “Нам чинят препятствия на местах, на нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки, в лучшем случае – безразличное отношение”. – “Скажите нам, что мы делаем, делаем ли мы необходимое для государства дело или мы творим контрреволюционное дело? Если мы делаем полезную работу, дайте по этому вопросу четкие указания местам”. Такое настроение естественно и понятно, то оно и привело к тому, что первая половина прений состояла из доказательств необходимости украинской работы. На этот вопрос надо дать ясный и точный ответ высшему партийному органу ЦК РКП(б)»¹³.

Отсутствие партийных директив по вопросу украинизации сильно осложняло работу государственных органов и приводило к непониманию происходивших процессов не только в массе простого крестьянского населения, но и в среде партийцев: «Коммунисты спрашивали: а можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: “Можно ли украинцу быть коммунистом?”»¹⁴

К аналогичным выводам пришел и заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена Наркомпроса РСФСР П. С. Шафран, побывавший с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах Воронежской губернии весной 1925 г. В его докладе было отмечено: «Украинское учительство запугано. Еще до сих пор смотрят на украинское учительство, как на шовинистическо-петлюровское. Работник, который заботится о школе, получает ярлык “щирий”. Над переводом школ на украинский язык производится опыт»¹⁵.

На первом этапе украинизации со всей очевидностью проявилась справедливость вывода руководства Совнацмена Наркомпроса РСФСР о том, что вопрос о создании украинской школы является «новым и не всегда правильно понятым явлением революции». В губерниях Центрального Черноземья украинскую школу, как и в других регионах РСФСР, приходилось строить с нуля: отсутствовали украинские учителя и украинская учебно-методическая литература, не было помещений для размещения украинских школ, украинский язык в огромной массе местного населения продолжал восприниматься как «мужицкий», в отличие от «панского» русского, на котором пишут книги, составляют документы в учреждениях и т. д. Всё это существенно замедляло темпы просветительской работы на украинском языке среди малороссийского населения, проживавшего в этих губерниях. Характерная особенность данного этапа заключалась еще и в том, что в этот период украинизация школы во многом носила стихийный и бессистемный характер.

Украинизация школ на 2-м этапе: 1926–1929 гг. К концу 1925 г. по всей РСФСР насчитывалось только 84 украинских школы I ступени¹⁶. Тем не менее, несмотря на все сложности, с 1925/1926 учебного года в политике украинизации школьного дела наметился определенный перелом, особенно это касалось Воронежской губернии и Кубани. В сфере народного образования возникла острая потребность в школах повышенного типа (школы II-й ступени, ШКМ, ФЗС) на украинском языке и украинских педтехникумах для подготовки учителей украинских школ I ступени.

Для переподготовки учителей проводились краткосрочные украинские курсы. Впервые они были организованы в Воронеже летом 1924 г., переподготовку на них прошли 30 учителей. В 1925 г. курсы прошли 45 человек¹⁷, 1926 г. – 78, в 1927 г. в Воронеже и Россосхе прошли переподготовку уже 160 учителей. Летом 1928 г. предполагалось организовать курсы по переподготовке учителей для украинских школ минимум на 320 человек¹⁸.

На втором этапе украинизации курсы по переподготовке учителей для украинских школ становятся систематическими и организуются из года в год не только в губернском (областном) центре, но и на местах – в уездах (районах). Цель курсов заключалась в повышении квалификации учителей, работавших в украинизированных школах, по нескольким направлениям. Во-первых, в сфере собственно предмета украиноведения – украинский язык, история украинской куль-

туры и литературы; во-вторых, в области методики преподавания украинского и русского языков, обществоведения, естествознания и математики; в-третьих, в области педологии¹⁹; в-четвертых, курсы должны были познакомиться с разработками нового варианта программ Государственного Ученого Совета (ГУС) и, в-пятых, на курсах освещались политические вопросы, связанные с 10-летием Октябрьской революции.

Еще в декабре 1926 г. в Россоше был организован первый в губернии украинский педтехникум для подготовки украинских учителей начальной школы. К 1928 г. в педтехникуме на двух курсах числилось 72 учащихся и работало 7 преподавателей. В остальных педтехникумах южных уездов (Богучарском, Острогжском и Валуйском), в которых проживала основная масса украинского населения губернии, был введен украинский язык в качестве отдельного предмета.

С октября 1927 г. в Воронеже начал выходить общественно-педагогический журнал Воронежского ГубОНО «Советское просвещение», где печатались статьи, в том числе на украинском языке, по вопросам учебно-методической работы украинизированных школ²⁰.

В начале июня 1928 г. в Москве проходило II Всероссийское совещание уполномоченных по делам нацменьшинств, где Воронежскую губернию представлял уполномоченный по делам нацменьшинств Д. П. Горошко. В своем докладе он отметил успехи в деле украинизации школ I ступени, достигнутые губернией за последние пять лет, на протяжении которых здесь проводилась государственная политика украинизации. «Как проходит работа по переводу культурно-просветительных учреждений на родной язык местного украинского населения, можно судить хотя бы из следующих данных. В 1924/25 г. было открыто 32 школы I-й ступени на украинском языке, в 1925/26 г. – 85 школ, в 1926/27 г. – 221 школа и в 1927/28 г. – 412 школ. Эти наглядные данные говорят за то, что те требования, которые предъявлялись в прошлом Воронежскому губернскому исполнительному комитету по поводу усиления работы по переводу культурно-просветительных учреждений губернии на украинский язык, в достаточной мере выполнены, несмотря на трудности, которые связаны с этой работой [с переводом школ на украинский язык]»²¹.

Как следует из доклада Горошко, к июню 1928 г. в украинских уездах Воронежской губернии из 10 школ II ступени были украинизированы первые группы (классы) 6 школ, в остальных школах введено

преподавание украинского языка в качестве отдельного предмета²². Из четырех школ крестьянской молодежи была украинизирована одна.

Присутствовавший на этом совещании инспектор Отдела национальностей ВЦИК З. С. Островский согласился с тем, что в деле украинизации в целом, а не только в сфере просвещения, в Воронежской губернии в последнее время произошел значительный положительный сдвиг²³.

В июле 1928 г. была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), появившаяся на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний, административным центром которой стал город Воронеж. Создание ЦЧО во многом, на наш взгляд, активизировало политику украинизации в южных и юго-западных районах бывшей Курской губернии. Особенно заметных результатов сумел достичь Белгородский округ, где к концу 1929/30 учебного года насчитывалось 174 школы I ступени.

20 февраля 1929 г. очередной план украинизации был утвержден президиумом Центрально-Черноземного облисполкома. Украинизации подлежали 5 округов ЦЧО: Острогожский, Россошанский, Белгородский, Льговский и Борисоглебский. При этом украинизация сферы народного образования должна была проходить в течение трех лет по плану, разработанному ОблОНО. Постановление требовало «обеспечить в намеченных округах украинизацию школ первой ступени с начала 1929/30 г., а школ повышенного типа в течение трех лет, возложив выполнение этого решения на облоно и окрисполкомы». Руководству окроно отмеченных в плане округов предписывалось разработать собственные планы украинизации школ I и II ступеней, а также культурно-просветительных учреждений. Кроме того, необходимо было озаботиться изданием специального украинского вкладыша к окружным газетам, а в Россоши – перевести на украинский язык окружную газету «Голос бедноты». Фактически вплоть до конца 1932 г. именно на реализацию этих положений и была направлена деятельность органов народного образования, отвечавших за украинизацию в Центральном Черноземье.

В 1928/1929 учебном году в Центрально-Черноземной области было украинизировано 807 школ I ступени из 1195, подлежащих украинизации, 13 школ повышенного типа (из 29)²⁴; 48 изб-читален (из 123) и 32 пункта ликвидации неграмотности (из 152)²⁵.

К концу 1929/1930 учебного года украинизация школ I ступени в Россошанском округе была завершена, в Острогожском составля-

ла 99 %, в Белгородском – 79 %. «Отстают в этом отношении Львовский, Борисоглебский и Старооскольский округа»²⁶. Вместе с тем значительно отставали и показатели украинизации школ повышенного типа. Так, в Россошанском округе процент украинизированных групп составлял 69,5, в Острогожском – 60, по всем остальным округам в среднем – 45,4 %²⁷.

К началу нового 1929/1930 учебного года до 60 % учителей, работающих в украинских школах ЦЧО, прошли переподготовку через курсы по изучению украинского языка²⁸. И тем не менее в ряду главных препятствий на пути украинизации системы народного образования в докладе Центрально-Черноземного облисполкома названо «отсутствие необходимых кадров во всех звеньях украинизируемых учреждений, а особенно отсутствие преподавателей в школах повышенного образования, сельхозтехникумах, профшколах и других специальных учебных заведениях»²⁹.

Вместе с тем с февраля 1929 г. властям Центрально-Черноземной области удалось ликвидировать тот разрыв, который существовал на предыдущем этапе, когда проводившиеся мероприятия в области украинизации школ и культурно-просветительных учреждений никоим образом не были связаны с аналогичными мероприятиями в сфере украинизации низового советского аппарата.

3-й этап украинизации системы народного образования: 1930 – декабрь 1932 г. Если на первых этапах украинизации речь шла, как правило, о создании школ I и II ступеней на украинском языке обучения, то на заключительном этапе, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., советская политика украинизации в образовательной сфере выходит на качественно новый уровень. Отличительной особенностью процесса украинизации системы народного образования на третьем, заключительном этапе стало создание украинских высших учебных заведений в ЦЧО. С апреля 1930 г. в Воронежском государственном университете на педагогическом факультете открылось отделение украинского языка и литературы на 70 слушателей и был введен украинский язык как отдельный предмет изучения в сельскохозяйственном институте. Кроме того, в Воронеже был организован украинский рабфак на 157 человек.

В начале следующего учебного года для студентов-украинцев при Воронежском агропединституте было открыто отделение украинского языка и литературы, а в 1931/1932 г. – историко-экономическое отделение. В октябре 1932 г. в Белгороде, хотя и с опозданием,

начал работать украинский пединститут. Всё это позволяло осуществлять связь между средней и высшей школой для учащихся украинцев в Центральном Черноземье.

Для украинских педагогов практиковались командировки на областные курсы в Воронеж и в вузы Украины. (Для этого необходимо было знать украинский язык, быть не старше 30 лет и иметь «познания не ниже семилетки».) Окончившие областные курсы, согласно письменным обязательствам, должны были отработать в украинизированных школах ЦЧО не менее двух лет³⁰.

В этот период отличительной чертой политики украинизации в сфере образования и культуры становится выдвижение на первый план вопросов, связанных с методическим и программным обеспечением украинизированных школ. Шла разработка украинского учебника для школ повышенного типа и педтехникумов, приспособление программ ГУС к украинской школе, рассматривался вопрос о месте русского языка в школьной программе. От этого зависело качество работы украинских школ. Иными словами, на этом этапе организационные вопросы (планирование количества вновь открываемых украинских школ, организация курсов по переподготовке учителей для этих школ и т. д.), определявшие в предыдущие годы содержание и направление украинизации в сфере просвещения, отодвигаются на второй план. Уже 1929/1930 учебный год должен был стать «годом борьбы за качество работы украинских культурно-просветительных учреждений»³¹. Большое значение этому вопросу придавала редакция журнала «Культурный фронт ЦЧО», где печатались статьи, посвященные проблеме программно-методического обеспечения украинских школ, в том числе повышенного типа, украинских курсов, организуемых для учителей, и т. д.³²

Если к лету 1925 г. в Воронежской губернии насчитывалось, по разным данным, от 27 до 33 украинских школ I степени, в которых обучалось от 1651 до 3242 учащихся, что составляло 3 или 2,5% от всего состава учащихся украинцев, то перед началом 1932/1933 учебного года в директиве Центрально-Черноземного облоно говорилось, что проблема украинизации учреждений народного образования в ЦЧО в основном разрешена. К началу 1931/32 учебного года в большинстве районов ЦЧО завершалась украинизация школы I степени (80%), набирала обороты украинизация школ повышенного типа – 34 школы и педтехникумов – 14.

З. С. Островский, выступая на I областном съезде нацменьшинств ЦЧО (10–13 марта 1932 г.), с радостью констатировал «на-

личие огромного сдвига» в деле украинизации: «Товарищи, разве не поразительно, что в самом центре бывшей Великороссии, где во времена царизма украинский язык совершенно третировался как “хохлацкий” и “хамский”, имеются сейчас десятки полностью или частично украинизированных районов, сотни украинизированных сельсоветов, свыше 1700 полностью или частично украинизированных школ, около 20 техникумов и ШКМ, две совпартшколы, украинские отделения при комуниверситете³³ и пединституте и, наконец, более 20 районных и одна областная газета на украинском языке с общим тиражом в 80 тыс. экземпляров»³⁴.

Открывавший съезд секретарь обкома партии М. М. Малинов отметил в своем докладе успешную работу по украинизации районных газет, а также деятельность областного украинского издательства, направленную на издание учебной литературы для украинских школ ЦЧО. «На 1 января 1932 г. у нас в ЦЧО имеется 24 районных украинских газеты тиражом 72 тысячи экземпляров. Недавно начала издаваться областная украинская газета тиражом в 10 тысяч экземпляров. В ЦЧО организовано издание украинской литературы и преимущественно украинских учебников. Так, в 1931 г. издано 5 учебников тиражом в 80 тысяч экземпляров. За два месяца 1932 г. издано 4 учебника тиражом в 70 тысяч экземпляров»³⁵.

Отличительной особенностью завершающего этапа политики украинизации стало то, что именно в этот период начинается украинизация в Дальневосточном крае. «Фактически украинизация в крае начата всего полтора года назад, и тем не менее уже за эти полтора года баланс украинизации показывает достаточный актив. В украинских районах открыто более 700 школ I-й ступени, 25 ФЗС и ШКМ с общим количеством учащихся более 30 тысяч человек. Организован украинский техникум, отделение агропединститута, передвижной театр и украинская краевая газета. Печать в ряде районов переведена на украинский язык, проведена подготовка 260 педагогов для украинских школ. Правительство советской Украины взяло шефство над украинскими районами ДВК, поставив конкретную задачу культурной помощи районам в укреплении их кадрами. Эту задачу Украинская республика выполняет с большим успехом, дав украинским районам ДВК около 300 работников и организовав систематическое культурное обслуживание украинского населения в крае», – сообщалось в статье М. Голубовского в журнале «Советское строительство»³⁶.

22 апреля 1932 г. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования предоставил Наркомпросу РСФСР следующие стати-

стические данные об итогах украинизации школ к концу учебного года: «В конце 1932 г. на Северном Кавказе на украинском языке работало 1609 школ 1-й ступени с 221 453 учащимися и с 558 учителями, 259 школ 2-й ступени с 42 148 учащимися и с 1552 преподавателями, 12 педагогических техникумов, краткосрочные педагогические курсы и сеть политехпросветучреждений»³⁷. Кроме того, на Кубани был издан и введен в обращение украинский букварь под названием «До науки». Преподаватели Краснодарского педагогического института профессор И. В. Шала и доцент Гребенюк заключили с Краснодарским книжным издательством договор о выпуске украинских учебников для четвертых-седьмых классов школ I и II ступени, а также школ крестьянской молодежи, например учебник «Вчімося далі. Перша робоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю»³⁸.

К этому времени украинизация на территории РСФСР набрала достаточно высокие темпы (а по сравнению с предыдущими этапами это был гигантский рывок вперед): украинских школ I ступени насчитывалось около 4 тыс., было выделено около сотни украинских районов, выходило несколько десятков областных и районных газет на украинском языке.

Однако качество украинизации, в том числе культурно-просветительских и образовательных учреждений, оставалось на очень низком уровне. Эта проблема активно обсуждалась делегатами I областного съезда нацменьшинств ЦЧО. Так, например, представитель Павловского района Льяных заявил о том, что «у нас до сих пор нет национальных украинских кадров, знающих национальный украинский язык», «они только нарождаются, только формируются». И на это у него имелись достаточно веские основания³⁹.

Печальный итог – крайне низкое качество украинизации в ЦЧО – вынужден был констатировать в заключительном слове на съезде нацменьшинств сотрудник Отдела национальностей ВЦИК З. С. Островский. По его словам, в украинизируемых районах Центрально-Черноземной области наметилась крайне опасная тенденция – вместо правильного литературного украинского языка стал развиваться какой-то местный жаргон. «В чем замечается эта опасность. Если вы возьмете пачку документов – протоколов, резолюций, отношений и прочих бумаг, которые пишутся на украинском языке в разных районах, – то вы увидите, что уже начинается какой-то разнобой, какие-то выкрутасы: люди выдумывают свои слова, неправильно строят фразы и предложения, несвойственные украинскому языку»⁴⁰.

Низкая эффективность и результативность политики украинизации на территории РСФСР в целом и в Центральном Черноземье в частности была во многом обусловлена смешанной идентичностью украинского / малороссийского населения, которое считало себя «хохлами», «суржиками», «перевертнями». Это население знало гораздо лучше русский язык, чем украинский, именно русский язык считало своим родным языком.

О том, насколько необратимыми стали процессы языковой ассимиляции, свидетельствуют следующие факты. О. Сосуля, выступая в марте 1932 г. перед делегатами I областного съезда нацменьшинств ЦЧО, сообщил, что в Ракитянской школе ФЗУ, состоящей на 75 % из учащихся-украинцев, дети называют украинский язык «украинским», а русский язык – «ридной мовой». «Когда учащийся приходит в канцелярию и видит расписание уроков, то, читая все дисциплины, он, доходя до украинского языка, говорит: “Это украинский язык”. А дойдя до русского языка, говорит: “Это родной язык”. Какие же это дети украинцев, когда они разговаривают по-украински и в то же время украинский язык [считают] украинским, а русский язык [для них] “ридна мова”. Разве можно допускать такое положение, что для него русский язык родной, а не украинский»⁴¹.

Зачастую даже руководители отделов народного образования в качестве языка преподавания и изучения в школах видели не литературный украинский язык, а местный говор/диалект. Так, по словам инспектора Белгородского УОНО Плясова, украинизация школ в Белгородском уезде была начата только в тех украинских селах, где учащиеся без необходимой специальной переподготовки добровольно согласились вести данную работу, «которая мыслилась тогда как введение в обиход школы разговорного местного языка». Как отмечал Плясов, таким способом было «украинизировано» 16 школ, 3 избы-читальни и 7 пунктов ликвидации неграмотности.

Но наиболее активно за сохранение своих региональных особенностей высказывалось население Кубани, где вместо «украинизации» местные руководители намеревались произвести «кубанизацию». В справке ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа от 31 мая 1928 г., в частности, сообщалось следующее: «Наряду с отрицательным отношением населения к украинизации, особо следует отметить неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения “своего кубанского языка”, а не “чужого украинского”. Идея “кубанизации” исходит главным образом от кубанских руково-

дителей, методистов-украинцев, возглавляемых профессорами Шалем, Мартининым и другими».

В документе отмечалось, что некоторые из «самостийно» настроенных учителей, преимущественно из среды коренных кубанцев, поддерживают идею «кубанизации школы». «Характерно отметить, что в школах, возглавляемых этими учителями (например, 2-я Украинская в станице Старощербиновской Донского округа), как дети, так и родители на вопрос: какой язык они желают изучать – русский или украинский, отвечают: “Наш, кубанский”.

В Уманском районе Кубанского округа. Ряд родительских собраний вынесли постановление, в которых высказывается желание о преподавании в школах “родного кубанского языка, а не украинского”.

В Северском районе Кубанского округа среди населения наблюдаются разговоры: “Если украинизировать школы, то только на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинско-галицийском”⁴².

В ситуации активного сопротивления хлебозаготовкам 1932/1933 года со стороны колхозников на Украине, Кубани и в других зернопроизводящих регионах Советского Союза, на фоне массовых антисоветских, антиколхозных выступлений и разраставшегося голода 14 и 15 декабря 1932 г. сталинским руководством были приняты секретные постановления о прекращении политики украинизации сначала на Кубани, а затем и на всей остальной территории РСФСР, которая проводилась здесь на протяжении почти десяти лет. «Легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская “украинизация” почти половины районов Севкавказ при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.», – говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря. «В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их “партийных” и беспартийных прислужников» высшее партийно-советское руководство страны постановило устранить механическое проведение политики украинизации на территории УССР, «изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций» и «немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов “украинизированных” районов» с украинского на русский

язык. Выполняя данную директиву, 18 декабря Северо-Кавказский краевой комитет партии направил во все районы, где до этого проводилась политика украинизации, телеграмму, в которой сообщал, что «ввиду того, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций – немедленно приостановить дальнейшую украинизацию во всех районах Северного Кавказа»⁴³.

В проекте постановления «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря имелся пункт «Особое постановление», в котором сообщалось: «ЦК решительно осуждает выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей⁴⁴, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казакстане, Ср. Азии, ЦЧО и т.д.) *Подобные выступления могут только быть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые будучи изгнаны из Украины, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу* (курсив мой. – К. Д).

Поручить крайкому ДВК, обкому ЦЧО и Казакскому крайкому немедленно приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издание на русский язык и к осени 1933 г. подготовить переход школ и преподавания на русский язык».

Проект постановления подвергался правке Сталина и Кагановича, и в окончательный вариант «Особое постановление» не вошло. Но уже 15 декабря оно было оформлено отдельным совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) под названием «Об украинизации в ДВК, Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР»⁴⁵. Это постановление положило конец политике украинизации на территории РСФСР, в том числе Центрального Черноземья.

После прекращения политики украинизации в конце декабря 1932 г. на Кубани закрылись все украинские школы; были ликвидированы украинский педагогический и научно-исследовательский институты, все украинские педагогические техникумы; запретили выпуск почти 20 украинских газет и журналов; прекратилось радиовещание на украинском языке. Кроме того, «по специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки». А с 1933 г. на профессоров и студентов краснодарского пединститута, преподавателей и учащихся украинского отделения рабфака им. Ильича, местных литераторов обрушились репрессии. «Партийно-советскому руко-

водству настоятельно требовалось отыскать “козлов отпущения”, на роль которых прекрасно подходили рядовые исполнители задач украинизации: школьные учителя, вузовские работники, общественные деятели и пр. Многих из них преднамеренно обвинили в сепаратистских настроениях, шпионаже в пользу капиталистических держав и участии в подготовке нападения этих держав (в первую очередь, Польши) на Советский Союз, в стремлении присоединить Кубань к Украине», – к такому выводу приходят современные исследователи В. А. Бондарев и А. П. Скорик.⁴⁶

Аналогичная ситуация была и в Центрально-Черноземной области. 28 декабря, на очередном заседании бюро Центрально-Черноземного обкома ВКП(б) было принято решение, не дожидаясь осени 1933 г. и нового учебного года, уже с 15 января 1933 г. прекратить преподавание украинского языка во всех без исключения школах I и II ступени обучения (кроме седьмых групп, выпускавшихся в текущем году). В связи с переводом преподавания на русский язык областному отделу народного образования необходимо было принять меры к получению русских учебников из Москвы, а местному отделению ОГИЗ следовало увеличить тиражи издаваемых учебников на русском языке. Все курсы по подготовке украинских учителей с 1 января 1933 г. отменялись, в учебных планах преподавание украинского языка и литературы заменялось преподаванием русского языка и литературы⁴⁷.

Тогда же Центрально-Черноземный областной отдел народного образования разработал указания о переходе украинизированных школ I ступени на программы Наркомпроса РСФСР по русскому языку, изданные в декабре 1932 г. Переход групп первого года обучения должен был начинаться с предварительной работы детей над словарем: «Выяснение русских слов, уже известных детям, направление произношения и уточнение их значения. Название предметов классного и вообще школьного обихода. Слова, связанные с плановой работой. Некоторые термины, связанные с трудовой деятельностью и общественными отношениями, общие украинскому и русскому языку и их русской форме. Устранение классово-чуждых элементов речи учащихся. <...> Игры, проводимые на русском языке. Пение революционных песен на русском языке»⁴⁸.

В результате «деукраинизации» с середины 1930-х гг. среди украинцев РСФСР возобновился процесс естественной ассимиляции, произошла смена их национальной идентичности с украинской на русскую, что было зафиксировано Всесоюзными переписями населения 1937 и 1939 гг.⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За последние двадцать лет по истории украинизации на территории РСФСР в 1920–1930-е гг., и в том числе украинизации школьного образования в губерниях Центрального Черноземья и на Кубани, российскими исследователями было опубликовано несколько научных статей. Подробнее см.: *Дроздов К. С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933. М.; СПб., 2016. С 24–33.

2 *Васильев И. Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 17, 19.

3 *Черномаз В. А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг). Владивосток, 2009. С. 285–286, 289.

4 *Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012. С. 64.

5 *Сергийчук В. І.* Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. Київ, 1999. С. 150.

6 Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 40об., 44об.

7 Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

8 См.: *Корнилов В. В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 457–458.

9 ГАБО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 84об.

10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 10; Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 67.

11 Там же. Л. 262.

12 Цит. по: *Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А.* Национальные меньшинства... С. 79.

13 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / Сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 280.

14 Там же.

15 ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.

16 См.: *Вдовиченко.* Обслуживание культурно-социальных нужд украинского населения в РСФСР // Советское строительство. 1928. № 7 (24). С. 82.

17 Летом 1925 г. в Воронеже были организованы двухмесячные курсы по переподготовке учителей-украинцев всего Центрально-Черноземного региона, на которые были откомандированы 67 (по другим данным – 110) педагогов из Воронежской и Курской губерний.

18 Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1801. Л. 1об.; Д. 2213. Л. 8.

19 Педология – в 1920–1930-е гг. наука о развитии ребенка. Сегодня этими проблемами занимается психология детского возраста.

20 См., например: *Костев М.* Украинизация культпросвет учреждений // Советское просвещение. 1928. № 6–7. С. 15–21; *Костев М.* Наслідки роботи конференції для усталення українського правопису // Там же. № 1. С. 58–61; *Літкевич Б.* З практики ліквідації української неписьменности серед учителів // Там же. № 2–3 С. 154–155; *Марченко Д. В.* Деяки методичні поради для самостійної праці над вивченням української мови // Там же. 1929. № 4. С. 88–90 и др. Отдельные небольшие заметки и статьи, посвященные проведению политики украинизации на территории Воронежской губернии, помещал на своих страницах также журнал «Ленинский путь», печатный орган Воронежского губкома ВКП(б), который стал выходить с августа 1927 г. См., например: Украинизация просветительных учреждений (Россошанский уезд) // Ленинский путь. 1927. № 3. С. 70; *Атаманиченко М.* Национальный момент в работе воронежской парторганизации // Там же. № 4. С. 26–29; *Кондратенко.* Работа среди национальных меньшинств Валуйского уезда // Там же. 1928. № 3 (10). С. 36–37; *Зорин Д.* Внимание национальному вопросу // Там же. № 9. С. 35–36; и др.

21 Совещание уполномоченных по работе среди нацменьшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928 г. Стенографический отчет. М., 1928. С. 142.

22 Там же. В отчете «О работе среди национальных меньшинств подотдела нацменьшинств АПО Воронежского губкома ВКП(б)» за апрель 1928 г. говорится о 12 школах II ступени со значительным процентом учащихся украинцев. Из них в 1927/1928 учебном году было украинизировано 5 школ, в 6 школах введено преподавание украинского языка в качестве отдельного предмета. «Отсутствие средств на оплату преподавателей украинского языка, а также отсутствие в пределах губернии квалифицированных педагогов не дает возможности ввести украинский язык во всех 12-ти школах II-й ступени» (ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2213. Л. 7).

23 Совещание уполномоченных по работе среди нацменьшинств... С. 203.

24 Летом 1928 г. в директивном письме облоно Белгородскому, Львовскому, Россошанскому, Острогжскому и Борисоглебскому окружным отделам народного образования по вопросу украинизации школ повышенного типа в ЦЧО указывалось следующее: «Перевести на украинский язык с 1928/29 г. преподавание новых предметов в первых группах следующих школ II-й ступени. Россошанский округ: 1. Богу-

чарской. 2. Павловской. 3. Бутурлиновской. Острогожский округ: 1. Буденновской. 2. Чернянской. 3. Михайловской. 4. Погромской. 5. Никитовской. ШКМ: 1. Ровеньской – Росошанский округ. 2. Кантемировской – Росошанский округ. 3. Вейделевской – Острогожский округ. 4. Петропавловской – Росошанский округ. 5. Песковской – Борисоглебский округ. В 12 школах повышенного типа и 6 педтехникумах ввести во всех группах по 3 недельных часа обязательное преподавание украинского языка. <...> Вместе с тем, составить план полной украинизации школ I-й ступени, II-й ступени, ШКМ, профшкол, педтехникумов и политпросветучреждений, обслуживающих украинское население, с таким расчетом, чтобы в 1929/30 учебном году начать украинизацию I-х групп всех школ повышенного типа на территории бывшей Курской губернии». Цит. по: *Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А. Национальные меньшинства...* С. 296–297.

25 ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 95–96.

26 В абсолютных цифрах эти показатели были следующими. Например, в Росошанском округе – 601 школа I ступени, в Острогожском – 332 (из 335), в Борисоглебском – 22 (из 40). Цит. по: *Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А. Национальные меньшинства...* С. 285. Если к этому количеству прибавить еще 174 школы I ступени в Белгородском округе, 34 школы – в Старооскольском, то общее количество украинских школ I ступени в ЦЧО к концу 1929/1930 учебного года (без Львовского округа) составит 1163.

27 Общее число украинизированных школ повышенного типа в ЦЧО к концу 1929/1930 г. пока не установлено. Не вызывают сомнения только лишь цифры по Росошанскому округу, где к этому времени значилось 17 школ с 42 группами. Причем с учетом того, что в этот период здесь было дополнительно открыто 7 ШКМ, где преподавание велось на украинском языке. А также по Острогожскому округу – 7 школ с 18 группами (Там же. С. 286, 303). Даже с учетом еще трех округов (Белгородского, Борисоглебского и Старооскольского) общее число школ повышенного типа вряд ли могло превысить три десятка.

28 Так, в Росошанском округе было охвачено курсами 664 человека (из 776 учителей, работающих в украинских школах); в Острогожском – 130 (из 481); в Белгородском – 170 (из 261); в Львовском – 80 (из 147); в Борисоглебском – 4 (из 35). См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 96.

29 Там же. Оп. 125. Д. 192. Л. 44.

30 Так, в распоряжении облоно всем окроно, изданном в сентябре 1929 г., предписывалось: «Ввиду того, что часть лиц, окончивших в текущем году педтехникумы Росошанского округа, не желая идти на работу

в украинские школы, будут пытаться получить работу в других округах ЦЧО, и этим не дадут возможности провести плановое укомплектование квалифицированными силами украинских школ Россошанского округа, ОблОНО предлагает воздержаться от приема на работу [лиц], окончивших украинский педтехникум». Таких отказников оказалось в общей сложности 175 человек. На их место вскоре были подобраны другие «из окончивших Павловский и Богучарский педтехникумы и закончивших школы второй ступени Павловска, Богучара и Бутурлиновки». Они, в свою очередь, в целях улучшения владения языком прикреплялись к Богучарскому, Павловскому и Россошанскому педтехникумам для прохождения полуторамесячных курсов. Цит. по: *Коротун С. Н., Толкачева С. П., Шевченко Е. А.* Национальные меньшинства... С. 124.

31 ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 403. Л. 5.

32 См., например: *Марченко Д. В.* Програмово-методичні питання в українській школі ЦЧО // Культурный фронт ЦЧО. Воронеж, 1929. № 5–6. С. 79–80; *Литкевич Б.* Українські курси для вчителів // Там же. № 9. С. 113–116; *Іваненко В.* Методичні зауваження до програми из української мови для українських шкіл підвищеного типу ЦЧО // Там же. 1930. № 3. С. 109–118; Вопросы культурной революции на второй облпартконференции // Там же. № 4–5. С. 5, 8; *Литкевич Б.* Мовне становище // Там же. № 8–9. С. 61–66; и др. Редакция журнала в № 12–13 за 1931 г. в разделе «Хроника» сообщала заинтересованным читателям из школ колхозной молодежи о выходе первого номера журнала-учебника на украинском языке «За колхозные кадры».

33 25 декабря 1930 г. на базе Воронежской губернской совпартшколы был открыт Коммунистический университет Центрально-Черноземной области.

34 ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 31.

35 Там же. Оп. 5. Д. 322. Л. 8.

36 *Голубовский М.* Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае // Советское строительство. М., 1933. № 1 (78). С. 88.

37 *Алдакимова О. В.* Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 г.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.

38 *Васильев И. Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М., 2014. С. 162–163.

39 «Возьмем такой пример. Вот здесь в центре ЦЧО – в Воронеже, вот в этом зале, в котором мы заседаем, имеется лозунг, написанный на украинском языке. Я думаю, что мы не допустили бы такого положения,

чтобы лозунг был написан на русском языке обязательно с грамматическими ошибками, и с ошибками вы могли бы вывесить его в этом зале. Конечно, такое явление было бы недопустимо. Такой факт был бы осужден и осмеян. Но почему же никто не осмеивает такого факта, когда вот здесь мы читаем этот лозунг, написанный на украинском языке, и видим в нем две грамматических ошибки на одной строке? Разве такое явление допустимо?» (ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 127–129).

40 Там же. Л. 184.

41 Там же. Л. 120–121.

42 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос... С. 572.

43 Цит. по: *Васильев И. Ю.* Украинский национализм... М., 2014. С. 161–162.

44 По всей видимости, речь идет о Н. А. Скрыпнике.

45 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос... С. 698.

46 *Бондарев В. А., Скорик А. П.* Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – начало 1930-х гг.) // История в подробностях. М., 2013. № 10 (40). С. 69.

47 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 21. Д. 719. Л. 106, 115об, 131об.–132.

48 Цит. по: *Сергейчук В. І.* Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. С. 201.

49 Об этом см. подробнее: *Тишков В.* Демографические «голодоморы» // Родина. 2007. № 7. С. 85–87; *Суций С. Я.* Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013. С. 29.

K. S. Drozdov

The peculiarities of teaching Ukrainian language in Soviet Russia during Ukrainization in 1920–1930s

In article on the basis of numerous archival sources, examines the development of Ukrainian schools on the territory of the RSFSR during the period of implementation of the policy of Ukrainization in the 1920–1930s. Shows the features of the learning and teaching of the Ukrainian language in schools of the Central Chernozem region and in the Kuban region, due to the natural assimilation (“Russification”) of Ukrainians in Russia.

Keywords: *Ukrainian language, Ukrainian schools, the policy of Ukrainization in the RSFSR, assimilation.*

О. А. Остапчук
(Москва)

Планирование корпуса как часть украинского языкового строительства в 1920–1930-е годы

В статье с использованием материала (около)научных и публицистических работ 1920–1930-х гг. освещаются методы директивного вмешательства в развитие украинского литературного языка. Особое внимание уделяется регулированию языковых процессов в сфере орфографии и терминологии, а также на уровне грамматики. Проводится сопоставительный анализ планирования корпуса в 1920-е и 1930-е гг.

Ключевые слова: *языковая политика, национальная политика, планирование корпуса, языковая норма, украинский литературный язык, орфография, грамматика, терминология.*

Ставшее уже традиционным в социолингвистике выделение этапов языковой политики, связанных, с одной стороны, с планированием статуса языка и формированием представлений о его высоком престиже в коммуникативном сообществе, а с другой – планированием корпуса и выработкой инструментов кодификации, имеет смысл только в тех языковых ситуациях, которые развиваются поступательно, эволюционным путем. Украинская языковая ситуация представляет собой в этом смысле особый случай. В XIX в. – в эпоху славянского национального возрождения – внешние условия функционирования языка были крайне неблагоприятными для его коммуникативной эмансипации как в Российской империи, так и в Австро-Венгрии, а разорванность коммуникативного пространства и неоднородность не только устного диалектного (регионального), но и письменного узуса существенно тормозили процесс развития его литературной формы, единой для всего национального пространства¹. Условия для полноценного развития единого для всех украинских земель литературного стандарта сформировались только после 1917 г., когда после создания (квази)национального государства (государств) проблема статуса языка была решена директивно

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

на официальном уровне, что позволило существенно расширить сферу его функционирования, ранее ограниченную преимущественно художественной и культурно-просветительской областью. Дальнейшее развитие литературного украинского языка, ставшего по-настоящему полифункциональным к началу 1920-х гг., сопровождалось качественным скачком, отмеченным во всех сферах кодификации. Аналогичные процессы происходили в этот период и в белорусском языке², впрочем, при этом они были полностью подчинены задачам советского национального строительства, созданию культур, «национальных по форме, пролетарских, социалистических по духу»³. Предельная зависимость процессов в языковой сфере от колебаний политического курса в общегосударственном масштабе предопределила последующие неоднозначные оценки этого периода в истории развития украинского и других национальных языков республик СССР. Для истории украинского (и белорусского) литературного языка не менее существенным оказывается вопрос о целесообразности отнесения периода 1920-х гг. к современному литературному языку, поскольку по сути именно в это время происходили процессы нормирования, начатые еще в XIX в.

Привлечение к реализации культурно-языковых проектов ярких представителей национальной интеллигенции, имевших необходимый для проведения реформ в языковой (и культурной) сфере научный авторитет, на начальном этапе обеспечило успех начинаний и масштабность предлагаемых проектов по кодификации украинского литературного языка. Стремительность преобразований в языковой сфере полностью соответствовала духу кардинальных социальных перемен, а необходимым условием стала институционализация усилий по языковому реформированию. Так, к середине 1920-х гг. в рамках Всеукраинской академии наук (ВУАН) действовали уже как минимум четыре специализированных институции, отвечавших за развитие и нормирование различных областей украинского языка: Институт украинского научного языка, Комиссия для составления исторического словаря, Комиссия для составления словаря живого украинского языка, Комиссия нормативной грамматики украинского языка. Во главу угла ставился, таким образом, сущностный вопрос: какой именно язык будет обеспечивать культурные потребности украинской социалистической нации? «Целью языковой политики – как в плоскости планирования статуса, так и корпуса – призван быть язык, который как таковой признается достаточным, правильным и красивым и – что существенно – “нашим”, который

по необходимости очищается от мусора»⁴. В условиях украинского диалектного (регионального) многообразия и незавершенности процесса унификации литературной нормы выбор языкового «идеала» был особенно труден и сопряжен с решением целого ряда вопросов культурной ориентации: кодификаторам предстояло определить, какие элементы внутриязыковой структуры признаются «нашими», а какие таковыми являться не могут.

Расширение функций украинского литературного языка и повышение его статуса в 1920-е гг. сделало особенно насущной проблеме создания единой надрегиональной нормы в сфере орфографии, которая до начала XX в. имела весьма существенные культурно-региональные отличия, оформившиеся как две традиции: надднепрянскую и галицийскую. Реформы орфографии и графики в 1920–1930-е гг. затронули огромные языковые массивы в масштабах всего СССР и предполагали как упрощение орфографии (в случае с русским языком), так и создание письменности для ранее бесписьменных языков, а также изменение графики для целого ряда языков (причем выбор нередко делался в пользу латиницы), что хорошо иллюстрирует общий революционный характер осуществленных преобразований в этой сфере⁵. Орфографическую проблему в украинском случае призвана была решить созданная при Народном комиссариате образования 23 июля 1925 г. Государственная комиссия по упорядочению украинской орфографии. В общей сложности на ее рассмотрение было представлено 60 проектов (больше половины – 37 – поступили из Галиции, остававшейся под властью Польши), использованы были также «Найголовніші правила українського правопису» (ВУАН, 1919–1920, утверждены Народным комиссаром образования в 1921 г.). В результате был издан сводный проект «Український правопис» (Харків, 1926), а его обсуждение завершилось в 1927 г. созывом в Харькове Всеукраинской конференции по вопросу упорядочения орфографии. Конференцию можно считать беспрецедентной не только по продолжительности (она длилась 10 дней с 26 мая по 6 июня) и по составу участников (75 представителей от разных регионов, среди них видные ученые и культурные деятели Западной и Восточной Украины), но и по важности обсуждаемых проблем и уровню демократичности дискуссии (так, например, 20 человек из собравшихся поддержали предложение по переводу украинской письменности на латиницу). «Український правопис» после бурного обсуждения на конференции и дополнительной доработки Президиумом комиссии (в ее состав входили А. Приходько, А. Крымский, О. Синявский, С. Пилипенко)

был утвержден наркомом образования Н. А. Скрипником в сентябре 1928 г.⁶ Спустя некоторое время в мае 1929 г. «Правопис» был одобрен на заседании Научного общества им. Шевченко во Львове, что знаменовало важный этап в создании единой украинской нормы⁷.

Работы по реформированию и унификации украинской орфографии наглядно продемонстрировала важную отличительную особенность советской языковой политики: стремление не только активно влиять на статусные параметры функционирования языка, но и контролировать внутреннюю структуру языка, а новое звучание приобрел в контексте плановой экономики и сам термин «планирование корпуса». Как верно заметил С. Н. Запрудский, на начальном этапе национализации директивные методы управления специализированными институциями, отвечавшими за развитие литературного языка (в частности, белорусского), приветствовались представителями местной культурной и научной элиты, поскольку полностью отвечали их представлениям о языковом идеале и позволяли реализовать довольно смелые идеи и проекты⁸. Период «украинизации» середины 1920-х гг. стал для украинских ученых временем экспериментов в языковой сфере, которые принесли ощутимые результаты, в том числе в деле расширения словарного состава, создания научной терминологии и ее апробирования.

Терминологическая работа была сосредоточена в Институте украинского научного языка, созданном еще в 1921 г. в рамках историко-филологического отделения Всеукраинской академии наук (ее первым президентом был В. И. Вернадский). Главной задачей института стала подготовка и издание отраслевых словарей научной терминологии. Своеобразный словарный бум ознаменовался изданием двух украинско-русских, четырех русско-украинских, а также нескольких десятков терминологических словарей⁹, по разным подсчетам от 49 до 83¹⁰. Все они за небольшим исключением издавались с 1920 г. в ДВУ (Державне видавництво України) – государственном издательстве, призванном сосредоточить всю цензурную деятельность в одних руках. Словари оформлялись как тома серии «Материалы украинской естественнонаучной терминологии и номенклатуры», основанной еще в 1918 г.¹¹ Все они сопровождалась грифом «проект», призванным показать принципиальную открытость терминотворчества, готовность кодификаторов ориентироваться на живую практику и критику, которая, кстати, не заставляла себя ждать. Стоит отметить, что почти все словари были переводными, подавляющее большинство – русско-украинскими (например, геологический, химиче-

ский, технической терминологии, педагогический, делового языка, экономический, строительный, музыкальный и др.). Однако создавались и многоязычные издания с привлечением языков, авторитетных в конкретной области: так, был издан украинско-русско-немецко-французский математический (1925), латинско-украинский анатомический (1925), украинско-русско-немецко-французско-английский зоологический (первые два тома, 3-й том латинско-украинский, 1927), латинско-украинско-русско-немецкий ботанический (1928) словари. Примечательно, что в это время формулируется также идея создания толкового (одноязычного) терминологического словаря¹², впрочем так и не реализованная. Одновременно создаются пособия по украинской грамматике для школ, в том числе при участии видных украинских лингвистов того времени (О. Курило, О. Синявского и др.): только за 1925–1928 гг. их было издано более 60¹³.

Важно отметить, что словарная работа в Институте украинского научного языка основывалась на качественно новых принципах терминообразования. Так, директор Института Г. Холодный утверждал: «Мы должны в наибольшей мере приблизить наш язык к пониманию народных масс, а для этого взять максимум из народной языковой сокровищницы, применить народные названия к научным понятиями и вернуть народу»¹⁴. Пуристский по своей сути призыв освободить язык от ненужных «чужих» слов получал сугубо народническую аргументацию: заимствования, по этой логике, затрудняли усвоение научных понятий народными массами. Предполагалось проводить сбор терминологического материала как в ходе специальных терминологических экспедиций с использованием собственной сети корреспондентов, так и на основе изучения забытых лексикографических материалов. Стремление учитывать предшествующий опыт терминотворчества сочетался с призывом к учету живой практики, и – в полном соответствии с демократическим духом времени – широкой общественной критики¹⁵.

Период развития украинской терминологии до начала 1930-х гг. традиционно признается пуристским, а деятельность украинских ученых того времени рассматривается в рамках «этнографизма», в том числе с выделением «крайнего» (А. Крымский, О. Курило, Е. Тимченко, И. Огиенко, С. Смеречинский, В. Симович и др.) и «умеренного» его крыльев (О. Синявский, Н. Сулима, Н. Наконечный)¹⁶. Этнографизм украинского терминотворчества, однако, в этот период был тесно связан с общим стремлением к демократизации языка.

Так, одна из ведущих представительниц этнографической школы в украинском языкознании того времени, О. Курило (позже репрессированная, как и многие ее коллеги), призывая при создании собственной терминологии учитывать европейский опыт, особо отмечает функциональные отличия русского и украинского литературного языков, первый из которых, по ее мнению, «отличается от народного языка, в нем мы не чувствуем своеобразия, живости русского народного высказывания»¹⁷. Отсюда призыв к украинской интеллигенции не копировать логику развития русского литературного языка: «...Чем больше украинская интеллигенция хочет быть полезна народу, освободить его из власти тьмы, поднять его культурный уровень, тем больше она должна использовать украинский народный язык, она должна учиться у народа высказываться его мыслями, его психологией языка научной правды»¹⁸. Призыв использовать в научном языке имеющиеся в народной речи фразеологические и другие обороты «вместо того, чтобы ковать новые, искусственные»¹⁹, сочетался с убежденностью в том, что «литературный язык должен быть живым» и тесно связанным с народным узусом (именно она впервые вводит в этот термин в украинский научный оборот в латинском написании *usus*). В свою очередь, ориентация на лексический материал из украинской (народнической) литературы XIX в. (Марко Вовчок, Кулиш и др.) и этнографических записей, по ее мнению, не отменяет, а требует дополнительной оценки распространенности конкретного языкового факта. Убежденность в том, что «выучить язык можно только из широкой языковой практики»²⁰, присутствует в той или иной форме и во многих других узкоспециальных и популярных лингвистических работах 1920-х гг.

Вслед за С. Н. Запрудским выделяем два четких периода в развитии украинского литературного языка: 1920-е и 1930-е гг. Если 1920-е гг. – это время смелого эксперимента в самых разных сферах языка, то 1930-е – эпоха запретов и нормирования, доведенного до крайности²¹.

Однако представление о том, кто именно является «идеальным» носителем того самого народного языка и выразителем народного узуса, кардинально меняется в начале 1930-х, что, по верному замечанию С. Н. Запрудского, было тесно связано с формулированием И. Сталиным тезиса об усилении классово-партийной борьбы на очередном съезде ВКП(б) и пересмотром позиции партийного руководства в отношении крестьянства²². Волонтаризм и директивность, присущие языковой политике и в 1920-е гг., с начала нового десятилетия

приобретает неприкрыто репрессивный характер, а нормирование становится запретительно-ограничительным и касается не только лексики, но и грамматики, синтаксиса, внутренней структуры языка. Пересмотр норм в соответствии с новыми установками в языковой и национальной политике начался, как и в предшествующий период, со сферы орфографии. Так, «Постановление Народного комиссара образования УССР» от 5 сентября 1933 г. про «Украинский правопис», подписанное наркомом В. П. Затонским, провозглашало необходимость ликвидации «националистических» орфографических норм, закрепленных орфографическим сводом 1928 г., как направленных на «искусственный отрыв украинского языка от того языка, на котором говорят многомиллионные массы украинских рабочих и крестьян»²³. Квалификация грамматических правил и норм склонения (например, иностранных слов или географических названий), закрепленных в орфографии 1928 г. как «националистически-куркульских», «буржуазных» становится общим местом в разоблачительных документах начала 1930-х гг. Так, возглавивший новую орфографическую комиссию А. А. Хвыля во вступлении к новому проекту правописания прямо утверждает, что орфография 1928 г. «тормозила изучение грамоты широкими трудящимися массами»²⁴, а пропагандируемые ею «мертвые консервативные нормы... искажают современный украинский язык, живой язык практики трудящихся масс Украины»²⁵. Классовые оценки языковых явлений являются неизменной составляющей риторики того времени как в центре, так и на местах²⁶.

Поиск «вредителей» на «языковом фронте» незамедлительно принес свои плоды: на волне громкого сфабрикованного процесса СВУ (Союз визволення України) репрессиям подверглись многие из тех, кто начинал реформы украинского языка в 1920-е гг.: Г. Холодный, О. Курило, С. Ефремов, Е. Тимченко и многие другие, а переоценка и пересмотр недавно установленных норм затронула как лексическую, так и грамматическую систему языка. Наиболее ярко проявилась смена вектора языковой политики в словарной работе. Так, в новых выпусках 2-го тома Русско-украинского словаря был кардинально пересмотрен русский словник, из него устранялись «специфические дворянско-помещичьи и церковные элементы русского языка, которые были свойственны ему при капиталистическом общественно-экономическом строе, а в эпоху пролетарской революции вышли или выходят из употребления в живой беседе и литературном творчестве», а цитатный материал был отредактирован с це-

люю «не допустить вредных буржуазных и националистических тенденций... сделать из него полезный инструмент для строительства украинской пролетарской культуры»²⁷. Очевидно, что изменилось само представление о современном украинском языке; отныне он понимается как язык, который «проявляется в живой речи городских и сельских рабочих и трудовой интеллигенции, в документах государственных, партийных и профессиональных учреждений, в прессе, в художественной литературе и научных произведениях». Открыто постулируется в словарной работе критический подход к наследию украинского дореволюционного языка (литературы), звучат призывы отбросить «всё устаревшее» как лишний балласт, «враждебный, явно вредный для развития и нормирования литературного языка украинского пролетариата». Эта установка реализуется в практической сфере, в частности в сознательной замене цитат из украинской литературы XIX в. примерами из украинской советской прессы и пролетарских писателей того времени.

Наиболее ощутимый удар был нанесен по созданной за прошедшее десятилетие научной терминологии: был прекращен выпуск терминологических словарей, взамен в 1933–1935 гг. были изданы 5 отраслевых бюллетеней, пересматривающих лексику в разных сферах научной деятельности: математический, медицинский, ботанический, физический, производственный, целый ряд школьных. Представление об объемах произведенной правки дает статистика, приведенная, в частности, во введении к «Виробничому термінологічному бюлетеню» (Київ, 1935), где отмечалось, что «Словник виробничої термінології» (Харків, 1931) «содержал приблизительно 40–50% слов (гнезд), которые нужно было переделать и исправить, чтобы уничтожить в нем вредительскую производственную терминологию». Выявленные в физическом словаре «малоизвестные или совсем неизвестные трудящимся массам» полонизмы, введенные вместо слов, «созвучных с русским», квалифицировались не иначе как «смыкание с польским фашизмом»²⁸.

Особое место занимает в (около)политических дискуссиях на языковые темы статья А. А. Хвыли, наркома образования, о вредительстве на языковом фронте, опубликованная в главном республиканском журнале «Більшовик України» в 1933 г., а вскоре выпущенная отдельным изданием рекордным тиражом в 100 тыс. экз. В ней можно легко проследить все те ключевые элементы языковой идеологии, которые стали толчком для пересмотра литературной нормы после 1930-х гг. Обвинения, сформулированные в адрес «украинской

контрреволюции», проводившей «вредительскую работу на языковом фронте», звучали как приговор, в вину вменялось стремление «воспитывать массы в кулаческо-петлюровском духе, воспитывать их в ненависти к социалистической родине, в любви к казаческой романтике, гетмашине и т.д.»²⁹. Выстраивание новой концепции исторического прошлого означало в практической языковой сфере исключение архаизмов из числа возможных источников пополнения лексического состава и средств верификации узуальности грамматических структур.

Провозглашенный поворот в сфере нормирования был связан с резким падением роли собственных (внутри)языковых ресурсов, в том числе из других языковых страт (например, диалектов или разговорной речи) при расширении лексического репертуара. Именно у А. А. Хвыли отчетливо прозвучало ключевое для периода 1930-х гг. обвинение в адрес создателей украинской терминологии в том, что они «общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, придумывая искусственные так называемые украинские самобытные слова, которые никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс не имели и не имеют»³⁰. Объектом критики становится сама методика сбора лексического материала – заметим, совершенно революционная. Неслучайно появляется в статье прямая ссылка на допрос С. А. Ефремова, проходившего по делу СВУ: «В частности, предполагалось установить непосредственные связи с селом, собирать там терминологический материал и выискивать для этого кадры корреспондентов, была идея... придать терминам преимущественно украинский вид, заменяя общеупотребительные термины специально выдуманными»³¹. В современной диалектологии и социолингвистике опросники являются одним из проверенных инструментов полевой работы, в соответствии с подобной логикой сотрудникам Института украинского научного языка предлагалось не давать своим корреспондентам готовый термин, а «повернуть дело так, чтобы слушатель сам его привел или выдумал»³². Однако для А. А. Хвыли примеры из инструкции по организации терминологической работы являются лишь средством дискредитации и самой методики, и ее авторов и исполнителей³³.

Тезис об искусственном характере украинской литературной нормы³⁴ довольно часто звучит в полемической литературе того времени, являясь лишним сигналом незавершенности процесса коммуникативной эмансипации языка, показателем недостаточности его престижа в коммуникативном пространстве. У А. А. Хвыли и

его единомышленников он конкретизируется благодаря сознательному отбору из синонимических рядов, предложенных кодификаторами 1920-х гг. к обсуждению в «проектах» словарей, наиболее «одиозных», с точки зрения критиков, новообразований, апеллирующих к разговорной стихии (как в случаях: *курсив – письмівка, экскаватор – копалка, штепсель – притичка*); сознательно использующих форманты, ранее непродуктивные в украинском словообразовании (как в примерах: *кинофабрика – кінарня, автозавод – автомобілярня, электрическая станция – електровня*) или открытые пуризмы с яркой внутренней формой (*буфер – відпружник; атом – неділка; нефтяной фонтан – нафтограй, нафтомет*). Сознательное утрирование самой методики пополнения словарного состава с опорой на внутриязыковые ресурсы приводит к появлению в работах того времени лексикографических фантомов анекдотического содержания типа «*розчепірка*» (якобы предлагавшегося вместо *парасолька* ‘зонтик’), не зафиксированных ни в каких словарях и научных или популярных работах, которые тем не менее на долгие годы стали эффективным способом дискредитации языкотворчества 1920-х гг.³⁵

Объектом критики в статье А. А. Хвыли – что особенно важно – становятся не только общие принципы словарной и в целом языковой работы, но и совершенно конкретные грамматические формы и орфографические правила. Принцип директивности и избирательности, таким образом, был впервые распространен на внутреннюю структуру языка. Так, например, в статье критикуется предложенная С. Смеречинским трактовка семантики безличных конструкций с формами на *-но, -то*, не позволяющая употреблять в ее рамках глагол-связку и заполнять позицию субъекта-производителя действия. Однако из научной области полемика быстро переходит в сферу чисто политическую: по мнению высокопоставленного критика, такие «обороты в украинском языке» возвращают нас «ко временам князя Игоря, польских королей и Ивана Котляревского», отрывая тем самым от «языкового материала, который мы имеем сейчас в широких народных массах»³⁶. За призывами «вытравить буржуазно-националистическое оформление украинских словарей»³⁷ последовало распоряжение о прекращении издания терминологических словарей с целью «закрепить техническую терминологию, унифицировав ее с терминологией, существующей во всем Советском Союзе»³⁸. Пересмотр конкретных орфографических норм (в частности, касавшихся склонения и оформления заимствований) сопровождался изъятием из алфавита буквы *г* и заменой иллюстративного материала как в ор-

фографическом кодексе, так и в словарях³⁹. Ревизия представлений о языковом образце, призывы к замене форм и лексем, закрепленных в прецедентных текстах дореволюционного периода, подкреплялась прямой установкой: «Мы уничтожаем не украинскую культуру, а украинскую буржуазную культуру. Мы делаем это для того, чтобы еще более ускоренными темпами развернуть строительство украинской пролетарской культуры»⁴⁰.

Вслед за выступлением А. А. Хвыли последовали конкретные резолюции Народного комиссариата образования по результатам проверки состояния дел «на языковом фронте». Помимо конкретных указаний относительно устранения из словарей перечисленных списком «искусственно созданных» лексем и «вытащенного из архива лексического хлама, неизвестного... живому украинскому языку», а также «народно-хуторских локализмов»⁴¹ критика обрушилась на методику сбора материала (как раз живого, разговорного, связанного с узусом), охарактеризованную как «вызов старых баб и дедов из зажиточного и обязательно неграмотного крестьянства на словообразовательные опыты». Вывод был неутешительным: вся лексикографическая продукция бывшего Института научного языка (терминологические словари), бывшей Комиссии Словаря живого языка при ВУАН (Русско-украинский общезыковой словарь), бывшей Комиссии Исторического словаря (Исторический словарь), и даже Института языкознания была признана несовместимой «со взглядами пролетариата», отражающей «идеологию враждебных советской стране классов»⁴², что фактически означало прекращение кодификаторской работы названных институций. «Словари с такой... терминологией представляют в руках классового врага воинственное орудие борьбы с социалистическим строительством на языковом фронте»⁴³, следовательно, их издание следовало остановить, а уже изданные отредактировать. Помимо словарей жесткой критике подверглась и учебная литература: школьные учебники, в том числе «Початкова грамати́ка української мови» О. Курило, пособия для вузов «Нариси історії української мови» П. Бузука, «Курс історії української мови. Вступ і фонетика» Е. Тимченко, «Норми української літературної мови» О. Синявского.

Новые методологические принципы сразу же воплощались в жизнь, а масштабные чистки в рядах специалистов по языкознанию уменьшили не только количество лексикографов, но и снизили качество словарной продукции. Это хорошо видно при сопоставлении, например, «Російсько-українського словника» под ред. А. Крымского и

С. Ефремова (за период с 1924 по 1933 г. успел выйти до буквы «П») и призванного его заменить «Русско-украинского словаря» С. Васильковского и Е. Рудницого (1937). В первом из них был собран богатый лексикографический материал, который, по замыслу, должен был отразить полифункциональность создаваемого литературного стандарта и включал новые примеры, зафиксировавшие отход от старого «этнографического (этнографо-народнического)» иллюстрирования. Во втором же был не только существенно сокращен объем лексики за счет изъятия «классово враждебных слов» и уменьшения числа синонимов, причем специфическая украинская лексика в синонимических рядах перемещалась на периферию, будучи снабженной ограничительными стилистическими пометами, но и устранена большая часть фразеологии; исчезли также ссылки на источники, вместо них появились искусственные примеры словоупотребления.

Для нашей темы особенно важно отметить, что отдельная резолюция НКО (Народного комиссариата образования) была посвящена сугубо грамматическим вопросам: директивно утверждалась возможность употребления творительного падежа со значением субъекта в безличных конструкциях с *-но*, *-то*; допустимость пассивных конструкций (типа *книжка друкується*), подчеркивалась распространенность действительных причастий типа *існуючий, пануючий, меншовикуючий*, которые в работах 1920-х гг. выводились за рамки украинской нормы. В резолюции прямо заявлялось: «Грамматическое оформление языка (синтаксическая структура, фразеология), как и все стороны функционирования языка в стране пролетарской диктатуры и строящегося социализма, должно быть подчинено классовым интересам пролетариата, отвечать исторической миссии пролетариата в создании новой социалистической культуры»⁴⁴.

Критика наркома образования А. А. Хвыли и официальные постановления получили свое подкрепление в целом ряде специальных работ соответствующего содержания и тональности, разоблачавших «проявления националистического вредительства» в конкретных сферах языка. Так, во 2-м номере главного лингвистического журнала «Мовознавство» за 1934 г. рубрика «Хроника Научно-исследовательского Института языкознания» повествует о 34 заседаниях института, в рамках которых была произведена, в частности, переоценка конкретных словообразовательных моделей, кодифицированных в работах языковедов 1920-х гг. (напр., процессуальные существительные на *-ка*, типа *розробка*, существительные со значением действующего на *-ування/-овання*)⁴⁵. Лексическое бюро Института отчи-

тывалось о результатах проделанной на местах словарной работы: «Кардинально изменив на основе указаний науки Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина принципы лексических исследований», пришлось проверить «социально-политическое лицо корреспондента, очистив сеть информантов от всяких националистов, классово враждебных элементов»⁴⁶.

Смена вектора в нормировании языка продемонстрировала, среди прочего, существенную трансформацию представлений о языковом идеале. Явно проявлявшееся в лексикографических и в целом в лингвистических работах 1920-х гг. внимание к народной (преимущественно сельской) речи, к классической литературе в 1930-е гг. квалифицировалось как «проявление классово враждебности националистически-бюрократического языкознания», а сама литература XIX в. – как «заигрывание с языком зажиточного, кулацкого крестьянства»: так писал Г. А. Сабалдир в журнале «Мовознавство» (1934), разбирая работу С. Смерчинского «Нариси з української синтакси в зв'язку з фразеологією та стилістикою»⁴⁷. Критический разбор завершался требованием уничтожить работу как «одно из самых явственных националистических произведений в украинском языкознании... где так четко и воинственно сформулированы идеи украинского фашизма в языкознании». В качестве оснований для столь серьезных обвинений указывался, среди прочего, отказ С. Смерчинского признавать возможность употребления творительного падежа для обозначения действующего лица в конструкциях с формами *-но*, *-то*, а также нормативность отглагольных существительных на *-ння*, *-ття*. Не менее серьезно звучали также обвинения в сознательной архаизации языка: «Мы имеем дело с целой завершенной националистической системой, которая своими корнями тянется в 19 в. ... мы имеем дело с врагом вооруженным, который пролистал не одну тысячу страниц этнографических памятников и вообще разных литературных источников»⁴⁸.

Вполне логичной в этом контексте видится деятелям 1930-х гг. переориентация нормирования на современный узус, что предполагало особый учет цитатного материала из украинской советской прессы, партийных документов и т. п. Так, П. П. Горецкий в своей хорошо продуманной лингвистической статье, снабженной, впрочем, всеми необходимыми цитатами из выступления А. А. Хвыли, созданной на основе доклада на заседании Секции современного украинского литературного языка в октябре 1933 г., прямо призывает для проверки употребимости слов обращаться к украинским совет-

ским изданиям «Правда Украины», «Коммунист»⁴⁹. Приводимые из политически корректных источников языковые факты, по его мнению, призваны были развенчать утверждения о «несвойственности» языку отдельных форм и конструкций.

В этой связи особый интерес представляет судьба переводов классиков марксизма-ленинизма как текстов, имевших особый статус в советской идеологии, способных самостоятельно выполнять роль языкового образца. Так, как отмечал С. Н. Запрудский, именно распространенность в белорусском переводе «Манифеста коммунистической партии» специфических форм существительных типа *комунисты* способствовала закреплению их в норме⁵⁰. Редактором полного собрания сочинений В. И. Ленина на украинском языке стал бывший в то время наркомом юстиции и одновременно генпрокурором Н. А. Скрипник, уделявший особое внимание подбору переводчиков и качеству редакторов. В 1928 г. тиражом в 5000 экз. вышел из печати первый том, к 1929 г. было готово уже второе его издание (в соответствии с новой орфографией), в 1930 г. увидели свет еще три тома, а за 1931–1932 – пятнадцать следующих. Однако после того, как в рамках политического процесса «Союза освобождения Украины» (1930) был арестован научный консультант Г. Голоскевич и переводчик Г. Г. Холодный, прозвучало обвинение в том, что перевод ленинских работ осуществлен с националистических позиций⁵¹. Было заявлено, что «переводчики проводили курс на оторванность украинского языка, на искусственное его ограничение, курс на язык немецких и польских фашистов», против них выдвинули также конкретные лингвистические обвинения, в частности в предпочтении слов: так, по мнению критиков *наруга* было бы уместнее, чем *зневага*, *погубив* – чем *занапастив*⁵². Признавался недопустимым сам принцип перевода, когда для передачи русских слов выбирались не совпадающие с русским, а специфические украинские соответствия: ср. *свобода*, *воля*, *раскол* – *розлом*⁵³.

Таким образом, анализ официальных документов Народного комиссариата образования и работ лингвистов 1930-х гг. позволяет выявить основные направления планирования корпуса. Все они связаны с изменением представлений о языковом идеале и набором источников для пополнения словарного состава украинского литературного языка. Особо выделяется здесь тезис о благотворности влияния русского языка на украинский, о необходимости формирования общего лексического фонда языков народов СССР, требование широкого использования интернационализмов. Объектом пристально-

го внимания становится фактически каждая из сфер терминологии, а для формирования терминов устанавливаются строгие ограничения относительно возможного источника⁵⁴.

Любопытно, что пуристская в своей основе тенденция к терминообразованию на основе национальных элементов проявлялась и гораздо позже, в 1970-е гг. Так, предметом острой критики стал «Украинско-русский словарь сахарной промышленности», изданный в 1976 г. Рецензенты утверждали, что «авторы ввели целый ряд ненужных терминов, воспользовавшись пометой «не рекомендуется употреблять (нрк). Это слова типа *вітрогон*, а не *вентилятор*, *лапач*, а не *уловлювач*, *рура*, а не *труба*, *смок*, а не *насос*. <...> Авторы не учли, что терминологические словари создаются не только для филологов, но и для отраслевых специалистов, которые могут не заметить или не понять пометы *нрк* и употребить подобные слова в отраслевой литературе»⁵⁵. «Реабилитация» терминов и форм, признанных нормативными в 1920-е гг., произошла уже после 1991 г. Так, известный украинский лексиколог А. А. Стишов приводит в своей работе о современном языке СМИ около 600 «актуализованных» лексем⁵⁶. Среди них особое место занимают пуризмы, созданные на пике национального языкотворчества – в 1920-е гг. (лексемы типа *військовик*, ср. *воєнний*, *світлина*, ср. *фотографія*, *летовище*, ср. *аеродром*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О специфике формирования украинского литературного языка с учетом его диалектной неоднородности см.: *Гриценко П. Е.* Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Philologia slavica*: к 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993. С. 284–294.

2 Подробнее см.: *Запрудскі С. М.* Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930 гады. Мінск, 2013.

3 Тезис И. Сталина о специфике эпохи развернутого строительства национальных культур, сформулированный в докладе на XVI съезде ВКП(б) (1934), кочует из документа в документ, становясь своеобразным лейтмотивом языковой политики. См., в частности: *Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали* / За ред. Л. Масенко; уп. Л. Масенко, В. Кубайчук, О. Демська-Кульчицька. Київ, 2005 (далее – УМ). С. 40, 43. Здесь и далее для иллюстрации процессов, происходивших в языковой сфере, мы используем документы,

опубликованные в сборнике, под редакцией известного украинского социолингвиста проф. Л. Т. Масенко, перевод цитат наш.

4 «Celem polityki językowej – zarówno na płaszczyźnie planowania satusu, jak i korpusu ma być język, który sam przez się jest uznawany za właściwy, prawidłowy i piękny i co istotne – „nasz”, został on – z konieczności okrojony z odpadków» (*Czerwiński M. Estetyka narodowa i jej wrogowie – czyli o językach literackich w tak zwanej ponowoczesności // Socjologwistyka. 21. Kraków, 2007. S. 10.*)

5 Об этом подробнее см: *Миллер А. И., Остапчук О. А. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 25–48.*

6 Постанова (подпись: М. Скрипник) // УМ. С. 105–106 (воспроизводится по: *Український правопис. Харків, 1929. С. 3.*)

7 Об орфографическом аспекте формирования единой украинской нормы подробно пишет В. В. Нимчук: *Німчук В. В. Проблеми українського правопису ХХ – початку ХХІ ст. Київ, 2002. С. 10–12.*

8 *Запрудскі С. М. Беларускае мовазнаўства ... С. 113.*

9 *Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 158.*

10 *Масенко Л. Т. Доба українізації 20-х років. Концепція мовно-культурної політики Миколи Скрипника // Масенко Л. Т. Мова і суспільство. Постколоніальний вимір. Київ, 2004. С. 22.*

11 Работа эта велась в крайне тяжелых бытовых условиях, о чем упоминает Г. Холодный, позже возглавивший Институт украинского научного языка: «Зима 20–21 года была особенно тяжелой. Борьба за существование отнимала временами все силы. Из Киева люди бежали в села, где был хлеб. Потеряв многих активных работников еще раньше, Терминологическая комиссия была теперь обескровлена. Работа во многих подкомиссиях остановилась, так как не было людей. Морально поддержанная доброжелательным отношением к своей работе тогдашнего Наркома Образования Г. Гринько, Комиссия бессильна была перед голодом, холодом и даже темнотой: в отчете Зоологической и Математической подкомиссий за февраль 21 года читаем, что работа в Зоологической подкомиссии продолжается “с большими трудностями”, а в Математической остановилась вовсе из-за отсутствия света» (*Холодный Г. До історії організації термінологічної справи на Україні // Вісник ІУНМ. Вип. 1. 1928. С. 20.*)

12 Там же. С. 9–20.

13 *Шевельов Ю. Українська мова в першій половині... С. 156–157.*

14 *Холодный Г. Стан та перспективи наукової роботи інституту української наукової мови (доповідь Керівника ІУНМ Гр. Холодного*

Раді Академії 5 листопада 1928 р.) // УМ. С. 92. (воспроизводится по: Київ, 1928. С. 11–12)

15 Там же. С. 93.

16 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині...

17 *Курило О.* Уваги до сучасної української літературної мови: вступне слово // УМ. С. 95 (воспроизводится по: *Курило О.* Уваги до сучасної української літературної мови: Вид. 3-тє. Київ, 1925. С. 1–8; переиздано: Київ, 2004. С. 11–17).

18 Там же. С. 96.

19 Там же. С. 98.

20 *Синявський О.* Найголовніші правила української мови: передмова // УМ. С. 101 (воспроизводится по: *Синявський О.* Найголовніші правила української мови (за новим правописом). Харків, 1929).

21 Подробный анализ основных направлений ревизии белорусских норм в 1930-е гг. см.: *Запрудскі С. М.* Беларускае мовознаўства... С. 218–226.

22 Там же. С. 243.

23 Постанова Народного комісара Освіти УРСР від 5-го вересня 1933 р. про «Український правопис» // УМ. С. 108 (воспроизводится по: Український правопис. Харків, 1933. С. 3).

24 [*Хвиля А.*] До видання нового українського правопису // УМ. С. 109 (воспроизводится по: Український правопис. Харків, 1933. С. 5–6).

25 Там же. С. 110.

26 *Аксенова Е. П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 82–91.

27 Післяслово до 2-го й 3-го випусків II тома російсько-українського словника // УМ. С. 111 (воспроизводится по: Російсько-український словник. Київ, 1932. С. 1052–1054).

28 *Калинович М., Дрінов Д.* Ліквідувати націоналістичне шкідництво в радянській фізичній термінології // УМ. С. 234–249 (воспроизводится по: Фізичний термінологічний бюлетень. УАН. Інститут мовознавства. № 4. Київ, 1935. С. 3–19).

29 *Хвиля А.* Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // УМ. С. 114 (воспроизводится по: Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 42–56).

30 Там же. С. 114.

31 Там же. С. 116.

32 Там же. С. 117.

33 «Як звуть електричну лампу: лампа, банька, пухирець чи може ще як?»; «Як би назвали антену: той дріт, що хапає, ловить хвилі, чи

ловичка, або перехоплювач, чи ще як? Приймач чи підслухувач? «Рупор чи говорило, голосник, голосномовник, чи може ще яке слово?»: там же. С. 117.

34 Как, впрочем, и целого ряда других славянских литературных языков, например белорусского: *Запрудскі С. М.* Беларускае мовознаўства... С. 38.

35 О подобном примере в белорусском языке – *разтапырка* – см.: там же. С. 39. Здесь же, по-видимому, следует искать корни появления анекдотов, предлагающих мнимые переводы, лишь внешне следующие логике языкотворчества и на самом деле служащие средством иронии: например, Чахлик Невмирущий – якобы украинское соответствие для Кошея Бессмертного.

36 *Хвиля А.* Викорінити, знищити... // УМ. С. 121.

37 Там же. С. 122.

38 Там же. С. 130.

39 Там же. С. 131.

40 Там же. С. 131–132.

41 Резолюція Комісії НКО для перевірки роботи на мовному фронті в питаннях термінології // УМ. С. 144 (воспроизводится по: *Хвиля А.* Знищити коріння українського націоналізму на мовному фронті. Харків, 1933. С. 119–124).

42 Там же. С. 145.

43 Там же. С. 146.

44 Резолюція Комісії НКО для перевірки роботи на мовному фронті в справі граматичній // УМ. С. 151 (воспроизводится по: *Хвиля А.* Знищити коріння... С. 119–124).

45 Хроніка НДІМ (Науково-дослідного інституту мовознавства) 1933–1934 // УМ. С. 161 (воспроизводится по: *Мовознавство.* 1934. № 2. С. 139–145).

46 Там же. С. 162.

47 *Сабалдир Г.* Проти буржуазного націоналізму і фальсифікації (С. Смеречинський. Нариси з української синтакси в зв'язку з фразеологією та стилістикою. Радянська школа, 1932) // УМ. С. 201–219 (воспроизводится по: *Мовознавство.* 1934. № 1. С. 53–56).

48 *Василевський С.* Добити ворога // УМ. С. 180 (воспроизводится по: *Мовознавство.* 1934. № 1. С. 23–36).

49 *Горецький П.* Націоналістичні перекручення в питаннях українського словотвору // УМ. С. 182–200 (воспроизводится по: *Мовознавство.* 1934. № 1).

50 *Запрудскі С. М.* Беларускае мовознаўства... С. 154, 320–321.

51 *Канцелярук Б. І.* Як українські переклади творів В. І. Леніна стали «націоналістичними». Київ, 1990. (Товариство Знання. Серія 2. Світогляд. № 12). С. 21.

52 *Каганович Н. А.* Націоналістичні перекручення в українських перекладах творів Леніна // *Мовознавство*. 1935. № 3–4.

53 *Канцелярук Б. І.* Як українські переклади... С. 4.

54 *Дрінов Д., Сабалдир П.* Проти націоналізму в математичній термінології // УМ. С. 219–234 (воспроизводится по: Математичний термінологічний бюлетень. Виправлення до математичного словника. Ч. 1, 2, 3. ВУАН. Інститут мовознавства. № 2. Київ, 1934. С. 5–22)

55 Склад і структура термінологічної лексики української мови / *Богуцкая М. Ф., Крыжановская А. В., Марченко В. С., Панько Т. И., Симоненко Л. А.* Київ, 1984. С. 14, 374–380.

56 *Стишов О. А.* Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі засобів масової інформації). Київ, 2003. С. 374–380.

О. А. Ostapchuk

Corpus planning as a part of Ukrainian national language building in the 1920–1930s

The article is based on the material of (para)scientific and publicistic works from 1920–1930s and devoted to the analysis of methods of official influence on the literary Ukrainian. Special attention is paid to the regulating language prescriptions in the field of orthography and terminology, also on the grammar level. The article includes also comparative analysis of corpus planning in the 1920th and 1930th.

Keywords: *language politics, national politics, corpus planning, linguistic norm, literary Ukrainian, orthography, grammatics, terminology.*

Е. Е. Левкиевская
(Москва)

**Язык – наречие – мова:
статус украинского языка в русском дискурсе
советского периода**

В статье рассматриваются лексемы *язык, наречие, речь, мова* как способы обозначения украинского языка в русских контекстах советского периода, формирующие представление об украинском языке в русской советской языковой картине мира. В качестве сравнения приводятся контексты дореволюционного и постсоветского периодов, которые дают возможность проследить, как менялся статус украинского языка в течение XX в. с точки зрения русского языкового сознания. Наряду с признанием официального статуса украинского языка в русском неформальном дискурсе продолжала сохраняться сформировавшаяся в XIX в. тенденция воспринимать украинский язык как разговорный стиль речи, обслуживающий преимущественно бытовую и фольклорную сферы.

Ключевые слова: *украинский язык, русский язык, русское языковое сознание, лексикология, советский период, русско-украинская языковая интерференция.*

В настоящей статье будет рассмотрен один из аспектов достаточно обширной проблемы, касающейся статуса украинского языка с точки зрения русского общества советского периода. Эта проблема в широком смысле слова включает в себя разнообразный круг аспектов, от официального, идеологически и формально регламентированного статуса украинского языка как национального языка одной из союзных советских республик до его неофициального стереотипа, существовавшего (и существующего) в неформальной русской языковой картине мира, начавшего формироваться задолго до советской эпохи и менявшегося в разные периоды времени под влиянием целой совокупности исторических, политических, культурных и языковых

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта 16–01–00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

отношений Украины и России. Некоторые аспекты этой проблемы были рассмотрены нами ранее¹.

В рамках данной работы нас будет интересовать именно неформальный стереотип украинского языка, сложившийся в русской советской языковой картине мира, а конкретнее – та совокупность лексических показателей в русском языке, которая маркирует и отражает разные стороны этого стереотипа. К числу таких показателей, в частности, относятся лексические способы обозначения этого языка в виде устойчивых сочетаний типа: украинский / малороссийский / малорусский / хохляцкий язык; украинское / малороссийское наречие; украинская / малороссийская речь; украинская / малорусская / малороссийская / хохляцкая мова. Очевидно, что сам выбор лексики, обозначающей украинскую языковую сферу, содержит хорошо прочитываемые русским и украинским обществом ценностные коннотации, отсылающие ко всей истории дискуссий об украинском языке, и свидетельствует о том, как адресант (носитель русского языка) эту сферу оценивает – как язык, т. е. как полноценную и самостоятельную языковую систему, равную русскому языку и отдельную от него; как наречие, т. е. частную подсистему русского языка, имеющую ряд этнокультурных особенностей, но вполне определенно отражающую официальную имперскую теорию о большой русской нации; как речь, т. е. практическую речевую деятельность украинского народа, преимущественно устную и преимущественно обыденную, повседневную, т. е. не имеющую своей «высокой» надстройки в виде письменной, литературной, кодифицированной формы; и, наконец, как мову – некое ненормативное языковое образование типа диалекта, свидетельствующее о необразованности и интеллектуальной неразвитости ее носителей и имеющее в русском дискурсе сильную стилистическую окраску, как правило негативную (от легкой насмешки до полного презрения). Дополнительную семантику привносит используемое определение: украинский(ая), малороссийский / малорусский(ая), хохляцкий(ая), каждое из которых имеет в русской языковой картине мира собственный ореол дополнительных значений и выбор которого говорящим в той или иной коммуникативной ситуации также указывает на его отношение к объекту высказывания.

Частотность и преимущественность употребления конкретных сочетаний в разные хронологические моменты советской истории в разных дискурсах (художественном, публицистическом, официальном), их наличие или отсутствие в языке русской эмиграции, их

контекстуальные употребления дают возможность исследовать, как складывалось отношение к украинскому языку в интересующую нас эпоху. Материалом для этого исследования послужила выборка контекстных употреблений из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², содержащая преимущественно художественные и публицистические тексты советского периода. Мы вполне осознаем, что, несмотря на свои очевидные достоинства, база НКРЯ не отражает ни всей полноты словоупотреблений, ни всех речевых жанров, однако имеющиеся в ней данные всё же вполне объективно позволяют свидетельствовать об эволюции и основных векторах развития той или иной лексемы или устойчивого сочетания. В качестве сравнительных данных, позволяющих проследить общие тенденции в употреблении указанных сочетаний, приводятся дореволюционные и постсоветские тексты, содержащие интересующие нас сочетания, а также некоторые материалы из Интернета, дающие возможность исследовать употребление названий украинского языка в разговорной речи.

Кроме того, важным материалом для анализа стереотипа украинского языка является корпус украинизмов, заимствованных в русский язык в разное время в процессе русско-украинской языковой интерференции. Судьба отдельных заимствованных лексем, порождавшиеся у них семантические изменения и коннотации также дают дополнительные возможности исследования стереотипа украинского языка в глазах русского языкового сообщества, о чем будет сказано ниже.

Анализ основных тенденций обозначения украинского языка в русском дискурсе советского периода следует начать с термина *язык*, который для рассматриваемого периода служит как официально принятым обозначением, так и наиболее частотным (если судить по базе НКРЯ) обозначением в художественных и публицистических текстах для украинской языковой системы. Наиболее устойчивое сочетание с этим термином, встречающееся в наибольшем количестве контекстов советского времени, – *украинский язык* (48 контекстов, для дореволюционных лет – 4 контекста, для постсоветского периода – 346). Даже если принять во внимание неполноту базы НКРЯ и неравномерность введения в нее текстов разных периодов (тексты постсоветских лет представлены значительно полнее по сравнению с более ранними годами), представляется очевидной основная тенденция: в течение XX в. число употреблений данного сочетания, начинаясь почти с нуля, постепенно растет, а к концу века это сочетание уже превалирует в литературных текстах над всеми прочими способами обозначения украинского языка.

Важно отметить, что в дореволюционный период употребление данного словосочетания служит отчетливым маркером политической позиции автора, противостоящего официальному режиму и сочувствующего сепаратистским умонастроениям имперских окраин. В первые два десятилетия XX в. выражение *украинский язык* выступает в качестве политического и идеологического антонима официальному и наиболее частотному в то время выражению *малороссийское / малорусское наречие*. Наиболее ранний текст с сочетанием *украинский язык* в НКРЯ относится к 1910 г.: «Впрочем, и с филологической стороны дело обстоит не так плохо: в 1905 году Петербургская академия наук в ответ на запрос комитета министров составила докладную записку, где обстоятельно доказывалось, что *украинский язык* сам по себе, а русский сам по себе. <...> Всему этому из России помешать нельзя, и потому вопрос о том, “может” ли и “должен” ли *украинский язык* создать особую культуру, есть вопрос праздный» (Жаботинский В. «Фальсификация школы», 1910 г.).

В первые десятилетия советской власти данное сочетание, ставшее официальным термином, в публицистических и художественных текстах наделяется явным классовым смыслом: *украинский язык* – это язык трудового народа, «наш» язык, а поэтому он достоин уважения и изучения: «Вот и в нашей советской трудовой школе будут учить наш родной *украинский язык*, чтобы знать его хорошо» (Беляев В. П. «Старая крепость», 1937–1940 гг.).

При этом тексты русской эмиграции вполне сохраняют дореволюционную тенденцию обозначения украинского языка как *наречия* и избегают употребления сочетания *украинский язык*. Исключением можно считать лишь круг специальных научных текстов, созданных в эмиграции, в которых оказывается возможным синонимическое употребление выражений *украинский язык* и *малорусское наречие* в письменной речи одного и того же автора. Ср.: «Дело в том, что хотя народный *украинский язык* является ближайшим родичем языка великорусского, тем не менее украинский литературный язык примкнул не к русско-церковнославянской, а к польской, т. е. западнославянской литературно-языковой традиции» (Трубецкой Н. С. «Общеславянский элемент в русской культуре», 1928 г.) и: «Прежде всего, исторической базой западнорусского письменного языка явился язык виленских канцелярий, т. е. белорусское, а не *малорусское наречие*» (Трубецкой Н. С. Письма Р. О. Якобсону, 1920–1938 гг.).

В постсоветский период термин *украинский язык* становится наиболее частотным, политически нейтральным выражением, принятым в официальном и литературном узусе, используемом наряду с некоторым количеством синонимических обозначений, в той или иной степени содержащих ценностно-оценочные коннотации.

Перейдем к анализу сочетаемости термина *язык* с прилагательными *малороссийский* и *малорусский*, которые в данном случае можно считать синонимичными, но которые в других контекстах могут обнаруживать ощутимую семантическую разницу в сочетаемости³. Прилагательное *малороссийский*, если судить по поисковой системе Яндекса (по данным на 11–12.01.2015 г.), до сих пор в большей степени сочетается со словами, обозначающими официально-административную и военную сферу (*малороссийский гербовник, гетман, приказ, гренадерский полк*; *малороссийская губерния, коллегия, республика*; *малороссийское генерал-губернаторство, казачество, дворянство*; *малороссийские казачьи полки, губернии, переписные книги, коллегии*). Тогда как прилагательное *малорусский* чаще обозначает этнические, культурные и ментальные понятия (*малорусский народ, говор, диалект, школьный театр*; *малорусская идентичность, песня, культура, библиотека*; *малорусское происхождение, племя*; *малорусские писатели, фамильные прозвания, рассказы, предания*).

Как и следовало ожидать, сочетание *малороссийский / малорусский язык* не было частотным в начале XX в., а к его концу вообще вышло из употребления: в НКРЯ зафиксировано 15 контекстов дореволюционного периода, 4 контекста советского времени (один из которых принадлежит тексту русской эмиграции) и 1 постсоветский контекст. Его наиболее ранняя фиксация относится к концу XIX в.: «Вы когда-то интересовались переводом «Шильонского узника на *малорусский язык*» (из письма В. Г. Короленко 1893 г.). В данном случае важно указать, что оценка украинского как *языка*, хоть и дана по-русски, отражает украинскую точку зрения и принадлежит этническому украинцу.

В советский период сочетание *малорусский язык* отмечено только в языке русской эмиграции (в отличие от *малороссийский язык*, которое изредка употребляется в художественных произведениях советских писателей) и, что особенно интересно, как полный синоним сочетанию *украинский язык*: «Но они отделяются тем, что этот *украинский язык*, насаждаемый в настоящее время на русской Украине, не есть местный *малорусский язык*, что это другой язык,

не – язык Шевченка и Котляревского, язык народу чуждый, и притом в еще большей степени, нежели и общерусский литературный язык» (Бицилли П. М. «Проблема русско-украинских отношений в свете истории», 1930 г.).

Нужно заметить, что в постсоветский период в разговорной речи, а также в языке Интернета с лексемой *язык* развивается новое сочетание, не фиксировавшееся в предыдущие эпохи и имеющее явные негативные коннотации – *хохлацкий язык*: «Женщина, на весь магазин кричит на ребенка, положившего в тележку для покупок журнал: “Куда ты тащишь его, он же на *хохлацком языке!*”»⁴ Прилагательное *хохлацкий* (как и этноним *хохол*) традиционно относящееся к сфере украинского в разговорной речи и просторечии, обладает кругом весьма изменчивых ценностно-оценочных значений, сильно зависящих от конкретного исторического периода и коммуникативной ситуации, в которой оно употребляется – от мягко-юмористических до резко пейоративных, которые значительно усилились за последние два десятка лет. Не вдаваясь в анализ семантики лексемы *хохлацкий* в постсоветский период, укажем лишь, что, судя по данным из Интернета, она пополнила собой так называемый язык вражды, к несчастью ставший привычным способом русско-украинского общения в интернет-дискуссиях. В приведенном примере с точки зрения говорящего украинскому языку не отказывается в праве быть именно *языком*, но этот язык воспринимается не просто как чужой и враждебный, но, прежде всего, как недостойный для русского человека, своеобразный «антиязык», противопоставленный русскому.

Таким образом, анализ контекстов с термином *язык* показывает неравномерную сочетаемость этого слова: для русского языка советского времени наиболее характерным и официально поддерживаемым является сочетание *украинский язык*, показывающее резкий разрыв с дореволюционной практикой обозначения данного объекта. Остальные формы можно считать окказиональными, а сочетание *хохлацкий язык* для текстов литературного стиля не зафиксирован вовсе (однако это не значит, что оно не могло встречаться в разговорной речи, в частности в качестве самоназвания для украинских анклавных диалектов на территории России, в которых, как показывает экспедиционный опыт, слова *хохол*, *хохлацкий* / *хохлачий* могут служить самоназваниями и употребляться абсолютно нейтрально⁵).

Рассмотрим теперь эволюцию, происходившую в течение XX в. с термином *наречие*, применительно к украинскому языку. Безусловно, за этим термином (в устойчивом сочетании *малорусское* / *мало-*

российское наречие), официально принятом до революции для обозначения украинской языковой системы, стоят старые идеи, сформулированные еще в XIX в. в русле национальной политики по отношению к Украине и украинцам и вписывающиеся в рамки теории о большой русской народности (здесь нужно вспомнить знаменитую дискуссию Погодина и Максимовича о малороссийском и великороссийском наречии)⁶. Ср., например: «То выхлопочут издательство малорусских книг, то шевченковские панихиды, обеды и вечера, то перевод Евангелия на *малорусское наречие*, то памятник Богдану Хмельницкому...» (Меньшиков М. О. «Национальная трещина», 1911 г.).

В советский период несмотря на официальный разрыв СССР (России) с имперской языковой политикой по отношению к Украине и украинскому языку (не наречие, но самостоятельный язык), проявившейся в том числе и в полной смене этнонимической и топонимической парадигмы (малоросс – украинец; Малороссия – Украина), слово *наречие* (в старых сочетаниях *малороссийское* или *малорусское наречие*) не исчезло полностью, но приобрело стилистическую окраску историзма и стало употребляться почти исключительно в художественных текстах, отсылающих к дореволюционному прошлому: «Но я полагал, что вы и здешнее *малороссийское наречие* разумеете...» (Мстиславский С. Д. «Грач – птица весенняя», 1937 г.).

Подобные сочетания оказались более живучими в языке русской эмиграции, сохранившей дореволюционную терминологию: «Прежде всего, исторической базой западнорусского письменного языка явился язык виленских канцелярий, т. е. белорусское, а не *малорусское наречие*» (Трубецкой Н. С. Письма Р. О. Якобсону 1920–1938 гг.).

Почти полностью выйдя из активного узуса в советский период и сохраняясь лишь в узком спектре художественных текстов, сочетание *малорусское наречие* неожиданно расширяет границы употребления в постсоветскую эпоху в языке Интернета на волне ожесточившихся дискуссий об украинском языке и его отношении к русскому. Здесь оно существует наряду с широким кругом синонимичных обозначений украинского языка, положительная или отрицательная семантика которых зависит от политической позиции автора: «Есть только русский язык! А *малорусское наречие* и укромова – это все русско-польский суржик»⁷.

Для полноты картины необходимо упомянуть о таком окказиональном варианте, как *украинское наречие*, дважды зафиксированном в художественной литературе XIX в.: «Сходя по измокшей сту-

пеньке, я поскользнулся и чуть было не упал; судите ж о моем удивлении, когда тот же молодой человек чистым русским языком, сбиравшимся на *украинское наречие*, спросил у меня...» (Сомов О. М. «Приказ с того света», 1827 г.). В материалах советского и постсоветского периода подобное выражение не найдено, что вполне объяснимо с точки зрения существующей дихотомии сочетаний *украинский язык – малороссийское/малорусское наречие*.

Представляется любопытной история употребления термина *речь*, которая наглядно показывает, что в русском языке советского периода взамен ушедших на периферию сочетаний с лексемой *наречие* начинают развиваться новые варианты со словом *речь*, имеющие схожую семантику и призванные подчеркнуть диалектный, разговорный статус украинского языка, отсутствие в нем высоких литературных норм и кодификации. Это сочетания *украинская речь* (для советского периода выявлено 5 контекстов, для постсоветского – 7) и *малороссийская речь*, вообще не встречавшиеся до революции: «Как страшно: насколько *малороссийская речь* чудесна, восхитительна и медова в песнях и стихах – настолько же отвратительна она в декретах и на митингах» (Лазарчук А., Успенский М. «Посмотри в глаза чудовищ», 1996 г.). Порождение подобных обозначений в советский период (и распространение их в постсоветское время) показывают, что, несмотря на официальное признание украинской языковой системы *языком*, в русской языковой картине мира в течение всего XX в. параллельно продолжала существовать традиционная, идущая из XIX в. тенденция восприятия украинского как разговорной, ненормативной, диалектной формы, обслуживающей преимущественно бытовое общение и сферу фольклора и недопустимой в тех коммуникативных сферах, которые требуют использования литературного стиля и обслуживаются в русском сознании исключительно русским языком.

Наконец, последний термин, обозначающий украинский язык еще с дореволюционного времени, достаточно широко употреблявшийся в советское время, а в постсоветские годы значительно увеличивший частотность благодаря Интернету, – это старое заимствование из украинского *мова*, судя по контекстам, освоенное русским узусом еще на рубеже XIX–XX вв. Нужно подчеркнуть, что в отличие от украинского языка, где это слово имеет общее значение «язык» (любой) и нейтрально по стилю, в русском языке оно всегда стилистически окрашено (при этом степень стилистической окраски, как правило, зависит от политических взглядов автора на украин-

ский вопрос) и используется почти исключительно для обозначения только украинского языка. Поэтому лексема *мова* как стилистически маркированное название украинского в русском дискурсе любого времени может употребляться без определений, самостоятельно: «Многие обстоятельства приняли участие в формировании этой “мовы” и убеждении Скворешни в том, что это его родной язык <...> (Адамов Г. «Тайна двух океанов», 1939 г.). Но чаще всего *мова* встречается в устойчивых сочетаниях, при этом с ней сочетаются практически все определения: *украинская*, *малороссийская* (однако *малорусская* не зафиксировано), *хохлацкая*, но частотность употребления и ценностно-оценочные значения конкретных выражений в разные периоды XX в. заметно различаются. Отметим, что в первой половине XX в. эта лексема еще осознается как заимствование, не вполне принадлежащее русскому языку, поэтому чаще всего оно дается в кавычках: «В народном диалекте, будь это жаргон, малороссийская “мова” или венецианское наречие, имеется много непосредственной образности» (Жаботинский В. «Одесские новости», 1910 г.).

Сочетание *украинская мова*, единично встречающееся в дореволюционных контекстах, расширяет свое употребление в советской художественной литературе, где оно обычно имеет положительные (или мягко юмористические), романтические коннотации в связи с традиционным, тянущемся из XIX в. восприятием Украины как «русской Аркадии»: «Все перепуталось – Варя Панина и гранаты, запах йодоформа и украинская певучая “мова”» (Паустовский К. Г. «Повесть о жизни», 1956 г.).

С середины XX в. в текстах художественной литературы слово *мова* пишется уже без кавычек, что свидетельствует о его освоении русским языком, а выражение *украинская мова* встречается в одном и том же контексте как маркированный синоним сочетания *украинский язык*: «Вася называл Марусю профессором *украинской мовы*, так как она терпеливо обучала Динку *украинскому языку*» (Осеева В. «Динка», 1959 г.).

Это выражение фиксируется также в текстах русской эмиграции, однако в отличие от советских текстов, где *мова* обозначает «свое» языковое пространство, в языке эмиграции оно стабильно демонстрирует негативные коннотации и служит одним из способов описания украинского сепаратизма: «Но интеллигентским фантазерам льстило то, что Украина стала самостоятельной державой: везде практикуется *украинская мова* галицийского стиля» (митрополит Вениамин Федченков. «На рубеже двух эпох», 1940–1950 гг.).

В постсоветский период частотность употребления данного сочетания возрастает как в публицистических текстах, так и в языке Интернета, однако ситуация русско-украинского политического противостояния распространяется и на языковую среду, в связи с чем само слово *мова*, как и все сочетания с этой лексемой, приобретают резкий пейоративный оттенок и активно используются в так называемом языке вражды и может сопровождаться для усиления негативного эффекта имитацией украинских выражений, относящихся к современной политической сфере. Характерно, что в последние годы частично возобновилась утраченная ранее тенденция оформления этой лексики кавычками как «чужого» слова, от которого автор дистанцируется: «С 1991 г. “*мова*” начала развиваться уже “самостийно и нэзалэжно” под высочайшем патронажем столь же “самостийной и нэзалэжной дэржавы”»⁸. Ср. также: «Не язык, а ЗэКовское арго какое-то. Не зря Н. В. Гоголь говорил, что *украинская мова* пахнет сапогами!»⁹ В последнее десятилетие в составе языка вражды в качестве уничижительного обозначения украинского языка стремительно распространяется сращение *укромова*: «Впрочем, для тех же нужд кроится сейчас *укромова* (в этом и отличие ее от малороссийского литературно-лингвистического проекта)»¹⁰.

В советских художественных текстах в качестве синонима к предыдущему сочетанию окказионально встречается выражение *малороссийская мова* преимущественно как одна из характеристик украинской сельской патриархальной жизни: «Оттого ли, что уже в станице с тобой все наперечет здороваются, что слышится уже только *малороссийская мова*, что месяц целый мать сама доит корову, варит борщ, стряпает <...>» (Лихоносов В. «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», 1983 г.).

В отличие от художественной и публицистической речи (если считать данные НКРЯ достаточно объективными) в постсоветском дискурсе, преимущественно в речи пользователей Интернета (как русскоязычных, так и украиноязычных) *малороссийская мова* используется относительно часто как синоним выражений *украинский язык* или *украинская мова* с позитивными или негативными коннотациями в зависимости от идеологических установок автора: «В основе русского литературного лежит московский городской говор, тогда как в основе *малороссийской мовы* и беларушчыны – деревенские, потому как создавались они, прежде всего, для художественных произведений <...>»¹¹.

В НКРЯ, представляющем тексты художественного и публицистического стилей, отсутствуют разговорные и просторечные контексты с сочетаниями *хохлацкая мова* или с еще более пейоративно окрашенными сращениями *хох-мова* и *хохломова*, которые достаточно часто встречаются в Интернете как лексические средства языка вражды в современных русско-украинских дискуссиях. Ср. фрагмент диалога в блоге: «Клоунский язык. Над ним и так все смеются, а они еще по телеку на нем разговаривают, когда интервью дают. Ну, это же смешно, в самом деле. И главное – гордятся этим, что на *мове* своей говорят». [Ответная реплика]: «Можно самый несмешной анекдот рассказать на *хохлацкой мове*, и все ржать будут»¹². Ср. также: «Потом полное переключение на спутниковое тв и стойкая неприязнь к *хох-мове* пожизненно»¹³.

Рассмотренный нами материал из НКРЯ позволяет проследить тенденции контекстного употребления выражений *украинский / малорусский / малороссийский язык, украинское / малорусское / малороссийское наречие, украинская / малороссийская речь и украинская / малорусская / малороссийская / хохляцкая мова* в русских письменных текстах XX в. – от последних десятилетий дореволюционного периода до первых двух постсоветских десятилетий. На основе полученных данных можно сделать вывод о разнонаправленных тенденциях в употреблении указанных сочетаний в советский и постсоветский периоды. Так, в 20–30-е гг. XX в. происходит терминологический разрыв с дореволюционной традицией обозначения украинского языка с двойной заменой: *малороссийский – украинский, наречие – язык*. Сочетание *украинский язык*, лишь спорадически представленное в текстах начала XX в., становится доминирующим в литературном стиле в советский и постсоветский периоды. При этом другие варианты названий для украинского языка в советское время почти полностью вытесняются в художественные тексты, в которых они выступают как стилистически окрашенные маркеры обозначения языкового поля, которое в значительной степени оценивается как «свое» (как с классовой точки зрения, так и с этнической). Очевидно, что в разговорной речи складывалась гораздо более сложная ситуация, но проследить ее за неимением репрезентативного материала пока не представляется возможным. Язык русской эмиграции в этот же период по большей части оперирует терминологией, сложившейся до революции.

Обратная тенденция прослеживается для сочетаний «малороссийский язык» и «малороссийское наречие» – наиболее частотные

в дореволюционный период, в советских текстах они употребляются лишь как стилистически окрашенные историзмы, отсылающие к прошлому, однако продолжают активно использоваться в языке белой эмиграции. Кроме того, утратившие свои позиции сочетания типа *малороссийское наречие*, употреблявшиеся в советской художественной литературе в качестве историзмов, были заменены появившимися в советское время новыми сочетаниями, несущими близкий комплекс смыслов, а именно *украинская / малороссийская речь*, поддержавшими традиционное осмысление украинского языка как некодифицированного, разговорного, обслуживающего коммуникативные ситуации фольклора и быта. Сохранению и укреплению этого стереотипа способствовало распространение обозначений украинского языка с заимствованием *мова*, имевшим тот же круг коннотаций, частотность употребления которого значительно возрастает в постсоветский период как в публицистике, так и в языке Интернета. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на официальную смену позиций по отношению к украинскому языку и его статусу со стороны советской власти, параллельно в неформальном дискурсе советской эпохи (от художественной литературы до разговорной речи) продолжали функционировать обозначения украинского языка, поддерживающие его стереотипное восприятие как *речи* (взамен наречия) или *мовы* (т. е. «недо-языка»), сложившееся в русской языковой картине мира еще в XIX в.

Наиболее значимой категорией, подчеркивающей базовые границы данного стереотипа, на наш взгляд, является категория нормативности/ненормативности: украинский язык с точки зрения русского языкового сознания не только в XIX, но и в течение всего XX в. (а отчасти и в настоящее время, о чем свидетельствует яростная полемика на этот счет в Интернете) осознавался как язык, лишенный нормативной литературной основы, как сфера простонародной, некодифицированной разговорной речи, носителем которой является необразованный человек, преимущественно сельский.

С нашей точки зрения, это стереотипное восприятие статуса украинского языка по отношению к русскому не смогло бы найти в широком массовом, низовом сознании такую поддержку, если бы она не подкреплялась «снизу» собственно языковыми особенностями украинского языка в их сравнении с южнорусскими диалектами. Наблюдение над основными чертами южнорусских диалектов и релевантных для русского сознания признаков украинского языка позволило увидеть, какие черты украинского языка считаются с точки

зрения русского сознания «украинскими» – именно они и закрепились в советских текстах и фильмах в качестве «украинского» речевого стандарта, оказав поддержку сложившемуся стереотипу. Эта точка зрения на украинский язык в советское и постсоветское время проявляется, в частности, в анекдотах про украинцев (в которых наиболее четко прослеживается изображаемая самими русскими русская речь нерусских)¹⁴. Среди релевантных языковых признаков, работающих на поддержание этого стереотипа, можно выделить следующие: прежде всего «гэканье» – произнесение «у» фрикативного на месте русского литературного «г» взрывного (*уород, уолова*); произнесение «у» неслогового в глаголах 3 л. ед. ч. прошедшего времени (*казаў, читаў, бачиў*); «і» как рефлекс фонемы «ять» на месте русского литературного рефлекса «е» (*бес – біс*); рефлекс «і» в новых закрытых слогах на месте русского литературного «о» (*нон – нін*). Первое место по значимости занимает союз «шо» вместо русского литературного «что», который зачастую является главным и исключительным маркером «украинской» речи, отличающей ее от русской (ср. анекдот: «“Вы москвич?” – “Да, а шо?”», передача «Шутка за шуткой», 02.10.2002, ОРТ).

Но все перечисленные черты не являются особенностью исключительно украинского языка – они широко распространены в южно-русских говорах и воспринимаются русским массовым сознанием не как черты чужого самостоятельного языка, а как черты собственной некодифицированной диалектной речи, т. е. с точки зрения низового наивного сознания – речи необразованных людей, не овладевших произносительными нормами русского литературного языка, а поэтому имеющей чрезвычайно низкий статус и противостоящей литературному языку. Эта ситуация поддерживается еще и тем, что между русским и украинским языком есть широкая полоса смешанных говоров, содержащих элементы как одного, так и другого языка.

Самостоятельным и очень важным показателем статуса украинского языка с точки зрения русского языкового сознания представляет собой употребление украинских слов и выражений в русской устной и письменной речи, которое сопровождается изменениями в их семантике с нейтрального на стилистически маркированные. Проблема существования украинизмов в русском языке достаточно обширна, поэтому в настоящей работе мы лишь укажем на тот аспект, который указывает на статус украинских слов по сравнению с русскими лексемами, обладающими тем же значением. Несомненно, существует корпус украинских слов и фразеоло-

гизмов, в той или иной степени включенных в русский узус и принадлежащих к пассивной части лексики носителей русского языка. Состав и классификация украинских элементов разного уровня, а также их функции в русских литературных текстах данного периода отчасти проанализированы в дипломной работе Е. В. Притуляк на примере корпуса русских художественных текстов¹⁵. Можно заметить определенную тенденцию в употреблении украинизмов в русской разговорной речи в ситуации замены украинским словом соответствующего русского, например, «мова» – вместо «язык», «самостийность» вместо «самостоятельность», «писмэнник» вместо «писатель». Такая замена не просто маркирует сниженный стилистический эффект по отношению к предмету, о котором идет речь, но и указывает на то, что сам этот объект не обладает качествами подлинного, настоящего, серьезного, а лишь притворяется таковым, мимикрирует под него. Подобно тому как «мова» с точки зрения русского сознания – это не язык, а лишь его подобие, «самостийность» – не подлинная самостоятельность, а лишь псевдосамостоятельность, бесосновательная претензия на нее, также и «писмэнник» – это не настоящий писатель, а лишь тот, кто притворяется таковым, не обладая ни талантом, ни подлинными качествами настоящего писателя. Ср. у Александра Галича в песне «Памяти Б. Л. Пастернака»: «Даже киевские “писмэнники” на поминки его поспели...» или: «...наши советские “писмэнники” громили Солженицина...» (Алексей Дидур. Передача «Московская Атлантида». «Культура». 12.10.2004).

Ряд украинских лексем (особенно задействованных в актуальном политическом дискурсе) к концу XX в. приобретают не просто усиленную стилистическую окраску, но и семантическую специфику, что приводит к сужению их сочетаемости и закреплению их употребления исключительно за сферой «украинского», при том что в XIX в. эти лексемы имели более универсальное и широкое употребление. В частности, эту тенденцию можно проследить на примере лексемы *щирый* в значении ‘настоящий’, ‘истинный’. Ср. в мемуарах Н. Греча (середина XIX в., «Записки о моей жизни»), где лексема *щирый* сочетается со словами *немец, поляк*: «Отец двоих Шванебахов был *щирый* немец...», «Доктор Борн имел все добродетели и пороки *щирого* немца...», «Булгарин как *щирый* поляк не мог не разделять этого движения умов...». Современное употребление этой лексемы дает сочетаемость только с существительными, характеризующими лишь политизированную сферу украинского:

щирый украинец, щирый хлопец, щирые украинские патриоты, щирые украинские дядьки (примеры взяты из Интернета). При этом как в 20-е гг. XX в., так и в современном узусе встречается субстантивированное употребление слова *щирые* исключительно в значении «украинские националисты»: «Пусть это было донкихотством, но чтобы никто из “щирых” не мог упрекнуть нас, что мы даром ели украинский хлеб» (А. А. Татищев, 1928 г.). Это различие в сочетаемости зависит от того, как автор XIX и XX–XXI вв. осмысляет статус украинизмов, используемых в тексте. Для Греча это лексема из «своего», «русского» языкового пространства, имеющая лишь легкую стилистическую окраску. Для современного русского языкового сознания это слово из языка, носители которого вдруг стали претендовать на статус чужих.

В заключение можно отметить, что возникший в русской культурной среде во второй половине XX в. более глубокий интерес к украинскому языку, более широкому его использованию для достижения сложных художественных задач, более достоверному его воспроизведению и усвоению был если не прерван, то в значительной степени заторможен. Вместо этого русско-украинская политическая и идеологическая конфронтация спровоцировала формирование языка вражды, в котором лексика и лексические сочетания, традиционно обслуживающие в русском дискурсе сферу украинского языка, стали приобретать дополнительные, не свойственные им ранее пейоративные коннотации и порождать новые сочетания с сильными стилистическими маркерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Левкиевская Е. Е.* Эволюция стереотипа украинца в русском языковом сознании // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре. М., 2009. С. 59–73; *Она же.* Украинский язык в русском языковом пространстве // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 415–454; *Она же.* Семантическая вариативность украинизмов в русском языковом пространстве // Вариативность в языке и коммуникации. Материалы международной конференции. М., 2012. С. 174–188.

2 Электронный адрес: guscoproga.ru.

3 Подробнее об исторических изменениях понятийного поля слов *Малороссия, малорусский, малороссийский* см.: *Левкиевская Е. Е.* Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в рус-

ской речевой практике постсоветского периода // *Имя народа. Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе.* М.; СПб., 2016. С. 250–278.

4 Электронный ресурс: <http://www.liveinternet.ru/users/2203716/post280127007>.

5 Этнолингвистическое исследование украинского анклава Саратовской обл. // *Восточная Европа. Перспективы.* Украина, Беларусь, Молдова: перед выбором. М., 2013. № 3–4. С. 123–129.

6 *Лескинен М. В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 220–224.

7 Электронный ресурс: http://vk.com/topic-2201036_10010986.

8 Электронный ресурс: <http://censor.net.ua/f467231>.

9 Электронный ресурс: <http://www.liveinternet.ru/users/2203716/post280127007>.

10 Электронный ресурс: МАЛОРОССІА 10.11.2008; http://vk.com/topic-2201036_10010986.

11 Электронный ресурс: МАЛОРОССІА 10.11.2008; http://vk.com/topic-2201036_10010986.

12 Электронный ресурс: <http://voffka.com/archives/2008/03/12/042386.html>).

13 Электронный ресурс: http://www.hi-fi.ru/forum/forum84/topic64216/?PAGEN_1=785.

14 *Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я.* Русский анекдот. М., 2002.

15 Подробнее об этой проблеме см.: *Прутуляк Е. В.* Полонизмы и украинизмы в русской литературе XIX–XX вв. Дип. работа. М.: МГУ, 2007.

E. E. Levkieskaya

Jazyk – narečie – mova:

The status of Ukrainian language in the Russian discourse of the Soviet period

The article analyses the words *language, dialect, speech, mova* as the forms of Ukrainian language signification in Russian contexts of Soviet period. The words formed Ukrainian language image in the Russian language consciousness. The comparison of Soviet period data with pre-revolutionary and post-soviet period contexts reveals the changes in the Ukrainian language image during XX centenary. Russian language consciousness of Soviet era kept two points of

view (official and non-official) of the Ukrainian language status in comparison with Russian language. Non-official Soviet view kept the old tendency (formed during XIX centenary) of Ukrainian language perception as a form of oral speech used for folklore and household sphere.

Keywords: *Ukrainian language, Russian language, Russian language consciousness, lexicology, Soviet period, Russian-Ukrainian language influence.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Вербальная магия в ареальном аспекте: «устрашение» плодовых деревьев

В статье рассматривается магический ритуал устрашения плодовых деревьев и входящие в его состав вербальные формулы, известные у балканских славян, в Карпатах, Полесье и некоторых других архаических регионах Славии.

Ключевые слова: *славянский фольклор, архаический ареал, вербальная магия, плодовое дерево, ритуал.*

Вербальная магия (заговоры, формулы, приговоры, сопровождающие некоторые магические действия, проклятия и другие формы ритуальной речи) представляет собой одну из наиболее консервативных сфер устной традиции. Хорошая сохранность вербальной магии, обусловленная прежде всего ее прагматикой, позволяет изучать вербальные ритуалы на всем пространстве современной Славии. Такое исследование подразумевает сбор материала с целью возможного заполнения лакун на карте Славии (особенно в отношении архаических ареалов), описание ритуала и вербальных формул в географической проекции с установлением их основных региональных вариантов и векторов развития, а также привлечение сопоставительных данных из соседних неславянских традиций, материалов славянской книжности и т. д. для прояснения истории вербального ритуала за рамками этнографического настоящего.

Ниже речь пойдет о ритуале, имеющем отношение к плодовым деревьям. В разных областях Славии плодовые деревья являются объектом целого ряда магических актов, призванных побудить их к плодоношению, особенно в тех случаях, когда они приносят мало плодов. Один из этих ритуалов – преимущественно святочный (он приурочен к Рождественскому сочельнику, реже к самому Рождеству, а также к Новому году и даже Крещению и их канунам). По ходу ритуала некто, обычно хозяин сада, угрожает срубить неплодоносящее фруктовое дерево, чтобы «напугать» его и тем самым за-

Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (№ 17–18–01373).

ставить плодоносить. Ритуал зафиксирован у славян либо в форме диалога, разыгрываемого двумя людьми (один «угрожает» срубить дерево, другой его «защищает»), либо в форме прямой угрозы, высказываемой в адрес неплодоносящего дерева одним человеком.

Тактика угрозы в отношении неплодоносящих фруктовых деревьев и соответствующие ей магические практики (в частности, битье деревьев палкой и т. д.) известны по всей Европе. Что же касается интересующего нас ритуала, то помимо разных областей Славии он фиксировался почти исключительно на юге Европы (в Италии, Греции), а также, судя по материалам Я. Быстроны, также иногда и в Азии и в других местах¹. У славян ритуал символического зарубания плодовых деревьев известен в Южной, Западной и Восточной Славии, правда при значительных расхождениях в интенсивности его фиксации на разных территориях.

Сведения о ритуале у балканских славян и отчасти в Карпатах подробно рассмотрены Н. И. Толстым в статье, посвященной ритуалу-диалогу². Не повторяя сказанного в этой работе и приведенных Н. И. Толстым примеров, отметим важнейшие особенности балканославянской версии ритуала.

1. В Болгарии, Македонии, Черногории, а также в Боснии преобладала диалогическая форма ритуала, разыгрываемого двумя людьми: один, обычно хозяин дома, замахивался или стучал по дереву топором и «угрожал» ему, а другой, в роли которого выступала жена, сын или сосед, «защищал» дерево и обещал, что оно будет плодоносить на следующий год. В Болгарии, в области Странджа, диалог звучал так: «Ако не родиш, ще те отсека! – Не го сечи! Тая година ще роди!» [Если не уродишь, я тебя срублю! – Не срубай его! В этом году уродит!]³. Особенностью балканославянской версии ритуала были диалоги, состоящие из более чем двух реплик и, на наш взгляд, свидетельствующие о развитости, укорененности ритуала на этих территориях. В окрестностях Велеса (Македония) в Сочельник хозяин трижды намеревался ударить по дереву топором, при этом происходил следующий диалог: «Кье го преічам дървото! – Зашчо кье го преічеш? – Оти не рагъа! – Остави го, остави! от сега кье рагъа!» [Я срублю дерево! – Почему ты его срубишь? – Потому что не родит! – Оставь его, оставь! теперь будет родить!]⁴.

При этом, однако, первую реплику в диалоге иногда могли опустить. В Софийском крае на Рождество с утра дети шли с топором в сад; один ребенок трижды бил по дереву топором (но при этом молчал), а другой говорил ему: «Стоі, махни а! она (слива, круша) кье

роди таа година!» [Стой, оставь ее! Она (слива, груша) родит в этом году!]⁵ В Добрудже (на северо-востоке Болгарии) 1 марта деревья *засичат* (зарубают): мальчик замахивается топором, а девочка его отговаривает: «Не го сечи, то ще роди» [Не руби его, оно уродит]⁶.

2. На Балканах могло иметь место перенесение ритуала с рождественских праздников на ранневесенние. В окрестностях Бургаса, если посаженное ореховое дерево не приносило плодов, в Великий четверг два человека с одинаковыми именами шли к дереву, один из них замахивался топором и говорил: «Ще те отсека» [Я тебя срублю], а другой отвечал: «Остави го, той ще роди» [Оставь его, он (орех) уродит]⁷. Ритуал иногда исполняли также в день св. Трифона, когда в Болгарии, Македонии и восточной Сербии традиционно совершалось ритуальное обрезание виноградной лозы⁸, которое (на основании сходства основного действия: резать ~ рубить) могло притянуть к себе и символическое зарубание плодовых деревьев. В области Ахы-Челеби (западная Фракия) в день св. Трифона *трифуносвали* плодовые деревья. Мальчик шел с топором к дереву и делал вид, что будет его рубить, говоря: «Ражда ли штиш или шта та присеакам?» [Будешь ли родить или я тебя срублю?]. В ответ присутствовавшая при этом хозяйка ругала его: «Ни мој ја хала, ни мој, та ште да руди леатуска, ја знаиам» [Смотри не делай этого, не делай, оно родит летом, я знаю]⁹.

3. Уже на Балканах, правда в исключительных случаях, наблюдается соединение в ритуале символического зарубания дерева и его обвязывания рождественской соломой. В Лесковацкой Мораве на второй день Рождества двое детей шли в сад, к деревьям, которые росли поблизости от дома. Один замахивался топором на дерево и говорил: «Да исечем овуј воћку» [Я срублю это плодовое дерево], а другой отвечал: «Немој, овуј године ће роди» [Не делай этого, в этом году оно уродит] – и обвязывал дерево соломой¹⁰.

Посмотрим теперь, как эти характерные черты ритуала устрашения плодовых деревьев проявляют себя на других территориях, там, куда со временем распространился этот южноевропейский обряд.

В Закарпатье, у гуцулов, в Покутье ритуал встречается, хотя и очень редко, что соотносится с лаконичностью самого ритуала, который как бы «сужается» до минимума. С другой же стороны, именно здесь, кажется, «зарождаются» некоторые черты ритуала, которым суждено активно проявить себя на других территориях Карпат, Восточной и Западной Славии.

4. В половине случаев вербальная часть ритуала утрачивает диалогичность и превращается в заклинательную формулу угро-

зы или магического императива. В Сочельник хозяин брал топор и делал вид, что рубит плодовое дерево; он трижды взмахивал топором и произносил: «Ked' ne budzeš rodzić, ta se zgubem» [Если не будешь родить, я тебя срублю], и так обходил все деревья (Турьи Реметы Перечинского р-на Закарпатской обл. Украины)¹¹. Или же в Сочельник один человек обвязывал дерево соломой и угрожал ему «ватралькою» (кочергой), а другой говорил: «Не рубай, воно вже буде родити» (окрестности горы Маковицы, Надворнянский р-н Ивано-Франковской обл. Украины)¹². Случалось, что ритуал вообще утрачивал вербальный компонент или же он считался необязательным. В Закарпатье, если дерево не плодоносило, над ним долго размахивали топором, полагая, что оно «испугается» и на следующий год будет плодоносить. Если бы сосед увидел это, то сказал: «Не рубай, буде вже оно родити!»¹³ Также и у словаков на юго-востоке (Земплин) в Сочельник хозяин шел в сад к неплодоносящему дереву и, угрожая ему топором, говорил: «Budzeš rodic abo ne?»¹⁴ Если же диалог все-таки сохранялся, две его реплики укорачивались до минимума: «Budesz rodyty? – Budu, lysz ne gubajte» [Будешь родить? – Буду, только не рубите] (Снятын, ныне Ивано-Франковская обл.)¹⁵.

5. Символическому зарубанию неплодоносящих деревьев часто сопутствует обвязывание их соломой. В Подольской губернии (Украина) хозяин, перевязав деревья перевяслами, ударял обухом топора неплодоносящие деревья в саду, говоря: «Як не будеш родити, то буду рубати», а стоявшая сзади жена отвечала за дерево: «Ай, не рубай. Послухаю и буду родити»¹⁶.

6. В этих местах ритуал начинает оформляться и терминологически (с помощью глаголов со значением «пугать»). *Страшать дерева* и обвязывают их соломой. Мужчина и женщина говорят друг другу: «Рубаю тя. – Не рубай його, не рубай, оно вже буде родити» (Горяны, окрестности Ужгорода)¹⁷.

По мере движения на север, в Прикарпатье и на примыкающих к нему территориях, сам ритуал выглядит более развернутым. Он сохраняет приуроченность к рождественским праздникам с возможностью его передвижения между Рождеством, Новым годом и Крещением.

7. Чаще всего ритуал имеет форму полноценного диалога. Хозяин с хозяйкой шли в сад, где хозяин замахивался топором на яблоню и говорил: «Чи будеш родити рясні і соковиті яблчка? – Буду, – жалбно отвечает хозяйка, – не рубай мене. Я родитиму великі і смачні

яблуга». Так повторялось три раза. Если в семье были дети, то это делали они (Турковский р-н Львовской обл. Украины, бойки)¹⁸.

8. Ритуал соединяет в себе символическое зарубание дерева и его обвязывание соломой. У лемков в Сочельник сын с отцом шли в сад, где сын замахивался топором перед каждым деревом: «Ябвін, я тя зарубам, бо не родиш», а отец отвечал: «Не рубай, бо я за ню ручу. То я тя окручу», после чего обвязывал яблоню перевеслом¹⁹.

9. Ритуал почти регулярно оформляется терминологически. «Котра деревина не хоче родити, то йшли на Святвечір <в рождественский Сочельник> і *страшили* – йшли ніби рубати, а вона того сі напудить і на другий рік вже родить». В канун Крещения «хтось один йшов з сокирою, каже: “Я рубаю, в’на не родит”. – А другой в’язав перевесла, каже: “Не рубай, в’на будет родити”» (Старосамборский р-н Львовской обл.)²⁰. В Сочельник *страшили садовину* также и в Жолковском уезде (Львовщина), если дерево не плодоносило. Для этого отец с сыном шли в сад, отец делал вид, что будет срубать дерево, а сын обнимал дерево и просил не рубить его: «У нас была грушка, не хтіла родити, а як *настрашили*, то так зродила, шо страх»²¹. В Сочельник хозяин вместе с кем-нибудь из членов семьи шел *лякати* (пугать) это дерево. Замахнувшись топором на дерево, он кричал: «Зотну тя, бо не хочеш родити!» А другой заступался за дерево и просил: «Не стинай його! Оно уж буде родити» (Валентовце, Прешовский край, Словакия)²².

Основные тенденции, отмечаемые для Прикарпатья, активно продолжают севернее, в Люблинском крае и Малопольше, где ритуал представлен очень широко.

10. На территории юго-восточной Польши ритуал в значительном большинстве случаев сохраняет полноценный диалог. Двое его участников отправлялись к неплодоносящему дереву; один из них делал вид, что собирается срубить дерево, а другой его отговаривал: «Zetnę to drzewo, bo nie rodzi. – Nie ścinaj go, bo będzie rodziło!» [Срублю это дерево, потому что не родит. – Не срубай его, оно будет родить] (Зебжидовице, Силезское воеводство)²³. У польских гуралей рано утром в Рождество хозяин шел в сад и, приложив топор к фруктовому дереву, кричал: «A zetne cie, zetne cie!» [Срублю тебя, срублю тебя], на что хозяйка отвечала: «Nie ścinaj, bo będzie rodziło» [Не срубай, будет родить]. Так происходило у каждого дерева (Рабка, Малопольское воеводство)²⁴.

11. Ритуал сохраняет свое терминологическое оформление. В Силезии в Сочельник два парня шли *straszyć* [пугать] плодовые

деревья; тот, что с топором и пилой, говорил, стоя у неродящего дерева: «Zwalmy to drzewo, bo ono nie chce rodzić» [Свалим это дерево, ибо оно не хочет родить], а другой предостерегал его: «Nie ścinaj go, ono się poprawi i w przyszłym roku obrodzi» [Не срубай его, оно исправится и на будущий год уродит] (Живец, Силезское воеводство)²⁵.

12. В юго-восточной Польше обвязывание деревьев соломенными перевязками начинает постепенно вытеснять символическое зарубание плодового дерева, хотя в вербальной формуле угроза срубить дерево сохраняется. Иногда по отношению к дереву по-прежнему «применяют силу», но используют для этого уже не топор, а, например, палку. В Сочельник хозяин с кем-либо из домочадцев шел в сад, взяв с собой обмазанную сырым тестом солому и палку. В саду около каждого дерева он бил палкой по дереву и говорил: «Zetnę cię!» [Срублю тебя!]. Кто-то другой его останавливал: «Nie ścinaj, nie ścinaj, będzie rodzić» [Не руби, не руби, будет родить] (Сандомирская пуца, ныне Свентокшиское воеводство)²⁶.

Поздние записи, произведенные в Люблинском крае, фиксируют изменения, произошедшие с ритуалом во второй половине – конце XX в. Ритуал избавляется от, казалось бы, ключевого элемента своего «инструментария», а именно топора. Отец шел в сад, взяв с собой солому, но без топора и говорил: «Będziesz rodzić czy nie będziesz?» [Будешь родить или не будешь?], после чего его обвязывали большим количеством соломы (Польсковоля, Люблинское воеводство)²⁷. Возможно, что изымание топора из «инструментария» ритуала связано с переходом последнего к детям и превращением его в игру: если раньше дети участвовали в ритуале, но на вторых ролях, то во второй половине XX в. ритуал перешел к ним полностью. Дети разыгрывали у дерева диалог: «Ściąć cię? – Jeszcze, bo bede rodzić!» [Срубить тебя? – Еще чего, ведь оно будет родить!], после чего и обвязывали его соломой (Рыбитвы, Люблинское воеводство)²⁸.

С течением времени меняется и вербальная часть ритуала: реплики диалога сокращаются, а сам диалог часто уступает место формуле угрозы или магического императива, произносимой одним участником. С изменением структуры вербальной части угроза из начала диалога переносится в конец реплики по типу «Роди, или я тебя срублю», см.: «Pamiętaj, jak nie bedziesz rodziła tego roku, to bedziesz wycięta» [Помни, если не будешь родить в этом году, будешь срублена], а потом деревья обвязывают соломой (Карчмиская, Люблинское воеводство)²⁹.

В отличие от Прикарпатья и юго-восточной Польши, на территории украинского Полесья – в Волынской, Ровенской, Житомирской и Черниговской областях – ритуал символического зарубания плодовых деревьев практически полностью утрачивает диалогическую форму. Его вербальная часть сводится к формуле угрозы или магического императива. Тенденция к соединению символического зарубания дерева и его обвязывания соломой проявляется здесь в полной мере: практически невозможно найти описание, в котором отсутствовали бы оба этих элемента обрядового «инструментария». Однако в отличие от юго-восточной Польши, где солома практически вытеснила топор из ритуальной практики, на территории украинского Полесья сохраняются и топор, и солома.

Эти особенности ритуала зафиксированы уже в записях В. Доманицкого, сделанных в начале XX в. в с. Яполоть (ныне Ровенской области Украины). После ужина в Сочельник хозяева ходили в сад и перевязывали перевязями плодовые деревья, чтобы те обильно плодоносили. Подойдя к дереву, хозяин говорил: «Добри вечір, яблоне або грушо, чи будеш родити яблука (або груші)? Як не хочеш родити, то я тебе зрубаю», трижды стучал топором по дереву, а потом перевязывал его соломой³⁰. Полевые записи конца XX в. подтверждают эти наблюдения. На Волини хозяин, взяв топор и солому, выходил в сад, где предпринимал те же действия, сопровождая их произнесением соответствующих формул: «Будэш родыты, чы нэ будэш? Як будэш родыты, нэ буду рубаты, и обвяжу, як нэ будэш, то зрубаю» или «Як хочэш родыты, то роды, а як нэ хочэш, то я тэбэ нэ пэрэв'язу»³¹.

Эти традиции продолжают в центральном Полесье. В канун Нового года хозяева выносили под деревья мусор, оставшийся с Рождества, обвязывали деревья соломой и замахивались на них топором: «Просто беруть солому из жыта, перэвесло скрутятъ и *сэкирою лякають*. Сама чула и бачыла. Замаховаўся як будто бы на дэрево: “Як бошь родить, бошь стоять, а як нэ бошь родить, так зрубаю”»³². Заклинательные формулы в украинском Полесье хотя и не являются диалогическими, тем не менее обычно содержат первую часть диалога (вопрос), что, на наш взгляд, указывает на преемственность традиции вербальной магии балканославянской, украинскокарпатской и украинскополесской традиций, см.: «Будэш родыть, чи ни? А то порубаю!»³³; «Чи будешь родить, будешь жить, а нет – зарубаю»³⁴.

На территории украинского Левобережья отмечается частичное «возвращение» диалогической структуры ритуала, широко представленной в Карпатах и юго-восточной Польше. Одну сторону в

таким диалоге представляет хозяин с топором, угрожающий срубить дерево, другую – женщина, обвязывающая дерево соломенным перевязлом и обещающая, что оно будет плодоносить: «На Галонну кутню иде хазяин ў сад из сакрыаю, дык хазяйка за йим салому нясе... Хазяин гаварыць: “Павирубую”, а хазяйка кажэ: “Вона на лито ўрбдыць”, да й обвяжэ саломай кажнэ дэрэво»³⁵. Аналогичный вариант ритуала обнаруживается и в харьковских свидетельствах. В Купянском уезде старые и неплодоносящие фруктовые деревья «пугали» утром в Новый год. Женщина садилась в саду за деревом, а мужчина с топором шел в сад, «щоб зрубати ту яблоню»: «Яблоня, яблоня! Я тыбэ зрубаю!» А женщина отвечала: «Ны рубай мене, хазяин, я тоби одын год ны вродю, а сим год уродю!»; иногда при этом мужчина оставлял на стволе неглубокие зарубки³⁶.

Иными словами, форма диалога-ритуала присутствует в исследуемом обряде и на востоке (на территории украинского Левобережья), и на западе (в украинских Карпатах в том числе). Подобная «география», когда некое явление традиционной культуры (будь то ритуал, обычай или верование) фиксируется на востоке и западе Украины, но при этом практически отсутствует в ее центральной части, встречается достаточно регулярно. В частности, аналогичную картину дает мифологический сюжет о том, как ведьма крадет месяц и прячет его в горшок³⁷ (он известен в западной части украинского Полесья и в Прикарпатье, а также на территории Левобережья).

Что касается других территорий Восточной Славии, то по мере движения на восток (в южнорусские области) и на север (в Белоруссию) ритуал стремительно теряет силу и фактически исчезает, хотя отдельные свидетельства о его существовании встречаются на территории белорусского Полесья и в ряде других мест. В состав ритуала здесь входят формулы угрозы, а действиям с топором сопутствует обвязывание дерева соломой. На Гомельщине утром в Рождество выметали пепел из печи и высыпали его под плодовые деревья; если были неплодоносящие деревья, им угрожали: «У нас была груша, да неўдачная такая. Дык я пошла на куцьцю і ей кажу: “Будзеш радзіць – дык будзеш жыць, ня будзеш радзіць – галаву зрублю”. Ды взяла і паругалас, ды с тапаром. Я не зрубiла яе тады, а проста паругала. Аж яна стала радзіць» (Гомельская обл., Лоевский р-н)³⁸, см. другие подобные формулы из западной и восточной частей белорусского Полесья: «Як покаешся, то не буду рубачь, а як не покаешся, зрубаю»³⁹; «Если ты ни даси уражаю, зрублю, зрублю»⁴⁰; «Албо роды, то не буду рубаты, як не родытымо, то зрубаю»⁴¹.

Ситуация, которую мы наблюдали в Полесье, где ритуал потерял свои «родовые» черты и прежде всего утратил форму ритуала-диалога, с точностью повторяется на западе Славии – в Словении, Хорватии, Чехии, Словакии и Польше (за рамками юго-восточных областей и карпатского ареала).

В Словении, в области Белая Краина, хозяин в Страстную пятницу грозил дереву топором: «*Če ne boš rodilo, boš posekano!*» [Если не будешь родить, будешь срублено!]⁴². В Синьском крае (Хорватия) на четвертый день Рождества кто-нибудь из домашних стучал по дереву, которое не давало плодов, и говорил: «*Ako nećeš rodit, ću te posić*» [Если не будешь родить, я тебя срублю]⁴³.

В разных областях Чехии ритуал устрашения плодовых деревьев включал обязательное обвязывание дерева соломой. Если он совершался в рождественские праздники, то обвязывание соломой являлось магическим способом уберечь деревья от зимних морозов, а сама угроза срубания отодвигалась на второй план. При этом к деревьям «обращались» с такими словами: «*Obouevjte se stromy – bude zejtra mráz! Ne budete li se obouvati – posekáme vás!*» [Обувайтесь, деревья, завтра будет мороз! Не станете обуваться – срубим вас!]⁴⁴. Если же ритуал отодвигался на пасхальный цикл, то обвязывание символически соотносилось с «завязыванием» будущих плодов. В Страстную субботу хозяин обегал в саду поочередно все деревья, ударял их топором и обвязывал перевязками, говоря: «*Vážte se, stromy, vázat se nebudete, posekáme vás*» [Завязывайтесь, деревья, не станете завязываться, срубим вас]⁴⁵. В Гонте (на юге центральной Словакии), если в саду было дерево, которое без видимых причин не давало фруктов, хозяин под Рождество стучал по нему обухом топора и говорил: «*Ak nebudeš na budúci rok rodit', ta ťa vytrem*» [Если не будешь на будущий год родить, срублю тебя]⁴⁶. Наконец, в Польше, в Добжинской земле (ныне Куявско-Поморское воеводство), хозяин, также под Рождество, обвязав дерево соломой из снопа, стоявшего на покути, замахивался топором на дерево, а хозяйка защищала дерево, говоря: «*Nie ścinaj, będzie rodzilo*» [Не руби, оно будет родить]⁴⁷.

* * *

Подведем итоги. Ритуал устрашения / символического зарубания плодовых деревьев, известный в Южной, Западной и Восточной Славии и имеющий, на первый взгляд, единую структуру и функцию, при ближайшем рассмотрении демонстрирует заметную внутреннюю динамику. Различия между его локальными вариан-

тами затрагивают прежде всего вербальную составляющую. Диалог как базовая форма ритуала на территории Болгарии, Сербии, Македонии, отчасти Боснии сохраняется в его составе также в Карпатах и на территории юго-восточной Польши. В то же время на восточной и западной «периферии» этих зон – в украинском и белорусском Полесье, с одной стороны, и на западе Славии, с другой, диалог уступает место свернутой формуле, произносимой одним человеком, при том что двухчастная структура ритуала (предполагающая участие к нем двух человек) сохраняется частично и на этих территориях. Таким образом, основные формы вербального ритуала (диалог и формула угрозы) в известном смысле противопоставляют друг другу разные архаические ареалы – Балканы и Карпаты, с одной стороны, и Полесье – с другой, а граница между этими формами проходит одновременно по линиям восток – запад и север – юг (см. карту). Именно на периферии распространения ритуала (в украинском Полесье и на западе Славии) сконцентрированы по преимуществу поздние формы вербального ритуала (с редуцированным до формулы утращения ритуальным диалогом), в то время как в центральной (основной) зоне (на Балканах и в Карпатах, а также в юго-восточной Польше) сохраняется архаическая форма ритуала-диалога.

Другие различия между региональными вариантами ритуала идут по линии север – юг. В Карпатах, юго-восточной Польше и украинском Полесье – по сравнению с балканославянским вариантом – ритуал получает терминологическое оформление (с помощью глаголов со значением ‘пугать’), а кроме того, в нем соединяется символическое зарубание и обвязывание дерева соломой с тенденцией к вытеснению первого действия вторым.

В целом распространение ритуала-диалога устрашения плодовых деревьев имеет локальный и даже очаговый характер. Центром его иррадиации можно считать Южную Европу и специально балканославянскую традицию, а вторым очагом – условно говоря, северокарпатскую традицию (Прикарпатье) и примыкающие к ней территории юго-восточной Польши. Неясной остается ситуация в отдельных районах Закарпатья и у гуцулов, где ритуал фиксируется редко или вообще отсутствует и при этом демонстрирует тенденцию к утрате диалогической формы. Белорусское Полесье является границей ареала распространения ритуала, севернее которой он угасает и практически неизвестен.

* * *

Давно замечено, что исследуемый ритуал обнаруживает определенные параллели в евангельских текстах. Сама тактика угрозы и известные во всей Европе магические практики, ее реализующие (в частности, ритуал-диалог), сюжетно перекликаются с притчей о смоковнице из Евангелия от Луки: «И сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубись ее» (Лк. 13: 6–9). В свою очередь этот евангельский диалог соотносится с предупреждением фарисеям, высказанным со стороны Иоанна Предтечи накануне Крещения Иисуса: «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? сотворите же достойный плод покаяния <...> Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3: 7–10). Фактически эти же слова звучат и дальше в Евангелии от Матфея: «Всякое

дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (Мф. 7: 19).

Евангелия еще несколько раз возвращаются к теме бесплодного дерева, в частности, в Евангелиях от Матфея и от Марка рассказывается о бесплодной смоковнице, росшей близ дороги, по которой ехали (шли) Христос и Его ученики, проклятой Христом и тут же засохшей: «Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Мф. 21: 18–19, см. также Мк. 11: 12–14, 19–25). Идея неприятия бесплодия выражена также в исполненной высокого христианского символизма притче о виноградной лозе и ее ветви из Евангелии от Иоанна: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15: 1–2).

А. Б. Страхов, посвятивший анализу народного ритуала угрозы плодовым деревьям и его связи с евангельскими текстами отдельную главу своей книги о рождественских обрядах, указывал на то, что эти евангельские мотивы и образы нашли отражение также в гимнографии и апокрифическом богословии. Автор усмотрел в соответствующем народном обычае (ритуал-диалог у неплодоносящего дерева) «театрализованную аллюзию на евангельскую притчу» и предположил, что в основе этого обычая могла лежать «некая церковная мистерия, забытая самой церковью, но сохраненная консервативной народной традицией»⁴⁸. Напомним также, что в иконографии (в том числе византийской и русской) получил широкое распространение иконографический тип Крещения Иисуса Христа с изображением Иоанна Крестителя, рядом с которым находится дерево и секира, лежащая у его корней⁴⁹.

В связи с темой бесплодного дерева А. Б. Страхов заметил также, что «неплодие» в христианской фразеологии и гимнографии имело широкое символическое значение и порой обозначало состояние мира до Христа, напомнил о «всеплодии», присущем раю (и/или Богу, христианству), и «неплодии», характерном для ада (и/или дьявола, язычества), а также акцентировал тему «народно-христианской ритуальной борьбы с “неплодием”», особенно в святочной обрядности⁵⁰.

Что касается борьбы с «неплодием», то в традиционной культуре такая борьба действительно имела место, причем это была борьба с

«неплодием» в любых его формах, и в ней использовались самые разнообразные средства, в том числе и аллюзии на Священное Писание, а приведенные выше евангельские притчи не только соотносились с плодовым деревом, но и проецировались на бесплодную женщину, ср. фрагмент полесского духовного стиха: «Бэсплодное дэрэво з саду выкыдають, а бэсплодные жоны з раю выганяють»⁵¹.

Аналогии между приведенными фрагментами Евангелия и народными обрядами угрозы неплодоносящим деревьям вполне очевидны и игнорировать их было бы нелепо. Вместе с тем приходится признать, что история взаимоотношения христианского текста и народного обряда вряд ли так однозначна, как это представлялось А. Б. Страхову: от евангельской притчи к народному обычаю через несуществующую мистерию. Этот путь был и остается гипотезой. Впрочем, можно привести аргументы, которые противоречат высказанной А. Б. Страховым концепции о том, что источник народного обряда – христианская мистерия «по мотивам» евангельской притчи. И, на наш взгляд, важнейший из этих аргументов – тот факт, что в рамках народного обряда на пространстве Славии, как мы показали выше, легко уживались ритуал-диалог и обрядовые формы, в которых не было ни намека на него.

Другое дело, что через иконографию, гимнографию, просто через евангельские чтения⁵² на литургии, в частности те, в которых звучали слова Иоанна Предтечи о секире у корней дерева и срубании дерева, не приносящего плода, фактически повторенные в Слове Иоанна Златоуста на Богоявление Господне⁵³, соответствующие фрагменты Евангелия могли восприниматься народной культурой опять-таки буквально, а не символически, а затем проецироваться на традиционную обрядность и взаимодействовать с ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Bystroń J.* Wymuszanie urodzaju na drzewach owocowych // *Lud.* 1912–1913. Т. 18. S. 107–109.

2 *Толстой Н. И.* Архаический ритуал-диалог // *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 346–356.

3 Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996. С. 224.

4 *Матов Д.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания. От Велес // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1894. Кн. 11. С. 86.

- 5 Спасов Д. Обичаи периодически. От село Бариево (Софийско) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900. Кн. 16/17, ч. 2. С. 7.
- 6 Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 324.
- 7 Научен архив на Етнографски институт и музей при БАН. София. 576-II. С. 10.
- 8 О ритуале см.: *Узенёва Е. С.* Трифон св. // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 318-319.
- 9 *Константинов П.* Разни обичаи през годината от Ахъ-Челебийско // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1896. Кн. 13. С. 22.
- 10 *Борђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958. С. 349.
- 11 *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М., 2016. С. 333.
- 12 *Гривна В.* Народні звичаї Маковиці. Пряшів, 1973. С. 154.
- 13 *Панькевич И.* Різдвянѣ забобоны у нашего народа // Подкарпатская Русь. Ужгород, 1929. Т. 6. С. 66.
- 14 *Толстой Н. И.* Архаический ритуал-диалог... С. 356.
- 15 *Mroczo F.* Śniatyńszczyzna // Przewodnik naukowy i literacki. Lwów, 1897. № 3–7. S. 299.
- 16 *Данильченко Н.* Этнографические сведения о Подольской губернии. Каменецк-Подольский, 1869. Вып. 2. С. 10.
- 17 Подкарпатская Русь. Ужгород, 1929. Т. 7. С. 16.
- 18 *Зборовський П.* Різдвяний цикл свят за традицією села Верхне Висоцьке на Турківщині // Народознавчі зошити. 2008. № 1–2. С. 49.
- 19 Лемківщина. Земля – люди – історія – культура. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. 2. С. 104.
- 20 *Галайчук В.* Традиційні календарні звичаї та обряди Старосамбірщини // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 2010. Т. 209. С. 153–154.
- 21 *Пастернак Я.* Звичаї та вірування в с. Зіболках Жовківського повіту // Матеріяли до українсько-руської етнології й антропології. Львів, 1929. Т. 21/22. С. 328.
- 22 *Шмайда М.* А іші вам вінчую. Календарна обрядовість русинів-українців Чехо-Словаччини. Братислава; Пряшів, 1992. Т. 1. С. 165.
- 23 *Janota E.* Lud i jego zwyczaje // Przewodnik naukowy i literacki. Lwów, 1878. Roczn. 6. S. 169.

- 24 *Ulanowska S.* Boże Narodzenie u Górali, zwanych «Zagórczanami» // *Wisła*. 1888. T. 2. S. 100.
- 25 Boży rok w zwyczajach i obrzędach ludu żywieckiego w czasie dorocznych świąt // *Orli lot*. 1934. № 3–4. S. 151.
- 26 *Kotula F.* Z Sandomierskiej Puszczy. Gawędy kulturowoobyczajowe. Kraków, 1962. S. 40.
- 27 *Niebrzegowska S.* Przestrach od przestřachu: Rośliny v ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. № 157b.
- 28 *Ibid.* № 157d.
- 29 *Ibid.* № 157c.
- 30 *Доманицький В.* Народній календар у Ровенськiм повіті Волинськiї губ. // Матеріали до українськo-руськoї етнології. Львів, 1912. Т. 15. С. 89.
- 31 Полесский архив Института славяноведения РАН (далее – ПА), с. Забужье Волынской обл. Украины.
- 32 ПА, с. Вышевичи Житомирской обл. Украины.
- 33 ПА, с. Курчица Житомирской обл. Украины.
- 34 ПА, с. Возничи Житомирской обл. Украины.
- 35 ПА, с. Макишин Черниговской обл. Украины.
- 36 *Иванов П. В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1907. Кн. 17. С. 68.
- 37 См.: *Чёха О. В.* «Звезды скину на поднос и луну на землю»: греко-славянские параллели в быличках о колдуньях // *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура*. 2009–2011. Вып. 2. М., 2012. С. 230–246.
- 38 *Валодзіна Т. В., Кухаронак Т. І.* «Ядраное жыта гаспадара кліча...» Каляндарны год у абрадах і звычаях. Мiнск, 2015. С. 23.
- 39 ПА, с. Вербовичи Гомельской обл. Белоруссии.
- 40 ПА, с. Золотуха Гомельской обл. Белоруссии.
- 41 ПА, с. Онисковичи Брестской обл. Белоруссии.
- 42 *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Celje, 1965. D. 1. S. 172.
- 43 *Milićević J.* Običaji i vjeronanja uz gospogarske rafove u Srednjoj Istri // *Narodna umjetnost*. 1966. Knj. 4. S. 202.
- 44 *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879. S. 11.
- 45 *Vykoukal F.* Rok v starodávných slavnostech našeho lidu. Praha, 1901. S. 135.
- 46 *Horváthová E.* Rok vo zvykoch našho ľudu. [Bratislava], 1986. S. 36.
- 47 *Karczmarzewski A.* Obrzędy i zwyczajе doroczne wsi rzeszowskiej. Rzeszów, 1972. S. 21.

48 *Страхов А. Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge (Mass.), 2003. С. 152–153.

49 См.: *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 266 и след.

50 *Страхов А. Б.* Ночь перед Рождеством... С. 158, 170 и др.

51 ПА, с. Забужье Волынской обл. Украины. Заметим, что бесплодие может пониматься и метафорически, см. в духовном стихе: «Аз есмь древо неплодное, Господи, покаяния плода не творю ниякоже...» (*Никитина С. Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М., 2009. С. 62).

52 Не лишне напомнить, что все соответствующие фрагменты неоднократно и по разным случаям звучали во время чтения Евангелия на литургии, а фрагмент о секире у корней дерева – в субботу перед Богоявлением и в Навечерие Богоявления, что связывает этот евангельский фрагмент со святочным циклом обрядов.

53 «Меня не приведут в заблуждение видимые знаки Твоего смирения, и я духом уразумеваю величие Твоего Божества. Я – смертен, ты же – бессмертен; я – от бесплодной, а Ты – от девы. Я родился раньше Тебя, но не выше Тебя. Я мог только раньше Тебя выступить на проповедь, но не смею крестить Тебя: я знаю, что Ты – секира, лежащая у дерева, та секира, которая подсекает бесплодные деревья иудейского сада» (Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Слово святого Иоанна Златоуста на Богоявление Господне: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/#1, дата обращения: 14.06.2017).

Т. А. Агапкина

The verbal magic in the areal aspect: “frightening” the fruit trees

The article focuses on the magic ritual of frightening the fruit trees and its verbal formulas, used by Balkan Slavs, in the Carpathian mountains, Polesia and several other archaic Slavic regions.

Keywords: *Slavic folklore, archaic area, verbal magic, fruit tree, ritual.*

Л. Н. Виноградова
(Москва)

**Непростые люди в сельском сообществе:
о людях, наделенных сверхъестественными способностями.
Часть 1: Невольные вредители, бесноватые, чужаки**

В работе предпринимается попытка определить общую типологию персонажей восточнославянской мифологии внутри класса «знающие люди» (т. е. люди, наделенные сверхъестественными способностями), описать их иерархическую структуру в зависимости от большей или меньшей меры демоничности, рассмотреть вопрос об их социальном статусе в сельском сообществе и о характере отношения к ним односельчан.

Ключевые слова: *славянская мифология, этнография, народная демонология, классификация фольклорных образов, персонажная система, колдуны, знахари, ведьмы.*

При попытках классификации персонажей славянской демонологии все специалисты выделяют особую категорию полудемонических существ, т. е. людей, обладающих, по народным представлениям, сверхъестественными способностями. Речь идет о реальных, живущих в селе людях, имеющих некоторые ирреальные черты и свойства. Для русской традиции в первую очередь это колдуны, знахари, ведьмы, «типологические варианты и названия которых весьма разнообразны: *баловница, белица, ведун, вещун, ворожец, гад, гадаль, гамка, ерестун, еретик, знаток, изводчица, икотник, киятник, клохтун, ломотник, сперчиха, триха, харкунья, чернознай, шишкун(ья), шоморунья* и др.»¹. Однако такая предварительная классификация требует дальнейшей конкретизации в рамках каждого пункта классификационной схемы. Например, приходится решать вопрос, отличается ли колдун от знахаря (ведьмака, ведуна, шептуна, чародея), а ведьма – от колдуньи (чародейки, ворожеи, шептухи, знахарки и т. п.) или эти названия лишь синонимы, используемые в разных региональных традициях для обозначения одного и того же персонажа. Именно на этом этапе идентификации конкретных персонажных типов возникают для исследователей главные трудности, поскольку далеко не всегда удается обнаружить устойчивую связь между систе-

Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ 16–04–00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

мой понятий (например, что такое «колдун» или «знахарь») и соотносимой с ними диалектной лексикой (*кудесник, чернокнижник, чародей, ведьмак, ведун, ворожец* и др.). Впервые на эту многовариантную терминологию обратил внимание еще А. Н. Афанасьев, который не усматривал разницы между близко сходными типами «знающих» людей: «Названия эти (*ведун* и *ведьма*) совершенно тождественны с словами *знахарь* и *знахарка*, указывающими на то же высшее ведение. Областные говоры, летописи и другие старинные памятники предлагают несколько синонимов для обозначения ведуна и ведуньи, называют *колдунами, чародеями, кудесниками* и *волхвами, вещими жонками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами* и *волхвитками*»². Сходным образом решалась эта проблема в словаре В. Даля, который раскрывал значение диалектных названий «знающих» людей через общеизвестные для носителей русского языка понятия: «*Ведун, ведунья* – колдун, волшебник, знахарь, ворожея»; «*Ведьма* – колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суеверью народа, с нечистою силою, злодейка, у которой бывает хвостик»³; «*Знахарь, знахарка* – ворожея, колдун, волхв, заговорщик, шептунья, кто портит и правит людей»⁴; «*Колдун, колдунья, колдовка* – кто колдует, чародей, волхв, волшебник, знахарь, ворожея, гадатель»⁵.

Для других исследователей такая тождественность по-разному именуемых, но принадлежащих к одному классу полудемонических существ была не столь очевидной; ср. данную Д. К. Зелениным дефиницию колдуна и знахаря: «Специальность колдуна – приносить людям зло»; «Знахарь – это не колдун <...>, он выполняет главным образом функции врача. С последствиями колдовства он борется с помощью заговоров и оберегов. Никаких связей с нечистой силой у него нет»⁶. Аналогичного мнения придерживался С. А. Токарев, считавший, что профессия знахаря основана прежде всего на знании целебных трав и приемов народной медицины, тогда как профессия колдуна связана по преимуществу с вредоносной магией⁷.

Современные исследователи постоянно отмечают зыбкость границ между отдельными типами «знающих», в чем-то противопоставленных друг другу, а в чем-то однотипных, и объясняют это «положением дел в самой фольклорной традиции, где за каждым из названных персонажей нет четкого закрепления функций, вследствие чего одно и то же действие может совершаться то ведьмой и колдуньей, то колдуном и знахарем, то тем, и другим, и третьим»⁸. Аналогичной точки зрения придерживается и В. И. Харитоновна, признавая, что исследователям приходится сознательно идти на весьма у с л о в н о е

использование народной терминологии (*колдун, знахарь, ведун*), так как «наименования представителей магико-мистических профессий в народной среде расплывчаты, неустойчивы и многочисленны»; и это связано не только с наличием множества диалектов, но прежде всего со слабым осознанием самими носителями традиции того, что конкретно обозначается тем или иным словом⁹.

Таким образом, для персонажей класса «знающие» люди может быть отмечена такая же ситуация, как и для всех категорий демонологических образов в целом: имя является важнейшим, но не абсолютным и не единственным признаком в процедуре идентификации мифологического персонажа. Наиболее надежным способом распознавания того или иного образа является набор показательных, типовых признаков (характеристик, функций, мотивов). Например, если жители западного Полесья сообщают о *домовике*, что он «подталкивает людей к самоубийству», «ходит в красных сапожках, в капелюше, что живет в лозе и может принимать вид вихря»¹⁰, то и собиратель и исследователь распознают в этом персонаже не типичного домового, а черта. Нетрадиционным также можно признать соотношение имени и набора признаков в украинском харьковском свидетельстве о том, что якобы в селе Нижняя Дуванка жил *упырь*, к которому односельчане часто обращались за помощью: он «заговаривает ведьм и лечит испорченных коров»¹¹, т. е. этот персонаж выполняет функции знахаря.

В настоящей работе предпринимается попытка описать (в рамках восточнославянской традиции) типологию персонажей внутри класса «знающих» людей, определить меру их большей или меньшей демоничности, рассмотреть вопрос об их социальном статусе и о характере отношения к ним односельчан.

Типология непростых людей. Несмотря на то что в народной демонологии восточных славян внутри класса «знающих» отмечается некоторая зыбкость и неустойчивость в соотношении имени персонажа и набора его идентифицирующих признаков (тот, кто именуется *колдуном*, часто выступает в роли знахаря; в свою очередь *знахарь* может характеризоваться как вредоносный персонаж; *ведьма* нередко выполняет функции целительницы или помощницы человеку т. п.), мы всё же попытаемся в самом схематическом виде описать общую типологию людей, наделенных сверхъестественными свойствами. В этнологических науках сложилась практика причислять их всех к категории «знающих».

Действительно, обладание неким сверхзнанием, полученным чудесным образом (например, люди перенимают магическую силу от умирающей ведьмы/колдуна, учатся колдовству, читают книгу «Черной магии», добывают цветок папоротника, вступают в связь с нечистой силой и т. п.), является ведущим мотивом в наборе признаков большинства этих персонажей. Однако в общем составе людей с ирреальными свойствами есть группа персонажей, которые по не зависящим от них причинам становятся носителями необычных вредоносных или полезных свойств: рождаются ясновидящими или с магической силой взгляда, обладают пророческими способностями, воспринимаются односельчанами как «тяжелые или легкие на переход» (любая встреча с ними приносит односельчанам либо удачи, либо неудачи). Их трудно назвать «знающими», так как они не обучаются колдовству и не приобретают чудесное сверхзнание, а нередко даже не знают о своих необычных способностях. Кроме того, не постоянные, а лишь временные вредоносные магические свойства иногда приписывались людям греховного поведения (нечестным невестам; девушкам, родившим внебрачного ребенка) или женщинам во время месячных. Им приписываются определенные вредоносные качества, но их тоже нельзя причислить к категории «знающих». Поэтому для обозначения всего круга лиц, обнаруживающих сверхъестественные способности, можно было бы предложить термин, зафиксированный в карпатоукраинской мифологической традиции, – *непростые* люди. А выражение *знающие* лучше оставить за группой магических специалистов, для которых сверхзнание действительно является центральным признаком.

Итак, если расположить всё многообразие демонизированных образов *непростых* людей восточнославянской мифологии на условной шкале между крайними точками оппозиции «человек – полудемоническое существо» и при их рассмотрении двигаться от полюса «человек» к полюсу «демон», то весь персонажный ряд можно представить в виде следующих классификационных групп:

I. Люди с некоторыми ирреальными свойствами:

1. **Невольные вредители** – обычные люди, вредящие односельчанам непреднамеренно, обладающие (постоянно или временно) «дурным» глазом, способные против своего желания наслать болезнь, испортить урожай, навредить домашним животным, навлечь на село градобитие и т. п. («глазливые» люди, нарушители социальных норм поведения, «нечистые» женщины).

2. **Жертвы колдовства** – люди, побывавшие во власти нечистой силы (похищенные в детстве нечистой силой и затем возвращенные домой), а также те, в кого вселился бес (одержимые, бесноватые, кликуши, женщины-икотницы); вследствие контактов с нечистой силой приобретают способность к прорицанию и ясновидению. Эти же качества иногда приписывались волколаку (вернувшему себе человеческий облик), если он выступал жертвой колдовства; если же волком по своей воле оборачивался колдун, то такой персонаж причисляется к категории «знающих».

3. **Этнические чужаки и странствующие люди**, способные повлиять на ход событий или предсказать будущее (цыгане и другие инородцы, а также бродячие нищие).

II. «Знающие» люди:

4. **Мастера-профессионалы** – люди, обучившиеся определенному ремеслу, подозреваемые в связях с нечистой силой, наделенные – кроме профессионального умения – неким магическим знанием (музыканты, строители, печники, пастухи, мельники, кузнецы, гончары, коновалы, пасечники, бабы-повитухи и др.).

5. **Магические специалисты** – люди, действующие по преимуществу на пользу человеку (знахари, шептуны-целители, предсказатели-гадалки, ясновидящие, ворожеи, которые умеют снимать порчу, лечить недуги, распознавать причину хозяйственных бедствий, тушить магическим способом пожар, отгонять градовые тучи, выводить домашних насекомых и т. п.).

6. **Полудемонические существа** – люди, наделенные ярко выраженными демоническими признаками и действующие по преимуществу во вред человеку (по-разному именуемые ведьмы и колдуны, которые сознательно вступают в контакт с нечистой силой; имеют зооморфные черты внешности; летают в вихре; умеют перевоплощаться сами и превращать других в животных и предметы; отбирать магическим способом молоко у чужих коров и урожайность с полей; управлять атмосферными процессами и т. п.).

Рассмотрим подробнее каждую из этих классификационных групп.

Невольные вредители. К числу *непростых* людей относятся в восточнославянской мифологии прежде всего так называемые *глазливые*, способные причинить ущерб человеку, животным, растениям с помощью вредоносного взгляда. В севернорусской традиции они называются *урочники* (от слова *урок*, образованного от глаголов *ректи*, *уректи* ‘говорить’, ‘наносить вред словом’), а также: *глазунья*,

*призорник, прикосливый*¹². Показательно, что в селах Верхокамья (область около истоков р. Камы) таких людей никогда не называли «знаткой», «знаткая», как обычно там именуются колдуны и ведьмы, т. е. их не причисляли к категории «знающих». Способность к сглазу, если это не преднамеренное вредительство, не считалась грехом, не каралась социальными установлениями и даже не препятствовала хорошим отношениям с соседями¹³. Как носители «дурного» глаза воспринимались у русских: нарушители брачно-репродуктивных норм (двоеженцы, троеженцы); люди с физическими отклонениями и телесными аномалиями (слепые, хромые, одноногие, однорукие, одноглазые); с некоторыми особенностями внешности (черноглазые, рыжие); дорожные люди, странники; инородцы¹⁴.

В западноукраинских говорах термином *урекливий* определяется такой человек, который может навредить взглядом, сглазить¹⁵. Считалось, что «дурной» глаз бывает как у злого, завистливого человека, так и у хороших людей, которые уродились с этим свойством и не считаются виноватыми в своем невольном вредительстве: «Кождий так званий *непростий* дуже поганий на зір [на взгляд], чи то урікливий; подивити ся на чоловіка и “здзіст” [«съест», т. е. лишит жизненной силы]»¹⁶. Объяснением тому служило поверье, что такая особа рождается в недобрую минуту, – уж так ей суждено¹⁷. В Полесье слова *урóчливий, врочлі́вий* используются как по отношению к лицам, способным сглазить, так и к жертвам сглаза; иногда людей с «дурным» глазом называли *лукава людына, глазные люди, вредные на глаз*, либо говорили, что у них *приткие глаза, плохой глаз, очи поганы* и т. п.¹⁸ О «глазливом» человеке полешуки говорили: «Ето бывають очи таки плохие. Мо, што подумает, побачить – и поробить. Говорят: зурочыл. Хай он ничого *не знае* [т. е. не умеет колдовать], но подумает чы побачэ... [и сглазит]»¹⁹. Использование в этих текстах глагола *знает (не знает)* в его специфическом значении (обладает – не обладает магическим сверхзнанием) позволяет провести грань между «знающими» и невольными вредителями.

Согласно восточнославянским верованиям, обладателями «дурного» глаза становились люди, родители которых нарушили некоторые нормы поведения, например зачали ребенка в неположенное время (накануне поминального дня или большого праздника) либо вступили в половую связь несмотря на период месячных у женщины²⁰; либо если кормящая мать повторно возобновляла грудное вскармливание после того, как уже однажды отлучила ребенка от груди (о.-слав.). Либо *глазливый* становились люди, рожденные «в

рубашке» (народное название остатков околоплодного пузыря на теле новорожденного); а также те, у кого зубы выросли в два ряда; те, кому во время родов дважды перевязывали пупок; наконец, дети-близнецы²¹. Негативная семантика двоиности, удвоения, отмечаемая в полесских поверьях о «глазливых» людях, подробно проанализирована Е. Е. Левкиевской в работе «Мифологические механизмы сглаза: агрессоры и их жертвы»²². Аналогичные представления, подтверждающие демоническую символику числа «два», известны в карпатоукраинской мифологии, где они связаны с людьми-двоедушниками, т. е. с теми, кто якобы рождается с двумя душами: своей собственной и чужой демонической, поэтому они обладают сверхъестественными способностями. Считалось, что такие люди появляются на свет с двумя зрачками в глазах, либо с двумя сердцами, либо с двумя волосяными центрами («завихрениями») на макушке, либо становятся двоедушниками в результате «повторного» грудного вскармливания²³. Это позволяет предположить, что тема двоичности в группе полесских поверий о «глазливых» людях является отголоском западнославянских и карпатоукраинских представлений о двоедушничестве как причине вредоносного взгляда и других сверхъестественных свойств человека.

Кроме того, некоторые женщины, по народным поверьям, могли обладать вредоносным взглядом не постоянно, а лишь на определенное время. Например, опасным считался взгляд девушек и женщин в период их физиологической «нечистоты» (во время месячных): если они посмотрят на новорожденного, тот непременно покроется сыпью или чирьями; если возьмутся доить корову, молоко испортится²⁴. Любой контакт с ними во время месячных очищений мог обернуться порчей, нанесением ущерба людям, животным, продуктам и т. п.²⁵ Опасность для окружающих представляла также обвенчанная молодая, когда ее «нечестность» была обнаружена после первой брачной ночи. По полесским свидетельствам, «ее грех угрожает людям и скоту, урожаю и хозяйству, один лишь ее взгляд может принести беду. Поэтому ее выводят из “коморы” с завязанными глазами и ведут туда, где она сможет “оставить” свой опасный взгляд без угрозы для людей» (ведут за село, в болотистые места или в заросли лозы, и там заставляют смотреть на глухое место)²⁶. Остерегаться следовало также дивчат-«покрыток» (родивших ребенка вне брака), которым приписывались способности сглазить или навлечь на село градобитие и сильные грозы; если «покрытка» пройдет через чье-то поле или огород, то земля после этого якобы будет пустовать семь лет²⁷; если

она выйдет из дома простоволосой (без платка), это навлечет на полевые поля засуху²⁸.

Таким образом, состояние женской «нечистоты» и девичьей «нечестности» на определенный период служило причиной, по которой женщина сближалась по ряду признаков с вредоносными мифическими существами. Вместе с тем и любая невеста (в том числе «честная») на период обрядового «перехода», т. е. при смене социального статуса, приобретала некоторые свойства сверхъестественного существа: она якобы могла сплести людей, повлиять на их судьбу, приобретала пророческие способности, оказывала влияние на природу и т. п.²⁹

Жертвы колдовства. В эту категорию персонажей включаются люди, подвергшиеся воздействию нечистой силы: те, в кого вселился бес, злой дух, бестелесное мифическое существо, называемое *икотой* (бесноватые, кликуши, женщины-икотницы); те, кого проклинали «черным словом» родители, в результате чего обруганные люди на какое-то время исчезали (поступили во власть нечистой силы), а затем были возвращены домой; люди-оборотни, превращенные колдунами или ведьмами в животных, а затем вернувшие себе прежний облик (волколак).

Проникновение злого духа в тело человека, по народным представлениям, могло произойти случайно (во время еды, питья или зевания, если человек не перекрестил пищу и открытый рот), либо по неосторожности, когда человек произносил проклятие, упоминая нечистую силу; но это могло быть и следствием целенаправленной вредоносной магии, колдовской порчи. Многочисленные обвинения в адрес односельчан, «посадивших черта» в утробу пострадавшего, упоминаются в судебных актах русских колдовских процессов. Считалось, что кликуши или *икотницы* ощущают свое тело как вместилище беса, который ведет в утробе человека обособленную жизнь, проявляет себя разными прихотями, собственным речевым поведением, вызывает болезненные припадки и т. п. Но вместе с тем его присутствие наделяет жертву способностью «ворожить», т. е. толковать события прошлого и предсказывать будущее, давать советы в трудных ситуациях, находить тайного поджигателя и вора, указывать, где искать пропавшего человека, и т. п.³⁰ Односельчане ходили к бесоодержимым, чтобы узнать судьбу родственников на войне, исход болезни члена семьи; при этом они осознавали, что фактически обращаются с вопросами к нечистому духу. Ср. диалог жи-

телей Верхокамья с собирателем: «[О чем спрашивают икотницу?] Что ее спросишь, сказать может. Рассказывает что-нибудь. Насчет смерти там или еще чего-нибудь. [А откуда она это знает?] Так это ж нечистый дух, он всё знает»³¹. Наиболее богомольные жительницы этих мест считали большим грехом ходить ворожить к икотницам, считая, что это одна из форм «обращения к сатане»: «Не надо к нему обращаться, даже за правдой <...> Потому что он враг Господень»³². Если удавалось изгнать *икоту* из одержимой, то женщина теряла и пророческие способности.

В севернорусской мифологии некоторые демонические признаки приписывались также людям, которых в неурочный час прокляли родители, в результате чего их якобы похищали злые духи (черт, леший). Если с помощью молитв или знахарской магии удавалось вернуть пропавших родственников, они выглядели одичавшими, хмурыми, молчаливыми, обрастали мохом и корой, но вместе с тем у них открывался дар предвидения, пророчества³³.

Человеком, обнаруживающим признаки умственной неполноценности и одновременно дар ясновидения, по полесским свидетельствам, иногда становился расколдованный волколак. Семь лет один такой оборотень существовал в виде волка, а потом стал человеком «как бы не полного ума» и начал пророчествовать, предсказывая конец света³⁴.

Промежуточное положение между «невольными вредителями» и «знающими» людьми занимают среди *непростых* людей **этнические чужаки и странствующие люди**. Так, более явственными полудемоническими признаками (по сравнению с рассмотренными выше персонажами) обладали, по народным поверьям, инородцы, представители чужого этноса. Особенно заметно это проявлялось в местах совместного проживания разноэтнических групп населения, где устойчиво держалась вера в особую силу «чужих» колдунов. Например, у жителей западных районов Русского Севера самыми «сильными» магическими специалистами считались лопари и чудь (*чудские кудесники*), у русских Восточной Сибири – буряты, в южно-русских областях – татары³⁵; у русского населения Вятского края как опасные «глазливые» люди воспринимались чуваша и марийцы; в Полесье местные жители верили, что отгонять градовые тучи лучше всех умеют поляки и чехи³⁶. И для всей славянской мифологии являются общеизвестными представления о магических способностях цыган, которые не только вредили (могли сглазить), но и способны

были избавить от порчи и болезней; знали, как быстро потушить пожар; умели найти виновника кражи или раскрыть причину упадка в хозяйстве; подчиняли себе волков; слыли большими знатоками в деле угадывания будущего и т. п.³⁷

В общем списке *непростых* людей особое место занимают странники, пришедшие издалека («дорожные люди»), поскольку они совмещали в себе, с одной стороны, признаки опасного иномирного, демонического существа, а с другой – черты принадлежности к «Божьим людям» или к странствующим по земле святым. Такая двойственная оценка отмечается прежде всего по отношению к бродячим нищим, которые осмыслялись в народной культуре как посредники между людьми и их умершими предками (поминование покойников считалось одной из главных функций нищих), но вместе с тем, они выступали и как заместители божественных сил (ср. популярные легенды о Боге и святых угодниках, странствующих по земле в виде нищих). Как странникам, так и нищим приписывались некоторые знахарские способности: снимать порчу, лечить болезни, избавлять женщин от бесплодия³⁸. Одновременно, по русским верованиям, те и другие могли сглазить, вызвать поваральные болезни, «посадить икоту» в человека, испортить свадьбу и т. п.³⁹

Чаще всего в восточнославянских верованиях фиксировались сведения о пророческих способностях нищих, предрекавших наступление конца света, вымирание населения, грядущие катаклизмы и войны⁴⁰. В полесских быличках нищий часто выступает в роли невольного свидетеля каких-то необычных событий: пущенный в дом на ночлег странник слышит, как ангелы ночью предрекают долю новорожденному ребенку; наблюдает, как женщина-ведьма собирается лететь на шабаш. Он знает заклинания для предотвращения беды, если хозяевам дома, где он ночует, грозит несчастье⁴¹.

Таким образом, если за основу классификации *непростых* людей принять оппозицию «обычный человек – полудемоническое существо», то всё многообразие персонажных типов можно свести к двум основным группам: 1. Люди с некоторыми ирреальными свойствами (персонажи, тяготеющие к полюсу «обычный человек») и 2. «Знающие» люди, которые в гораздо большей степени приближаются к полюсу «полудемоническое существо». В настоящей статье рассмотрены персонажи первой из этих групп. В дальнейшем будут проанализированы остальные три группы *непростых* людей: мастера-профессионалы, магические специалисты из разряда «знахарей-врачевателей» и полудемонические персонажи (колдуны, ведьмы).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 15.
- 2 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 423.
- 3 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2004. Т. 1. С. 190.
- 4 Там же. С. 611.
- 5 Там же. Т. 2. С. 116.
- 6 *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 421–423.
- 7 *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов. XIX – начало XX в. М.; Л., 1957. С. 22–23.
- 8 *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. С. 11.
- 9 *Харитонова В. И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., 1999. Ч. 1. С. 119.
- 10 *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 278–279.
- 11 *Иванов П. В.* Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 490.
- 12 *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М., 2010. С. 98.
- 13 Там же. С. 98–99.
- 14 *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX в. М., 2003. С. 164–167.
- 15 *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. С. 171–173.
- 16 *Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології / Записав у с. Зелениці Надвірнянського повіта Антін Онищук // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1909. Т. 11. Ч. 2. С. 136.
- 17 *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія... С. 171.
- 18 *Левкиевская Е. Е.* Сглаз // Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). М., 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 41.

19 Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). М., 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 55.

20 *Онищук А.* З народнього життя гуцулів // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1912. Т. 15. С. 91; *Агапкина Т. А.* Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 118–119.

21 Народная демонология Полесья... Т. 3. С. 49–66.

22 *Левкиевская Е. Е.* Мифологические механизмы сглаза: агрессоры и их жертвы (на материале полесской традиции) // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 5. М., 2016. С. 333–350.

23 Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 29–31; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 272; *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. Львів, 2015. С. 125–126.

24 *Вархол Н.* Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшев, 1982. Т. 10. С. 296.

25 *Агапкина Т. А.* Славянские обряды и верования... С. 121–125.

26 *Толстая С. М.* Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 205.

27 *Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології... С. 5.

28 *Вархол Н.* Жінка-демон... С. 296.

29 *Гура А. В.* Невеста // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 386–387.

30 *Христофорова О. Б.* Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции. М., 2013. С. 256–260; *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза... С. 127.

31 *Христофорова О. Б.* Икота: Мифологический персонаж... С. 189.

32 Там же. С. 240.

33 *Власова М. Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 430, 434.

34 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 517.

35 *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза... С. 17–18.

36 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 472.

37 Там же. С. 469–472.

-
- 38 Левкиевская Е. Е. Нищий // Славянские древности... Т. 3. С. 408–411.
39 Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 397–401.
40 Там же. С. 452–453.
41 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 466–469.

L. N. Vinogradova

Uneasy people in the village community: on people having paranormal abilities. Part 1: Unwilling wreckers, possessed, foreigners

The article attempts to define the general typology of East Slavic mythical creatures inside the group of “people who know” (that is, people with paranormal abilities); to describe their hierarchical structure depending on the grade of “demonicity”; to concentrate on the issue of their social status in the village community and the fellow villagers’ attitudes.

Keywords: *Slavic mythology, ethnography, folk demonology, classification of folklore characters, system of characters, wizards, healers, witches.*

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии

В статье представлена типология метаязыковых высказываний в устной речи старообрядцев Латгалии. Из метаязыковых сигналов (повторы, интонация, переключение кода, хезитация, смех) и высказываний можно составить представление об отношении информантов к собеседникам, к языкам, языковым вариантам и в целом к языковой ситуации. Метаязыковые высказывания, зафиксированные в устной речи старообрядцев Латгалии, могут существовать как в имплицитной, так и в эксплицитной форме. Чаще всего объектом метаязыковой рефлексии становится лексический уровень языка.

Ключевые слова: *русский язык, метаязыковые высказывания, латышский язык, языковая ситуация, диалект, лексика.*

Метаязыковым феноменам в последнее время посвящается много работ, написанных как на русском диалектном материале¹, так и на материале языковых сообществ, проживающих в России², исследуются они и на примере дискурса русскоязычных диаспор за рубежом³. Существуют работы по метаязыковым особенностям языковых личностей⁴. Изучению метаязыковых высказываний старообрядцев, населяющих Латвию, Литву и Эстонию, до сих пор уделялось недостаточно внимания⁵. Метаязыковые высказывания содержатся и в материалах интервью, опубликованных по результатам экспедиций центра «Сэфер» в Латгалию⁶. Что касается старообрядцев Латгалии, то лучше всего изучены фонетические, морфологические и лексические особенности их речи⁷, тогда как их дискурсивные практики оставались вне рассмотрения исследователей.

В данной статье будут рассмотрены факты реализации метаязыкового сознания информантов, проявляющиеся в ходе интервью. По-видимому, большая часть анализируемых метаязыковых явлений (если речь идет о говорящем на диалекте или на другом языке)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 16–18–02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

фиксируется как раз в ситуации разговора с исследователем⁸. При этом в имеющихся работах анализу подвергаются только непосредственные факты метаязыкового проявления, тогда как общий контекст высказывания зачастую остается «вне рассмотрения». Тем не менее именно данное обстоятельство, присутствие исследователя и дистанция между ним и собеседниками, является решающим фактором, способствующим реализации и активизации метаязыкового сознания членов изучаемого сообщества.

Исследователи отмечают, что проживание в зоне культурных и языковых контактов «стимулирует активность рефлексии над различиями языков, причем характер рефлексии может быть обусловлен как собственно языковыми, так и экстралингвистическими (социальными, историческими, политическими) факторами»⁹. К таким сообществам можно отнести и старообрядцев Латгалии, проживающих на востоке и юго-востоке Латвии. На территории Латгалии языковая ситуация выглядит следующим образом. В общественной жизни единственным официальным языком является латышский язык, латышское население в быту использует латгальский диалект (имеющий также литературную версию, на нем транслируются некоторые теле- и радиопередачи). Среди русских старожилов, представленных по большей части старообрядцами, распространены диалекты псковской зоны¹⁰; по имеющимся историческим источникам, большинство переселенцев было по происхождению из псковских и новгородских земель¹¹. Русский язык является доминирующим в сфере домашнего общения, его используют 60,3% жителей региона, тогда как латышский/латгальский – 39%¹². Помимо этого в регионе распространены диалекты белорусского и польского языков¹³. В довоенный период в Латгалии проживало также значительное число евреев, использовавших идиш. Таким образом, языковая ситуация в Латгалии чрезвычайно сложная, поскольку регион является многонациональным, многоконфессиональным, находящимся на славянско-балтийском пограничье (внутри которого можно выделить границу с русскими и белорусскими говорами, а также границу с нелатгальскими говорами латышского языка и с литовским языком).

С целью изучения языка и этнокультурной ситуации старожильского русского населения Латгалии была предпринята экспедиция в данный регион¹⁴, в результате которой были записаны нарративы от 45 информантов. В ходе последующей сплошной расшифровки устного корпуса текстов были выявлены многочисленные факты метаязыковых высказываний информантов, в том числе такие, на

которые исследователь во время интервью не может обратить внимание из-за быстрого процесса самого интервью¹⁵. Иногда интервью целиком может быть построено вокруг метаязыковых высказываний информанта¹⁶.

Р. Якобсон называл метаязыковую способность одной из основополагающих словесных функций¹⁷. Эта функция позволяет «при помощи парафразы, синонимии или же посредством эксплицитной расшифровки эллиптических форм обеспечить полноту и точность общения между собеседниками»¹⁸. Изучение же металингвистического измерения языка может быть названо метапрагматикой, поскольку связано с феноменами языкового использования (с лингвистической прагматикой)¹⁹. Встречается понятие «метапрагматическая осведомленность», которая является существенной составляющей «способности к порождению значения в использовании языка»²⁰. Вводится также термин «прагматема», когда определенные грамматические формы, лексемы, теряют свое первичное значение и становятся сугубо прагматическими единицами²¹.

Значимым компонентом языкового сознания, которое отвечает за отношение языковой личности к языку, является метаязыковое сознание²². Говорящие в процессе использования языка при помощи различных средств «сигнализируют», что они осознают не только содержание, но и форму сообщения²³. Особую область обыденного знания, «являющую собой систему представлений непрофессиональных носителей языка (в том числе диалектоносителей) о языке, которую можно воссоздать, в частности, на основании анализа метаязыковой лексики и текстов», называют наивной лингвистикой²⁴. Выделяется также специальная область «метаконтактология», когда объектом рассмотрения становятся контактно-языковые явления²⁵.

Металингвистические феномены делятся на имплицитные и эксплицитные, представляющие собой скорее шкалу, чем дихотомию²⁶. При эксплицитной реализации говорящий напрямую указывает на определенные речевые события и сегменты дискурса, комментирует свою или чужую лингвистическую практику²⁷. Е. Д. Бондаренко отмечает, что метаязыковая информация (явная) может храниться в сознании информанта в свернутом и развернутом виде²⁸. А. Н. Ростова пишет про показания метаязыкового сознания, которые представляют собой вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности²⁹. Однако показания метаязыкового сознания могут и не быть вербализованными. Отмечается, что «метаязыковое сознание личности реализуется в разных формах – от

явных до скрытых, от развернутых суждений о языке до косвенных маркеров (чаще невербальных) восприятия и оценки особенностей своей и чужой речи. Каждая из этих форм связана с набором типичных речевых ситуаций и имеет особые средства выражения»³⁰. Метаязыковое комментирование объясняет когнитивные и коммуникативные процессы в речемыслительной деятельности индивида³¹, само же понятие предлагается называть *рефлексивом*³². Маркерами явных показаний метаязыкового сознания являются, например, глаголы речи в функции сказуемого, тогда как маркеры скрытых показаний проявляются только в естественных условиях в виде суперсегментных фонетических средств (например, интонации), смеха, мимики, жестов³³. К скрытым (имплицитным) показателям относят также переключение языкового кода³⁴. В свою очередь при помощи переключения языкового кода происходит конструирование идентичности³⁵. Язык позволяет категоризировать окружающие явления в духе оппозиции «свой – чужой», поэтому представления информантов о языке «важны с точки зрения самоидентификации говорящих и идентификации окружающих»³⁶.

В метаязыковых вставках реализуется своеобразный диалог, даже если роль исследователя минимальна³⁷. Метаязыковые вставки призваны привлечь внимание собеседников, в них проявляется стремление информантов быть понятыми³⁸, они также сообщают позицию информантов присутствующим. В настоящей статье будут рассмотрены как эксплицитные, так и имплицитные маркеры метаязыкового сознания, проявляющиеся в случае использования диалектных или иноязычных явлений.

Языковая рефлексия информантов активизируется в ситуации межъязыкового и междиалектного взаимодействия, что как раз наблюдается в Латгалии. В имеющихся описаниях, как нам представляется, в стороне остается вопрос о степени участия исследователя в высказываниях подобного рода, его влиянии³⁹. Следует предположить, что именно ситуация интервьюирования, интерес исследователя-лингвиста к языковому репертуару собеседников провоцирует информанта к порождению метаязыковой информации⁴⁰. Даже если речь идет об интервью открытого типа, без частых перебивок, разрывающих нарративную цепь и имеющих целью выяснение «неясных слов и конструкций», фигура исследователя является для информанта основной, на кого ориентировано его внимание и кому будут адресованы метаязыковые комментарии. Думается, что в последнем случае метаязыковые комментарии приобретают большую ценность

для исследователя, поскольку не индуцированы непосредственно с «внешней» стороны, а актуализированы самим говорящим в том месте и в то время, которые он считает нужными. Роль окружающих собеседника лиц очень рельефно проявляется при анализе фрагментов интервью. Коммуникативной ситуацией, в которой реализуются метаязыковые стратегии информанта, является рассказ о реалиях прошлого, подробностях быта. На наш взгляд, при рассмотрении подобных явлений следует привлекать более широкий контекст высказывания, который позволяет выявить механизмы их порождения. Рассмотрим некоторые примеры⁴¹:

<p>(1) Б2. Трудно её сварю шалúшку снимем такая была ступа в ступу накидаешь картошку туда и толчок такой. Б1. Толкали ступа назвалась толчок. И. Ступа? Б1. Да ступа. И. А вот это чем? Б1. Толчок. Б2. Пест. Б1. Пест назывался толкли всё мягкое она ж выскакивает. Б2. И толкём толкём картошку эту раскатаем (Даугавпилс).</p>	<p>(2) А. Принесут эти топор там пень дрова или попилить ну разные эти вот. И. А брама – это что? А. Вот едет свадьба люди станут так нагянут ленту с цветами и закроют. О. А вот вы задаёте а что в России такого понятия нет? И. Брамь нет. О. Нету? и в Белоруссии это есть вот там где я это всю жизнь здесь я помню такое. А. Стоит машина вот я объясню вот приехали молодые они дудт люди ждут посмотреть свадьбу невеста... (Бикерниекская волость)</p>
---	---

В первом примере исследователь ведет разговор с двумя информантами (Б1 и Б2) о блюдах народной кухни, которые раньше были распространены среди старообрядцев. Собеседницы рассказывают о приготовлении *гульбишников*⁴². При этом происходит актуализация диалектных лексем и словоформ (*шалúшка*, *толкём*, *толчок*). Исследователь вступает в беседу дважды: первый раз переспрашивает, повторяя за информантом слово *ступа*, второй раз уточняет название приспособления, с помощью которого толкли картошку, не называя его. Именно это обстоятельство послужило стимулом для Б2 дать общелитературную лексему, что также подхватывает Б1, предоставляя более развернутый комментарий. Таким образом, мы видим, что решающим фактором, способствовавшим появлению метаязыкового комментария (разъяснение диалектного слова, его «перевод»

на общелитературный язык), послужили действия исследователя. Во втором примере информанты (А. и О.) рассказывают о свадебных традициях, конкретно в данном отрывке представлен рассказ об обычае перегораживать молодым дорогу и устраивать испытания для жениха. В старожильческих говорах Латгалии эта практика получила название *брама*, которая и упоминается чуть выше одним из собеседников. Тем не менее здесь роль исследователя также очень важна, поскольку он инициирует дальнейший «разговор о языковых явлениях». Поводом к нему послужил вопрос исследователя с просьбой уточнить значение лексемы *брама*⁴³. После него следует реакция О., которая удивлена тем, что данное слово незнакомо собирателю, а затем О. приводит информацию ареального характера о распространении данной лексемы в соседней Белоруссии. Второй информант в последней реплике дает толкование «проблемной лексемы».

Таким образом, исследователи являются инициаторами метаязыковой рефлексии собеседников не только активно, но и пассивно, уже своим присутствием указывая на необходимость толкований, разъяснений слов.

Как уже отмечалось выше, метаязыковые комментарии могут быть как эксплицитными, так и имплицитными⁴⁴. К эксплицитной стороне относятся внешние факты проявления метапрагматического сознания, вербализированные явления. К имплицитной стороне можно отнести все скрытые и неявные факты метапрагматического сознания, что позволяет увидеть элементы порождения высказывания, закодированные в метапрагматических сигналах. Чаще всего объектом метаязыковой рефлексии становятся лексические единицы языка, другие языковые уровни подвергаются метаязыковой рефлексии гораздо реже.

Ниже речь пойдет об осмыслении русско-латышского взаимодействия информантами. Одним из скрытых (имплицитных) случаев реализации метаязыкового сознания является переключение языкового кода⁴⁵. Большинство фактов кодового переключения в собранном нами корпусе составляют цитации чужой или собственной речи на латышском языке⁴⁶, тогда как спонтанного переключения кода, не предполагающего цитирование (как это описано, например, в статье М. Глушковского⁴⁷ на материале языка старообрядцев в Польше), нами не было зафиксировано.

Приведем примеры повторов, когда высказывание на русском языке сопровождается переводом на латышский. Эта стратегия (ге-

iteration) весьма распространена среди двуязычных информантов и отмечается уже Дж. Гамперцем⁴⁸. Встречается она в речи старообрядцев в Румынии и Болгарии⁴⁹, однако, как нам кажется, там это происходит чаще из-за малочисленности группы, а также из-за большего процента владеющих официальным языком. Собеседник из Вишек использует именно такую стратегию, без дополнительных эксплицитных показателей, сразу после небольшой паузы:

(3) Он так и называется Вышкский смешанный хор | *Višku jauktais koris* | вот | ну вот он является волостным как бы хором | там тоже на добровольной основе каждый участвует | кто желает (Вишки).

Тот же информант в другом высказывании уже использует комбинацию метапрагматических показателей, паузу, хезитацию (паузу хезитации и вербальные хезитативы⁵⁰).

(4) Вот домашний сыр | хлеб | а хлеб мы покупаем | у нас есть *Aglonas* || э | аглонский музей хлеба | ну | не покупаем | а нам привозят родственни... | знакомые [улыбка] | угощайтесь (Вишки).

Очевидно, что информант предполагал сказать *Aglonas maizes muzejs*, когда говорил о том, где чаще всего его семья покупает хлеб, однако, произнеся первое слово названия музея, прервал повествование и уже после паузы и небольшого колебания произнес название музея на русском языке. Подобный случай можно также назвать самокоррекцией, поскольку информант решил, что приведенное первым латышское название может быть непонятно присутствующим исследователям (заметим, что в примере (3) латышское название было употреблено вторым в ряду). Данный пример лишь частично соответствует критериям «повтора», поскольку первая (латышская) часть произнесена не полностью. На вопрос о том, можно ли считать эти два фрагмента переключением языкового кода, следует скорее ответить отрицательно, поскольку речь идет не о свободно комбинируемых речевых средствах, а о воспроизведении устоявшихся сочетаний (название хора, название музея). Тем не менее в приводимых примерах никакой эксплицитной метаязыковой информации не содержится. Приведенный пример в целом соответствует схеме, которую используют информанты при оговорках⁵¹.

В других примерах из этой группы метаязыковая информация находит свое эксплицитное выражение.

(5) И. А как называется?

М. Деревня Б́арисы | *по-латышски Variši* (Прейли).

(6) Ехать | не доезжая <...> две остановки | а усадьба моя называется Ќирши⁵² | на *русский язык с латышского перевести* | *это вишни* (Даугавпилс).

(7) Кстати тоже | я думал что она полька а он старOVER | хотя его Янис | Янка Янка его все [зовут] | а он | ну как бы | Янис⁵³ *это Иван по-латышски* | его все Янка Янка [зовут] (Даугавпилс).

Здесь стратегия повтора осложнена комментариями самих информантов, поясняющих латышские или русские имена собственные: в (5), (6) – географические названия, а в (7) – личное имя. Собеседники во всех трех случаях отмечают лингвистическую принадлежность личного имени/топонима. Речь везде идет о латышском/русском аналоге, что и считают нужным подчеркнуть информанты. Очевидно, что и этом случае вряд ли можно говорить о переключении кода, хотя бы потому, что речь идет о единичных лексемах.

Более развернутые метаязыковые комментарии могут появляться, если поиск переводного аналога затягивается. Подобный пример представлен в следующем диалоге:

(8) О: Потом есть у них | очень у латышей очень распространена | это так называемые zaļumballes | *это* | э-э | *я даже не знаю* | *как это на русский* [перевести].

Е: Vals | зелё- зелёный бал.

О: Ну типа зелёный бал zaļumballe | да | это когда все выходят куда-то вот на || на природу | на тусовку | где обязательно горит огромный костёр | играют латышские песни | там пляски | да? то есть это фактически в каждом па́гасте | *в каждом э-э...*

Е: Волости.

О: Волости.

Е: В каждой волости.

О: В каждой волости | вот | например | вот <...> они ездили в В́ышки | В́ышки там было так называем – *sadziedāšanās kolhozā* | спевка в колхозе | ну что-то такое | да? | ну уже на современный манер (Даугавпилс).

В примере (8) мы наблюдаем сразу три подобных случая. Представлен фрагмент рассказа информанта (О.) о культурных мероприятиях латышей в Латгалии. Последняя реплика информанта демонстрирует стратегию повтора в чистом виде, без дополнительных пояснений, русский аналог следует после латышского. Отметим, что и здесь речь также идет об устоявшемся названии, в данном случае – культурного мероприятия (*Sadziedāšanās kolhozā*). Что же касается двух других слов, то возникшие колебания при поиске аналога повлекли за собой развернутые метаязыковые комментарии с привлечением второго информанта (Е.). В своей первой реплике О. употребляет латышское слово⁵⁴, перевод которого вызвал у нее затруднения, вербально реализованных в следующем комментарии: *это | э-э | я даже не знаю | как это на русский*⁵⁵ (Е. И. Иванцова называет такие элементы высказываний маркерами неуверенности⁵⁶). На помощь приходит другой информант, подсказавший, как правильно можно было бы перевести на русский язык. Во второй своей реплике О. повторяет подсказанный перевод на русский язык, а затем практически без паузы снова воспроизводит латышскую лексему, что укладывается в параметры ситуации повтора, как мы ее наблюдали в примере (3). После этого следует разъяснение. Однако в конце второй реплики снова возникает аналогичная ситуация, на этот раз «проблемным» словом стал латышский термин административно-территориального деления *pagasts*⁵⁷. После его произнесения во фразе последовала самокоррекция – повтор зависимого слова с последующей паузой. Показательно, что как *zaļumballe*, так и лексема *pagasts* в речи информанта адаптируются к грамматической системе русского языка: *так называемые_{pl.} zaļumballes_{pl.} | в каждом_{m.sg.loc.} nāgасте_{m.sg.loc.} | в каждом_{m.sg.loc.}* Здесь снова повторяется стратегия, когда Е. подсказывает перевод слова, далее О. употребляет только русский перевод (волесть). Трудности при поиске аналога в русском языке возникают из-за того, что во всех рассмотренных случаях речь идет о латышских реалиях.

В целом подобные метаязыковые комментарии (например, в (8)) характерны для информантов, активно владеющих латышским языком. В нашем случае это касается собеседников 30–40 лет. Что же касается более старшего поколения, то их языковая компетенция в латышском языке ограничена, что отражено в метаязыковых сигналах следующего фрагмента интервью:

<p>(9) И1. У нас и подарок для вас! И2. Это льняное [полотенце]. К. Льняное да liels paldies jums. И2. Nav par ko. К. Ne ne ne ļoti skaista ee e mani būs ļoti dārgs э-э так счас скажу по-лат... подарок. И2. Dāvana. К. Vo! dāvana [смех].</p>	<p>(9) И1. У нас и подарок для вас! И2. Это льняное [полотенце]. К. Льняное, да, большое спасибо вам. И2. Не за что. К. Нет, нет, нет, очень красивая, э-э, э, для меня будет очень до- рогим, э-э, так, счас скажу... по- лат..., подарок. И2. Подарок. К. Во! подарок [смех] (Скрудали- енская волость).</p>
---	--

Узнав, что с одним из исследователей можно говорить по-латышски, информант меняет языковой код, чтобы выразить свою благодарность за сувенир, но уже во второй паузе отчетливо проявляется неуверенное владение вторым языком: заминка, пауза, очередное переключение кода, поиск подходящего слова по-русски. Все приведенные метаязыковые комментарии являются, по сути, «мыслями вслух», демонстрирующими процесс порождения речи на L2 и свидетельствующими о явном перевесе в языковом сознании L1. Подбирая слово, К. произносит по-русски слово, которое она хотела вспомнить. После чего на помощь приходит И2, подсказав «проблемную» лексему⁵⁸. Обращает на себя внимание также грамматическое согласованное по роду во второй реплике К. Первое прилагательное употреблено в женском роде, тогда как второе – в мужском, при этом главное слово, с которым они согласуются, по-латышски еще не названо, поскольку именно его и не может вспомнить собеседница. Вероятно, здесь сказывается амбивалентность языкового сознания, в латышском языке слово *dāvana* – женского рода, а в русском слово *подарок* – мужского рода.

Второй наиболее часто встречающийся случай метаязыковой рефлексии информантов, обусловленной межъязыковым взаимодействием, – это этимологизирование. Определенные диалектные лексемы в русском языке совпадают с аналогичными по семантике лексемами в латышском и латгальском. Данная особенность отмечается информантами. Приведем следующие примеры:

- (10) В. Брюква была | так она и есть брюква.
И. Просто я слышал есть *ка́лика*.
В. *Кáливка*.

Ва. По-латышски *kālis*.

В. Морковь тоже бабушка говорила *баркán* | но это от латышского слова | по-латышски *burkāns* | а они говорили *баркán* | это просто они уже слышали морковь | может быть на базаре продавали | там вот говорили (Прейли).

(11) Т1. Я знаю что когда картошку выкопали | это покóпки | надо стол накрыть | а когда поросенка зарезали | это *абáды* | опять же.

С. *Абáды* это по-латвийски.

Т1. Это отсюда | это местное слово | это местное | это латыши говорят (Малиновская волость).

(12) Морковь? бар-бар как-то *баркán* | *баркány* были | ну это что-то латышское *burkāni* | *баркány* || белорусское | наверное | что-то (Даугавпилс).

(13) Может быть | я знаю те слова | которые ни || это вот *кánка* | например | это которого э-э-э нету | это-о-о | не знаю | кажется | из белорусского это-о-о | бидон | *кánка* | да | это с латышского *kanna* | потом бурáк | это свеклá (Науенская волость).

(14) В латгальском есть *agrista* и в белорусском есть *áгрис́та* | это крыжовник | помню даже бабушка *агрíстом* называла крыжовник | потом | э | *ба́цэн* | это-о | аист | который ну на | два | два пальца на | на латгальском *basen* | *ба́цян* | соответственно | на белорусском (Науенская волость).

Собеседники, рассуждая о лексемах, в определенный момент активизируют этимологическую способность метаязыкового сознания и устанавливают межъязыковые параллели. При этом подобной задачи в ходе интервью не ставилось, информанты спонтанно принимают решение дать этимологию слова. Показательно, что из всего многообразия диалектных лексем объектами «наивной» этимологизации становятся только некоторые. При этом этимология, представляемая информантом, отражает лишь поверхностный уровень восприятия бытования лексем. В приводимых фрагментах лексемами, вокруг которых строится этимологически ориентированная метаязыковая рефлексия информантов, являются: *кали(в)ка* (10), *баркан* (10), (12), *абáды* (11), *канка* (13), *агрис́т*, *ба́тъян* (14). Рассмотрим их более детально.

Лексемы с корнем *боркан/баркан* (морковь) фиксируются, по данным СРНГ, на территории Новгородской, Псковской, Калужской, Тверской, Ленинградской областей, для них указаны финское (*porkkana*) и эстонское (*porgand*) соответствия⁵⁹. В «Псковском областном словаре» приведена карта ареального распространения лексемы по территории всей области (с большей концентрацией на севере и северо-востоке)⁶⁰. Отмечена она и «Новгородском областном словаре»⁶¹. В «Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» зафиксировано бытование этой лексемы в русских говорах Эстонии и Латвии⁶². Что касается латгальского языка, то здесь мы находим формы *barkans, barkāns, bārkuons*, в отличие от литературного латышского *burkāns*⁶³. *Калика* (брюква) фиксируется в СРНГ в формах *каливка, калига, калика* на северо-западе России, а также на Урале⁶⁴. Распространена она и в русских говорах Прибалтики⁶⁵, отмечается и в Псковском и Новгородском областных словарях⁶⁶. *Агрест, агрус, огрез* (крыжовник) представлены также на западе и северо-западе России, кроме того, отмечены они и в южнорусских говорах. В СРНГ приводятся польские и латинские источники этимологии данного слова⁶⁷. В «Псковском областном словаре» мы нашли примеры бытования этого слова в Невельском и Себежском районах⁶⁸, фиксируется оно и в смоленских говорах⁶⁹. Среди старожильческого населения Прибалтики распространены также формы *аграст* и *агрисм*⁷⁰, многочисленные варианты представлены и в латгальских говорах *agristys, agreškys, agrosti, agruškys, agristi, agrusci, agrozdi, agrūsti, agresti*⁷¹, которые противопоставлены литературному латышскому *ērķšķogas*. *Канка/канна* (бидон) встречается в русских говорах на территории Латвии⁷² и в псковских говорах⁷³. Лексема *батьян/ботьян* (аист) зарегистрирована в Псковской⁷⁴ и Смоленской областях⁷⁵, в русских говорах Прибалтики⁷⁶, а также в латгальских говорах в форме *bacjans, batjans*⁷⁷. Что же касается лексемы *абады*, то нами было отмечено ее бытование только в латгальских говорах (*abādys, abāds, abādi*) со значением «блюдо из только что убитого (для охотников – застреленного) животного»⁷⁸. В «Лингвотерриториальном словаре Латгалии» приводится толкование, согласно которому так называется первое угощение на «похоронах свиньи», а также сырое мясо, которое приносят соседям после «похорон свиньи»⁷⁹. Там же даются две латышские этимологии этого слова. В диалектных словарях русского языка данного слова обнаружено не было. Таким образом, почти все лексемы (за исключением лексемы *абады*), ставшие объектом метаязыковой рефлексии и этимологизирования и возводимые

информантами к латышскому / латгальскому источнику, помимо территории собственно старожильческих русских говоров Латвии распространены также в приграничной с Латвией Псковской области, на северо-западе, западе России, а также в некоторых других районах, в которых определено можно исключить латышское языковое влияние. Латышское / латгальское влияние описывается следующим образом: X^{80} по-латышски | это от латышского слова (10), X это по-латвийски | это местное слово | это латыши говорят (11), ну это что-то латышское (12), это с латышского (13), в латгальском есть X | на латгальском X (14). Помимо латышского/латгальского влияния в трех случаях (11, 13, 14) устанавливаются белорусские соответствия: белорусское | наверное (12), кажется | из белорусского (13), X на белорусском (14). Очевидно, что к подобной этимологизации со стороны информантов стоит относиться с осторожностью⁸¹, нас в данном случае интересует только спонтанный выбор некоторых слов и установление межязыковых параллелей. Отметим, что во всех приведенных примерах, за исключением (10), собеседники самостоятельно отбирали слова. В примере (10) инициатором метаязыковой рефлексии стал исследователь. Б. Синочкина отмечает, что мотивированное слово считается своим, а немотивированное приписывается языку соседей⁸².

Рассмотрение фактов метаязыковой рефлексии, обусловленной языковыми контактами, завершим отрывком разговора между исследователем и информантом о достопримечательностях Латгалии:

(15) Ф. Да | Латгалия тоже | там простой народ | там очень простой народ | Латгалия | туда вот Резекне там | там вот это Аглона | где эта бажьница | вот туда заедьте | ўой там интяресно посмотреть | там красивые места и бажьница большая | это костёл.

И. Это костёл?

Ф. Костёл | да | бажьница называется по-ихнему.

Говоря об одном из самых известных мест Латгалии, католической церкви Вознесения Богородицы в Аглоне, информант использует слова *бажьница*, *бажьница* (латыш. *baznīca*, латгал. *božneica*, *bozneica*, *bazneica*⁸³). В первый раз она употреблена без какого-либо комментария, во второй раз следует разъяснение (*это костёл*). Дополнительный комментарий и вторая реплика Ф. вызвана тем, что исследователь переспрашивает. Ф. подтверждает и указывает на лингвистическую принадлежность лексемы (*называется по-ихнему*),

актуализируя таким образом оппозицию «свой–чужой» на лингвистическом уровне. Следует отметить, что само слово произнесено с палатализацией, не характерной для латышского языка.

Далее будут рассмотрены метаязыковые высказывания, комментарии информантов, относящиеся к диалектным словам русского языка, без привлечения межъязыковых параллелей. Очевидно, что старожильческие русские говоры (система говоров подробно описана В. Чекмонасом⁸⁴) функционируют еще в сельской местности, по большей части среди пожилых людей. Однако нами были отмечены черты исходной диалектной системы и в говоре молодого поколения даже в городской среде (конечно, в сильно редуцированном виде, например: перенос ударения на окончания у слов женского рода в вин. п. ед. ч., использование форм на *-вши* для выражения прошедшего времени, употребление диалектной лексики (например, *покерую* (*поруковожу*), *ста́вка* (*пруд*), *шашо́к* (*хорек*) и т. д.). Таким образом, речь пойдет о взаимодействии языков в сознании информантов. Приведем примеры спонтанных, не направленных исследователем нарративов собеседников, которые в нашем корпусе достаточно многочисленны⁸⁵:

(16) Посушить | яво много пить няльзя | если у кого язва желудка или что | это излечивает | мой *батя*⁸⁶ | *отец* | этой частотел | пил (Прейли).

(17) Отец *валенцы*⁸⁷ | *тоже валенки* одеёт | шубу | и бегом оне к попу | значит | хорошо там в центре | попа за бороду с печки... (Малиновская волость).

(18) Первым делом землю в руку брал | ну и по растениям | если зацвел хвощ | *такой пупоши*⁸⁸ *назывались* | иди пахай землю | отец колхозные поля вспахивал плугом и лошадьми <...> на этих полевых хвощах появляются пупоши | вот он всегда говорил | пора детей выводить на пупоши | это значит что нужно идти в поле и есть этот хвощ (Прейли).

В первых двух фрагментах (16, 17) представлена стратегия повтора, информанты, по сути, приводят синонимические ряды⁸⁹. Информант, употребив вначале диалектное, оцениваемое им как разговорное слово, после паузы предлагает общелитературный вариант. В

(18) примере мы видим стратегию повтора, осложненную констатацией наименования, в дальнейшем нарративе эта лексема функционирует параллельно с общелитературным словом.

Еще одна распространенная речевая стратегия маркирования диалектизмов – просигнализировать об их употреблении при помощи метаязыковых комментариев. Эти комментарии чаще всего предстают в виде вопроса о литературном (общеизвестном) соответствии данных лексем:

(19) Ну когда поставили *эти* | *как они называются* | *шпáры* | *то есть эти* | *как это будет по-русски* | *я не знаю* [смех] (Вышки).

(20) Подосиновики | боровики | обабки | ну а потом и | и осени мочёники | *как они называются?* | мочёники⁹⁰ и мочёники | *а как правильно называются* | мочёники называли (Малиновская волость).

(21) А эти богáтки⁹¹ | *я опять же не скажу* | *как называется латинское название этого растения* | *я вообще не обращаю внимания* | эти богáтки обязательно заталкивались за обліпок⁹² | *или как он называется* | двери | вот дверь | вот перекладина [показывает наверх] | да | и вот туда наверх | ну как | загадывали | какое будет здоровье в этом году каждому члену семьи (Прейли).

В примере (19) наблюдаются пример хезитации, собеседник не может подобрать литературный аналог для слова *шпáры* (стропила)⁹³, рассказывая о том, как при завершении строительных работ на крышу водружали венок из еловых веток. Просигнализовав о том, что трудно найти литературный аналог (*как это будет по-русски* | *я не знаю*), информант завершает высказывание невербальным маркером, смехом, который часто сопровождает подобные ситуации хезитации⁹⁴. Интересно, что информант в 21-м фрагменте на коротком промежутке дважды маркирует подобным образом диалектные лексемы. Общим для этих случаев является то, что литературное соответствие не найдено, либо из контекста самого описания понятно, о чем может идти речь; так, в примере (20) речь идет о грибах, поскольку маркируемое слово используется при перечислении разновидностей грибов, а в примере (21) слову *обліпок* дается толкование, сопровождаемое жестами, рисующими форму и местонахождение предмета в комнате. Соответственно, эти слова не находятся на периферии языкового сознания и активно используются информантами.

Что касается собственно характеристики диалектной речи, то она в метаязыковом сознании информантов противопоставлена литературному русскому языку, на котором, в частности, говорят исследователи. При противопоставлении могут актуализироваться несколько параметров: время (раньше/сейчас, в старину), возраст (старики/дети), правильность/неправильность речи, соотношение город/деревня. Приведем примеры:

(22) Бурачки⁹⁵ | а *потом уже* ўот | сьвякла | *появилось* | слово сьвякла | *намест бурако́в* | от (Малиновская волость).

(23) Она [бабушка] *говорила* крѣстьбины⁹⁶ | это я *уже говорю* крѣстины | а *она говорила* крѣстьбина или как там (Вышки).

(24) Называли *пáска* | кулич это уже *в современной языке* (Даугавпилс).

(25) Это раньшее время так *называли старики* | шаму́рлы сварил | *приду в гости [смех]* | не сварил | не *приду* (Прейли).

(26) Но *старики* вот *ба́йня*⁹⁷ *говорили* (Даугавпилс).

(27) З: *Кúзик*⁹⁸ *называли в деревне...*

А: *Кúзик* мы её *называли* | *кúзик*.

З: *По-простому?* | ну она как-то по-другому немножко | по-научному (Даугавпилс).

(28) Красная | чѣрная сморóда⁹⁹ | а это *порѣчки*¹⁰⁰ | от так *называли раньше* | *порѣчки сморóда* (Малиновская волость).

(29) Ну *уже мы давно говорим* сьвѣкла | вообще | *праильна говорит-ся* сьвѣкла | а *раньше да* | *звали бурáк* (Скрудалиенская волость).

(30) Ох | я забыл! | это ж *по-староверски*¹⁰¹ *баркáн!* (Малиновская волость).

(31) По-белорусски-то *бúсел* | а *по-нашему* | *по-староверски* *батья́н* (Малиновская волость).

(32) Ячнёвая | ячнёвая | вот мне | вы подумай! | это ж ня так | [улыбка] *по грамматике надо!* [смех] (Прейли).

(33) Они иногда таким || ну как сказать || *чисто деревенским языком говорят* (Даугавпилс).

За исключением двух последних примеров (32, 33), в самой фразе приводятся диалектные лексемы, вокруг которых разворачивается метаязыковая рефлексия собеседников. По приводимым фрагментам видно, что диалектные слова определяются информантами как вышедшие из употребления (22, 28), как присущие только речевому репертуару пожилых людей (23, 25, 26) и противопоставлены современному языку (24)¹⁰². Конструкции, которыми описываются устаревшие слова, выглядят следующим образом: раньше X – сейчас Y¹⁰³. Кроме того, в высказываниях можно найти восприятие литературного языка как правильного, например в (29). Показателен в этом отношении пример (32), когда литературная норма понимается как *по грамматике*¹⁰⁴ (ср. то же в работах Е. Д. Бондаренко и Б. Синочкиной¹⁰⁵). Отмечено также восприятие диалектизмов как деревенских, простых слов (27), а сам язык называется *деревенским* (33)¹⁰⁶. Примеры (30) и (31) интересны тем, что в них противопоставление выводится на уровень этноконфессиональной идентичности. Практически все перечисленные слова могут получить «ярлык» «староверское слово». Примечательно, что эти слова воспринимаются как «наши» и таким образом противопоставлены сразу лексике других этнических общностей региона (славянских и неславянских), литературной норме, а также словарю присутствующих при разговоре исследователей.

Отдельным случаем в метаязыковой рефлексии информантов является актуализация диалектных лексем в ряду перечисления. Эти лексемы возникают спонтанно в сознании информанта, когда тема беседы с исследователем касается языковых особенностей конкретной местности (напомним, что речь идет об интервью открытого типа). Например:

(34) *Простокіша*¹⁰⁷ была | но это опять-таки вот эти | те люди | более старшего поколения | которые | к бабушке с дедушкой к примеру приходил брат старший | он говорил *простокіша* | и *птушка* была | не птичка | а *птушка* | тоже он говорил (Санаужа).

(35) А дедушка как называл спички? | *серянки* раньше | не спички а *серянки* | называл | потом он | подожди | что ж он еще называл? | мы все смеялись | ой! | много чего! а потом ботинки называл *камáши* | ой много чего! (Даугавпилс).

Во фрагменте (34) лексема *простокиша* ранее была объектом интереса исследователя, информанту был задан вопрос о том, как раньше называли простоквашу. Собеседница рассказала, что это слово употребляли *раньше старшие люди*, и далее ее внимание переключилось на поиск других подобных соответствий. Из всего многообразия ее метаязыковое сознание «выхватило» лексему *птушка*¹⁰⁸. Для лексемы информант приводит литературное соответствие. Пример (35) представляет типологически тот же случай, однако различие заключается в том, что он не был спровоцирован интересом исследователя к определенным языковым явлениям, а явился частью общего разговора о старине, обычаях. Возникает образ дедушки, который употреблял необычные для современного языка информантов лексемы¹⁰⁹, чем обозначается временная дистанция. Очевидно, что сразу вспомнить диалектную лексему не получается, поэтому мы находим маркер затруднения в виде вопроса (*дедушка как называл стички?*) Кроме того, сам приводимый отрывок очень эмоционально излагается: рассказ ведется в полшутливом тоне, с улыбкой. Информант говорит, что даже в то время, когда дедушка был жив, слово *серянки*¹¹⁰ вызывало у них смех. Вторым словом, которое было актуализировано в этом ряду, является *камаши*¹¹¹. И в первом и во втором случае приведен общелитературный эквивалент.

К последним двум примерам примыкают развернутые нарративы о словах. По содержанию они могут быть похожи на рассмотренные выше примеры, одна их структура несколько иная. Их основой является более развернутый, детализированный сюжет, например история из жизни информанта, иллюстрирующая описание контекстов его употребления. В обоих случаях в центре внимания метаязыкового сознания информантов находится лексема *дянки*¹¹².

(36) О! | они *дянки* | рукавицы говорят *дянки* | а я говорю [смех] || что это за *дянки* такие? | а у них *дянки* | рукавицы <...> я уже запомнила | я сразу не знала что такое *дянки* | рукавицы | варежки (Бикерниекская волость).

(37) Вот это ешо я помню | что варежки назывались || *дяночки* <...> *дяночки* | *дяночки* | это я помню | поехали кататься || папин | брат двоюродный приехал из города на розвальнях зимой <...> ну и поехали кататься | и меня с собой взяли | а мне было лет шесть | наверное | да | ну вот катались | катались | возвращают домой | мама встречает уже вот | а у меня одна рука в варежке | а другая голая

[недовольным голосом] «А где вторая? | Где вторая *дьяночка?*» [писклявым голосом] – «Не знаю» | – «Ах вот оно что! | Ты уже ребёнку и *дьяночку* потерял!» | Это было (Даугавпиле).

Как в (36), так и в (37) примере приводится рассказ-иллюстрация употребления диалектного слова. Мы видим наряду с диалектным словом общелитературный аналог. В ходе интервью, участниками которого были три человека, собеседница З., родом из Белоруссии, говорит о своем языковом опыте «со стороны», о восприятии языка той русскоязычной деревни современного Даугавпилсского края, где она оказалась после замужества (36). Ее реакция является примером межъязыкового и междиалектного взаимодействия, отражает ее восприятие местных языковых реалий, в данном случае лексемы *дьянки*, вокруг которой строится нарратив, эта лексема вызывает смех собеседницы. Еще более развернутый сюжет находим в последнем фрагменте (37). Рассказана история из детства информанта, приводится также прямая речь самого информанта и ее матери с соответствующей разной интонацией. Здесь мы видим помимо собеседницы троих действующих лиц (отца, его двоюродного брата, мать). Актуализация заявленной в самом начале рассказа диалектной лексемы происходит в прямой речи матери. Вероятно, общая тематика беседы, а также эта картина из детства и спровоцировали рассказ, который можно назвать метаязыковым рассказом, иллюстрирующим употребление конкретной лексемы. При цитировании мы отмечаем такие явления метаязыкового сознания, как изменение интонации и использование характерных лексем, жестов¹³.

В настоящей статье были рассмотрены высказывания двух видов: первая разновидность обусловлена языковой ситуацией в регионе и касается межъязыкового взаимодействия (русско-латышского), которое выражается в переключении языкового кода (чаще всего объектом переключения становятся названия культурных мероприятий, учреждений, имена собственные, топонимы – одним словом, местные реалии) и в этимологизации диалектных лексем (им присваивается происхождение, обусловленное контактами с латышским / латгальским, реже с белорусским языком), при этом данная этимология часто носит «наивный» характер. Второй разновидностью является собственно внутриязыковой уровень взаимодействия (местный старожильческий русский говор – русский литературный язык).

Таким образом, в статье представлена типология метаязыковых высказываний в устной речи старообрядцев Латгалии. Для нас было

важным показать, как на конкретном материале раскрывается лексическое и прагматическое наполнение подобных высказываний. Если говорить о методологии вычленения подобного рода высказываний, то следует учитывать невербальный компонент, а также более широкий контекст диалога/монолога, что позволит раскрыть глубже причину возникновения высказываний и особенности их реализации. В данных высказываниях проявляется идентичность информантов, в них отражается противопоставление «свой – чужой». Если переключение кода и связанные с ним метаязыковые высказывания и сигналы можно считать характерными для многих носителей русского языка в Латвии (не только в Латгалии), то характеристика диалектных слов отражает специфику русского языка старожильческих говоров Латгалии. Кроме того, анализ данных явлений показывает их частотность в устной речи информантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015; *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Метаязыковое сознание и его отражение в диалектном тексте // *Слова. Концепты. Мифы.* К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011. С. 61–73; *Костомазов П. И.* Особенности экспликации метаязыкового сознания в речи представителей российских немцев Сибири: жанровый аспект // *Вестник Томского гос. пед. у-та (TSPU Bulletin).* 2013. № 10 (138). С. 67–70; *Мызникова Я. В.* Лексикографические рефлексии диалектоносителя // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета.* Электронный научный журнал. 2015. № 3 (15). С. 151–154.

2 См. *Александров О. А., Рухтер С. О.* Метаязыковое лексическое поле: анализ речи российских немцев Томской области // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов, 2014. № 1 (31): в 2 ч. Ч. 2. С. 16–20; *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // *Вестник науки Сибири.* Серия «Филология. Педагогика». 2015. Спецвыпуск (15). С. 266–274.

3 Например: *Костанди Е. И.* Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры // *Scientific Papers University of Latvia. Linguistics.* 2012. № 772. С. 16–23.

4 *Иванцов Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.

5 Из работ, в которых освещаются подобные явления, можно назвать следующие: *Синочкина Б.* Речь как зеркало самоидентификации (староверы Литвы о себе) // *Respectus Philologicus*. 2002. 1 (6). С. 152–161; *Королева Е. Е.* Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса // *Valoda*-1998. Humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi. Leksikoloģija, fonētika, gramatika. Daugavpils, 1998. С. 14–24; *Королева Е. Е.* Лексика Прейльских говоров староверов (современное состояние) // *Latvijas Universitātes raksti*. 707. sēj.: Valodniecība. Rīga, 2006. С. 7–13.

6 См. статью о еврейских языках: *Гехт М.* Представления о еврейских языках // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг.* М., 2013. С. 272–284.

7 См.: *Čekmonas V.* Russian varieties in the southeastern Baltic area: Rural dialects // *The Circum-Baltic languages: typology and contact*. Vol. 54. Vol. 1: Past and Present. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 101–136; *Немченко В. Н., Синуца А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. (Далее – МСРСГП.)

8 *Гриценко П.* Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // *Павлюк М., Робчук І.* Українські говори Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003. С. VII; *Мызникова Я. В.* Лексикографические рефлексии диалектоносителя // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2015. № 3 (15). С. 151.

9 *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 245.

10 *Čekmonas V.* Russian varieties... P. 103.

11 *Заварина А. А.* Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX в. Рига, 1986. С. 21.

12 Данные приведены по: *Iedzīvotāju kultūretniskie un migrācijas rādītāji* // *Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti*. Rīga, 2016. 94–118. lp.

13 См. *Jankowiak M.* Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie Krastwskim. *Studium Sociolingwistyczne*. Warszawa, 2009; *Kurczewski J.* Poles in Latgalia: marking their identity in multicultural everyday life // *Ethnicity*. 2009. № 2. P. 58–73.

14 В экспедиции работали д. ф. н. А. А. Плотникова, к. ф. н. Т. С. Ганенкова, к. ф. н. Г. П. Пилипенко. Более подробно об экспедиции см.: *Пилипенко Г. П.* Полевое исследование старообрядцев в Латвии // *Славянский альманах*. 2016. Вып. 3–4. С. 504–509; *Плотникова А. А.* Об экспедиции к латгальским староверам // *Живая старина*. 2016. № 4. С. 50–54; *Ганенкова Т. С.* Полевые заметки о языке старообрядцев Латгалии // *Staroobrzędowcy za granicą III: historia, religia, język, kultura*. Toruń (в печати). Благодарность за проведение экспедиции исследова-

тели выражают д-ру Элине Васильевой (Даугавпилсский университет), Владиславу Иванову (Науенский краеведческий музей), Текле Бекеше (Прейльский музей истории и прикладного искусства), Вадиму Максиму (Прейльский музей истории и прикладного искусства).

15 В этой связи приведем высказывание А. А. Кибрика и В. И. Подлесской: «Дискурсивная транскрипция должна отражать в максимальной степени процессы порождения дискурса» (*Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях: введение в проблематику // Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. М., 2009. С. 31*).

16 Так, Т. Петрович отмечает, что любой разговор, начатый с информантом о языке, имеет целью расположить к себе собеседника, поскольку затрагивает нейтральные темы, на которые информанты реагируют позитивно. См.: *Petrović T. Srbi u beloј Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009. S. 144*.

17 *Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 21.*

18 Там же. С. 21

19 См.: *Фершюерен Дж. Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка // Критика и семиотика. 2001. № 3/4. С. 88; Lucy J.A. Reflexive language and human disciplines // Reflexive language: reported speech and metapragmatics. Cambridge, 1993. P. 17.*

20 *Фершюерен Дж. Заметки о роли метапрагматической осведомленности... С. 85.*

21 *Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 10.*

22 *Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 26.*

23 *Petrović T. Srbi u beloј Krajini... S. 137.*

24 *Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 19.*

25 *Ривлина А. А. Языковой контакт в «наивном» метаязыковом отражении (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4 (32). С. 86.*

26 *Фершюерен Дж. Заметки о роли метапрагматической осведомленности... С. 90.*

27 *Petrović T. Srbi u beloј Krajini... S. 140.*

28 *Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 27–28.*

29 *Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000. С. 55.*

30 *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. С. 293.

31 *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2006. С. 318.

32 Там же. С. 76.

33 *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 265.

34 *Фершурен Дж.* Заметки о роли метапрагматической осведомленности... С. 95.

35 Там же. С. 101.

36 *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 46.

37 *Гриценко П.* Тексти як джерело дослідження... С. IX.

38 См. *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев... С. 268; *Гриценко П.* Тексти як джерело дослідження... С. VII–VIII.

39 Например, Е. В. Иванцова отмечает, что в записях диалоги с собирателем отражались неполно (*Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 205).

40 Рефлексия по поводу своих слов лучше всего представлена в ответах на прямой вопрос собирателя (*Харламова М. А.* Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 3. 2009. С. 289). В этих случаях реализуются явные показания метаязыкового сознания, тогда как скрытые характерны для спонтанной речи. Отмечается, что они «менее разнообразны, но более частотны в естественных условиях говорения» (*Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 293.).

41 В статье используется нестрогая фонетическая запись, отражаются лишь некоторые характерные для говора информантов явления (например, яканье). Латышские слова приводятся в официальной орфографии. Короткая пауза обозначена при помощи знака |, длительная пауза – ||. Пропущенные фрагменты нарратива, нерелевантные для анализа либо содержащие личные данные информанта, обозначены <...>.

42 *Гўльбишник (бульбишник, картофля́ник)* – лепешка из вареного картофеля (МСРСГП . С. 32).

43 Это слово находим, в частности, в русскоязычной части «Лингвотерриториального словаря Латгалии» в статье *Kuozys / Свадьба (Juško-Štekele A.* *Kuozys. Свадьба // Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Лингвотерриториальный словарь Латгалии. 1. Rēzekne, 2012. 333. lp).*

44 Так, объектом исследования в рамках изучения метаязыкового сознания становятся либо скрытая (как, например: *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев... С. 266–274), либо вербализированная сторона его проявления (*Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект... С. 5).

45 См.: *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев... С. 268; *Petrović T.* Srbi u beloj Krajinі... S. 144–145.

46 См.: *Пилипенко Г. П.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // *Jezikoslovni zapiski.* 2017. № 1 (в печати).

47 *Gluszkowski M.* Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce // *Acta Baltico-Slavica.* 39. Warszawa, 2015. S. 159–173.

48 *Gumperz J. J.* *Discourse Strategies.* Cambridge, 1982. P. 78–79.

49 *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016. С. 97; *Седакова И. А.* Русская речь в балканском окружении // Карпатобалканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 212.

50 *Богданова-Бегларян Н. В.* Вербальные гезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI в.* Вып. 2. Kraków. 2015. С. 346

51 Ср.: *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев... С. 272; *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 290.

52 *Ķirši* (латыш.).

53 *Jānis* (латыш.).

54 Имеется в виду вечеринка на природе с танцами: *zaļums* (латыш.) – зелень, *balle* (латыш.) – бал.

55 Приведем здесь типологически сходный пример, когда происходит поиск слова. Отличие, однако, состоит в том, что информантом является не русский, а латышка, вышедшая замуж за старовера:

*В. Ну тоже ж вербочки съвѣнтили, на Вербное вербочки там, беррѣзка распустится уже, распустит берѣзку разом с вербочкой, или там этот, как его называют? **kadiķis** (можжевельник), как называется?*

Вл. Не вспомню сразу, как по-русски (Науенская волость).

Собеседница обращается к присутствующим, чтобы ей помогли вспомнить перевод слова, однако и у них не получается вспомнить сло-

во. Здесь заметны такие метапрагматические знаки, сигнализирующие о проблемном слове.

56 *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 265.

57 *Pagasts* (латыш.) – волость.

58 Здесь мы наблюдаем реализацию стратегии «подсказывания», ср.: *Гоффманнова Я.* «Подсказывание», «поддакивание» и другие виды стратегии преодоления коммуникативных барьеров // *Язык как средство трансляции культуры* М., 2000. С. 138–140.

59 *Словарь русских народных говоров* (далее – СРНГ). Вып. 3: Блазнишка–Бятушка. Л., 1968. С. 99–100.

60 *Псковский областной словарь* (далее – ПОС). Вып. 1: А–Бибишка. Л., 1967. С. 122.

61 *Новгородский областной словарь.* СПб., 2010. С. 60.

62 МСРСГП. С. 24.

63 *Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca.* Daugavpils, 2011. 37. lр.

64 СРНГ. Вып. 12: Зубрёха–Калумаги. Л., 1977. С. 352–355.

65 МСРСГП. С. 114.

66 ПОС. Вып. 13: Зензубель–Карляцкий. Л., 2003. С. 419–420; *Новгородский областной словарь...* С. 360–361.

67 СРНГ. Вып. 1: А. Л., 1965. С. 202–203; СРНГ. Вып. 22: Обвивень–Обдалблывать. Л., 1987. С. 354.

68 ПОС. Вып. 1: А–Бибишка. Л. 1967, С. 51.

69 *Словарь смоленских говоров.* Вып. 1: А–Б. Смоленск, 1974. С. 63.

70 МСРСГП. С. 18. Нами была также зафиксирована форма *ягрест*.

71 *Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca...* 24. lр.

72 СРНГ. Вып. 13: Калун–Кобза. Л., 1977. С. 42.

73 ПОС. Вып. 13: Зензубель–Карляцкий. Л., 2003. С. 453

74 ПОС. Вып. 1: А–Бибишка. Л., 1967. С. 148; СРНГ. Вып. 3: Блазнишка–Бятушка. Л., 1968. С. 139.

75 СРНГ. Вып. 3: Блазнишка–Бятушка. Л., 1968. С. 317.

76 МСРСГП. С. 25.

77 *Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca...* 36. lр.

78 *Ibid.* 23. lр.

79 *Kļavinska A. Abādys.* Абады // *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca.* Лингвотерриториальный словарь Латгалии. [Т.] 1. Rēzekne, 2012. 20. lр.

80 Х в данном случае – этимологизируемое слово.

81 *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 285.

82 *Синочкина Б.* Речь как зеркало самоидентификации... С. 152–161.

83 *Lukaševičs V. Latgaliešu-latviešu vārdnīca...* 42. lр.

- 84 См.: *Šekmonas V. Russian varieties...* P. 101–136.
- 85 Е. И. Иванцова, напротив, отмечает, что перевод редко встречается в дискурсе языковой личности (*Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности...* С. 150).
- 86 Зафиксировано в: МСРСГП. С. 25.
- 87 Форма *валенцы*, в частности, отмечена для русских говоров Латвии: СРНГ. Вып. 4: В–Военки. Л., 1969, С. 25; МСРСГП. С. 41.
- 88 *Пупышка* 1. Бутон, почка цветка. 2. Почка у дерева (МСРСГП. С. 266); *Пупыш* 3. Почка, завязь плода растения. 8. Растение *Equisetum argense* L. сем. хвощевых, хвощ полевой (СРНГ. Вып. 33: Протка–Разлука. СПб., 1999. С. 134).
- 89 Ср., например: *Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности...* С. 139; *Королёва Е. Е. Лексика Прейльских говоров староверов...* С. 11.
- 90 1. Съедобный гриб с темной шляпкой. 2. *Мн. ч.* общее название для грибов, пригодных для посола (МСРСГП. С. 156–157).
- 91 *Богатка*. Полевой цветок, блошник (МСРСГП. С. 30).
- 92 *Обліпок, обліпка*. Косяк у окна, дверей (МСРСГП. С. 185).
- 93 МСРСГП. С. 355
- 94 *Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности...* С. 50, 290.
- 95 Свёкла (МСРСГП. С. 38–39).
- 96 Крестины (СРНГ. Вып. 15: Кортусы–Куделюшка. Л., 1979. С. 226).
- 97 Баня (МСРСГП. С. 23).
- 98 2. Кузик. 1. Сорт капусты (СРНГ. Вып. 18: Куделя–Лесной. Л., 1980. С. 23).
- 99 *Сморóда*. 1. Чёрная смородина. 2. Смородина вообще (МСРСГП. С. 302–303).
- 100 *Порéчка*. 1. Смородина. 2. Красная смородина (МСРСГП. С. 242).
- 101 Е. Е. Королёва отмечает, что слово *старовер* может употребляться как этноним (*Королёва Е. Е. Языковое самосознание староверов Латгалии // Etnolingwistyka. № 20. Lublin, 2008. S. 237*).
- 102 Ср.: *Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности...* С. 285.
- 103 Ср. примеры в работе: *Королёва Е. Е. Лексика Прейльских говоров староверов...* С. 9.
- 104 В данном случае приводится реакция информанта на исправление его речи другим собеседником. Здесь же присутствуют и невербальные маркеры (улыбка, смех).

105 См.: *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 5; *Синочкина Б.* Речь как зеркало самоидентификации... С. 152–161.

106 Многочисленные примеры подобного противопоставления находим в работе Е. Д. Бондаренко, где выделяются следующие параметры: нормативность / ненормативность, письменная / устная форма, социальная принадлежность носителя, территория употребления (*Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей... С. 54–55). Приведем несколько примеров из «Псковского областного словаря», в котором описаны упоминаемые нашими информантами лексемы: «Батя́н па-дириве́нскому, а па писа́нью а́ист. *Себ. Аннинск*» (ПОС. Вып. 1: А–Бибишка. Л., 1967, С. 131), «В ага́роде-га карто́шка растёт, капу́ста, марко́фь, а у нас еше́ барка́н её заву́т. *Аш. Трубецкое*» (ПОС. Вып. 1: А–Бибишка. Л., 1967. С. 120), «Тяперь брюќва, а раньше было кали́фка. *Палк. Па-вашыму брюќва – па-нашыму кали́фка. Н–Рж.*» (ПОС. Вып. 13: Зензубель–Карляцкий. Л., 2003. С. 419).

107 Простокваша (МСРСГП. С. 263).

108 Птица (МСРСГП. С. 265).

109 Отметим, что самой собеседнице на момент интервью было более 80 лет.

110 Спички (МСРСГП. С. 292).

111 Ботинок (МСРСГП. С. 115).

112 *Дяни́ца, дяни́чина, дя́нка* – vareжка, рукавица (МСРСГП. С. 308). В СРНГ отмечено бытование этой лексики также на северо-западе России, в Новгородской, Псковской, Тверской, Ленинградской и Вологодской областях, в Карелии (СРНГ. Вып. 9: Ерепена–Загзазеться. Л., 1972. С. 308).

113 См.: *Александров О. А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев... С. 269–270; *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности... С. 206.

G. P. Pilipenko

The metalinguistic utterances of Old Believers in Latgale

The article discusses the typology of metalinguistic utterances in the speech of Old believers in Latgale. The metalinguistic signals (reiteration, intonation, code-switching, hesitation, laughter) and utterances show an attitude of the informants toward the interlocutors, languages, language variants, and in general toward the linguistic situation. The metalinguistic utterances registered in the speech of Old believers living in Latgale, exist in implicit and explicit form. Most often the object of metalinguistic reflection becomes the lexical level of language.

Keywords: *Russian language, metalinguistic comments, Latvian language, language, dialect, vocabulary.*

А. А. Плотникова
(Москва)

Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии

В статье дается обзор полевых исследований, предпринятых в 2017 г. в градищанскохорватских селах Венгрии Унда, Присика, Хорватский Жидан и Плайгор. Представлены важные архаические особенности народной духовной традиции, показывающие как своеобразие исследуемого культурного диалекта, так и его общность с основным градищанскохорватским анклавом «долинцев» на территории Австрии. Отмечено, что целый ряд культурно-языковых архаических черт сохраняется у градищанских хорватов в Венгрии до сих пор – прежде всего это касается культурной терминологии, связанной с корнями **děd-*, **bab-*, **vьrtěti-*, а также архаических ритуалов, поверий и предписаний, направленных на обеспечение здоровья домоладцев, урожая в поле и плодовитости домашнего скота.

Ключевые слова: *этнолингвистика, традиционная духовная культура, народная терминологическая лексика, свадьба, народный календарь, обрядовый хлеб, календарные обходы, ряжение, бесчинства, запреты.*

Градищанские хорваты Венгрии проживают в западной части страны, где состоялась этнолингвистическая экспедиция сотрудников Института славяноведения РАН А. А. Плотниковой и Д. Ю. Ващенко в июне 2017 г.¹ Было обследовано четыре приграничных хорватских села (Унда, Присика, Хорватский Жидан и Плайгор) по балканославянскому вопроснику, применявшемуся ранее в полевой работе с градищанскими хорватами на территории Австрии². Экспедиция была предпринята с целью выявить состояние архаических элементов традиционной народной духовной культуры и обслуживающей ее терминологической лексики в островном южнославянском ареале Венгрии.

Бургенланд (Градище), в прошлом общий для всех хорватов Австро-Венгрии, заселялся 500 лет назад крестьянами с хорват-

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

ских территорий (которые переселялись как для работы по найму, так и для того, чтобы трудиться на своих средневековых властителей на их обширных владениях), а в 1921 г. оказался разделенным по Трианонскому соглашению, в результате чего бóльшая часть сел осталась в Австрии, а 20 сел оказались в границах Венгрии. Тесные связи между хорватами с обеих сторон австро-венгерской границы сохранялись и сохраняются по сей день. Неслучайно, что хорватское Градище в целом рассматривается учеными как единое в языковом и этнокультурном отношении сообщество, которое по этноязыковым признакам делится на Северное, Среднее и Южное Градище (соответственно, «полянцев» и «хатов» на севере, далее «долинцев» и, наконец, проживающих на юге «влахов» и «южных чакавцев»). Это условное географическое деление узкой полосы сёл вдоль границы сохраняется и для градищанцев на территории Венгрии: рассказывая о себе, своем прошлом и настоящем, жители обследованных сел указывали на свою принадлежность к Среднему Градищу, противопоставляя себя жителям южных сел Нарда, Петрово Село и, наоборот, расположенных гораздо севернее – Копхаза, Хомок, Ведешин.

Вместе с тем в настоящее время диалект градищанских хорватов, проживающих вдоль австро-венгерской границы, испытывает сильное влияние со стороны национального языка страны проживания (соответственно немецкого или венгерского). В градищанско-хорватских селах Венгрии носителей автохтонного диалекта остается очень немного³, молодые жители уезжают учиться хорватскому языку в Загреб или же в венгерские учебные славистические центры университетов в Сомбатхее, Будапеште. Не раз приходилось слышать от самих пожилых жителей, говорящих на диалекте, признания, что если их дети всё еще говорят с ними по-хорватски, то внуки хорватского языка уже не знают и общаются с родными только по-венгерски. При этом носители градищанскохорватского диалекта 1930–1940 гг. рождения характеризовали языковую ситуацию в их селах в середине XX в. как противоположную: по их словам, в детстве они венгерского языка не знали и первый раз его слышали за партой в начальной школе.

По особенностям языка и народной культуры обследованные села отличаются друг от друга. Если Хорватский Жидан, соседнее село Присика и находящийся рядом с Жиданом (на расстоянии 3 км) Плайгор составляют общий «куст» сел, то расположенная гораздо севернее Унда⁴ имеет свои особенности как в говоре (отсутствие гласного в группе *TRЪT, *TЪRT, например *krst*, а не *kerst*, *krčma*, а

не *kerčma* ‘корчма’, *vrtanj*, а не *vertanj* ‘свадебный хлеб в форме плетеного кольца’; специфические лексемы, например *prže*, *prlje*, а не *pervo* ‘раньше’⁵ и т. д.), так и в народной традиции (например, троичские «королевские» обходы девушек, несущих платок или скатерть над самой маленькой – главной, называемой *krajíca*⁶ или *andjel*; возжигание пасхального костра на кладбище и др.).

В традиции всех обследованных сел хорошо сохраняются архаические особенности народного календаря и свадебной обрядности. Так, несмотря на современное влияние города и процессов глобализации в целом, свадебный хлеб *vrtanj* / *vertanj* остается символом градищанскохорватской свадьбы, как и у хорватов-градищанцев на австрийской стороне (у градищанцев Венгрии, правда, практически не сохранился специальный ритуал «добывания» этого хлеба группой друзей жениха – *vertanj dostat*, известный «долинцам» в Австрии; здесь эти огромные плетеные караваи в настоящее время лишь делят между всеми присутствующими у церкви людьми, пришедшими посмотреть на венчание и свадьбу⁷). Народные представления из сферы народной мифологии по большей части оказываются стертыми, чему в немалой степени способствовал «период коммунизма» в Венгрии, когда не допускались и даже искоренялись все виды сельской народной культуры, включая также и ряжение на Масленицу⁸.

Общее обозначение свадьбы *veséje* (= *veselje*), характерное для «долинцев», широко употребляется и в этих селах наряду с *pir*, термином, по поводу которого сами информанты говорят, что оно пришло «из Австрии» (*od Osteraja*) и что оно «северное»⁹; известно и литературное хорватское *svadba*. Для обозначения человека, который звал гостей на свадьбу, ранее употреблялся термин *pozivnik* (ср. у «южных чакавцев» Австрии *pozivác*¹⁰), хотя в настоящее время эти функции выполняет дружка со стороны жениха – *stat'ilo* (= *stačilo*). Дружка со стороны невесты называлась *posnášnica* (все села)¹¹, а не *puotpernja*, как в Северном Градище¹². По поводу «северного» термина *bábac* ‘предводитель свадьбы’ сами информанты высказывали мнение, что они слово знают, но не употребляют, поскольку свадьбой часто управлял именно *stat'ilo* (Присика, Хорватский Жидан), «это ведь только раньше свадьбой руководил *babac*» (Унда, Плайгор, Хорватский Жидан), сейчас же *stat'ilo peja veseje* [дружка ведет свадьбу] (Унда).

В обязанности предводителя (*stat'ilo* / *babac*) входили ритуальные торги за невесту¹³ перед тем, как забрать ее из дома родителей в церковь; шествие во главе свадебной процессии в церковь; сбор

подарков от гостей, когда в конце свадебного пира распорядитель стучал своей палкой (*batúca*) по балке дома (*mogal po gredi tuć*) и кричал, например: «Rodi Bože, rodi! Hodte si mojem stolu, dajte dare» [Роди, Боже, роди! Идите к моему столу, давайте дары] (Присика)¹⁴, призывая тем самым по очереди давать деньги и подарки молодым. Следует отметить, что именно эта вступительная формула призыва «Rodi Bože, rodi», направленная на умножение урожая, достатка и благополучия, известна в свадебной обрядности «южных чакавцев»: так, в с. Нова Гора между подношениями от родственников и гостей *veliki staćilo* [главный дружка] стучит своей палицей по столу со словами: «Rodi Bože, rodi još...» [Роди, Боже роди, ещё...]¹⁵. В Хорватском Жидане в конце ритуала свадебного одаривания предводитель от имени невесты благодарит всех за подарки, например: «Hvali naša mladenkinja na vuom lipom dari, ako Vuog ne umori, da će ona što i stuov krat najzad nagradit!» [Благодарит наша молодая за этот красивый дар, если Бог не приберет, она сто и сотни раз вознаградит за это!]¹⁶.

Как и в «северном» селе Узлоп (Oslip) в Австрии, где невеста должна была отнести плетеный калач *vertanj* местному священнику, чтобы получить его благословение на замужество¹⁷, в Хорватском Жидане в доме невесты один из больших украшенных караваев *vertanj* надевали сверху на небольшой бочонок с вином (*baril*) и относили священнику (*cel vertanj išel gospodinu* [целый каравай отправлялся к священнику]).

Обязательным свадебным атрибутом помимо каравая считался розмарин: как символ чистоты и девственности розмарин прикалывали на грудь все дружки. Его носила и невеста, если выходила замуж не беременной, т. е. была «чистой» (*čista*). В противном случае она не смела надевать белое платье, носить венок и фату на голове, держать в руке цветы¹⁸, иметь дружку (*posnašnice nije bilo* [дружки невесты не было]).

Из архаических особенностей в ходе самой свадьбы была отмечена также специфика введения в дом невесты – молодой хозяйки. В соответствии с принятым ритуалом она перешагивала через лежащую на пороге поперек прохода метлу, в настоящее время через метлу переступает жених с молодой супругой на руках (Хорватский Жидан). По другим сообщениям, невеста, как только входила в дом жениха, должна была поднять с пола валяющуюся метлу, символически подмести сени (прихожую) и аккуратно поставить на место рядом с дверью; если же она забывала это сделать, то считалась плохой, ленивой хозяйкой. Родственники жениха специально приходили

смотреть, как невеста входила в новый дом, а девушку, конечно, заранее предупреждал жених или родители, чтобы она была внимательнее к этой детали свадебного обряда («Merkaј!» [Осторожно!]) (Хорватский Жидан).

Для народного календаря градищанских хорватов Венгрии характерны обряды, ритуалы и поверья, соотносимые как с традицией «долинских» сел Бургенланда в Австрии, так и с общеславянскими архаическими особенностями народной духовной культуры. Так, например, на первое мая юноши перед домами возлюбленных ставили «майское дерево» (*majuško drivo* или *majpan*¹⁹), голое до верхушки, где в пышной кроне была привязана бутылка с вином; дерево стояло весь месяц (все сёла). Во время обследования всех сел был зафиксирован и ряд специфических особенностей, ранее не встреченных нами в «австрийских» градищанских селах. Прежде всего следует сказать, что известный повсеместно у «долинцев» Австрии масляничный обряд «волочения колодки» (*hrast (bor) vleći*)²⁰ старыми холостяками здесь полностью отсутствует. Видимо, это связано с тем, что в самой Венгрии обряд не фиксируется, в отличие от соседней Австрии, где аналогичные немецкие народные обычаи оказывали и оказывают «поддерживающее» влияние на сохранение его и у градищанских хорватов. Не фиксируется в четырех обследованных селах и известный на юге Бургенланда предрождественский ритуал подражания пению домашней птице, когда мать или соседка, покрытая платком и изменяющая до неузнаваемости голос, в Сочельник заходит в дом, рассыпая сухофрукты и сладости, чтобы дети, подражая цыплятам, собирали съестное²¹. Важно подчеркнуть, что в южной части Градища в Венгрии этот ритуал был отмечен нами в 2014 г. в селе Петрово Село, что является подтверждением его исключительно южного распространения независимо от влияния национальной культуры страны проживания. М. Йорданич, известный краевед и собиратель фольклора из Филежа²², также не фиксирует этот обычай у «долинцев» ни в книге²³, ни в своих рукописных заметках о селе²⁴.

Во всех четырех селах было зафиксировано большое число народных обычаев и поверий, связанных с кануном рождественских праздников, прежде всего с днем св. Луции, 13.XII. Повсеместно известны бесчинства на св. Луцию. Парни, желавшие оказать внимание своим избранницам, приносили к их дому большое количество соломы, которую разбрасывали по двору, затыкали за дверь, наваливали к порогу и т. д. (*slamu šicali* [солому разбрасывали]), «чтобы было тяжело очистить двор»; снимали также с петель ворота и относили

их в ближайший овраг или ручей. Традиционными можно считать и рассказы о том, как удивленные родители девушки рано утром обнаруживали не только замерзшую солому, но и целую телегу на крыше дома или сарая (парни разбирали телегу по частям, затаскивали наверх, а затем собирали снова). С днем св. Луции связано и общее для славян-католиков (но до сих пор у градищанских хорватов нами не встреченное) поверье о магической силе стульчика, который следовало изготовить в этот праздник с тем, чтобы на рождественской службе встать на него и увидеть местную ведьму (*višku*) (Унда) или же таким образом узнать свое будущее (Плайгор). В день св. Луции «сеяли» в большое блюдо пшеницу, чтобы получить зеленые ростки на Рождество, когда блюдо с зажженной свечой ставили на стол; кроме того, в Сочельник на столе стояло большое блюдо с семенами пшеницы и кукурузы, куда добавляли монетку «для богатства» (Хорватский Жидан).

В Сочельник (*Badnjak*) шли приготовления к Рождеству, в частности, выпекали «плетенку» из муки, похожую на свадебный *vertanj*, которую иногда так же и называли (Приси́ка) или иначе – *pletenciša*; ее готовили из четырех скрученных между собой полосок теста (Хорватский Жидан). Собеседницы добавляли, что если караваи и калачи, испеченные на свадьбу, должны быть обязательно сладкими, то изделия из хлеба на праздники делались из менее сладкого дрожжевого теста. Что касается пасхального обрядового хлеба *posvećenka*, который выпекался для освящения и разговления, то его делали еще и без дрожжей (Хорватский Жидан). Отметим, что в «северном» градищанскохорватском селе Копхаза в Венгрии в плетеный восьмеркой хлеб запекали целое яйцо, называя такие изделия *vazmene bapke*, букв. ‘пасхальные бабки’²⁵. В день самого Рождества следовало ставить на стол на одну тарелку больше, чем число домочадцев, для случайного гостя («небесного или мирского»), например для нищего, «но при этом думали о покойных родственниках, желая быть вместе в этот праздник» (Хорватский Жидан).

Среди календарных запретов до сих пор сохраняется запрет на посещение домов в первый день Рождества и Нового года, при этом повсеместно опасались первого прихода женщины, полагая, что она принесет в дом несчастье (*sriću odnise* [унесет удачу]) (Хорватский Жидан), в чем просматриваются следы южнославянского ритуала, связанного с первым гостем – «полазником». Аналогичные представления известны среди «долинцев» Австрии²⁶. Взаимные посещения близких и дальних родственников возобновлялись в день св.

Стефана (*Štefanja*) (26.XII). На Луцию, в Сочельник и на Великую пятницу в разных обследованных селах запрещалось шить, стирать белье. Так, в рождественские дни нельзя было даже брать иголку в руки, «чтобы не зашить курам задницы», а то перестанут нестись (Приси́ка, Хорватский Жидан); считалось также, что если в Сочельник постирать и развесить белье, то подойдет скот (Приси́ка).

Особо следует отметить обходные календарные обряды, которые у градищанских хорватов весьма разнообразны – от церковных (рождественские, пасхальные, троицкие) до самых шумных и веселых – масленичных (большинство календарных ритуалов сопровождается мотивировками благоприятствовать урожаю, плодovitости скота и домашней птицы). К первым следует отнести обходы от дома к дому на Рождество: подростков и юношей называли *pastiri*, они ходили высказывать благопожелания хозяевам (*benčat*) с небольшими яслями (*betlehem*). Более светский характер носят обходы подростков и детей с благопожеланиями на Новый год (*Novo ljetu*). Традиционно перед Пасхой с Великого четверга по субботу совершали обходы дети со скрипящими устройствами (*škrebetaljke*), которые, по свидетельству собеседников, здесь были иными, нежели в Австрии: их можно было нести в руках, а не везти, как тележку; детей называли *škrebetari*, за свою работу они получали пасхальные яйца, с которыми затем играли на лугу – кто дальше кинет яйцо (Хорватский Жидан). Только очень пожилые люди помнят с детства обходы на Вознесение (*Križevski dani*), в настоящее время у градищанских хорватов Венгрии сохраняются только церковные процессии на Троицу (*Duhi*). В воскресенье после Троицы в четырех местах перед домами делают арки наподобие ворот или шатров, украшенные свежей зеленью (буковыми или березовыми ветками) и называемые *hute*, *hutice*, букв. ‘хижины, домики’ (все сёла). По завершении церковного обхода *Tijelova* жители выдергивают освященные ветки из арок и приносят домой, оставляя на чердаке, чтобы защитить свои дома от грома, молнии, пожара и «всякого зла»²⁷. Особого внимания заслуживает вопрос времени проведения троицкого обхода *Tijelova* – не в четверг на Троицкой неделе, как это происходит у градищанских хорватов Австрии, а в следующее за ним воскресенье. Большинство собеседников говорили о том, что это было сделано из-за того, что в четверг люди работают, а праздновать удобнее в ближайшее воскресенье. Вместе с тем, принимая во внимание, что этот и другие подобные обходы находились долгое время под запретом властей, но тайно устраивались в ближайшее к Троице воскресенье, общая кар-

тина сегодняшней приуроченности обряда к воскресенью именно в Венгрии (в отличие от Австрии) становится более ясной.

В с. Унда в воскресенье на Троицу (*Duhi*) также совершается «королевский обход» четырех девушек с платком или скатертью с вышивкой, которую они держат над самой маленькой девочкой, называемой *krajica* (= *kraljica*) или *ang'el* (*andjel*) 'ангел'. Как главное обрядовое лицо специально выбранная маленькая девочка, сложив перед собой по-ангельски ладошки, должна хранить молчание и оставаться серьезной, даже не улыбаясь, несмотря на попытки односельчан рассмешить ее во время обхода. Священник (*farnik*, или *gospodin*), возглавляющий в течение 30 последних лет церковь в селах Хорватский Жидан, Плайгор и Унда²⁸, считает, что этот обряд возник в Унде под влиянием живших там долгое время венгерских учителей, которые «пересадили» его из венгерской среды. Учитывая, однако, наличие «королевских обходов» у хорватов²⁹, а также и у словаков³⁰, можно предположить, что этот славянский обряд поддерживался и сохранялся благодаря соседствующей венгерской традиции. Косвенное подтверждение данное предположение находит в свидетельстве о том, что в южном селе Чайта на австрийской стороне аналогичный обряд исполнялся и в первой половине XX в., о чем со слов Рональда Суботича из Чайты нам сообщил фольклорист из Унды Стефан (Иштван) Колошар.

Следует отметить и те календарные обходы домов и сельских угодий, которые, несмотря на приуроченность их к определенным праздникам, тем не менее направлены исключительно на то, чтобы способствовать здоровью людей, плодородию полей, плодовитости скота и домашней птицы, «изгнанию зимы» и т. п. Так, с рождественским периодом связан обычай ритуального битья вербовыми ветками домочадцев (*friškánje*, *friškovánje*) ради здоровья. Как правило, ритуальное битье происходит на праздник *Mladenci*, день памяти избиения вифлеемских младенцев, 29.XII (все сёла). Это могли быть обходы подростков и детей, которые символически били пожилых родственников, чтобы те долго жили и не болели (Хорватский Жидан), юношей, приходящих «бить» своих возлюбленных (Хорватский Жидан, Унда), групп взрослых парней, «бьющих» домочадцев сплетенными из вербовых веток кнутами (*korbáci*) и высказывающих благопожелания: «*Friži budte, friži budte, cijelo ljetu zdravi budte*» [Будьте свежими, будьте свежими, весь год будьте здоровыми] (Присика, Хорватский Жидан). Этот уже уходящий в прошлое обычай связан с общеславянской архаической верой в ритуальную силу битья и магические свойства вербы³¹.

С предновогодними праздниками связан обход «микулашей» (*mikule, mikulje*) и «крампусов» (*krampusi*) в канун дня св. Николая (6.XII). Ряженные «микулаши» изображали добрых «дедушек» с подарками, ряженные «крампусы» – чертей и подобную нечисть³²; при этом, по свидетельству собеседниц, дети и девушки боялись всех ряженных в эти дни. «Страшные» ряженные известны также во всех селах на Масленицу (*Mesopust, Faš(i)njak*). Эти мужские обрядовые обходы имели свои особенности в селах, находящихся несколько в стороне от основной приграничной дороги Шопрон – Кёсег, а именно в селах Унда и Плайгора. В Унде известен персонаж «масленичный дед» (*mesopusni djed*), который вместе с «невестой» (наряженным в белое платье и фату высоким парнем) отплясывал на главной площади села, при этом вся процессия изображала свадьбу (был «священник» и другие участники свадьбы). Если имитация свадьбы ряженными известна во всех четырех обследованных селах, то сам термин *mesopusni djed* зафиксирован только в Унде, а в Плайгоре процессию называли также *djede-babe, djed i žuža* [дед и Жужа (сокращенное от Сузанна)] или только *djede*, ср.: *idu djede* [идут «деды»], т. е. приближается «свадебная» процессия, от которой следовало прятаться, особенно девушкам, которых ряженные стремились «поцеловать», оставляя след краски на щеках, «потыкать» их палками и т. д. В Плайгоре *djed* выглядел «как снеговик», т. е. с ног до головы был обкручен соломой, поверх которой надевались белые штаны, белая рубашка, белая ткань на голову. Хозяева, впускавшие во двор масленичную процессию, стремились украсть у «деда» пучки соломы, чтобы на этой соломе «хорошо неслись куры»; сам «дед» вытаскивал из своего костюма пучки соломы и бросал курам, если ряженные были довольны оказанным приемом. И в Плайгоре, и в Унде дополнительно делали еще и «соломенного деда», часто вместе с такой же «бабой»: в Унде эту «обнявшуюся» парочку вертели на деревянном колесе, пока волочили за собой по селу³³; в обоих селах соломенные чучела сжигали в конце праздника, знаменуя «уход зимы».

Осенью на праздник св. Мартина (*Mertínja*), 11.XI, пастух обходил дома с березовыми прутьями, оставляя в каждом дворе по ветке с пожеланием плодovitости скота и птицы: «Сколько листьев на этой ветке, пусть столько будет поросят...»³⁴ (все сёла). С целью способствовать урожаю совершались весенние обходы полей на св. Марка (*Markova*), 25.IV: процессию возглавлял священник³⁵.

В заключение краткого обзора проведенной экспедиции следует отметить некоторые первоначальные выводы: культурный диалект

градищанских хорватов Венгрии имеет отличия как от «долинского» варианта на территории Австрии (то же Среднее Градище), так и от «северных» и «южных» градищанскохорватских традиций. Некоторые особенности утратились под влиянием иной соседствующей культуры (венгерской), при этом целый ряд культурно-языковых архаических черт сохраняется до сих пор – прежде всего это касается терминологии, связанной с корнями **děd-*, **bab-*, **vьrtěti-*, а также ритуалов, поверий и предписаний, направленных на урожай и плодovitость скота и домашней птицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За организационную помощь в полевой работе сердечно благодарим профессора Будапештского университета д. ф. н. Андраша Золтана и всех жителей сел, любезно рассказавших нам о сельских традициях.

2 Подробнее см. раздел II «Градищанские хорваты в Австрии» в книге: *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.

3 В экспедиции был зафиксирован нарратив об исчезнувшем хорватском селе Тимерье (*Timérje / Tömörd*), ставшем в настоящее время полностью венгерским: хорватка родом из этого села говорила своим подругам из соседнего Хорватского Жидана, что «их ждет та же участь через 50 лет».

4 См. карту: **1** – Унда (*Unda / Und*), **2** – Жира (венгерское село *Zsira*, где проживали эксплораторы и где велись опросы хорваток, вышедших замуж за венгров села), **3** – Присика (*Prisika / Peresznye*), **4** – Хорватский Жидан (*Hrvatski Židan / Horvátzsidány*), **5** – Плайгор (*Plajgor / Ólmod*).

5 Соответственно, примеры типа *kerst*, *kerčma*, *vertanj*, *pervo* характеризуют Хорватский Жидан, Присику, Плайгор.

6 Здесь и далее указывается только место ударения; качественные и количественные акцентологические признаки не даются.

7 Следы свадебного ритуала с плетеным караваем были отмечены в с. Присика: раньше молодежь (*mladina*) всегда хотела получить большой колач (*dostat velik vertanj*), ради чего юноши танцевали с метлами в руках (*htili su tancat z metlami*).

8 Показательным стал рассказ из с. Хорватский Жидан о том, как в 1990 г. «при освобождении Венгрии от социализма СССР» буквально все жители села на Масленицу нарядились в традиционные маски и костюмы.

9 Ср. аналогичное распределение свадебной лексики по градищанским диалектам Австрии в книге: Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 131–133.

10 Там же. С. 132.

11 В свадебной терминологии не употребляются образования от корня **drug-*: здесь *družica* обозначает ‘подруга, приятельница’ (в повседневной жизни).

12 Там же. С. 131, 132, 155.

13 К пришедшим с женихом сватам поочередно выводили разных других женщин, девушек и даже старушку в наряде невесты (*staru tetu oblikli*), пока дело не доходило до настоящей невесты жениха.

14 В с. Хорватский Жидан записан целый речитатив дружки со стороны жениха, собирающего дары: восхваляя Иисуса Христа и желая всем доброго вечера, он сообщает, что сваты (*svatovi*) пришли издалека через зеленый бор и высокие горы, далее, обращаясь к сватам, он оповещает о своем намерении собрать дары и постучать палкой (при этом три раза стучит палкой по матице дома); вся формула заканчивается словами «*Rodi Vože, godi!*». Подробное описание свадьбы в Хорватском Жидане представлено в дипломной работе 2008 года «Жизнь и творчество Ивана Хорвата» (с. 23–31), выполненной на кафедре хорватского языка и литературы Западнобаварского университета в Сомбатхее Петером Фейглом, внуком известного градищанскохорватского писателя родом из Хорватского Жидана.

15 См., например: Gemeinde Neuberg. Nova Gora. Neuberg, 1994. S. 161.

16 Цитируется по рукописи дипломной работы «Жизнь и творчество Ивана Хорвата» (с. 30), см. также примечание 15.

17 *Ivanović N. Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija. Omiš, 1981. S. 69.*

18 По словам одной из информанток, мать объяснила своей беременной дочери, почему она не должна держать в руках цветы: *čokor ti je va trbui* [букет у тебя в животе].

19 Заимствование из нем. *taibaum*, ср. у австрийских хорватов соответствующую лексему с иной конечной огласовкой: *majram* (Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 165).

20 См. Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 145–147.

21 Там же. С. 141–143.

22 Подробнее см.: Плотникова А. А. Книга о традициях градищанских хорватов в Австрии // Живая старина. 2016. № 3. С. 63–65.

23 *Jordanić M. Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov. Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež / Nikitsch, 2009.*

24 *Jordanić M. Narodni običaji iz Fileža.* Этот буклет в виде распечатки заметок Йорданича, видимо, существует лишь в нескольких экземплярах; он был получен нами в с. Филеж от самого автора М. Йорданича в декабре 2013 г.

25 По сообщению учительницы Марии Фюлѣп-Хулев из с. Унда, показавшей нам также и присланные ее подругой фотографии этого обрядового хлеба.

26 *Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 140–141; Jordanić M. Narodni običaji... S. 148.*

27 Ту же функцию имеют и освященные вербовые ветки (*macice*), стоящие в доме до Пепельной среды (*Pepeľnica*), когда их сжигают (в церкви этим пеплом наносят знак присутствующим, поскольку «из пепла вышли, в пепел превратимся»).

28 Стефан (Иштван) Думович родился в соседнем селе Присика, но, согласно традиции, выросший в своем селе священник не должен в нем работать, поэтому, к сожалению, в Присике в настоящее время назначен венгерский священник; службы в церкви проводятся здесь не на хорватском, а на венгерском языке. Отметим, однако, что Думович организовал в своем родном селе градищанскохорватский церковный музей с небольшой библиотекой, что в некоторой мере компенсирует отсутствие хорватского священника в Присике.

29 *Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 496, 500.*

30 *Валенцова М. М., Плотникова А. А. Королевские обряды // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. 1999. С. 609–612.*

31 См. *Толстой Н. И.* Из «грамматики» славянских обрядов // *Σημεϊοτική. Труды по знаковым системам. 15. Типология культуры и взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 57–71.*

32 Ср. те же обычаи у хорватов-градищанцев Австрии: *Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 166.*

33 Необходимо добавить, что масленичный ритуал с обнявши-мися соломенными куклами на вертящемся деревянном круге, кото-рых затем сжигают, обязателен и у венгров Унды, где он называется *kiszebab* (= сожжение куклы «киси»). Ср. также венгерские материалы из Словакии: на Вербное воскресенье девушки делали куклу *kisi*, кото-рую затем сжигали на берегу реки (*Анисимова Д. Ю.* Этнолингвисти-ческие материалы из венгерской деревни Ипойфедемаш, Словакия //

Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Вып. 2. М., 2102. С. 439).

34 Ср. то же у градишанских хорватов на австрийской стороне: Плотникова А. А. Славянские островные ареалы... С. 163–164.

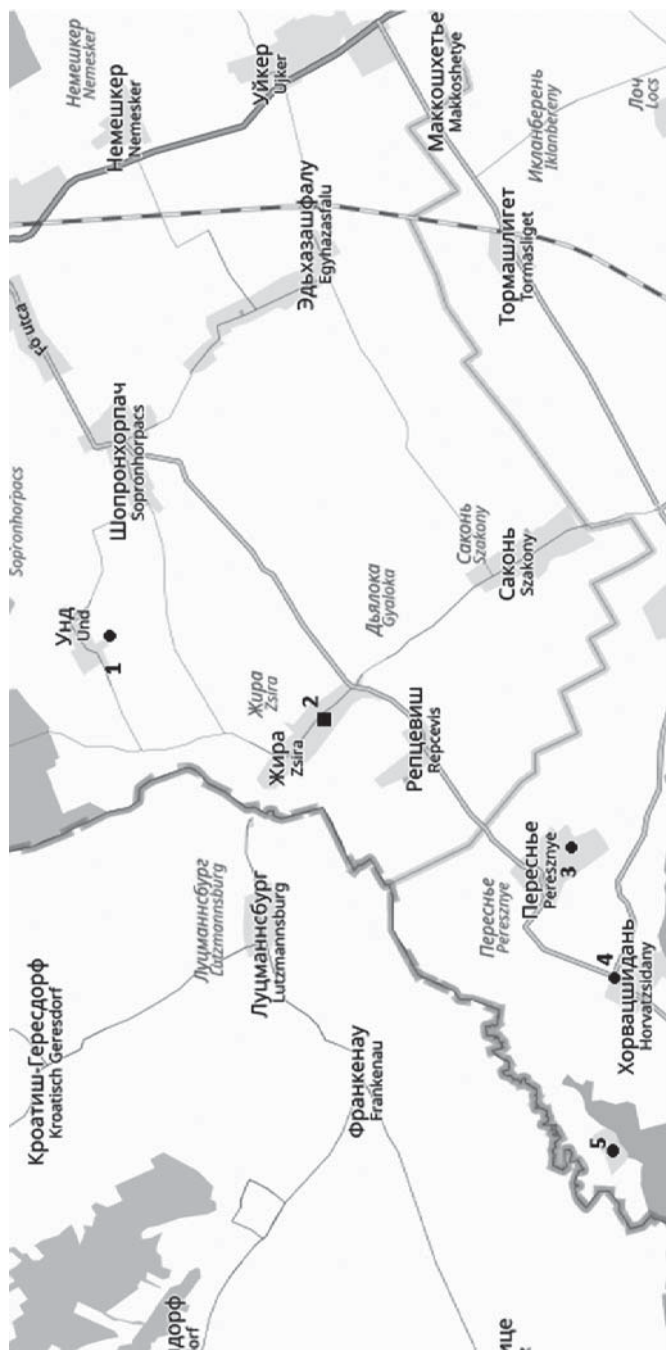
35 Ср. то же у «долинцев» Австрии, например: *Sučić R. Tradicijska kultura // Povijest i kultura Gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 1995. S. 320.*

A. A. Plotnikova

An ethnolinguistic study of Burgenland Croats of Hungary

The article describes the field research undertaken in 2017 in Hungarian Burgenland: Unda, Prisika, Hrvatski Židan and Plajgor. Important archaic features of the folk spiritual tradition show both the uniqueness of the cultural dialect under research and its unity with the main Burgenland Croatian enclave of the “Dolinians” in Austria. Several archaic cultural and linguistic traits are retained by Burgenland Croatians up to date: it has to do with the cultural terminology connected to the roots **dēd-*, **bab-*, **vbrtēti-*, as well as to archaic rites, beliefs and rules, aimed at the health of the family, harvest, and fertility of the livestock.

Keywords: *ethnolinguistics, traditional spiritual culture, folk terminology, wedding, folk calendar, ritual bread, calendar processions.*

Д. Ю. Ващенко
(Москва)

Троицкие королевские обходы в венгерской обрядовой традиции: к вопросу о славянских параллелях

Задачей настоящей статьи является установление венгеро-славянских параллелей в троицкой обрядности, конкретно речь пойдет о так называемых троицких королевских обходах. Материалом для нас частично послужили уже опубликованные источники¹, частично результаты нашего собственного полевого обследования градищанскохорватских и венгерских сел в Западной Венгрии. В пределах венгерского культурно-языкового ареала обряд может быть представлен в следующих основных вариантах²:

1. *Pünkösdi király választása*, досл. «Выборы троицкого короля»

Письменные сведения о выборах «троицкого короля» восходят к концу XVII – началу XVIII в., когда в Венгрии выбирали «майского короля». В конце XVII – начале XVIII в. в Венгрии выбирали «майского короля»³. «Короля» выбирали, как правило, по результатам соревнования на лошадях. Так, в XIX в. в Западной Венгрии победителя и его лошадь украшали цветами и ивовыми прутьями. После этого его в течение года называли троицким королем, он должен был присутствовать на всех праздниках, на свадьбах и т. п. В корчме за него платили товарищи, а если он совершал мелкие проступки, его не наказывали. Сходным образом еще в 1940-е гг. выбирали «троицкого короля» в с. Пустасемеш (юго-западная Венгрия). Победителя и его лошадь украшали цветами, он должен был проехать по улице из конца в конец в сопровождении 10–20 всадников. В районе г. Шалготарьян (северная Венгрия) для победы в соревновании надо было проскакать на лошади 5–6 километров или, к примеру, станцевать, держа на голове открытую бутылку с вином. Точно так же проходило избрание «троицкого короля» в с. Надудвар (восточная Венгрия). Подобные троицкие королевские обходы характерны для западных славян, ср.: «...для западнославянских мужских королевских обходов характерны элементы испытания парней. Наиболее частым компонентом таких королевских обходов является состязание»⁴.

Авторская работа выполнена по гранту РФФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

В следующей группе троицких королевских обходов в качестве центрального представлен уже не мужской, а женский персонаж – так называемая «троицкая королева».

2. *Pünkösdi királynézás, pünkösdölés*, также см. другие названия обходов по первой строчке обрядовой песни: *mimimamázás, mavagyonjárás, mivanmajárás* – досл. «что такое (происходит) сегодня + суффикс абстрактного имени»

Данный тип был широко распространен в Восточной Венгрии, он представлен в нескольких вариантах.

2.1. Троицкие королевские обходы имитируют свадебную процессию. В обряде принимали участие, по аналогии со свадебным обрядом, «невеста», «жених», «дружка со стороны жениха», «подруги невесты», ср. распространенность этого типа у сербов, когда участницы обхода *лазарки / лазарице*⁵ изображали свадебную процессию, в частности, подобный тип обходов характерен для Косова⁶, также для шуменского, разградского, русенского и силистринского регионов в Болгарии⁷. В венгерском селе Тарнамера выбирали троицких «короля» и «королеву». Девушек одевали в белое платье, парней – в рубашку и штаны из тонкого полотна, они шли вслед за девушками. Группа танцевала и пела, останавливаясь возле домов. В дар участники обхода получали деньги и еду, которые делили между собой. Характерно при этом, что мужские роли очень часто также исполняли девушки. В с. Галгахевиз, где данный обычай существовал вплоть до 1920-х гг., по деревне шли девушки в праздничной одежде и во главе их «невеста» в белом платье и белом платке, с венком на голове, с вышитым платком на левой руке и с букетом в правой. «Жених», который также был девушкой (ср. аналогично в обходе *лазарице*)⁸, за левым ухом имел прикрепленную красную розу. «Старший дружка» нес знамя, которое было привязано к палке, обернутой цветной бумагой. Рядом с ними бежал *kosaras* (досл. «человек с корзиной»), собиравший деньги и еду. Сопровождали их 8–10 девушек, они также держали в руках флаги.

2.2. Выбирают «троицкую королеву», которую одевают во всё белое, процессия во главе с «королевой» совершает обход деревни. Ср. определенные параллели с троицкими обходами, характерными для западной Болгарии⁹.

2.3. Среди действующих лиц обряда не выделяются какие-то особенные персонажи: так, в с. Тура после мессы девушки и парни подросткового возраста с песнями и танцами шли от дома к дому, перед домом, став полукругом, они исполняли обрядовую песню.

2.4. В Северном Банате на Троицу от дома к дому ходила «слепая нищенка», которая просила милостыню и пела обрядовую песню¹⁰, роль нищенки, как правило, исполнял кто-то из местных жителей.

3. *Királynéjárás*, досл. «хождение королевы», другие названия: *pünkösdjárás* («троицкое хождение»), *pünkösöd-köszöntés* («троицкое поздравление»), *cucorkázás* (центральный обрядовый персонаж «цу-цорка» + суффикс абстрактного имени)

Данный обычай распространен в Западной Венгрии и связан в первую очередь с пожеланием высокого урожая, ср. аналогичную направленность на обеспечение плодородия южнославянских девических обходов *лазарице / лазарки*¹¹. Центральный персонаж, которым, как правило, становилась самая молодая и самая красивая девушка, носил название *a pünkösdi királyné* «троицкая королева» или же *királynéasszony* «королева-женщина», *kiskirályné* «маленькая королева», *cucorka*. Суть его состояла в следующем: как правило, четыре девушки вели от дома к дому пятую. Она была одета в белое платье, на голове у нее был венок из белых цветов, в руках она несла корзину, наполненную цветочными лепестками. Над головой «троицкой королевы» девушки держали натянутый за четыре угла красный либо с красным узором платок. У славян подобные обходы были известны также в Моравии, ср.: «...в Моравии выбранной “королеве” распускали волосы, надевали венок или корону, украшали зеленью и цветами, а затем водили ее вокруг полей и по селу под натянутым платком, под балдахинном или липовыми ветками – как будто под небесами»¹².

В другом варианте, характерном прежде всего для Юго-Западной Венгрии, «троицкую королеву» укрывали платком с головой так, что та ничего не видела и ее лицо было скрыто от окружающих. Ср.: «...у сербов *квалицу* накрывали белым платком, шалью или полотенцем, чтобы скрыть от посторонних глаз»¹³.

Участницы обходов перемещались от дома к дому. Они останавливались возле конкретного дома и исполняли обрядовую песню, стоя неподвижно или же медленно двигаясь по кругу. Типичный зачин песни – *Meghozta az Isten piros pünkösöd napját, mi is meghordozzuk királykisasszonykát*. [Господь принес нам красную Троицу, а мы принесли маленькую королеву]. Ср. также характерные строки из обрядовой песни: «*Jácintus, jácintus, tarka tulipánus / Hintsetek virágot az isten fiának / Nem anyámtól lettem, rózsfán termettem / Piros pünkösöd napján, hajnalban születtem...*» [Гиацинт, гиацинт, пестрый тюльпан / Кидайте цветы Божьему сыну / Я родилась не от матери, я родилась

на розовом дереве / В день красной Троицы, в полночь родилась я], в которых сама королева предстает в качестве иномирного гостя, на что указывает ее неземное происхождение.

В конце песни девушки высоко, как правило три раза, поднимали «королеву», восклицая: «Вот такая высокая у вас будет конопля»¹⁴. Если кто-то прогонял их от дома, они усаживали «королеву» на корточки, чтобы урожай у хозяев был маленьким, и приговаривали: «Вот такая низкая у вас будет конопля». Данные обходы исполнялись строго во второй половине дня, ближе к вечеру.

В Западной Венгрии в с. Репцелак (район г. Ваш) девушки выбирали «троицкой королевой» самую красивую девушку, ее одевали во всё белое, на голову надевали венок, покрывали фатой. В с. Лукачхаза «королевой» обычно делали девочку 4-5 лет. Подобные обходы на Троицу совершались также в среде градищанских хорватов, живущих в средней части Западной Венгрии¹⁵. В с. Унда обход совершали две группы, каждая из которых включала в себя четырех девочек постарше (7-8 класс гимназии) и одну маленькую дошкольного возраста. Все участницы процессии были одеты в белое: старшие – в белые юбки и блузки, младшая – в длинное белое платье, на голове у нее был белый венок. Они становились перед домом либо заходили во двор и исполняли песню, при этом четыре старшие девочки держали над пятой за четыре угла большой платок. «Маленькая королева», которую также называли «ангелом», «ангелочком», не пела, она должна была хранить молчание на протяжении всего обхода¹⁶. Было принято смешить «троицкую королеву», та должна была выдержать это испытание. Подобные обходы имели место у венгров соседнего села Дьялока: «...четыре девушки держали над головой пятой платок “как балдахин”. Они ходили от дома к дому поздравлять. Во время этого они пели и разбрасывали лепестки»¹⁷. Можно предположить, что у хорватов в с. Унда данные обходы сохранились под влиянием соседней венгерской традиции.

В северо-западной части венгерского культурно-языкового ареала, в так называемом регионе Чаллокез, на Троицу также четыре девушки носили одетую в белое платье куклу¹⁸, которую в конце исполнения обрядовой песни также высоко поднимали, восклицая: «Пусть у вас будет высокая конопля!» За это участникам обходов давали яйца, ветчину, деньги¹⁹.

В районе городов Дьор и Шопрон «троицкую королеву» пытались рассмешить (ср. также выше у градищанских хорватов Венгрии). Если она не смеялась, говорили: «Не светлая невеста, но коро-

лева!» Если она в итоге смеялась, говорили: «Королева плохо пахнет, королева воняет»; «Королева протухла, королева червивая»²⁰.

Следующая группа обходов зафиксирована только у венгров Трансильвании в Румынии.

4. *Királyné ültetés*, досл. «сажание королевы»

В Трансильвании в с. Дьердьоалфалу был представлен обычай *királynéültetés*. В первый день Троицы вечером около одного из домов собирались дети семи-восьми-десяти лет, которым в этом году предстояло первое причастие, и выбирали «невесту» и «жениха». Затем все отправлялись в церковь, причем с разных концов деревни, в количестве до 5-6 групп. Одеваться «невесте» и «жениху» помогали их матери и девочки 13-14 лет. Жених и невеста были одеты в национальную одежду, у «невесты» на голове были венки и белая фата, у «жениха» – шляпа с букетом. При этом количество женихов и невест, как правило, соответствовало числу групп, которые отправлялись в церковь. В церкви священник на «детской мессе» благословлял их. После этого они выстраивались перед церковью и среди невест выбирали самую красиво одетую.

5. *Pünkösdi királynézás*, досл.: «троицкая королева + суффикс абстрактного имени»

Обычай существовал до 1970-х гг. в Трансильвании в с. Шиклод. Участники торжественного обхода, одетые в национальную одежду, несли «знамена», процессию возглавляла «троицкая королева», при этом жители деревни пытались украсть «королеву», а парни, шедшие по бокам, старались защитить ее. Завершив обход, все отправлялись в поле за деревней, к источнику, где устраивали танцы, и только вечером возвращались домой. Можно указать на сходство данного обхода и обхода «буенец», распространенного в северо-восточной Болгарии; их объединяет «буйный», «воинственный» характер обхода и общая направленность на обеспечение плодородия²¹, при этом в самой форме обхода имеются небольшие различия: в венгерском обходе представлена имитация боя, столкновения между жителями деревни и процессией, в то время как в болгарском обходе сама предводительница совершает воинственные действия²².

6. *Hesspávázás*

Обычай был распространен в районе г. Удвархей. На Троицу девочки 10–12 лет и мальчики разного возраста выбирали среди своих «короля», «королеву», «принцессу» и «подружек невесты»; остальные участники обряда носили навание *a zászlóvivők* «знаменосцы». Ср. подобные обходы у южных славян: «У южных славян в состав де-

вичьей обходной процессии помимо “королевы” (“королев”) входили также “король” (“короли”), “знаменосец”, “служанка” и др. составлявшие королевскую свиту персонажи²³. Процессия отправлялась ранним утром – в с. Алшошофалва в воскресенье, в Парайде в понедельник – и с песнями обходила всю деревню. Во главе процессии бежали «король» и «королева». В с. Алшошофалва²⁴ рядом с «королем» и «королевой» шла «принцесса», а за ними в два ряда *zászlósok* («знаменосцев»). Они с песнями обходили всю деревню и получали еду и деньги, которые делили между собой.

Мы видим, что венгерские королевские обходы неоднородны. Часть из них обнаруживает сходство с западнославянской культурной традицией: в первую очередь это касается выборов «троицкого короля», характерных для Северной и Юго-Западной Венгрии, и ритуалов девических королевских обходов, распространенных в Северо-Западной Венгрии (типы 1 и 3). Часть, напротив, тяготеет к южнославянской традиции. Так, укрывание королевы платком с головой, сокрытие ее от посторонних глаз, представленное в Западной Венгрии (вариант типа 3), соотносится с аналогичными действиями в сербских королевских обходах. Имитация свадебной процессии в троицких обходах Северо-Восточной Венгрии и Трансильвании (типы 2 и 4) находит корреляции в весенних обходах *лазариче* / *лазарки* в Южной Сербии, северной Македонии и Западной Болгарии, а воинственный, буйный характер обхода, представленный в изолированном ареале Трансильвании (тип 5), имеет сходство с обходом *буянец*, характерным для архаического ареала Северо-Восточной Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Bálint S. Karácsony, húsvét, pünkösd. Budapest, 1973; Dömötör T. Magyar népszokások. Budapest, 2003; Dömötör T. Naptári ünnepek – népi színjátszás. Budapest, 2004; Magyar néprajz. 7: Népszokás, néphit, népi vallásosság. Budapest, 1990; Magyar néprajzi lexikon. Budapest, 2006, также электронные ресурсы: <http://www.karpatmedence.net/szellemi-neprajz/nepszokasok/227-punkosdi-szokasok-es-hiedelmek-a-jazzkunsagban>; <http://alsosofalva.blogspot.hu/2011/08/hesspavazas.html>.*

2 Географическое распределение указанных типов венгерских королевских обходов см. на картах 1 и 2. Выявленные изодоксы носят предварительный характер, что связано с достаточно общим описанием

локализации того или иного типа, представленным в доступных нам источниках, – естественно, вопрос требует дальнейшего подробного исследования и прояснения.

3 Magyar néprajz...

4 Валенцова М. М., Плотникова А. А. Королевские обряды // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К. М. 1999. С. 609–612. С. 611.

5 В данном случае троицкие королевские обходы и обходы *лазарице* / *лазарки*, совершаемые в Вербную субботу, рассматриваются как единый тип обряда ввиду их структурно-семантической общности: по сути это женский обряд инициации, см.: Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 137.

6 Ср.: «У сербов участницы нередко рядились в “Лазаря” и “Лазарицу”, причем основная участница покрывала голову белой вуалью, все одевались в праздничную одежду и украшали ее цветами...» (Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии... С. 139–140). Ср. также: в с. Подрима (Косово) «Lazarke – девический обход в Вербную субботу (группа включает пару *Lazar* и *Lazarica*; «лазарица» одета как невеста) (Vukanović T. Srbi na Kosovu. Т. 2. Vranje, 1986. S. 390), аналогично в с. Средска (Косово) (Ibid. S. 388–389)

7 Ср.: Василева М. Лазаруване. София, 1982. С. 28: в окрестностях Шумена крае «группа включает пару *буенец* и *булка* (невеста)». Аналогично в разградском, русенском и силистринском регионах.

8 Там же. С. 139.

9 Там же. С. 140: «В Кюстендилском крае (Западная Болгария) девушки *лазарки* наряжались как невесты, поскольку невесты считались “самыми плодовитыми”».

10 Katona I. Jeles napok és ünnepi szokások maradványai Észak-Bánátban // Jugoszláviai magyar folklór / szerk. K. Jung. Értekezések, monográfiák. R. 3. Újvidék, 1983. L. 89.

11 Плотникова А. А. Этнолингвистическая география... С. 141.

12 Валенцова М. М., Плотникова А. А. Королевские обряды... С. 609.

13 Там же. С. 609.

14 Tátrai Zs. A pünkösdi királynéjárás dunántúli változatainak szerkezeti elemzése // Népi Kultúra-Népi Társadalom. R. 9. L. 189–215.

15 По материалам экспедиции 2017 г. в градищанскохорватские села Унда, Присика, Хорватский Жидан, Плайгор (участники А. А. Плотникова, Д. Ю. Ващенко), ср. также: <http://und.hu/hu/hagyományok/hagyomány.pdf>.

16 Ср. молчание троицкой королевы в обходах, распространенных в Словакии: *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М., 2016. С. 119.

17 *Brunner K.* Gyalókai krónika. Gyalóka, 2007.

18 См. тип 3а на карте 1.

19 Magyar néprajz. 7... (<http://mek.niif.hu/02100/02152/html/07/122.html>).

20 Magyar néprajzi lexikon... (<http://mek.oszk.hu/02100/02115/html/4-802.html>).

21 Ср.: *Буенец (буенец)* – «девушка-предводитель дружины, одетая в мужскую рубашку и меховую шапку с цветами, с деревянной саблей, топором или вербовой палочкой с привязанной к ней тряпкой» (*Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география... С. 141).

22 См.: «Боян, боянец» – предводительница в танце (в мужской одежде с деревянной саблей, которой размахивает во время танца) (Странджа: материална и духовна култура. София, 1996. С. 332).

23 *Валенцова М. М., Плотникова А. А.* Королевские обряды... С. 610.

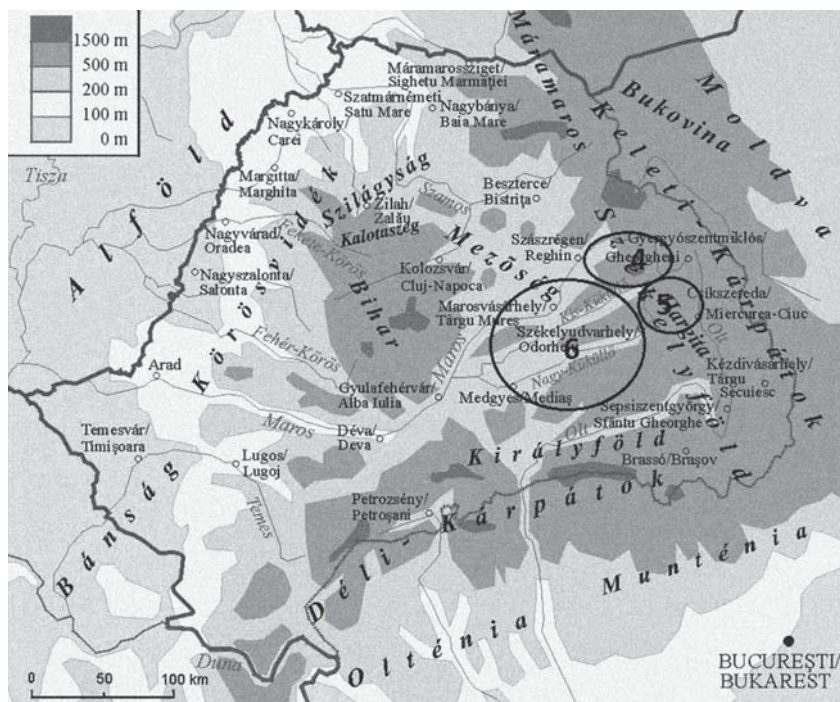
24 <http://alsosofalva.blogspot.hu/2011/08/hesspavazas.html>.

D. Yu. Vashchenko

Pentecostal kings' processions in the Hungarian ritual tradition:
Slavic analogies

The article dwells upon the main types of Pentecostal kings' processions in the Hungarian cultural and linguistic area. The types under scrutiny are compared in their geographical projection to similar phenomena in Slavonic regions. Cultural and typological parallels are drawn in order to clarify the corresponding Slavic phenomena. One part of kings' processions in Hungarian area gravitates toward West Slavic cultural tradition, while another part gravitates to South Slavic.

Keywords: *folk spiritual culture, kings' processions, cultural dialect, isoglosses.*

А. И. Чиварзина
(Москва)

Номинации домашних животных в южных диалектах сербского языка

В статье приводится анализ однословных наименований домашних животных, встречающихся в южных диалектах сербского языка, по материалам словарей региона. Диалектные данные демонстрируют присутствие цвета в номинации животных, которые в литературном языке носят другие названия, не дифференцирующие их по данному признаку, и свидетельствуют о распространенности того или иного способа образования лексем, о степени использования цветолексем наряду с другими средствами передачи цвета.

Ключевые слова: *наименование домашних животных, цветообозначения, «зеленый конь», балканские языки, славянские архаические зоны.*

Разведение домашних животных и пастушество на протяжении веков и вплоть до настоящего дня остается важной частью хозяйственной жизни балканцев. Наличие однословных номинаций животных по масти и цвету представляется релевантным для рассматриваемых культур. Как отмечает Г. П. Клепикова, номинация животных имеет порой избирательный характер, а степень ее детализации в значительной мере зависит от важности тех или иных элементов реальной действительности для носителей данного диалекта или группы диалектов¹. В статье предлагается рассмотреть наименования домашних животных, встречающиеся в южных диалектах сербского языка, по данным диалектных словарей региона, а именно: Н. Живкович «Речник Пиротског говора» (1987)², «Речник косовско-метохиског дијалекта» (1932)³, Р. Жугич «Речник говора Јабланичког краја» (2005)⁴, М. Златанович «Речник говора југа Србије» (2014)⁵ и др.

Первостепенное значение в гористых районах Балканского полуострова, а следовательно, и в отдельно взятом хозяйстве имеет овцевод-

Авторская работа выполнена при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17–18–01373.

ство. Большинство встреченных лексем относятся к наименованию именно овец и дифференцирует их по возрасту и полу. Вторым по частоте оказывается название для козы, которое не разделяет животных на мужскую и женскую особь, но выделяет в номинациях детенышей. Отдельные наименования для особей крупного рогатого скота встречаются реже. Еще реже можем найти наименование лошади / коня. Нечасто, однако, в словарях все-таки фиксируются отдельные названия для собаки, кошки, свиньи, домашней птицы – курицы, дифференцирующие животных по цвету. И, наконец, наиболее редкими являются однословные номинации диких животных, которые указывают на их цвет: черной лисицы (ю-серб.) *угљарка*, *ђумурџика* (*угаль*, *ђумур* – уголь): *На лисицу ђумурџику ноге ву дођев црне, а и њушка ву црна* [У лисицы ђјумурџики лапы черные, а и мордочка у нее черная] (Копаньяне)⁶, *Има ги лисице жуте и угљарке* [Есть лисы желтые и углярки] (Стубал)⁷; волка (ю-серб.) *сур* (серый): *Кад кажу суро, знај да је вул.* [Когда говорят суро, знай, что это волк]⁸; зеленой ящерицы (ю-серб.): *зелембаћ: Не загрizaј за зелембаћа е ће ти скочити за врат...* [Не трогай ящерицу – прыгнет тебе за шиворот...] (Безуйе)⁹.

Исходя из того, что овцы являются наиболее распространенными и важными животными в балканском хозяйстве, неудивительно преобладание однословных наименований, в основе которых лежит указание на белый и черный цвет, наиболее характерные для этого вида: ю-серб. *бека* (Моштаница)¹⁰, ю-серб. *бекица* (Преображение)¹¹, ю-серб. *белдуна* (Лютеж)¹², ю-серб. *белко* (Претина)¹³, ю-серб. *белонце* (Несврта)¹⁴, ю-серб. *белушица* (Црна-Трава)¹⁵ и т. д., ю-серб. *црнојка* (Црна-Река)¹⁶, ю-серб. *црнешка* (Честелин)¹⁷, ю-серб. *каракулче* (Дубница)¹⁸ (от *kara* (тур.) ‘черный’), ю-серб. *катранка* (Велико-Буштране)¹⁹ (ср. серб. *катран* ‘деготь, смола’), ю-серб. *рапа* (Честелин)²⁰ и т. д. По словарям мы находим и других животных этих цветов: ю-серб. *белоша* (Струганица)²¹, ю-серб. *белошка* (Станце)²² – коза, ю-серб. *белана* (Ратайе-Крмоль)²³ – корова, ю-серб. *белуган* (Клисурица)²⁴ – вепрь, ю-серб. *белов* (Власина)²⁵, ю-серб. *караманче* (Топлац)²⁶, ю-серб. *карча* (Доне-Жапско)²⁷ – собака (от *kara* (тур.) ‘черный’), ю-серб. *караџинка* (Честелин)²⁸ – коза, ю-серб. *рапе* (Вранье)²⁹ – кошка (ср. серб. *арап*, ‘арап’), ю-серб. *црнко* (Ратайе-Крмоль)³⁰, ю-серб. *црнешко* (Честелин)³¹ – петух.

На втором месте по употребляемости стоит желтый цвет и его оттенки, он охватывает наиболее широкий круг животных: так, сюда попадает, например, домашняя птица: *жутајка* (Дубница)³² – овца, *жуја*³³ – вол, *жутка* (Трстена)³⁴ – свинья, *жућка* (Лепчинце)³⁵ – кури-

ца, *кулоша* (Вишевец)³⁶ – коза, *кулча* (Шайнце)³⁷ – конь (от *kula* (тур.) ‘желто-рыжий’).

Следующим по частоте становится серый цвет: *сијер* (Безуйе)³⁸ – теленок, *сурка* (Каменица)³⁹, *мура* (Првонек)⁴⁰ – овца, *сивуља*⁴¹ – корова, *сив’и*⁴² – осел, конь, *сурча*⁴³ – собака (от *surli* (тур.) ‘серый’), *мишица* (Вранье)⁴⁴ – кошка. Интересно отметить, что серое животное очень часто обозначается лексемами со значением «зеленый», т. е. лошадь, козу или овцу с шерстью пепельного цвета называют зеленой: *зеленка* (Вртогош)⁴⁵, *зелька* (Трстена)⁴⁶. На территории Хорватии на первый выгон скота в день св. Георгия поется: *Dobro jutro dobri gospodari! / Evo zelenog Djure / Na zelenom konju, / Zelen ko travica, / Rosan ko rosica. / Nosi žitni klas / I od Boga dobar glas!* [Доброе утро, добрые люди! / Вот зеленый Юрий / На зеленом коне, / Зеленый, как травушка, / Росистый как росушка. / Несет пшеничный колос / и от Бога добрый голос] – т. е. конь серый в яблоках⁴⁷. Подобное наблюдается не только в славянских языках, в целом в балканском ареале «зеленым» может называться светлый конь с пятнами или неясным цветовым нюансом, сероватый или буланный, кофейно-желтый. Иногда это касается и других животных, например волков, собак, сокола⁴⁸. Возможно, это происходит по той причине, что зеленый цвет часто ассоциируется с блеском (ср. сербские выражения: *зелена пушка* ‘зеленое ружье’, *зелена сабља* ‘зеленая сабля’, *зелен мач* ‘зеленый меч’⁴⁹): змея с зеленоватым оттенком кожи получает название *шаруља* (Доне Жапско)⁵⁰ или *пестрица-редица*, потому что она пестрая, яркая⁵¹. Также можно заметить типологическое сходство: албанская лексема *i/e blertë* ‘зеленый’ возводится к и.-е. **bhloros* ‘brilliant, bright’⁵². Есть несколько версий происхождения данного выражения: рассматривается и турецкое влияние⁵³, и латинское⁵⁴. С другой стороны, нестандартность этого цвета для лошади осознается, поэтому, например, в соседнем румынском языке также есть выражение «зеленый конь», но оно означает что-то нереальное, невозможное: *Cal verde șârb cuminte n-o să întâlnești niciodată* [Зеленого коня и умного серба не встретишь], *A vedea cai verzi pe pereți* [Видеть зеленых коней на стенах]⁵⁵. Наряду с зеленым цветом для обозначения неясных сероватых оттенков используются лексемы с корнем *мур-* (*мурца*, *мурес*, *мурган* и т. д.) и *голуб-* (*голубаш*, *голубаша*, *голубка*) – здесь уместно будет вспомнить замечание Т. В. Цивьян о коровах «василькового» цвета⁵⁶, нашу лексему *голубой* от наименования голубя – птицы серого цвета⁵⁷. Примечательно, что сербский корень *плав-* стал использоваться в качестве базового цветообозначения для синего наряду с обозначен-

нием оттенка светлых волос⁵⁸ и восходит всё к тому же индоевропейскому корню для обозначения блестящего, яркого⁵⁹.

Наименее используемым из встретившихся нам цветов является красный, на русский язык контексты с этими лексемами переводились бы со словом *рыжий*: *јеленка*⁶⁰, *кућеша*⁶¹, *рујка*⁶² – корова, *ћувеза* (Клиновац)⁶³ – овца, *цека* (Доне-Жапско)⁶⁴ – животное с рыжей шерстью.

Еще реже используются отдельные наименования для животных с шерстью коричневых и светлых (русых) оттенков: *медор* (Релян)⁶⁵ – собака каштанового цвета, *плавка*⁶⁶, *плавуша*⁶⁷, *плавушанка* (Собина)⁶⁸ – корова, овца, коза, *руске* – овца, коза.

Разноцветная шерсть животных также представляется релевантной для образования номинаций носителям рассматриваемых диалектов: в словарях фиксируется огромное множество лексем для обозначения окраса таких животных, которые дополнительно могут указывать на узор: *белоњушка* (Ратайе-Крмоль)⁶⁹ – свинья с белой мордой, *цветанка* (Честелин)⁷⁰ – черная овца с белой прядью на голове, *меда* (Моштаница)⁷¹ – овца с желтой шерстью вокруг глаз, *жарка* (Дони-Стайевац)⁷² – белая овца с желтыми пятнами, и др.

Однословные наименования строятся по нескольким моделям. В основе такой номинации может быть ассоциация по узору: крест, сапожки, характерные полосы или характерное распределение цвета по телу животного. Непосредственно цветообозначения в составе таких лексем встречаются крайне редко: *звезда* (Доне-Вранье)⁷³, *дзвезда* (Струганица)⁷⁴ – белая овца с черной шерстью на голове (ср. серб. *звезда* ‘звезда’), *зрна* (Самолица)⁷⁵, *зрнуша* (Барбарушинце)⁷⁶ – белая овца с черными пятнами шерсти на голове (ср. серб. *зрно* ‘зерно’), *крстана* (Ягнило)⁷⁷, *крстоша* (Островица)⁷⁸ – черная овца с белым узором в виде креста на голове (ср. серб. *крст* ‘крест’), *пероша* (Доброшево)⁷⁹ – черная корова или овца с белой полоской на спине (ср. серб. *перо* ‘перо’), *наочара* (Барелич)⁸⁰, *окица* (Ратайе)⁸¹ – белая овца с черной шерстью вокруг глаз (ср. серб. *око* ‘глаз’, *наочари* ‘очки’), *чарапа* (Самолица)⁸², *чарапанка* (Костомлатица)⁸³ – белая овца или коза с черными ногами или наоборот (ср. серб. *чарапа* ‘носок’), *чарапоша* (Обличка-Сена)⁸⁴ – белая коза с черными ногами или наоборот, *белорепка* (Ново Село на Врденику)⁸⁵ (ср. серб. *репа* ‘хвост’), *белоглавка* (Плячковица)⁸⁶ (ср. серб. *глава* ‘голова’), *црноглавка* (Црна-Река)⁸⁷, *црногрбинка* (Спанчевац)⁸⁸ (ср. серб. *грба* ‘горб, горбина’) и др.

Другим вариантом являются устойчивые наименования, в которых также нет элементов цветообозначения либо они встречаются

не так часто. Подобные номинации также связаны с ассоциациями, которые возникают при виде животного: *цветѣнка* (Солачка-Села)⁸⁹, *цветанка* (Честелин)⁹⁰, *цветко* (Ратайе-Крмоль)⁹¹ (ср. серб. *цвет* ‘цветок, цвет’) – черная овца с белой прядью на голове, *шамѣја* (Клисурица)⁹² (ср. серб. *шамѣја* ‘головной платок’) – черная овца с белой полосой шерсти на голове, *шаренко* (Кочура)⁹³ (ср. серб. *шара* ‘узор, украшение’) – полосатый вепрь, *шаруѣица* (Крива-Фея)⁹⁴, *шарка* (Луково)⁹⁵ – корова, *шарица* (Црна-Трава)⁹⁶ – овца, *шарлота* (Вранье)⁹⁷ – коза, *фараун* (Нерадовац)⁹⁸ – черный петух (экзотичная красота), *фикса* (Вранье)⁹⁹ (ср. нем. *Wichse* ‘крем для обуви’) – черная кошка, *лабуда* (Дреновац)¹⁰⁰ (ср. серб. *лабуд* ‘лебедь’), *лепушка* (Честелин)¹⁰¹ (ср. серб. *леп* ‘красивый’), *сребрана* (Солачка-Села)¹⁰² (ср. серб. *сребро* ‘серебро’) – белая овца, *бистра* (Честелин)¹⁰³, *бистрица* (Големо-Село)¹⁰⁴ (ср. серб. *бистар* ‘прозрачный, чистый’) – белая овца, *вакица* (Црна-Трава, Ратайе-Крмоль)¹⁰⁵, *ваклушица* (Крива-Фея)¹⁰⁶ (ср. болг. *ва̀къл* ‘черноглазый, с черной шерстью глаз вокруг глаз (об овце)’)¹⁰⁷ – черная овца с белыми пятнами, *рана* (Честелин)¹⁰⁸, *ранка* (Доне-Жапско)¹⁰⁹ (ср. серб. *аран* ‘арап’) – черная овца, *ране* (Вранье)¹¹⁰ – черный кот, *мура* (Првонек)¹¹¹ (ср. серб. *мургав* ‘смуглый’, *мурга* ‘осадок оливкового масла’, здесь снова отсылка к невянтному зеленому цветку) – серая овца, *мурта* (Спанчевац)¹¹², *мури* (Плячковица)¹¹³ – серый пес, *мурган* (Црвени-Град)¹¹⁴ – серый баран и др.

Наконец, интересующий нас материал с цветообозначениями можно разделить на три подгруппы:

1) в основе названия – славянский корень с различным суффиксальным оформлением. Наибольшее разнообразие представляет корень *бел-*:

-иц(а) // *ичк(а)*, *-ич* (для мужской особи). Суффикс *-иц(а)* в южнославянских языках, согласно исследованиям Т. И. Вендиной, может использоваться в совершенно разных функциях, наш материал соответствует его специализации в образовании названий самок животных¹¹⁵ с детализацией по признаку белого цвета. Данные суффиксы представлены практически в каждом из рассматриваемых диалектов, однако Г. П. Клепикова указывает, что подобное название свойственно только этой небольшой территории, а также Далмации¹¹⁶: *белица*¹¹⁷, *беличка*¹¹⁸, *белич*¹¹⁹. Следует обратить внимание, что побережье Далмации, а также юго-восток Сербии относятся к архаическим зонам Южной Славии и концентрируют архаические черты¹²⁰. Говорить об архаичности конкретного значения еще рано ввиду отсутствия достаточного количе-

ства доказательств, этот вопрос требует дальнейшего углубленного изучения.

-*ош(а), уш(а)/ушка, аш(а)*: *белош* (Мияковце)¹²¹, *белоша* (Струганица)¹²², *белошка* (Станце)¹²³, *белошко* (Мийаковце)¹²⁴ и по аналогии *белаша* (Честелин)¹²⁵ и *белуша* (Мали-Трновац)¹²⁶, *белушка* (Трговиште)¹²⁷, *белушица* (Црна-Трава)¹²⁸ с расширением для мужского рода *белушкас* (Островица)¹²⁹;

-*ан(а), он(а), ин(а), ун(а)*: *белана* (Ратайе-Крмоль)¹³⁰, *белуна* (Дреновац)¹³¹, а также с расширением основы *белдуна* (Льутеж)¹³²;

-*ка // ко ча // чо*: *белка* (Станце, Преображенье)¹³³, *белко* (Претина, Ораовица)¹³⁴, *белча* (Ратайе-Крмоль)¹³⁵, *белача* (Дреновац)¹³⁶, *белче* (Доне-Жапско, Плячковица)¹³⁷, *белъка* (Струганица)¹³⁸, возможно, через стадию *бејка*¹³⁹ получились *бека* (Моштаница)¹⁴⁰, *беке* (Вранье)¹⁴¹ и *беца* (Преображенье)¹⁴², *беце* (Првонек)¹⁴³, *бецка* (Ратайе-Крмоль)¹⁴⁴, *бечко* (Райинце)¹⁴⁵.

В эту группу также помещены клички животных, преимущественно собак, не совпадающие с названиями от вышеприведенных суффиксов: *Белов* (Власина)¹⁴⁶, *Бельа* (Буйковац)¹⁴⁷, *Белав*¹⁴⁸.

Остальные славянские корни представлены не настолько широко, встречаются уже упомянутые выше суффиксы, однако не в таком разнообразии.

Для *црн-* ('черный'): - *еш // ош*: *црнешка* (Честелин)¹⁴⁹, *црноша* (Струганица)¹⁵⁰; - *ка // ко ча // чо*: *црнко* (Ратайе-Крмоль)¹⁵¹, *црнча* (Ратайе-Крмоль)¹⁵², *црнче* (Наставце)¹⁵³, *црнојка* (Црна-Река)¹⁵⁴. Для *жут-* ('желтый'): - *ка // ко*: *жутајка* (Дубница, Каменица)¹⁵⁵, *жутко* (Барбарушинце)¹⁵⁶, *жутка* (Враньска-Баня, Трстена)¹⁵⁷, *жујка* (Вранье, Лепчинце)¹⁵⁸. Для *зел-* ('зеленый'): *зеленка* (Вртогош)¹⁵⁹, *зелька* (Трстена)¹⁶⁰, *зельоња*¹⁶¹. Для *плав-* ('голубой'): *плавка* (Обличка-Сена)¹⁶², *плаваша* (Обличка-Сена)¹⁶³, *плавуша*¹⁶⁴, *плавушанка* (Собина)¹⁶⁵, *плавча* (Ратайе)¹⁶⁶. Использование последнего корня, характерного для цветообозначения волосяного покрова человека, представляется интересным для исследования, поскольку свидетельствует об особом отношении к домашнему животному, получающему имя от специфически антропоцентрического термина¹⁶⁷. Термины от корня *рус-* в том же значении используются для обозначения козы и овцы: *руска* (Радовница, Вранье)¹⁶⁸, – однако лексема с тем же корнем, но для мужской особи – *руско* (Мияковце)¹⁶⁹ – означает животное рыжего цвета. Для корня *црвен-* ('красный') распространено образование *црвенка* (Барелич)¹⁷⁰. Для *руј-* ('красный') характерны номинации *рујка*¹⁷¹, *рујча*¹⁷². Для корня *риђ-* ('рыжий'): *риђоша* (Вранье)¹⁷³,

риђуша (Спанчевац)¹⁷⁴. Для *сив-* ('серый'): *сивоња* (Златокоп)¹⁷⁵, *сивча* (Дубница)¹⁷⁶, *сив'и*¹⁷⁷, *сивуља* (Дубница)¹⁷⁸, *сивас*¹⁷⁹. Для *голуб-*: *голу-баша* (Бойин-Дел)¹⁸⁰, *голупка* (Дони-Стайевац)¹⁸¹.

2) название заимствовано у соседних народов:

бардза (Мали-Трновац, Добреянце), *бардзе* (Добреянце), *бардзоша* (Треяк)¹⁸², *бадза* (Дреновац, Лучане)¹⁸³ – белая овца, коза, *бардзан* (Преображенье)¹⁸⁴ – белый козел (от *bardzā* (арум.) < *i/e bardhë* (алб.) 'белый'); *куђеша*¹⁸⁵ – рыжая корова, *куђоња*¹⁸⁶ – рыжий вол (от *i/e kuq/e* (алб.) 'красный'); *караца* (Вишевец)¹⁸⁷ – черный вол, *карацинка* (Честелин)¹⁸⁸ – черная коза, *караманче* (Топлац)¹⁸⁹ – черный пес, *карча* (Ратайе-Крмоль, Доне-Жапско)¹⁹⁰ – черный петух, пес (от *kara* (тур.) 'черный'); *сур*¹⁹¹, *суља* (Добреянце)¹⁹² – серая собака, *сура* (Собина, Доне-Жапско)¹⁹³ – серая курица, *сури-мури* (Вранье)¹⁹⁴ – серая кошка, *сурка* (Честелин, Клисурица, Каменица)¹⁹⁵ – серая овца (от *surli* (тур.) 'серый'); *ђувеза* (Клиновац)¹⁹⁶ – рыжая овца (от тур. *güvez* 'темно-красный') и др. Слова с этими корнями являются общими для балканских языков, образуя лексическую группу «балканизмов цвета»¹⁹⁷.

Отдельно стоит вопрос о номинации благородных животных и птиц. Для их наименования использовались заимствования из турецкого языка, т. е. языка, носители которого могли позволить себе содержать животных, голубей и коней не только для хозяйственных нужд, но для развлечения. Фридман предлагает рассматривать такую терминологию как техническое подмножество в общеразговорном стандартизированном языке: это различные виды голубей в балканских языках: *ak kuruk* 'белый хвост', *kara karuk* 'черный хвост', *beaz* (в тур. *beyaz*) '[абсолютно] белый', *sija* (в тур. *siyah*) '[абсолютно] черный'¹⁹⁸. Он также приводит в качестве примера турецкую терминологию для обозначения масти лошади в македонском языке: *abraš* 'лошадь с белыми яблоками', *dorija* (*doru*) 'гнедая лошадь', *alčo*, *alatest* 'рыжая лошадь'¹⁹⁹. Наш материал свидетельствует о наличии в южных диалектах сербского языка следующих наименований: для голубей: *текир* (Вранье)²⁰⁰ – светлый (от тур. *teke* 'текия' [?]), *бакарличе* (Вранье)²⁰¹ – рыжий (от тур. *bakir* 'медь')²⁰², *чакър* (Вранье)²⁰³ – светлый, серый голубь (тур. *çakır* 'светлый')²⁰⁴; для лошади: *алест* (Големо-Село)²⁰⁵, *алча* (Бабина-Поляна)²⁰⁶ – рыжий (от тур. *al at* 'красный конь'); *дорија* (Шайинце)²⁰⁷, *дорча*, *дорчас* (Собина)²⁰⁸ – рыжий (от тур. *doru at* 'конь коричневого цвета')²⁰⁹; *кулес* (Вишевец)²¹⁰, *кулча* (Шайинце, Радовница)²¹¹ – светлый конь (от тур. *külalast* 'конь серого цвета'²¹², *kula at* 'желто-рыжий конь'²¹³); *ђока* (Левосое)²¹⁴, *ђоз*,

ћогаиш, *ћогас*, *ћогаг*²¹⁵ – белый конь, светлый (от тур. *gök at* ‘светлый конь’)²¹⁶: *Иде ћока преко рамно поље / како дзвезда преко ведро небо* [Идет белый конь по ровному полю / как звезда по ясному небу] (нар. пес. Левосое)²¹⁷; *ћоке*, *демир ћока* – серый конь, черный. В этих же районах есть однокоренные слова для обозначения темных глаз и волос человека: *ћокалија* (Вранье) (*црномањаст човек* ‘брюнет, черноволосый, смуглый человек’)²¹⁸, *ћокалика* (*црнка* ‘брюнетка’): *Убава девојка*, *црни очи*, *црна коса*, *ћокалика* [Красивая девушка, черные глаза, черная коса, джокалика] (Мали Трновац)²¹⁹. Такое использование одного и того же термина в совершенно противоположных значениях в разных говорах сербского языка (*ћок* – черный, серый конь; *ћок*, *ћог* – белый, светлый конь) подчеркивает заимствованный характер лексемы. Кроме того, сложившуюся ситуацию можно объяснить и неоднозначностью самой исходной лексемы: в литературном языке тур. *gök* в первую очередь означает ‘небо’, а по диалектам слово может иметь значение ‘голубой’, ‘серый’ или ‘зеленый’ (с чем также связывают происхождение выражения ‘зеленый конь’²²⁰).

По аналогии с наименованием этих животных остальные также могут получать турецкое название: *алоша* – рыжая кобыла: *Наша алоша беше риђа, а грива и реп црни* [Наша алоша была рыжей, а грива и хвост черные] (Црна-Река)²²¹; *кулоша* (Вишевец)²²² – светлая коза; *ћока* (Велико-Буштранье), *ћоке* (Лопардинце) – черный пес: *Чуј овамо млади ми Радоњо, / зашто, сине, сву ноћ ћоке шетам* [Послушай, молодой мой Радино, / почему, дорогой, всю ночь брожу черным псом] (нар. пес.)²²³, *ћокица* (Клисурица)²²⁴ или *ћокуша* (Владовце)²²⁵ – белая овца с черным узором на шее или вокруг глаз, *ћоке* (Барбарушинце)²²⁶ – белый ягненок с черным узором на шее или вокруг глаз, а также в корне прилагательного: *Имашем ћокасту кобилу* [Была у нас темная корова] (Вранье)²²⁷.

3) название по ассоциации с цветом другого объекта: *боровинка* (Крива-Фея)²²⁸ – черная овца (ср. серб. *боровинка* ‘черника’), *арапка* (Спанчевац, Вранье)²²⁹ – черная ослица, голубка, (ср. серб. *арап* ‘арап’), *мишица*, *мишко* (Вранье)²³⁰ – серая кошка (ср. серб. *миш* ‘мышь’), *карамелка* (Вранье)²³¹ – желтая кошка (ср. серб. *карамел* ‘карамель’), *лимонка* (Вранье)²³² – желтая голубка (ср. серб. *лимон* ‘лимон’), *вранка* (Враньско-Поморавле)²³³ – черная овца (ср. серб. *врана* ‘ворона’), *враноша* (Бабина-Поляна)²³⁴ – черная кобыла, *врбушка* (Честелин)²³⁵ – светлая овца (ср. серб. *врба* ‘верба’), *гавранка* (Островица)²³⁶ – черная овца (ср. серб. *гавран* ‘ворон’), *ѓаров* (Каменица)²³⁷ – черный пес (ср. серб. *ѓара* ‘ржавчина’), *ѓарча*²³⁸ – черный баран, вепрь,

гаца (Мали-Грновац)²³⁹ – черный баран, *гароша*²⁴⁰ – черная коза, овца, *галья*²⁴¹, *гала*, *галка*²⁴² – животное черного цвета (ср. серб. *галић* ‘ворон’), *граорка* (Ристовац)²⁴³ – серая курица (ср. серб. *грах* ‘бобы’), *зајка* (Барбарушинце)²⁴⁴, *зајкоша* (Лепчинце)²⁴⁵ – серая коза (ср. серб. *зајак* ‘заяц’), *јеленча* (Вртогош)²⁴⁶ – животное рыжего цвета (ср. серб. *јелен* ‘олень’), *јеленка*²⁴⁷ – рыжая корова), *јеребичке* (Вртогош)²⁴⁸ – рябая курица (ср. серб. *јеребица* ‘куропатка’), *котле* (Големо-Село)²⁴⁹ – черная овца (ср. серб. *котао* ‘котел’), *меда* (Моштаница)²⁵⁰, *медоња* (Преображенье)²⁵¹ – овца с желтой шерстью вокруг глаз (ср. серб. *мед* ‘мед’), *медор* (Релян)²⁵² – пес каштанового цвета, *бажур*²⁵³ – рыжая корова (ср. серб. *божур* ‘цветок пион’), *чађа* (Мийаковце)²⁵⁴ – черная коза, черный теленок (ср. серб. *чађа* ‘копоть’), *цига* (Барбарушинце, Дреновац)²⁵⁵, *цика* (Стубал)²⁵⁶ – черная овца, собака (ср. серб. *Цига* ‘цыган’) и др.

Неясное происхождение имеют слова с корнем *брез-* (*брыз-*), они широко представлены в целом по Южной Славии и обозначают масти по различному сочетанию черной и белой шерсти. Одни ученые считают, что в основе номинации – название дерева (березы), другие в качестве исходного принимают бело-черный оттенок²⁵⁷: *бреска* (Костомлатица), *бреско* (Честелин, Станце), *бреза* (Црна-Трава), *брезе* (Дони-Стайевац, Барбарушинце)²⁵⁸ – овца, корова с шерстью различной комбинации черного и белого цвета.

Новые наименования, в том числе и образованные от турецких корней, возникают в говорах путем прибавления определенного суффикса, характерного для той или иной области. В качестве кличек чаще всего используются готовые наименования, которые уже выделяют животное на фоне остальных его вида.

Обращение к диалектному материалу дало представление о присутствии цвета в номинациях животных, которые в литературном языке не детализируются по данному признаку. Таким образом, подчеркивается значимость конкретного животного в хозяйстве или его опасность для ононого, как в случае с лисицей или волком. Исследование также помогло увидеть распространенность того или иного способа образования наименований животных в рассматриваемой группе диалектов. Кроме того, стало возможным проанализировать степень использования цветолексем наряду с другими средствами передачи цвета: цвет присутствует в номинации, если является единственным отличительным признаком, если же у животного имеется даже небольшой узор, то чаще всего именно его обозначение будет основой для однословного наименования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974. С. 33.
- 2 *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш, 1987.
- 3 Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд, 1932. Све-ска 1 и 2.
- 4 *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 52. Београд, 2005.
- 5 *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014.
- 6 Там же. С. 685.
- 7 Там же. С. 690.
- 8 *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. С. 151.
- 9 *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 51. Расправе и грађа. Београд, 2004. С. 89.
- 10 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 45.
- 11 Там же. С. 45.
- 12 Там же. С. 46.
- 13 Там же. С. 47.
- 14 Там же. С. 48.
- 15 Там же. С. 48.
- 16 Там же. С. 727.
- 17 Там же. С. 726.
- 18 Там же. С. 277.
- 19 Там же. С. 281.
- 20 Там же. С. 562.
- 21 Там же. С. 48.
- 22 Там же. С. 48.
- 23 Там же. С. 45.
- 24 Там же. С. 48.
- 25 Там же. С. 47.
- 26 Там же. С. 278.
- 27 Там же. С. 280.
- 28 Там же. С. 279.
- 29 Там же. С. 562.
- 30 Там же. С. 726.
- 31 Там же. С. 726.
- 32 Там же. С. 188.

- 33 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 182.
- 34 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 188.
- 35 Там же. С. 189.
- 36 Там же. С. 326.
- 37 Там же. С. 326.
- 38 *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује)... С. 238.
- 39 *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 51... С. 636.
- 40 *Златановић М.* Речник говора југа Србије ... С. 392.
- 41 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 222.
- 42 *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. С. 143.
- 43 *Динић Ј.* Речник тимочког говора (други додатак) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 36. Београд, 1990. С. 176.
- 44 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 380.
- 45 Там же. С. 219.
- 46 Там же. С. 219.
- 47 *Толстой Н. И.* Георгий, святой // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1 (А–Г). М., 1995. С. 497.
- 48 *Ivić М.* О zelenom konju // О zelenom konju. Novi lingvistički ogleđi. Beograd, 1995. S. 95.
- 49 *Попович Л.* Блеск как прототип цвета в языковой картине мира славян // Балканский спектр: от света к цвету. М., 2011. С. 30. Однако М. Ивич предполагает, что подобные выражения связаны не с блеском, а со вторым значением зеленого цвета ‘молодой’ и связанными с этим коннотациями молодости, доблести, храбрости (*Ivić М.* О zelenom konju... S. 98).
- 50 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 766.
- 51 *Цивьян Т. В.* Дискуссия после доклада Н. Г. Голант // Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года). М., 2013. С. 43.
- 52 *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 29.
- 53 *Седакова И. А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М., 2011. С. 192.
- 54 *Ivić М.* О zelenom konju... S. 91–93.
- 55 *Цивьян Т. В.* Дискуссия после доклада Н. Г. Голант... С. 43.
- 56 Там же. С. 43.
- 57 *Василевич А. П., Мищенко С. С.* Синий, синий, голубой... // Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2011. С. 47.

- 58 *Ivić M.* Plava boja kao lingvistički problem // O zelenom konju... S. 71.
- 59 *Василевич А. П., Мищенко С. С.* Синий, синий, голубой... // Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2011. С. 46.
- 60 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 259.
- 61 Там же. С. 348.
- 62 *Динић Ј.* Речник тимочког говора (други додатак)... С. 162.
- 63 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 173.
- 64 Там же. С. 719.
- 65 Там же. С. 371.
- 66 *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја... С. 273.
- 67 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 79.
- 68 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 483.
- 69 Там же. С. 48.
- 70 Там же. С. 717.
- 71 Там же. С. 370.
- 72 Там же. С. 181.
- 73 Там же. С. 215.
- 74 Там же. С. 785.
- 75 Там же. С. 223.
- 76 Там же. С. 223.
- 77 Там же. С. 319.
- 78 Там же. С. 320.
- 79 Там же. С. 475.
- 80 Там же. С. 409.
- 81 Там же. С. 442.
- 82 Там же. С. 734.
- 83 Там же. С. 734.
- 84 Там же. С. 734.
- 85 Там же. С. 48.
- 86 Там же. С. 47.
- 87 Там же. С. 727.
- 88 Там же. С. 727.
- 89 Там же. С. 717.
- 90 Там же. С. 717.
- 91 Там же. С. 717.
- 92 Там же. С. 764.
- 93 Там же. С. 765.
- 94 Там же. С. 766.
- 95 Там же. С. 765.
- 96 Там же. С. 765.

- 97 Там же. С. 766.
98 Там же. С. 708.
99 Там же. С. 709.
100 Там же. С. 333.
101 Там же. С. 341.
102 Там же. С. 628.
103 Там же. С. 54.
104 Там же. С. 54.
105 Там же. С. 76.
106 Там же. С. 76.
107 Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев и др. Т. 1. София, 1971. С. 113.
108 Там же. С. 562.
109 Там же. С. 562.
110 Там же. С. 562.
111 Там же. С. 392.
112 Там же. С. 393.
113 Там же. С. 393.
114 Там же. С. 392.
115 *Вендина Т. И.* Сходство и различие суффиксов *-ic(a)* и *-nic(a)* в славянских языках // ОЛА. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. С. 115.
116 *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология... С. 60.
117 *Динић Ј.* Речник тимочког говора... С. 23; Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска I. С. 39–40; *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 46.
118 *Динић Ј.* Речник тимочког говора... С. 23.
119 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 46.
120 *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
121 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 48.
122 Там же. С. 48.
123 Там же. С. 48.
124 Там же. С. 48.
125 Там же. С. 45.
126 Там же. С. 48; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 7; Речник косовског-метохиског дијалекта... Свеска I. С. 29.
127 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 48.
128 Там же. С. 48.
129 Там же. С. 48.

- 130 Там же. С. 45.
- 131 Там же. С. 48.
- 132 Там же. С. 46.
- 133 Там же. С. 47; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 7.
- 134 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 47.
- 135 Там же. С. 48.
- 136 Там же. С. 45.
- 137 Там же. С. 49.
- 138 Там же. С. 49.
- 139 *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология... С. 62.
- 140 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 45.
- 141 Там же. С. 45.
- 142 Там же. С. 51; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 7.
- 143 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 51.
- 144 Там же. С. 51; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 7.
- 145 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 51.
- 146 Там же. С. 47.
- 147 Там же. С. 49; *Динић Ј.* Речник тимочког говора... С. 24.
- 148 Там же. С. 22.
- 149 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 726.
- 150 Там же. С. 727.
- 151 Там же. С. 726.
- 152 Там же. С. 727.
- 153 Там же. С. 727.
- 154 Там же. С. 727.
- 155 Там же. С. 188; *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша... С. 398.
- 156 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 188.
- 157 Там же. С. 188; Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 182.
- 158 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 189.
- 159 Там же. С. 219.
- 160 Там же. С. 219.
- 161 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 208.
- 162 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 483; *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја... С. 273.
- 163 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 483.
- 164 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 79.
- 165 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 483.
- 166 Там же. С. 483.

- 167 *Ivić M.* Plava boja kao lingvistički problem // О zelenom konju... S. 42–43.
- 168 Там же. С. 581.
- 169 Там же. С. 581.
- 170 Там же. С. 723.
- 171 *Динић Ј.* Додатак речнику тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 38. Београд, 1992. С. 162.
- 172 Там же. С. 162.
- 173 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 572.
- 174 Там же. С. 572.
- 175 Там же. С. 600; Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 222.
- 176 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 601.
- 177 *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. С. 143.
- 178 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 222; *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 601.
- 179 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 2. С. 222.
- 180 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 114.
- 181 Там же. С. 114.
- 182 Там же. С. 39.
- 183 Там же. С. 42.
- 184 Там же. С. 39.
- 185 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 348.
- 186 Там же. С. 348.
- 187 Там же. С. 279.
- 188 Там же. С. 279.
- 189 Там же. С. 278.
- 190 Там же. С. 280; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. С. 65.
- 191 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 286; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 151.
- 192 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 642.
- 193 Там же. С. 643–644.
- 194 Там же. С. 644.
- 195 Там же. С. 644; *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 176; *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша... С. 636; *Динић Ј.* Додатак речнику тимочког говора... С. 176.
- 196 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 173.
- 197 *Бандиловска-Ралповска Е.* Турцизмите во лексичко-семантичката група со значење «боја» во македонскиот јазик // Балкански јазичен светоглед: зборник на трудови од Научниот собир одржан на 15–16 април 2009. Скопје, 2009. С. 89–96.

- 198 *Friedman V.* Balkanisms of color: black, and white and red all over // Балканский спектр: от света к цвету. М., 2011. С. 63–66.
- 199 *Јашер-Настева О.* Лексико-семантичкиот подсистем на бои во современото македонски јазика. Скопје, 1981. С. 59–75. Цит. по: *Friedman V.* Balkanisms of color... С. 63–66.
- 200 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 654.
- 201 Там же. С. 34.
- 202 *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќића. Београд, 2012. С. 64.
- 203 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 731.
- 204 *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: u 3 t. Zagreb, 1971. Т. 1. S. 289–290.
- 205 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 18.
- 206 Там же. С. 19.
- 207 Там же. С. 153.
- 208 Там же. С. 154.
- 209 *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: u 3 t. Zagreb, 1971. Т. 1. S. 426.
- 210 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 326.
- 211 Там же. С. 326.
- 212 *Skok P.* Etimologijski rječnik... 1972. Т. 2. S. 230.
- 213 *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору... С. 189.
- 214 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 173.
- 215 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 166.
- 206 *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору... С. 127–128.
- 217 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 173.
- 218 Там же. С. 173.
- 219 Там же. С. 173.
- 220 *Седакова И. А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М., 2011. С. 192.
- 221 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 19.
- 222 Там же. С. 326.
- 223 Там же. С. 172–173.
- 224 Там же. С. 173.
- 225 Там же. С. 173.
- 226 Там же. С. 173.
- 227 Там же. С. 173.

- 228 Там же. С. 60.
229 Там же. С. 24.
230 Там же. С. 380.
231 Там же. С. 278.
232 Там же. С. 344.
233 Там же. С. 89.
234 Там же. С. 89.
235 Там же. С. 90.
236 Там же. С. 98.
237 *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша... С. 366.
238 *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја... С. 51.
239 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 102.
240 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 94.
241 Там же. С. 93. *Живковић Н.* Речник Пиротског говора... С. 19.
242 Там же.
243 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 120; Речник ко-
совског-метохиског дијалекта. Свеска I. С. 109.
244 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 199.
245 Там же. С. 199.
246 Там же. С. 259.
247 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 259.
248 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 259.
249 Там же. С. 309.
250 Там же. С. 370.
251 Там же. С. 371.
252 Там же. С. 371.
253 Речник косовског-метохиског дијалекта. Свеска 1. С. 26.
254 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 730.
255 Там же. С. 721.
256 Там же. С. 721.
257 *Клепицова Г. П.* Славянская пастушеская терминология... С. 68.
258 *Златановић М.* Речник говора југа Србије... С. 64.

A. I. Chivarzina

Nominations of domestic animals in Southern Serbian dialects

The article provides an analysis of single-word nominations for domestic animals found in the southern Serbian dialects, based on the dictionaries of the region. Dialectal data show the presence of color elements in dialectal animal nominations, that differ them from standard Serbian, where they do not focus on this characteristic feature. They also demonstrate the prevalence of one or another way of word forming, the use of the color lexemes along with other means of color marking.

Keywords: *nominations of domestic animals, color terms, the «green horse», Balkan languages, Slavic archaic zones.*

А. В. Гура
(Москва)

Экспедиция в южное Подлясье

Проведенные полевые исследования продемонстрировали статус южного Подлясья как контактной зоны, в которой сходятся три этнокультурные традиции: подлясская, мазовецкая и люблинская. В масштабах всего славянства место народной культуры Подлясья, одной из древнейших территорий расселения славян, определяется ее связями и параллелями с другими славянскими, прежде всего архаическими, этнокультурными зонами. В одних случаях Подлясье выступает как маргинальный, окраинный ареал, а в других – как составная часть широких славянских соответствий, в том числе как передаточное звено, включаемое в так называемый западный восточнославянский пояс, ведущий (иногда от южных славян) на Русский Север. Важное значение имеют параллели, которые обнаруживаются в народной традиции Подлясья и в архаической карпатской зоне. Ключевые слова: *традиционная культура, архаика, центральные и маргинальные ареалы, ареальные соответствия, культурные параллели.*

21–30 мая 2017 г. сотрудники Института славяноведения РАН А. В. Гура и М. В. Ясинская занимались сбором полевого этнолингвистического материала в 16 селах на пограничье южного Подлясья и восточного Мазовша, главным образом в районе Лукова, Седльце и Гарволина (см. карту, п. 1–16). Предварительно был разработан и составлен вопросник на основе уже известных славянских параллелей к подлясской традиции из других славянских зон¹ и с учетом имеющихся вопросников: программы Полесского этнолингвистического атласа² и программы А. А. Плотниковой³, предназначенной для обследования балканского и карпатского регионов. За помощь в организации экспедиции и в подборе информантов мы признательны нашей коллеге из Университета им. М. Склодовской-Кюри в Люблине проф. Станиславе Небжеговской-Бартминьской, исследовательнице местного фольклора

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

из Регионального музея в Седльце и организатору смотров народных ансамблей Ванде Ксенжопольской, руководству Регионального музея в Лукове этнографам Мариушу Бурдаху и Лонгину Ковальчику, а также программисту Рафалу Залиньскому.

В культурно-языковом плане Подлясье представляет собой естественное продолжение Полесья – оба региона в целом можно воспринимать как континуум. Одновременно в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении Подлясье является еще и пограничной, контактной зоной, в которой сходятся и взаимодействуют белорусская, украинская и польская православная и католическая традиции. Архаический характер подляско-полесской зоны не нуждается в особой аргументации: по данным языка и археологии, это одна из древнейших праславянских территорий, и собранные здесь данные в сопоставлении с данными других славянских зон могут сыграть важную роль для их последующей этногенетической интерпретации. Место народной традиции Подлясья в славянском культурном пространстве в значительной степени определяется тем, с какими другими славянскими зонами она коррелирует. Среди различных соответствий, которые дает эта региональная традиция, особенно важны параллели с некоторыми другими архаическими славянскими традициями. При этом в одних случаях Подлясье выступает как маргинальный, окраинный ареал, а в других – как передаточное звено в цепи ареальных соответствий в общеславянском масштабе. Что касается общего состояния народной культуры обследованных южноподляских сел, то ее сохранность неравномерна. Так, обрядовая традиция в значительной мере жива до сих пор. Календарные обряды, кроме обрядов хозяйственного цикла, связанных с отошедшими в прошлое хозяйственными технологиями и инвентарем (вроде жатвы серпами, прядения, ткачества), представлены в достаточно полном объеме. В семейной обрядности продолжает свое бытование свадебная традиция, но вместе с отжившими имущественными отношениями стирается память о структуре приданого и названиях его основных частей, об обычаях и терминологии сватовства и всего периода сговора до собственно свадьбы. Наряду с этим можно наблюдать тенденцию к нивелированию локальных различий и унификации свадебного обряда: редукцию и забвение ряда отдельных локальных элементов обряда, активное проникновение в структуру обряда элементов общепольской традиции (например, распространение таких новых элементов обряда, как девичник и мальчишник в канун свадьбы, унификацию терминологии обручения и др.). О сохранности свадебного обряда дан-

ного региона можно судить хотя бы по отсутствию в обследованных селах Лив, Тухович, Старогруд и в соседнем с Черском селе Бжумин даже воспоминаний о свадебном хлебе *stulina*, *stuliny* (*stóliny*), *stólne* и связанном с ним ритуале *stuliny*, которые были засвидетельствованы в этнографической литературе XIX в.⁴ В отличие от обрядов многие явления народной духовной культуры, такие как традиционные поверья, представления о природе, народная астрономия и демонология, представлены достаточно скудно.

Сравнительный анализ собранного в настоящее время полевого материала и прежних записей 1990 и 1993 гг., сделанных автором (в том числе по программе Польского этнографического атласа) на более восточной, основной территории Подлясья – в соседних с брестским Полесьем районах быв. Белостокского воеводства (17–26⁵) и в приграничных с волинским Полесьем селах быв. Хелмского воеводства (27–29), позволяет указать ряд этноязыковых явлений, отражающих географические различия в традиционной культуре подлясского региона.

Лунные пятна в обследованных селах объясняются чаще всего как Твардовский, помещенный на Луну (1, 3, 5, 11, 29), в частности Люцифером (9), или сидящий на петухе, который отождествляется с дьяволом (*zły*) (13). При этом следует добавить, что многие информанты знают историю о пане Твардовском из школы. Второй вариант – Каин и Авель – отмечен только в восточных селах: *Kain i Abel* (9), *Кавэль и Авэль*, [один другого] *на вилóх трымае* (26), *Каин Авеля на вилы взял, Авэл и Габэл, Авэл и дябэл* (23), что согласуется с данными Польского этнографического атласа, фиксирующего распространение этого варианта на востоке Польши и в Малопольше⁶. На карте атласа отсутствует, однако, еще один вариант из районов, приграничных с Полесьем, – два брата: *brat brata na widły bierze, два браты, один другого на вілави чы на киеви трымае* (23), *brat brata przebił widłami* (27), *brat brata na widłach trzyma* (29).

Согласно поверьям, заплетают коням гриву в косички следующие персонажи: *zmora* (1, 2, 4, 6–9, 13, 16, 27–29), *zmara* (27), *mara* (3, 11, 12, 25, 27), *zły duch* (5, 29), *złyj, siła nieczysta, czort* (29), *djabel* (17, 29), *хохлик, кохлик* (26), а также зверек ласка (10, 21–25, реже – 26). В народных представлениях ласка имеет черты демонологического персонажа, которые сближают ее с дворовым духом, что имеет соответствия в ряде других славянских зон. У каждой коровы имеется своя ласка – *krowia laska* (7), иногда невидимая (10), нередко одной с ней масти (25, 29). Согласно поверьям, какой масти увиденная в хле-

ву ласка, такой масти и скотина будет вестись; нужно держать скотину одной масти с лаской (23, 26). «Ласовица любить каня» и плетет гриву того коня, «каторага она любить» (26). Она приносит счастье в дом (19). Ласку «трэба шанавати», «як то дамавая наша» (23), нельзя ее трогать (9, 28) и убивать (10). Убиение ласки грозит несчастьем (4), смертью в семье (11, 29), ущербом в хозяйстве (11) или мстью со стороны другой ласки, которая укусит корову в вымя, отчего оно опухнет и молоко сквасится (28). Представлений о других домашних духах в Подлясье нет. Встречается лишь поверье о домовом духе-обогатителе – черте, или злом духе, в виде летящего столпа огня, который бросает в дымоход золото своему хозяину (26).

Ареал распространения поверий о русалках затрагивает территорию Подлясья лишь самым краем. Тем интереснее представленные здесь, главным образом вблизи границы с Полесьем, те разнообразные маргинальные поверья о них, подчас контаминированные, в которых эти персонажи напоминают собой то сирен, то полудницу, то разных лесных, болотных и «житных» духов, то блуждающие огни и т. д.

В обследованных селах представления о русалке следующие:

Русалка опасна только накануне св. Яна. В этот день нельзя стелить полотно на лугу: «Русалка побэгае и дырочки [в полотне] поробит». Как она выглядит, не знают: «Така як собака ци як кот?» Говорили, что она в жите, и пугали ею ребенка: «Нэ йди в жыто, бо русалка выскочыць!» (18).

Rusalka высокая, в белом. Детей пугали русалкой в жите (27).

Rusafka появляется в жите, когда жито *rosuje* [цветет]. Она с распущенными волосами, в длинной юбке и с метлой или косой в руках. Детей пугали русалкой (*rusafka*, *русаўка*, *росаўка*) в жите: «*Wyskoci z żyta, zakosi cie*», «Не лезь в жыто, бо русафка!», «Не лезь, бо там русаўка!» На зиму она ищет себе пустое жильё и там сидит на печи (23).

По мнению одних информантов, *rosalka* выглядит как маленькая девочка в белом. По мнению других, *rusalka* – красивая женщина (*ładna kobietka*) в жите, на картинке она с распущенными волосами. *Rosalka* имеет длинные светлые волосы и появляется в жите летом, когда жито зацветет (*jak żyto runie*). Русалкой в жите пугают детей. Однако некоторые информанты считают, что в жите вовсе не *rosawka*, а *laskotka*, которая щекочет. Она появляется, когда в жите цветут васильки (29).

Русаўкой в жите пугают детей: «Не йдзецe, дзeци, ў жыта, там русаўка!» Ее представляют себе либо как существо «з длугими

валасами и з хвостом», которое «лапае дзяцей», либо как кузнечика: «Муси, козачка зялёна, коник». Наряду с русалкой существует представление о *лоймах* – голых заросших, «як малпа», диких женщинах с длинными распущенными волосами и большими грудями, которыми они душат мужчин. Обитают *лоймы* в лесу и в болотах, появляются только весной и летом по ночам и известны тем, что подменяют маленьких детей (26).

Кроме того, известны водяные *русаўки* (26, 29) или *сэрэны* (23), полудевы-полурыбы, которые поют в море (26), «файне, хорошэ поють» (23). В южном Подлясье поверье о русалках встретилось лишь раз, причем в совершенно необычном виде: *rusalki* – это мигающие огоньки (*światelka*), которые можно было видеть в саду, в поле, возле дороги, словно чьи-то глядящие глаза (*jakby oczy czyjeś patrzyły*) (11).

Различаются персонажи, которыми пугают ребенка, чтобы он не заглядывал в колодезь: нищий (*dziad, dziadek*) – 5, 11, 29; «утопленник» (*topielec, топэльнік*), который топит – 4, 7, 17, 29; дьявол – 11, 29; *залезна баба* – 18; Баба-яга или жаба – 23, 26; радуга, которая набирает воду из колодца и может утянуть в него – 26.

Согласно подляским представлениям, кукушка кукует до св. Яна, 24.VI (2, 4, 7, 11, 29), до св. Петра, 29.VI (16, 18, 20, 21, 23, 25–27), до колошения, созревания жита (6, 7, 13), до первых снопов на поле (9), до конца жатвы (5), до появления вылупившихся птенцов ястреба (12). После этого она обращается в ястреба или коршуна (4, 5, 10, 18, 20, 23, 25, 27, 29), в хищную птицу (26), в сову (17), в какую-то другую птицу (2, 7, 14). Аналогичное поверье о соловье встречается редко: на много голосов соловей поет «до Онуфрoго», 25.VI (18); «Соловей спивае, покиль ечмень не выплыне, вўсы не покажэ» (23). Хорошо известна в Подлясье примета о первом аисте, увиденном летящим или стоящим, но на обследованной в этом году территории отсутствуют представления об аисте как человеке, в отличие от восточных районов Подлясья, где аиста называют человеческими именами (20, 23, 25–29) и известна легенда о происхождении аиста из человека (18–20, 23, 25, 26, 29)⁷. В двух селах быв. Белостокского воеводства зафиксирован обычай печь на Благовещение хлебец *бoцянова лапа* (17) или *буслова лапа* (18) с изображением ноги аиста. Разгул волков связывают с днем Громничной Божьей Матери (Сретения Господня): в этот день (11) или две недели «миж Грамницами польскими и рускими» (26) волки рыщут и разбойничают; на Громничную они ходят «бандой», и в этот день и перед днем Всех святых («przed

Wszystkimi Świętami»), 1.XI, посвященным поминовению усопших, они наиболее опасны (29); на Громницы у волков свадьба (4, 23); известна поговорка «Lepiej zobaczyć w polu wilka, niż w Gromnicznej słońca chwilka» [Лучше увидеть в поле волка, чем в Громничную на мгновение солнце] (12). Сходные представления зафиксированы в быв. Жешовском и Познанском воеводствах⁸.

Членение территории, обследованной в ходе нынешней экспедиции, наглядно проявляется в распространении названий гостей, не приглашенных на свадьбу, посторонних. В западной части группируются названия *pitasy* (3, 7, 8, 12–14), *pitacy* (11) и *pitaśniki*, *pitaśniki* (8, 9), которые можно отнести к мазовецкому культурному ареалу, восточнее – *pasierby* (2, 4–7, 15), принадлежащие южноподляской традиции, а на юге отмечен термин *kościelniki* (16), связанный с люблинской традицией⁹.

В свадебном обряде обследованного региона представлены разные названия лица, сватающего невесту: *swat* как наиболее частотный термин (1–12, 14–16) характерен для более южных районов Подлясья, названия с корнем *raj-* (*rajek* – 1, 2, 5; *rajca* – 5) встречаются лишь в северной его части, а термин *dziwostłeb* (*dziwostłeb* – 5, 13, *dziwostłumb* – 9) фиксируется в основном в южном Мазовше и отчасти на севере люблинского региона¹⁰. Название *swatka* женщины, сватающей невесту, более характерно для северных районов южного Подлясья (1–3, 7, 12), а название *swachna* – для южных (5, 6, 16). При этом если всюду сватали чаще мужчины, чем женщины, а иногда и только мужчины (13, 14), то в люблинском селе Калень (16) сватовством занимались почти исключительно женщины. *Swat* и *swachna* (2, 4–6, 9, 15) были участниками собственно свадьбы; в Адамове (7) приглашали пару богатых гостей на роль *starosty* и *starościny*, а *swatami* и *swachnami* называли всех старших женатых участников свадьбы. В более северных районах Подлясья женатые и замужние участники свадьбы (*swat*, *swанька*) в совокупности называются *swatami* (23). Словесную формулу, произносимую сватом в начале переговоров, информанты уже помнят плохо. Лишь в нескольких случаях они говорили, что сват спрашивал родителей невесты, нет ли у них телушки (2) или коровы (7, 11) на продажу¹¹. Из названий сватовства известны *swaty* (1, 2, 4, 7, 11, 15, 16), *swatki* (3), *swatanie* (10), *zmówiny* (2, 4, 6), *obgadziny* (4)¹². Иногда перед сватовством отправлялись на предварительные переговоры: шли на *wywiad* (5), *swachna* шла на *ugode* (9). Затем устраивались *ogłedy*, *ogłędziny* – осмотр родителями невесты дома и имущества жениха (13). В конце сговора происходило обручение – *zaręczyny* (2, 5, 8–10, 15), *zarękowiny* (1), *zality* (4, 9), *zmówiny* (6, 11–15), *dziwostłomby* (7)¹³.

Из названий приданого в Подлясье известен целый ряд терминов, подчас синонимичных: *wiano* – 1, 4–9, 11–13, 16, *posag* – 1, 2, 4, 6–9, 11–13, 16, 23, *wyposażenie* – 5, 12, *wyprawa* – 4, 8, 11, 16, 23, *splata* – 12. Однако выявить, какие из них исконные для данной локальной традиции, а какие новые, довольно трудно. Еще труднее установить, какую часть имущества обозначало то или иное название. Ответы в этом случае информанты давали неуверенно и путано. В качестве обозначения всего приданого в целом могут использоваться названия *wiano* (5, 6, 8, 11, 12, 14; популярно в настоящее время – 16), *posag* (4, 9, 16; реже – 6, 8, 11; новое – 12), *wyprawa* (4, 6; реже – 11, 16) и, реже, *wyposażenie* (5, 12). Чаще всего приданое делилось на две части, что закреплялось терминологически: скот вместе с земельным наделом (*wiano* – 2, 4, 7, 13, *nocąg* – 23) и предметы домашнего обихода, включающие в себя постель (перину, подушки), тканые изделия, иногда одежду и посуду (*posag* – 2, 7, 13, *wiano* – 9, *wyprawa* – 23); в одном случае терминологически выделялись деньги (*splata* – 12).

Свадьба начинается днем венчания – в среду (9, 11, 15) или понедельник (2, 9), в воскресенье (1, 8, 11, 12), а теперь часто и в субботу (12, 15). В южном Подлясье она обычно продолжается полтора дня и имеет примерно одинаковую структуру: утром жених со своими родственниками и гостями приезжает за невестой, из ее дома молодые со свадебной процессией едут в церковь, а после венчания возвращаются вместе в дом невесты, где и происходит свадебный пир, который продолжается всю ночь и после до полудня следующего дня. В с. Старогруд (12) известна и так называемая свадьба на две стороны (*wesele na dwie strony*), когда у невесты устраивали свадьбу для своих родственников и знакомых, а у жениха – для своих. Сцена благословения молодых на брак в некоторых местах сопровождалась *przeprosiny* – просьбой молодых о прощении (9, без термина *przeprosiny* – 8). Этот обычай имеет карпатские, балканские и севернорусские соответствия.

Ритуал перемены невесте головного убора (*ocepiny*) происходил на свадьбе в доме невесты в полночь, реже – на следующий день. В Войцешкове (6) при этом невесту сажали на дежу, чтобы у нее рождались и росли дети, как растет хлебное тесто в деже. Специальный свадебный хлеб на обследованной территории южного Подлясья представлен слабо. Главным образом это хлеб, которым встречают молодых после венчания. Наименование его было названо лишь однажды: *kolacz weselny* (7). В Ливе не могли вспомнить его названия (1), хотя имеются сведения о наличии именно там в прошлом свадебного хлеба *stólne*. В Хромине пекли круглый хлеб с дыркой

на листе хрена (11); в Старогруде на хлебе сверху делали ложкой «дорожки» (12). Этим хлебом встречали молодых после венчания, а потом его подавали на стол, где каждый гость отламывал от него по кусочку и передавал соседу (11, 12). В с. Калень маленький круглый хлеб резали и угощали каждого гостя (16). В Уляне сват привозил круглый хлеб, украшенный зеленью, когда ехал с молодым в дом невесты (15). На остальной территории Подлясья и восточной Польши известен свадебный *korowaj*¹⁴. Это круглый хлеб, украшенный миртом (26), с фигурками птичек (*huski*), сердца и воткнутыми в него веточками (27), с фигурками птичек (*качки*) и шишек и розой (*ружа*) в центре (23), с фигурками шишек и сердечком в центре (29). Свадебное деревце как самостоятельный атрибут отсутствует на основной территории Подлясья¹⁵. Как и в западном Полесье, оно встречается в основном в сочетании со свадебным хлебом: в виде венка из барвинка на каравае (29), венка из мирта, папоротника и аспарагуса на каравае (23), венка из аспарагуса, которым обложен каравай (26), венка из мирта, которым обложен круглый свадебный хлеб (15); в виде воткнутых в каравай разноцветных цветов и веточек рябины с ягодами или облепленных тестом вишневых веточек (27), облепленных тестом веточек, называемых *churąże*, *chorąże* (29). Последнее название (ед. ч. *chorąża*) связано со свадебным знаменем (ср. его западнополесские названия волын. *корогва*, брест. *хоронга* и пол. *chorągiewka*), которое как самостоятельный ритуальный предмет, по нашим данным, в Подлясье не встречается.

Общее название свадебного дружки в обследованных районах южного Подлясья – *družba*. Лишь однажды здесь наряду с ним встретился термин *družbant* (5), характерный для северного Подлясья (он отмечен, в частности, в Тополянах – 23) и известный на территории Белоруссии.

Перед брачной ночью молодой пели: «Nie puść ty, Kasiuniu, Staśka pod pierzyno, / Oj, niechaj ci wyklący przy łóżku godzino» [Не пускай ты, Касенька, Стася под перину, / Ой, пусть он отстоит перед тобой час на коленях] (9). Ср. севернорусский обычай, согласно которому жених заставлял невесту стоять перед ним и проситься пустить в постель¹⁶. Половой акт в первую брачную ночь считался обязательным: иначе, согласно поверью, не будут вестись свиньи (2). Ср. сходное, хотя и обратное, влияние половых отношений новобрачных в брачную ночь на плодовитость скота в других славянских традициях: запрет на супружеские отношения в эту ночь у словаков района Тренчина объясняли тем, что иначе не будут вестись поросята, а на Русском Севере – тем, что иначе не будут вестись овцы¹⁷.

По поверью, дождь во время свадьбы предвещает плохую жизнь, называемую идиомами *oplakane życie* [плачевная жизнь] (2, 4, 7, 9–11, 13, 27, 29), реже *zaplakane życie* [заплаканная жизнь] (3, 14) или *plaksiwe życie* [слезливая жизнь] (29); дождь сулит также печальную жизнь (12), слезы (16), плач в замужестве (6), неудачу (5, 15, 29) и несчастье (1). Реже эта примета толкуется позитивно: хорошо, это небо плачет за молодого (16); мелкий дождь, в отличие от сильного, – к деньгам (9). И в одном случае дождь во время свадьбы означал, что молодые, должно быть, «прыгárки ели», т. е. любили в детстве есть пригоревшие остатки пищи из горшков (23). Ребенку, любившему выскрести пригоревшую пищу, говорили, что у него «буде дож падаў на васэлле» (23), что он не женится, у него не будет удачи и счастья (13), что у дочки будет сопливый (29) или лысый муж (12). Последнее предсказание – результат контаминации с другим поверьем: если девочка любит облизывать пестик (15, 29) или скалку (7), ей достанется лысый муж.

Для свадебного обряда Подлясья характерен ряд общих черт, в частности почти полное отсутствие свадебного дерева и свадебного знамени как самостоятельных ритуальных предметов, типичная для польской традиции в целом последовательность поездок свадебных процессий в день свадьбы (приезд молодого за невестой, совместная поездка молодых в церковь и возвращение их после венчания в дом невесты, где и происходит свадебный пир). Проведенные полевые исследования показали статус южного Подлясья как контактной зоны, в которой сходятся три этнокультурные традиции: подлясская, мазовецкая и люблинская. К специфическим особенностям последней, представленной селом Калень (16), можно отнести особые названия посторонних на свадьбе, осуществление сватовства свахой-женщиной, позитивное толкование дождя во время свадьбы. Основная, северная часть Подлясья отличается от маргинальной по отношению к ней южной части, обследованной в ходе нынешней экспедиции, наличием термина *družbant*, названиями свата *rajek, rajca* и свахи – *swatka* (в отличие от *swachna*). Культурная традиция восточных приграничных районов Подлясья особенно близка родственной полесской. Этноконфессиональное взаимодействие проявляется в этой контактной зоне, например, в сочетании католических и православных календарных дат в одном поверье (см. выше поверье о разгуле волков «миж Грамницами польскими и рускими») или в осмыслении разного направления обхода вокруг аналоя или алтаря у католиков и православных во время венчания – по солнцу или против солнца¹⁸ и некоторых других различий.

В общеславянском масштабе Подлясье представляет собой пограничье; его народная культура соседствует не только с культур-

ной традицией Полесья, но и шире – с восточнославянской. Для некоторых явлений Подлясье является западной периферией, которая демонстрирует маргинальные, порой архаичные формы культуры, не сохранившиеся в центральных районах. Так, восточнославянское происхождение имеют в Подлясье представления о русалках и термин *korowaj* как название свадебного хлеба. В качестве временной границы кукования кукушки в Подлясье выступают Петров день и Иванов день, при этом первый вариант присущ восточнославянской традиции, а второй – западнославянской. Отмеченное в Подлясье поверье о плетении конской гривы лаской известно в Полесье и в некоторых районах Белоруссии и Украины, а поверье о плетении гривы «зморой» или «марой» можно считать чисто польским, поскольку имеет распространение в Польше и за пределами Подлясья¹⁹.

В народной традиции Подлясья отмечаются параллели к явлениям, встречающимся в некоторых других архаических славянских зонах, в частности в карпатской. Иногда такие соответствия обнаруживаются в Подлясье в качестве слабых отголосков. Таковы, например, представления о мифологических персонажах «планетниках» (*planetniki*), которые рождаются в грозовой день с громом и молнией, ведают тучами и могут находиться в тучах, или о «стриге» (*strzyga*), происходящей «из человека» (29). Ср. также свадебный ритуал *rosa* у словаков верхней Нитры, когда все гости на улице поочередно танцуют с невестой в новом головном уборе²⁰, и сходные подлясские обычаи: танец босой невесты после перемены ей головного убора под песню «*Za stodołum ranna rosa, / pani młoda tańczy bosą*» [За овином ранняя роса, молодая танцует босой] (9) и ритуал *o rosie* – сбор денег для кухарки после перемены невесте головного убора, сопровождаемый песней «*Oj, o rosie, o rosie, prosí kuchareczka po grosie*» [Ой, о росе, о росе, просит кухарочка по грошу] (12).

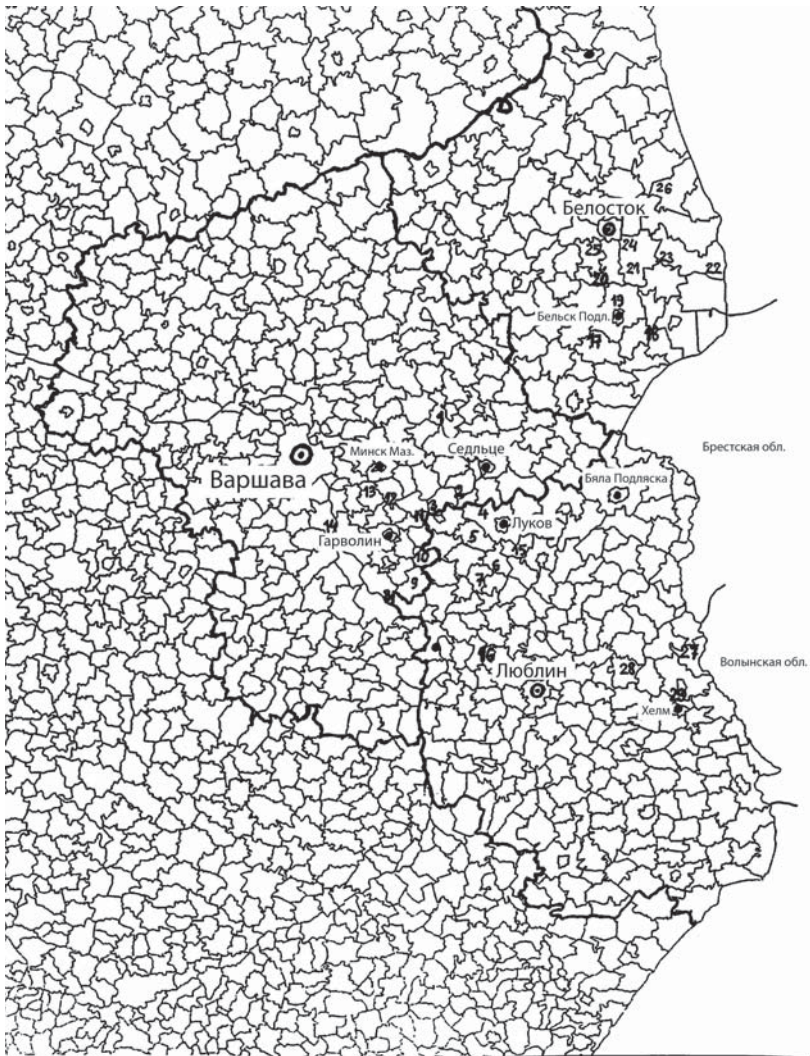
В других случаях Подлясье выступает как своего рода передаточное звено, включаемое в так называемый западный восточнославянский пояс, ведущий (иногда от южных славян) на Русский Север. Таково географическое распространение представлений о ласке как покровительнице скота, охватывающее некоторые балканские регионы, карпатскую зону, Подлясье, Полесье и север России²¹, а также ритуал благословения молодых как прощения вины или отпущения грехов, объединяющий подлясскую традицию (*przeprosiny*) с балканославянской, спишской, карпатоукраинской и севернорусской²².

Об архаическом характере народной культуры Подлясья, несмотря на явные признаки ее разрушения, могут свидетельствовать ре-

ликти дохристианского обряда бракосочетания, частично уже утраченные: следы обряда «посада» на Холмщине, сажание невесты на дежу в седлецком Подлясье, танец свахи с невестой вокруг дежи как места посада после перемены молодой головного убора и роль хлеба в ритуальном изменении статуса невесты на пограничье южного Подлясья и Мазовша²³.

Карта. Обследованные села в Подлясье

- 1 – Лив, Мазовецкое (быв. Седлецкое²⁴) воев., Венгровский пов., гмина Лив
- 2 – Тшцинец, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Седлецкий пов., гмина Скужец
- 3 – Жебрачка, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Седлецкий пов., гмина Водыне
- 4 – Грензувка, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Луков
- 5 – Тухович, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Станин
- 6 – Войцешков, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Войцешков
- 7 – Адамов, Люблинское (быв. Седлецкое) воев., Луковский пов., гмина Адамов
- 8 – Врубле – Варгоцин, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Мацеёвице
- 9 – Воля Коруцка Гурна, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Троянов
- 10 – Ломница, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Желехов
- 11 – Хромин, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Гарволинский пов., гмина Борове
- 12 – Старогруд, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Минский пов., гмина Сенница
- 13 – Рудзенко, Мазовецкое (быв. Седлецкое) воев., Отвоцкий пов., гмина Колбель
- 14 – Бжумин, Мазовецкое (быв. Варшавское) воев., Пясечинский пов., гмина Гура Кальвария
- 15 – Улян, Люблинское (быв. Бельскоподляское) воев., Радзынский пов., гмина Улян-Майорат

16 – Калень, Люблинское (быв. Люблинское) воев., Пулавский пов., гмина Маркушов

17 – Дзединне, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Бельский пов., гмина Боцьки

18 – Стары Корнин, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Хайновский пов., гмина Дубиче Церквене

19 – Проневиче, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Бельский пов., гмина Бельск-Подляский

- 20 – Черевки, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Юхновец
- 21 – Козьлики, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Заблудов
- 22 – Бахуры, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Михалово
- 23 – Тополяны, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Михалово
- 24 – Зверки, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Заблудов
- 25 – Нецки, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Белостоцкий пов., гмина Турось Косцельна
- 26 – Вежхлесе, Подляское (быв. Белостоцкое) воев., Сокульский пов., гмина Судзялово
- 27 – Осова, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Влодавский пов., гмина Ханьск
- 28 – Велькополе, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Влодавский пов., гмина Уршулин
- 29 – Окшув, Люблинское (быв. Хелмское) воев., Хелмский пов., гмина Хелм

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вопросник включает вопросы о лунных пятнах, домовом (дворовом) покровителе, русалках и подобных ей персонажах, мифологическом персонаже «стриге», о времени кукования кукушки, об обычае или мотиве ловли и печения воробьев, а также ряд вопросов по свадебному обряду.
- 2 Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–49.
- 3 *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.
- 4 См.: *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 439, 452–453.
- 5 Здесь и далее цифры в скобках соответствуют нумерации населенных пунктов на карте.
- 6 *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*. Т. 6: *Wiedza i wierzenia ludowe* / *A. Lebeda*. Wrocław; Cieszyn, 2004. S. 57
- 7 *Ibid.* S. 256.
- 8 *Ibid.* S. 233.
- 9 См.: *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 201.

10 Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 8: Zwyczaje i obrzędy weselne. Cz. 1: Od zalotów do ślubu cywilnego / A. Drożdż, A. Pieńczak. Wrocław; Cieszyn, 2002. S. 44, 48; Cz. 2: Rola i znaczenie swata w kojarzeniu małżeństw / A. Pieńczak. Wrocław; Cieszyn, 2007. S. 75, 79, 86, mapy 7, 8, 11, 12.

11 Об этих формулах и их географии см.: Komentarze... T. 8. Cz. 1. S. 80–89.

12 Ibid. S. 30, 32.

13 Komentarze... T. 8. Cz. 2. Mapy 20, 21.

14 См.: Komentarze... T. 8. Cz. 1. S. 313–324.

15 Ibid. S. 342–343.

16 Гура А. В. Брак и свадьба... С. 519.

17 Там же. С. 523, 524.

18 Там же. С. 565.

19 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 224–226

20 Гура А. В. Брак и свадьба... С. 694.

21 Гура А. В. Символика животных... С. 224–225.

22 Гура А. В. Брак и свадьба... С. 445, 453, 780.

23 Там же. С. 441, 450, 452–453.

24 Указано новое и в скобках старое воеводство согласно более подробному территориальному делению 1975–1998 гг.

A. V. Gura

A field trip to Southern Podlachia

The field trip discovered Southern Podlachia as a contact area, where three ethnocultural traditions meet: Podlachian, Masovian, and Lublin. Within the Slavdom as a whole, the place of Masovia, one of the oldest Slavic populated territories, is defined by its connections and parallel development with other Slavic, first of all archaic ethnocultural zones. Podlachia shows features of both a marginal, peripheral area, and a place where a variety of broad Slavic phenomena are attested, as a transmitting zone of the so-called Western part of East Slavic, that irradiates (sometimes from the South Slavic territory) to Russian North. Of importance are the parallels found in the folk traditions of Podlachia and in archaic Carpathian area.

Keywords: *traditional culture, archaism, central and marginal areas, areal parallelism, cultural parallelism.*

К. В. Осипова
(Екатеринбург)

Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект

Статья посвящена изучению комплекса диалектной лексики, фольклора и обрядов, раскрывающих особенности употребления пива на Русском Севере. Пиво на этой территории было основным праздничным и ритуальным напитком: его варили к важным событиям семейной жизни и годового цикла. Угощение пивом на празднике считалось неотъемлемой частью трапезы, поэтому, если позволяли средства, крестьяне старались варить пива как можно больше. Объем варки обычно зависел от состоятельности хозяина и масштабов торжества, но никогда не был меньше двух-трех ведер, а порой достигал 20–30 ведер. Наряду с покупкой вина, курением (т. е. перегонкой) водки варка пива считалась обязательной составляющей подготовки к большому празднику: *Пиво варено, вино куплено, сладкой водочки принагонено* (волог.)¹; *Без пива и праздник не праздник* (арх. пин.)².

Именно особая ритуальная роль отличала пиво от других напитков, которые готовили и пили крестьяне в XIX–XX вв., – например, от кваса и браги. Квас употреблялся скорее как повседневный нехмельной напиток, тогда как брага считалась более простым алкогольным заменителем пива (ее нередко готовили на пивных выжимках с добавлением сахара и в обрядах ею заменяли отсутствовавшие пиво или вино). Брага как алкогольный напиток ценилась, несомненно, ниже пива, ср. присловье *Пей пиво, не брагу; и люби девку, не бабу* (арх.)³. Пиво требовало длительной и сложной варки и было довольно дорогостоящим, поскольку зерно, необходимое для приготовления, не всегда имелось у крестьян в достатке.

Пивоварение на Русском Севере не раз становилось предметом этнографических исследований (см. работы А. А. Желтова, Т. А. Ворониной, Т. Б. Андреевой⁴), которые показали его специфичность по сравнению с традициями приготовления пива в других регионах России, в частности в соседних среднерусских областях. Этнограф А. А. Желтов пишет: «К области традиционного пивоварения можно

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17–18–01351).

отнести только северные и отчасти центральные районы России, тогда как к югу от Оки и на западных окраинах оно было неизвестно»⁵; «Домашнее пиво варили здесь повсеместно, и, возможно, это единственный регион, где эта традиция сохраняется до сих пор»⁶. На Русском Севере пивоварение было распространено вплоть до последнего времени и стало утрачиваться лишь с развалом колхозов, когда прервалась традиция коллективной варки пива к крупным сельскохозяйственным праздникам. Тем не менее навыки домашнего пивоварения сохраняются здесь до сих пор, так же как и связанные с пивоварением лексика, фольклор и культурные практики. Устойчивость традиции пивоварения на Русском Севере определила и культурное значение пива (см. исследования о символической роли пива Т. Б. Андреевой, Д. А. Баранова, Т. А. Ворониной, статью «Пиво» М. М. Валенцовой и О. В. Беловой из словаря «Славянские древности»⁷). Кажется целесообразным рассмотреть эту тему через призму диалектного языкового материала, его семантико-мотивационных особенностей. Это позволит увидеть в том числе преломление культурной символики пива в языковых фактах. Поскольку лексика, связанная с приготовлением пива, уже была проанализирована нами в статье «Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект»⁸, в данном исследовании обратимся прежде всего к культурно-языковым фактам, имеющим отношение к практике употребления пива, его роли в застолье и традиции коллективной варки и питья пива.

Лексический и этнографический материал, связанный с темой пивоварения и употребления пива, довольно полно собран Топонимической экспедицией Уральского федерального университета. Именно данные Словаря говоров Русского Севера и картотек Топонимической экспедиции составили весомую часть материала статьи. Они были дополнены материалами словарей по территории Русского Севера, а также сведениями из этнографических источников и исследований. Изучаемая территория Русского Севера включает Архангельскую и Вологодской области, а также северо-восток Костромской (северная часть Шарьинского района, Вохомский, Октябрьский и Павинский районы, ранее относившиеся к Вологодской области). В статью включен диалектный материал, раскрывающий роль пива в застолье, традиции коллективной варки пива, а также особенности употребления пива в календарные праздники (однако практически не затронуты функции пива в семейной обрядности, поскольку они заслуживают отдельного внимания).

Роль пива в застолье. Праздничная трапеза на Русском Севере начиналась с того, что хозяин выносил гостям пиво. Для этого пиво заранее разливали по большим деревянным емкостям (*лагун*, им. пад. ед. ч.) объемом до 10 ведер, которые затыкались деревянным штырем, вытаскиваемым при сливе пива. В лагуне пиво стояло около суток; в это время говорили: *знакомится лагун с пивом* (костром.: вохом.)⁹. Пиво, которое подавали на стол, наливали в деревянный или медный ковш с ручкой и носиком объемом от полутора литров до ведра: *братина, братынь, братыня* (арх., волог.: шир. распр.)¹⁰, *ендовá* (арх.: шир. распр., волог.: баб.)¹¹, *чаруша* (костром.: пав.)¹². Из братины пили, передавая ее по кругу, обычно начиная с хозяина¹³. Именно пиво, а позднее и другой алкоголь играли роль объединяющего начала в застолье, а ритуал его варки и употребления поддерживал ценности дружбы, родства и братства¹⁴. В то же время такая дружба носила временный характер: *При пиве, при бражке все дружки, а при горе, при бедности нет никого* (арх.)¹⁵, а питье неправильно приготовленного пива могло привести к ссоре, ср. поверье: «Пинать нельзя головешек, когда варят пиво. Иначе обязательно будут пировать этим пивом, могут разодрались» (волог.: ник.)¹⁶. Вообще, несмотря на большое количество пива, которое готовилось к празднику, излишнее его употребление не поощрялось: *Просят пива – не напиться, а дают – не залиться* (арх.)¹⁷.

Во время больших праздников выносить пиво к столу и разливать его поручали одному человеку, которого называли *пивонós* (волог.: к-г., костром.: вохом.)¹⁸, *наливник*: *Есть ли у вас у ворот приворотники, у дверей придверники, у стола пристольники, у пива наливники, у печи стряпки?* (арх.: шенк., волог.: бел.)¹⁹. Для этой должности старались выбрать малопьющего, порядочного односельчанина, «чтоб всяк в подвал не ходил, а уж этот знает, где чего и наливать» (костром.: вохом.)²⁰.

Неотъемлемой частью трапезы, за которой подавалось пиво, были благопожелания и беседа: *Пиво пьют – поговаривают, огород городят – поколачивают* (арх.)²¹. Хозяйева подносили гостям пиво в благодарность за высказанные пожелания: *А за эту за припевочку / По братыне пива пьяного* (волог.)²². В ответ за преподнесенное пиво гости желали хозяину, сварившему пиво, здоровья, прибыли и достатка: *Я как пива наварю / Да гостей как заберу, / Гости станут они пить да станут кушати / И станут они да меня здравствовати* (арх.)²³, *Небогатому да тароватому, / Кто пиво варит, нас, молодец, поит, / Мает бог на поле приплод, / На*

гумне примолот, / В квашне спорину, / На столе сдвижину (арх.)²⁴. В Вельском уезде Вологодской губернии за здоровье пили первый «круг» братины. Сперва за здоровье всех присутствующих выпивал хозяин, а затем, по мере движения братины, каждый из гостей: «Хозяин выносит пиво в братыне, дает ближайшему из гостей. Тот по обычаю отстраняет рукой братыню и просит сначала выпить самого хозяина, говоря: “Нет уж, сам наперво, на добродоровье!” Хозяин кладет крест и, кланяясь гостям, произносит: “Добра и здоровья всем крещеным!” Гости отвечают: “Кушай-ко на здоровье!” Тогда хозяин, подув слегка в братыню, отпивает из нее. Затем уже братыня идет кругом стола по гостям. Принимая братыню от соседа, каждый встает и, перекрестившись и пожелав здоровья хозяину, пьет из нее, потом хвалит по обычаю пиво и передает дальше. Братыня снова возвращается к хозяину, и после того пьют уже без пожеланий здоровья»²⁵.

В праздники «пиво пьют без различия пола и возраста» (арх. пин.)²⁶, тем не менее мужчинам предназначалось более крепкое, «забористое» пиво, а «женским» считалось пиво сладкое, недобродившее: «Если без хмеля делали, так это назывался дрожженик. Это для молодых девушѣк, для женщин» (волог.: шенк.)²⁷. Крепкое пиво на Русском Севере называли *мужское пиво* (арх.)²⁸, более слабое – *женское пиво* (арх.: холм.)²⁹, *бабье пиво* (арх., волог.: бел.): «В бабьем пиве всего несколько градусов, а у бабы глаза на лоб» (бел.)³⁰. Помимо гендерного различия во вкусовых пристрастиях названия слабого недобродившего пива отразили его низкие вкусовые качества.

Качество пива, преподнесенного гостям, говорило об отношении к ним хозяев. Угощение крепким, густым напитком было знаком почтения или уважения к гостю, если же хозяин подавал пиво второго слива или с большим количеством осадка, это воспринималось как оскорбление: «Второй сорт-то жидель называется. Кому-то жиделя принесёшь – осердится» (арх.: вель.)³¹, *На свадьбе был, а заднюю пил* (арх.)³². Пивом второго и третьего слива поили «нежелательных», а также незваных гостей: «Пришли гости дурные – не будешь им пива настоящего, им друганчика» (арх.: вин.)³³, «Третьяком сычей³⁴ поили»; «Сычам последнее пиво доставалось, нечистое уже, другз-от» (костром.: пав.)³⁵. Народная этимология шуточно сближает название пива второго слива *другодан* и сущ. *друг*, призывая отдавать пиво второго слива *другу*: «Другодан надо другу отдать, а самому надо перво вкусно пиво пить» (волог.: нюкс.)³⁶.

Пиво с осадком, которое сливалось в последнюю очередь, выступало как символическое обозначение конца застолья. Когда выносили пивной осадок (*друз*), гости понимали, что пора уходить, ср. *друз подать (подавать)* ‘намекать на необходимость закончить трапезу (уйти из гостей)’: «Уж друг подали, пиво кончилось, пора нам расходиться»; «Друг подали – пора и честь знать. Его никто не подаёт – а так, сами понимают» (костром.: окт., пав.)³⁷. Жидкое, разбавленное водой пиво, которое получали, заливая пивную гущу водой во второй раз, также намекало на завершение обеда: «Пора уже идти, уже хозяева предупреждают, подают другодан, значит, все хорошие кушанья уже на исходе» (к-г.)³⁸, «Он тонким меня потчевал, а толстое-то уж всё выпито» (арх.: шенк.) , ср. *тонкое пиво* ‘жидкое пиво’³⁹. Отрицательные коннотации, обусловленные низкими вкусовыми качествами пива с осадком и его символическим использованием как разгонного блюда, обусловили развитие негативной эротической семантики, ср. *друзга вывезти* – о мужчине, «которого женщина не может удовлетворить в постели»: «Легли спать парень с девкой, мужик с бабой, а он ей не хочет. Ну, скажёт, сухару вытащил, друзга вывез» (костром.: окт.)⁴⁰. Аналогичное по внутренней форме выражение употреблялось в свадебном обряде. Если вкусное, крепкое пиво, подаваемое на смотринах, означало начало подготовки к свадьбе, то некачественный напиток или пивной осадок (арх., волог. *гуща*⁴¹) символизировали отказ жениху при сватовстве, ср. *гущи налить (наливать)*, *гущу повез* (арх.: мез., волог.: вашк.): «Отказали – значит, гущи налили. Бывало, гущу наливали» (арх.: мез.)⁴², *гущи налить в сапоги*: «Невеста скажет: “Не иду”, пойдут жених да сват, скажут: “Гущу налили в сапоги”» (арх.: мез.)⁴³.

Коллективная варка пива. На Русском Севере была распространена традиция совместной варки и питья пива в большие праздники – *братчина*. В приготовлении пива непременно участвовала вся деревня, а на само празднество приходили жители соседних деревень, что отличало братчины от рядовых «посиделок» или семейных застолий: «Братчина – все до одного тут, вся деревня, вот братчиной и зовется. А если вечерок, так не вся деревня, родные, свои, знакомые, других-то соседей не брали – на братчине-то все до одного» (костром.: вохом.)⁴⁴. Варка пива в большом объеме регулировалась государством: например, законом 1893 г. «были определены события, к которым в сельской местности разрешалось варить пиво “в котлах” – “для храмовых и местных сельских праздников, для свадеб и для так называемых помочей во время полевых работ”»⁴⁵, что

обеспечивало законность коллективных братчин. Варка пива *братчиной* была для крестьянина выгодна, поскольку помогала сэкономить время и средства: «Одному хозяину варя пива тяжела, дорога и хлопотлива, а братчиной всякому в могуту; для того и братчина» (арх.: лен.)⁴⁶. Крестьяне совместно складывались на пиво (собирали солод, хмель и прочие его компоненты), которое варили общиной в больших чанах: «Варили братчину, на все складывались, так много пива-то варили, в большой кадце» (костром.: вохом.)⁴⁷, а затем делили по числу участников.

Существовали различные варианты совместного питья пива. На Вологодчине в праздники было принято ходить в гости по ближним деревням и приходам артелями: поздравив хозяина избы, выпивали преподнесенное пиво и шли в другую избу⁴⁸. Пили пиво друг у друга только по взаимному приглашению: «А Изосим и Савватий – пивной праздник, дак до недели ходили друг к другу по взаимному приглашению – от дяди к матери» (волог.: бел.)⁴⁹. В Костромской обл. коллективно сваренное пиво сначала пили в одном конце деревни, приглашая туда соседей, затем в другом – это называлось *перепивать друг у друга* (вохом.). Иногда крестьяне варили пиво не совместно, а по очереди, приглашая к себе односельчан: «Не только на братчину, но и себе такие пива варили. Ходят *перепиваются*. Сёдня пиво у меня, три дня варим, через месяц у тебя» (пав.)⁵⁰. Здесь же существовала традиция пить *кочеражное* (диал. от *корчага*, *корчажный*) – выпивать два-три ведра пива всей древней сообща, до того как его разделят между жителями, дававшими солод для варки пива⁵¹.

Для всей северной территории *перепивание* можно считать главным организующим принципом пивоварения и питья пива: «В праздник радушно все перегащивают между собой, и первое увеселение при этом – пиво» (арх.: пин.). Очередность, с которой варили и пили пиво друг у друга, упорядочивала социальные и семейные отношения. Социальные – если речь шла о поочередном приготовлении пива к календарному празднику, семейные – например, в свадебной обрядности. Так, практически на всех этапах свадьбы гости поочередно пили пиво у родителей жениха и невесты. Обычай взаимного гощения родни жениха и невесты в Костромской области назывался *перепивки* (*перепитье*, *перепой*) (вохом., окт., пав.): «На перепивки едут – какое пиво осталось, едут допивать, в дом, где невеста»; «У жениха попьют, потом к невесте на перепой ездили»⁵². Распространенное в Вологодской губернии *пропивание невесты* (тог., кадн.) заключалось в том, что жених угощал пивом всю родню

невесты, которая приезжала к нему в дом: встречая гостей на улице, жених подавал каждому стакан пива, а гость, возвращая стакан, подкладывал под него полотенце. В дальнейшем гостей принимала родня невесты⁵³. Подобный обмен визитами, составлявший суть *пропивания* невесты, символизировал начало знакомства и породнения сторон, представления будущих супругов крестьянской общине. В Костромской области обычай *перепиваться* 'по очереди ездить друг к другу пить пиво' (вохом., пав.) был распространен и среди рекрутов: «Перед тем как в армию идти, и не все те, кто в армию пошли, а и их ровесники тут катались, и перепивались – сегодня у тебя, завтра у другого, перепитиё, послезавтра у третьего, сколь некрутов есть» (вохом.)⁵⁴. Таким образом новобранец прощался со всей родней и односельчанами.

Пиво в календарном цикле. Пиво готовили к Масленице, Пасхе, двенадцатым и престольным праздникам. Продолжительность празднований в это время достигала недели. В Вологодском уезде к празднику пиво готовил каждый хозяин, причем несколько *увар-ушатов*, позднее стали варить меньше, около двух-трех ведер⁵⁵. В основном варка пива приходилась на осенний период, когда созревало зерно и крестьяне освобождались от полевых работ: *Осенью и воробей пиво варит в молотильной кашнице*⁵⁶. Реже пиво готовили к праздникам весенне-летнего цикла (Масленица, Первое мая, Петров день и Иванов день), поскольку в это время запасы зерна практически подходили к концу, а кроме того, мешала трудовая загруженность крестьян. Церковный причт приглашали на угощение именно в те дома, где было сварено пиво (арх.: вельск.)⁵⁷.

Устойчивой была традиция готовить пиво ко дню святого пророка Илии (20 июля/2 августа, *ильинщина*), Михаила Архангела (8/21 ноября, *михайловщина*) и Николая Чудотворца (6/19 декабря, *никольщина*)⁵⁸, а также датам, связанным с днями поминовения: к Троице, Духову дню, дню св. Димитрия Солунского (26 октября/8 ноября) и др. С днем Димитрия Солунского практически совпал самый популярный праздник советской деревни – *Октябрьские*, сопровождавшийся обязательной варкой пива. Большинство братчин советского периода устраивались осенью и были приурочены именно к годовщине Октябрьской революции, 25 октября/7 ноября: «Братчины – варили осенью, делали солод, варили пива – в Октябрьские»; «На братчину все в одной избе собирались, пиво варили, а мы ряжеными были, но это революционный праздник» (волог.: нюкс.)⁵⁹.

Престольные праздники, в которые варили пиво, назывались *пивными*: *пивной день* (арх.: котл.), *пивной праздник* (арх.: пин., волог.: кад., хар., череп.)⁶⁰. К таким дням относились *Офонасьев день* (18/31 января, волог.: у-куб.), *Троицын день* (Троица, волог.: в-уст.)⁶¹, *Преображеньев день* (6/19 августа, волог.: вельск.)⁶², *Богородицын день* (8/21 сентября, арх.: котл.), *Сергов день* (25 сентября/8 октября, волог.), *Пивной Егорий* (26 ноября/9 декабря, волог.: кад.)⁶³ и др. В некоторых регионах празднество, где организующим центром служило приготовление и питье пива, носило название *пиво* или *пивá* (арх.)⁶⁴, ср. о (на, у) *пивáх* 'на празднике, на котором пьют домашнее пиво' (костром.: вохом., пав.), *по пивáм ходить* 'ходить на праздники, на которых варят пиво' (костром.: пав.)⁶⁵. В Вологодской области различались *пирущие* и *гулящие* (*непирущие*) праздники: к первым обязательно готовилось пиво или другая выпивка, а на *гулящие* только «гуляли». Вероятно, под *пирущими* праздниками раньше подразумевались законодательно определенные «пивные» братчины: согласно государственному установлению, «частным лицам разрешалось варить пиво до четырех раз в год к церковным и семейным праздникам»⁶⁶.

Традиция коллективной варки пива к церковным датам на Русском Севере закрепилась в слове *кану́н*: «Дни те, называемые богомольные дни, празднуются особо в каждом селении всею общиною, в одном из домов по очереди, или в уступаемом кем-либо добровольно. Там складывают приносимые участниками съестные припасы, а также варят складчиною пиво (в некоторых местностях освящаемое священником), от чего и само празднество называется *пива*, а пиво – *канун*, *канунное пиво*. Говорят: севодня пива в ихней деревне, там канун. Празднество богомолья начинается обыкновенно богослужением в церкви, а затем следуют угощение с попойкой и разные игры»⁶⁷. Название *канун*, *кану́нное пиво* записано в Архангельской, Вологодской и Костромской областях в значении 'сладковатый немхмельной напиток: молодое пиво, сусло, которые освящались в церкви и подавались к столу в праздничные дни': «У нас сегоду два кануна варили» (арх.: карг.), *канун*, *канон* 'подслащенное медом пиво, которое ставилось во время всенощной к иконе Николая Чудотворца' (костром.), *приносить канун*, *прийти с каноном* 'обычай крестьян приносить пиво в церковь и оставлять его в пользу причта' (волог.: ник.), *канун варить*, *канун справлять* (волог.: в-уст.)⁶⁸.

Диалектное слово *канун* 'подслащенное пиво' связано с христианским термином *канон*. И *канун*, и *канон* восходят к греч. *κανών*

‘прямая палка, правило, линейка’. Заимствованное через письменные источники слово *канон* стало обозначать ‘церковное установление, правило, церковный гимн’, тогда как форма *канун*, характерная для устной речи, прижилась в русском языке в значении ‘канун, день перед праздником’⁶⁹. На Русском Севере, в особенности в Архангельской области, темпоральная семантика ‘день перед праздником’ трансформировалась в ‘местный праздник’ (вин.), ‘обед перед престольным праздником’ (в-т.), и далее – ‘вечеринка, во время которой, как правило, пили пиво’ (вин., пин.): «Мужики справляли раньше канун, пива наварят, пьют» (волог.: в-уст.)⁷⁰, *кануны* ‘праздник по поводу окончания сенокоса’ (вин.)⁷¹. Таким образом, значение из сферы православия ‘день накануне праздника, когда велась церковная служба’ сместилось хронологически на один день вперед и закрепилось в виде ‘местный праздник, праздник вообще’. Обычай готовить ритуальный напиток (*канун*) в преддверии важных церковных дат соединился здесь с традицией пивных братчин, т. е. совместного приготовления большого количества пива и кушаний к крупным праздникам. Так, в Великоустюгском районе Вологодской области *кануном* называли весенний или осенний праздник, сопровождавшийся молебном и угощением в складчину: *Канун Николе Вешному* ‘День святителя Николая Чудотворца 9/22 мая’, а также мясное кушанье, которое приготавливалось сообща крестьянской общиной в некоторые летние праздники⁷².

Проникнув в русские говоры из сферы христианской терминологии, слово *канун* на среднерусской и севернорусской территории закрепилось за поминальным обрядом, ср., например, *канун* ‘день поминаения умерших, родительская суббота’ (волог.: в-уст.), ‘поминки’ (арх.: котл.), ‘первая годовщина со дня чьей-либо смерти’ (арх.: холм.)⁷³. Обрядовая функция *кануна* повлияла на специфику «пищевой» семантики, появившейся позднее: слово *канун* стало обозначать напиток, который пьют при поминании. Поскольку в христианской традиции обрядовые напитки были сладкими на вкус, под *кануном* стали подразумевать сладкий ритуальный напиток. Так, в южных говорах (например, калужских, курских, орловских) *кануном* назывались мед, сыта или кутья – сладкие напитки и блюда, используемые преимущественно в поминальном обряде. Особенности севернорусской традиции состояла в том, что здесь в качестве ритуального напитка к церковным праздникам и дням поминаения было принято пить сладковатое (молодое) пиво, а затем и просто пиво, которые и получили название *канун*, ср. *канунное пиво* (мед)

‘пиво, мед, которые подаются в праздник, на поминках и т. п.’ (арх.), *кану́нщик* ‘человек, варивший пиво для празднования всей крестьянской общиной’ (арх.: карг.)⁷⁴. Выбор пива в качестве ритуального напитка, очевидно, был предопределен его популярностью на Русском Севере, где пиво варили практически ко всем семейным, сельскохозяйственным и церковным празднествам.

Если *канун* в значении ‘местный праздник’ получил распространение преимущественно в Архангельской области, то в Вологодской области существовал обычай устраивать *пивной молебен*, когда празднование в честь святого сопровождалось молебнами и пивоварением, ср. также *мольба́, мольбы́*⁷⁵: «Афанасьев день в первое воскресенье после Пасхи был, пивной молебен устраивали, пиво пили. Животных между икон водили» (волог.: сокол.)⁷⁶. Пиво, приготовленное ко дню того или иного святого, которое носило название *молебное пиво* (волог.: кадн.)⁷⁷, изначально выполняло роль жертвенного напитка. Варка пива в эти дни всегда сопровождалась молебнами, а вырученные от продажи пива деньги жертвовались на церковные нужды. В приготовлении *молебного* пива участвовали все крестьяне, обязательно внося (жертвуй) свою долю или деньгами, или зерном (о жертвенном характере коллективных трапез *мольба* и *братчина*, устраиваемых целой общиной, писал еще Д. К. Зеленин⁷⁸).

На жертвенный характер пивных молебнов указывает архаическая семантика глаг. *молить*, от которого образованы названия пивных празднований: согласно версии Вяч. Вс. Иванова, первичным значением глагола *молить* было ‘просить, умолять приношением жертвы’⁷⁹. По наблюдениям А. В. Петкевич, развивающей идеи Вяч. Вс. Иванова на русском диалектном материале, глаг. *молить* и его дериваты в говорах «используются для описания ситуации сложного обряда, в котором произнесение определенных текстов сопутствует принесению жертвы»⁸⁰; «Молят, если не считать мяса моленной скотины, пищу и напитки из молока (молоко, молочная каша) и продукты, являющиеся эквивалентами хлеба (хлебные изделия с особыми названиями, образованными от корня **modl-*, и пиво)»⁸¹. Очевидно, что *пивные молебны* в Вологодской области сохранились как память о древних празднествах, сопровождаемых жертвоприношениями: неслучайно, согласно приведенному выше контексту, в *пивные молебны* «животных между икон водили»⁸². Большинство братчин и *пивных молебнов* приходилось на осенний (реже – весенний) период, когда был собран урожай (или в преддверии нового земледельческого года) и требовалось отблагодарить святого-покровителя.

Таким образом, отличительной чертой севернорусского пивоварения было приготовление пива в складчину, сопровождаемое совместной трапезой. Коллективные пивные празднества (например, *братчина, пивá, пивной день, пивной праздник*) обычно приурочивались к завершению сельскохозяйственных работ. Пивные празднества *канун* и *мольба*, как и *никольщина, ильинщина, михайлощина*, названия которых связаны с агнионимами, демонстрируют сочетание архаической обрядности (пивных возлияний) и христианских ритуалов почитания того или иного святого.

Подобно хлебу как культурному знаку, количество символических функций которого отличает его от других продуктов, пиво по сравнению с иными напитками (квасом, водой, молоком и пр.) характеризуется особой ритуализацией процесса употребления: например, особо оговаривается, кто подает пиво, начинает пить первым, каким образом участники застолья передают пиво и пр. Для питья пива важны категории угощения и ответного благодарения: за трапезой гости никогда не наливали пиво самостоятельно, его подавал хозяин или специально определенный человек, а в ответ гости желали хозяину здоровья и достатка (как символ благополучия и плодородия пиво подавали при встрече молодоженов на свадьбе). Пиво объединяет гостей за трапезой, семью и социальную группу: на застолье его пили из одной братины, передавая по кругу; приготовление пива к крупным датам предполагало его коллективную варку и угощение пивом не только односельчан, но и жителей других деревень и приходо́в; на свадьбе пивом поили всех родственников, в том числе молодоженов, включая их в круг семьи.

Для питья пива важно понятие очередности. Очередность, с которой крестьяне варили и пили пиво друг у друга, упорядочивала социальные отношения; очередность угощения пивом во время застолья выстраивала иерархию гостей, а порядок подачи пива на свадьбе символизировал семейную иерархию. Специфичной для Русского Севера была традиция *перепиваться*, т. е. поочередно ездить на пиво друг к другу: *перепивались* на крупные церковные праздники, пируя друг у друга; *перепивались* на свадьбе, навещая родственников жениха и невесты; *перепивались* рекруты перед уходом на службу.

Пиво выполняло коммуникативную функцию в ритуалах встречи и проводов: им встречали гостей (или, например, молодоженов на свадьбе), им выпроваживали засидевшихся гостей. Разными функциями наделялось крепкое пиво, а также жидкое, некачественное или молодое, сладковатое. Качество подаваемого пива выражало от-

ношение хозяев к гостю: крепкое пиво первого слива подавалось почетным гостям и хозяину, некачественное пиво – незваным гостям или выносилось как знак завершения трапезы. Сладковатое пиво использовалось в поминальных обрядах.

СОКРАЩЕНИЯ

арх. – архангельское

баб. – Бабаевский район Вологодской области

бел. – Белозерский район Вологодской области

вашк. – Вашкинский район Вологодской области

вельск. – Вельский район Архангельской области

вин. – Виноградовский район Архангельской области

волог. – вологодское

вологод. – Вологодский район Вологодской области

вохом. – Вохомский район Костромской области

в-т. – Верхнетоемский район Архангельской области

в-уст. – Великоустюгский район Вологодской области

кад. – Кадуйский район Вологодской области

кадн. – Кадниковский уезд Вологодской губернии

карг. – Каргопольский район Архангельской области

к-г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области

костром. – костромское

котл. – Котласский район Архангельской области

мез. – Мезенский район Архангельской области

нерехт. – Нерехтский район Костромской области

ник. – Никольский район Вологодской области

нюкс. – Нюксенский район Вологодской области

окт. – Октябрьский район Костромской области

пав. – Павинский район Костромской области

пин. – Пинежский район Архангельской области

сокол. – Сокольский район Вологодской области

тот. – Тотемский район Вологодской области

у-куб. – Усть-Кубинский район Вологодской области

хар. – Харовский район Вологодской области

холм. – Холмогорский район Архангельской области

череп. – Череповецкий район Вологодской области

шенк. – Шенкурский район Архангельской области

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Словарь русских народных говоров. СПб, 1997. Вып. 31. С. 304.
- 2 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. С. 70.
- 3 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878. С. 247.
- 4 *Андреева Т. Б.* Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2006; *Воронина Т. А.* Пивоварение и связанные с ним традиции праздничного застолья в Вологодской губернии в конце XIX века (по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева) // Важский край: источниковедение, история, культура. Вельск, 2002. С. 68–83; *Желтов А. А.* Некоторые особенности традиционной пищи населения Присухонья и Поважья // Традиционное русское застолье: сборник статей / Сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М., 2008. С. 216–236.
- 5 *Желтов А. А.* Некоторые особенности традиционной пищи. ... С. 230.
- 6 *Андреева Т. Б.* Домашнее пивоварение на Русском Севере в конце XX века (по итогам экспедиций в Архангельскую область) // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. М., 2001. С. 73.
- 7 *Андреева Т. Б.* Пиво в обрядах и обычаях севернорусских крестьян в XIX в. // Этнографическое обозрение. № 1. 2004. С. 77–88; *Баранов Д. А.* Символика и ритуальные функции пива // Живая старина. 1996. № 3. С. 15–17; *Валенцова М. М., Белова О. В.* Пиво // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 44–47; *Воронина Т. А.* Пивоварение и связанные с ним традиции...
- 8 *Осипова К. В.* Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология (в печати).
- 9 Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург). Далее – ЛКТЭ.
- 10 Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Т. 1. С. 180.
- 11 Архангельский областной словарь. М., 2010. Вып. 13. С. 117; Словарь вологодских говоров. Вологда, 2007. Вып. Ц–Я. С. 134.

- 12 ЛКТЭ.
- 13 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. С. 73.
- 14 Подробнее роль пива в коллективной трапезе и такие ее наименования, как *братчина*, *складчина*, *слевки*, *литки*, рассмотрены в: *Осипова К. В.* Коллективные трапезы как воплощение ценностей крестьянского общежития (на материале диалектной лексики Русского Севера) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2015. С. 187–202.
- 15 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 2. С. 248.
- 16 Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург). Далее – КСГРС.
- 17 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 2. С. 248.
- 18 ЛКТЭ; Словарь вологодских говоров. Вологда, 1997. Вып. Палка–По-рядному. С. 57.
- 19 Словарь русских народных говоров. Л., 1985. Вып. 20. С. 15.
- 20 ЛКТЭ.
- 21 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 2. С. 247.
- 22 Словарь русских народных говоров. Вып. 31. С. 339.
- 23 Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9. С. 256.
- 24 Словарь русских народных говоров. Вып. 31. С. 297.
- 25 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 5. Ч. 1. С. 73.
- 26 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 1. С. 70.
- 27 КСГРС.
- 28 Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18. С. 335.
- 29 Словарь русских народных говоров. СПб., 1992. Вып. 27. С. 18.
- 30 Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1. С. 78; Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Т. 1. С. 34.
- 31 Архангельский областной словарь. М., 2012. Вып. 14. С. 69.
- 32 *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 49.
- 33 Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2005. Т. 3. С. 275.
- 34 *Сыч* 'незванный гость на свадьбе' (костром.: пав.) – ЛКТЭ.
- 35 ЛКТЭ.
- 36 Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2005. Т. 3. С. 275.
- 37 ЛКТЭ.
- 38 КСГРС.
- 39 Словарь русских народных говоров. СПб., 2011. Вып. 44. С. 231.

- 40 ЛКТЭ.
- 41 Архангельский областной словарь. Вып. 10. С. 165–166; Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983. Вып. А–Г. С. 137.
- 42 Архангельский областной словарь. Вып. 10. С. 166; *Островский Е. Б.* Ритуалы свадьбы Вашкинского района Вологодской области // Живая старина. 1995. № 4. С. 52.
- 43 Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. С. 172.
- 44 ЛКТЭ.
- 45 *Андреева Т. Б.* Традиции сельского пивоварения... С.10.
- 46 Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3. С. 163.
- 47 ЛКТЭ.
- 48 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб., 2009. С. 199.
- 49 *Атрошенко О. В., Кривошанова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Реззович. М., 2014. С. 183–184.
- 50 ЛКТЭ.
- 51 Там же.
- 52 Там же.
- 53 *Андреева Т. Б.* Пиво в обрядах и обычаях... С. 79.
- 54 ЛКТЭ.
- 55 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 5. Ч. 1. С. 310.
- 56 *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии... Ч. 2. С. 251.
- 57 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 5. Ч. 1. С. 67.
- 58 *Андреева Т. Б.* Традиции сельского пивоварения... С. 15.
- 59 Словарь говоров Русского Севера. Т. 1. С. 180.
- 60 КСГРС; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 7. Ч. 2. С. 563.
- 61 КСГРС.
- 62 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 5. Ч. 1. С. 73.
- 63 КСГРС.
- 64 *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия... С. 8; Словарь русских народных говоров. Вып. 27. С. 18–19.
- 65 ЛКТЭ.
- 66 *Терновская О. А., Толстой Н. И.* Братчина // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 256.
- 67 *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия... С. 8, 121.

- 68 Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13. С. 45.
- 69 Об истории слов *канун* и *канон* см. подробнее в: Аникин А., Корнилова И., Младенова О. и др. Из истории русских слов: Словарь-пособие. М., 1993. С. 85–86.
- 70 Словарь русских народных говоров. Вып. 13. С. 46.
- 71 Словарь говоров Русского Севера. Т. 5. С. 58.
- 72 Словарь русских народных говоров. Вып. 13. С. 46, 45.
- 73 Там же. С. 46.
- 74 Там же.
- 75 Словарь русских народных говоров. Вып. 18. С. 249.
- 76 КСГРС; Словарь вологодских говоров. Вологда, 1989. Вып. Кропуча–Монашина. С. 92.
- 77 Словарь русских народных говоров. Вып. 18. С. 216.
- 78 Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / отв. ред. К. В. Чистов. М., 1991. С. 382–383.
- 79 Цит. по: Петкевич А. В. Жертвоприношение и ритуальная речь (на материале дериватов **modl-* в русском языке) // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2007. Вып. 6. С. 65.
- 80 Там же. С. 67.
- 81 Там же. С. 77.
- 82 КСГРС; Словарь вологодских говоров. Вып. Кропуча–Монашина. С. 92.

К. В. Осипова

Traditions of drinking beer in the Russian North: an ethnolinguistic aspect

The article discusses the tradition of drinking beer in the Russian North, its role in the feast and the rituals of collective brewing and drinking beer (*братчина*, *канун*, *мольба*, *пивá*). The problems are revealed on the dialect material with the use of folklore data, beliefs and rituals. The ideas of hospitality, thanksgiving, order and friendship are important for the drinking of beer. Beer had communicative function in rituals of meeting and seeing-off.

Keywords: *ethnolinguistics, dialect, Russian North, beer, feasts, semantics, folklore, ritual.*

В. С. Кучко
(Екатеринбург)

Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект

Статья посвящена лексике и фразеологии любовной измены и написана на материале русских народных говоров. Отмечается специфика восприятия измены в любви в традиционной культуре. Предлагается мотивационная интерпретация метафорических обозначений измены.

Ключевые слова: *измена в любви, традиционная культура, диалектная лексика, диалектная фразеология, этнолингвистика.*

В традиционной культуре любовная измена воспринимается как особая, значимая ситуация и для участников «любовного треугольника», и для остальных членов микросоциума. В русских народных говорах фиксируется большое число лексем, описывающих ситуацию измены в любви, а кроме того, номинируются участники ситуации измены (ср., например, яросл. *мыкалья* ‘непостоянная в любви женщина’¹, курск., том. *изменённый* ‘обманутый в любви’²) и отмечается смена состояний «жертвы» измены – от подозрений в измене до положения обманутого супруга (ср., например, пенз. *складывать кого-л. с кем-л.* ‘подозревать в измене (жену, мужа)’³, новг. *получить блин* ‘узнать об измене любимого человека’⁴, омск. *выйти за общего мужика* ‘быть женой неверного мужа’⁵).

Кроме супружеской измены внимание традиционного общества привлекают добрачные любовные отношения. Интересно «содержание» измены в любви до брака. Контексты, сопровождающие соответствующие номинации, дают представление о действиях, расцениваемых традиционным социумом как измена, ср. некоторые примеры: пск. *рыжик* ‘тот, кому изменили в любви’: «Это вот когда парень ходил с девушкой, на следующий вечер если она пришла и пошла с другим с вечера, его тогда зовут рыжиком»⁶; новг. *прокатить на вересине кого* ‘изменить, нарушить верность’: «Прокатила тебя милашка на вересине, вчера цельный вечер с Вовкой Смирновым тан-

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17–18–01351).

цевала, говорят, и провожаться пошли вместе»⁷; новг. *получить блин* ‘пережить измену’: «Ну что, милый, получил блин? Нюшка вчера с другим провожалась»⁸; влг. *труба тебе* ‘об измене в любви’: «Если парень гулеет с девкой, а если на беседе позовёт другую, так той девке и говорят: “Тебе труба сегодня”»⁹ и мн. др. Так, актом измены при наличии любовных отношений юноши и девушки, о которых известно в их окружении, признаются танцы с другим партнером или партнершей, проводы другой девушки домой (или со стороны девушки согласие на то, чтоб ее провожал другой), интенсивное общение на беседе (деревенских посиделках) с другим (другой).

Случай добрачной измены в традиционном социуме касается не только двух лиц, связанных любовными отношениями. Окружающие становятся не просто свидетелями, но участниками ситуации, заявляющими о факте измены во всеуслышание. Лицо, потерпевшее любовную неудачу, может подвергаться общественному осмеянию и испытывать стыд, ср. наблюдения, основанные на этнографических записях в Вологодской губернии: «Измена делала данного индивида неполноценным и понижала его статус, для восстановления которого была необходима специальная процедура <...>. Так, в д. Филиппово считалось, что “одиночку” нужно “перекрестить” – облить водой или обсыпать снегом. “Она была крещоная, а, видишь, парень изменил, дак снова наа перекрестить”»; «Если кто-либо из долго гулявшей парочки неожиданно выходил замуж или женился, то оставшийся в одиночестве партнер становился предметом постоянного подшучивания»¹⁰. Об этом свидетельствуют и контексты, в которых запечатлелись реакции социума и смущение пострадавшей стороны: «Вот парень ходил с одной девкой, а потом с другой стал. Первую и дразнят: “Он тебе лапти сделал”» (новг.)¹¹; «“Изменил тебе Семка, бороду сделал”, – говорю. А она скраснелась вся» (новг.)¹²; «Ах ты, Петенька, Петруша, да никак ты ошалел, при народе (разрядка наша. – В. К.) сделал бороду, меня не пожалел» (новг.)¹³; «И если я парня, с которым гуляла, не возьму, то на его все – “Ситный, ситный”, и зашикают» (новг.)¹⁴; «“Труба Нине, труба! Ванюшка да с Фаиной там ли, с Аней ли, вот труба!” Изменил он, а этой девке, конечно, совестно, вот он ей изменил, с другой погулял» (влг.)¹⁵.

Особенно заметным становится акт измены, когда он происходит на виду у окружающих – на молодежных посиделках, во время молодежных игр, направленных на регуляцию межполовых отношений. Проиллюстрируем это на примере одной из «изменоопасных» игр, распространенной, в частности, на вологодской территории, –

столбушка, ко столбу ходить, столбушку заводить (гасить) и под. (в этих названиях отражается место ее проведения – у вертикальной балки в избе), иначе – *горюн, горюна водить*, игра (*в горе, горя, гори*)¹⁶ (последние варианты, по мнению И. А. Морозова и И. С. Слепцовой, связаны с мотивами горения и огня, которые символизируют любовь и брак, ср. слова, произносимые участником игры: «Я горю, горю, горю / На калиновом мосту, / Кто меня полюбит, / Тот и выкупит»; «Я сижую, горю, пылаю / На калиновом мосту...» и под.)¹⁷). Суть игры состоит в том, чтобы во время молодежных посиделок парень и девушка, договорившись друг с другом, могли уединиться или в отдельной комнате, или в отгороженном углу, или же у вертикальной балки в избе (уединение, конечно, было весьма условным). По окончании беседы кто-то из пары звал для своего визави другого парня или девушку, которого(-ую) тот «заказал». Новичок сначала проводил какое-то время с выбравшим его, а затем просил позвать ему кого-то, кто ему симпатичен, и т. д., ср.: «Горе – это на беседе. Собирались в хате, песни поют, пляшут. Вот заводят горе. Или парень пошёл, или кто ли. Закажет: вот, мне парня или девчонку позови. Которые гуляют <т. е. находятся в любовных отношениях>, так могут просидеть долго. Парень выходит, так она может следующего заказать»¹⁸.

Уход *в горе* с другим парнем или девушкой, таким образом, квалифицируется окружающими как измена, известие о которой провозглашается (часто нарочито шумно) прямо на беседе, ср. влг. *труба* ‘слово, которое кричат тому, кому изменили в «горе»’: «Вот, например, девка-то гуляла с парнем, а она стала с другим сидеть, дак вот это кричали: “Труба!” – “Кому?” – “Ванютке” – “От кого?” – “От Саньки”. Да засвищут в горях-то, закричат. Трубу колотили»; «Вот я гулею с парнем, а он пришёл на весёлу <т. е. посиделки>. Может, мы разругались, он созвал другую. Вся весёлая кричит: “Труба!” – “Кому?” – “Нюре” – “От кого?” – “От Вани”. Рукам захлопают, похочут. Вот труба – хоть самовар бери. А нет, так противень найдут, чтоб там что-нибудь побрякало. Только чтобы гремело»¹⁹. Встроенные в игру, акт измены и общественная реакция на него носят ритуализованный характер.

О социальном характере факта измены говорит широкая разработка этой темы в частушках. В деревенском социуме частушка служит целям информирования его членов о текущих событиях локального и глобального масштаба, сочиняясь «на ходу», моментально реагируя на местные и даже мировые события. Типичным «новостным» содержанием частушки является «оглашение распре-

деления отношений между членами молодежного сообщества»²⁰ – из частушек узнают о зарождении новых любовных отношений в кругу неженатой молодежи, об их развитии, окончании, а также о конфликтах, возникающих между их участниками, в том числе внутри «любовных треугольников», т. е. об изменах.

Сообщение о личных отношениях, транслируемое в форме частушки, предназначено сразу нескольким адресатам: возлюбленному, сопернику или сопернице, если речь идет о конфликте, а также всем окружающим, поскольку публичность является неотъемлемым условием исполнения частушки. Более того, пение «конфликтных» частушек может принимать форму песенного состязания соперниц (реже – соперников) в любви, одна из целей которого – сохранить или восстановить свою репутацию в социуме, ср.: «Вот парень девке изменил, и она будет петь, к той обращаться, то есть она даёт намёк, даёт навет – говорит, что знает, чтоб та не отпиралась. Та отвечает. Как начнётся у них, и будут всё злее друг другу напевать, острее» (костр.)²¹. Для частушек о личных отношениях, чаще – конфликтных, в которых имела место измена и которые, соответственно, требуют публичного «выговаривания», Топонимической экспедицией УрФУ в вологодских и костромских говорах зафиксирован термин *наветка*²². Эта же разновидность частушки в Вашкинском районе Вологодской области именуется *примерной частушкой*²³ (по всей видимости, имеется в виду, что ее предметом становится отдельный частный случай любовного конфликта, произошедшего в данном обществе, – *пример*). Приведем несколько примеров: «Наветки давали про любовь. <...> “Ягодинка изменил, / Зачем вперед не предъявил? / Я бы старого не бросила / И шшас гуляла б с ним”» (влг.)²⁴, «Изменил меня милёнок, / Думал, в гору поднялся. / Ниже среднего спустился, / За последнюю взялся» (влг.)²⁵, «Изменил – дак не заглядывай / Во личико моё. / Расцвету или повяну, / Это дело не твоё» (костр.)²⁶.

Перейдем к **языковым фактам**, которые в говорах обозначают составляющие ситуации любовной измены, главным образом действия того, кто изменяет кому-либо. Последовательно рассмотрим такие реализуемые в них мотивы, как **мотивы нарушения закона, чужого пространства и перемещения по нему, сжигания, нечистоты**.

Мотив нарушения закона: пенз., олон. *закон переступить* ‘нарушать супружескую верность’²⁷, омск. *сверху закону жить* ‘изменять супружеской верности’²⁸. У слова *закон* в говорах широко отмечаются значения ‘супружество, брачный союз’, ‘муж, жена’,

‘супружеская верность’, ср. употребление слова в этих значениях в забайк. *закон брать* ‘венчаться, вступать в брак’, севернорус. *в закон поступиться* ‘жениться’, яросл. *законом жить* ‘быть в браке’ и др.²⁹ Можно предполагать значимость правовой стороны брака в сознании членов традиционного общества и понимание супружеской измены как серьезного преступления³⁰.

Мотив чужого пространства и перемещения по нему. Интерпретируя измену с помощью пространственных образов, носители языка воспринимают ее как уход со «своей» территории и попадание на «чужую». «Своей» территорией при этом выступает пространство, которое субъект измены освоил ранее вместе с ее объектом – супругом или супругой. Чужая территория, куда вступает субъект, удалена *от* объекта измены и в большинстве случаев репрезентируется через лексему *сторона*, ср. общенар. *ходить на сторону*, сиб. *ходить за стороной*³¹, бурят., карел. *иметь сторонку*³², перм. *за стороной идти, стороной жить*³³, том., кемер., новосиб., карел. *держат сторону*³⁴, арх. *гонить сторонку* ‘изменять мужу’³⁵, коми *ходить стороной*³⁶, морд. *хлынуть по сторонам* ‘изменить жене’³⁷, ср. также перм. *чужбинкой заниматься*: «Кому поглянется: чужбинкой баба занимается, от своего мужика да под другого готова»³⁸.

Между «своим» и «чужим» пространством проходит граница, пересечение которой знаменует собой факт измены, а потому отмечается языком как сопряженное с трудностями и являющееся по сути преодолением препятствия: новг. *скакать (ходить) за осек*: «Сын у ей за осек ходил, изменял женке» (новг. *осек* ‘изгородь, ограда’)³⁹.

Возможность преодоления этой границы подчеркивает метафора моста, выстраиваемого изменщиком, ср. новг. *сделать мост кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Он тебе мост сделал, вчера Таньку провожал»; «Куды ж ты мужика одного отпустила? Он тебе мост там сделает»⁴⁰. Тот, кому изменили, при этом остается «по ту сторону» моста, в пространстве, которое недавно было общим для бывших партнеров.

Карельский фразеологизм *белку гнать* ‘изменить жене’⁴¹, с одной стороны, содержит мотив перемещения в пространстве благодаря глаголу *гнать*; с другой стороны, рисует измену как сцену охоты, отсылая тем самым к свадебному сюжету, в котором под образом белки подразумевается невеста, а жених предстает в образе охотника⁴².

Мотив нечистоты. Нечистота как свидетельство любовной измены выступает в амур. *смутиться* ‘нарушить супружескую верность’: «Он в армии был, а она без него смутилась»⁴³, а также в *подол*

нечистый у кого-л. ‘намеки на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’ (бассейн р. Урал)⁴⁴. Подол как указание на телесный низ вместе с мотивом нечистоты подчеркивает греховность именно женской природы (ср. общенар. *в подоле принести* ‘родить вне брака’). Признак чистоты / нечистоты используется и для характеристики невесты, сохранившей или утратившей девственность до брака; символика нечистоты породила распространенный обычай мазать дегтем ворота девушке, потерявшей невинность до брака, или женщине, уличенной во внебрачных связях⁴⁵.

Мотив сжигания. Ситуация измены может описываться с помощью фразеологизмов, в основе которых – идея сжигания чего-либо: новг. *сгорела рига (баня, байна) у кого* ‘об измене в любви’: «Твоя рига сгорела, значит, измена тебе»; «У Маньки-то байна сгорела, Сашка к другой переметнулся»⁴⁶, новг. *поджечь чужую масленицу* ‘изменить кому-л.’⁴⁷, новг. *собирать головёшки* ‘пережить измену в любви’, новг. *жечь рыжики* ‘изменить в любви’ (они будут полнее представлены далее, при анализе фразеологизмов с предметной символикой).

«Антонимичной» парой выражениям о сгоревших риге и бане и одновременно продолжением этого сюжета выступает выражение, содержащее **мотив тушения овина**: новг. *овин заливать* ‘ритуал для обманутого в любви’: «Овин заливать, женился, а меня не взял, меня водой и заливают»; «Говорят, забава женится, залейте мне овин. Что хотите говорите, по душе один и был»⁴⁸.

Можно отметить пересечение мотивов и образов, которые характерны для ритуализованных вербальных и акциональных реакций социума на измену и одновременно используются в свадебном обряде, ср. использование в свадебном «тексте» выражений *овин сгорел*, означавшего конец девичества (орл.), и *тушить овин*, т. е. пить за здоровье молодых (орл.), обычай *тушить овин* или *свадьбу* за свадебным столом, заключающийся в поджигании и тушении тряпки, положенной в отбитое горлышко кувшина (белгород.), *тушить* и *заливать овин* в буквальном смысле в знак окончания свадьбы (ростов.), *жечь овин*, т. е. поджигать костер в конце свадьбы, через который прыгала молодежь (терск.)⁴⁹. Фразеология любовной измены, вероятно, заимствовала образность из тематически смежной с ней сферы свадебного обряда. Указание на то, что чья-либо рига, баня сгорела, необходимо залить чей-либо овин, может трактоваться как намек на конец любовных отношений партнеров – на несчастливый конец отношений намекает и получение одним из возлюбленных продукта горения – головни (*головешки*).

Обращает на себя внимание упоминание Масленицы во фразеологии измены – в новг. *поджечь чужую масленицу*. Обыкновенно выражения *жечь* (*сжигать*) *масленицу* отражают обычай жечь масленичные костры в последний день масленичной недели, ср. «Выражения типа “жечь + хрононим <...>” – наиболее распространенный вариант, описывающий календарный костер»⁵⁰. Масленичные обряды у славян были во многом направлены на повышение плодородия, стимуляцию продуцирующей функции, в частности на укрепление браков. Общественному осуждению в это время подвергались все виды нарушения «матримониальной» нормы. Так, в разные дни недели на Масленице при сжигании масленичного чучела или других ритуальных вещей в масленичных кострах деревенская молодежь выкрикивала обвинительные осуждающие реплики в адрес односельчан, причем объектом критики могли становиться супружеские измены и внебрачные связи⁵¹.

Многочисленную группу в обозначениях любовной измены составляют метафорические выражения, содержащие обозначение **предметного символа измены** или – шире – любовной или жизненной неудачи.

В основе фразеологизмов с **предметной символикой** лежит следующая ситуация: тот, кто изменяет, разными способами передает, а тот, кому изменяют, получает пищу, одежду, предметы быта или иные вещи, наделенные, с точки зрения носителей языка, признаками, свидетельствующими об измене. Таким образом, эти выражения описывают ритуал объявления кому-либо о том, что его обманули в любви, направленный, очевидно, на осмеяние или осуждение обманутого партнера, или же созданы в рамках этой модели. Прямое указание на измену в любви традиционное сознание склонно облекать в форму ритуала с участием предмета-символа и/или подвергать эвфемизации.

Устойчивые сочетания со значением любовной измены сходны по структуре, образности и семантике с формулами, выражающими отказ при сватовстве. Можно предположить, что у некоторых из них семантика измены развивается из семантики отказа (‘отказать жениху’ = ‘изменить’, ‘получить отказ в сватовстве’ = ‘пережить измену’): акт отказа явным образом ритуализован и сопровождается вручением различных предметов, символизирующих решение невесты, стороне жениха. Такой параллелизм иллюстрирует общность восприятия измены в любви и отказа при сватовстве как социальной неудачи, случившейся с человеком, которому изменили или отказали.

Подробный комментарий к данным фразеологизмам в связи с рассмотрением формул отказов при сватовстве дан Е. Л. Березович⁵². Здесь мы будем приводить только те из них, у которых фиксируется помимо «отказной» семантика любовной измены, и ограничимся кратким указанием на главные мотивационные признаки, лежащие в их основе.

Символику измены в любви, как и символику отказа при сватовстве, могут выражать следующие слова (и соответствующие предметные знаки).

◆ **Лапти:** пск. *делать (сделать) лапти кому*: «Дунька-ть грифскаъ Феде нашэму лапти здельль: с Ванькѣй на хутър пашла»⁵³, том. *лапти плести*: «Он женатый, а лезет к ей, лапти плетёт, обманывает»⁵⁴, новг. *лапти сплести*⁵⁵, новг. *сделать (подарить) лапти кому*: «Колька Таньке лапти сплёл»; «Вот парень ходил с одной девкой, а потом с другой стал. Первую и дразнят: “Он тебе лапти сделал”»; «Сделал лапти он ей, так она и осталась сивой косой «старой девой»»⁵⁶.

Расшифровать смысл этих действий можно следующим образом: изменивший партнёр, предлагая обманутому им лапти, тем самым указывает ему на обратную дорогу. Важно отметить, что с лаптями связана семантика обмана в целом, главным образом благодаря идеям обувания кого-либо и плетения, ср. общенар. *обуть в лапти ‘обмануть’*, новг. *обуть в кривые лапти ‘то же’*⁵⁷ и др.

В Костромской области зафиксировано обрядовое воплощение символического потенциала лаптей, ср. костр. *намораживать лапти* «часть ритуализированного порицания девушки, совершившей измену»: «Если девка с одним погуляет, а потом с другим, они намораживают лапти, надевают на шею и оба идут к ней – с которым пойдёт. А если ни с которым не пойдёт – оба её хлестали ими [лаптями]»⁵⁸.

Постыдное положение обманутого в любви подчеркивается обычаем передавать ему старые, негодные лапти, иначе – *ошемётки*, засвидетельствованным в Костромской области и реализующимся в трех последовательных действиях: 1) изменивший *вешает* обманутому им *ошемётки*: «Ошемётки повесила – с другим пошла»; 2) переживший измену, соответственно, *получает ошемётки*: «Парню девушка изменила – он ошемётки получил»; 3) изменивший может «смыть» позорное «пятно» с репутации партнёра, *сняв* с него *ошемётки*, т. е. вернувшись к брошенному парню / девушке после измены (после того, как погулял(а) с другим / другой): «Я с него снять должна ошемётки. Сниму, если снова с им пойду гулять»⁵⁹.

Общественному осуждению подвергается не только неудачливые в любви парень или девушка, но и изменщик; в некоторых случаях, отмечаемых на той же костромской территории, именно он получал *ошемётки* от пострадавшей стороны: «Он изменит – я ему вешаю ошемётки на шею. Если на него ошемётки повесят, то ешшо и отбузят его. Это как знак измены»; «Если девчонка изменила – он ошемётки ей повесит. А ещё он ошемётками её отлупит»⁶⁰.

♦ Г р и б ы: новг. *наварить грибов*⁶¹, новг. *грибы (грибочки)*: «Говорят, мене измена, говорят, мене грибы, обожди, толстоголовый, нахлебаешься и ты»⁶², новг. *рыжики*: «Когда кто-то изменяет кому-то, то говорят: ему рыжики»; «Рыжики тебе, милый, рыжики, девушка уходит с другим парнем»⁶³, новг. *сварить (нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить) грибов (рыжиков)*: «А ты грибов ей свари, чтоб нос не сдымала»; «Я по нему сохнуть не буду, наварю грибов да и всё тут»; «Она рыжики жгет, а он дома высиживает, дурак»; «Не подсыпай, милёнок, рыжиков, опять гулять захошь. После рыжиков, милёночек, ко мне не подойдёшь»⁶⁴, пск., арх. *делать рыжики*⁶⁵, *рыжик* пск. ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ и, наоборот, арх. ‘о нарушителе верности в любви, дружбе’: «Рыжик, изменник, всё одинаково»⁶⁶.

Грибы в славянской народной культуре наделяются эротической символикой⁶⁷. Представленная фразеология имеет параллели не только в вербальной составляющей ритуала отказа при сватовстве, но и в обозначениях других частей свадебного обряда и – шире – молодежных увеселений, носящих эротический характер (ср., к примеру, арх. *рыжики солить* ‘целоваться’, арх. *солить рыжики на пост* ‘шуточный обряд, когда обручившиеся жених и невеста целуются при катании с гор на санях»⁶⁸). Выбор образа рыжика из множества грибов Е. Л. Березович связывает его с признаком красного (рыжего) цвета, который сопровождает практически все этапы свадебного обряда и, кроме того, ассоциируется с покраснением щек от стыда, ср. показательный контекст с описанием реакции объекта измены на известие о неверности ему: пск. *рыжики жечь* ‘делать известной измену одного из влюбленных, сжигая бумагу, гребенку в присутствии всех’: «Вот зажгут гребенку на гулянке, ана ярка гарит, и у девки или у мальчика шшоки гарят ат стыда, што им жгут рыжики»⁶⁹.

♦ Р е п а, р е д ь к а, т ы к в а: новг. *репня* ‘измена в любви’: «Мне сказали, что репня – ён опять возле меня» [*репня* новг. ‘репа; похлебка из репы, брюквы; каша из тушеной репы’]⁷⁰, *репни поесть* ‘узнать об измене в любви»⁷¹, новг. *сварить (наварить) репней кому-л.*: «А

когда парень девке изменит, то говорят: «Репней сварил ей»⁷², новг. *дать рѣдчину кому-л.*⁷³ *рѣдчина* новг. ‘огородное растение, овощ; редька’⁷⁴, новг. *тыквина (тебе, ему)* ‘измена в любви кому-л.’: «Парень взял тыквину и поставил на порог, это про измену девчонке-то»⁷⁵.

Главным мотивационным признаком для репы, редьки и тыквы представляется возможность приготовления из них постной, «пустой» пищи.

◆ **Блины:** новг. *получить блин* ‘пережить измену’: «Девушка ему понравилась, он уж к ней приглядываться стал, а она возьми и к другому переметнись. Получил блин, вот как»⁷⁶.

С блином связана символика битья, удара, сопоставляемая с изменой как с видом социальной неудачи, ср. новг. *получить блин* ‘быть побитым кем-л.’⁷⁷, вят. *блинками кормить* ‘награждать пинками’⁷⁸. Нельзя, кроме того, не отметить значимую роль блинов в свадебном обряде.

◆ **Различные инструменты или предметы быта с отгонной символикой – веник:** новг. *навязать веников*: «Ему милаха веников навязала вчерась, вот он и злой такой»; «Нашему Володьке летось Маринка как веников навязала, так он и уехал в город»⁷⁹, новг. *прокатить на венике*: «Ну что, девушка, на венике тебя уха-жёр прокатил?»⁸⁰; **рогатка:** пск. *рогатку дать (давать)*: «“Пойдём к девчонке”. – “Не, рогатка дана, не пойдуй”»⁸¹, пск. *рогатку получить* ‘узнать об измене любимой девушки’⁸²; **топор:** новг. *повесить топор*⁸³, новг. *повесить колун*: «Гришка-то колун повесил Ньюше»⁸⁴, влг. *колун кому-л.*: «Говорят, мене измена, / Говорят, мене колун, / Что же сделаешь, товарочка, / Коли Коленька блядун»⁸⁵, влг. *уйти на колуне* ‘фраза, указывающая на измену (на молодежных посиделках)’: «Парень ушёл с другой. Она на колуне ушла»⁸⁶.

◆ **Продукт горения:** новг. *собирать головёшки*: «Как бы тебе, девушка, не пришлось головёшки собирать. Гляди за ним в оба глаза»⁸⁷, *получить головёшку* ‘пережить измену’: «Раньше народ озорной был. Как измена кому, кричат: “Головёшку получил”»⁸⁸.

Мотив сжигания, прослеживаемый при выражении семантики измены, а также в «тексте» всего свадебного обряда, был отмечен выше.

◆ **Скипидар:** новг. *подскипидарить*: «Татьяна-то Николаю подскипидарила, изменила ему, вышла замуж за другого»⁸⁹.

В случае «шифровки» как известия об измене, так и отказа жениху выбор скипидара обусловлен его едкостью и резким специфическим запахом: скипидар может трактоваться как «отгонная» жидкость.

♦ **Сухое дерево**: костр. *сухара кому-л.*: «Если парень позвал девку, а девка не пошла гулять – сухара ему» «костр. *сухара* ‘высохшее на корню дерево’»⁹⁰, костр. *сухару получить / стащить / приволочь* ‘пережить измену в любви’: «Она стащила сухару, если парень отказал»; «Я с ней гулял на беседках, а на другой вечер другую взял. Та получила сухару, которой изменил-то»; «Открывай, мамаша, двери, / Я сухару приволок. / Сухара длинная, сухая, / Уперлася в потолок»⁹¹. Ключевым мотивационным признаком здесь служит признак сухости, намекающий на безжизненность, законченность любовных отношений, ср. также новг. *сухари* ‘измена в любви’⁹².

Некоторые фразеологизмы с предметной символикой, обозначающие измену в любви, не имеют точных корреляций среди формул отказов при сватовстве. Перечислим образы и мотивы, с помощью которых они построены:

♦ **Образ веретена**: новг. *прокатить на веретне*⁹³.

Веретено как острый, колющий, а потому несущий угрозу предмет встает в ряд с такими символами, как топор (колун) (см. выше), а также гвоздь и шило, задействованными в «отказной» фразеологии, ср. арх. *гвоздь сковать* ‘получить отказ при сватовстве’, орл. *шило сковать* ‘то же’⁹⁴.

♦ **Мотив желтого цвета**: новг. *нажелтить тебе*: «Тебе-то Варюха нажелтила, а ты все равно с ней да с ней»⁹⁵, новг. *приколоть жёлтый цвет*: «Говорили так, когда измена выходила. Надо тебе, девушка, желтый цвет приколоть, чтоб не заносилась. До чего довыставляешься, что бросит тебя ухажер твой»⁹⁶.

В славянской культуре желтый цвет нередко осмысливается негативно⁹⁷. В данном случае отрицательная маркированность желтого цвета может быть заимствована из свадебного обряда, где желтый и белый цвета со знаком «минус» последовательно противопоставлены красному со знаком «плюс», ср., например, символическое оформление объявления о «честности» невесты с помощью красного цвета и о «нечестности» с помощью белого и желтого⁹⁸. Желтый цвет к тому же – признак увядания, ср. противопоставление свежей зеленой травы или листьев осенним желтым в песенной свадебной лирике, символизирующее конец привольной жизни в девичестве⁹⁹. В контексте обозначений измены желтый знаменует увядание любви одного из возлюбленных.

♦ **Образ ситного хлеба**: новг. *сделать (устроить) ситный кому-либо*¹⁰⁰, новг. *сыграть ситный*: «Сыграли ситный – название

измены, когда кто-то кому-то изменил»¹⁰¹, новг. *ситного тебе* ‘выражение, указывающее на измену в любви’¹⁰².

Эти фразеологизмы дополнили группу «пищевых» выражений, представленных выше. Слово *ситный* в общенародном языке обозначает хлеб, испеченный из просеянной сквозь сито муки. Наиболее вероятным кажется сопоставление выражения *сделать ситный* с фразеологизмами с семантикой битья, наказания, содержащими «пищевые» лексемы, ср., например, *испечь (дать) булку* ‘ударить’¹⁰³, *надавать киселей* ‘надавать шлепков’, *киселем накормить*, *киселя поддать* ‘ударить кого-л. коленом сзади’¹⁰⁴, *спечь* ‘побить кого-л.’¹⁰⁵, *спекли ему пирог во весь бок* ‘побили’¹⁰⁶ и др., ср. замечание В. И. Ковалева о том, что при образовании модели «дать + негативно осмысливаемый предмет = побить» нередко используются названия пищи с ложно ориентирующей положительной коннотацией¹⁰⁷. Включить данное выражение в этот ряд позволяет общая семантика жизненной неудачи, присущая частным случаям переживания измены и наказания битьем, а также идея оскорбления, заложенная в актах измены и битья.

◆ Образ т р у б ы: новг. *труба*: «Труба, так говорят, когда кто-то изменяет»¹⁰⁸, влг. *труба, трубу дать*: «Труба говорили. Если трубой назовут, то парень знай: девка раньше была, а теперь один-одинёшенек»¹⁰⁹.

Большинство иллюстраций к бытованию выражения *труба кому-либо*, записанных ТЭ УрФУ в Шекснинском районе Вологодской области, относятся к измене во время игры в «горе» на молодежных посиделках, о которой см. выше: влг. *труба* ‘слово, которое кричат тому, кому изменили в «горе»’: «Если кто дольше сидит в горе не с той, с которой пришел, кричали такой-то девушке: “Труба тебе!”»; «Коля, тебе труба, твоя Матрёна ушла в горе с другим!» В ритуале оповещения об измене фигурирует сам предмет – самоварная труба, ударами по которой старались произвести как можно больше шума, ср.: «Вся весёлая кричит: “Труба!” – “Кому?” – “Нюре” – “От кого?” – “От Вани”. Рукам захлопают там, похочут. Вот труба – хоть самовар бери. А нет, так там противень найдут, чтоб там что-нибудь побрякало. Только чтобы гремело»; «Вот, например, девка-то гуляла с парнем, а она стала с другим сидеть, дак вот это кричали: “Труба!” – “Кому?” – “Ванютке” – “От кого?” – “От Саньки”. Да зазвишут в горях-то, закричат. Трубу колотили»¹¹⁰.

Негативные коннотации *трубы* прослеживаются не только в контексте любовных отношений, ср. новг. *труба с ним* ‘плохо, очень

плохо', бассейн р. Урал: *как в трубу* 'всё прахом пошло, разрушилось, развалилось, погибло'¹¹¹, прост. *дело труба*. Можно предположить, что причины попадания трубы в ряд символических знаков беды, неудачи кроются в том, что она обладает признаками «пустой», «полый», воспринимаемыми как антитеза признакам «полный», «плодородный» и т. п.

♦ Образ кожи: костр. *кожу повесить (подарить), кожа тебе*: «Я не пошла с парнем – кожу повесила. Или он с тобой не пошёл, а со мной пошёл – он тебе подарил кожу»; «Я не пошла с парнем гулять, он даже в речку меня бросить хотел. Дак ему и закричали “От Маруськи тебе кожа”. Я ему кожу повесила»¹¹².

Этот языковой факт был записан ТЭ УрФУ в Шарьинском районе Костромской области и представляется загадочным в мотивационном отношении. Образ кожи может использоваться для выражения идеи близости людей, ср., например, костр. *кожа к коже (жить и др.)* 'иметь близкие отношения'¹¹³, *кожа коже сноровит* 'свой своему, кровному'¹¹⁴, а также модель «узнать кого-л. через кожу» = «обрести близкого человека», восстанавливаемую на базе ряда славянских языковых фактов¹¹⁵. Возможно, поэтому факт символической «передачи» кожи бывшему возлюбленному знаменует конец близких отношений.

♦ Образы соматических объектов с фаллической символикой – нос а: пск. *подставить нос*¹¹⁶, новг. *показать (сделать) нос кому*: «Колька-то Маше нос показал»¹¹⁷, новг. *нос тебе*¹¹⁸; бороды: новг. *сделать бороду кому*: «“Изменил тебе Сёмка, бороду сделал”, – говорю. А она скраснелась вся»¹¹⁹, новг. *борода тебе*¹²⁰; рога: пск. *рога наставить кому*: «Кода жена мужу – рога наставит. Акаянный бродит теперь»¹²¹, дон. *надеть роги*: «Казачка никогда не наденет роги любимому мужу»¹²², новг. *подставить (повесить, ставить) роги кому*: «Женка еще не ставила роги, может, не замечал»¹²³.

Семантику измены нередко выражают фразеологизмы, содержащие указание на часть тела, которая в сознании славян наделяется «мужскими» признаками и генитальной символикой. Демонстрация таких органов имеет отталкивающую силу, а также воспринимается как оскорбление и унижение адресата¹²⁴. Выбор носа в выражениях такого рода мотивирован тем, что он является передней, выступающей частью тела. В литературном языке смысловую поддержку данным выражениям оказывает фразеологизм *оставить с носом* – измена в любви является частным случаем обмана вообще. Борода в народной традиции тоже наделяется признаками мужественности¹²⁵.

Символика рогов также связана с плодородием и мужской силой, что поддерживается формой и остротой рога¹²⁶. Литер. *рога наставить*, однако, может интерпретироваться как калька из немецкого, греческого или французского языка¹²⁷.

* * *

Подведем некоторые итоги. В круг явлений, квалифицируемых в традиционном обществе как любовная измена, включаются супружеская измена и измена в любви до брака. Под последней чаще всего понимается отказ от продолжения встреч одного из возлюбленных, проводы парнем другой девушки до дома с молодежных гуляний – и согласие девушки на то, чтобы ее провожал другой парень, а также выбор другого партнера в танцах или молодежных играх.

Именно добрачная измена традиционно активно замечается социумом и требует от него реакции на конфликт. Участники любовного треугольника нередко сами вызывают к окружающим, выставляя свои межличностные отношения на общественный суд – для этого ими используется форма частушечных «перепевов», где они могут «санкционированно» рассказать о своей обиде или, напротив, ответить на намеки в свой адрес. Существенно то, что в обыденной речи, в форме монолога-жалобы или как-либо иначе это делать не принято: «Не надо выговаривать. Никогда не выговаривай. Если выговаривать, то я с нее «соперницы» снимаю грех и принимаю на себя. Пусть говорят, что хотят. Я лучше пойду да отпую её «спую про нее частушку» (костр.); «В лицо не скажешь, а наветкой «особый тип частушки – см. выше» выразишь» (костр.); «Наветкой лучше сказать, не так обидно, а в глаза-то обидно будет» (костр.)¹²⁸.

Реакция на добрачную измену может сопровождаться ритуально выраженным осуждением того, кто изменил, или «жертвы» измены с участием предметного символа измены – и номинации нередко построены по модели «глагол действия (*сделать, устроить* и др.) или глагол передачи (*дать, подарить, повесить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (*кому-либо*)». По этой модели строится фразеология отказов жениху при сватовстве, и любовная измена в ряде случаев «перенимает» круг образов и предметных символов этого ритуала.

Среди идей, которые выражаются предметными знаками измены, отмечаются следующие: отсутствие ценного содержания, «безжизненность» (признаки «пустой» – «полюй» или «постный», которые выражаются с помощью образов трубы, а также

репы, редьки, тыквы; «с у х о й» – с помощью образа высохшего дерева; «у в я д ш и й» – желтого цвета; «с т а р ы й», «н е н у ж н ы й» – изношенных лаптей; «н е г о д н ы й», «о т г о р е в ш и й», «б ы в ш и й в у п о т р е б л е н и и» – головни), угроза, опасность (которую манифестируют острые, колющие предметы – топор, веретено; едкое вещество – скипидар), отгон (лапти, веник, рогатка), оскорбление с помощью символов мужского начала (указание на грибы, нос, бороду, рога).

Соотносясь с лексикой и фразеологией отказа жениху, обозначения измены эксплуатируют образы и мотивы, сопровождающие свадебный обряд на разных этапах (мотив охоты, желтого цвета, тушения овина).

Обнаруживаются «переклички» семантики измены с идеей нанесения ущерба кому-либо, таким образом, измена представляется частным случаем неудачи, ср. новг. *прокатить на венике кого* ‘изменить, нарушить верность’ и ‘угроза наказания с целью образумить кого-либо, проучить’¹²⁹, новг. *получить блин* ‘пережить измену’ и ‘быть побитым кем-л.’¹³⁰, *дать редчину* ‘нарушить верность в любви’ и ‘побить кого-л., дать подзатыльник’¹³¹.

Некоторые мотивы реализуются преимущественно в тех лексемах и фразеологизмах, которые обозначают супружескую измену, т. е. более серьезные нарушения этических норм, нежели измену до брака. К ним относятся мотивы и образы, связанные с перемещением в пространстве: именно супружество дает четкое закрепление в пространстве (совместный дом супругов) – и, соответственно, нарушение верности тоже имеет пространственную «конфигурацию»; мотив грязи, нечистоты: с его помощью выражается однозначное осуждение того, кто изменяет в браке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ярославский областной словарь. Ярославль, 1987. Вып. 6. С. 70.
- 2 Словарь русских народных говоров (далее – СРНГ). Л., 1977. Вып. 12. С. 144.
- 3 СРНГ. СПб., 2004. Вып. 38. С. 21.
- 4 Новгородский областной словарь (далее – НОС). Новгород, 1994. Вып. 8. С. 99.
- 5 Фразеологический словарь русских говоров Сибири (далее – ФСРГС). Новосибирск, 1983. С. 35.

- 6 СРНГ. СПб., 2001. Вып. 35. С. 305.
- 7 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 238.
- 8 Там же. С. 237.
- 9 Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург) (далее – КСГРС).
- 10 *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 348.
- 11 *Сергеева Л. Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов (далее – МИСНФ). Великий Новгород, 2004. С. 239–240.
- 12 Там же. С. 239.
- 13 Там же.
- 14 НОС. Новгород, 1995. Вып. 10. С. 62.
- 15 КСГРС.
- 16 Игра подробно описана в: *Александров В. А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы // «А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX в. Кн. 2. М., 2004. С. 16–17; *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия. СПб., 2006. С. 90; *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры... С. 398–402.
- 17 *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры... С. 398.
- 18 КСГРС.
- 19 Там же.
- 20 *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 145.
- 21 Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург) (далее – ЛКТЭ).
- 22 Подробней см. *Березович Е. Л., Леонтьева Т. В.* Наветка как форма символического осуждения // Живая старина. 2016. № 2. С. 49–52.
- 23 *Адоньева С. Б.* Прагматика... С. 146–147.
- 24 КСГРС.
- 25 Там же.
- 26 ЛКТЭ.
- 27 СРНГ. Л., 1974. Вып. 10. С. 149.
- 28 ФСРГС. С. 72.
- 29 СРНГ. Л., 1974. Вып. 10. С. 149.
- 30 О наказаниях, предусмотренных в разных славянских традициях за неверность, а также об исключительности разводов см.: *Гура А. В.*

Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 41–42.

31 СРНГ. СПб., 2007. Вып. 41. С. 247.

32 Там же. С. 248.

33 *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. С. 149, 279, 122–123.

34 ФСРГС. С. 59.

35 *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2008. С. 646.

36 Там же. С. 645.

37 Там же.

38 *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров... С. 130.

39 МИСНФ. С. 240–241.

40 МИСНФ. С. 240.

41 *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок... С. 35.

42 О женской символике образа белки см.: *Гура А. В.* Белка // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 149–150. Об охотничьем сюжете в свадебном обряде см.: *Гура А. В.* Брак и свадьба... С. 642–645.

43 СРНГ. СПб., 2005. Вып. 39. С. 68.

44 СРНГ. СПб., 1994. Вып. 28. С. 116.

45 *Толстая С. М.* Деготь // Славянские древности... М., 1999. Т. 2. С. 41.

46 МИСНФ. С. 239.

47 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 31.

48 НОС. Новгород, 1994. Вып. 6. С. 121.

49 *Гура А. В.* Брак и свадьба... М., 2012. С. 669.

50 *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 586.

51 *Агапкина Т. А.* Масленица // Славянские древности... М., 2004. Т. 3. С. 194–199.

52 *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 243–277.

53 Псковский областной словарь. СПб., 2004. Вып. 16. С. 505.

54 СРНГ. СПб., 1992. Вып. 27. С. 118.

55 СРНГ. СПб., 2006. Вып. 40. С. 161.

56 МИСНФ. С. 239–240.

57 Там же. С. 230.

58 ЛКТЭ.

- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 СРНГ. Л., 1983. Вып. 19. С. 151.
- 62 НОС. Новгород, 1992. Вып. 2. С. 59.
- 63 НОС. Новгород, 1994. Вып. 9. С. 163.
- 64 МИСНФ. С. 238–239; НОС. Вып. 8. С. 58.
- 65 СРНГ. СПб., 2001. Вып. 35. С. 305.
- 66 Там же.
- 67 *Белова О. В.* Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре: сб. статей. М., 1996. С. 317–322.
- 68 СРНГ. СПб., 2001. Вып. 35. С. 305.
- 69 *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура... С. 271.
- 70 НОС. Новгород, 1994. Вып. 9. С. 136–137.
- 71 Там же.
- 72 МИСНФ. С. 239.
- 73 НОС. Новгород, 1994. Вып. 9. С. 122–123.
- 74 Там же. С. 122.
- 75 НОС. Новгород, 1995. Вып. 11. С. 74.
- 76 МИСНФ. С. 237.
- 77 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 99.
- 78 СРНГ. Л., 1968. Вып. 3. С. 25.
- 79 МИСНФ. С. 236.
- 80 Там же. С. 238.
- 81 Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001. С. 65.
- 82 Там же. С. 65.
- 83 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 7.
- 84 Там же.
- 85 КСГРС.
- 86 Там же.
- 87 МИСНФ. С. 241.
- 88 Там же. С. 237.
- 89 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 54.
- 90 ЛКТЭ.
- 91 Там же.
- 92 НОС. Новгород, 1995. Вып. 11. С. 4.
- 93 НОС. Новгород, 1994. Вып. 9. С. 43.
- 94 *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура... С. 248.
- 95 НОС. Новгород, 1994. Вып. 5. С. 141.
- 96 МИСНФ. С. 237.

- 97 *Усачёва В. В.* Желтый цвет // Славянские древности... Т. 2. М., 1999. С. 202.
- 98 *Гура А. В.* Брак и свадьба... С. 619, 724.
- 99 Там же. С. 687, 697.
- 100 МИСНФ. С. 240.
- 101 НОС. Новгород, 1995. Вып. 11. С. 16.
- 102 НОС. Новгород, 1995. Вып. 10. С. 62.
- 103 СРНГ. Л., 1968. Вып. 3. С. 271.
- 104 СРНГ. Л., 1977. Вып. 13. С. 227.
- 105 СРНГ. СПб., 2006. Вып. 40. С. 139.
- 106 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб., М., 1881. Т. 4. С. 296.
- 107 *Коваль В. И.* Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998. С. 59.
- 108 НОС. Вып. 11. С. 65.
- 109 КСГРС.
- 110 Там же.
- 111 СРНГ. СПб., 2012. Вып. 45. С. 145.
- 112 ЛКТЭ.
- 113 Там же.
- 114 *Даль В. И.* Толковый словарь... СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 130.
- 115 *Березович Е. Л., Седякова И. А.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 21.
- 116 Словарь псковских пословиц и поговорок... С. 57.
- 117 НОС. Новгород, 1994. Вып. 6. С. 68.
- 118 Там же.
- 119 МИСНФ. С. 239.
- 120 НОС. Новгород, 1992. Вып. 1. С. 77.
- 121 Словарь псковских пословиц и поговорок... С. 65.
- 122 СРНГ. СПб., 2001. Вып. 35. С. 118.
- 123 МИСНФ. С. 237.
- 124 *Толстой Н. И.* Гениталии // Славянские древности... М., 1995. Т. 1. С. 494–495.
- 125 Там же. С. 229–230.
- 126 *Плотникова А. А.* Рог // Славянские древности... М., 2009. Т. 4. С. 437–441; *Володина Т. В.* Цела чалавека: слова, міф, рытуал. Мінск, 2009. С. 134–135.
- 127 *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005. С. 598.

128 ЛКТЭ.

129 МИСНФ. С. 238.

130 НОС. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 99.

131 НОС. Новгород, 1994. Вып. 9. С. 122–123.

V. S. Kuchko

Russian dialectal lexis for adultery:
a commentary on semantic motivations

The article is devoted to lexis and phraseology of betrayal in love. It is written on the materials of Russian folk dialects. The specificity of the perception of love betrayal situation in the traditional culture is considered. Motivational interpretation of metaphorical nominations of love betrayal is proposed.

Keywords: *adultery, traditional culture, dialectal lexis, dialectal phraseology, ethnolinguistics.*

А. С. Стыкалин (Москва),
Ф. Соломон (Яссы)

Историк Александр Болдур – румынский корреспондент Д. С. Лихачева

Вниманию читателя предлагается краткое жизнеописание видного румынского историка А. Болдура и фрагмент его переписки с академиком Д. С. Лихачевым, касавшейся изучения «Слова о полку Игореве» и публикации статьи Болдура в СССР.

Ключевые слова: *А. Болдур, Д. С. Лихачев, Слово о полку Игореве, древнерусская литература, румынская историческая наука.*

Среди многочисленных зарубежных корреспондентов академика Д. С. Лихачева был видный румынский историк Александру Болдур (1886–1982), обратившийся на одном из этапов своей научной деятельности к изучению «Слова о полку Игореве».

Родившийся подданным Российской империи Александр Васильевич Болдур, уроженец г. Кишинева, молдаванин, получил среднее теологическое образование, окончив в 1906 г. Кишиневскую духовную семинарию¹. Затем он продолжил учебу в Петербурге на юридическом факультете университета, который успешно закончил в 1910 г., и был оставлен в качестве ассистента, а затем «для приготовления к профессорскому званию». Интересуясь не только правом, но и историей, он параллельно в 1911 г. окончил Петербургский археологический институт, в котором готовили специалистов по архивному и музейному делу.

Впервые Болдур получил достаточно широкую известность за пределами узкоуниверситетских кругов в августе 1917 г., после публикации 5 августа в наиболее влиятельной эсеровской газете «Дело народа» статьи «Украина и Бессарабия», вызвавшей дискуссию в печати и официальное заявление украинской Центральной Рады. Болдур не принадлежал к эсеровской партии и выступал как беспартийный эксперт. Эта статья, как и две его другие важные концептуальные статьи в «Деле народа», были подписаны «приват-доцент А. Болдырь» (он подписывал свои тексты в России именно так, на украинский манер, хотя в своей поздней переписке уже представлялся российским адресатам как Болдур). Не углубляясь в детали, заметим, что пафос его статьи «Украина и Бессарабия» заключался в том,

что «Украине должно быть решительно отказано в притязаниях на Бессарабию», так как это край, обладающий собственной историей; он никогда не имел отношения к украинской государственности, а принадлежал до своего вхождения в Российскую империю в 1812 г. Молдавскому княжеству. Результатом этой статьи стали заявления представителей украинского национального движения об отсутствии у них притязаний на Бессарабию и о том, что бессарабский вопрос будет решен в процессе демократического переустройства Российской империи на федеративных началах². Сам Болдур стоял именно на позициях демократической трансформации Российской империи в такое государственное образование, которое предприняло бы попытку решения национального вопроса с учетом чаяний разных народов на основе федерализации либо предоставления широкой автономии. Этой проблеме была посвящена его статья в «Деле народа» от 8 октября, также опубликованная в дискуссионном порядке. Последовавшие события прервали дискуссию, к концу года сама газета «Дело народов» как оппозиционная большевикам подверглась гонениям, а затем, в первые месяцы 1918 г., была закрыта.

Октябрьский переворот 1917 г. застал Болдура в качестве университетского преподавателя. В первые месяцы 1918 г. (возможно, благодаря своим эсеровским связям) он устраивается служащим в Наркомат сельского хозяйства, контролировавшийся в то время левыми эсерами, в апреле того же года переезжает в Москву, куда была перенесена из Петрограда столица и были переведены общегосударственные учреждения. В Москве, однако, он оставался совсем недолго, решив выехать в Крым в расчете на получение юридической кафедры в создаваемом там университете. Проведя три года в Крыму, Болдур становится свидетелем многократного перехода власти из рук в руки, что он описал впоследствии в своих мемуарах³. За этим последовало возвращение в Москву. Растущий бюрократический аппарат большевистской власти испытывал потребность в дипломированных юридических кадрах старой школы, и Болдур был востребован как юрисконсультант ни много ни мало в Министерстве внешней торговли.

Обстоятельства бегства Болдура из СССР в 1924 г., также подробно описанные им в мемуарах, напоминают страницы авантюрного романа. Граница СССР и Румынии (в которую с весны 1918 г. входила его родная Бессарабия) проходила по Днестру. Воспользовавшись своим знанием местности, Болдур сумел после пары неудачных попыток пересечь границу и сдать ее румынским погранич-

никам. Надо сказать, что ознакомление с его личным делом, хранящимся в архивах румынской службы безопасности времен диктатуры Чаушеску (Секуритате) и в личном фонде «Болдур» в Румынском центральном историческом архиве в Бухаресте, создает впечатление, что даже такие высокопрофессиональные и всезнающие структуры, как межвоенная румынская Сигуранца и унаследовавшая ее архивы коммунистическая Секуритате не имели полной ясности относительно обстоятельств его бегства из СССР.

С первых дней пребывания Болдура в Румынии, очевидно, работали некоторые личные связи, уберегшие его от ареста, а позднее помогшие сделать карьеру. Можно предполагать, что он наверняка был бы сразу арестован (а вполне возможно, и расстрелян) как большевистский агент, посланный для ведения революционной работы, если бы не заступничество неких влиятельных лиц. Одним из них был Ион (по русским документам Иван Константинович) Инкулец, человек того же поколения, что и Болдур, его знакомый по Петрограду. Выпускник физико-математического факультета Петроградского университета, Инкулец стал в 1917 г. депутатом Петроградского совета от партии эсеров, затем был послан А. Ф. Керенским в Бессарабскую губернию в качестве полномочного представителя правительства. Там он стал виднейшей фигурой молдавско-румынского национального движения и поддержал в качестве председателя высшего краевого органа (Совета страны) присоединение Бессарабии к Румынии весной 1918 г. Инкулец вошел в политическую элиту межвоенной Румынии, занимая высокие административные посты не только в Бессарабии, но в общерумынском масштабе, был, в частности, министром внутренних дел в 1933–1936 гг., пока профранцузские внешнеполитические ориентации Румынии не сменились на прогитлеровские. Связь с Ионом Инкульцом и некоторыми другими покровителями помогла Болдуру интегрироваться в румынские университетские и экспертные круги. Этому предшествовало, однако, издание в 1927 г. в Париже на французском языке его книги по бессарабскому вопросу в контексте русско-румынских отношений⁴. Она не только содержала подробный экскурс в историю Бессарабии, но и давала оценку сегодняшнего состояния бессарабского вопроса с международно-правовой точки зрения (автор выступал в этой книге одновременно в качестве юриста и историка). Уже в том же 1927 г. Болдур получает место доцента на исторической кафедре в родном Кишиневе, где находился теологический факультет Ясского университета. Позднее ему удалось стать профессором. Выходят его новые

работы по проблемам российско-румынских отношений, а румынский МИД выделяет средства на обеспечение его как ведущего эксперта новейшей литературой.

Университетская карьера Болдура в Кишиневе, а затем и в Яссах складывается довольно успешно, ей сопутствует и выход в 1930-е гг. ряда книг по истории Бессарабии, где, с одной стороны, отстаивалось право Румынии на этот край, а с другой, признавались позитивные стороны российского влияния на экономическое развитие Бессарабской области (затем губернии) после присоединения междуручья Днестра и Прута к Российской империи⁵. В политической жизни он выступал как сторонник автономии Бессарабии в составе Румынии, его работы и публичные выступления не раз подвергались за это критике со стороны представителей крайнего румынского национализма. Его критиковал за «чрезмерное русофильство» и очень крупный румынский историк Николае Йорга. К этому можно еще добавить, что в досье Секуритате в справке, относящейся к 1948 г., Болдур квалифицировался как человек, питавший определенные симпатии к царскому режиму, а в донесениях конца 1950-х гг. отмечались его широкие связи с русскими эмигрантами, а также представителями русской диаспоры, вышедшими из Бессарабии⁶.

В годы крайне правой диктатуры маршала Антонеску (1940–1944) Болдур хотя и сторонился политики, тем не менее продолжал находиться на госслужбе в качестве университетского профессора и, более того, в 1943 г. возглавил Ясский академический исторический институт, функционировавший в структуре Румынской академии (возглавлял его до 1946 г.). Во время оккупации Румынией в 1941–1944 гг. территории между Днестром и Бугом он несколько раз бывал в Одессе, где вместе с другими румынскими историками, этнографами и филологами читал публичные лекции⁷. Во время войны он опубликовал также несколько работ по истории днестровского левобережья, очевидно не противоречивших официальной румынской точке зрения⁸. Разумеется, начиная с 1945 г. это создало ему серьезные проблемы в отношениях с левым коалиционным правительством, где уже в то время тон задавали коммунисты, а потом и с коммунистическими властями. Тем не менее арестован он не был, несмотря на то что в его личном досье Секуритате содержится немалое количество компромата – о его контактах со сторонниками крайне правого легионерского движения и даже с атташе по культуре посольства нацистской Германии. Удивляет, однако, то, что в документах Секуритате нет никаких данных о его выступлениях и

деятельности в Одессе, хотя об этом было известно в широких научных и политических кругах, да и сам Болдур не скрывал этого в многочисленных оправдательных письмах, отправленных сразу после окончания войны в различные органы власти. Попытки Болдура убедить новую власть в том, что он не представляет никакой угрозы для государства, не увенчались успехом и в рамках кампании по «чистке» научных учреждений и вузов от скомпрометированных кадров он был отправлен на пенсию⁹. Переселившись из Ясс в Бухарест, Болдур жил в первой половине 1950-х гг. очень бедно. Однако со второй половины 1950-х гг. он уже получил некоторые возможности публиковаться в академических изданиях, кроме того, преподавал румынский язык советским дипломатам.

К этому времени Болдур всё больше занимается проблемами истории культуры и в том числе русско-восточнороманских контактов в раннее Средневековье. Особый интерес он проявил к «Слову о полку Игореве», где увидел румынские и дако-романские реминисценции. Именно этим интересом объясняются установившиеся в 1950-е гг. эпистолярные связи Болдура с В. П. Адриановой-Перетц (1888–1972), а затем и с Д. С. Лихачевым. Ниже в качестве приложения публикуется очень маленький фрагмент из обширного и до сих пор лишь в очень ограниченной мере изученного эпистолярного наследия выдающегося филолога, историка и общественного деятеля академика Д. С. Лихачева (1906–1999), которое хранится во многих архивных собраниях мира. Следует сказать, что международные связи Д. С. Лихачева, которые он поддерживал посредством переписки, были весьма активны и в советское время, когда он почти не имел возможности выезжать за границу. Обмен письмами с румынским ученым предшествовал публикации статьи А. Болдура «Траян в Слове о полку Игореве» в «Трудах Отдела древнерусской литературы» ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) в 1958 г. (вып. XV). В 1964 г. в другом издании того же института, журнале «Русская литература» (№ 1), была напечатана и другая его статья – «О русском двоеверии XII в.».

К 1966 г. А. Болдур завершил на румынском языке монографию о «Слове о полку Игореве», которая так и не была опубликована. Один ее экземпляр был послан в СССР. В сопроводительном письме, адресованном тогдашнему академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР М. Б. Храпченко и хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹⁰, 80-летний автор обращался с вопросом: «Мне хотелось бы знать, имеется

ли какая-нибудь возможность издания хотя бы некоторой части моей работы на русском языке? Если нет, то я предлагаю предоставить в распоряжение Отделения один экземпляр работы с правом всех лиц, интересующихся «Словом», пользоваться ею. Для Вашего сведения сообщаю, что я – историк и долгое время был профессором Ясского Университета, а также директором Института истории в Яссах. Прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне Ваши соображения по затронутому мною вопросу». К письму был приложен перечень глав монографии, дававший представление о ее структуре.

Обращение к «Слову о полку Игореве» явилось лишь этапом в деятельности Болдура-историка, более известные работы которого, посвященные проблемам истории Бессарабии и русско-румынских отношений, много публиковались при жизни, неоднократно переиздавались и после смерти историка. О том, насколько значима эта фигура для молдавской и румынской исторической науки, можно судить хотя бы по тому, что 130-летие со дня его рождения в 2016 г. было отмечено в Кишиневе молдавско-румынской академической научной конференцией, материалы которой ждут своей публикации.

Письма публикуются по личному делу А. Болдура, хранящемуся в Румынском центральном историческом архиве в Бухаресте¹¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глубокоуважаемый профессор Александру Болдур!

Вашу статью «Траян в Слове о полку Игореве» Варвара Павловна Адрианова-Перетц передала в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Варвара Павловна очень высокого мнения о Вашей статье. Ее мнение разделяю и я. У нас есть возможность напечатать Вашу статью в томе XV нашего ежегодника – «Труды Отдела древнерусской литературы», но выйдет этот том не скоро: в конце 1958 г. Поэтому я написал в Москву председателю Советского комитета славистов академику Виктору Владимировичу Виноградову и просил его напечатать Вашу работу в одном из двух славистических сборников, которые выпускаются Советским комитетом к международному конгрессу славистов¹². Единственное препятствие, которое здесь может возникнуть, – это то, что Ваша статья превышает по своему размеру тот лимит (2 печатных листа, т. е. 44 стр. на машинке), который установлен для этих сборников.

Итак, если не удастся напечатать Вашу статью в одном из славистических сборников, – мы печатаем ее в Трудах отдела древнерусской литературы. Устраивает ли Вас это?

Ваша статья прибыла с большой задержкой. Вы послали ее Варваре Павловне Адриановой-Перетц в Москву, между тем, она живет в Ленинграде.

Пишите нам по адресу: Ленинград, Васильевский остров, Набережная адмирала Макарова, д. 4. Институт русской литературы Академии наук СССР, сектор древне-русской литературы.

С уважением, Лихачев Дмитрий Сергеевич,
член-корреспондент АН СССР, профессор, зав.
сектором древнерусской литературы
14 XII 1956 [*Машинопись*]

Глубокоуважаемый профессор Дмитрий Сергеевич,

Вчера получил Ваше любезное письмо и сегодня же спешу ответить Вам во избежание потери времени.

Я очень польщен Вашим отзывом о моей работе, равно как и мнением Варвары Павловны Адриановой-Перетц, которое очень ценю. Благодарю Вас за желание ускорить напечатание моей работы. Конечно, два года – срок слишком большой даже для нашей быстро текущей жизни. Ваша идея приурочить напечатание работы к предстоящему международному конгрессу славистов чудесна, и я хотел бы облегчить ее осуществление. Поэтому если Виктор Владимирович Виноградов не согласится печатать работу в том виде как она есть из-за формальных оснований, то я готов произвести в ней сокращения с таким расчетом, чтобы она вместилась в лимит. Переработка материала будет сделана в кратчайший срок, т. е. потребует не больше 2 недель. Надеюсь, что сжатие некоторых разделов моей работы не нарушит цельности трактовки вопроса и не ослабит убедительности его решения, в то же время будет выходом из затруднительного положения.

Жду с Вашей стороны указаний.

Со всем уважением,
Александр Вас. Болдур

23. XII 1956

București, 12, strada Doctor Rațiu 2

Al. Boldur [*Рукопись с многочисленными зачеркиваниями.*
Черновик]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эта семинария была основана в 1813 г., через год после присоединения Бессарабии к Российской империи. Инициатором ее основания выступил выдающийся деятель русской и молдавской православной церкви митрополит Гавриил Банулеску-Бодони – человек, в 1790 г. освятивший место, где был построен г. Одесса, а в последние годы жизни, в бытность митрополитом в Кишиневе, познакомившийся с А. С. Пушкиным, который находился в кишиневской ссылке и в апреле 1821 г. побывал на похоронах знаменитого митрополита в монастыре Каприяна. В конце XIX – начале XX в. кишиневская семинария была весьма прогрессивным учебным заведением, из стен которого вышел ряд людей, оставивших определенный след как в молдавской, румынской, так и в русской культуре. Среди ее педагогов в 1890-е гг. был будущий митрополит Арсений (Стадницкий), один из самых влиятельных иерархов Русской православной церкви предреволюционных лет.

2 См. подробнее: *Cojocaru Gh. E. Autodeterminarea Basarabiei în condițiile anului 1917 în concepția lui Alexandru V. Boldur // Revista de Istorie a Moldovei. Chișinău, 2016. № 2. P. 22–27.*

3 См.: *Boldur A.V. Viața mea. Lumini și umbre. Memorii. București, 2006.*

4 *Boldur A. La Basarabie et les relations russo-roumaines. Paris, 1927.*

5 См. новейшее издание его синтетического труда по истории Бессарабии: *Boldur A. Istoria Basarabiei. Vol. 1–2. Chișinău, 2015–2016.*

6 Материалы Архива Секуритате, связанные с А. Болдуром, см.: *Arhiva Consiliului Național pentru Studierea Arhivelor Securității, CNSAS (București), Arhiva Operativă, dosar 65355, fond operativ Boldur Alexandru.*

7 Болдур, разумеется, делал это на русском языке. См. его научно-популярное издание тех лет: *Болдур А. История румынского народа. Книга для общего ознакомления. Бухарест, 1943.* См. тексты его выступлений того времени, изданные на румынском языке: *Boldur A. V. Comunicări făcute la Ședințele Institutului de Istorie Națională A.D. Xenopol la Odesa și Iași. Zalău, 1944.*

8 См. на русском языке: *Болдур А. История Транснистрии. Одесса, 1942.* Есть основания говорить и о причастности Ясского исторического института к созданию при Одесском университете так называемого «Института антикоммунистических исследований». Из литературы, рассматривающей участие советских ученых в деятельности подобного рода структур, созданных в условиях оккупации, см.: *Сорокина М. Ю. Меж двух диктатур: Советские ученые на оккупированных террито-*

риях СССР в годы Второй мировой войны. (К постановке проблемы) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М., 2012. С. 146–178.

9 См.: *Doboş D.* Universitatea ieşeană în primele decenii de după cel de-al doilea război mondial. Teză de doctorat. Iaşi, 1994.

10 РГАЛИ. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–10б.

11 Arhivele Naționale Istorice Centrale, ANIC (București), fond personal Alexandru Boldur, dosare (дела) II–12, III–8, IV–1, IV–3, IV–6, IV–10, III–30. Переписка с советскими учеными находится в деле IV–6.

12 IV Международный съезд славистов состоялся в Москве в сентябре 1958 г.

Работа выполнена в рамках Программы Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его смыслы».

A. S. Stykalin, F. Solomon

Historian Alexandru Boldur – Romanian correspondent of D. S. Likhachev

A brief biographical sketch of the Romanian historian Alexandru Boldur is published as well as the fragment of his correspondence with D. S. Likhachev concerning the publication in the USSR of the Boldur's work on «The Tale of Igor's Campaign».

Keywords: *Alexandru Boldur, Dmitrij Likhachev, "The Tale of Igor's Campaign", the Romanian historical science.*

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)

**Белорусское национальное движение к началу
Первой мировой войны: аналитический
обзор информированного современника 1914 г.**

Публикация вводит в научный оборот важный источник по истории белорусского национально-культурного движения в Российской империи, составленный неизвестным автором, одним из убежденных участников этого движения в 1913–1914 гг. Это взвешенный взгляд изнутри, детальный анализ того мало-го, но реального, чем располагало белорусское движение к началу Первой мировой войны. С ходом военных действий в 1915–1916 гг. начинает вызревать совершенно новый его этап, который в полной мере можно назвать национально-политическим. Автор озаглавил свой обзор «Нынешнее положение Белорусского Народа с экономическо-культурной точки зрения» и, рассмотрев текущие хозяйственные беспорядки и трудности, основное внимание уделил проблемам возрождения белорусского языка и культуры, выразив яркую убежденность в верности выбранного возрожденческого пути, ибо не так давно по нему успешно прошел «чешский народ, имеющий ныне свою литературу, искусство, школы, университеты, театры, общественные организации и т. д.».

Ключевые слова: *Белоруссия, белорусское национальное движение, белорусский язык, белорусская культура, Первая мировая война.*

В 1912 г. один из признанных лидеров, идеологов и одновременно историографов белорусского национального движения А. Луцкевич (1884–1942), писавший под псевдонимом Антон Новина, подвел первые его весьма краткие итоги, сразу же представленные им в общеимперском издании. «Белорусский народ только теперь вступает на путь самостоятельного культурного развития, – писал А. Луцкевич. – Однако необходимо отметить, что современное белорусское национальное движение есть не что иное, как возрождение... Современное белорусское движение имеет... характер самозащиты... Демократизм является причиной того, что в главном течении движения совершенно отсутствуют элементы национального шовинизма...»¹

К сожалению, по сей день подробной картины развития этого движения за всю его историю мы не имеем. Не существует даже и

полной ясности, когда оно реально зародилось, есть несомненные сложности и в понимании сути самого этого определения. Последнее особенно заметно на примере ряда работ западных исследователей, среди которых хотелось бы выделить монографию «шведско-американского» историка П. А. Рудлинга, проследившего в абрисном формате «подъем и падение белорусского национализма» с 1906 по 1931 г.²

В определенной степени эта книга, а также в общем-то немногочисленные специальные публикации на эту тему, начавшие появляться еще накануне Первой мировой войны и выходящие в разных странах до сих пор, заставили нас вспомнить о весьма интересном достаточно объемном анонимном документальном свидетельстве современника о состоянии белорусского национального движения в начале 1910-х гг. Это рукопись на 80 листах, озаглавленная «Нынешнее положение Белорусского Народа с экономическо-культурной точки зрения» («Сіаперасzniaja pałażeńnia Bielaruskaha Narodu z punktu ekanamiczna-kulturalnaha»), датированная 1914 г.³ В отличие от упомянутой выше краткой реляции А. Луцкевича о белорусском движении, рассчитанной, так сказать, на всех, эта рукопись – своего рода внутренний документ, вдумчивый детальный аналитический обзор для своих, для единомышленников, возможно, не слишком искусный с литературной точки зрения. Текст рукописи написан белорусским латинским письмом того времени, испытывавшим всевозможные и в общем-то пока малоизученные превращения, в значительной степени происходившие тогда под влиянием латинографичного варианта еженедельника «Наша Нива» («Nasza Niwa», «Naša Niwa», «Наша Ніва»), выходившего в 1906–1915 гг. на белорусском языке в Вильне параллельно гражданским и латинским шрифтами, последним – до осени 1912 г. Весьма примечателен язык рукописи – характернейший пример становления белорусского литературного языка, носителем которого являлась особа достаточно образованная, вышедшая скорее всего из католической среды, владевшая не только родным, но и польским и русским языками, причем, видимо, владевшая достаточно свободно.

Отсутствие архивных документов, отображающих начальный период белорусского национального движения, привело к тому, что о нем нам известно слишком мало и восполнить этот пробел не удастся до сих пор. Впрочем, очень путанно о нем сообщали и многие современники, в том числе его тогдашние и будущие вожди, многие из последних, кстати, никак заметно не обозначившие своего в нем

участия вплоть до 1917 г. Кое-кто из них и вовсе писал, что «таковое тогда не было заметным и реальным» даже «до 1918 г.», хотя они, по их словам, вроде бы и «принимали» в нем участие⁴. В дальнейшем это наличие, так сказать, «старых» и появление в 1917–1918 гг. «новых» заявивших о себе деятелей белорусского национального движения в значительной степени повлияло на характер взаимоотношений между ними, что весьма наглядно демонстрируют, например, перипетии взаимодействия между В. Ластовским и А. Цвикевичем, а также целым рядом других деятелей, включая А. Луцкевича. Все эти и им подобные в общем-то драматические и даже трагические межличностные перипетии, оказавшие огромное влияние на судьбы всего белорусского национального движения, пока слишком мало изучены.

Так чем же было тогда, к лету-осени 1914 г., белорусское национальное движение? Каковой виделась главная его цель? Каковыми были основные текущие задачи? Внимательное прочтение рукописи «Нынешнего положения Белорусского Народа» позволяет достаточно подробно ответить на все эти и многие другие вопросы. В центре внимания автора, возможно скрывающегося под латинскими инициалами «М. Р.», прежде всего белорусская культура и родной белорусский язык. Свой текст он оформил в виде своеобразного реферата, который, с одной стороны, мог быть зачитан им самим на устраивавшихся тогда всевозможных кружковых и иных заседаниях; мог прочитываться в домашней обстановке единомышленниками, причем теми, кто, так сказать, вполне лояльно или хотя бы нейтрально относился к «белорусской» латинской графике; и, в конце концов, при определенной редакторской подготовке мог быть даже напечатан.

Вполне уместно сравнить «Нынешнее положение Белорусского Народа», например, со знаменитым очерком признанного классика белорусской литературы Максима Богдановича «Белорусское возрождение», написанным тогда же и напечатанным в начале 1915 г. в двух номерах московского журнала «Украинская жизнь»⁵. О текущем положении дел анонимный автор пишет заметно подробней, объем его текста значительно превышает очерк проживавшего в Ярославле М. Богдановича. В известной мере большую часть написанного анонимом можно назвать своего рода краткой историей белорусской литературы и культуры к тогдашнему моменту, причем изложенной, так сказать, изнутри событий непосредственным участником белорусского национального движения.

Рукопись на первых 22 листах содержит в основном различные сведения, касающиеся экономических реалий. Здесь же ее автор со

ссылкой на труды профессора Е. Ф. Карского (л. 4–5) определяет территориальное пространство, занимаемое белорусами, и указывает их число в «8 миллионов» с распределением по разным губерниям. Автор видит множество сложностей в хозяйствовании на белорусских землях, «очень слабое развитие фабричного промысла», огромные проблемы в сельском хозяйстве и тем не менее верит в будущее, нужно лишь «быстрее браться за работу, бросать наше теперешнее безделье, лежание на печи и тогда, даст Бог, при доброй нашей воле воскреснет наш белорусский край и в экономической своей жизни» (л. 17). В известной мере этот «экономический» оптимизм автора перекликается с предсказаниями А. Луцкевича, высказанными им в 1912 г. для польской аудитории на страницах журнала «Славянский мир» («Świat Słowiański»): «Национальное возрождение белорусов опирается на твердую почву, связанную со сменами в общественно-экономической жизни»⁶. Правда, при этом А. Луцкевич назвал тогдашнее белорусское национальное движение «массовым», что коренным образом противоречило истине и совершенно не соответствовало представлениям автора «Нынешнего положения Белорусского Народа», который, видя явную малость движения, призывал однодумцев всячески расширять скромный круг единомышленников. К тому времени «преувеличение» А. Луцкевича, очевидно сделанное в расчете на утверждение в польской среде некоей основательности его собственной социально-политической деятельности, было, конечно же, излишним. Польские виленские журналисты, неплохо обо всем осведомленные, с успехом информировали о белорусском движении широкие круги населения, так что в среде польских интеллектуалов довольно быстро родилось понимание его сути и возможных дальнейших перспектив, рассмотренных сквозь призму собственно польских политических и экономических интересов⁷.

Более того, в польских кругах возникла своего рода дискуссия о состоянии самосознания белорусов с признанием того, что до какого-либо масштабного его проявления еще очень далеко и в целом можно говорить пока о несомненной скромности белорусского движения⁸. Еще менее заметным белорусское движение виделось в великорусских кругах, где о нем что-то знали лишь отдельные ученые и общественные деятели, в большинстве случаев, несмотря на явные симпатии, рассматривавшие его как проявление только социально-культурной активности одной из ветвей единого русского народа. Таковым был, например, академик А. А. Шахматов, писавший в 1908 г. в редакцию «Нашей Нивы»: «Я безусловный сторонник белорусско-

го национального движения, как русский, чувствую неразрывную связь русского племени и сочувствую всем частям этого племени»⁹. Ему через несколько лет, в 1913 г., вторил профессор Харьковского университета, уроженец Витебской губернии А. Л. Погодин, одновременно предупреждая редакцию «Нашей Нивы» и о нескольких ином возможном развитии событий, связанных с белорусским движением, и о своем, в таком случае, отношении к нему: «До тех пор, пока белорусское национальное движение не будет преследовать противогосударственных целей, какие, несомненно, преследуют теперешние лидеры украинского движения, мои симпатии будут, несомненно, принадлежать ему»¹⁰.

Российские государственные власти особой озабоченности по поводу проявлений белорусского национального движения в тот момент не испытывали, хотя и усилили наблюдение за деятельностью редакции «Нашей Нивы»¹¹. Для властей это движение на общем фоне тогдашних внутриимперских политических событий виделось малозначительным. Весьма скромным, хотя и с претензией на явно не подобающую значительность с провозглашением «Нашей Нивой» идеи «единственной культурной силы», оно представлялось тогда и местной внедвиженческой общественности, в том числе и из самой массовой ее части населения – православной. Так, по поводу идеи «единственной культурной силы» «Вестник Виленского Свято-Духовского братства» летом 1913 г. иронично писал: «Куда же девались со своими трудами вы, тысячи священников, народных учителей, волостных писарей и другой сельской интеллигенции, которая творила культуру в Белоруссии до 1906 года? До этого года “Нашей Нивы” не было, вы ее не читали. Следовательно все, что вы сделали, пошло насмарку. Что же делают теперь и в низших и в высших народных училищах, густой сетью покрывших наш край, что делают в ведомстве земледелия, землеустройства, в области сельской кооперации? Конечно, занимаются глупостями. Ибо какая же может быть культура на территории Белоруссии в тех углах, где не читают “Нашей Нивы”? Ведь единственной культурной силой в Белоруссии являются пока только “чytaчы” этой удивительной газеты»¹².

Наш анонимный автор не строит иллюзий по поводу каких бы то ни было быстрых успехов белорусского национального движения, которое пока видится ему прежде всего как культурное, в том числе, вероятно, и на достаточно долгую перспективу. Недаром он обращается к историческому опыту чехов и, собственно, возгласом о том, что «через три поколения возродился целый организм» этого народа,

начинает свой обзор (л. 2). И вот «через полтора века, ныне, чешский народ имеет свою литературу, искусство, школы, университеты, театры, общественные организации и т. д.» (л. 2–3). Вот зримая стратегическая цель автора, а пока – «теперь за работу, за всестороннюю работу по возрождению нашей Родины» (л. 78).

Учитывая большой объем вводимого в научный оборот рукописного источника, при его публикации в журнальном варианте нам пришлось ограничиться лишь переводом на русский язык основной его части, посвященной вопросам тогдашнего текущего развития белорусской культуры. При этом, к сожалению, из-за проблем с объемом мы были вынуждены до минимума сократить комментарии к публикации и само предисловие к ней.

Нынешнее положение Белорусского Народа с экономическо-культурной точки зрения

<...>

Сегодня мы свидетели отрадного явления. Белорусский народ стал пробуждаться, и вместе с возрождением его культурной жизни поправляется и экономическая <...>.

Белорусы начали читать книжки и газеты и нашли способы, как самим помочь своей беде. Этому посодействовали в значительной степени и эмигранты, вернувшиеся из Америки, познакомившиеся с американской культурой, рассказавшие своим сородичам о зарубежных достижениях, сами хватко работавшие и вовлекавшие других.

Мы уже видим, что начинают выписывать газеты, в большинстве польские – «Друг» («Przyjacel»), «Рассвет» («Jutrzenka»), в которых печатается много статей об улучшении хозяйственной жизни. Многие узнанное из газет пробуют реализовать на деле, а когда что-то удастся одному, то это перенимают все соседи и хозяйствование улучшается, та же самая земелька отдает больше и полнее.

Начинают даже организовывать сельскохозяйственные выставки, и наши крестьяне представляют там свои лучшие продукты, не раз получая призы и дипломы. Заметно, что, чем больше просвещение стало входить в наши хаты, тем лучше стало жить и для нас, как говорил наш Янка Купала:

Близок тот денек, когда
Заживем счастливо...¹³

«Не забывайте ж языка нашего белорусского, чтобы не сгинули». Так говорил Мацей Бурачок (Франтишек Богушевич) в своей «Дудке» («Dudce»)¹⁴. Как бы по воле этих слов – завета нашего старого поэта – в конце прошлого столетия активизировалась наша белорусская молодежь, учащаяся в городах России и за границей в высших школах. Всюду она стала заниматься белорусской деятельностью. Она планирует издавать книжки на белорусском языке, чтобы просветить своих собратьев в деревне, чтобы научить их всему полезному.

Пишет ряд брошюрок, небольшие произведения, а уже в начале этого столетия начинает всё более самоорганизовываться и основывает в 1902 г. кружок белорусского просвещения¹⁵. В 1903–1904 гг. он издает две книжки – «Koladnaja czytanka» и «Wialikodnaja czytanka»¹⁶.

В это же время появляется политическая организация социалистического направления «Громада» («Hramada»)¹⁷, но она не была еще достаточно влиятельной. Она издает нелегальную литературу, такую как «Что такое свобода?» («Што такое свабода?»), «Хватит ли всем земли?» («Чы будзе для ўсіх зямлі?») и т. д.¹⁸

С 1904–1905 гг. в истории нашего движения наступают большие изменения. Белорусское движение перестает быть только движением сочувствующих, оно привлекает в свои ряды не только полуинтеллигенцию, но и интеллигенцию. Это движение уже идет непосредственно в сам народ. В деревнях появляются агитаторы, говорят речи о свободе на белорусском языке, раздают прокламации, находят местные ораторы, выступают на волостных сходах и уже прямо требуют автономии Беларуси, прав, школ и т. д.

К концу японской войны становится тише и вся работа ограничивается только тихой, спокойной культурной работой. Наши братья белорусы сильно верили словам поэта:

Нет, неправда! Быть не может
Чтоб не грело теплое солнце.
Наша правда нам поможет,
Блеснет свет и к нам в оконце (Якуб Колас)¹⁹.

Люди доброй воли сразу поняли, что для объединения белорусского народа нужна прежде всего газета, которая могла бы попасть в

руки крестьянина и учить его, кто он есть и кем должен быть. Газета – это лучший способ прикоснуться к душе человека, тем более газета на родном белорусском языке. Хорошо говорит Петр Просты²⁰: «Писать о значении, которое имеют газеты для белорусского народа, белорусские газеты и журналы, – это в наших условиях то же самое, что писать вообще о народном просвещении и народном воспитании. В других краях, где вместе с газетой есть в распоряжении много иных способов расширения просвещения – школы, книги, публичные лекции и т. д., газета, может, и не имеет такого большого веса, но у нас значение газеты огромное. Она может заменить собой и школы, и народные лекции, и книги, и всё, что служит просвещению. Тем самым редакторы газет и их сотрудники становятся настоящими учителями народа, а газета – настоящей школой и единственным проводником в народ культуры и просвещения» (Piotra Prosty. Na szto Bielarusam hazety).

1 сентября 1906 г. в Вильне выходит первый номер газеты «Наша Доля» («Nasza Dola»), предназначенной для сельского и местного рабочего народа, на белорусском языке двумя шрифтами под редакцией Ивана Тукеркеса. В первом номере «Наша Доля» публикует свою программу, в которой сообщает: «Писать мы будем для деревни и будем защищать деревенских людей. Считая главным нашим врагом темноту и бесправное положение мужика, мы объявляем войну всем темным силам, которым для своей большой корысти выгодно было держать восьмимиллионный белорусский народ в неволе и притеснении, баламутить и обманывать его и т. д.». Достаточно этих слов, чтобы увидеть, какую цель в своей деятельности поставила «Наша Доля» и слово свое сдержала до конца, ибо в каждом номере остро критиковала. Неудивительно, что ее часто конфисковывали, а на шестом номере (1 декабря 1906 г.) она прекратила свое существование²¹.

В это время основывается белорусская организация «Заглянет солнце и в наше оконце» («Загляне сонца і ў наша аконца»)²², затем «Минчанин»²³, «Наша хата»²⁴, «Полочанин» («Палачанін»)²⁵.

В ноябре 1906 г. еще во время существования «Нашей Доли» в Вильне начала выходить под редакцией г. Власова²⁶ другая еженедельная газета «Наша Нива», также двумя шрифтами. За короткое время она уже успела попасть во все уголки Беларуси. Более всего заинтересовались идеей белорусского возрождения народные учителя, и в 1907 г. в мае месяце они съезжаются и организывают «Белорусский учительский съезд», в программе которого мы встречаем

требование использования белорусского языка в школе и налаживания подготовки к обучению по-белорусски в учительской семинарии. И теперь мы видим в Глуховском учительском институте Черниговской губернии объединение «Белорусская начальная группа» («Беларуская начальная хеўра») ²⁷, которое также выступает с требованием национального, белорусского языка и обучения в школах. Эти учителя и теперь много работают над повышением самопознания у белорусского народа. «Наша Нива» из рук учительских, шляхты и дворов расходилась помаленьку и по деревням. Нашлись уже и там подписчики, а по их примеру распространяется всё больше и больше, так что сегодня уже нет деревни, где бы по крайней мере если уж не выписывали, то наверняка видели и читали «Нашу Ниву». Это была единственная газета, которая полностью отражала мысли своего народа, видно, что хотела нести просвещение своим братьям, беда только, что в последнее время она была слегка проникнута еврейским духом ²⁸. Забыла разве, что наш народ – это народ, который целый век был мучеником за веру, что он любит эту веру больше всего, что и сегодня за нее готов кровь свою пролить, а «Наша Нива» временами, хотя и косвенно, позволяет ехидно отзываться о предмете, наиболее дорогом для души белоруса ²⁹. Смотрится, как если бы приходили волки да в овечьей шкуре.

«Наша Нива» имеет, видимо, некую в себе приманку, так что если ее кто раз прочитает, хочет всегда иметь перед глазами. Видимо, это не всем нравилось, и вот узнаем (Наша Нива. 1913. № 23), что «Нашу Ниву» ³⁰ запрещено выписывать и читать 1) учителям Виленского учебного округа, 2) всем батюшкам, 3) всем почтовым чинам, 4) всем военным чинам, 5) всем волостным чинам, а теперь, говорят, раз и навсегда и ученикам Воронежской сельскохозяйственной школы ³¹.

Видимо, Правительство не хочет, чтобы мысли о возрождении белорусского народа бродили в головах местной сельской российской интеллигенции и чтобы эта интеллигенция сама, заразившись ими, не стала работать в народе, среди которого она живет. «Наша Нива» с № 43 1912 г. начинает печататься только одним шрифтом – гражданкой.

В 1912 г. появляется первая чисто сельскохозяйственная газета «Соха» («Саха»), выходящая ежемесячно. Публикует на языке доступном и понятном для крестьян, вводит их в более культурное хозяйство, рассказывает об искусственных удобрениях, кормовых травах, о пчелах, садоводстве, огородничестве и даже ветери-

нарии. На выставке в Вильне в этом 1913 году за статьи о семенах «Соха» получила серебряную медаль.

Одно из наиболее важных периодических изданий на белорусском языке – это «Молодая Беларусь» («Маладая Беларусь»), появившаяся в 1912 г. Издает ее организация «Заглянет солнце и в наше оконце». До сих пор вышли только три выпуска первой серии, выпуск стоит 1 рубль³².

«Молодая Беларусь» ставит своей целью писать об общественных делах, вести научный отдел с особым акцентом на научное познание Беларуси и отдел художественной литературы и искусства. В нем уже публикуются совсем серьезные научные статьи, помещенные вместе с прекрасными рассказами и стихами известных писателей. Каждый белорус-интеллигент должен иметь ее в своей библиотеке.

13 января 1913 г. выходит первый номер новой газеты «Белорус» («Bielarus») для белорусов католиков под редакцией А. Бычковского³³. «Жаль мне этого народа... ибо не имеет пищи» (ев. Мар. 8: 2) – эти слова³⁴ могут служить девизом нашей газеты, и с самого начала «Белорус» ставит перед собой такую цель деятельности³⁵: «Слова, которые сказал Христос 2000 лет тому назад, и теперь для нас не старые, и теперь народ белорусский не имеет пищи: голод в теле, голод в душе. Для этого мы приходим к вам, милые братья белорусы, и несем вам веру христианскую. Хотим знать о вашем горе, ваших трудностях, чтобы прийти на помощь с советом... Для этого люди доброй воли начинают издавать “Белоруса”. 1) “Белорус” будет всегда стоять на христианско-католической почве, обороняя католическое и белорусское дело. 2) “Белорус” не будет нападать на другие народности или веры: мы хотим только развиваться в нашей св. вере и народности. 3) “Белорус” будет помещать в каждом номере: а) календарь, б) повести и рассказы, в) костельные ведомости, д) новости из-за границы, е) ведомости из края, ф) хозяйственные ведомости, г) ведомости о войне и многое другое нужное народу.

Итак, обращаемся к вам, милые читатели, к вам, кому дорог наш бедный, темный, “тутэйший народ”, чтобы распространяли нашу газету, чтобы приходили к нам на помощь кто чем может. Жниво большое, а нет кому жать; приходите же, жнецы, – ждем» (Bielarus. 1913. № 1).

Очень небольшая цена, всего 1 руб. 50 коп., позволяет ее иметь каждому хозяину, тем более что бесплатно высылается много приложений к ней – книжек, за которые, если их покупать по отдельности,

нужно было бы заплатить около 1 руб. А в этой газете есть всё, что более всего интересует сельского человека. Есть здесь весточки из разных уголков нашей сторонки, есть и жития святых, замечательные рассказы и стихи, встречаем и хозяйственные советы, загадки и шутки. И эта газета, хоть и небольшая, но входит прямо в сердце нашего крестьянина, и кто ее раз выпишет, не выпустит никогда из рук, а скажет словами Антония Б.:

Верю, что темная ночь
Вечно не будет над нами...³⁶

К настоящему времени в приложении к «Белорусу» вышли:

1. Краткая священная история.
2. Из родного загона. А. Зязюля (*Z rodnaha zagona. A. Ziaziula*).
3. Бярозко. Пчёлка – живность маленькая, а пользы приносит много (*Biarozko. Pczalina żywiółka małaja a karyŭści maje mnoha*).
4. Несколько слов о Страстях Господних (*Niekolki słou ab Paku-sie*).
5. Алкоголь (*Alkahol*).
6. Зачем белорусам газеты (*Na szto Bielarusam hazety*).

Уже по этому списку видим, как нынешний редактор г. Пачобко³⁷ и друзья «Белоруса» стараются делать доброе дело для народа, беда только – нет денег, чтобы исполнить все задумки, которые себе наметили создатели газеты.

1914 год дал нам еще больше, ибо в свет вышла «Лучинка» («Лучинка»), предназначенная для белорусского юношества, литературно-научный ежемесячник, а вслед за ней показалась и «Искорка» («Искрачка»)³⁸, также ежемесячник, но для детей, оба издаются под редакцией г. Власова в Минске. К настоящему времени появилось 6 номеров «Лучинки», и все очень хорошо подготовлены. В них много всяких сведений и по географии и политической экономии, о природе и т. д. «Лучинка» эта и вправду станет служить лучиной, так как вводит молодежь совсем в другой мир, в мир науки, и согревает сердце, чтобы оно любило свою родину и работало для нее.

«Сельская молодежь! – говорит “Лучинка”. – Неправда: ты не забытая, не темная. Здоровьем от тебя и радостью дышит. С интересом ты зриаешь на свет: много чего хотела бы знать, увидеть, понять. Не хватает тебе только образования, и образования свободного, образования доступного, образования на твоём родном языке, которое бы показало тебе, разъяснило бы, какая ты белорусская молодежь,

к какому народу и краю ты принадлежишь. Кем твой белорусский народ был, кем теперь является и кем может быть в будущем. Что ты, сельская белорусская молодежь, можешь великого, ценного, дорогого сделать для своего народа и для своего края кроме того, чтобы пахать и засеивать поля» (Лучинка. № 2)³⁹ – и этой цели придерживается во всех номерах⁴⁰.

Весной 1912 г. наблюдается весьма интересное явление в Петроградском университете. Там образовался «Белорусский научно-литературный кружок» с новой программой. Создателем этого кружка был студент Евгений Хлебцевич⁴¹, который уже давно думал организовать изучение жизни белорусского народа и для этого объединить всех отдельно работающих в этом направлении, чтобы придать их работе определенную систематичность. Главным руководителем студенты выбрали приват-доцента Александра Розенфельда, а основателями кружка были студенты: Пушкаревич, Е. Хлебцевич, Тарашкевич, Л. Адамович, А. Касперович, С. Курелёнок, Юшинский, Дедович, Т. Лось, К. Душевский, Ковалевич, А. Бычковский, Цыбульский, Л. Давидович, П. Алексюк и Вербицкий.

В первом параграфе задач этого кружка значится, что его цель – научное ознакомление с духовной (язык, литература) и общественной (этнография, статистика, хозяйство) жизнью белорусского народа.

Есть надежда, что при активной работе студенческая молодежь немало сделает для белорусского народа, тем более что ее вовлекают в эту работу такие известные профессора, как Шахматов, Карский, Погодин, который говорит: «...над этим надо работать, потому что для народа нет культурного развития вне его сознания своей национальной самобытности»⁴² (Отчет Белорусского научно-литературного кружка студентов С.-Петербургского университета за 1912 г. С. 12). Профессоры Овсяннико-Куликовский, Романов: «Работайте и в экономической области. Спасая народ от экономической зависимости, вы спасаете его и от духовного порабощения. Следуйте примеру польских масс Привислянского края, устраивайте кооперативы, склады, товарищества, кассы и т. д. и учреждения мелкого кредита. Но вот у забитого, загнанного народа нет инициативы. Ваша прямая обязанность стать здесь инициаторами. Ведь сколько предстоит работы для людей, любящих свою родину! Я уже почти старик, – пишет Романов, – а главное, после перенесенной тяжелой болезни не могу так работать, как работалось раньше, но вам, братцы мои, следует горячо за всё это взяться. Неужели же мы уже хуже других?»⁴³ (там же). Профессор Бр. Эпимах-Шипилло обещал свою помощь сту-

дентам в организации библиотеки кружка и консультирование в области белорусского языка и литературы⁴⁴.

Июнь 1914 г. отмечен появлением нового журнала «Утро» («Раніца») ⁴⁵ – мысли белорусской студенческой молодежи. К настоящему времени вышел в свет только первый номер, но выглядит он очень симпатично. В статье «Наши пути» («Нашыя шляхі») говорится, что «белорусская интеллигенция и народ идут разными дорогами, а тем временем долг наш – идти туда, откуда мы пришли, идти туда, где нас зовут, где на нас надеются... Мы, студенты, должны бороться за наш родной язык и не скрывать того, кто мы. Так заявим смело о правах нашего языка, и пусть наш студенческий голос будет сильным, чтобы его услышали те, кто не видит интеллигенции без малого 10-миллионного народа!.. Мы поднимемся на колокольни и раскатаем ржавые била. И будут петь, гудеть колокола, как на Пасху... А спустившись с колокольни, пойдем туда, где еще спят не разбуженные звоном, спят потому, что не слышат их уши и не видят их глаза. В каждую хату придем, где только есть душа людская. Растолкаем спящего хозяина, чудесным зельем дотронемся до глаз его и губ, и будет видеть и слышать. Услышит он звуки колоколов и узнает, что Воскресение. Счастьем светлым и святым наполнится душа его, и обнимет он братьев своих. Скажет: братья мои дорогие, долгое время жили мы в злости и неправде, и вот пришло Воскресение, и я слышу радостные звуки колоколов, и очистили они мою душу. А мы, увидев, что дело наше закончено, пойдем в другую хату. И так обойдем города и деревни» (Раніца. № 1. С. 3–4).

Студенты ставят целью своей работы распространять просвещение, издавать белорусские книжки и газеты. Мы должны, говорят они, показать крестьянину, что мы не дармоеды, что его труд на нас идет на благо и для него. Нам нужно сблизиться с народом, нужно с ним слиться. Мы нынче должны готовиться для будущей общественной работы. Собирайте орнаменты, фотографии строений, песни и т. д.

Итак, мы видим, что студенты уже собрались для культурной работы на благо белорусского народа. Далее всех пошел университет в Петрограде, за ним сельскохозяйственные курсы, где организовано белорусское студенческое общество в 1913 г. Есть еще много кружков, организаций в высших школах. В последнее время появилась мысль, чтобы все эти группы соединить каким-то образом, чтобы работать всем вместе, чтобы, не разбивая каждого по отдельности,

избрать совместное руководство, которое управляло бы общей белорусской студенческой жизнью. В Варшаве и Пулавах также видим белорусские студенческие объединения.

Кроме учеников и студентов много трудится и католическое духовенство, которое начало это уже давно, но ведет работу тихо, спокойно. Публикует в газетах статьи, издает религиозные и научные книжки под разными псевдонимами. В семинариях и католической академии также знакомятся с движением и литературой белорусского народа (Wasilewski. Litwa i Białoruś. Str. 287)⁴⁶.

Для большего знания о культурной жизни нашего народа нужно сказать несколько слов и о наших писателях. Нужно знать, что до 1910 г. все белорусские писатели – «это все землеробы-мужики, печники, кожемяки и им подобные, а самый заметный интеллигент среди них – это народный учитель (Якуб Колас)» (Наша Нива. 1910. № 38)⁴⁷. В последнее время появились уже более образованные писатели, например Андрей Зязюля, Констанция Буйло.

Янка Купала родился и вырос в хате отца-крестьянина. Учился дома и работая в панской пивоварне (Там же). Поэтому в начале его творчества видна еще слабая личная форма, переводы из польских и русских поэтов, которые выходят довольно слабыми по сравнению с оригиналами, однако чем дальше, тем больше Купала вносит в белорусскую поэзию свои собственные мысли, и голос Купалы – это не «эмансипационная программа», а стон наболевшей души, немилый потомкам тех, которые его вызвали, как говорит А. Бульба (Наша Нива. 1910. № 38).

Не нам весна цветет, поет...⁴⁸

«Имя Янки Купалы многое говорит нашему сердцу; оно уже стало дорогим для всех белорусов. И это неудивительно: поэзия Купалы – одно из ценнейших сокровищ, которое привносит с собой национальное возрождение белорусов. В ней ярче, глубже и полнее отражается всё содержание, красота, подъем и величие этого, может быть, наиважнейшего в истории нашего края явления. Янка Купала – душа и голос пробудившегося к новой жизни народа, и в этом всё значение его поэзии – как национальное, так и общечеловеческое» (Наша Нива. 1910. № 38. Wł. S.)⁴⁹. Купала написал уже много, вышли сборники его стихотворений: Жалейка, Гусляр, Дорогой жизни, Вечная песня – поэма в XII частях и т. д.

Якуб Колас – учитель народной школы, сын белорусского народа. Начал публиковаться уже в первом номере «Нашей Нивы», где в стихотворении «Неман» обращается к реке:

Ты течешь далеко – знаю...
Расскажи ж чужому краю
Про житье твоих сынов!..

В 1910 г. вышел в свет сборник стихотворений Коласа «Песни печали» («Песні жалбы»). Якуб Колас глубже всматривается в жизнь своего народа, его стихи полны грусти, он не видит выхода из беды:

Я мужицкий сынок
У меня нет дорог,
Моя школа – шинок,
Моя жизнь – острог («Мужицкая жизнь»)⁵⁰.

Поэт любит свою Родину, она переполнена несчастьем и недолей братьев:

Край родной наш! Бедное поле!
Ты глядишь как сирота.
Грустный ты, как наша доля... («Родные образы»)⁵¹.

Колас надеется, что придет время, когда это сгинет:

Мы ходим, спотыкаемся...⁵²

Далее он пишет стихи «из тюрьмы». Поэту в ней тяжело, он хочет солнца, света и свободы. Он страдает не за себя, а за миллионный народ, и это страдание рождает в нем веру: мучается и живет в такой бедности не один человек, а миллионы, и их страдание не слабый шепот, а громкий стон, который должны услышать даже те, кто крепко заткнул уши; это страдание народа станет для них наваждением, от которого они только тогда смогут освободиться, когда пойдут навстречу пожеланиям народа. «“Песни печали” Коласа я бы назвал, – говорит Бульба, – живой фотографией из белорусской жизни» (Наша Нива. 1910. № 40)⁵³. В 1913 г. вышли «Батрак» и «Как Юрка разбогател»⁵⁴.

Альберт Павлович издал стихи «Снопок» («Снапок») (1910. «Полочанин») и теперь время от времени пишет для «Белоруса». «Чем

больше боли, тем песнь сильнее», – говорит он в начале своего стихотворения «Работай и потей» («Працуй і прэй»). Это поэт, который хочет показать, что плач никому не поможет, нужно беречь слезы, а лучше работать для будущего народа. Много юмора в стихах Павловича, и даже сильно удрученный, прочитав их, может рассмеяться⁵⁵.

Андрей Зязюля первоначально также грешил достаточной шероховатостью формы, но теперь уже пишет весьма стройно. Более всего пишет для «Белоруса». В этом году вышел первый сборник его стихотворений «Из родного загона» («З роднага загону»). Темы выбирает более всего религиозные⁵⁶.

«Что до Максима Богдановича, то у него не заметно быстрого развития, хотя особенности его таланта проявляются уже довольно ясно. Это поэт-художник, как лирик он всё свое внимание обращает на образность содержания стихотворений и вместе с тем заботится о его сгущенности, надеясь благодаря этому придать им особую силу, но сжатые таким образом стихи иной раз вместо образа дают только какой-то обрывок» (Наша Нива. 1911. Нiбы і слаі. № 4)⁵⁷. В 1913 г. вышел сборник избранных стихотворений «Венок» («Вянок»).

Необходимо отметить большой поэтический талант Констанции Буйло. Песни ее – это мысли молодой влюбленной души. Констанция Буйло выросла на белорусской земле и полюбила ее всем искренним молодым сердцем, что хорошо заметно в ее стихотворении «Люблю»:

Люблю наш край, сторонку эту,
Где родилась я и росла...⁵⁸

Очень красочно она описывает природу, но ее стихи – это в большинстве стихи сентиментальные:

Помнишь вечер: с тобою мы в лодке плыли...⁵⁹

Надеемся, что молодая поэтесса даст нам еще многое, выходящее из ее щедрой белорусской души.

Кроме упомянутых есть еще, слава Богу, много писателей, таких как А. Гарун, Г. Левчик, Старый Влас, Тишка Гартный, Чернышевич, Филипов, Антон Б., Томаш Концевой, Грымот, Казимир Свояк, Альфонс П., Янка Локай, А. Сумны, Каганец, Крапивка, Будзько и др.

Есть много талантливых писателей, пишущих прекрасные рассказы. Можно сказать, что это поэзия, только прозой. Есть у них и

юмористические рассказы, и серьезные, заставляющие человека задуматься над собой и жизнью белорусского народа. К таким рассказчикам принадлежит прежде всего Власт, Ядвига Ш., Тарас Гуца, который в этом году издал свои рассказы в книжке «Родные образы» («Родныя з’явы»)⁶⁰, М. Морецкий, издавший книжку «Всходы» («Рунь»), Петр Белорус, написавший прекрасную повесть «Аким Бездолный» («Якім Бяздолны»). Все эти книжки напечатаны в Вильне в 1914 г.

Работники на ниве белорусской культуры не забыли и о наших песнях, и вот вышел «Белорусский песенник с нотами для народных и школьных хоров» («Беларускі песеннік з нотамі для народных і школьных хароў»), составленный Л. Роговским на 4 голоса, содержащий 8 песен. Также вышли из печати две книжечки «Белорусские песни с нотами» («Біеларускіе піесні з нотамі»), первый томик составил А. Гриневич, а второй – Гриневич и Зязюля, известный уже нам поэт. Здесь уже 48 песен на один голос. Еще «Наша Нива» издала первый гимн, принятый белорусами как народный, – «А кто там идет» («А хто там ідзе») – слова Янки Купалы, а музыка Роговского. 1914 г. дал нам «кантичку», жалко только, что без костельной апро-бации. Некоторые песни там замечательно переведены⁶¹.

Говоря о культуре белорусского народа, нельзя не вспомнить о том, какое значение в нашем возрождении имеет театр. Если взглянуть в прошлое, видно, что театры были в большом почете уже у греков вслед за храмами, потому что помимо развлечения у них была высшая цель, принадлежа как бы к сфере религиозных обрядов. Каждый греческий город и римский имел театр. Со всех собирали специальные налоги на театр, и даже тот, кто не имел денег, мог смело туда идти. Помпей и Калигула построили в Риме такой большой театр, что он мог вместить 40 000 человек. Уже язычники видели, какую пользу приносит театр народу, если они об этом так заботились. От языческих народов театры перешли уже и к народам цивилизованным, и сегодня более всего их во Франции. Театр учит человека, выставляет добрые и дурные стороны человеческой жизни, подсказывает, как ее исправить, высмеивает дурное, приучает к доброму. Еще быстрее он достигнет этого тогда, когда представления будут на родном языке, более всем понятном. Сегодня, пожалуй, уже нет народа, который бы не имел театров и представлений на своем языке. Мы давно этого ждали. Правда, говорят и даже пишут, что нынешняя драматургия появилась первоначально в Беларуси и от нас перешла за границу, а мы тем временем свое потеряли, дабы другие

воспользовались. Недавно и у нас подумали об этой важной вещи, будящей наших крестьян от крепкого сна. Мы поняли, что большая подмога для развития народного самопознания – это представления на родном белорусском языке. Появился Белорусский музыкально-драматический кружок, который поставил себе задачу работать в этом направлении, правда, что-то мало слышно о его работе. Но вот как месяц взошел на небе в темную ночь – это Игнат Буйницкий, человек большой энергии и неистощимой работоспособности, замечательный белорусский танцор и артист. Этот человек объехал все большие города и местечки своей Родины с артистами и хором. Видели его и Варшава и Петроград, Вильна и Минск, Полоцк и Дисна и т. д. Везде встречали его как своего родного брата, который нес народу его пищу, жалобные песни и шумные танцы, от которых всё ходит ходуном. Прекрасно описывает Янка Купала такие вечеринки в Петрограде 15 февраля 1911 г. (Наша Нива. 1911. № 8):

Верховод Игнат Буйницкий...⁶²

Говоря о белорусском театре, нельзя не вспомнить о его великом деятеле Владиславе Эпимах-Шипилло, который умер 6 мая этого года. Родился он в 1864 г. в Беларуси в фольварке Залесье Лепельского уезда Витебской губернии. Гимназию окончил в Риге, учился в университете в Петрограде и работал в этом городе в Департаменте государственного казначейства до самой своей смерти. Когда появился белорусский театр, он был душой всей молодежи, был ее вождем и руководителем. «Учил других и сам играл с большим знанием белорусской жизни и того, какое значение имеет родное слово. На протяжении ряда лет с его помощью ставились на сцене белорусские театральные произведения: «В зимний вечер» («У зімовы вечар»), «По ревизии» («Па рэвізыі»), «Одураченные» («Пашыліся у дурні»), «Михалка», «Павлінка» «Хам» и др. В каждом произведении он умел создать живой образ и своим чистым звучным говором тешил сердца белорусов, жаждущих родного слова, дорогого звука в чужой, грустной и хмурой стороне» (Лучинка. Кн. 6. С. 2)⁶³. В последнее время белорусские вечеринки что-то попритихли. Видимо, война стала причиной, ибо какие гульни, когда там льется кровь наших братьев, а здесь жены и дети не имеют куска хлеба. Надеемся, что когда всё утихнет, белорусский театр снова выступит на сцене и будет нас учить, а тем временем наши писатели постараются создать много хороших оригинальных произведений для нашего театра.

Пускай же язык наш будет слышен всюду. «Пускай же он займет почетное место во всей общественной жизни, пускай язык наш уважают не только сами белорусы, а все действительно культурные народы. У нас есть уже газеты, книжки, песни, есть профессора, адвокаты, инженеры и т. д., которые не только не стыдятся родного языка, но и используют его у себя дома и публично» (Наша Нива. 1911. № 45)⁶⁴. Существует белорусский театр и вечеринки. Где же еще не слышим этого языка? – В школе, костеле и церкви. А может, скоро доживем до него и там. Видим мы и немало врагов нашего национального возрождения среди русских и поляков. И одним и другим оно не нравится. Так, в 1906 г. появляется газета «Крестьянин», которая обещает землю, просвещение и свободу белорусам в России, но условием ставит «бросьте, белорусы, ваш уродливый и негодный язык! Использовать его можно в хате да в хлеву – при скотине, а меж людьми с ним не суньтесь! Вы все должны говорить и учиться только по-русски, должны стать русскими, отрекшись от всего родного, и беспокоиться только о том, чтобы изгнать из Беларуси евреев и поляков...»⁶⁵

Сотрудники г. Ковалюка поняли, что от их работы никакой пользы не будет, и в 1908 г. организовали «Белорусское общество». Общество это назвало себя белорусским. «Мы – белорусы», – говорят. «Белорусский народ существует, у него есть свои потребности и желания, он такой же хороший, как и все другие. Но белорусы будут еще лучшими тогда, когда все начнут говорить только по-русски: “Мы не ругаем и не позорим белорусский язык: нет, спаси Боже! Только видите, он какой-то такой, что по-белорусски никак нельзя ширить просвещение в народе, нельзя учить на этом языке!.. для своей же пользы белорусский народ должен присоединиться к русской культуре... только тогда, когда белорусы православные и белорусы католики все чисто будут говорить по-русски, между ними исчезнет разделение и ссоры из-за религии и они сольются с русскими”» (Наша Нива. 1909. № 3; 1910. № 50)⁶⁶.

Теперь ясно видим, какой была программа «Белорусского общества», и никакие пояснения нам не нужны. «Крестьянин» говорит прямо, а «Белорусское общество» ту же самую мысль облекает в более привлекательную форму. Разве всюду было слышно о г. Солоневиче, редакторе «Белорусской жизни»⁶⁷, который только натравливал против поляков⁶⁸? Хорошо ему ответила «Наша Нива»: «Занимайтесь, паны Солоневичи, “национальным союзом”, служите темным силам – теперь их время!.. “Наша Нива” будет считать позором и тра-

той времени дальше отвечать мелким перебежчикам» (Наша Нива. 1911. № 5)⁶⁹.

Не без того, чтобы время от времени и польские газеты не укололи бы белорусское движение, но все-таки некоторые хотя бы больше нам сочувствуют, так, например, «Иллюстрированный еженедельник» («Tygodnik Ilustrowany») пишет (Tygodnik Ilustrowany. 1912. № 37–38): «Перед нами явление, как видим, необычайно интересное: перерождение движения революционно-общественного в национальное движение. И трансформация эта осуществляется независимо от воли инициаторов. Социалистический агитатор шел в “народ” будить ненависть к пану и протест против государственного строя – чего среди бедных и необычайно добрых по природе масс этого тихого и деревенского люда не удалось ему совершенно, помимо воли вместо этого создал иное чудо, а собственно, упростил возможность его осуществления в будущем. Сеял ненависть к другим, а взошла более осознанная любовь к своим. О, как же редко меняется в столь благодатной почве злое семя!.. Эта восьмимиллионная масса в своих всесторонних проявлениях более всего своеобразна, материал, кажется, на самостоятельный народ бесспорный. Над обработкой этого материала трудятся молодые белорусские патриоты, жаждущие внушить чувства своего единства и собственных племенных и социальных целей»⁷⁰.

Сыны нашей Родины не способны драться на ножах, они не умеют никого обижать, они не привыкли к этому, и еще не слышно, дабы кто жаловался по такому поводу, только сами были под вечным гнетом, сами страдали и, тяжело работая, ели «хлеб с мякиной».

Теперь, когда немножко выглянуло солнце и свет пришел и к бедным, несчастным крестьянам и когда «захотелось им, веками обиженным, слабым и глухим, людьми зваться», начали те самые братья славяне нападать на беззащитного и убеждать его, что он не человек, пока не будет говорить по-польски или по-русски. Не хотели те паны признать язык белоруса, до сих пор только синонима мужика. Разве забыли, что первые книжки в Литве напечатаны по-белорусски, разве не знали, что язык белорусский при дворе Литовского княжества был в большом почете, что законы (статут) и все акты написаны были по-белорусски? И этот язык потом после присоединения Литвы и Беларуси к Польше остался только среди крестьян и шляхты. Культура польская, а потом и русская делали всё, чтобы полонизировать или русифицировать белорусов, но наш народ живущий везде, не помогло даже то, что после ликвидации унии в 1839 г. было за-

прещено говорить проповеди в костелах и церквах (униатских) по-белорусски. Деревни и застенки хотя и утратили культуру дедов, однако сохранили их язык. Хуже было с белорусами, которые жили на пограничьях Польши и России, – там они чаще всего превращаются в поляков и русских. Федоровский в своем труде «Белорусский народ» («Lud Białoruski») приводит хороший пример, как шляхта говорит на границе с Польшей (от Суховоли, фольварк Зухово) (Fedorowski. Lud Białoruski. T. III. Cz. 2. S. 167)⁷¹.

А как белорусы понимают русскую речь, пишет Лемеш (Наша Нива. 1913. № 24–25): «Я знаю крестьян, которые после окончания народной школы и по сегодняшний день не знают, что это такое “свекла” (бурак) или “тыква” (гарбуз). На выставке в Быхове в 1911 г. одна учительница, приведя мальчиков и девочек, учеников народной школы на выставку, должна была им на каждом шагу объяснять, что “цыбуля” не “цыбуля”, а “лук”, “жито” не “жито”, а “рожь” и т. д.»⁷².

А как же много приносит вреда белорусскому языку русская школа и солдатчина! А отъезды в русские и польские города на заработки или на службу! Каждый, кто оттуда возвращается, стыдится уже отеческого языка, называя его простым. Вынужден волей-неволей прислушиваться наш мужичок к этим «прекрасным» языкам и сам понемножку стараться на них говорить. Со временем много белорусов православных сделались русскими, а католиков – поляками. Правительство не признает белорусской нации (nacji białoruskiej) и запрещает учить детей по-белорусски, считая их русскими. «Белорусы католической веры привыкли считать польский язык святым языком, языком веры, которую они исповедуют» (Наша Нива. 1913. № 41)⁷³ и ни за что не хотят отказаться от него, ибо боятся, видя политику государства, как бы сперва, заменив польский язык на белорусский, не заменили в конце концов на русский и не сделали бы их православными. Удивительно! Если ходить в школу, то белорусы русские, а если кто хочет купить землю, поступить на государственную службу – тогда те же белорусы становятся поляками. Издательство, да и только! Что же тут поделает наш бедный, неуверенный «мужичок»? Слабый сильному не товарищ! Как поэт Янка Купала не без явной причины писал,

Ляг, прижмися к земле...⁷⁴

Так говорит душа пламенного белоруса-поэта, душа, которая глубже понимает теперешнее положение белорусов и болит у него

за то издевательство, которое встречает со всех сторон его славная некогда Родина.

«Родной язык – это сокровище народное, в нем собрано и сохранено всё, что имеет народ самого лучшего, самого дорогого, что поднимает человека на более высокие ступени культуры, – всё прошлое и будущее народа. Язык – это труд народной души, ее живое творение. И потому он, родной язык, показывает нам все особенности как человека, так и целой нации (се́лај пасіі)» (Світло. № 1. Ст. Чепиги)⁷⁵.

Замечательно пишет Г. Б. (Наша Нива. 1910. № 42): «Родной язык переходит из рода в род, от поколения к поколению, и это наследие от веков опирается на закон природы. Мы знаем, что все мы дети, которые рождаются и будут рождаться, когда они гnevаются, то морщатся, кривят губы, брыкаются и поднимают крик. Но также хорошо известно, что никто их этому не учил: это заложено в них природой с веков вечных; это закон природы, что как в гневе кривил свое лицо первобытный человек, так будут кривиться и кривятся все поколения потомков. Хотя по такому же закону природы в душе человека заложены склонность выражать свои мысли и переживания теми самыми звуками, а в дальнейшем развитии и словами, какие использовали с незапамятных времен предыдущие поколения. Наука нам говорит, что когда рождается ребенок, то его мозг так уже устроен, что всякие мысли, всякое понятие легче всего находит там себе место, когда вводится ему в голову с помощью материнского языка. Учить детей сызмала чужому языку, а тем более обучать на непонятном языке – это значит забивать у них природную склонность, уводить с простой дороги, по которой жизнь судила им идти»⁷⁶.

Это касается каждого языка, и если имеют право немцы говорить по-немецки, французы по-французски, русские по-русски, поляки по-польски, евреи по-еврейски и иметь свои школы, почему же так обижен наш белорусский народ? Чем мы хуже других народов? Какое имеют право пренебрегать нашим языком другие народы? Разве он смешон? Нет, для нас он самый дорогой. Мы должны знать и другие языки, но это не значит, чтобы от своего отрекаться. Мы должны добиваться даже, чтобы за нашим языком были признаны те права, которые имеют другие народы. Пора уже нам хорошо уразуметь, что мы отдельный народ, мы должны искренно любить нашу Родину, и наш язык для нас должен стать святым. Так помните же, братья, когда только сами будем добрыми сыновьями Матери-Беларуси, тогда и другие нации будут к нашему народу и нашему языку относиться с уважением. Тогда, может, услышим, как белорус и учится в школе, и

Бога хвалит, и с панами заговорит тем самым, своим роднюсенским языком, каким сейчас ругает детей и скотину.

А теперь за работу, за всестороннюю работу по возрождению нашей Родины. Все, кому дорог наш бедный народ, все, кто чувствует себя детьми Беларуси, и те, кто стоят высоко и учат других, и те, кто учится, и богатые и беднейшие, и те, кто живет в прекрасных дворцах, и те, кто выполняет самые грязные работы, – все должны запрягаться в плуг и трудиться, сколько сможет. Кто советом, кто пером, кто словом, кто чем может, пускай приходит – и сделает этим заслугу перед народом вечную. Уже пора!

Правда, начало трудное, но это везде так, нужно помнить, что Бог милосерден, Он смиляется над нашим деланием, поможет нам, Он нас любит, и, хотя до сих пор существует немало наших внутренних недругов, видим, что в недалеком будущем «блеснет солнце и в наше оконце» и лучами своими осветит и согреет наш край, наших темных братьев.

«Должно быть целью всех ширить просвещение...» («За работу». К. Буйло)⁷⁷.

Закончу словами поэта И. Филипова, посвященному г. П. М-ко:
«Трудись, наш товарищ, трудись без усталы...»⁷⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Антон Новина. Белорусское движение // Новый энциклопедический словарь. СПб., [1912]. Т. 8. Стб. 942–947.

2 Rudling P. A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism: 1906–1931. Pittsburgh, 2015.

3 Национальная библиотека Беларуси. Научно-исследовательский отдел книговедения. Е.х. 091/4302.

4 Цит. по машинописному оригиналу «Автобиографии работника по Белорусскому движению Ф. М. Верниковского», составленной им в городе Гродно в 1919 г., хранящемуся ныне в: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyrius (далее – LMAVB. RS). F-21. (Vnt. 723. Lap. 2).

О Ф. М. Верниковском см.: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Ф. М. Верниковский – деятель белорусского национального движения в межвоенной Польше // Славянский альманах. 2016. № 3–4. М., 2016. С. 160–175.

5 Богданович М. Белорусское возрождение // Украинская жизнь. 1915. № 1. С. 50–64; № 2. С. 53–61.

6 *Nowina A.* U źródeł odrodzenia Białorusinów // *Świat Słowiański*. 1912. T. 2. S. 586.

7 См., например, специальную статью В. Барановского: *W. B. Ruch białoruski* // *Tygodnik illustrowany*. 1912. № 37. S. 768; № 38. S. 790–791.

8 См., например: *Jankowski Cz.* Na Litwie i Białejrusi // *Tygodnik illustrowany*. 1909. № 22. S. 432.

9 Цит. по: *Каўка А.* Жывом! Старонкамі беларускага самапазнання. М.; Менск, 1997. С. 60.

10 LMAVB. RS. F-21. Vnt. 411. Lap. 1.

11 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Е.х. 1154. «Дело об усилении наблюдения за издаваемой в г. Вильне А. Власовым газеты “Наша Нива” на белорусском языке» (январь-май 1912 г.).

12 Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1913. № 11. С. 222.

13 Процитирована концовка известного стихотворения Янки Купалы «Песня а песнях», впервые опубликованного кириллицей в его авторском сборнике «Жалейка» (Петербург, 1908).

14 Ставшее на десятилетия программным известное изречение белорусского литератора ранней поры Франтишека Богушевича (1840–1900), писавшего под псевдонимом Мацей Бурачок, помещенное в его книге «*Dudka białaruskaja*» (Kraków, 1891): «*Nie pakidajcież mowu naszaj białaruskaj, kab nia pamiorli*».

15 Речь идет о белорусской просветительской организации «Кружок белорусского просвещения и культуры» («Круг беларускай народнай прасветы і культуры»), существовавшей в Петербурге в первые годы XX в.

16 В действительности эти крошечные альманахи, напечатанные на гектографе, носили названия «*Kaladnaja pisanka na 1904 hod*» и «*Велікодная пісанка*».

17 Краткое распространенное название старейшей белорусской политической партии «Беларуская рэвалюцыйная грамада», позднее переименованной в «Беларуская сацыялістычная грамада», просуществовавшей с первых лет XX в. до ее окончательного распада в конце 1910-х гг.

18 Подробнее о подобных изданиях этой партии, запрещенных цензурой, см.: *Александровіч С. Х.* Пуцявіны роднага слова. Мінск, 1971. С. 154–155.

19 Процитирована концовка стихотворения Якуба Коласа «Друзьям» («Сябрам»), датированного 1907 г.

20 Петр Просты – псевдоним выходца из белорусской крестьянской католической семьи литератора Ильдефонса Бобича (1890–1944),

жизнь и творчество которого практически не изучены. Приведенная цитата из небольшой брошюры «Зачем белорусам газеты» («Na szto Biełarusam hazety»), опубликованной в Вильне в 1914 г.

21 «Наша Доля» – еженедельная общественно-политическая газета для широких белорусских масс, бывшая периодическим печатным органом нелегальной Белорусской социалистической громады. Печаталась кириллическим (гражданкой) и латинским шрифтами.

22 «Загляне сонца і ў наша аконца» – первая легальная белорусская издательская организация, существовавшая в Петербурге в 1906–1914 гг.

23 «Минчанин» – еженедельная общественно-политическая газета на русском языке, издававшаяся в Минске в конце 1913 г.

24 «Наша хата» – белорусская издательская организация, существовавшая в Вильне в 1908–1911 гг.

25 «Палачанін» – белорусская издательская организация, существовавшая в Вильне в 1910 г.

26 Власов Александр Никитович (1874–1941) – белорусский общественный деятель, издатель, публицист, член Центрального комитета Белорусской социалистической громады. Участник Всебелорусского съезда 1917 г., член Рады Белорусской Народной Республики, заключенный польского концлагеря в Стшалкове, репрессирован в конце 1939 г. и умер в Сибири весной 1941 г.

27 Глуховский учительский институт – специальное педагогическое учебное заведение, основанное в 1874 г. в древнем городе Глухове в нынешней Сумской области Украины. Деятельность белорусского объединения в тогдашнем Глуховском учительском институте не исследована.

28 Видимо, имеется в виду ряд появившихся в газете публикаций о жизни еврейского населения белорусских земель, которое к тому времени даже преобладало среди жителей многих белорусских городских поселений. Так, например, в одной из заметок сообщается: «...старые евреи в большей своей части – это люди, прошедшие тяжелую школу жизни... имевшие навыки отношений с местным населением и сжившиеся с ним. Несмотря на укоренившийся у них религиозный и национальный фанатизм они все-таки являются весьма хорошими нашими соседями и гражданами края, ибо, крепко держась своего, не русифицировали нашего крестьянина» (*Тутэйшы. Праўдзівы шлях // Наша Ніва. 1914. № 10. С. 2*).

29 Вероисповедная проблема – одна из самых важных и трудных в белорусской истории. Православие, католицизм, униатство, протестан-

тизм и различного рода сектантство – всё это в весьма концентрированном и драматическом виде воплотил «целый век», о котором упоминается в обзоре. В частности, автор, вероятно, имеет в виду и попытки возрождения униатской церкви, ставшие весьма активными в начале XX в., причем не без помощи греко-католического митрополита Андрея Шептицкого.

30 Ссылка на статью «Запрет “Нашей Нивы”» (Забарона “Нашей Нівы”), опубликованную в № 23 «Нашей Нивы» в 1913 г.

31 Воронцовская сельскохозяйственная школа открыта в 1909 г. в имении Маньковичи князя В. Друцкого-Любецкого (ныне на территории современного Поставского района Витебской области).

32 «Малая Беларусь» – общественно-политический и литературный альманах на белорусском языке, издававшийся кириллицей и латиницей в Петербурге в 1912–1913 гг.

33 «Bielarus» – еженедельная общественно-политическая, литературная и религиозно-просветительская газета на белорусском языке, печатавшаяся латиницей в 1913–1915 гг. в Вильне.

34 Слова из главы 8 Евангелия от Марка.

35 Прочитирован фрагмент редакционной передовицы «Слава Иисусу Христу» («Pachwalony Jezus Chrystus»), опубликованной в № 1 газеты «Bielarus» в 1913 г.

36 Далее приводится полный текст стихотворения «Верю» («Wiegi») Antonija B. (Антоня Бычковского), помещенного в № 5 газеты «Bielarus» в 1913 г. Творческое наследие этого автора совершенно не изучено.

37 На самом деле, видимо, правильнее не Пачобко, а Пачопко. Пачопко Болеслав (1884–1940) на момент издания «Белоруса» – недоучившийся католический семинарист, со второй половины 1920-х гг. неоуниатский священник и одновременно римско-католический ксендз (!) в Белорусском Полесье, принявший духовный сан «по византийскому обряду» из рук митрополита Андрея Шептицкого летом 1926 г. во Львове.

Прекрасная осведомленность о состоянии дел с изданием газеты, а также явная симпатия как к самим издателям, так и к общему направлению «Белоруса» несомненно свидетельствуют о довольно близких контактах автора с белорусской католической средой.

38 На самом деле это издание из-за начала Первой мировой войны так и не увидело свет, хотя готовилось к печати.

39 Фрагмент из публицистической статьи-обращения известной белорусской писательницы Алоизы Пашкевич (1876–1916), публиковавшейся под псевдонимом Тётка (Цётка), «К сельской белорусской моло-

дежи» («Да вясковай моладзі беларускай»), напечатанной анонимно в № 2 журнала «Лучинка» за 1914 г.

40 Алоиза Пашкевич была не только литературным редактором «Лучинки», но и одним из главных идеологов этого издания.

41 Хлебцевич Евгений Иванович (1884–1955) – один из активных участников белорусского национального движения в начале XX в., автор ряда литературоведческих и книговедческих работ.

42 Цитируются слова Александра Львовича Погодина (1872–1947), уроженца города Витебска, филолога-слависта, профессора ряда университетов, в том числе, в период его эмиграции, Белградского. Слова эти написаны Погодиным во время его профессорства в Харьковском университете и напечатаны в сборнике «Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета: Оттиск из отчета о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.» (СПб., 1913).

43 Эти слова принадлежат известному белорусскому ученому Евдокиму Романовичу Романову (1855–1922), активно поддерживавшему начинание петербургских студентов. Подробнее см.: *Семашкевіч Р. М.* Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецябурзе (канец XIX – пачатак XX ст.). Мінск, 1971. С. 59–70.

44 Бронислав Игнатьевич Эпимах-Шипилло (1859-1934) – деятель белорусского национального движения, с 1880-х гг. и до своей кончины в основном проживавший в Санкт-Петербурге – Ленинграде. Редактор, библиотечный работник, собиратель, литературовед.

45 «Раніца: Думкі беларускай студэнцкай моладзі» – студенческий журнал, первый и единственный номер которого насчитывал всего 15 страниц.

46 Автор приводит ссылку на книгу известного польского политического деятеля, историка Леона Василевского (1870–1936) «Litwa i Białoruś» (Kraków, 1912).

47 Прочитированные слова из материала А. Бульбы (Витовта Чиж) «Из газет» («З газет»), помещенного в № 38 «Нашей Нивы» в 1910 г.

В. Чиж – переводчик и публицист, в начале XX в. участник белорусского движения, постепенно отошедший от него, чиновник польской администрации в межвоенное время.

48 Далее следует обширное цитирование известного остросоциального стихотворения Янки Купалы «Безземельные» («Беззямельныя»), впервые опубликованного в его сборнике «Гусяляр» («Huślar»), напечатанном латиницей в 1910 г. в Петербурге.

49 Прочитрованы слова из статьи Вл. С. (Владимира Самойло) «“Вечная песня” Янки Купалы» («“Адвечная песня” Янкі Купалы»), опубликованной в № 38 «Нашей Нивы» в 1910 г.

В. И. Самойло (1878–1941) – активный участник белорусского национального движения начала XX в., литератор, философ, полиглот.

50 Цитата из стихотворения Якуба Коласа «Мужыцкая жизнь» («Мужыцкае жыццё»).

51 Цитата из стихотворения Якуба Коласа «Родные образы» («Родныя вобразы»).

52 Далее приводится стихотворение Якуба Коласа «Наша возьмет» («Наша возьме»).

53 Цитата из рецензии А. Бульбы на сборник стихотворений Якуба Коласа «Песни печали» («Песні жалбы») (Вільня, 1910), напечатанной в № 40 «Нашей Нивы» в 1910 г.

54 Второе из упомянутых автором произведений Якуба Коласа на самом деле носит название «Как Янка разбогател» («Як Янка забагацеў»).

55 Альберт Францевич Павлович (1875–1951) – конторский служащий, белорусский литератор, наибольшая творческая активность которого пришлась на начало XX в.

56 Андрей Зязюля – псевдоним римско-католического ксендза Александра Астравовича (1878–1921), одного из сторонников белорусизации костела, белорусского литератора и культурного деятеля.

57 Примечательно, что слова эти прочитрованы из статьи самого М. Богдановича «Глыбы и слои» («Глыбы і слаі»), подписанной им «М. Б.», которая была напечатана в № 4 «Нашей Нивы» в 1911 г. Их, видимо, можно считать весьма самокритичной творческой характеристикой этого классика белорусской литературы на тот ранний период.

58 Далее приводится обширная цитата из стихотворения «Люблю», написанного известной белорусской поэтессой Констанцией Антоновной Калечиц (1893–1986), публиковавшейся под псевдонимом, связанным с ее девичьей фамилией, Констанция Буйло. Основная часть ее жизни прошла в Москве.

59 Далее приводится обширная цитата из стихотворения Констанции Буйло «Помнишь вечер?» («Помніш вечар?»).

60 Тарас Гуца – один из псевдонимов Якуба Коласа, о чем автор, видимо, не знал.

61 Речь идет об издании «Kantyczka, albo sabrannie nabożnych pieśień dla użytku katalikow białarusów» (Wilnia, 1914). Суждения об этой книге, в том числе об отсутствии ее «костельной апробации» («kaściel-

паў арґрабату)), с несомненностью свидетельствует о достаточно тесной связи автора с белорусской католической средой.

62 Далее цитируется известное стихотворение Янки Купалы, посвященное И. Буйницкому, помещенное вместе с корреспонденцией о его выступлении в Петрограде зимой 1911 г. в № 8 «Нашей Нивы» того же года.

63 Жизнь и деятельность Владислава Эпимах-Шипилло (1864–1914), младшего брата Бронислава Эпимах-Шипилло, практически не изучены. Основными источниками сведений о нем по-прежнему служат несколько кратких упоминаний в печати и некролог в № 19 «Нашей Нивы» 1914 г., где также помещено стихотворение Янки Купалы «Светлой памяти Владислава Эпимах-Шипилло» («Светлай памяці Владислава Эпімах-Шыпілло»).

64 Цитата из статьи А-Н-А «Белорусский язык в последнем пятилетии» («Беларуская мова у апошнім пяцілецьці»), помещенной в № 45 «Нашей Нивы» в 1911 г.

65 Авторская полемическая интерпретация некоторых акцентов программы еженедельника «Крестьянин», вышедшего на русском языке в 1906–1915 гг. в Вильне под редакцией А. С. Вруцевича и С. А. Ковалюка.

66 Автор цитирует слова из двух статей: анонимной «О “Белорусском Обществе”» («Аб “Белорусском Обществе”») (Наша Нива. 1909. № 3) и «Наш путь» («Наш шлях»), подписанной Г. Б. (Наша Нива. 1910. № 50).

Г. Б. – псевдоним Антона Луцкевича.

67 «Белорусская жизнь» – ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в Вильне в 1909–1911 гг. на русском языке под редакцией Л. М. Солоневича и П. В. Коронкевича, орган «Белорусского общества». Не исключался и выпуск газеты на белорусском языке, что не было осуществлено. Деятельность «Белорусского общества», как и общества «Крестьянин», издававшего одноименный еженедельник, изучены еще недостаточно, в общих чертах не прослежены даже судьбы их лидеров. Не является исключением и Л. М. Солоневич, отец знаменитого публициста и философа, творца идеи «народной монархии» И. Л. Солоневича.

68 На самом деле позиция «Белорусской жизни» была не столь упрощенной. Ее редакторы видели перед собой задачу «поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание» и «указать ему пути для выхода из... тяжелого экономического положения» (Белорусская жизнь. 1911. 1 января. С. 2).

69 Прочитрованы заключительные строки статьи «Последний ответ “Белорусской Жизни”» («Апошні атказ “Белорусской Жизни”»), опубликованный в № 5 «Нашей Нивы» в 1911 г.

70 Прочитаны фрагменты статьи В. Барановского «Белорусское движение» (*W. B. «Ruch białoguski»*), опубликованной в № 37 еженедельника «Tygodnik Ilustrowany» за 1912 г.

71 Приводится цитата из восьмитомного труда известного польского ученого М. Федоровского «Lud Białoruski na Rusi Litewskiej: Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905» (Kraków, Warszawa, 1897–1905). Цитата на с. 167 Т. 3. Ч. 2, опубликованной в 1903 г. в Кракове. Фольварк Зухово (Жухово) располагался вблизи нынешнего городка Суховоля, что к северу от центра Подляшского (Подлясского) воеводства Польши города Белостока.

72 Прочитан фрагмент заметки Лемеша: «Обмолвка ученого» («Абмылка вучонага»), опубликованной в № 24–25 «Нашей Нивы» в 1913 г.

73 Цитата из статьи К. Святягора «Об обучении веры» («Аб навучанні веры»), опубликованной в № 41 «Нашей Нивы» в 1913 г.

74 Далее цитируется известное стихотворение Янки Купалы «Брату-белорусу», написанное в 1913 г.

75 Цитата из статьи известного украинского педагога Я. Ф. Чепиги «Национальность и национальная школа» («Національність і національна школа»), опубликованной в № 1 журнала «Світло» за 1910 г. Правда, само цитирование Я. Ф. Чепиги не буквальное, так как, например, конец цитаты в украинском оригинале читается так «І через те вона стає яскравим виразом окремої любовини і цілої народності», именно «народности», а не «нации», как у цитировавшего в переводе с украинского на белорусский язык. Впрочем, собственная вина цитировавшего здесь минимальная, так как привел он ее непосредственно из статьи Г. Б. (псевдоним Антона Луцкевича) «Родной язык и его культурное значение» («Родная мова і яе культурнае значэнне»), опубликованной в № 42 «Нашей Нивы» в 1910 г., т. е. в переводе Антона Луцкевича.

76 Цитата из статьи Г. Б. «Родная мова і яе культурнае значэнне», опубликованной в № 42 «Нашей Нивы» в 1910 г.

77 Цитируется часть стихотворения К. Буйло «За работу» («Да працы»).

78 Цитируется часть стихотворения И. Филипова (псевдоним И. Ф. Нелепки) «Трудись, наш товарищ» («Працуй, наш таварыш»), посвященного П. М-ко. Жизнь и творчество И. Филипова совершенно не изучены, хотя, например, его процитированное стихотворение не раз перепечатывалось в различных белорусских изданиях на протяжении многих лет.

Ju. A. Labyntsev, L. L. Shchavinskaya

The Belarusian national movement at the beginning of WWI:
an analytical overview by an informed contemporary in 1914

This is a publication of an important source for the history of the Belarusian national and cultural movement in the Russian Empire. The text under scrutiny was written by an unknown author, one of the devoted members of the movement in 1913–1914. It is a thoughtful view from the inside, a detailed analysis of the few but real achievements of the Belarusian movement at the beginning of the First World War. During the war in 1915–1916 a new stage starts, that can be called national and political. The author called his review “The current situation of the Belarusian people from the economical and cultural viewpoint”. On focusing on current economical troubles and obstacles, he dwelled upon the problems of revitalization of the Belarusian language and culture. He expresses that he is utterly sure in the chosen way of revitalization, since not long before the Czech “have gone through it, and now they have their own literature, art, schools, universities, theatres, public organizations etc.”.

Keywords: *Belarus, Belarusian national movement, Belarusian language, Belarusian culture, WWI.*

А. В. Ганин
(Москва)

**«Чехи вообще уже выдыхаются...» Письмо офицера
Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной
академии генерал-майору А. И. Андогскому
от 22 сентября 1918 г.**

Статья представляет собой публикацию письма офицера Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной академии генерал-майору А. И. Андогскому о положении корпуса и военно-политической обстановке на востоке России в сентябре 1918 г.

Ключевые слова: *Гражданская война, Белое движение, Чехословацкий корпус.*

Документы личного происхождения представляют собой ценнейший, но слабоизученный и мало востребованный исследователями пласт исторических источников по истории Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Между тем некоторые материалы личной переписки содержат ценные свидетельства о событиях того периода. Публикуемое ниже письмо офицера Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной академии генерал-майору А. И. Андогскому от 22 сентября 1918 г. как раз относится к числу таких источников.

История академии тех лет уже получила свое монографическое освещение¹. Вместе с тем проведенное исследование позволило выйти на ряд смежных тем и под новым углом зрения взглянуть на уже, казалось бы, изученные события. Одним из наиболее интересных и до сих пор слабо разработанных сюжетов, которые обозначились в результате проделанной работы, стала борьба военно-политических группировок в антибольшевистском лагере на востоке России в 1918–1919 гг.

В числе таких условных группировок была и академическая, включавшая преподавателей и слушателей ускоренных курсов Военной академии. Слушатели и преподаватели осенью 1918 г. оказались распределены по множеству штабов и управлений в антиболь-

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17–81–01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

шевистских вооруженных формированиях востока России. Многие из них старались поддерживать связь с академией и ее начальником, обменивались новостями и соображениями по поводу своего служебного положения в сложившихся условиях. Слушатели надеялись на успешное завершение обучения в старшем классе, следовательно, готовы были подчиняться Андогскому и действовать в его интересах. Позднее некоторые приняли активное участие в омском перевороте 18 ноября 1918 г., в результате которого на востоке России была установлена единоличная власть Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака.

Начальник академии фактически получил в свои руки мощную агентурную сеть, пронизывавшую все органы военного управления антибольшевистского лагеря. О том, что слушатели и преподаватели информировали Андогского обо всем происходящем, свидетельствуют отдельные письма прежних сослуживцев, сохранившиеся в личном фонде Андогского. Подобные письма порой перехватывались командованием, а их отправители несли ответственность за свои действия². Одно из писем, информировавших Андогского о внутреннем состоянии антибольшевистских сил, принадлежало офицеру штаба Чехословацкого корпуса Г. Ю. Бируле.

Об авторе письма известно немного. Индржих Юрий Бируля (в русских документах – Генрих Юрьевич или Иосифович) родился 11 (23) апреля 1894 г. Обучался на ускоренных курсах 3-й очереди Военной академии. Обучение было прервано в связи с событиями Гражданской войны на Урале и в Поволжье летом 1918 г. Бируля состоял в подпольной антибольшевистской организации академии, в составе отряда которой ушел из Екатеринбурга в июле 1918 г. на соединение с наступавшими на город чехословаками. После этого началась его служба в антибольшевистском лагере. В связи со своим происхождением офицер в конце августа 1918 г. получил назначение в штаб Чехословацкого корпуса на должность штаб-офицера для поручений. В 1919 г. Бируля был произведен в чины майора и подполковника. Позднее вернулся на родину, жил в Чехословакии, где и умер в 1972 г.

Письмо капитана Бирули было написано в период окончания Государственного совещания в Уфе, определившего форму государственного устройства антибольшевистского лагеря на востоке России. Документ дает представление о положении Чехословацкого корпуса в начале осени 1918 г., взглядах командования корпуса на происходившие события и перспективы Гражданской войны.

Яркую зарисовку представляет собой эпизод встречи выпускников курсов в штабе корпуса, где поначалу не знали, что с ними делать, и не доверяли молодым офицерам (даже не читали при них некоторые телеграммы). Лишь в конце второй недели службы положение новоприбывших стало более прочным. Автор письма отмечает стремление чехов покинуть фронт, что вскоре и произошло. Пишет Бируля о неоднозначном отношении штаба корпуса к Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания («бельмо в глазу у чешского командования»), а также о плохом отношении русских офицеров к чехословакам.

Любопытны характеристики антибольшевистских формирований, в частности критическая оценка Уральского корпуса как внушительной, но мертвой силы, которую даже боялись вооружать. Разумеется, Бирулю интересовал вопрос окончания учебы в академии, о чем он и спрашивал Андогского. Из документа можно узнать и о служебном положении и бытовой стороне жизни офицеров в тот период.

Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Ваше Превосходительство!
Глубокоуважаемый Александр Иванович

Пользуясь возможностью, считаю своим долгом поделиться с Вами о своем житье-бытье в штабе (Чешского) главнокомандующего всеми вооруженными силами русской и союзнической армий, действующих против советских войск, и сообщить Вам ориентировку как оперативного, так и политического характера.

28 авг[уста] приехал я в штаб Чеховойск на должность штаб-офицера для поручений. В течение 2^х дней в штабе не знали, что со мной делать и какую дать мне работу (со мной приехал и есаул Толкачев³ на должность обер-офицера для поручений). Смотрели на нас как-то недоверчиво, некоторые телеграммы при нас не читались и т. д.

И так продолжалось в течение недели. Ориентироваться в обстановке приходилось самим. В общем, положение и самочувствие было не из приятных. Но потом понемногу начали привыкать к нам, и в конце концов в конце второй недели мы заслужили маленькое доверие. Теперь мы уже в курсе всех дел, и нас почти по-

читают за своих. В нравственном отношении, т. е. как офицеры, мы здесь получили полное удовлетворение: нет никакой распушенности, служба всеми, начиная от нестроевого и кончая генералом Сыровым⁴, несется не за страх, а за совесть, искренне и с большой любовью к делу. В оперативном отношении работы немного, так как в прямом смысле фронтами не управляем, а лишь изредка посылаем директивы.

Штаб представляет собою скорее политическо-осведомительный орган, нежели оперативный.

Всем управляет бывший главнокомандующий, ныне инспектор всех чеховоиск генерал Шокоров⁵.

Генерал Сыровой – для имени, т[а]к к[а]к Национальный совет⁶ решил, что во главе всего должен стоять чешский генерал. Офицеров Генштаба (кроме нас, академиков⁷) здесь нет ни одного.

Все ждем полковника Войцеховского⁸, который должен принять должность на[чальника] штаба, но он приедет не ранее 2^х недель, т. е. пока не будет занята Пермь⁹. Содержания здесь не получаем.

Положение на фронте везде, кроме Поволжья, очень устойчиво. На Поволж[ском] фронте обстановка складывается чрезвычайно неблагоприятно. Там очень тяжело, т. к. Народная армия до сих пор активно¹⁰ не помогает. Чехи вытянулись в тонкую струнку, которая может очень легко оборваться.

Помощи ждем от команд[ующего] Восто[чного] фронта¹¹ генерала Гайда¹², который все свои части (около 25 тысяч шт[ыков]) перебрасывает на Поволжье. На поддержку союзников, в частности японцев, до образования центральной власти, вернее русского правительства, рассчитывать не приходится, так как японское командование заявило, что оно может говорить лишь с правительством, которое возглавляет собою всю Россию (кроме советской России), а с отдельными местными правительствами оно говорить не может. Чехи вообще уже выдыхаются, и в случае чего намечается даже планомерный отход Поволжского фронта на линию Екатеринбург – Пермь.

Но это, конечно, крайность, о которой не хочется и думать. Мы все надеемся, что власть образуется, и к зиме союзники нас сменят. Во всяком случае при той активности, которую проявляют красные, Самару мы долго удерживать не сможем. Хотя возможно, что это и к лучшему, так к[а]к самарское правительство – это бельмо в глазу у чешского командования. Уральский корпус, стоящий в Челябинске, – мертвая сила в 55 тысяч, которым бояться выдать винтовки.

На Сев[еро-]Уральском фронте – всюду полный успех. Идет бой за обладание важным узлом Н[ижний] Тагил, со взятием которого падет и весь Егоршинский район.

В политическом отношении большое зло – это отрицательное отношение русских офицеров к чехам.

Было много уже неприятных случаев. Большевики в городе¹³ хорошо организованы – весь город разбит на районы, и на днях они должны выступить, но контрразведка наша до того хорошо работает, что у большевиков на секретных заседаниях бывает один наш агент (серб). Чехи страшно ждут этого выступления – так как хотят сильно «побелить» (как они выражаются) город.

Трения с Омском, т. е. [со] штармом¹⁴, также происходят, но с уходом ген. Алмазова¹⁵ немного улеглось. С ГУГШем¹⁶ у меня связь установлена, и мы обменялись маленьким шифром. Генерал Суровый¹⁷ на совещании в г. Уфе.

Кажется, всё.

В отношении нас самих мы абсолютно не ориентированы и не знаем, когда нас соберут в академии. Вопрос большой – хотелось бы возможно скорее собраться. Это голос всех слушателей фронта. Другой вопрос, которым интересуются очень чешские офицеры, – это будет ли собран ускоренный курс¹⁸. На эти два вопроса я бы очень хотел получить ответ.

Получаете ли Вы оперативную сводку из штарма Сиб[ирской], если нет, то телеграфируйте в штаб главноком[андующего] о Вашем желании получать сводку для академии, и я включу Вас в общий адрес. ГУГШ сводку получает от нас.

Вот, кажется, и всё. По мере надобности буду посылать Вам ориентировку по полевой почте в секретных пакетах.

Разрешите пожелать Вам, глубокоуважаемый Александр Иванович, всего лучшего. Если Вам будут необходимы какие-либо сведения, я всегда к Вашим услугам.

Ваш покорный слуга

капитан Бируля

22/9-1918

P.S. Всякие интриги и подкапывание под академию в целом умиряют, так как, увы, нет у них почвы. К[апитан] Б[ируля]

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
- 2 ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 41об.–42.
- 3 Толкачев Феоктист Демидович (Деомидович) – есаул, обер-офицер для поручений штаба Чехословацкого корпуса.
- 4 Сыровой (Сыровы) Ян (24.01.1888–17.10.1970) – генерал-майор, командир Чехословацкого корпуса (с 29.08.1918).
- 5 Шокоров Владимир Николаевич (15.07.1868–11.07.1940) – генерал-лейтенант, генеральный инспектор всех чехословацких войск в России (с 29.08.1918).
- 6 Чехословацкий национальный совет – политическая организация чехословацкой эмиграции периода Первой мировой войны во главе с Т. Г. Масариком, в 1918 г. признана официальным представительством будущего чехословацкого государства.
- 7 Имеются в виду слушатели ускоренных курсов Военной академии.
- 8 Войцеховский Сергей Николаевич (16.10.1883–07.04.1951) – полковник, командир Екатеринбургской группы войск.
- 9 Пермь была занята белыми 25 декабря 1918 г.
- 10 Подчеркнуто автором письма.
- 11 Правильно – группы.
- 12 Гайда Радола (14.02.1892–15.04.1948) – генерал-майор, командир Восточной группы Чехословацкого корпуса.
- 13 По всей видимости, речь о Челябинске.
- 14 Штаб – штаб армии.
- 15 Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (24.11.1881–05.05.1919) – генерал-майор, управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства (01.07–05.09.1918), ушел со всех постов и 22.09.1918 уехал на юг России.
- 16 ГУГШ – Главное управление Генерального штаба.
- 17 Так в документе.
- 18 Речь идет о возможности возобновления обучения на ускоренных курсах Военной академии.

A. V. Ganin

“The Czechs are fizzling out...”

A letter by an officer of the Czechoslovak corps H. Birulya to the chef of Military Academy Major General A. I. Andogsky on September, 22, 1918

The article represents the publication of the letter of the officer of Czechoslovak corps captain H. Birulya to the head of the Military academy major-general A. I. Andogsky about the situation in the corps and on military-political situation in the East of Russia in September 1918.

Keywords: *Civil war, White movement, Czechoslovak corps.*

К. Джункова
(Кошице, Санкт-Петербург)

Библия в культуре эпохи барокко. Антология воскресных и праздничных чтений Святовацлавской Библии

В рецензии характеризуется антология литургических чтений Святовацлавской Библии (НЗ 1677, ВЗ 1712, 1715). Издание сопровождается образцами чешской стенной живописи эпохи барокко в целях наиболее полного представления о функционировании Библии в литургическом пространстве.

Ключевые слова: *Святовацлавская Библия, чешский библейский перевод, живопись барокко, орден иезуитов, пражское архиепископство, библейские комментарии, литургический год.*

Роль Библии в литургическом пространстве, восприятие литургических чтений слушателями эпохи барокко, влияние Библии на художественные произведения, полемика с иноверцами в комментариях, дискуссии об издательском подходе, способы достижения адекватной передачи древнего текста на языке, понятном современному читателю... Это лишь некоторые из тем, которые рассматриваются в издании воскресных и праздничных чтений Библии святого Вацлава, составленном Ондржеем Коупилом и Иржи М. Гавликом (*Koupil, O., Havlík, J. M. (eds.) Svatováclavská bible: nedělní a sváteční čtení. Praha: Karolinum, 2017. 311 s.*). Книга задумывалась не как научное переиздание Святовацлавской Библии – католического Св. Писания эпохи барокко, оказавшего влияние на чешскую духовную и культурную жизнь практически до XIX в., – но как антология чтений или собрание текстов и изображений, которые дадут современному читателю представление о том, как чехи в XVII–XVIII вв. воспринимали тексты Св. Писания в храмовом пространстве во время литургии.

В 2014 г. вышло крупное издание *Кралицкой Библии* (1579–1593) – по всей вероятности, самого известного перевода Библии на чешский язык. Ожидалось, что за ним последует публикация научных изданий Св. Писания во всевозможных редакциях, которые имели место на протяжении всей богатой истории чешской письменности (первый полный перевод Библии на чешский язык был выполнен в середине XIV в.). Однако составители настоящей антологии литургических

чтений выбрали иной подход – отобразить Библию в литургическом пространстве и литургическом году эпохи барокко и одновременно постичь звучание чтений на чешском языке, которым внимали верующие в сакральном пространстве.

Потребность в создании нового католического перевода Св. Писания на чешский язык возникла сразу после Тридентского собора (1545–1563), но из-за нехватки способных переводчиков и отсутствия меценатов, а также в связи с непростыми историческими событиями новый перевод заставил себя ждать еще почти столетие.

Перевод Нового Завета (НЗ), выполненный иезуитами (и создателями грамматики чешского языка) М. Штайером и Й. Констанцем с «сиксто-климентинской» редакции Вульгаты, был издан в 1677 г., Ветхий Завет (ВЗ) – на несколько десятилетий позже, в 1712 и 1715 гг. С того времени НЗ издавался еще раз в 1733 г., тогда как полная Библия выходила в 1769–1771 гг., а в 1778–1780 гг. была снова издана с доработками. Отдельные евангелия, чтения или четвероевангелие Святовацлавской Библии впоследствии издавались также в XX в., а в 2001 г. в серии *Biblia Slavica* было издано ее факсимиле с комментариями. Хотя в прошлом это Св. Писание, происходившее из иезуитской среды, сыграло важную роль в духовной жизни чешских земель, начиная с XIX в., в эпоху «народного возрождения», оно было позабыто, а весь период барокко стал именоваться «эпохой тьмы» – такую позицию приняла и отстаивала в XX в. в том числе и коммунистическая пропаганда. По мнению публикаторов, необходимо повысить осведомленность современного чешского общества о Святовацлавской Библии. По этой причине они решили издать антологию воскресных и праздничных чтений в упрощенной типографской форме с приложением, содержащим образцы картин стенной живописи и книжной графики тех времен, чтобы читатели могли себе представить, какое духовное и эстетическое значение имел текст барочной Библии для их предков.

При подготовке издания особое внимание было уделено организации художественной композиции книги. Публикаторы отказались от полного заполнения текстом тех страниц, где присутствуют иллюстрации, обрамленные таким образом фрагментами пустого пространства. Подобным «воздушным» сочетанием текста и иллюстраций издатели дают читателю возможность глубоко и беспрепятственно воспринимать звучание библейских перикоп в сочетании с образцами живописи в приложении к изданию. Книга состоит из подробной вводной части, собственно текста воскресных и празд-

ничных чтений, избранных (преимущественно полемических) комментариев, подробного редакционного примечания, а также списка литературы и указателей.

Вводная часть посвящена биографиям персонажей, причастных к появлению Святовацлавской Библии, а именно пражских архиепископов Матоуша Фердинанда Собека из Биленберга, Яна Фридриха из Вальдштейна; иезуитским переводчикам Й. Констанцу, М. Штайеру, Й. Барнеру и др. Далее следует история старейшего чешского издательства «Наследие св. Вацлава» (*Dědictví svatováclavské*), которое дало название самой Библии.

Публикаторы также уделяют внимание истории перевода Святовацлавской Библии, процесс создания которого растянулся на несколько десятилетий. Поскольку публикация не содержит точной транслитерации текста и иных подобных тонкостей, в вводную часть включена фотокопия страницы Святовацлавской Библии, включая все маргиналии и «паратексты». Здесь же подробно описывается содержание изданий Нового и Ветхого Завета, между публикациями которых прошло почти сорок лет – время, в течение которого сменились переводчики и первенствующие католические иерархи на пражском архиепископском престоле. Собственно говоря, титульный лист Библии был опубликован только в последнем издании ВЗ 1715 г.

Во введении также описывается структура страниц оригинальной Библии, в частности, обращается внимание на то, что в начале каждой главы приводился ее краткий обзор (*summaria*); присутствовали различные паратексты: предисловия, введения с оригинальными текстами или текстами, заимствованными у бельгийского иезуита Корнелия (*Cornelius a Lapide*), комментарии после глав. Обращается внимание и на то, как иллюстрировалась Библия. Так, в частности, в НЗ были помещены оригинальные гравюры по меди в начале евангелий, а в ВЗ присутствовали многочисленные ксилографии, заимствованные из предыдущих библейских изданий.

В разделе введения, посвященном языку Библии (язык полностью отразил в себе чешские переводы минувших веков), главный редактор публикации О. Коупил ставит вопрос о том, существует ли некий единый чешский библейский стиль. Ведь язык Библии в разных местах имеет различную стилистику, и на самом деле Святовацлавская Библия должна была быть записана не новым, а древним, архаическим языком в силу сложившихся традиций перевода. Различные языки библейского текста и комментариев не являют собой противопоставление высокого, архаического, и низкого стилей, но

воссоздают два уровня языковой истории – язык библейского перевода и литературный язык комментариев своего времени. Однако О. Коупил всё же отмечает особенности языка Святовацлавской Библии, а именно стремление буквально приблизиться к языку латинского оригинала. Он напоминает, что читатели, для которых более привычен современный устойчивый литературный язык, могут считать некоторые архаические языковые явления (напр., протетическое «v-») признаком нелитературности или просторечия, хотя это не всегда так.

Обращается внимание также на «историческую синонимию» – явление, наблюдаемое, когда для одного и того же слова в разные периоды развития языка характерны различные значения или стилистические черты, например «a sespívavše písničku» («и, воспев...»), «prodej sukni svou a kup meč» («продай одежду свою и купи меч»), «oblecte se... v střeva milosrdenství» («облекитесь... в милосердие»), «byl jeden králík» («был некоторый царедворец»; слово «králík» в современном чешском языке значит «кролик»), «I řekl jemu: ‘Vopomozí, služebníče dobrý...’» («И сказал ему: хорошо, добрый раб!»; вместо слова «хорошо» здесь буквально «Боже, помоги»), «Protož hoblival sem v prorocích» («Посему Я поражал через пророков»), «Přikazateli, přes celou noc pracovavše...» («Наставник! мы трудились всю ночь...»). Автор рассуждает о трудности передачи исторического текста с точки зрения восприятия современного читателя в связи с особенностями современного употребления языковых средств и изменением стилистики слов XVII в. по сравнению с XXI в. Поднимается также вопрос звуковой формы слова, которая может отличаться от письменной формы в зависимости от типографских или орфографических традиций эпохи. По этой причине авторы решили упростить текст путем устранения возможных препятствий, которые появились бы в результате его транслитерации (как бы современный чешский читатель прочитал «Gežijšj synu Dawidú?»).

Далее во введении О. Коупил обращает внимание на комментарии к Библии. Их содержание указывает на то, что Библия была пособием для проповедников – в комментариях появляются намеки на церковных отцов и примеры полемики с иноверцами (аналогичный принцип мы, разумеется, можем наблюдать и в комментариях к другим изданиям Библии, где представители иных конфессий спорят с католиками). Христиане, принадлежащие к другим конфессиям упоминаются чаще всего в комментариях к ВЗ, напр. Я. Гус, М. Лютер, Дж. Уиклиф, Й. Пражский, Ф. Меланхтон и др. Автор комментария

ев отзывается о них довольно жестко. Так, например, он сравнивает иноверцев с лисами Самсона («Samsonovy lišky s rozeklanými jazyky a ohnivými osasy») и замечает, что даже царь Кир Великий был лучше протестантов, потому что вернул все ценности, которые похитил в храме. Можно найти много пассажей, соединяющих библейский стих с критикой протестантских взглядов и практик, например в связи с отсутствием украшения храмов у кальвинистов или отрицанием некоторых католических таинств. Среди комментариев публикаторами особенно выделяется притча о птицелове и соловье, которая также оставляет простор для критики протестантов.

В конце вступительной части искусствовед М. Мадл описывает духовное изобразительное искусство на чешских землях в XVII–XVIII вв. В издание включено 55 изображений, большинство из которых представляет собой уникальную стенную живопись (из костелов Праги, Польны, Святого Яна под Скалой, Броумова, Пласи, Кладруби), книжную графику или изображения из оригинального издания Святоацлавской Библии. По задумке составителей, изображения соотносятся с содержанием опубликованных перикоп.

Первая часть собственно публикации посвящена литургическому году, поскольку последовательность событий церковного календаря влияла на чешские народные традиции. Перикопы в антологии расположены в порядке от начала католического церковного года – за празднованием Адвента следует Рождество, затем период после Богоявления (6 января), предпостный период (с воскресения «septuagesima», чеш. «Neděle Devítník»), Великий пост, Страстная седмица, Пасха, период после Пятидесятницы. В публикации приводятся названия воскресений великого поста не только на латыни, но также на чешском языке («Neděle Kejchavná», «Neděle Družebná», «Neděle Smrtedlná» и т. д.). Сохраняется название первого воскресенья после Пасхи («Neděle Provodní»), а также прослеживаются исторические нормы орфографии в таких названиях, как «Neděle mezi ochtábem Narození Páně», «Outerý svatého týdne». Затем следует перечень праздников. В числе праздничных и знаменательных дней пропущены будние дни Великого поста и крестовые дни «feriae rogationum».

Основную часть публикации занимает непосредственно текст воскресных и праздничных чтений, напечатанный довольно крупным шрифтом. Затем следуют 22 избранных комментария, большая часть которых связана с конфессиональной полемикой, и только некоторые из них поясняют исторические реалии, например обряды пасхальной литургии.

В конце публикации присутствует специальный раздел, в котором главный редактор О. Коупил знакомит нас с редакторским подходом и с вопросами транскрипции текста. Особенности сложной типографской практики XVII в. и изменения в транскрипции слов не учитываются. Редакторы адаптируют оригинальный текст в соответствии с современными правилами орфографии, придерживаясь при этом этимологического принципа. Публикация стремится зафиксировать то, что слышали во время литургии современники Святовацлавской Библии. Оригинальная орфография в заимствованных словах сохраняется: «Kryustus», «Panna Marye», «Cyrylla a Methudia», «faryzeové», «Ejpt», «Eli, Eli, lamazabakthany», «Elóí, Elóí, lammazabakthany», «Naceldama» и т. д. В тексте чтений (но не комментариев) прямая речь дополняется кавычками.

Поскольку опубликованный текст взят из Святовацлавской Библии и преобразован в перикопы, в антологии отсутствуют обозначения стихов. Это упрощает чтение и способствует непрерывности восприятия текстового материала, но, с другой стороны, затрудняет способность ориентироваться в тексте, в случае если читатель желает вернуться к конкретному пассажию. Кроме того, пояснения к тексту (где они имеются) расположены за каждой перикопой без обозначений, где конкретно в тексте находится поясняемое слово или словосочетание.

По словам авторов, публикация предназначена для широкой публики – и книга полностью соответствует данному критерию. Однако именно стремление расширить круг читателей не позволяет публикаторам придерживаться строгого научного подхода к изданию Библии, что делает невозможным реконструкцию подлинных типографских и орфографических особенностей текста или оформления страницы с маргиналиями. Кроме того, выборочная публикация комментариев заставляет поставить вопрос о необходимости издания их как целостного корпуса свидетельств эпохи в виде хрестоматийного сборника.

Как и 340 лет назад, в наше время Святовацлавская Библия была издана при поддержке Пражского архиепископства (автором введённого слова является архиепископ Праги кардинал Доминик Дука) и Карлова Университета (в частности, издательства «Каролиnum»). Публикация объединяет в себе литургический библейский текст и духовное изобразительное искусство. В книге приводятся оригинальные рассуждения главного составителя О. Коупила о возможных редакционных подходах к древним текстам.

На обложке книги размещено изображение Святой Троицы из часовни св. Уильяма в г. Роуднице-над-Лабем. Старинная фреска эпохи барокко напоминает нам о том, зачем создавались эти художественные произведения – ради восхваления Бога, для наполнения храмово-литургического пространства, а также для воодушевления и наставления прихожан, которые с конца XVII в. слушали во время литургии перикопы из Святовацлавской Библии, определившие направление развития чешской культуры в течение последующих десятилетий. Оригинальная антология О. Коупила, И. М. Гавлика и М. Мадла дает об этом целостное и яркое представление.

K. Džunková

Bible in Baroque culture. An anthology of Sunday
and feast readings from Svatovaclavska Bible

The review dwells upon the new anthology of the liturgical readings of Svatovaclavska Bible (OT 1677, NT 1712, 1715) accompanied by baroque wall painting examples introducing the Bible used in liturgy and liturgical space.

Keywords: *Svatovaclavska Bible, Czech Bible translation, baroque painting, Society of Jesus, Archdiocese of Prague, Bible commentaries, liturgical year.*

Л. Ю. Аристова
(Санкт-Петербург)

**«Искатель славянских сокровищ» В. И. Григорович
и его книжное собрание в Одесском национальном
университете им. И. И. Мечникова**

Изданный Одесским национальным университетом имени И. И. Мечникова полный каталог уникального книжного собрания В. И. Григоровича, сформированного в результате путешествия ученого по славянским странам (1844–1847), обладает несомненной научной ценностью – как теоретической, так и прикладной.

Ключевые слова: *славянская учебная библиотека, каталог, славянское национальное возрождение.*

Выдающийся славист, один из основателей славяноведения как науки В. И. Григорович (1815–1876) находился в славянских землях с 1844 по 1847 г. Ученый посетил Константинополь, Фессалоники, Афон, Македонию, Болгарию, Валахию, Банат, Венгрию, Вену. Далее – Крайну, Далмацию, Черногорию, Хорватию и Славонию, Моравию и Чехию, а на обратном пути проехал через Дрезден, Лейпциг, Берлин и Кенигсберг. Во время этого путешествия В. И. Григорович тесно и плодотворно общался с деятелями славянского национального возрождения: в Болгарии – с Неофитом Рыльским, в Вене – с Ф. Миклошичем и В. Караджичем.

Одной из важнейших задач путешествия В. И. Григоровича по славянским землям можно назвать формирование коллекции славянских книг и рукописей. Эта коллекция должна была стать впоследствии учебной славянской библиотекой, предназначенной для студентов, а также для специалистов в области славянских языков и культур. Первую партию таких книг и рукописей В. И. Григорович отправил в Казанский Императорский университет, где готовился занять должность экстраординарного профессора кафедры истории и литературы славянских наречий, еще из Салоник. Вторую часть книг, предназначенных для отправки в Российскую империю, оставил в Бухаресте – чтобы затем все-таки доставить их в Россию.

Собранная ученым коллекция книг и рукописей известна гораздо меньше, чем история его путешествий. Слависты, филологи и библиографы из Одесского национального университета им. И. И. Мечникова решили восполнить этот досадный пробел и пред-

ставили научной и широкой общественности Каталог книжного собрания В. И. Григоровича (составитель – М. В. Алексеенко).

Работу над составлением Каталога коллектив начал в связи с приближавшимся 200-летним юбилеем В. И. Григоровича. В частности, М. В. Алексеенко указывала: «Впервые книги славянской учебной библиотеки В. И. Григоровича были описаны А. А. Кочубинским и С. П. Ярошенко в общем “Каталоге библиотеки Императорского Новороссийского университета” в 1878 г. Но составители данного каталога не ставили перед собой цель подробного описания экземпляров коллекции В. И. Григоровича: не обращалось внимание на состав конволютов, владельческие записи и т. п. Таким образом, научного описания всех экземпляров славистического собрания ученого до сих пор не было проведено»¹.

Авторами Каталога впервые было осуществлено полное научное описание всех экземпляров славистического собрания Григоровича, находящихся в Научной библиотеке университета. Каталогю предшествуют две статьи: первая из них посвящена В. И. Григоровичу как ученому (В. И. Демин), а вторая представляет собой серьезное научное описание его славянской библиотеки (М. В. Алексеенко). Составительница каталога осветила основные этапы формирования библиотеки и охарактеризовала основные группы представленных в ней изданий.

М. В. Алексеенко подробно рассказывает о том, как славянское книжное собрание Григоровича попало в фонды Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Григорович передал часть своего собрания библиотеке Императорского Новороссийского университета в октябре 1864 г. еще до его официального открытия. В день торжественного открытия университета, 1 (13) мая 1865 г., ученый подарил библиотеке 55 славянских рукописей и шесть книг. Впоследствии В. И. Григорович продолжал оставаться в роли дарителя. В итоге его именной фонд состоит из 795 произведений в 889 томах². Рукописи, подаренные ученым, вошли в отдельный каталог библиотеки.

М. В. Алексеенко справедливо указывает на тот факт, что идея формирования славянской книжной коллекции появилась у Григоровича еще до его путешествия по славянским землям. Как полагает исследовательница, «можливо, цьому сприяло знайомство молодого дослідника зі слов'янською бібліотекою О. М. Бодяньського, частину якої останній передав Московському університету в 1843 р.»³.

Каталог основан на именованном фонде. Книжный фонд Григоровича насчитывает 803 названия (1081 единицу). Среди них – «1 видання

XVI ст., 14 – XVII ст., 137 – XVIII ст.»⁴. При этом старейшим является труд немецкого гуманиста, историка и филолога Мартина Круциуса (1526–1607) под названием «Турко-Греция», опубликованный в 1584 г. в г. Базеле. В Каталог вошли издания на русском, украинском, сербском, болгарском, немецком, польском, чешском, словацком, словенском, хорватском, греческом, румынском, французском, македонском, латинском и других языках.

Вначале следует описание изданий на кириллице, на латинице и с греческим шрифтом. Каталог завершается описанием периодических и продолжающихся изданий, присутствующих в уникальном книжном собрании Григоровича. Каталог снабжен алфавитным, географическим и хронологическим указателями мест издания книг и журналов. Представлен также расшифрованный список условных обозначений использованной литературы. Книга снабжена именованным указателем и указателем провений.

Описание книжного собрания М. В. Алексеенко начинается с болгарских изданий, которые, по мнению исследовательницы, ученый начал собирать еще в Одессе, где на тот период была большая болгарская диаспора. Далее следует описание румынских изданий, снабженное краткой характеристикой пребывания В. И. Григоровича в Бухаресте.

Сербскую часть исследовательница характеризует как очень значительную и важную, справедливо указывая, что формированию этой части коллекции помогло знакомство Григоровича с Вуком Караджичем. Исследовательница отмечает, что книги на хорватском языке, увидевшие свет в Венеции, Загребе, Дубровнике, Пеште и Вене, занимают немаловажное место в собрании. Григорович интересовался иллиризмом, поэтому труды его представителей (в частности, братьев Мажураичей) также находятся в его библиотеке.

Особое место в собрании занимает словенская книга. М. В. Алексеенко отмечает, что в коллекции ученого находится каталог книжного собрания выдающегося слависта и просветителя В. Копитара (после смерти Копитара его книжное собрание находилось в библиотеке лицея Любляны – Люблина).

Описывая чешские книги, М. В. Алексеенко упоминает о той степени влияния, которое оказали на Григоровича труды чешского слависта Й. Добровского, немало трудов которого мы находим в собрании.

Важнейшей составляющей книжного собрания Григоровича М. В. Алексеенко справедливо называет славянскую периодику. В состав библиотеки Григоровича входят сборники официального ор-

гана Матицы чешской («Часопис Чешского Музея»), загребское периодическое издание «Даница иллирская», номера «Сербско-далматинского магазина» и т. д.

В книжной коллекции присутствует также ряд восточнославянских изданий. В частности, М. В. Алексеенко обращает внимание на «Лексикон славеноросский, и имен толкования» (Орша, 1653) Памвы Берынды. Известно, что Памва Берында трудился над составлением «Лексикона...», включающего более 7000 терминов, 25 лет. Представлены в собрании и редкостные дореформенные издания Петровской эпохи. В частности, это «Букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учати хотящим, и любомудрие в пользу душе-спасительную обрести тшачимся» (Орша, 1653) Памвы Берынды, а также – «Лексикон трязычный, сиречь речений славянских эллино-греческих и латинских сокровище» (Москва, 1705) Федора Поликарпова-Орлова.

Особое внимание М. В. Алексеенко уделяет владельческим и дарственным надписям на книгах. Действительно, некоторые владельческие надписи дают дополнительную информацию о книгах (когда и где они были приобретены и т. д.). Также исследовательница подчеркивает, что ученый продолжал собирать славянские издания и после возвращения на родину.

В целом можно сказать, что одесские ученые сделали новый шаг в современной славистике и порадовали научное сообщество первым полным описанием славянской библиотеки Григоровича. Остается надеяться, что вышедшая в книга будет переведена на русский и другие языки и сослужит большую пользу развитию славистики в России и за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Алексеенко М. В.* Славистическое книжное собрание профессора Виктора Ивановича Григоровича в библиотеке Одесского университета // В. И. Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. С. 154–155.

2 *Дарители Научной библиотеки Одесского (Новороссийского) университета (1865–1920): материалы к истории Одесского национального университета им. И. И. Мечникова / Сост. Е. В. Бережок, Е. В. Полевщикова, Е. В. Савельева [и др.].* Одесса, 2001. С. 61

3 Дьомін О. Б., Алексеенко М. В. Шукач слов'янських скарбів В. І. Григорович. Монографія. Одеса, 2015. С. 62.

4 Там же. С. 72.

L. Yu. Aristova

“The researcher of Slavic treasures” V. I. Grigorovich and his book collection in Odessa I. I. Mechnikov National University

The full catalogue of the unique book collection of V. I. Grigorovich is of profound academic value, both theoretical and applied. The collection was gathered during the researcher's travel to Slavic countries in 1844–1847.

Keywords: *Slavic educational library, catalog, Slavic national revival.*

Н. М. Куренная
(Москва)

Рецепция буддизма в литературе русской эмиграции

В рецензии рассмотрены новые историко-культурные подходы автора монографии к проблеме буддистских мотивов и реминисценций в литературе русского зарубежья на протяжении трех десятилетий. Особо отмечена серьезная исследовательская работа автора, анализирующая индивидуальные мотивации и представления о буддизме отдельных писателей.

Ключевые слова: *русское литературное зарубежье, буддистская тема, новые источники, новаторский подход.*

В монографии Г. А. Сорокиной «Идеи буддизма в литературе русского зарубежья» (М., 2015. 331 с.) обстоятельно рассматриваются механизмы проникновения этических основ буддизма в русскую литературу, анализируются авторские варианты художественного переосмысления основных постулатов этого религиозно-философского учения известными писателями в условиях эмиграции.

Отмечаемый в последние годы повышенный интерес и внимание к проблеме русского литературного зарубежья (открытие новой источниковой базы, доступность ранее неизвестных произведений) ознаменовался многочисленными работами историков, философов, литературоведов. Однако тема, которой посвящена монография Г. А. Сорокиной, мало знакома как широкому читательскому кругу, так и специалистам. Сознывая, что различие между биографиями, творческими судьбами и масштабом талантов писателей русской эмиграции весьма существенны, Г. А. Сорокина посчитала возможным объединить их в одном исследовании, взяв за основу сквозной признак – интерес к идеям буддизма. Более того, автор исследования считает, что именно писателям-эмигрантам удалось во многом восполнить существовавший пробел, связанный с почти не разработанной темой буддизма, которая полноправно вошла в литературу русского зарубежья и обогатила ее новым духовным и эстетическим опытом.

Увлечение Востоком было характерно для Европы эпохи рубежа XIX–XX вв., поэтому неудивительно, что изучение основополагающих идей буддизма в первую очередь «захватило» и российскую творческую интеллигенцию, прежде всего литераторов, транслиро-

вавших их в своих произведениях. Пристальное внимание к буддизму как «новому» для России религиозно-философскому учению, его основополагающим принципам заметно в творчестве Л. Толстого, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина и многих других литераторов еще задолго до эмиграционного периода русской литературы. Вполне закономерно, что мотивы непознанного Востока, его противопоставления и сравнения с Западом, идеи буддизма перешли и в произведения русских литераторов, созданных уже на иной, европейской почве в 1920-е гг. – во Франции, Чехословакии и других европейских странах. Обращение к идеям буддизма русских писателей-эмигрантов свидетельствовало об их непрерывных поисках новых мировоззренческих ориентиров, новых философских смыслов в резко изменившихся жизненных обстоятельствах, в условиях лишения родины.

Автор монографии, опираясь на широкий историко-культурный контекст первых десятилетий XX в., анализирует различные мотивации отдельных писателей, пытавшихся в своем творчестве представить читателю собственное понимание, осмысление буддизма, его многоаспектность и глубину. Так, И. Бунин, вслед за Л. Толстым, которого он боготворил, еще в дореволюционный период стал признанным автором буддийской темы, стремившимся прежде всего к постижению философского начала этого учения. Русский философ И. А. Ильин в работе «О тьме и просветлении» отмечал мировоззренческое сходство Л. Толстого и И. Бунина, основанное в том числе и на идеях буддизма, составлявших основательный пласт в их творчестве. Одним из самых значительных произведений И. Бунина в эмиграции стала повесть «Жизнь Арсеньева», написанная в 1927–1929 гг., в которой, по существу, была сформулирована философия жизни самого писателя, частью которой стали определенные философемы буддизма. Автор монографии приходит к заключению, что «философия Востока» и прорисованные из нее литературные образы органично вошли в повесть «Жизнь Арсеньева».

Для творчества другого известного русского литератора-эмигранта А. М. Ремизова характерен глубокий интерес к тибетской культуре, которая, как замечает автор монографии, является по своей духовной сути буддийской. Для более глубокого осмысления мировоззренческих основ творчества Ремизова Г. А. Сорокина привлекает не только литературные тексты писателя, но и его разнообразие заметки и записи, касающиеся Тибета.

Интересны наблюдения автора монографии о динамике влияния буддистских идей не только на сложившихся, признанных литераторов, особое внимание уделено роли этих идей в формировании мировоззренческих взглядов молодого поколения писателей, отразившихся на уровне системы мотивов и образов в их творчестве. Летописец молодого поколения первой волны русской эмиграции В. С. Варшавский по прошествии лет опубликовал книгу «Незамеченное поколение» (1956). В этом фундаментальном труде отражен сложный процесс поиска молодыми эмигрантами – философами, историками, литераторами – близкой им по духу мировоззренческой позиции. Этой молодежи, по мнению Г. А. Сорокиной, удалось вплотную подойти к синтезу философских идей, свойственных и Западу, и Востоку, в частности, младоэмигрантов занимали идейные основы буддизма как наиболее значительного философского и религиозного учения Востока.

Заметную роль в литературной среде русской эмиграции сыграл увлеченный Востоком писатель и поэт Ю. К. Терапиано. После нескольких лет скитаний он в 1923 г. приезжает в Париж, где входит в круг русских монпарнасцев и вскоре становится основателем и первым председателем Союза молодых поэтов. Примечательно, что идеи Востока он воспринимал с позиций философии всеединства В. Соловьева, подкрепляя свою точку зрения анализом творчества различных писателей, например Ф. Тютчева и И. Бунина. Литературно-критическая деятельность Терапиано прослежена автором монографии довольно основательно, на протяжении нескольких десятилетий, в контексте многочисленных дискуссий и разногласий, что позволило ей сделать вывод о том, что особенностью профессиональной и личностной позиции писателя была срединная позиция. Он не примыкал ни к одной из дискутирующих сторон, поскольку был убежденным сторонником идеи философского всеединства.

Буддизм воспринимался многими молодыми образованными людьми не только как история и культурное явление, уходящее вглубь веков, но и как живое религиозное мировоззрение, имеющее многочисленных последователей, считающих его образцом наиболее последовательной религиозной философии. Автор монографии предприняла попытку осмыслить этот культурно-философский и религиозный феномен в контексте его влияния на творчество русских литераторов-эмигрантов, привлекая для этого обширный биографический и художественно-документальный материал.

К сожалению, монография Г. А. Сорокиной «Идеи буддизма в литературе русского зарубежья» слабо структурирована. В книге отсутствует рубрикация, которая способствовала бы более глубокому и результативному постижению обширного документального материала и пониманию главного авторского замысла – представить причины и механизмы распространения основных идей буддизма в творчестве отдельных русских писателей, а также их влияния на деятельность эмигрантских историко-философских объединений.

Однако, несмотря на отдельные, с нашей точки зрения, малочисленные спорные утверждения, автору монографии удалось показать глубокий смысл и притягательность идей буддистского Востока, занимавших умы многих талантливых литераторов и философов русского зарубежья на протяжении многих десятилетий. Еще одним достоинством монографии можно считать введение в научный оборот малоизвестного биографического и документального материала, углубляющего наши представления об этом значительном явлении в истории русской культуры.

N. M. Kurennaya

The reception of Buddhism in the literature of Russian émigré

A review of G. A. Sorokina's monograph "Buddhist ideas in the literature of Russian émigré". The monograph puts into scrutiny the influence of Buddhist ideas on the works of Russian authors as well as on literary-social unions outside Soviet Union in 1920–1950s.

Keywords: *Buddhism, literature of Russian émigré.*

И. А. Седакова
(Москва)

Историко-этнологическое исследование военной службы времен социалистической Болгарии

В рецензии рассматривается междисциплинарная монография И. Вылева об истории формирования обязательной военной службы в НРБ, общности солдат, а также об их быте, ритуалах и праздниках.

Ключевые слова: *история социализма, Болгария, военная служба, обряды, общность.*

Книга Илии Вылева¹ написана в русле активно развивающихся в последнее время в Болгарии исследований по истории, этнологии и антропологии социализма. Сорокапятилетний исторический этап после выхода страны из социалистического блока в XX в. оставался без внимания ученых, а теперь, по прошествии двадцати лет, подвергается тщательному многоаспектному анализу. Об интересе к различным аспектам антропологии социализма свидетельствует изучение этнических вопросов в стране², системы календарных праздников³, урбанистики, культуры повседневности и пр. Кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Великотырновского университета им. свв. Кирилла и Мефодия, на которой И. Вылев защищал докторскую диссертацию, послужившую основой для рецензируемой монографии, в течение ряда лет специализируется на исследованиях социализма. Под руководством проф. Марии Ивановой и проф. Маргариты Карамиховой защищаются дипломы, диссертации, проводятся выставки, презентации артефактов и шоу, центральной темой которых служит Болгария времен социализма. Такой научный интерес к социалистическому периоду страны отчасти поддерживается ностальгическим порывом общества к восстановлению и документированию этой эпохи (см., например, группы на «Фейсбуке»: «България в снимки от миналото», «Спомени от Народната република»), сайт www.socbg.com и др.

И. Вылев обращается к совершенно неизученной теме – обязательной военной службе в Болгарии в период с 1949 до 1990 г. и исследует ее в междисциплинарном ракурсе – историческом, этнологическом (и этнолингвистическом) и социологическом. Необходимо сразу пояснить, как это делает и автор (с. 17), что в болгарском языке

слово *казарма*, вынесенное в заглавие книги, обозначает не только жилищную постройку для военных нужд, как в русском языке, но и саму регулярную военную службу, а также все приравненные к ней по закону виды общественно-полезной деятельности. Это емкое слово применимо, кроме того, и к общности солдат, как во время службы, так и после демобилизации. Охарактеризовать этнокультурные особенности обязательной военной службы, показать, как формируется и регулируется солдатская общность, – основная цель исследователя (с. 32).

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обосновывается актуальность работы, дается подробная историографическая и библиографическая справка. И. Вылев приводит документальную историю девяти видов войск (с. 22–26), что необходимо для дальнейшего изложения материала. Первая глава «Обязательная военная служба – государственная политика и общественные представления» начинается с актуальности темы исследования, в том числе и с анализа стереотипов, касающихся военной службы, закрепившихся в болгарском языке: *Неслужил мъж не е никакъв мъж* [«Кто не служил, тот не мужчина»]. Добавим сюда и распространенный вопрос *Кой набор си?* [букв. «Какого ты призыва?»], который по существу означает «В каком году ты родился?». Отметим здесь, что в целом в монографии значительное место уделяется анализу вербального кода армейской службы и социалистического быта – терминологии, лексике, словесным формулам (прощаниям, приветствиям, благопожеланиям и др.), анекдотам, меморатам, что значительно расширяет горизонты исследования.

Первая глава содержит также хронологический аналитический обзор всех постановлений болгарского правительства, касающихся армии НРБ. Автор датирует появление обязательной военной повинности в Болгарии 1878 годом, а ее завершение – 2008-м, останавливается подробнее на истории формирования болгарской армии после 1944 г. и затем трансформации после ее присоединения к Варшавскому договору в 1955 г. Особый интерес представляет раздел, посвященный народным представлениям о службе в определенных видах войск, который содержит жаргонную лексику и краткие нарративы с элементами аксиологии, обозначающие особенности всех войск – от сухопутных до пограничных (с. 93–102).

В центре второй главы «Когда юноша становится мужчиной – этнокультурные ритуалы перехода, связанные со службой в армии» находятся идеи перехода и приобретения молодым человеком иного,

более взрослого статуса – мужчины. Открывается глава описанием и анализом военно-медицинских комиссий, предваряющих призыв юноши на военную службу. Этот неисследованный фрагмент социалистической жизни дает И. Вылеву возможность обратиться к смежным с основной проблематикой аспектам, и прежде всего к народной медицине и народной анатомии. Следующий раздел «“Легкой тебе службы!” Проводы солдата в болгарской системе обрядов» обобщает ритуальную практику прощания с призывником и соотносит ее с другими обрядами перехода – свадьбой, погребением и др. Прощальная трапеза устраивается и дома и приурочивается к совершеннолетию будущего солдата, и официально – «по общественно-партийной линии». Проводы новобранца и момент расставания с ним включают ряд магических действий и суеверных представлений о «правильном» и «неправильном» поведении. Так, расставание приурочивают к утреннему времени, чтобы «как день идет вперед, так и служба солдата удачно продвигалась»; призывнику в рубашку или рюкзак зашивают обереги (крестик, высушенную плаценту ребенка, «родившегося в сорочке»), одаривают его цветами, льют перед ним воду с пожеланием, чтобы «все шло, как по воде», и др. (с. 131–144). Сочетание официального и неофициального ритуального оформления этапа военной службы рассматривается и на примере военной присяги. Эта церемония включает в себя установленные военные правила и семейно-родовые торжественные ритуальные компоненты (обильная домашняя трапеза, «курбан» и пр., с. 149–154).

Третья глава «Повседневные практики в армейской жизни солдата» предлагает «внутренний» ракурс исследования, основанный на собранных И. Вылевым многочисленных меморатах и памятных свидетельствах служивших в армии болгар. Следуя общей логике изложения, автор сначала обращается к Уставу и Своду правил, регулирующих поведение солдат, а затем и к неуставным обычаям, принятым в солдатской общности. Здесь И. Вылев идет за хронологией службы – сначала описывает жизнь солдата в первые 40 дней, до присяги (с. 177–197), а затем – «оставшиеся 700 дней» службы. Эти разделы содержат бесценный материал по выстраиванию иерархии, которая проявляется в действиях, поведении солдат и офицеров, в их словесном общении, в формульных и свободных обращениях. Значительное место уделяется запретам и ограничениям и их мотивировкам (с. 209–212) и особенно актам инициации и посвящения, как шутивным, безобидным, так и носящим характер серьезного испытания.

В заключении И. Вылев подводит итоги своему исследованию, обосновывая вывод об инициационной направленности многих актов на разных этапах прохождения службы. Кроме того, автор подтверждает свою гипотезу, что военная служба проходит в определенной социальной среде, и это создает особую общность солдат (с. 219).

Важными представляются идеи И. Вылева о сохранении (с небольшими изменениями) в течение десятилетий специфической национальной военной культуры, которая строится на основе официальных и профессиональных, неформальных и личных установок и ценностей. Автор подчеркивает, что институциональность военной службы в Болгарии во многом базируется на традиционных представлениях и практиках и дополняется ими. Эти мысли последовательно проводятся в монографии и подтверждаются многочисленными примерами.

Книга содержит множество исторических фактов и документов, исчерпывающую библиографию, но при этом не является сухим научным повествованием. В нее включены цитаты из интервью, проведенных по специальному вопроснику, и мемуары служивших в армии солдат. Богато иллюстрированная визуальными материалами – солдатскими альбомами и фотографиями, она дает живое представление о сообществе солдат, их эмоций, о повседневной и праздничной жизни «казармы» в годы социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Вълев И.* Младежки страсти. Мъжки времена: Етнокултурна характеристика на българската казарма през социализма. София: Военно издателство, 2016. 272 с. [Илия Вылев. Юношеские страсти. Мужские времена: Этнокультурная характеристика военной службы в социалистической Болгарии]

2 *Карамихова М.* Божественото наказание (етнология на спомените за агресивната атеистична политика) // *Епохи. Историческо списание.* Т. 2, XXI. В. Търново: УИ ВТУ «Св. св. Кирил и Методий», 2013. С. 182–209; *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическия режим. София: Институт за изследване на близкото минало, 2012.

3 *Петков П.* Българските национални празници и българският национален идеал // *Електронно списание LiterNet.* 17.11.2005. № 11 (72). URL: http://litenet.bg/publish11/petko_petkov/bylgarskite.htm.

I. A. Sedakova
Historical and ethnological study
of the military service in socialist Bulgaria

The review of the multidisciplinary monograph by I. Vylev sheds light on the main themes of the book – the history of the Bulgarian socialist army and the soldiers' community with its everyday life, rituals and holidays.

Keywords: *history of socialism, Bulgaria, military service, rituals, community.*

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, главный редактор издательства «Индрик», agapi-t@yandex.ru

Аристова Лариса Юрьевна – кандидат филологических наук, главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, aristova.ly@gmail.com

Бируля Маргарита Андреевна – аспирантка Института славяноведения РАН, birulya-zakamskaya@yandex.ru

Борисёнок Михаил Юрьевич – аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, mikhail.borisenok@gmail.com

Ващенко Дарья Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института славяноведения РАН, daranis@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, lnv36@yandex.ru

Ганин Андрей Владиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, andrey_ganin@mail.ru

Гура Александр Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, avgura@mail.ru

Дроздов Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, k-drosdow@yandex.ru

Джункова Катарина – аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского университета, katarina.dzunkova@seznam.cz

Клопова Мария Эдуардовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, mkloпова@yandex.ru

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, igory5@yandex.ru

Куренная Наталья Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов, ikurennoy@gmail.com

Кучко Валерия Станиславовна – научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), kuchko@inbox.ru

Лабынцев Юрий Андреевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, slavia@hotmail.ru

Левкиевская Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, elena_levka@mail.ru

Лескинен Мария Войттовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, marles70@mail.ru

Лукашова Светлана Станиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, submare@yandex.ru

Маринелли-Кёниг Гертрауд – PhD по литературе, ассоциированный исследователь Института культурологии и истории театра Австрийской академии наук (г. Вена), Gertraud.Marinelli@oeaw.ac.at

Михайлов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, batukom@mail.ru

Михайлов Вадим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, batukom@mail.ru

Наумов Николай Николаевич – аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, nn-naumov@mail.ru

Неменский Олег Борисович – научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН, nemenski@yandex.ru

Осипова Ксения Викторовна – научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), osipova.ks.v@yandex.ru

Остапчук Оксана Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, ostapczukoksana@gmail.com

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН, glebpilipenko@mail.ru

Плотникова Анна Аркадьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, annaplotn@mail.ru

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания и Центра лингвокультурных исследований BALCANICA Института славяноведения РАН, irina.a.sedakova@gmail.com

Серационова Елена Павловна – доктор исторических наук, заведующая отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, serapion@hovrino.net

Синицын Федор Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству, permcavt@gmail.com

Соломон Флавиус – PhD по истории, ведущий научный сотрудник Института истории в г. Ясы Румынской академии, flavius.solomon@yahoo.de

Станков Николай Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, stankov11@yandex.ru

Степанов Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, неассоциированный исследователь, stepanovdmirij@mail.ru

Струнина-Бородина Наталья Григорьевна – младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, strun-topolino@yandex.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, zhurslav@mail.ru

Тимофеев Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, доцент Белградского университета, al.timofev@gmail.com

Чиварзина Александра Игоревна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН, mss-vah@yandex.ru

Щавинская Лариса Леонидовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, slavia@hotbox.ru

About the authors

Agapkina T. A. – Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the publishing house “Indrik”, agapi-t@yandex.ru

Aristova L. Yu. – Ph.D. in Letters, chief specialist, Department of Rare Books and Manuscripts, Lomonosov Moscow State University Academic Library, aristova.ly@gmail.com

Birulya M. A. – Ph.D. student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, birulya-zakamskaya@yandex.ru

Borisyonok M. Yu. – Ph.D. student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, mikhail.borisenok@gmail.com

Chivarzina A. I. – Ph.D. student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Drozдов K. S. – Ph.D. in History, senior research fellow, Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, k-drosdow@yandex.ru

Džunková K. – Ph.D. student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, katarina.dzunkova@seznam.cz

Ganin A. V. – Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, andrey_ganin@mail.ru

Gura A. V. – Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, avgura@mail.ru

Klopova M. Ė. – Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, mklopova@yandex.ru

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor, North Caucasus Federal University, igory5@yandex.ru

Kurennya N. M. – Doctor of History, leading research fellow, Department of History of Slavic Culture, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, ikurennoy@gmail.com

Kuchko V. S. – research fellow, Toponymic laboratory, Chair of Russian Language and General Linguistics, Urals Federal University (Ekaterinburg), kuchko@inbox.ru

Labyntsev Yu. A. – Doctor of Letters, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, slavvia@hotmail.ru

Levkievskaya E. E. – Doctor of Letters, leading research fellow, Professor, Academic and Educational Centre of Typology and Semiotics of Folklore, Russian State University for Humanities, elena_levka@mail.ru

Leskinen M. V. – Doctor of History, leading research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, marles70@mail.ru

Lukashova S. S. – Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, submare@yandex.ru

Marinelli-König Gertraud – PhD (Literature), associated researcher at the Institute for Cultural Science and Theatre History of the Austrian Academy of Sciences, Gertraud.Marinelli@oeaw.ac.at.

Mikhailov A. A. – Doctor of History, Professor, Chair of History, Saint Petersburg State Polytechnic University, batucom@mail.ru

Mikhailov V. V. – Doctor of History, Professor, Chair of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, batukom@mail.ru

Naumov N. N. – Ph.D. student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, nn-naumov@mail.ru

Nemensky O. B. – research fellow of the Department of Medieval history of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, nemenski@yandex.ru

Osipova K. V. – research fellow, Toponymic laboratory, Chair of Russian Language and General Linguistics, Urals Federal University (Ekaterinburg), osipova.ks.v@yandex.ru

Ostapchuk O. A. – Ph.D. in Philology, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, ostapczukoksana@gmail.com

Pilipenko G. P. – Ph.D. in Philology, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, glebpilipenko@mail.ru

Plotnicova A. A. – Doctor of Letters, chief research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, annaplotn@mail.ru

Sedakova I. A. – Doctor of Letters, leading research fellow, Centre of linguo-cultural research BALCANICA, Department of Typology and Comapartive Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, irina.a.sedakova@gmail.com

Serapionova E. P. – Doctor of History, head of the Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, serapion@hovrino.net

Sinityn F. – Ph.D. in History, Docent, Chair of Social, Legal, and Humanity Studies, State University of Land Use Planning, permcavt@gmail.com

Flavius Solomon – Ph.D. in History, leading research fellow, Institute of History (Jassy), Romanian Academy of Sciences, flavius.solomon@yahoo.de

Stankov N. N. – Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, stankov11@yandex.ru

Stepanov D. Ju. – Ph.D. in History, non-associated researcher, stepanovdmij@mail.ru

Strunina-Borodina N. G. – junior research fellow, Department of Modern History of Slavic Peoples of South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, strun-topolino@yandex.ru

Stykalin A. S. – Ph.D. in History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, zhurslav@mail.ru

Shchavinskaya L. L. – Ph.D. in Letters, senior research fellow, Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, slavia@hotmail.ru

Timofeev A. Yu. – Doctor of History, Docent, University of Belgrade, al.timofev@gmail.com

Vashchenko D. Yu. – Ph.D. in Letters, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, daranis@mail.ru

Vinogradova L. N. – Doctor of Letters, leading research fellow, Department of ethno-linguistics and folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Inv36@yandex.ru

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2017

Издательство «Индрик»

Корректор О.В. Трефилова
Оригинал-макет Ю.Е. Малева

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavyanskij-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
36,0 п. л. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87